Дж. Дональд Уолтерс

ПУТЬ

Автобиография западного йога

«СОФИЯ»
2001

Уолтерс Дж. Д. (Свами Криянанда). Путь.
Автобиография западного йога.
Пер. с англ, под ред. И. Старых — К.: «София», 2001. —480 с.

«Путь» — это увлекательная история поиска Истины. Дж. Дональд Уолтерс (известный также под именем Свами Криянанды) рассказывает о том, как в молодые годы он рассмотрел и отверг многие ложные возможности, предоставляемые современным обществом. Постепенно он понял, что истинное человеческое счастье приходит не от внешнего «успеха», а из углубления духовного осознания. Наконец поиски привели его к одному из духовных гигантов XX века — Парамахамсе Йогананде («Автобиография йога»). За этим последовало духовное обучение под руководством Йогананды. Йогананда показал ему ясный путь к достижению духовных идеалов посредством практики науки глубокой йогической медитации.

Вдохновенные рассказы и повествование об жизни с осознавшим себя мастером ярко обрисовывают философию йоги и соответствующий ей образ жизни.

Будучи близким ученика Мастера, живя только для Бога, Дональд Уолтерс со временем решил ради лучшго распространения принципов и учения Йогананды создать духовную общину и всемирную церковь.

«Путь» — это кладезь практической и вдохновенной мудрости. Те кто ищет ее, ощутит в книге преобразующую силу истинной духовной классики.

copyright © **1996 J. Donald Walters (Swarai Kriyananda)**

ISBN 5-220-00430-1

© «София», 2001

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ..... *8*

СЛОВА ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ..... **II**

ГЛАВА 1. ПИЛИГРИМ ВЫСТРУГИВАЕТ СВОЙ ПОСОХ.....*12*

ГЛАВА 2. ОН ПОКИДАЕТ СВОЙ ДОМ. *16*

ГЛАВА 3. ГРОЗОВЫЕ ТУЧИ..... ....*26*

ГЛАВА 4. ВРЕМЕННЫЙ РАЙ.....*37*

ГЛАВА 5. НАЧИНАЕТСЯ БУРЯ..... *43*

ГЛАВА 6. КАРТОЧНЫЙ ДОМИК ОТДЫХА: «ИГРА В ПОПУЛЯРНОСТЬ»..... **53**

ГЛАВА ***7.*** *БУДЬ ИСКРЕННИМ В СВОЕМ ПОИСКЕ*..... **59**

ГЛАВА 8. ЦЕЛЬ—РАДОСТЬ..... *68*

ГЛАВА 9. ОН СОБИРАЕТСЯ С СИЛАМИ ДЛЯ ВОСХОЖДЕНИЯ.....77

ГЛАВА 10. ЛОВУШКИ ИНТЕЛЛЕКТА..... *89*

ГЛАВА 11. ОКОЛЬНЫЕ ПУТИ..... **95**

ГЛАВА 12. КТО Я—ЧТО ЕСТЬ БОГ?..... *101*

ГЛАВА 13. ПОИСК ПУТЕВОДНЫХ КАРТ..... *115*

ГЛАВА 14. РАДОСТЬ В ТВОЕЙ ДУШЕ..... *120*

ГЛАВА 15. ПУТЕВОДНАЯ КАРТА НАЙДЕНА..... *127*

ГЛАВА 16. ПИЛИГРИМ ВСТРЕЧАЕТ СВОЕГО ПРОВОДНИКА 133

ГЛАВА 17. ПОМЕСТЬЕ МАУНТ-ВАШИНГТОН..... *140*

ГЛАВА 18. ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ.....159

ГЛАВА 19. ПЕРВЫЕ ДНИ НЕОФИТА..... *166*

ГЛАВА 20. ТВЕНТИ-НАЙН-ПАЛМЗ.....177

ГЛАВА 21. ПАРАМАХАМСАЙОГАНАНДА..... 196

ГЛАВА 22. ОТРЕЧЕНИЕ..... *206*

ГЛАВА 23. БОГ ЗАЩИЩАЕТ ПРЕДАВШИХСЯ ЕМУ..... 216
ГЛАВА 24. ИСТИННОЕ УЧЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНО..... 222
ГЛАВА 25. РАБОТА ИЛИ МЕДИТАЦИЯ.....229
ГЛАВА 26. ПАСТЫРСТВО..... 243
ГЛАВА 27. СОНАСТРОЕННОСТЬ..... 253
ГЛАВА 28. ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ..... 263
ГЛАВА 29. САДЫ—МИРСКИЕ И ДУХОВНЫЕ.....275
ГЛАВА 30. БОЖЕСТВЕННОЕ ИСПЫТАНИЕ..... 294
ГЛАВА 31. БХАГАВАД-ГИТА..... 3 1 0
ГЛАВА 32. «ЯЕСМЬ ДУХ»..... 321
ГЛАВА 33. «ИЗНАЧАЛЬНОЕХРИСТИАНСТВО»..... 332
ГЛАВА 34. КРИЙЯ-ЙОГА..... 344
ГЛАВА 35. МОНАХИ..... 352
ГЛАВА 36. ВОЛНА И ОКЕАН..... 364
ГЛАВА 37. ВОСПОМИНАНИЯ..... 382
ГЛАВА 38. ЕГО ПОСЛЕДНИЕ ДНИ..... 399
ГЛАВА 39. ДУХОВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ..... 417
ГЛАВА 40. «НАКОРМИТЕ МОИХ ОВЕЦ»..... 434
ГЛАВА 41. «ОН БУДЕТ ТВОЕЙ СИЛОЙ»..... 446
ГЛАВА 42. МЕНЬШЕ ЗНАЧИТ ЛУЧШЕ..... 460
ПОСЛЕСЛОВИЕ..... 477

Искреннему искателю,
каким бы ни был избранный им путь.

Однажды группа учеников Парамахамсы Йогананды просмотрела вместе с ним фильм о жизни Гьяндева, великого святого средневековой Индии. После этого они собрались, чтобы прослушать разъяснения Мастера по поводу некоторых тонких аспектов этой вдохновляющей истории. Один молодой человек упомянул об ином фильме, рассказывающем о жизни знаменитой святой —Мирабаи, который он несколько лет назад видел в Индии.

«Если бы вы видели тот фильм, — воскликнул он,—то этот фильм вам бы не понравился».

Ж чему такие сравнения?—ответил гуру с укором. —Жизни великих святых демонстрируют разными способами одно и то же —Единого Бога».

ПРЕДИСЛОВИЕ

Джон У. Уайт, Йельский университет,
автор книги «Все, что вы хотите знать о ТМ»,
редактор книг «Наивысшие состояния сознания»,
«Границы сознания», «Что такое медитация»;
помощник редактора журнала «New Realities Magazine».

Тот, кто когда-нибудь переходил от смеха к плачу, к глубокомысленным раздумьям и радостным переживаниям (как было со мной, когда я погрузился в чтение книги «Путь»), знает, что едва ли возможно передать другим весь спектр полученного опыта. Наилучшие слова, которые я могу найти для его описания, — *глубочайшее вдохновение* — все же весьма неточны.

Если кратко, то «Путь»—это история человека, ищущего Бога на пути йоги. Книга повествует о том, как американец по рождению, Дональд Уолтерс, стал сыном Вселенной, Свами Криянандой. Независимо от традиции или пути, по которому идет человек, он может пользоваться книгой как практическим руководством в осознании Бога. «Путь» может быть также полезен любознательным людям, которые пока лишь бессознательно стремятся к духовному развитию.

Катализатором духовного преображения Криянанды был его гуру, широко известный йог Парамахамса Йогананда, автор «Автобиографии Йога». Фактически, можно сказать, что «Путь» с подзаголовком «Автобиография западного йога» повествует не только о Криянанде, но в равной степени и об Йогананде. В действительности эти два человека едины. Одна из наиболее вдохновляющих черт книги Криянанды—самозабвенная преданность гуру, которой она пропитана. И в то же время становится ясно, что Йогананда не хотел от учеников преданности себе. Духовную жажду своих учеников он любовно перенаправлял к Богу.

В этой книге меня также вдохновляет ее глубокая мудрость. Комментарии Криянанды по поводу духовного совершенствования, его простые и четкие объяснения концепций йоги глубоко поучительны. Более того, как настоящий

учитель, он чередует теоретические рассуждения и практические советы с эпизодами из личной жизни и иллюстративными историями, что вызывает у читателя чувство сопричастности. Наконец, он приводит множество ранее не опубликованных высказываний Йогананды, слова которого всегда просветляют.

Другая привлекательная черта Криянанды — отсутствие сентиментальности. Создавая автопортрет, он честно говорит о своих неудачах, личных недостатках, периодах сомнений и уныния, о минутах уступчивости духовной гордыне. Он не пытается романтизировать путь, по которому шел, или преувеличивать трудности, с которыми сталкивался внутри себя и в отношениях с другими людьми.

Я упомянул преданность, честность и мудрость как характеристики книги «Путь». У нее есть и другие, не менее важные достоинства — надличностная любовь и постоянный упор на сонастроенность с Богом как метод решения всех наших проблем. Однако важно отметить, что «Путь» является не только духовной книгой, но и воистину *литературным* произведением. Литературный стиль, в котором Криянанда проявляет себя, достоин изучения писателями в той же степени, как и людьми, ищущими духовного совершенства. Этот стиль изящен, гибок, деликатен и всегда ясен; он — словно эликсир, мощно воздействующий на сознание читателей, даже если речь идет не о духовном, а о светском.

Наконец, важной особенностью этой книги, которую мне особенно хотелось бы подчеркнуть, является планетарный взгляд на общество. Йогананда призывает своих последователей «расширять духовное братство всех народов и способствовать установлению во многих странах самостоятельных поселений всемирного братства для простой жизни и высоких мыслей».

Сегодня община *«Ананда»,* основанная Криянандой и предназначенная для духовного совершенствования людей в соответствии с учением Йогананды, является частью глобальной сети духовных сообществ различных традиций и учений, которые все теснее объединяются, чтобы стать колыбелью нового мира, основанного не на войнах и соперничестве (что было характерно для текущего и прежних столетий), а на видении единства людей.

«Путь» представляет собой хронологическое изложение событий, связанных со становлением общины «Ананда». В связи с этим книга является полезным пособием уже в ином измерении, с которым может соприкоснуться человек, находящийся в состоянии духовного поиска, — в его отношении к обществу вообще. Предлагаемые жизненные решения и учение ПарамахамсьГЙогананды, впоследствии проводимое в жизнь Свами Криянандой, являются еще одной причиной, по которой книгу «Путь» стоит прочитать. На примере Криянанды становится очевидной тесная связь духовной практики с обыденной жизнью.

Книга «Путь» не только вдохновляет, побуждая «идти и действовать соответствующим образом»; она дает также практичные технические рекомендации, необходимые для реализации принципов. Более того, она делает это красиво и просто, в виде словесного воплощения йогических подходов к осознанию Бога. Я верю, что вы найдете эту книгу хорошим подспорьем в своей жизни и что вы, в соответствии с традицией йогов, будете с готовностью и любовью делиться ею с другими, что явится частью вашего служения миру. Это будет единственно правильным откликом на такой вдохновенный труд.

Чешир, Коннектикут
1 июня 1977года

СЛОВА ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

Много людей своим одобрением и поддержкой помогли мне завершить эту книгу. Большинству из них я могу сказать «спасибо» только в этих строках. В особенности мне хотелось бы поблагодарить Маршу Тодд, Ашу Саваж, Ферна Дакки и Кэтлин Старк за их полезные редакционные подсказки; Ашу Саваж — за бесконечные перепечатки рукописи; Марджи Стерн—за ее большую работу при подготовке указателя; Роберта Файта и Бена Девиса за предложенное название; Боба и Джун Моуди — за предоставление в мое распоряжение их квартиры на великолепном побережье Кона на Гавайях в период подготовки к печати первой части этой книги, а Поля, Жана и Шарлотту Вебер за их помощь, которая обеспечила возможность моего пребывания там.

Я хотел бы также выразить мою глубокую признательность сотрудникам издательства «Ананда», которые долго и терпеливо трудились над изданием моей книги: Джорджу Байнхорну, фотография; Алану Гозинку, кинокамера; Джанис Харт и Нэнси Рейнес за композицию и макет, Кейти Моор, набор. За бесконечные читки корректуры рукописи на различных этапах работы я хотел бы высказать слова благодарности Питеру Альтману, Цинтии Брукс, Каролине Эсокбар, Нэнси Эстеп, Аните Миллер, Джулии Биклей, Памеле Пардридж, Патриции Райэн, Сюзанне Симпсон, Сэлли Смоллен, Джиму Ван Кливу и Соне Уиберг.

Без помощи этих многочисленных друзей на издание этой книги потребовались бы многие годы.

Свами Криянанда

Община «Ананда», 3 апреля 1977года

ГЛАВА 1

ПИЛИГРИМ ВЫСТРУГИВАЕТ СВОЙ ПОСОХ

ПОРОЙ БЫВАЕТ ТАК, **что** человек, сам по себе ничем особенно не примеча- ; тельный, встречает на своем жизненном пути экстраординарную личность или переживает событие, которое наполняет его жизнь высоким смыслом. Тридцать лет тому назад, в 1948 году, моя собственная жизнь была ознаменована такой встречей. Именно здесь, в Америке, которая является воплощением судорожной активности, материального прогресса и практичных технологий, я встретил великого, познавшего Бога мастера, чей внутренний взор всегда обращен к вечности. Это был Парамахамса Йогананда. Он родом из Индии, хотя вернее было бы сказать, что его дом — весь мир.

Если бы кто-нибудь до этой встречи попытался внушить мне мысль о том, что в одном человеческом существе такая невероятная мощь и лучащаяся радость может сочетаться с непритворным смирением, то я бы ответил — хотя, возможно, со вздохом сожаления, — что такой уровень совершенства недостижим для человека. И, более того, если бы кто-нибудь при мне высказал мысль о том, что в наш научный век могут происходить божественные чудеса, я бы тут же расхохотался. В те дни я так гордился своей интеллектуальной «мудростью» двадцатого века, что способен был осмеивать даже чудеса, описанные в Библии.

Теперь это позади. Я видел такое, что мои насмешки стали смешны. Теперь по собственному опыту я знаю, что на земле случаются божественные чудеса. И верю, что близится время, когда бесчисленное множество мужчин и женщин больше не будут сомневаться в существовании Бога, как они не сомневаются в наличии воздуха, которым дышат. Для Бога нет смерти. Лишь человек умирает для всего прекрасного в жизни, когда ограничивает себя мирским стяжательством и возвеличивает себя в глазах светского общества, пренебрегая тс>й духовной реальностью, которая лежит в основе всего, чем он действительно является.

Парамахамса Йогананда часто говорш1 о высоком духовном предназначении Америки. Когда я впервые услышал от него такое пророчество, я был изумлен. Америка?! Материализм, гонка соперничества, самодовольство, предвзятое отношение ко всему слишком утонченному и сложному, всему, что невозможно измерить с помощью научных приборов, — вот что я знал об этой

стране. Однако со временем этот великий учитель помог мне осознать, что подспудное стремление к Богу, возможно, не столько присуще нашим интеллектуалам или так называемым «культурным лидерам», сколько живет в сердцах простых людей. В конце концов свободолюбие американцев зародилось столетия назад в поисках религиозной свободы. Их историческое стремление к равенству, добровольному дружескому сотрудничеству отражает принципы, которым учит Библия. Из этих принципов сформировался дух американских пионеров. И когда для нашего народа пали границы на Североамериканском континенте и наши люди начали экспортировать энергию первопроходцев за границу, они понесли с собой этот дух свободы и желания сотрудничества, являя всему человечеству новый благой пример. В этих двух принципах Парамахамса Йогананда видел ключ, с помощью которого человечество сможет подняться еще на одну ступень в своей эволюции.

Он дал нам картину будущего человечества как всемирного братства, в котором все люди на земле будут жить в гармонии и свободе. В качестве первого шага к этому всемирному свершению он призывал людей, способных сделать такой выбор, объединиться, как он говорил, в «поселения всемирного братства»: духовные общины, где люди, живущие и работающие совместно с другими единомышленниками, могли бы прийти к осознанию истинного родства всех людей, как сыновей и дочерей единого Бога.

Судьбой мне было назначено основать такое «поселение всемирного братства». По предвидению Йогананды, в мире со временем возникнут тысячи таких общин.

Поскольку дух первопроходчества основан на принципах, по существу духовных, он не только расширил границы поселений людей, но, особенно в последние десятилетия, начал проникать внутрь человека, расширяя границы его сознания и пробуждая в людях стремление согласовывать свои жизни с истиной и Богом.

Именно идя навстречу этим высоким устремлениям пионеров духа, Парамахамса Йогананда и прибыл в Америку. Он говорил, что американцы были готовы учиться медитации и общению с Богом посредством практики древней науки йоги. Он был направлен на Запад своими великими учителями по указанию одного из виднейших представителей йоги Индии.

В моей собственной жизни и родословной дух первопроходчества (во всех его проявлениях) играл важную роль. Многочисленные предки обеих ветвей

Йога (санскр.) — «связь». Также йога является системой психофизических техник, помогающих человеку достичь осознанного союза с Бесконечным Духом, Богом. Кроме того, йог (тот, кто осуществляет науку йоги) приобретает также способность видеть внутреннее единство всего живого.

моей семьи были типичными пионерами; среди них — проповедники Евангелия и доктора в приграничных территориях. В 1889 году родители суща участвовали в освоении земель Оклахомы. Те предки, которые в освоении новых земель не принимали участия, тоже играли довольно активную роль в развитии Америки. Мэри Тодл, супруга Авраама Линкольна, — моя родственница. Моим родственником является также Роберт Е. Ли, соперник Линкольна в Гражданской войне. Мне приятно сознавать, что, таким образом, я связан с обеими сторонами гращанского конфликта, так как на протяжении всей своей жизни я всегда старался примирять противоречия — искать, как учит индийская философия, ! «единство в многообразии».

Мой отец, Рей П. Уолтерс, родился слишком поздно, чтобы стать пионером в прежнем смысле этого слова. Тем не менее, будучи пионером в сердце, он принял участие в новой волне международной экспансии и кооперации, работая в компании «Эссо» геологом по разведке месторождений нефти за рубежом. Мать, Гертруда Г. Уолтерс, также участвовала в этой новой волне: после окончания колледжа она поехала в Париж, где училась играть на скрипке. Мои родители родились в Оклахоме, однако познакомились в Париже. После свадьбы отец был направлен на работу в Румынию; там они обосновались в Телеаджене, в небольшой англо-американской колонии, примерно в трех километрах от Плоешти. Телеаджен был сценой моего бурного вступления в реальную жизнь.

Мое тело — типичный продукт американского «плавильного тигля». В нем смешаны представители нескольких стран: Англии, Уэльса, Шотландии, Ирландии, Голландии, Франции и Германии. Самая малая из этих стран —Уэльс, дала мне мою фамилию, Уолтерс. Криянанда — монашеское имя, которое я получил только в 1955 году, когда был посвящен в Индии в древний монашеский орден Свами.

Каждый раз рождается новое человеческое тело. Совсем иное дело —душа. Мне кажется, что я пришел в этот мир полностью самим собой. Я выбрал эту конкретную семью, потому что считал, что она соответствует моей природе, и чувствовал, что именно эти родители смогут наилучшим образом обеспечить возможности для моего духовного развития. Будучи благодарен своим родителям за то, что они приняли меня, странника, я чувствую себя менее обязанным им за то, что они сделали меня тем, что я есть. Я описал родителей, их предков и страну, из которой они прибыли, чтобы показать направление, к которому захотел присоединиться для улучшения в чем-то себя и, возможно, других.

Каждый человек в этом мире пилигрим. Он приходит один, идет какое-то время по избранному пути и уходит в одиночестве. У него есть священное предназначение: хотя обычно и не осознаваемое, но всегда смутно ощущаемое. Осознанно или бессознательно, прямо или косвенно, все люди искренне стре-

мятся к Радости — Радости бесконечной, Радости вечной, Радости божественной.

Увы, большинство людей блуждают в этом мире, как странники без карты. Мы воображаем, что святыней Радости является любое место, где поклоняются деньгам, силе, славе или хорошим временам. И только после бесконечных скитаний и разочарований останавливаемся для того, чтобы в молчании осмыслить свою жизнь. И тогда мы обнаруживаем (возможно, это будет шоком), что наша цель никогда не находилась вдали от нас; она *никогда не была дальше, чем наше «я»!*

Путь, которому мы следуем, не имеет четких измерений. Он может быть длинным или коротким и зависит только от чистоты наших намерений. Этот путь описал Христос, когда сказал: «Не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: «вот здесь», или: «вот, там». Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть». Следуя по этому пути, мы все же не идем по нему, ведь цель уже находится внутри нашего естества. Нам нужно лишь востребовать его как свое.

Главная цель данной книги —помочь тебе, читатель, востребовать это право. На этих страницах я надеюсь, среди прочего, помочь тебе избежать некоторых ошибок, которые когда-то допустил в своем поиске. Ведь ошибки могут быть порой так же поучительны, как и успехи.

Я родился в Телеаджене 19 мая 1926 года, примерно в семь часов утра. При крещении в маленькой англиканской церкви Плоешти меня нарекли Джеймсом Дональдом Уолтерсом. По причине обилия Джеймсов в нашей колонии, меня всегда называли Дональдом (мое второе имя), и, таким образом, я был тезкой сводного дяди, Дональда Куорлза, который позднее (при президенте Эйзенхауэре) служил министром ВВС США. Джеймс — также и наше семейное имя. Так звали моего деда по линии матери. Однако в конце концов мне было предназначено судьбой полностью отказаться от традиционных имен моей семьи и принять более высокое духовное имя.

Мама рассказывала мне, что во время беременности ее переполняла какая-то внутренняя радость. «Господи,—не раз молилась она,—этого первого ребенка я отдаю Тебе».

Может, ее благословение принесло плоды не так скоро, как она ожидала. Однако оно постепенно, можно сказать, почти непрестанно, осуществлялось многие годы.

Моя история — это история человека, который делал все возможное, чтобы жить без Бога, но, слава Богу, не преуспел в этом намерении.

*** Лук. 17: 20,21.**

ГЛАВА 2

ОН ПОКИДАЕТ СВОЙ ДОМ

РдДОСТЬ ВСЕГДА БЫЛА моей первой любовью. Я стремился делиться ею с другими.

Все мои самые яркие и ранние воспоминания относились к особому роду радости, которая, казалось бы, имела мало общего с окружающими меня вещами, бывшими, в лучшем случае, лишь ее отражением. Вспоминается томительное ощущение чуда самого пребывания в этом мире. Какова моя роль в нем? Интуитивно я чувствовал, что должна существовать некая более высокая реальность— иной мир, может быть, лучезарный, прекрасный и гармоничный, по сравнению с которым мир видимый представляется местом ссылки. Прекрасные звуки и краски доводили меня почти до экстаза. Иногда я набрасывал на стол цветное одеяло американских индейцев так, что оно свисало до самого пола, залезал внутрь и совершенно упивался светящимися цветовыми тонами. Иногда, глядя в призму широкого ребра зеркала на туалетном столике мамы, я воображал, что живу в мире, раскрашенном в цвета радуги. Часто ночью я видел себя погруженным в какой-то лучезарный внутренний свет, а мое сознание, казалось, распространялось за пределы моего тела.

«Ты всегда жадно стремился к знаниям, не был капризным, с большой готовностью откликался на несчастья других людей, — говорила мне мама и добав- , ляла со смехом: — Я часто читала тебе детские книги. Если герой рассказа попадал в беду, я обычно с жалостью указывала пальцем на картинку. При этом твои губы кривились. “Бедный!”—восклицал ты». Мама (проказница!) находила эту мою реакцию столь забавной, что иногда разыгрывала меня, с печальным видом указывая пальцем на веселую картинку — примитивный трюк, который, как она рассказывает, всегда срабатывал.

С возрастом моя внутренняя радость перерастала в бесконечное упоение жизнью. Телеаджен предоставлял нам немало возможностей проявить изобретательность в играх. Мы находились вдали от мира современных кинофильмов, цирков и других хитроумных удовольствий. Конечно, в то время даже в Америке не было телевидения. Поскольку наш круг общения состоял преимущественно из семей англичан и американцев, мы оставались также в стороне от основного потока румынской культуры. Родители научили нас несколькйм стандартным

англо-американским играм, но большую часть игр мы придумали сами. Наши дворы мы превратили в территории для искателей приключений. Длинная лестница, положенная ребром на снег, становилась самолетом, несущим нас в теплые страны. Большая яблоня со свисающими ветвями выполняла множество полезных функций: была зданием школы, морской шхуной, замком. Мебель в детской комнате, расставленная в разных комбинациях, могла стать испанским галеоном или горной крепостью. Мы прокладывали тайные тропы через ближнее кукурузное поле к тайно зарытому кладу или к надежному убежищу от преследования воинов коварного тирана. Зимой, катаясь на коньках на теннисном корте, который заливался водой под каток, мы всматривались в глубину льда под коньками и легко переносились воображением в иное измерение, богатое удивительными формами и красками.

Я вспоминаю также корабль, который начал было строить, намереваясь пускать его на озере Снагов. Я сколотил гвоздями несколько старых досок, что явило собой неописуемое подобие палубы. Однако лежа ночью в кровати и обдумывая свою работу, в воображении я уже вел мою шхуну по морям.

Оказалось, что я прирожденный лидер, хотя я терял интерес к этой роли, если другие не загорались сразу же моей идеей. Дети в Телеаджене разделяли мои интересы и принимали мое лидерство. Однако по мере того, как я взрослел, я обнаружил, что люди часто считали мое видение вещей несколько странным. Я заметил сначала такое отношение со стороны детей, недавно приехавших в Телеаджен. Привыкшие к обычным детским играм в Англии и Америке, они были озадачены моими предложениями развлечений, требующих более богатого воображения, например, когда мы, скользя на коньках, всматривались в незнакомые и неясные видения в глубине льда. Не желая навязывать свои интересы другим, я в свою очередь не хотел, чтобы мне навязывали что-либо другие. Полагаю, что, возможно, я был нонконформистом не потому, что сознательно стремился к этому, а скорее из-за какой-то неспособности приспосабливаться к нормам других людей. То, что было важным для меня, казалось им неважным, тогда как довольно часто то, что они считали важным, казалось мне непонятным.

Мисс Барбара Хенсон (теперь миссис Элсдейл), бывшая какое-то время нашей гувернанткой, описала мне в недавнем письме, каким она запомнила меня, когда мне было семь лет: «Вы были, конечно, “не как все”, Дон,—“в семье, но не из этой семьи”. Я всегда сознавала, что вы обладали каким-то мистическим свойством, которое выделяло вас среди других, и окружающие также чувствовали это. Вы всегда были наблюдателем с необычно открытым взглядом сине-серых глаз, по которым почему-то трудно судить о вашем возрасте. Спокойно, приводя этим в замешательство других, вы проводили маленькие и смешные опыты над людьми, как бы проверяя свои подозрения относительно чего-то

касающегося их. Чувствовалось, что вы ищете правду во всем, никогда не ограничиваясь уклончивостью или полуправдой».

Кора Бразьер, наша ближайшая соседка, добрая и симпатичная леди, однажды сказала мисс Хенсон: «Я всегда стараюсь быть особенно ласковой с Доном, потому что он не такой, как другие. Мне кажется, что он знает это, и он одинок».

Правда, я осознал это полностью лишь после отъезда из Телеаджена, однако и там меня не покидало какое-то ощущение одиночества. Это чувство в известной степени не было столь сильным благодаря присутствию хороших друзей и благодаря гармоничной жизни дома.

Мои родители горячо любили своих детей. Их взаимная любовь также была примерной и надежно гарантировала нашу эмоциональную безопасность. Никогда в жизни я не видел, чтобы они ссорились или хотя бы выходили из себя.

Мой отец наделен особым даром обращения с детьми. Доюльно сдержанный по натуре, он, тем не менее, обладал и обладает сегодня истинной добротой и чувством юмора, которые дают ему возможность тонко гармонировать с детскими умами. Перед сном он придумывал нам очень веселые истории, которые продолжались из вечера в вечер, часто с дополнениями со стороны его заинтересованных слушателей. Потом, когда мы с братьями готовы были заснуть, он обычно укладывал нас на том или ином краю кровати в зависимости от нашего желания путешествовать во сне в Австралию, в Америку или в какую-либо другую далекую страну.

Он многому научил нас своим примером и словами. Мы учились у него прежде всего благодаря тому, что постоянно видели в нем олицетворение скромности, честности, благородства, доброты и исключительной справедливости. Я бы даже назвал этого спокойного и довольно стеснительного человека великим.

Однако в моих отношениях с ним всегда присутствовал некий элемент печали. Человек естественно надеется найти в своих сыновьях, особенно в первенце, свое полное отражение, а я не был таким. Я серьезно пытался разделять интересы отца, однако в отношении тех или иных вещей его прежде всего интересовало «как», а меня — «почему». Он был ученым, а я, подсознательно, философом. Он старался заинтересовать меня тем, как действуют те или иные устройства. (Я все еще помню нашу пыльную «экспедицию» под дом, где он объяснял нам, мальчикам, как звонит дверной звонок. Я по крайней мере *старался* чувствовать благодарность!) Но меня интересовало только значение вещей. Моя неспособность говорить с ним о том, что вызывало у каждого из нас глубокий интерес, была первым свидетельством того, что его мир, который я считал частью нормального мира, никогда не будет по-настоящему моим.

С мамой мы интуитивно понимали друг друга. Наше общение заключалось в основном не в словах; прежде всего это было общение душ. Она никогда не говорила, что молится за своих детей, но я знаю, что ее молитвы и любовь ко мне были величайшим благодеянием в годы моего становления.

Румыния была все еще феодальным государством. Народ этой страны, одаренный творчески, в остальном был нетороплив и недостаточно эффективен. В деловом двадцатом веке страна являла собой анахронизм. Рабочие могли в течение пятнадцати лет лопатами и кирками пробивать туннель под железнодорожным полотном у главного вокзала столицы. Однажды летом, в стремлении подражать остальному цивилизованному миру в кампании по эффективному использованию светлой части суток, по ошибке чиновников вся нация перевела часы на час *назад*\ Тесты для водителей содержали такие глубокомысленные вопросы, как-то: «Что находится на бампере машины?» (фары, естественно). Несколько лет спустя Индра Деви, известная преподавательница йоги, рассказала мне, что в румынском поезде проводник однажды спросил ее, что это она делает в купе второго класса.

— Разве вы не видите? У меня билет второго класса! — ответила она.

—О, в *Румынии* это не имеет значения! Пожалуйста, идите и садитесь в купе первого класса, где едут все.

Невнимание к тонкостям современной коммерции и производительности труда казалось естественным для страны, которая вдохновляла на мысли о музыке и поэзии. Румыния была одной из самых пленительно красивых стран, которые мне когда-либо приходилось видеть: земля плодородных равнин и парящих вершин, пестро одетых крестьян и музыкально одаренных цыган, телег с сеном на оживленных магистралях, соперничающих в поисках дорожного пространства с автомашинами, хихиканья голых детишек, веселых песен и смеха. Часто по вечерам за пределами нашей колонии мы могли слышать говор, пение или игру на скрипке цыган: печальные, чисто звучащие мелодии народа, навсегда изгнанного из своей настоящей родины, Индии. Эти цыгане были моим первым контактом с утонченно-субъективными настроениями Востока—настроениями, которые, как мне предстояло понять, нашли свое отражение во многих аспектах жизни Румынии. На протяжении столетий Румыния находилась под властью турок Сегодня эта гордая, развивающаяся западная нация все еще сохраняет что-то от ауры мистического Востока.

Румыния была королевством. Летний дом короля Карла II находился примерно в шестидесяти километрах к северо-западу от нас, в Синайе — красивой горной резиденции среди Трансильванских Альп. Я никогда не видел его, хотя

Автор книг ♦Вечно молодой», ♦Всегда здоровый» и др.

мы и проводили каникулы в Синайе и в других причудливых городах и деревнях того района: Баштени, Предиле, Тимише, Брашове. Зимой мы часто катались на лыжах; летом — совершали длительные прогулки пешком, переходили вброд милые сердцу приветливые ручьи или плавали в них, играли на благоухающих лугах. Много раз эти походы в горы предпринимались с целью укрепить мое слабое здоровье. Я был худ, как карандаш, и меня всегда осаждали многие загадочные болезни. Моим любимым местом отдыха был Тимиш. Там мы всегда останавливались в небольшой гостинице, которую содержала немка, фрау Вейди; ее муж держал пчел, которые приносили самый лучший мед из тех, что мне доводилось пробовать.

В шестидесяти километрах к югу от Телеаджена находилась столица Румынии, Бухарест. Чистый, современный город возникал как пророческий сон в умах нации, все еще спящей в средневековье. Но Плоешти первые девять лет моей жизни оставался для меня Большим Городом: не очень привлекательное переплетение грязных улиц и примитивных строений. У меня сохранилось лишь несколько воспоминаний: визит к торговцу бакалейными товарами Жикулеску; воскресные службы в англиканской церкви и очень редкие посещения кинотеатра, где шли большей частью фильмы Уолта Диснея и комедии с Лорелом и Харди в главных ролях, которых румыны ласково именовали Стэн и Брэн.

Церковь была центром маминой набожности. В этой сфере ее жизни папа играл роль равнодушного наблюдателя. Правда, он уважал религиозные наклонности мамы, более или менее регулярно ходил с ней в церковь, но я никогда не замечал, чтобы литургия сколько-нибудь занимала его внимание. Его собственная концепция реальности была более абстрактной. Я думаю, что ничто не вдохновляло его так, как размышления о долгих зонах геологического времени. Мысль о Боге, восседающем где-то на небесном троне и ниспосылающем блага конкретным группам прихожан, казалась ему, я подозреваю, отчасти варварской.

Моя собственная позиция лежала где-то между этими двумя подходами — набожностью и абстракцией. Так же как и папу, меня не очень привлекали церковные богослужения. Гимны представлялись мне довольно скучными и печальными. Священника я считал хорошим человеком, но определенно без вдохновения свыше. Я находил ритуалы полезными, однако если не считать этого бледного признания, они не имели для меня большого значения. Я хотел бы сказать, что по крайней мере жизнь Иисуса произвела на меня сильное впечатление. Сегодня она меня действительно впечатляет. Но тогда я воспринимал его жизнь через фильтр дремучего традиционализма, лишенного непосредственности. Я уверен, что не смог описать свои чувства в то время, но думаю, что

в наших церковных службах мне больше всего недоставало любви и радости. Этими качествами обладала моя мама. Меня больше всего впечатляло и трогало не ее понимание религии, а то, как она жила в ней.

Как и папе, мне было трудно поверить в Бога, который любит каждое человеческое существо персонально. Когда я представлял себе огромность Вселенной, мне казалось очевидным, что Бог безличен. «Как тогда, —думал я,—может Он с достаточным интересом слушать нас, смертных, когда мы молимся?» Лишь спустя много лет в учениях Индии я нашел способ согласования внешне противоречивых понятий о личном и о безличном Боге. Бесконечный Дух, как позднее объяснял мне с удивительной простотой мой гуру, безличен в своей необозримости, но в то же время личен в сотворении каждого живого существа. Иными словами, бесконечность содержит в себе как бесконечно малую, так и бесконечно большую величину.

Мне было трудно обращаться к Богу как к конкретному лицу, но я всегда чувствовал, что реальность должна быть духовной и иметь некое высокое значение и высокую цель. Я вспоминаю давний разговор с папой. В то время мне было около шести лет-, мы стояли на веранде нашего дома в Телеаджене, наблюдая игру птиц в ветвях большой яблони.

—За сотни миллионов лет, — говорил папа,—со времен сотворения мира, каждый вид живых существ, за исключением птиц, по очереди был хозяином этой планеты. Первыми хозяевами были рыбы, потом — насекомые, потом — рептилии, сегодня — человек, который является представителем класса млекопитающих. Может быть, через миллионы лет человек тоже будет оттеснен в сторону, а птицы, в свою очередь, станут хозяевами Земли.

Сколь привлекательной казалась мне эта картина бесконечной перспективы времени! Но тут же во мне зародилось сомнение: неужели во всем этом нет никакого смысла? А жизнь — это всего лишь процесс бесконечных изменений, и существа различных видов приходят к «власти» лишь потому, что пришла их очередь? Наверняка должна быть какая-то более высокая цель — возможно, скрытая от нас, но божественная.

Мой пытливый ум, должно быть, был изрядной пыткой для моих родителей. Мама, находясь в Италии в 1933 году, писала мисс Хенсон: «Скажи, пожалуйста, мальчикам, что я велю им вести себя хорошо и это поможет им и мне хорошо провести время. (Я уверена, что Дональд найдет слабое место в этом аргументе, но ты все же попытайся!)».

К счастью для меня, мама и папа никогда не отбивали у меня охоту задавать вопросы. Однажды, когда мне было пять лет, я стоял в ванной и наблюдал, как папа бреется. Я пытался разрешить одну из величайших загадок детства.- как же

Санта Клаус может посетить каждый дом на земле в одну ночь? Наконец меня осенило: «Папа, ведь к нам приходит не настоящий Санта Клаус?»

Папа, будучи слишком честным, чтобы настаивать на обратном, но в то же время очень уважающим сладкие мифы детства, чтобы согласиться со мной, уклонился от прямого ответа. Я прекрасно его понял. Я сразу решил, что будет куда лучше продолжать верить в Санта Клауса. В таком смысле я верю в него и сегодня.

Мифы составляют важную часть нашей жизни. Как это ни парадоксально, они также важны для поиска человеком реальности, поскольку помогают придать мышлению гибкость, необходимую для поиска новых решений старых проблем.

Мифы играли большую роль (правда!) в моем образовании. Я любил греческую мифологию, приключения короля Артура и его рыцарей Круглого стола, легенды о Робин Гуде, Питере Пэне, сказки братьев Гримм, истории из Ветхого Завета — все это мифы, в которых в конце концов побеждают добродетель, смелость и благородство. Жизненный опыт не всегда может подтвердить справедливость таких нравоучений, однако умудренные опытом мужчины и женщины всегда настаивали на том, что справедливость в конечном счете торжествует, даже если срок расплаты уходит далеко за горизонт нынешнего понимания человека.*«Ятю дхарма, тато джая»*— сказано в Священных Писаниях Индии («Где справедливость — там и победа»). Действительность может быть необычнее вымысла, однако часто вымысел в более глубоком смысле бывает правдивее, чем действительность. Я думаю, достойно сожаления то обстоятельство, что в современной системе образования так мало внимания уделяется изучению древних мифов. Мифы значительно обогатили мое собственное развитие.

Кроме того, культура Румынии, по сравнению с культурой прагматичной Америки, больше способствовала развитию искусства рассказа легенд. В детстве мы с братьями имели возможность время от времени сравнивать эти две страны. Кащые три или четыре года папа получал трехмесячный отпуск для поездки в Америку. При этом все расходы оплачивала фирма. Мое первое путешествие туда произошло, когда мне было всего шесть месяцев от роду; затем — когда мне было три года, семь, десять и тринадцать лет. Лишь после того, как мне исполнилось тринадцать лет, мы обосновались в Америке.

Я помню мое изумление в возрасте трех лет, когда по прибытии в Лондон я обнаружил, что официанты, водители такси, просто люди на улицах — все говорят по-английски! Раньше я считал, что по-английски говорят только мои родители и их друзья. Няни, конечно, говорили по-немецки, и не было ли законом жизни, что почти все другие люди говорили по-румынски? Полагаю что, распределяя таким образом эти языки, я мог не путать их—возможно, это

было еще одним примером высокой ценности процесса создания мифов. Однажды мама обратилась ко мне на румынском, и я ответил оторопело: «Мама, не говори со мной так!»

Глядя на Америку отчасти румынскими глазами, я делал открытия, которые вступали порой в конфликт с моей гордостью за свое американское происхождение. Я до глубины души любил Америку. Я обожал ее деятельную энергию и испытывал благоговейный трепет перед ее стремлением опираться во всяком деле прежде всего на чувство здравого смысла. Американцы, которых я знал, казалось, совершенно точно знали, что нужно делать в любой ситуации. Я обожал их также за доброту, когда они выкраивали какое-то время в непрерывной и неуемной деятельности на то, чтобы быть добрыми. Однако с другой стороны, меня часто озадачивало то, как обычному разговору они придавали какое-то якобы «важное значение». Я заметил это у нескольких американцев в Телеаджене, особенно среди вновь прибывших. В Америке даже дети, казалось, всегда старались показать, какие они уже взрослые, какие умные и важные. Казалось, что им надоело оставаться детьми. Я удивлялся, почему так важно быть важным?

По сравнению с Америкой, Румыния маленькая страна. Обладая духом независимости, ее народ все же имеет не такое высокое самомнение. Американцы, со своими четырьмя миллионами квадратных миль территории, куда чаще становятся жертвами мысли о собственной важности — искушения, которое, по-видимому, сопровождает величие как наций, обществ, так и отдельных личностей.

Во время каникул в Америке мы наносили визиты многочисленным родственникам. В моих детских воспоминаниях осталась Мать Элла, моя бабушка по матери, которая умерла, когда я был еще юношей. Я хорошо помню ее милую улыбку, излучающую любовь, которая делала ее почти святой. Родители отца, которые прожили дольше, тоже были простыми и добрыми людьми. Именно в этих родственниках и во многих других таких же людях я заметил первые проблески особого духовного гения Америки: детскую невинность и простоту, склонность видеть хорошее в других людях, любовь к свободе, смягченную стремлением жить в гармонии с людьми и с Богом.

Дедушка познакомил меня с еще одной чертой американского характера: тенденцией шутливо придавать преувеличенное значение маловажным действиям и событиям, делая вид, что за ними стоят более важные дела. Эта черта иногда приводит к недоразумениям.

Однажды в Тулсе папа заплатил небольшой штраф за нарушение правил дорожного движения, после чего дедушка с серьезным видом сказал мне «Кажется, на этот раз твой папа избежал тюрьмы». Я понял его буквально. Несколько

дней спустя мы обедали в переполненном ресторане. Как это порой случается при скоплении людей, без особой причины, все в зале замолчали, — то есть все, кроме юного Дональда.

—Папочка!—закричал я,—расскажи нам о том, как ты сбежал из тюрьмы!

На мгновенье все замерли. Потом разразились хохотом. «Почему же, — удивлялся я,—так страшно покраснел папа?»

Поездки в Америку и обратно, должно быть, были тяжелым испытанием для моих бедных родителей. Нас было три брата. Самый младший, Дик, еще не дорос до того, чтобы принимать участие в нашем братском соперничестве, но мы с Бобом были примерно одного возраста и, если не участвовали вместе в какой-то проказе (например, однажды вывели из себя путешествующего принца и его свиту, разбросав в беспорядке их обувь, выставленную в коридор для чистки), часто боролись друг с другом, чтобы дать выход избытку энергии.

Боб родился через полтора года после меня, но вскоре догнал меня по росту, а потом и перегнал. Он почти без колебаний бросал вызов моему старшинству, а я не имел ни малейшего намерения уступать. Мы отличались друг от друга и по темпераменту. Боб был импульсивным, вспыльчивым, неравнодушным к популярности и к демонстрации своих чувств. Я был во многих отношениях его противоположностью: сдержанным, довольно застенчивым, мечтательным, вечно сомневающимся. Однажды Боб убрал с дороги гусеницу, нежно приговаривая: “Туда, туда, бедный маленький червячок! Я перенесу тебя в сторонку, чтобы никто не мог наступить на тебя”. И тут же весело побежал прочь, совершенно забыв об этом происшествии. Если бы мне пришлось спасти таким образом гусеницу, я размышлял бы над этим случаем несколько дней, пытаясь понять, по чьей воле определенные виды существ совершенно беззащитны и почему именно это конкретное насекомое из миллионов получило помощь. Боюсь, что рядом с Бобом я порой чувствовал себя довольно неуклюжим. Видимо, и ему от этого бывало неловко. Мне думается, что его дух соперничества подпитывался подсознательным порицанием меня за то, что я был не такой, как все. Однако несмотря на все это, нам все же удавалось оставаться хорошими друзьями. И всегда перед лицом остального мира мы хранили братскую солидарность, особенно когда одному из нас грозила опасность.

Борьба, я полагаю, является неизбежной частью процесса роста и физического развития, особенно это касается мальчиков. Я помню, что и на мою долю выпадало участвовать в мальчишеских драках, но не припомню случая, чтобы я был зачинщиком. (В этом отношении я не был похож на моего двоюродного брата Эда, который в полной мере и в наступательной манере использовал свой природный дар—сильное тело. «Эдди, — увещевала его однажды мать, — разве ты не знаешь, что, когда другой мальчик ударит тебя, ты не должен давать ему

сдачи?» «О, нет, мама, — возразил Эд с полной уверенностью в своей правоте, — я никогда не даю сдачи. Я всегда бью первым!»

И хотя я сам никогда не «бил первым», но, если мне казалось важным показать другим или себе, что я не трус, я не подставлял другую щеку. В моей памяти всплывают несколько драк, которые и сегодня не вызывают ни малейшего раскаяния, потому что помогли мне извлечь полезный урок.

Именно в ходе одной драки я впервые узнал кое-что о человеческом непостоянстве. В то время мне было семь или восемь лет. Элвин, крупный мальчик, приехавший с родителями в Телеаджен, решил навязать нашей группе свое лидерство. К счастью, Браун не имел особого значения для «динамики» нашей группы. Я знал, что друзья поддерживали меня из любви, а не из страха. Но когда Элвин бросил мне вызов, его победа казалась столь неизбежной, что большинство детей, опасаясь последствий, перешли на его сторону. Единственным исключением был Боб. Я, взбешенный непостоянством своих бывших сторонников, решил преподать им достойный урок, победив Элвина.

Это была долгая, даже отчасти кровавая битва. Каждое восклицание в поддержку Элвина только прибавляло мне сил. Постепенно силы моего соперника пошли на убыль. Когда стало очевидным, что я могу одержать верх, дети один за другим начали вместе с Бобом подбадривать меня. Наконец отвага Элвина полностью иссякла. К этому времени все с энтузиазмом перешли на мою сторону.

Однако победа в тот день имела для меня привкус горечи. Я знал, что мои друзья в действительности всегда желали мне победы. Но я понял также, сколь ненадежна поддержка собратьев по жизни.

Воистину мудр тот, кто понимает, *что лишь* дружба с Господом не обманет.

Разочарование — хороший учитель; оно помогает нам сделать первые робкие шаги из детства к зрелости. Ведь мир часто не в ладу с нашими желаниями. Признаком зрелости является готовность учитывать более широкие реалии, чем собственные. То, как мы реагируем на разочарование, определяет, будет ли наше развитие опускаться к горечи и цинизму или подниматься к терпимости и мудрости.

ГЛАВА 3

ГРОЗОВЫЕ ТУЧИ

ЭТО БЫЛО ЛЕТОМ 1935 ГОДА. Тогда мне исполнилось девять лет. Я проводил каникулы в причудливой горной деревне близ Баштени. Было счастливое время веселых игр, пикников на зеленых лужайках и беззаботного смеха.

Однажды после полудня я вошел в свою комнату, чтобы почитать книгу. Сидя на стуле, я внезапно почувствовал головокружение. Я лег на постель, но и в таком положении мне казалось, что комната вращалась. Я слабо позвал на помощь, но никто не пришел. Наконец, собрав все свои силы, я добрался до двери, прислонился к стене и вновь позвал на помощь. На этот раз меня услышали.

Быстро вызвали доктора. Крупная, громкоголосая, слишком самоуверенная женщина очевидно решила проверить, не аппендицит ли у меня. (Тычок в живот. «Здесь больно?» Еще тычок. «А как здесь?») Через несколько минут такой диагностики у меня заболело все. Наконец, вероятно решив, что совершенно бесполезно таким образом массировать всю поверхность моего живота, она отказалась от этой затеи.

Я чуть было не умер в этой маленькой деревне. И хотя я выжил, с этой болезнью для меня умер тот счастливый мир, который я знал в первые девять лет моей жизни. Все, что я «ясно» помню о возвращении домой в Телеаджен, -- это продолжительные периоды бреда: я видел папу, читающего мне «Гекльберри Финна» Марка Твена, и пьяные припадки отца Хакка, который приходил ко мне ночью в ужасающем наряде.

—Я не хочу быть пьяницей! — кричал я, сражаясь с бредом. —Я не хочу быть пьяницей!

Наконец, я стал ассоциировать «любое» необычное состояние ума с бредом. Расширение души, которое до этого времени часто проявлялось у меня ночью, теперь наполняло меня невыразимым ужасом. Из-за этого страха я начал сознательно подражать нормальному поведению окружающих. На протяжении большей части десятилетия меня угнетали чувства неуверенности и сомнения, поэтому я страстно стремился доказать себе любым путем, что я не ненормальный.

Доктор Стройи, педиатр из Бухареста, наконец диагностировал мое заболевание как колит. Он запретил мне есть все молочное и назначил успокаивающую диету из отварных продуктов, что почти полностью лишило меня всякого инте-

реса к пище. Когда я достаточно оправился после болезни, родители решили отправить меня в Швейцарию, которая славится своим здоровым климатом. Доктор Уинтроп Хейнс, мой крестный, рекомендовал небольшой англо-швейцарский пансион, в Чезьере—горной деревне во Французской Швейцарии, где одно время учились его собственные сыновья. Эта школа была названа, возможно, несколько претенциозно *«VAvenir»* («Будущее»).

Мое пребывание здесь на протяжении долгих восемнадцати месяцев было довольно унылым. Когда меня привезли в школу, мне исполнилось всего девять лет. Я никогда прежде не жил вдали от семьи и не владел французским (язык, на котором обычно говорили в школе). Большую часть времени пребывания в этой школе я скучал по дому. Все время меня осаждали разные, довольно серьезные болезни, причиной которых был колит.

Школу «Лявенир» содержали доброжелательные супруги мистер и миссис Джон Гемпшир. Мистер Гемпшир был англичанином, а его жена, которую мы, дети, называли ласковым именем Танте Би (Тетя Беатрис), — франко-швейцаркой. Ученики являли собой смешанное сборище швейцарцев, англичан, американцев (я), итальянцев и французов.

Несмотря на мою удрученность, пребывание в школе имело свои хорошие стороны. Школа находилась в удивительно красивом месте. На противоположной стороне долины вырисовывались контуры знаменитых Альп, Ле Дан дю Миди. Зимой мы каждый день катались на лыжах. В теплое время года часто прогуливались цветущими пастбищами и тихими рощами, столь характерными для Швейцарии. Я даже сегодня вспоминаю стада коров, проходящих мимо нашей сельской школы ранним утром; их колокольчики мелодично позванивали.

Наконец я тоже научился говорить по-французски, и мне стало легче осваивать непривычные условия жизни. Учителя, которые теперь могли общаться со мной, все больше меня любили. (Взрослые были растроганы главным образом тем, что я обращался с ними как с «людьми».) Даже наш невозмутимый учитель немец, которому я казался просто тупым, поскольку не говорил по-французски, в конце концов растаял.

Моя продолжительная болезнь совпала по времени с развивающейся политической болезнью Европы. В Вене, где мы с мамой останавливались на пути в Швейцарию, друзья предупредили нас, чтобы мы не критиковали нацистскую Германию. Это было допустимо только в безопасных местах и только шепотом. В то время Австрия еще не была аннексирована, но повсюду можно было видеть марширующих нацистских офицеров, провоцирующих людей нацистским приветствием «Хайль Гитлер!» («Хай», — отвечал я, небрежно помахивая рукой.) Собирались грозовые тучи. В этом хвастовстве задир и хулиганов видно было

высокомерие людей, вообразивших, что они безнаказанны. А повсюду в сердцах мирных людей нарастал страх.

В школе «Лявенир» учился и мальчик-итальянец. Он был на голову выше многих из нас и хвастун. Гидо старался снискать наше расположение, громко смеясь по всякому поводу и без повода. Но он был задирой, и никто не любил его. К тому же он был ярым сторонником итальянского диктатора Муссолини (довольно естественно, принимая во внимание его грубость). Нам никогда не позволялось забывать о «славной» победе его страны над бедной и отсталой Абиссинией.

Маленькие зубцы на большом колесе! Но эти малые зубцы обеспечивают вращение колеса. Отдельные хулиганы, каждый из которых сам по себе ничего не представляет, сбившись вместе на исторической сцене, вообразили, что сама судьба наделила их властью изменить мир. Для них то был звездный час. Такова сила массовой истерии, которая быстро охватила многих, прежде миролюбивых граждан, которые стали маршировать повсюду и вести себя как маленькие диктаторы.

Один из наших австрийских друзей в Телеаджене, довольно симпатичный, первый раз приехав туда, тоже схватил лихорадку заносчивости. С той поры любой нормальный разговор с ним стал невозможным; все его разглагольствования представляли собой непрерывный поток хвастовства: «Мы Немцы!», и казалось, вот-вот начнется поход, чтобы покорить всех людей и их собак.

Я думаю, главной слабостью этого человека было то, что у него просто не хватало чувства юмора. Я никогда не встречал хулигана, обладавшего чувством юмора. Я не имею в виду, что они не могут смеяться *над* людьми; это они делают довольно охотно. Дело в том, что они не умеют смеяться *вместе* с другими. Конечно, было очень заметно отсутствие юмора среди тех, кто поддался болезни нацизма.

Я порой удивляюсь тому, насколько существенную роль отсутствие чувства юмора играет в законах развития тирании. Кажется, что первыми к тирании приходят хулиганы — садисты, люди умственно неполноценные, мстительные и преступные. Потом, по мере распространения духа высокомерия, в этот поток вливаются люди с добрыми намерениями, но почти лишенные чувства юмора. Наконец в этот поток вливаются люди с благими намерениями, но глупые. **В** этот момент всякому человеку с нормальной системой ценностей остается только спасаться бегством, уходить в подполье либо хранить полное молчание перед лицом повального сумасшествия. Либо — он может смеяться.

Однажды вечером, в Германии, известный актер-комик вышел на сцену перед большой аудиторией. Щелкнув каблуками, он высоко над головой вскинул

правую руку. Несколько человек в зале вскочили на ноги и ответили нацистским приветствием.

— Вчера моя собака подпрыгнула вот настолько, — сказал комик.

Этот человек знал о вероятных последствиях смелого жеста, но его чувство юмора перед лицом вероятной опасности обижало тот неукротимый человеческий дух, перед которым в конце концов должна была спасовать тирания.

Летом 1936 года по пути в Америку мы проезжали через Германию. Незнакомца, занимавшего вместе с Бобом купе в поезде, на германской границе арестовало гестапо. Возможно, он был евреем или, может быть, как тысячи других, просто пытался бежать от деспотизма. Хотя в то время мы были еще детьми, мы догадывались о вероятном исходе этого ареста: тюрьма, а потом — смерть.

В Румынии у меня одно время была гувернантка, которая, как и наш друг в Телеаджене, являлась австрийской нацисткой. Так же как и он, она была полностью лишена чувства юмора. В отсутствие наших родителей мисс Анни постоянно убеждала нас в том, что Япония ни в коем случае не проиграет войну против Америки, поскольку она никогда не терпела ни одного поржения за всю свою историю. А немецкому народу, тем более в союзе с японцами и итальянцами, самой судьбой уготовано управлять всем миром. И нас нисколько не удивило, когда стало известно, что мисс Анни одержима клептоманией.

Однако когда бы мы ни проезжали через Германию, все люди, которые нам встречались, оказывались исключительно добрыми и гостеприимными, всегда готовыми оказать посильное содействие. Неужели и *эти* люди были нацистами? Некоторые, я думаю, были; в конце концов самый отъявленный хулиган все же дитя Бога и не может не отржать в какой-то степени Божью Добродетель. Я думаю, что большинство из них были просто нормальными, хорошими людьми, которых увлекло половодье национальной трагедии. Мы, думается, любили их дже больше за их печальную участь. Какая страна могла бы честно сказать:*«Наш* народ никогда не падет столь низко»?

Меня глубоко волновало положение Европы. «Почему, — размышлял я, — люди не могут научиться жить в гармонии друг с другом? Что такое есть в человеческой натуре, что побуждает искать и дже почти *требовать* трагедии?»

Возможно, мои мрачные размышления усугублялись собственным несчастьем. Однажды я стоял на балконе нашей сельской школы. Мистер Гемпшир застал меня там в слезах.

—Что с тобой? — ласково спросил он.

—Я тоскую по дому! — всхлипнул я.

Он был так добр, что в тот же день написал письмо моим родителям. Вскоре было решено, что мне следует возвратиться домой.

Во время моего пребывания в Швейцарии моего отца перевели в Бухарест. Наше новое жилище находилось на окраине города, на улице Капитана Димитриади, № 10. Здесь я получил полугодовую передышку от формального обучения. В то время моей домашней наставницей была мисс Анни.

Всю зиму 1936—37 гг. мое здоровье продолжало внушать опасения. Временами боль усиливалась, но еще четче я помню слезы в глазах матери, которая, любя меня, страдала вместе со мной.

Порой, когда я чувствовал себя сносно, я играл в футбол с соседскими детьми на заброшенном поле. С нами играл мальчик из трущобы за бульваром Буштени. Его родители были так бедны, что в зимнее время не могли позволить себе купить оконные стекла и поэтому оконные проемы заделывали газетами. Я очень сочувствовал ему, часто приводил к нам в дом и давал ему вволю забавляться моими игрушками. Я был его другом. И он, как я думал, тоже был моим другом.

Однажды он и несколько соседских мальчиков преподали мне суровый урок Прикинувшись товарищами, они позвали меня во двор соседнего дома. За мной тихо закрылась калитка; кто-то запер ее. Потом, к моему удивлению, они прислонили меня к забору и начали бить ногами по футбольному мячу, стараясь попасть в меня. Очевидно, они тренировали мужество для атаки.

Я спокойно стоял и ждал, когда мяч подлетал слишком близко ко мне, отбивал его, демонстрируя свою полную невозмутимость. Прошло несколько минут. Наконец ребятам разонравилось это послеобеденное развлечение. Калитка была открыта, и мне позволили покинуть двор невредимым.

Хотя мне и не причинили физической боли, мне казалось, что мое сердце разорвется. Вернувшись домой, я неутешно плакал. «Почему, — спрашивал **я** маму сквозь слезы, — мой «лучший» друг и другие хорошие товарищи так растоптали мою любовь к ним?» Для меня слабым утешением была мысль о том, что военная истерия к тому времени сделала Румынию подозрительной ко всем иностранцам.

Как ни болезненно было это испытание, оно послужило мне отличным уроком. Я понял, что недостаточно просто делать другим добро, даже с любовью. Мало не унижать их в их собственных глазах, нужно дать им возможность ответить тем же.

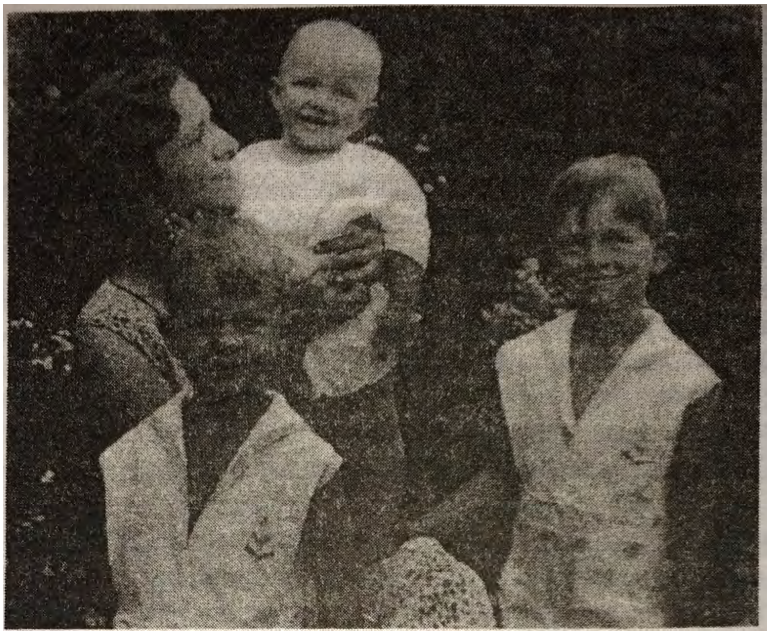
Мое пребывание в Швейцарии, которое освобождало Боба от ограничивающего присутствия старшего брата, не заставляло его скучать по мне в этом новом состоянии свободы. С тех пор он радостно утверждал, что все важные события в семье произошли «когда ты был в Швейцарии».

Жизнь вдали от дома оказала какое-то влияние и на меня. Нравилось мне или нет, но теперь меня меньше тянуло к дому, по которому я совсем недавно так

тосковал. Бог постепенно приучал меня не зависеть от земной защищенности. Моя болезнь и связанная с ней жизнь в далекой стране, мое растущее чувство одиночества—все это, думаю, было необходимо лишь для того, чтобы помочь осознать, что мой настоящий дом не здесь, на земле, а в Нем.

Конечно же, такова вечная истина для всех людей: Бог есть наша реальность. Быстро или медленно, Он неотвратимо ведет нас тем или иным путем к пониманию этой божественной истины.

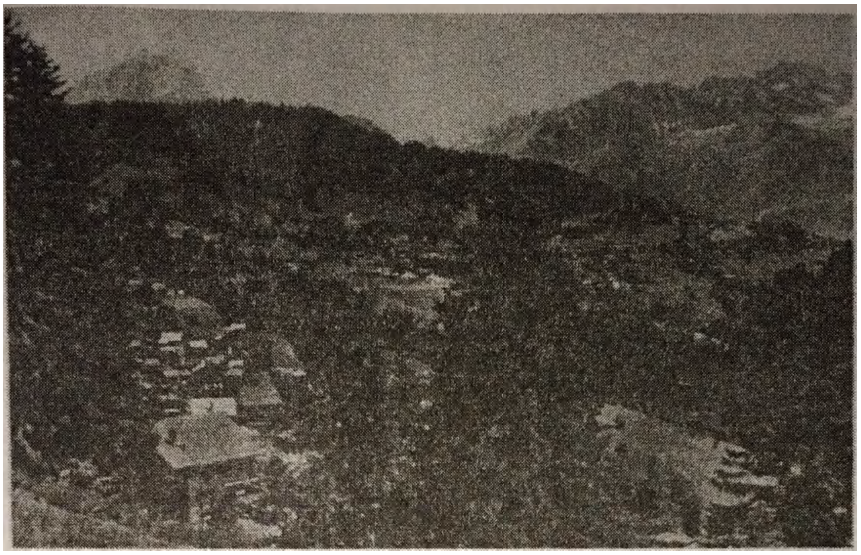
Размышляя так, я вспомнил вопрос, который однажды задал гуру мой собрат по ученичеству: «Сойду ли я когда-нибудь с духовного пути?» «Как же ты сможешь это сделать? — ответил учитель.—Все люди в мире идут по этой стезе».

Моя мама, мои братья Дик и Боб и я (справа). Если в то время Дику был год, то мне — пять лет.

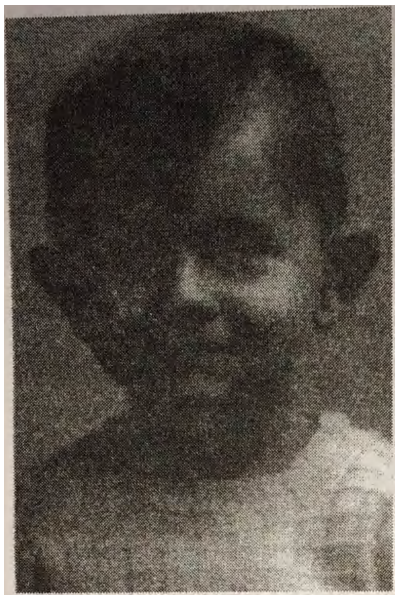
Мои родители, Рей и Гертруда Уолтерс, в Телеаджене (Румыния) через несколько дней после того, как я появился на свет. Май 1926.

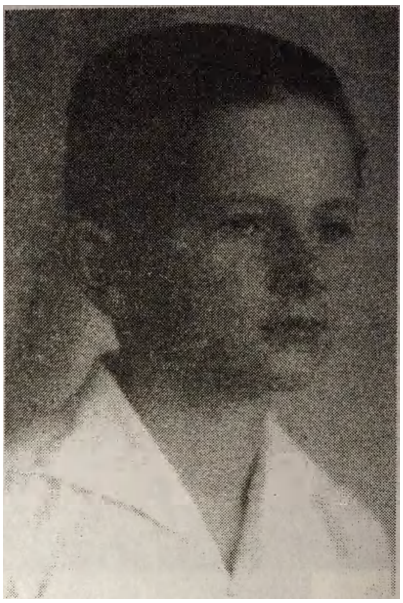
Чезьер, Швейцария, где я посещал школу в 1935 и 1936 годах

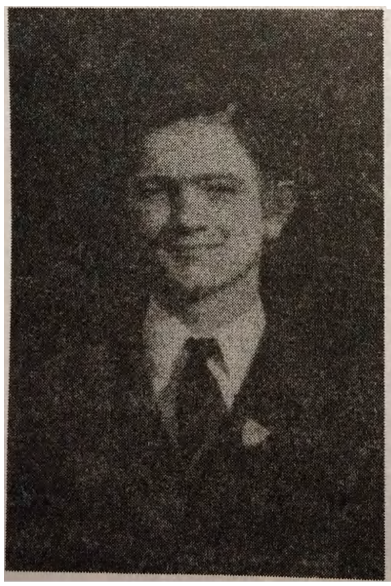
С товарищами по школе «Лявенир» в Швейцарии. Зимой катание на лыжах было нашим любимым занятием. Я стою третьим справа.

Я в возрасте четырех лет...

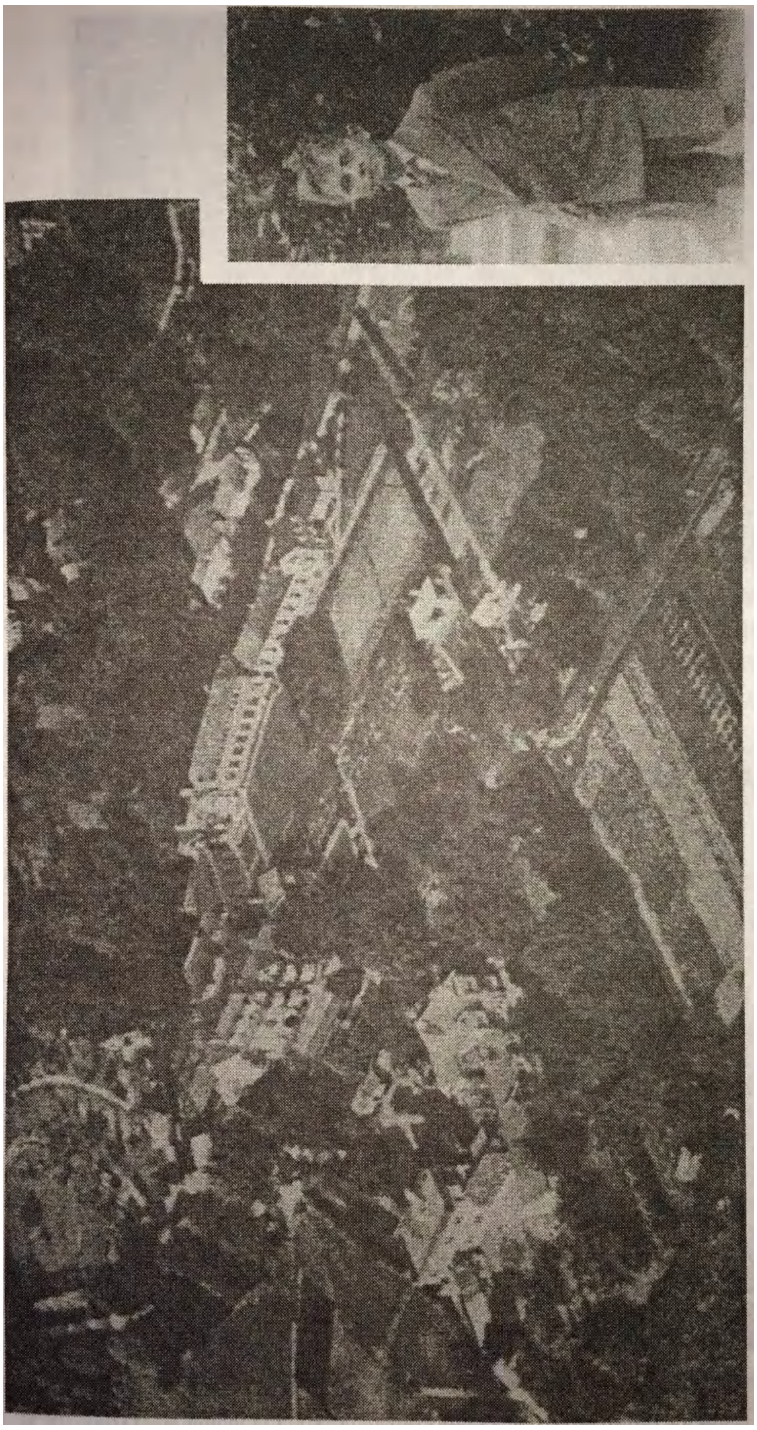
десяти лет в Бухаресте,

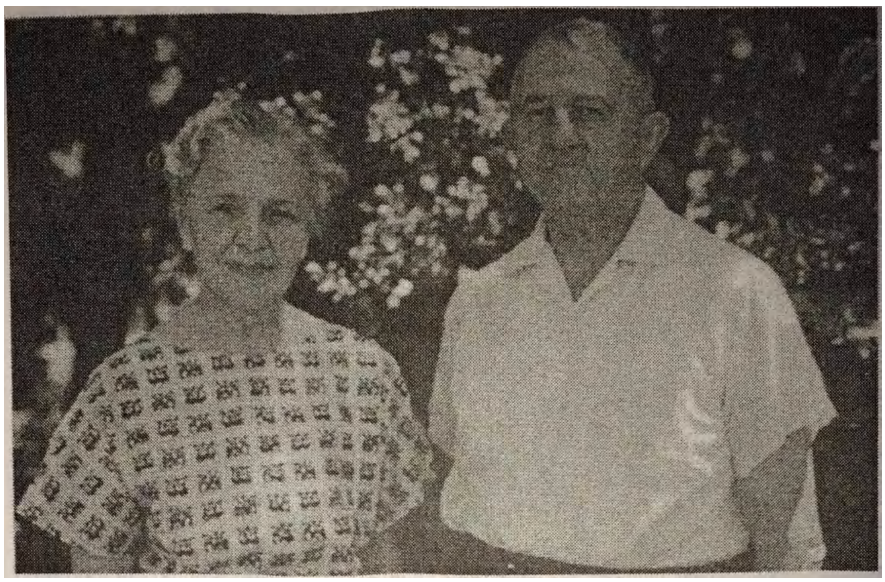
...пятнадцати лет,

...девятнадцати лет.

Школа «Даунс» в Колуэлле, Англия, где я учился с 1937 по 1939 год. Сегодня эта школа выглядит точно так же, как и сорок лет назад. На вставке—я во время обучения в школе «Даунс».

Фотография моих родителей в 1976 году рядом с их домом в Атертоне, Калифорния.

Типичная деревенская сценка в Румынии того времени, когда я жил там.

ГЛАВА 4

ВРЕМЕННЫЙ РАЙ

ВЕРОЯТНО, БОЖЕСТВЕННЫЙ ЛОВЕЦ решил, что эту бедную рыбу лучше тащить не слишком энергично, чтобы она не оборвала леску. Во всяком случае, процесс вытягивания меня из маленького пруда мирской защищенности становился порой довольно приятным. За шесть месяцев жизни в Бухаресте мое здоровье в значительной степени окрепло. Мне было уже одиннадцать лет, и родители страстно хотели, чтобы я продолжил обучение.

Нам очень хвалили Квакерскую школу для мальчиков в Англии. Уютно расположенная среди холмов Малверна, близ деревни Колуэлл, школа «Даунс» была окружена зеленеющими, холмистыми лугами и узкими сельскими дорогами, извивающимися между подстриженными, очень английскими изгородями. Строения были красивыми, а земли — просторными. Я уже смирился с мыслью жить вдали от дома, которая всего несколько месяцев назад изводила меня. Эта школа казалась мне более привлекательным местом для жизни «в изгнании», чем большинство других.

Англичане наделены множеством удивительных свойств: благородством, верностью, чувством долга, честностью. Однако поскольку здесь речь идет о хронике моих духовных поисков, я не могу игнорировать то, что мне представляется пробелом в их национальном характере: столь полная вера в привычное, что почти не остается способности верить в исключительное. Нечто подобное проглядывает в религиозном духе англичан, которые пытаются даже Иисуса Христа представить в образе истинного английского джентльмена, а пророков Ветхого Завета готовы обратить в члены какого-то клуба, которые порой пишут письма в газету «Таймс», протестуя против прискорбного недостатка хороших манер у некоторых своих соотечественников. Будь то прихожане англиканской церкви или какой-то секты, англичане как бы аккуратно подстригают (словно изгородь) и подравнивают свою религию, чтобы сохранить прежде всего социальные ценности. Я имею в виду не тех немногих смелых и свободомыслящих, а преэде всего основное большинство, которое в своей вере скорее захлопывает, нежели распахивает окна в бесконечность.

Хотелось бы надеяться, что я ошибаюсь. Во всяком случае, за два года моего пребывания в «Даунсе» я помню лишь одно религиозное событие, которое случилось вечером, когда отец одного из учащихся, англиканский священник, читал проповедь. Тело этого человека, почти совсем круглое, было увенчано лицом, опасно напоминавшим свиную морду: я сказал—опасно, потому что его свиное обличье в сочетании с невероятным чувством собственного достоинства вызывало у меня и у приятеля, стоявшего рядом со мной, неудержимые приступы веселости. Все, что я четко помню сегодня, —как сквозь слезы я видел «свинью», описывающую огромный круг руками. «И весь мир...» — с чувством выкрикивал он. Этот жест так идеально рисовал его шарообразную фигуру, что нами овладевал новый приступ веселья. Позади нас был ряд профессорско-преподавательского состава, однако к моему удивлению, никто из них не пытался одернуть нас Вероятно, они тоже с трудом сдерживались, чтобы не расхохотаться.

Школа «Даунс» была лучшей из тех, которые мне приходилось посещать. Преподавание религии там, возможно, не отличалось глубиной, но в прочих отношениях учителя знали, как пробудить лучшие качества учащихся. Формированию характера в английской системе образования уделяется значительно больше внимания, чем в американской. **В** школе «Даунс» особое значение придавалось вопросам чести, справедливости, правдивости и ответственности. Ложь считалась недостойной. Однажды мальчик украл шесть пенсов и конфетку из шкафчика другого ученика, и это происшествие так шокировало всех, что его исключили из школы.

В спортивных играх, хотя мы и стремились победить, учитель говорил нам, что важен не результат, а сам процесс игры. После матчей по регби с другой школой члены обеих команд обедали вместе, соперничество забывалось и завязывалась новая дружба. Я иногда размышлял, что было бы, если бы в Америке члены соперничающих команд сели вместе обедать после игры. Подозреваю, что при нашем национальном неумеренном стремлении к победе могло бы произойти все, что угодно.

Однажды, в наказание за пустячный проступок, нашей группе было велено пробежать несколько миль по окрестным сельским дорогам. Никто не проверял, не лежим ли мы вместо бега где-нибудь под деревом. Старший учитель Хойланд никогда не сомневался в том, что мы сдержим данное ему слово.

В другой раз в виде наказания за какой-то проступок мне было запрещено три раза удовлетворить свое желание искупаться. Доверие, которое подразумевалось при этих обстоятельствах, помогло мне вести себя соответственно, хотя должен признать, что в один из таких дней шел дождь, и я в любом случае купаться не пошел бы.

Стоит ли говорить, что идеализм не всегда одерживал победу над главными человеческими слабостями, а пристойность поведения — над природной необузданностью отрочества. Однако в целом достижения английской системы школьного образования поизвели на меня большое впечатление.

В школе «Даунс» были и собственные новшества: например, два типа оценок Одна из них ставилась греческими буквами и означала уровень нашего усвоения предметов; другая оценка ставилась красками и свидетельствовала о том, насколько прилежно мы изучали эти предметы. Нам казалось, что по сравнению с буквами эти яркие цветные оценки действительно стоили того, чтобы постараться их получить.

По средам после полудня было время наших хобби. Нам разрешалось самим выбирать занятия (с одобрения преподавателя), для которых были выделены квалифицированные руководители. В первый год моего пребывания в школе я изучал скульптуру; в следующем году—живопись. На третий год группа школьников проявила интерес к изучению астрономии — достаточный, чтобы получить одобрение. А мне, как выяснилось позже, не суждено было учиться в этой школе третий год.

Кроме скульптуры и рисования, я учился играть на пианино, а также пел в хоре. Хормейстером была пухлощекая, серьезная, однако добродушная леди. Взмахивая своей дирижерской палочкой, она обычно близоруко всматривалась в нас. С величайшей серьезностью она учила нас петь:

Бах и Гендель, как известно,
Давно в земле обрели свое место;
Оба родились в 1685,
Но что они еще живы — всем понятно.

Если эта песенка и не соответствовала музыкальным нормам, которые прославляла, то мы, во всяком случае, были согласны с чувствами, которые она выражала. Ведь мы любили классическую музыку. До самого нашего переезда в Америку мне редко доводилось слышать популярную музыку. Мои родители и их друзья иногда устраивали вечеринки и танцевали под пластинки, однако для нас, мальчишек, это были просто «глупости взрослых». Я помню, как мы тряслись от смеха, когда я воспроизводил перед братьями слышанную в Англии песню «Мой дорогой мистер Шейн» в исполнении сестер Эндрю, с их экстравагантным французским акцентом. В школе Даунс, за исключением, может быть, старших мальчиков, обычно предпочитали классическую музыку. Это было совершенно ненадуманно; мы просто любили ее.

Очень многие люди относятся к классике как к чему-то, что можно проглотить только поморщившись и запив водой. Но если бы вкусы детей не трансфор-

мировались под влиянием сексуально взрослеющих старших мальчиков, то, думаю, большинство из них могли бы со временем стать любителями великой музыки.

Жизнь в Англии открыла мне и другой тип звуков: британский акцент. Не скажу, чтобы это было новостью для меня. Многие наши друзья в Румынии были англичанами. Однако там мы встречались на нейтральной территории. Здесь же только я был иностранцем. Попав в такое невыгодное положение, я упорно работал над тем, чтобы не быть «белой вороной». Когда я вернулся домой на первые каникулы, я уже свободно произносил «пе-Oh» и «shahn't»,—к великому ужасу моих родителей.

Сначала я неловко пытался прикрывать свою застенчивость деланной шутливостью. Мальчик по имени Рэндел решил, что в моем поведении недостает истинного достоинства, необходимого для учащегося школы «Даунс». Когда я парировал его нагоняй очередной шуткой, он так разозлился, что предложил мне драться. Рэндел был признанным лидером нашего класса и привык к тому, что ему подчинялись.

Разногласия в школе не полагалось разрешать на месте. Чтобы выиграть время для возможного примирения, по установленному правилу необходимо было сделать формальный вызов, после которого в гимнастическом зале организовывался матч по боксу в присутствии секундантов и судьи.

Я принял вызов Рэндела. Был назначен день матча. Шли дни, а Рэндел не замечал у меня ни малейшего признака страха, и его отношение ко мне менялось.

«Давай будем друзьями», — предложил он однажды. Я заверил его, что, по моему мнению, мы никогда и не были врагами. Со временем наша дружба окрепла и стала одним из самых счастливых чувств, которые я когда-либо испытывал.

Рэндел был добродушен, высоко интеллигентен, чувствителен, но в то же время практичен и исключительно серьезен во всем, что делал. Дружба с ним открыла мне дверь к признанию со стороны других мальчиков. Я внес в их среду более свободное душевное состояние — например, способность смеяться над собой. Наш учитель латыни, мистер Дейз, внушительного вида мужчина, в котором мне удалось разглядеть грубовато-добродушный характер, писал мне много лет спустя: «Ваш класс, возможно, не был самым блестящим из тех, что мне довелось вести, но он был, несомненно, самым счастливым».

Шли дни учебы, товарищества и занятий спортом. Будучи хорошим бегуном, я играл фланговым защитником (которому приходится много бегать) в нескольких встречах по регби с другими школами. Однако крикет я считал простой потерей времени в солнечные дни. На практических занятиях, которые были

обязательными, я обычно лежал на краю поля и спокойно ждал, когда кто-нибудь крикнет: «Уолтерс, вставай! Мяч летит к тебе!»

Иногда шли «войны» между классами — веселые, без ожесточения. Один класс «брал на абордаж» другой, врываясь порой через окна, если их не успевали своевременно запереть. Бои в школе «Даунс», даже те, что возникали в гневе, как правило, лишь закаляли дух дружбы. Такого результата, к своему удивлению, я никогда не встречал позднее в школах Америки.

Однако в то время, когда мы весело дрались и соперничали в классных комнатах и на игровых площадках, в Европе разворачивался другой, более опасный конфликт. Неумолимое приближение Второй мировой войны омрачало дни нашего пребывания в школе и не покидало наши мысли. Мы сознавали, что многие из нас, возможно, будут участвовать в следующей войне и многие, вероятно, будут убиты.

Гордость англичанина велика. Один из мальчиков, прикрывающий лозунгами патриотизма свой дурной характер, крикнул мне однажды: «Грязный иностранец!» Я уже привык ко второй части этой роли и поэтому не чувствовал себя серьезно оскорбленным. «Если я грязный иностранец, —ответил я улыбаясь, — то ты, вероятно, грязный англичанин». Разъяренный мальчик бросился на меня. Но я оказался сильнее и поэтому сдерживал его, пока он не устал выкрикивать проклятья и не остыл. Позднее я рассказал об этом случае Рэнделу и одному или двум другим друзьям и был удручен глубиной их патриотических настроений. Сначала они добродушно смеялись, никому из них не нравился этот мальчик, и все они любили меня. Однако смех постепенно утихал, когда я дошел до того места, где сказал: «Может быть, ты грязный англичанин». Их симпатия вернулась ко мне, лишь когда я уверил, что это был вопрос о том, как давно этот мальчик мылся.

Премьер-министр Англии, сэр Нэвиль Чемберлен, приезжал в Германию в 1938 году и возвратился с обнадеживающим заявлением: «Наше время будет мирным». В прессе много писали о радостной новости, но я думаю, что люди не верили в это. Во всяком случае в школе все получили противогазы. По пути в Румынию с Роем Редгрейвом, сыном одного из друзей нашей семьи, мы громко пели английский национальный гимн на улицах Нюрнберга, чувствуя себя очень смелыми, хотя я не думаю, что гестапо было слишком напугано парой тощих английских школьников. Однако то, что делают дет, отражает настроение старших. По всей Европе распространялся дух вызова и неповиновения, и возникновение открытого конфликта было лишь делом времени.

Два года пребывания в Англии дали мне многое, за что я должен быть благодарен. Дружба, которую я нашел там, время, которое мы так весело проводили, — все это оставило счастливые воспоминания. Хотя обстоятельства не

позволили мне вернуться в Англию на третий, последний год учебы, однако на вторую половину этого года мистер Хойленд назначил меня старостой класса. Мои приобретения проявились не только в форме воспоминаний. Я получил также много стоящих уроков, особенно касающихся корректности или некорректности поведения в различных ситуациях. Такая наука обрамляет важный духовный принцип. Как подчеркивал позднее мой гуру, недостаточно руководствоваться высокими идеалами: человек должен также «учиться вести себя». Это значит, что он должен знать, как на его уровне правильно относиться к каждому проявлению действительности.

Нелегко достигнуть баланса между внешними и внутренними аспектами жизни. Два года жизни в Англии помогли мне в этом. В какой-то степени именно поэтому Англия всегда занимала достойное место в моем сердце. Мое уважение к лучшим чертам ее народа столь велико, дружеские связи, которые сформировались там, были столь добрыми, что, думаю, я всегда буду оставаться отчасти англичанином.

ГЛАВА 5

НАЧИНАЕТСЯ БУРЯ

ОСЕНЬ 1939 ГОДА. За пятнадцать лет работы в Румынии папа стал ведущим геологом компании «Эссо» в Европе. Теперь его переводят в югославский город Загреб, где он станет управляющим компании «Эссо» по геологоразведке. Наши вещи упакованы, сданы на хранение в Бухаресте и готовы к отправке. Папа арендовал квартиру в Гааге, в Голландии, на улице Кенигинеграхт. Там мы провели наши пасхальные каникулы. (Приятные воспоминания о колоритных улицах, акрах тюльпанов и улыбчивом, дружелюбном народе!)

Пришло лето, а с ним и новая поездка в Америку. Мы мирно провели каникулы среди родственников в Огайо и Оклахоме. Август был почти на исходе, наступило время нашего возвращения в Европу. В Талсе мы сели на поезд, следовавший до Нью-Йорка.

Как только мы ступили на платформу вокзала в Чикаго, нас будто мощной океанской волной придавил газетный заголовок; «ВОЙНА!» Гитлер вторгся в Польшу. Надежды на мир разбились о скалы ненависти и националистической алчности. Возвращаться на раздираемый войной континент было неразумно. Папу перевели в правление «Эссо» в нью-йоркский Центр Рокфеллера. Осталось только переадресовать в Америку наши вещи, уже упакованные и готовые к отправке в Загреб.

В конце концов мы обосновались в пригороде Нью-Йорка—Скарсдейле, на Брайт-авеню 90, район Фоксмедоу. На предстоящие девять лет это место должно было стать моим домом, или, скорее, очередным пунктом моих постоянных переездов.

Когда я был еще мал, родители записали меня в школу «Кент» города Кента, штат Коннектикут. Это была церковная школа для мальчиков, которой руководили монахи епископальной церкви. Однако в том году мне еще рано было поступать в «Кент», поэтому меня сначала устроили в школу «Хэккли»—школу для мальчиков близ Территауна, штат Нью-Йорк.

И теперь Божественный Ловец вновь решительно стал выбирать свою леску. Оглядываясь назад через все эти годы, я все полнее и глубже испытываю искреннее чувство благодарности Богу за его неизменное и повседневное руковод-

ство мною. А в то время, боюсь, благодарность не входила в число преобладающих во мне чувств.

1

За месяц до этих событий я был весь в ожидании возвращения в школу «Даунс», где надеялся провести последний счастливый год учебы в кругу хороших друзей. Теперь я вдруг ощутил себя тринадцатилетним, самым младшим по возрасту мальчиком в самом начальном классе средней школы. Единственное, что мне было здесь знакомо,—вечный статус «иностранца», статус, который для родившегося американцем, вернувшегося на жительство в собственную страну, представлялся особенно удручающим.

Даже мой акцент (теперь английский) отделял меня от всех. Но если в Англии мой американский акцент служил иногда поводом не более чем к добродушной улыбке, то здесь английское произношение вызывало злые насмешки. Мне потребовался целый год, чтобы вновь научиться говорить «по-американски».

Никогда прежде я не слышал непристойного слова. Здесь, в школе «Хэккли», меня знакомили с совершенно новым лексиконом, о котором я прежде не имел почти никакого представления. Если прежде джаз был только развлечением, то здесь он был настоящим культом. Раньше мы никогда не говорили о сексе. Здесь же это было навязчивой идеей. Агрессивное поведение, грубость, равнодушие к другим как утверждение собственной независимости, — все это казалось здесь нормой поведения. Школьная «мудрость» включала такой ценный совет, как «молчание — золото и полезно для здоровья».

Тот факт, что я как раз вступал в пору половой зрелости, существенно осложнял проблему адаптации. На самом деле я не видел особой причины для того, чтобы приспосабливаться. Скорее я был склонен создать оборону в пределах моей психики, словно за стенами осажденного средневекового города. Один или два мальчика относились ко мне дружелюбно, но для других я был ненужным импортом, захламляющим американскую землю без всякой необходимости и даже нахально — учитывая безусловную ценность местной продукции.

В соседней комнате жил пятнадцатилетний мальчик по имени Томми. Он весил больше центнера, а во мне было всего пятьдесят три килограмма. Он был задирой. Мои «английские манеры» он воспринимал как оскорбление славы Америки. Очень скоро, неудовлетворенный лишь высказыванием своего неодобрения, он перешел к открытым угрозам.

Я не уверен, что он был в своем уме. Однажды, проснувшись утром, я увидел, что он целится в мое окно из пневматического пистолета. Едва я успел спрятаться за письменным столом, как пуля с глухим стуком ударилась в него с противоположной стороны.

На мой взгляд, Томми возмущало во мне не только оскорбляюще неамериканское поведение, но и то, что я не желал признать свою очевидную «неполно-

ценность» и не раболепствовал перед ним. Позднее в тотже день во время ленча он сел рядом со мной, чтобы удобнее было высказывать мне свои мнения Шока мы были заняты едой, он критиковал мою внешность, мою лексику, мои манеры за(етолом. («Разве тебе, деревня, неизвестно, что сут|надо черпать ложкой с дальнего края тарелки?») Я не обращал на него внимания. Наконец он пробурчал: «Ну, парень, я тебя все-таки достану!»

Я знал, что он выполнит свою угрозу. Вернувшись в свою комнату после ленча, я придвинул шкаф к двери (в ней не было замка). Вскоре, выкрикивая угрозы, прибежал Томми. Он погрохал по ручке двери, потом навалился на дверь всем корпусом, продолжая с нарастающей яростью запугивать меня страшными угрозами. Наконец ему удалось протиснуться в полуоткрытую дверь; он ворвался в комнату как разъяренный бык и начал избивать меня с таким неукротимым бешенством, что, казалось, хотел убить.

«Я выкину тебя из окна!» — вновь и вновь грозил он, задыхаясь (мы были на четвертом этаже). **В** процессе избиения он умерял силу своего голоса, чтобы не привлечь внимание других. Однако ярость его шепота выражала большую ненависть, чем злой крик.

Что я мог сделать? **Я** был слаб по сравнению с ним. Я лежал неподвижно на кровати, лицом вниз, ожидая, когда он выдохнется. «Почему ты не кричал, не звал на помощь?» — спрашивал на другой день один из моих друзей. «Потому что я не боялся».

■Любопытно, что я принял избиение со стороны Томми спокойно, и мое отношение к нему так и не изменилось. Таким образом я не дал ему другого оружия против себя. Обычно люди считают физическую победу окончательной. Но ведь настоящая победа — победа духа. Победитель может быть повержен силой духа, с которым ничего нельзя сделать с помощью физичесюодредств.

С этого дня Томми надолго оставил меня в покое. |

Итеперь он уже не задирал меня, но моя жизнь в школе «Хэккли* не. стала счастливей^ Я искал покоя в комнате музыки, где часами занимался на пианино. То, что я был несчастлив, впервые пробудило во мне желание религиозной жизни. Я думала что, может быть, стану миссионером. Несколько неуверенно я поделился моим стремлением с кузиной Бетти, когда мы были дома у моих родителей в Скарсдейле. Она ужаснулась.

■—Только не миссионером, Дон! Так много можно совершить и в этом мире. Не хочешь ли ты похоронить себя на каком-нибудь необитаемом острове?!

■Сила ее реакции пошатнула мое еще довольно неустойчивое стремление. ;;1Сто, в конце концов, я в знаю о призвании миссионера? Во всяким случае, сомнение всегда было моим личным адом.

После года учебы в школе «Хэккли» пришло время моего поступления в «Кент».

«Кент» представляет собой подготовительную школу старейших университетов Новой Англии, особо престижную в образовательном и социальном плане. Я прибыл в «Кент» с большими надеждами. Но скоро я понял, что интересы мальчиков здесь не очень отличались от интересов ребят в «Хэккли»; добавился только настрой, в котором ведущую роль играло высокомерие в форме призывов: «Все для Бога, страны и нашей школьной команды». Наставники ожидали от своих подопечных принятия всех социальных норм, симпатий и антипатий, свойственных «правильным» людям, и гордости за профессионализм во всех «правильных» делах, особенно тех, что относились к сексу и выпивке. Горе тому незадачливому юноше, который танцевал под другую музыку. Смеяться громче всех, отпускать самые грязные шутки, просто шумно проводить время и широко улыбаться каждому встречному («О, привет, Дон!»), пытаясь понравиться другим. Все это были знамена успеха. Подчинение этим правилам позволяло достигнуть высшей награды: популярности. Непокорность обрекала на неодобрение и презрение.

Из собственного опыта я знал, что обладаю способностью находить друзей. Но что мне было делать, если, как ни старался, я просто не мог разделять энтузиазма моих товарищей по учебе? Дело было не в том, чтобы воспринимать новые реалии на их уровне, как это было в Англии. Там по крайней мере уважают принципы. Здесь же принципов не было —только эгоизм, самовлюбленность и собственные интересы. Я был бы в состоянии завоевать прочную позицию, если бы мог выкрикивать, хвастаться и высмеивать других. Будучи по природе несколько застенчив, я не хотел высказывать мои мысли, если чувствовал, что они будут отвергнуты.

Поэтому я становился очень замкнутым, несчастным, убежденным в том, что моя жизнь с самого начала обречена на неудачу. Среда, которая требовала абсолютного конформизма, и неспособность примириться с ней—все это вело к грустным размышлениям. Постепенно и другим становилось очевидно то, что мне было ясно давно: я был одним из тех обреченных существ, которых человеческая раса всегда производит в ограниченном числе и для которых характерны дисгармония с обществом, постоянное замешательство, — неполноценным существом.

И все же в глубине души я знал, что это суждение было ошибочным.

Я делал все, что мог, чтобы вписаться в жизнь школы. Я писал заметки в школьную газету о событиях спортивной жизни, писал с вдохновением. Но уже две первые статьи охладили мой пыл. Мой юмор на священную тему спорта был воспринят как проявление богохульства. Редактор сначала весело улыбнулся, но

затем умиротворил свою совесть тем, что воздержался принимать от меня новые опусы. Я пытался принимать участие в диспутах, но скоро обнаружил, что не мог выступать в защиту идей, в которые искренне не верил. Я вступил во французский клуб, однако члены клуба в основном были такими же одинокими изгоями, как и я. Я играл в футбол, занимался греблей и пел в хоре.

Ничего не помогало. В дружбе, которую мне удалось завязать с несколькими ребятами, ощущался какой-то привкус стыда, молчаливого понимания того, что это было товарищество неудачников.

Временами я просто боялся уходить из комнаты, заполненной мальчиками, поскольку мое отсутствие давало бы им возможность позлословить на мой счет. Мои опасения имели под собой основание: когда я оставался в комнате, то слышал, какие нелестные комплименты они отпускали по адресу менее популярных мальчиков, которые в тот момент отсутствовали. Однажды, проходя мимо группы мальчиков по лестнице, ведущей в общую спальню, я слышал, как один из них, явно не считаясь с тем, слышу ли я его, произнес с ироническим смехом: «Ну что за унылый чурбан!»

Хуже всего было то, что я не находил достаточных аргументов для возражения.

В это скорбное время, так же как и в «Хэккли», единственным моим утешением могла быть вера. В конце концов, «Кент» — церковная школа; во всяком случае большинство мальчиков там были в известной степени верующими; я не помню, чтобы кто-нибудь из них ворчал по поводу обязательного посещения богослужений в церкви. Однако религия в «Кенте» производила такое впечатление, будто ее хранили в формальдегиде. За исключением одного довольно веселого и престарелого брата, который не вел занятий и который, боюсь, был несколько глуповатым, монахи казались унылыми людьми, лишенными вдохновения, неспособными вдохновить своими призывами к Богу. Церковные службы были обременены сознанием того, что их посещают лишь потому, что они совершаются. Религия в «Кенте» побуждала меня обращаться за утешением и благословением куда угодно, только не к Богу.

Очень скоро я начал искать осуществления этих надежд, погружаясь в миры Джеймса Фенимора Купера, сэра Вальтера Скотта, Китса, Шелли, Шоу и других великих писателей.

В четырнадцать летя начал писать собственный роман. В моих сюжетах явно чувствовалось влияние Купера: семья первых поселенцев, живущая на одинокой ферме в Оклахоме, подвергалась нападению краснокожих. Только двум мальчикам удалось избежать резни: они убежали во время поднявшейся суматохи. Именно в этом месте повествования я искренне советовал читателю не думать плохо об индейцах: «Поскольку белые угнетали их с тех пор, как появились на

этом континенте, отобрали у них охотничьи угодья и превратили в города и другие зоны цивилизации... Не следует также осуждать методы скальпирования, так как это было обычаем среди индейцев (так и написал!), и хотя это может показаться жестоким и отвратительным, несомненно то, что некоторые ваши деяния столь же, если не более, предосудительны».

Те два мальчика убежали в ближайший лес. Их преследовали индейцы. В глубине леса они наткнулись на крутую скалу, влезли на высокий уступ и решили отдохнуть там в надежде, что за ними никто не следит. Через несколько минут один из них случайно глянул вниз с выступа и «отпрянул в изумлении: менее чем в пяти футах под ним был индеец; за ним лезли еще трое; двое последних были с ружьями, а остальные, для большего проворства, без ружей. Тут же ближайший из индейцев, услышав посторонний шорох, произнес слово, которое могло соответствовать нашему «черт!». Они, видимо, рассчитывали на внезапность». (Как я смеялся над этим восклицанием опешившего индейца!)

Мальчикам ничего не оставалось делать, как скрыться в ближайшей пещере. Все ниже и ниже спускались они под землю. Наконец, к их изумлению, они оказались в другом мире, неописуемо прекрасном под лучами яркого солнца. Здесь в идеальном братстве счастливо жили вместе индейцы и белые. Отсюда и заглавие романа: «Счастливые охотничьи угодья».

Во всем этом, конечно, нашло выражение простое стремление уйти от действительности. Кроме того, это было отражением чувства, которое, думается, возникает время от времени у многих людей на протяжении их жизни: глубокая внутренняя уверенность в том, что их настоящий дом находится где-то в ином месте, что они принадлежат небу и что сегодняшний мир—всего лишь полигон для испытания души. Как сказал Иисус: «Никто не восходил на небо, как только сшедший с небес». Это, конечно, родилось не в результате размышления, а как глубокие астральные воспоминания, которые были затуманены более свежими мирскими переживаниями.

Несчастья и страдания необходимы для раскрытия души. Без них нас могут вполне удовлетворять мелкие свершения. Хуже того, мы можем остаться довольными собой . Мои личные переживания в школе «Кент» подтолкнули меня к размышлениям о страданиях всего человечества. «Можно ли вообще сделать что-то, — думал я, — для улучшения участи человеческого рода?»

Несомненно, если бы люди искренне приняли друг друга как равных, то они стали бы много счастливее. Я старательно разрабатывал систему государствен-

*** Иоан. 3:13.**

**** +Ибо ты говоришь: «я богат, разбогател, и ни в чем не имею нужды*; а не знаешь, что ты несчастен и жалок, и нищ, и слеп, и наг. Советую тебе купить у меня золото, огнем очищенное... и глазной мазью помажь глаза твои, чтобы видеть» (Откровение 3:17,18).**

ного управления, при которой ни один человек не владел бы личной собственностью; все должно быть общим. Не думаю, что тогда это осознавал, но мои идеи в некоторых аспектах походили на те, что проповедовались, но едва ли применялись на практике, современными коммунистами. Однако по мере того, как я все глубже вникал в существо дела, я все яснее представлял, что большинство людей не способно добровольно мириться с отсутствием в жизни какой-либо личной собственности. Немногие люди (может быть, монахи) могли бы безразлично относиться к отсутствию у них собственности, однако навязывание такого мировоззрения всему человечеству было бы сродни тирании. Диктатура, даже во имя общего благосостояния, принесла бы больше зла, чем пользы.

В то время я писал одноактную пьесу, озаглавленную «Мирный договор», с подзаголовком «Каждый за себя». В ней речь шла о пещерных людях, вождях племен, которые собрались после войны, чтобы определить условия мира. Один из них, как все мечтатели, опережавшие свое время, выдвинул идею, которая, как он утверщал, могла гарантировать вечный мир. Его план предусматривал великодушие и благородство в межнациональном сотрудничестве разных племен, которое должно прийти на смену превалировавшему до сих пор межплеменному соперничеству и эгоизму. Другие вожди, казалось, были в восторге от его плана. Но вскоре выяснилось, что они его совсем не поняли, поскольку, когда дело дошло до жертв, которые каждый из них должен принести для обеспечения мира, каждый внес несколько «минимальных» поправок к предложенному плану, чтобы получить для себя как можно больше уступок Наконец договор был отвергнут, поскольку вожди затеяли склоку о том, какую часть добычи каждый из них будет брать себе.

В конце пьесы герой произносил монолог: «Если бы Бог существовал, разве Он допустил бы все это ?.. И тем не менее Он, безусловно, существует! Разве могла бы жизнь прийти на Землю, если бы Его не было! А! Теперь я все понимаю. Да, Бог есть, но Он хочет, чтобы человечество жило в трудных условиях, поскольку лишь при таких обстоятельствах человек способен доказать, что он действительно достоин Царства Божьего». Бог любит нас, заключил я, но хочет, чтобы человек заслужил Его благодеяния, поскольку без победы над алчностью даже сам рай станет новым полем битвы. Человек, писал я, совершенствуется не внешне, а только в себе ежом. Пьеса оканчивалась шумом и крикжи за сценой; затем следовали выстрелы, канонада, взрывы и наконец—взрыв самой мощной бомбы. И наступала полная тишина.

Суровая реальность человеческой жадности была кжнем преткновения, о который разбивались все мои мечты о политических методах спасения человечества. В возрасте пятнадцати лет я начал писать другой роман — о человеке, который предвидел падение современной цивилизации и решил сделать все

возможное, чтобы сохранить ее самые конструктивные элементы. Он удалился в пустыню и построил утопическое общество. Его сподвижниками были специалисты в различных областях знаний, мужчины и женщины, которые понимали, что экспертиза должна опираться на мудрость и любовь, а не только на знания. Эта маленькая община поддерживала горение факела цивилизации, в то время как остальная часть человечества, ведя бесконечные войны, вернулась в пещеры. И эта маленькая группа людей возвратилась к другим землянам, чтобы те смогли освоить лучший, созидательный образ жизни.

Чем больше я думал о своей вымышленной общине, тем настойчивее влекла меня к себе эта идея. Моя концепция ухода от реальной действительности постепенно превратилась в мечту о расширяющейся сети особых поселений, в рамках современной цивилизации. Когда-нибудь, решил я, мне самому предстоит основать такую общину.

Не так уж часто бывает, чтобы мечты отрочества сбывались. Но эта, с Божьей помощью, сбылась. Однако эта история будет рассказана в одной из последующих глав.

В «Кенте» я много размышлял о таких паранормальных явлениях, как пророчество, телепатия и мысленное управление объективными событиями. Меня волновал также вопрос, какова жизнь после смерти. Я хотел знать, смогу ли стать более полезным людям, если постараюсь развить в себе экстрасенсорные возможности. «Нет,—решил я, — эта тематика была слишком далека от повседневного опыта, чтобы иметь существенное значение для большинства людей. Лучше я буду писателем; словами я, может быть, сумею вдохновить других на более высокие идеалы и поступки».

В то время как я в мыслях улучшал мир, мой собственный маленький мир быстро ухудшался. Некоторые из старших мальчиков возымели ко мне нечто вроде ненависти. Глупость, я полагаю, они могли простить; в конце концов, не каждый мог соперничать с их «выдающимися» способностями. Однако признавая, по их мнению, свою глупость, я, несмотря на это признание, пытался развить другие, неприемлемые для них интересы. Разве не было это неприятие их стандартов таким наглым? Они начали открыто угрожать, что моя жизнь станет «действительно жалкой», когда они в следующем году вернутся в «Кент» как лидеры студенческого сообщества.

Я чувствовал, что это будет выше моих сил. В то лето я со слезами умолял маму взять меня домой.

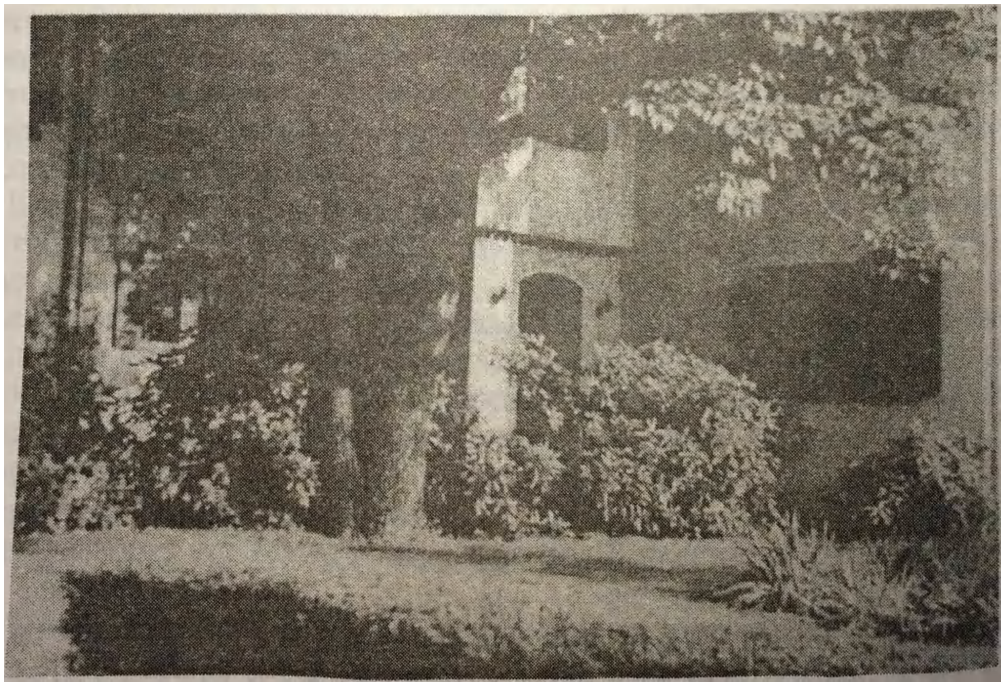
Ласково гладя меня по голове, она говорила: «Я знаю, милый, знаю. Ты как твой папа. Он всегда робел и переживал, когда люди не принимали то, что он хотел дать им. А он мог так много предложить им. Точно так же и ты. Людям это

непонятно, но не переживай. Оставайся дома и живи с теми, кто любит тебя. Здесь ты будешь счастлив».

Как легко у меня стало на сердце! Я больше никогда не бывал в «Кенте». Кто знает, мог ли я извлечь еще несколько полезных уроков из его тоскливых стен? Но я чувствовал, что хорошо усвоил его уроки. Теперь я был готов как внутренне, так и внешне к иному роду обучения.

В возрасте четырнадцати лет, когда я посещал школу Кент.

Наш дом на Брайт-авеню, 90 в Скарсдейле, **штат** Нью-Йорк.

ГЛАВА 6

КАРТОЧНЫЙ ДОМИК ОТДЫХА: «ИГРА В ПОПУЛЯРНОСТЬ»

БОЛЬШИНСТВО МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ, которых я встречал в годы своей юности, были уверены в своих ценностях. Сороковые годы не походили на семидесятые. Сегодня молодые люди ставят под вопрос общечеловеческие ценности; они во всем ищут смысл, размышляют по поводу отношения ко Вселенной и к Богу. Учась в средней школе, я был одинок в этом поиске. Не было направляющих маяков, по которым я мог бы ориентироваться. Я даже не знал толком, что именно искал. Все, что я знал определенно,—мое стремление найти что-то, и это что-то было не тем, к чему стремились другие.

Другие уже более или менее уверенно спланировали свои жизни. Им хотелось иметь интересную работу, делать деньги, добиться успеха, жениться, осесть в Скарсдейле либо в каком-либо другом богатом сообществе, растить детей, болтать за коктейлем и наслаждаться плодами обычной мирской жизни. Но я уже знал, что деньги меня не влекли. Я не хотел «преуспевать» материально. Меня не интересовала женитьба и создание семьи. Я достаточно хорошо знал, чего мне не нужно, но у меня не было ясного представления о том, чего же я хочу. Я порой размышлял, не является ли отсутствие у меня стремления к вещам, ценимым другими, доказательством моей внутренней неадекватности?

Может быть, другие, размышлял я, уверенные в правильности своих жизненных позиций, обладают каким-то иным видением окружающей действительности, а я слеп? Конечно, причиной моих бед многие годы была моя изначальная неспособность принять традиционный взгляд на мир.

Теперь, когда я покинул Кент и был зачислен в старший класс средней школы Скарсдейла, я решил преодолеть то, что безусловно было недостатком моего характера. С началом школьного года я решил попытаться провести «большой эксперимент». Я постараюсь убедить себя в том, что мне нравится то, что нравится всем, что их ценности и стандарты совпадают с моими. Может быть, если я осознанно приму их точку зрения, я смогу наконец чувствовать себя в своей тарелке? Если это мне удастся, какой легкой станет моя жизнь! Я решительно настроился на это. Этот последний год в средней школе будет ознаменован гигантским шагом к обычному состоянию.

В качестве первого шага в «унисон с толпой» я увлекся музыкой в стиле свинга. Каждую неделю я вместе с моими братьями жадно слушал радио, чтобы узнать, какие популярные песни достойны хит-парада. Я прикинул на себя, словно фрак, сознание толпы и вскоре обнаружил, что оно мне впору. На шумных соревнованиях я начинал энергично орать вместе со всеми. Когда смеялись, я хохотал громче всех. Я назначал свидания, танцевал, стал вокалистом местного ансамбля на танцплощадке. И когда я громко шумел, невероятно, но я видел, что мне это нравилось и меня любили за это.

Этот учебный год начался для меня благоприятно: оба мои брата были популярны. Боба, который учился в десятом классе, любили все, включая отличников и преподавателей. Его положение не было типичным положением Большого Человека на школьном дворе, который заинтересован не столько в том, чтобы любить других, сколько в том, чтобы любили его, и старается общаться только с «правильными» людьми. Бобу искренне нравился каждый. Для него не имело значения, как относились к ним другие: свысока или с почтением. Он был их другом, и они знали это. Не в состоянии умерить тон своего голоса, он доминировал в любом сборище, но никто не был против. Каким-то образом в его присутствии каждый чувствовал себя более великодушным, более уверенным в собственной доброте.

Его восторженное отношение к жизни было безграничным. Однажды он пришел домой после игры в футбол с температурой больше 40 градусов. Несмотря на такое состояние, он настоял на том, чтобы доиграть до конца.

Его прозвали «Бакки», по имени знаменитого игрока в бейсбол, Бакки Уолтерса. Эта кличка так и осталась за ним, но я сам никогда не называл его таю я знал его более глубокую сторону, которую он не часто открывал перед другими —утонченное восприятие музыки, внутреннюю доброту, определенное благородство характера. Все это совершенно не гармонировало с несколько грубоватым значением, которое подразумевалось в этой кличке.

С самого начала каждому было очевидно, что мы с Бобом очень разные натуры; кроме того, некоторые из моих одноклассников еще раньше узнали кое-что обо мне от Фила Бута, моего прежнего товарища по комнате в «Кенте». Фил тоже жил в Скарсдейле и проявил достаточное чувство ответственности перед школьным сообществом, предупредив о том, какую общественную опасность я представлял. Однако из-за уважения к Бобу, а также потому, что я решительно и явно старался скорректировать свои нетрадиционные взгляды, мне предоставили презумпцию невиновности и довольно милостиво допустили в свою среду.

Средняя школа в Скарсдейле была значительно больше, чем «Кент». Это обстоятельство давало возможность разным по характеру и взглядам ученикам

счастливо сосуществовать там, не ощущая (в отличие от «Кента») заметного давления коллектива. Будучи братом Боба, я автоматически вошел в «узкий» круг; это положение я смело принял, как некий вызов, в котором нуждался, чтобы с максимальным успехом завершить свой «великий эксперимент».

Я попробовал себя в футбольной команде. При моем весе в 62 килограмма я едва ли мог служить первоклассным материалом для этой игры. И все же я очень старался во время тренировок на футбольном поле и горячо поддерживал команду со скамейки. К несчастью для моих грез о славе, я был полузащитником, как и капитан команды Чарли Рензенхауз. Возможности для участия в игре были редкими. Лишь один раз меня позвали на поле в процессе игры, когда Рензенхауз получил травму.

—Уолтерс! — заорал тренер Буханен.

Мой шанс?

—Да, сэр!—воскликнул я, с великой готовностью вскочив на ноги.

—Уолтерс, беги и помоги Рензенхаузу покинуть поле!

На беговой дорожке у меня получалось лучше. В «Кенте» у нас не было команды по бегу, поэтому я был незнаком с техникой старта, но быстро бегал, и мне удалось достигнуть похвальных результатов. С первого забега я пробежал дистанцию в 100 ярдов всего за 10,2 секунды. К несчастью, в начале сезона я получил растяжение связки, и до конца года мне не пришлось больше бегать.

Из уроков моим любимым был английский язык. Наша учительница по английскому языку, Люсиль Хук, обожала свой предмет, любила своих учеников и, очевидно, от всего сердца хотела поделиться с нами знаниями. Она была нам не только преподавателем, но и другом. При ее поощрении я писал короткие рассказы и стихи. Они были несовершенны, но достаточно хороши для того, чтобы я смог получить репутацию многообещающего таланта; они подпитывали мою решимость стать писателем.

Среди учеников в классе французского языка была девочка по имени Рут. Позже она, по общему мнению, стала первой красавицей выпускного класса. Я часто назначал ей свидания и был очарован ею, как это случается с любым мальчиком, встречающимся со своей первой в жизни подружкой. Однако на пути нашей зарождающейся любви встретились ухабы.

Папа, чтобы не избаловать нас, выдавал нам только по пятьдесят центов в неделю. Мне приходилось копить две недели, чтобы сводить Рут в кино, при этом нам приходилось обычно идти пешком несколько миль до Уайт-Плейнз и обратно. Наверное, это было не лучшим началом для того, чтобы произвести хорошее впечатление на девочку.

Кроме того, когда дело касалось такого глубоко личного предмета, как любовь, я не мог изображать поверхностного человека, что часто помогало мне на

других стезях жизни. Мне приходило в голову то, что я не был внешне привлекательным и что у меня, в сущности, не было ничего стоящего, чтобы предложить другим. Я сомневался в собственной ценности и поэтому остерегался доверять чувствам ко мне другого человека. Когда другой мальчик, рослый, вечно отпускающий шутки, популярная футбольная звезда, стал ухаживать за Рут, у меня не нашлось самоуверенности для соперничества. В такой ситуации я бы не мог соревноваться с ним, даже если бы был переполнен самоуверенностью, поскольку завоевание и навязывание себя никогда не связывал с любовью.

Я находил удовольствие в пении. Мистер Хаббард, руководитель нашего хора, старался убедить меня сделать пение своей профессией. «В твоем голосе звенят деньги», — настаивал он, не сознавая, что деньги для меня были слабой приманкой. В тот год я пел в «Мессии» Генделя, в «Дворцовом страже» Джильберта и Салливана. В нашей церкви Святого Якова-младшего мы с братьями пели также партии трех мудрецов в Рождественской торжественной службе—событие, которое, к моему удивлению, все еще помнят старожилы Скарсдейла.

Другие церемонии в церкви мало увлекали меня. Наш священник, отец Прайс, продолжал грозить нам в своих проповедях, что если мы не будем вести себя благопристойно, то очень скоро «попадем прямо в лапы нацистов».

Но меня понесло совершенно в ином направлении. Дуг Беч, друг Боба и мой друг, ввел меня в ночной клуб Ника, в деревне Гринвич, известный как постоянное место встреч энтузиастов диксиленд-джаза. Эдди Конден, Пиви Рассел и другие «великие люди» джаза играли с таким недостижимым мастерством, что я в конце концов не мог не влюбиться в джаз.

Очарованный этой новой «сценой», я жадно поглощал сведения даже о мелочах жизни моих новых героев: как жена одного из джазистов обычно избивала его; как они ели в ночном клубе на противоположной стороне улицы, потому что у Ника невкусно кормили; как маленькая пожилая леди приходила в клуб вечерами в субботу, занимала передний стол, восторженно аплодировала, слушая музыку, и выкрикивала, словно подросток: «Давай, давай!» Поразительно, как люди могут придавать значение таким «новостям» лишь потому, что в них фигурируют знаменитости. Но они поступали именно так. Так поступали и мы.

У Ника я впервые выпил. Из всех глупых времяпрепровождений, которым предается человечество, пьянство и курение, безусловно, стоят в начале списка. Я думаю, что немногие люди начинают пить или курить ради получаемого удовольствия. Мне кажется, что здесь превалирует желание не выглядеть странным. Во всяком случае, так было со мной. Алкоголь не казался мне отвратительным, но курение было для меня сравнимо с пыткой: все равно что привыкать есть тухлую пищу, стараясь получить при этом удовольствие.

Я хорошо помню, как первый раз учился втягивать дым. Одна девочка на вечеринке в Скарсдейле продемонстрировала мне свое искусство. С первой затяжки у меня закружилась голова, и я почти сполз на пол. Потом в духе какого-то извращенного идеализма, который был характерен для меня большую часть того года, я сказал себе твердо: «Я овладею этим, если даже оно убьет меня!» Я вряд ли сознавал, что настоящее мастерство означает, прежде всего, не уступать такой глупости. В тот вечер я преуспел в овладении искусством курения.

Самое отвратительное в пьянстве, с духовной точки зрения, состоит не во временной невменяемости, к которой оно может привести, и не в похмелье, которое иногда наступает после загула, а в долговременном воздействии, которое алкоголь оказывает на личность. Как-то незаметно он делает человека более приземленным; восприятие становится менее утонченным; появляется склонность глумиться над вещами, которые прежде казались ему святыми. Эго становится менее восприимчивым к своему окружению и более подавляющим, агрессивным. Оно как бы грубеет в попытке компенсировать ослабление природных сил. Такое воздействие алкоголя можно наблюдать не только во время опьянения. Результаты впоследствии проявляются как долговременные изменения личности.

Это можно объяснить тем, что вещества, порой кажущиеся инертными, в действительности служат почвой для различных состояний сознания. Мы можем глумиться, как это случалось со мной, над «святошами» церкви, которая осуждает «винопитие» как инструмент сатаны, однако смех заглушил уже многие истины. Сама склонность отпускать шутки по поводу пьянства (характерная для общества, где оно так популярно) предполагает подсознательное стремление заставить замолчать даже шепот сознания. Ведь каждый человек в глубине души должен сознавать, что пьянство является осквернением его истинной, божественной природы.

Другой причиной, часто влияющей на изменение сознания, является музыка. Оглядываясь назад, я поражаюсь тому, как быстро, благодаря неослабномуj/ewe*чению* музыкой джаза, я переходил к образу жизни, который прежде был мне совершенно чужд. Шли месяцы, и моей второй натурой становилось увлечение спортом, романтикой любви, веселым времяпрепровождением; я смеялся с теми, кто хохотал громче всех, слонялся повсюду с самыми неугомонными, обменивался шутками и любезностями, испытывая половодье волнений юности собственного эго, соревнуясь с другими эго.

И все же в глубине моего существа жил бдительный друг, на которого не производила впечатления вся эта суета; он спрашивал меня о мотивах моего поведения, беспристрастно наблюдал за моими глупостями и с печальной уко-

ряющей улыбкой вопрошал: «Действительно ли ты хочешь этого?» С собой я был достаточно откровенен, чтобы признать, что это не так

Постепенно во мне росло страстное желание прекратить бесполезную трату времени. Я сознавал, что в жизни можно так много узнать и в ней существует многое, к чему стоит стремиться. В конце года для письменной работы по английскому языку я выбрал тему: «Различные концепции Вселенной у древних цивилизаций и особенности цивилизаций, которые повлияли на развитие этих концепций». Вопросы, не относящиеся к моему «большому эксперименту», вновь настойчиво стали осаждать мой разум. Что такое жизнь? Что такое Вселенная? Какова цель жизни на земле? Ответы на них едва ли можно было «просмеять» за одну ночь у Ника.

Однажды вечером мы с одноклассником заглянули в местный ресторанчик, часто наводняемый учениками средней школы. Пока мы ждали, когда освободятся места, мой товарищ начал импровизировать на тему музыки, которую выдавал автомат-проигрыватель. Ради смеха я поддерживал его. Однако вскоре мой молчаливый «внутренний друг» спросил меня, негодуя: «Зачем это дерганье, это мотание головой вверх и вниз, подобно механической кукле, эти гримасы на лице? Разве это не вид пьянства?»

Мой «внешний» друг написал впоследствии в моем ежегоднике, какое удовольствие получил он от нашего совместного «джем-сейшена». Меня же это просто привело в замешательство, так как я почувствовал себя игрушкой ритмической истерии.

В школе Скарсдейла я узнал, что могу при желании принять участие в игре «Популярная личность Америки», и, в каком-то смысле, вышел победителем. Однако мой успех не сделал меня счастливее. Когда мне показалось, что я понял, чего хотят от жизни другие юноши, я уже не мог сказать, что меня по-прежнему привлекало такое видение жизни.

Я вновь вернулся почти на исходную позицию. Единственное, чему я научился в тот год, — это как замаскироваться и спрятать свои истинные чувства. Что ж, может быть, это было полезным уроком? Едва ли можно считать заслугой выставлять напоказ свои самые высокие устремления перед людьми, которые не могут оценить их по достоинству. Но это нельзя было считать движением к реализации моих устремлений. Я понимал, что следующим шагом должно стать более обдуманное продвижение к ним.

ГЛАВА 7

БУДЬ ИСКРЕННИМ В СВОЕМ ПОИСКЕ

Я ОКОНЧИЛ СРЕДНЮЮ ШКОЛУ в Скарсдейле в июне 1943 года, вскоре после того, как мне исполнилось семнадцать лет. Школьный товарищ Джордж Кальверт пригласил нас с Бобом поработать с ним на отцовской ферме в северной части штата Нью-Йорк В то лето мы собирали клубнику и метали сено. Это была энергичная работа, полезная для здоровья, доставлявшая нам немало радости. Через шесть или семь недель такой работы я решил использовать каникулы для расширения своих познаний о мире. Моя цель вела к радикальным переменам: от сельских пастбищ — к серым небоскребам и акрам бесплодного бетона.

Нью-Йорк! Я работал там курьером в издательстве «Геральд Трибун». Каждый день, увертываясь от неугомонных автомашин, грузовиков, автобусов и пробираясь через толпы нетерпеливых покупателей, я, как и мои товарищи-курьеры, посещал святая святых известных универсальных магазинов, вручал и принимал копии рекламных материалов бесчисленных корпораций и очертя голову бросался в бурлящий поток жизни большого города. Нас возбуждали и почти переполняли мириады впечатлений. В бесконечном мелькании лиц на переполненных тротуарах, в умоляющих взглядах магазинов, торгующих лекарствами, косметикой, журналами, мороженым, кофе и прочим, в мимолетных улыбках, холодных взглядах, злых жестах, кривящихся губах и в озабоченно нахмуренных лбах я видел настоящую карикатуру на человечество, самой чудовищностью размеров лишенную правдоподобных пропорций. Здесь катились смятенные волны человечества: юношески буйные, печальные и одинокие, стремящиеся к сценической деятельности, жестко ориентированные на успех, грубые и циничные, хрупкие и слабые. Все выглядели куда-то спешащими и нервными. Все, казалось, были озабочены какой-то страстью.

Нью-Йорк! Его бушующее море людей зачаровывает и в то же время отталкивает. Он возбуждает чувство преувеличенного достоинства у тех, кто горд тем, что живет в самом большом, самом оживленном городе мира. Однако в анонимности, которой он наделяет безличные миллионы, он смеется над самомнением горожан. Нью-йоркцы живут в постоянном конфликте между этими двумя противоположными проблемами их эго, в конфликте, который способны разрешить лишь те, кто стремится к более высокой духовной цели. В бешеном ритме

жизни большого города Бог как бы шепчет душе: «Танцуйте с вашими мыльными пузырями, если хотите, но когда устанете от танцев, а ваши мыльные пузыри начнут лопаться один за другим, взгляните на все эти лица вокруг себя. Они ваши духовные братья и сестры и, как отражение в зеркале, похожи на вас! Они—это тоже вы. О маленькая волна, возвысься над своей малостью. Соединись со всеми другими. Слейся с жизнью!»

Когда пришла осень, я поступил в колледж «Хэверфорд» — небольшой мужской колледж на пути из Филадельфии в Паоли. В то время из-за войны в нем было меньше студентов, чем обычно.

Студентами были ясноглазые, восторженные и умные юноши; профессора —спокойные, степенные, озабоченные благополучием своих студентов. «Хэверфорд» — колледж квакеров — отличался простым безмятежным достоинством, чего и следовало ожидать от учебных заведений, руководимых этой миролюбивой сектой. Я не имею в виду, что мы, студенты, были лишены развлечений, однако они всегда проходили на фоне легкого неодобрения со стороны серых, покрытых плющом зданий, а также вызывали сдержанную тревогу всегда заботливого профессорско-преподавательского состава.

Сократившийся коллектив студентов состоял преимущественно из вновь прибывших. Это обстоятельство не очень способствовало поддержанию почитаемых здесь традиций, таких, как «прописка» новичков. Когда горстка старшекурсников появилась в нашей спальне, чтобы приобщить нас к этому древнему ритуалу, мы встретили их другим старинным американским обычаем: стремительным натиском. С веселым гиканьем, летящими подушками, энергичными пинками, с опрокидыванием стульев, мы оттеснили их вниз по лестницам и выдворили в конце концов из здания. После этого они совершенно оставили нас в покое, решив, что во время войны более опытные и мудрые головы должны принести некоторые жертвы во имя мира.

Численно мы, новички, доминировали, и поэтому я сформировал футбольную команду. Одной из моих проблем в школе Скарсдейла, кроме слишком легкого веса, было неумение правильно бросить мяч; мои руки так малы, что я не мог как следует ухватить его. В «Хэверфорде» наш тренер «Папаша» Хэдлтон решил эту задачу, назначив меня полузащитником. Полагаясь больше на скорость, чем на вес, я понял, что смогу столкнуть более мощных противников, когда они только готовились занять нужную позицию, чтобы остановить меня. Затем я прорывался через линию защиты и успевал опередить другого игрока, прежде чем он мог набрать скорость. Левый защитник, мальчик по имени Мейсен, был такой же легковес, как и я. Газета нашего колледжа вскоре прозвала нас «чарующими стражами».

Самого большого успеха в сезоне я добился к концу одной игры. До какого-то момента ни одна из команд не смогла забить гол. Наконец, в отчаянном маневре, мы подготовили прорыв далеко за центр поля. Моей задачей было мешать игрокам противника. Мы благополучно миновали нашу половину поля и были уже почти на «территории противника», когда два игрока команды соперников кинулись на перехват. Я готов был блокировать одного из них, надеясь, что наш нападающий сможет уйти от другого. И в этот момент я наступил на развязавшийся шнурок ботинка! Растянувшись во весь рост на земле, я невольно совершил двойной блок. Наш игрок без помех приблизился к воротам и забил гол. А я стал героем этой встречи. Я пытался объяснить, *что* произошло на самом деле, однако никто не хотел мне верить.

В том сезоне мы выигрывали в каждой встрече. Так моя школьная спортивная карьера достигла своего пика, прежде чем окончательно заглохла.

Вскоре после этого события спорт в колледже и я довольно прохладно расстались. Наше расставание состоялось отчасти из-за моей нарастающей занятости поиском смысла жизни и, отчасти, из-за того, что я находил «смысл» в некоторых бесполезных занятиях, например, в сидении с друзьями в местных барах, в приготовлении ядовитых настоек и в разговорах на философские темы до глубокой ночи.

Я стал уделять все больше свободного времени поэтическому творчеству; тематика моих поэтических опусов касалась вопросов, которые давно волновали меня: Почему мы страдаем? Что является причиной войн и разрушений? Как это Бог допускает ненависть и другие виды человеческого безумия? «Разумеется, —думал я,—Он не может желать нам страданий. Не знак ли это, что человек живет не в согласии с волей Бога? И что такое вечная жизнь? Даже вещество и энергию невозможно уничтожить. Разве не логично в таком случае допустить, что и жизнь тоже вечна? А если она вечна, то как понимать рай и ад?» В то время я написал поэму, в которой изобразил загробный мир, который все воспринимают по-разному: он может казаться прекрасным или отвратительным, счастливым или печальным в соответствии с уровнем сознания, которое человек уносит с собой из нашего мира.

В этот момент своей жизни я мог легко склониться к религиозной профессии. Но мне было слишком мало известно об этом призвании, у меня не было наставников, которые могли бы указать путь к тому, что имело смысл для меня. Хэверфордский колледж является заметным центром квакерства. Во время моей учебы там в числе профессорско-преподавательского состава были ведущие деятели этого общества: Дуглас Стир, Руфус Джонс, Говард Камфорт. Они производили на меня впечатление своей явной искренностью и добротой. Мне импонировал обычай квакеров тихо сидеть, погрузившись в медитацию, на

воскресных службах — «встречах», как они их называли. Больше всего я полюбил квакеров за их простоту. Все, что они делали, восхищало меня. И все же я не мог найти у них то, к чему меня влекло. Я искал стезю, которая бы полностью меня захватила. Меня не устроила бы простая возможность спокойного самосозерцания при вальяжном попыхивании трубкой.

Воскресные встречи все чаще походили на светские состязания. У квакеров нет служителей Богу, посвященных в духовный сан; члены этой секты сидят в молчании на воскресных утренних встречах до того момента, пока один из них не почувствует прилив «вдохновенья», встанет со скамьи и начнет делиться с другими своими переживаниями и идеями. Поскольку «Хэверфорд» представлял собой интеллектуальное сообщество, на наших воскресных встречах такого рода вдохновенных речей было более обычного. Не проходило и минуты в молчании, как кто-нибудь вскакивал и начинал говорить. Иногда вдохновение свыше снисходило сразу на двух или более присутствующих, однако в таких случаях, как правило, побеждала вежливость.

Я никогда не забуду, как Дуглас Стир однажды поднялся со скамьи, чтобы спросить живо: «Есть ли в вашей груди маленькая птичка?» Невольно я положил руку на грудь. Торжественность обстановки и мое собственное уважение к нему не позволили мне тут же уступить приливу веселости. Позднее мои друзья с удовольствием отвели душу по поводу нашего невероятного стоицизма.

Несомненно, мне пришлось многому научиться, не в последнюю очередь почтительности и скромности. Очень возможно, что эти религиозные лидеры могли научить меня большему, чем я знаю. Но поскольку я этого не знал, у меня не было другого выбора, кроме как идти своим путем.

В начале первого семестра учебы в «Хэверфорде» я подружился с Джулиусом Кэтченом, который позднее прославился в Европе как выдающийся пианист. Я обожал в нем энергию и энтузиазм. И хотя мне не нравился эгоизм, я находил, что он компенсировался его романтической преданностью всем видам искусства, музыке и поэзии. Наша дружба процветала на почве схожести художественных интересов. Джулиус был музыкантом, а я — поэтом. Благодаря этой дружбе, мое восприятие поэзии стало более музыкальным, художественным и романтическим. Мать Джулиуса тоже была концертирующей пианисткой. Когда я посетил его дом в Лонг-Бранче, штат Нью-Джерси, на меня произвела глубокое впечатление преданность искусству всей его семьи.

В то время я посещал также курсы поэтической композиции при колледже «Брин-Мур», которыми руководил знаменитый поэтУ. Х. Оден. Он поощрял мои поэтические усилия, и, спустя некоторое время, поэзия стала моим божеством.

Тем не менее я не мог долго довольствоваться романтическим вымыслом Китса: «Истина — это красота, а красота — истина». Меня волновало больше

всего не то, насколько идея красива, а то, была ли она в глубинном смысле правильной? В этом отношении я чувствовал, что у меня все больше и больше усиливался диссонанс с подходом наших профессоров, которые с подозрением взирали на все интеллектуальные увлечения. Их руководящим принципом было: беспристрастность ученого мужа, но не увлечение.

«Все это прекрасно, — думал я. — Я тоже хочу быть объективным. Но я не намерен проводить свою жизнь, «сидя на заборе». Даже объективность должна приводить к каким-то выводам». Для моих профессоров беспристрастность ученого мужа означала, что он до конца дней должен задавать себе вопросы. Это означало также поддержку «во имя дискуссии» позиций, которых на деле они не одобряли; нужно было также проявлять равный интерес к каждому аргументу, не отдавая предпочтение ни одному из них. Эта их нерешительность раздражала меня.

Моя потребность в истине, которой я мог бы посвятить себя, была для меня источником проблем еще во время дебатов в школе «Кент». Из-за нее я терпел поражения на уроках ораторского искусства в первый год моей учебы в «Хэверфорде» и был неважным актером в пьесах, в которых иногда принимал участие во время учебы в колледже и позднее. Это мешало мне, когда годы спустя я работал радиокомментатором. Мои трудности нарастали, когда я стал студентом, особенно они проявились на уроках английской литературы и философии. Я должен был знать, было ли правдой все то, что мы обсуждали. Возражая профессорам и не уступая их требованиям вести себя в духе вежливой постановки вопросов, свойственном ученым, я постепенно занял мятежную позицию по отношению к этому заведению вообще.

Примерно в это время я встретил в школе Хэверфорда студента, пути поиска которого примерно совпадали с моими. Род Браун был на два года старше меня; он был исключительно умным и одаренным поэтом. Сначала наши отношения походили на отношения между ученым мудрецом и неотесанным учеником. Род определенно относился ко мне с забавным снисхождением к бесхитростному юноше, каким я и был. Мои стихи он читал терпеливо, никогда не расточая по поводу их похвалы, ограничиваясь определением «мило». *Его* стихи я даже не в состоянии был понять. Он обычно пространно цитировал отрывки из бесчисленных книг, о которых я никогда не слышал, и делал это так многозначительно, что создавалось впечатление, что только закоренелый невежда мог осмелиться жить в этом мире, не умея хотя бы пересказать этот отрывок.

Род был чувствительным молодым человеком, который рано научился отражать неприятие себя другими, относясь к ним с презрением. Он великолепно пользовался этим чисто защитным механизмом. Я был заинтригован его высокомерным отношением ко мне, поскольку меня пленяла его прямодушная пре-

данность философским реалиям. «Конечно, — думал я, — если он знает достаточно для того, чтобы смотреть на меня свысока, мне надлежит узнать, какой вид открывается с его высоты».

Со временем мы стали близкими друзьями. Я обнаружил, что, кроме страстного стремления к истине, он обладал восхитительным чувством юмора и всегда готов был ярко и интересно излагать перед другими свои идеи и мнения. Он только высокомерно приподнимал бровь, когда я делился с ним теориями о Боге, страдании и вечной жизни. Обычно он задавал риторический вопрос: «Кто может знать ответы на такие вопросы?» Однако он творчески направлял мои размышления в более рациональные каналы. На какое-то время поиск религиозных истин был исключен из моей жизни. Но разве можно, отправившись на поиски истины, уйти далеко от настоящей религии?

Размышления Рода (и мои) постоянно вторгались в духовную сферу. Он познакомил меня с Эмерсоном и Торо. Я жадно пил из фонтана мудрости таких сочинений, как «Сверхдуша», «Уверенность в себе», а также «Уолдена». Из всего прочитанного мною эти сочинения были ближе всего к широким просторам индийской мысли; тогда я не знал, что Эмерсон и Торо были почитателями индийских Священных Писаний и отражали в своих работах возвышенные учения Упанишад и Бхагавад-гиты.

Род настоятельно советовал мне бросить заниматься проблемой смысла жизни абстрактно, а думать о том, как мудро жить среди людей. Из ночи в ночь мы обсуждали такие проблемы, как непривязанность, мужество отвергать ценности, которые мы считаем ложными, если даже все остальные верят в них. Как ни забавно это кажется теперь, мы проводили часы, интеллектуально обсуждая бесполезность интеллектуализма. Решив, что в житейских взглядах на мир непросвещенные массы безусловно более естественны, чем мы, мы начали с пионерским рвением посещать места сборищ водителей, грузчиков и чернорабочих. Мы не обременились глубокой мудростью за время этих экскурсий, но люди, вынашивающие теории, редко испытывают необходимость в подпитывании их грубой пищей фактов!

Не все, что говорил или делал Род, встречало мою поддержку. Например, он одобрительно отзывался о своем старшем друге, у которого было неестественно маленькое сердце. Для Рода и его друга это обстоятельство предполагало недос-

В то время курсы по индийской философии были сравнительно редким явлением. Впервые в жизни для меня действительно приоткрылась дверь в эту область знаний, когда я прослушал цикл лекций по истории философии для первокурсников, который читал Дуглас Стир. В течение первых двадцати минут своей лекции доктор Стир лишь слегка коснулся Вед; мы были лиш ь просто поставлены в известность о том, что вообще *есть* такой предмет, как индийская философия.

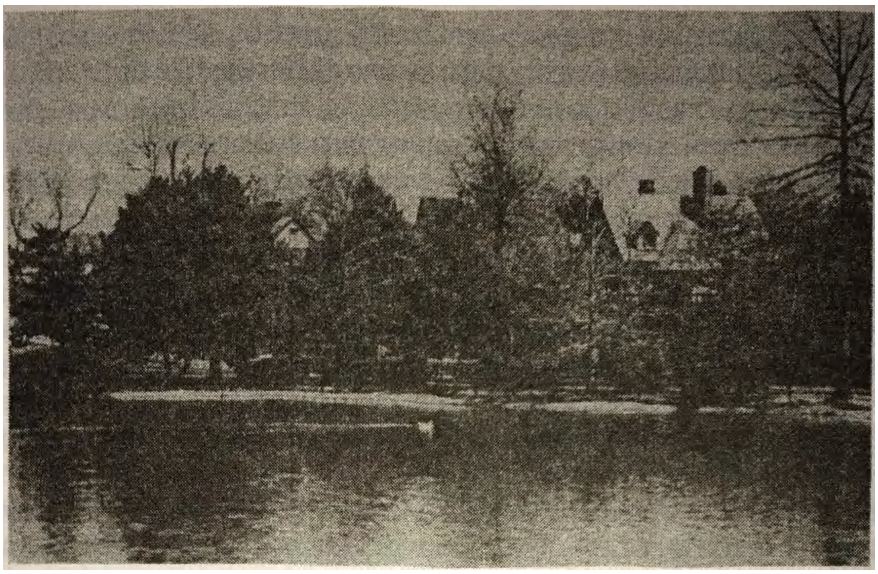
таток эмоциональных возможностей и, следовательно, поистине непривязанную натуру. Однако я не был согласен с ними, поскольку не считал, что непривязанность и чувство абсолютно несовместимы. Я считал главным, чтобы чувства человека были неличностны. Непривязанность освобождает человека от сопоставления себя с горсткой вещей и, таким образом, открывает простор для развития и усиления чувств.

Род считал также, что, вооружившись настоящим духом непривязанности, можно внешне позволить себе любые проявления мирской жизни. Однако этот аргумент показался мне слишком удобным для реализации его склонности к светскому. Несмотря на презрение к ценностям среднего класса и восхваление простого образа жизни рабочего люда, Род проявлял заметное влечение к роскоши аристократии. Вопреки тому, что Род часто высмеивал мою наивность, я смотрел на это качество как на надежную гарантию непривязанности.

Как и у всех людей, у Рода были недостатки. Он был несколько нетерпим к возражениям, горд собственным великолепием и являлся отъявленным лентяем. Но, при всем этом, в глубине сердца он оставался любящим и верным другом, несмотря на деланное равнодушие проявляющим участие ко многим людям; он был более уязвимым со стороны людей, отвергнувших его, нежели искренне презирающим их в ответ, и куда более консервативным в отношении своих ценностей, чем он когда-либо признавал сам. Многие открыто смеялись над ним, но я видел в нем человека, который мог действительно помочь мне обрести уверенность в себе. Именно по этой причине я прежде всего был благодарен ему за нашу дружбу.

В общении с ним я обретал некоторые из тех черт его характера, которые не одобрял. Такова сила всякого человеческого общения. Как и Род, я развил в себе показную гордость как защиту против отверженности и непонимания. Хуже всего было то, что я воспринял его излишнюю светскость, хотя и не настолько, чтобы Род прекратил посмеиваться над тем, что он называл моей наивностью.

В те дни именно Род по-настоящему воспитывал меня. Мои занятия в колледже создавали лишь некий фон; они обогащали меня фактами, а в беседах с ним я узнавал, как следовало поступать с этими фактами. Ночь за ночью мы проводили в наших комнатах, барах или в ресторане с привлекательным названием «Последняя соломинка», обсуждая за чашкой кофе жизнь. У нас было мало друзей, но это уже более не смущало меня. Теперь меня интересовал поиск истины, а не просто мнения людей.

Пруд и несколько зданий Хэверфордского колледжа, Пенсильвания, где я провел два года.

М ой друг по колледжу Род Браун и я в У элсли, М ассачусетс.

Моя кузина, Бет, в колледже Уэлсли, Массачусетс

Наша футбольная команда в Хэверфорде. Я в первом ряду, третий слева.

ГЛАВА 8

ЦЕЛЬ—РАДОСТЬ

ПЕРВЫЙ ГОД моего пребывания в Хэверфорде был годом веселой проверки новых идей. На второй год я пытался привести эти идеи в систему и сделать их своими. Этот процесс осмысления шел на двух уровнях: на абстрактном и на глубоко личном.

На абстрактном уровне мой союз с Родом постепенно выводил меня из состояния озабоченности страданием и нереальностью этого мира. Я начинал оценивать мир более позитивно. Мне казалось, что посредством простого, возможно упрощенного, сильного позитивного утверждения можно преодолеть даже страдание.

На личном уровне я учился утверждать собственную значимость, в которой я сомневался многие годы в Хэккли и в Кенте, затем искусственно утверждал в Скарсдейле. Теперь, в Хэверфорде, в кругу друзей, которые разделяли многие мои идеи, я искал в себе основу для истинного самоутверждения.

Однажды я занялся «перевариванием» новых подходов, оценкой своего продвижения на двух фронтах, сходившихся в одной точке. По абстрактной и личной причинам мне казалось, что я уже способен снова утверждать одну из наиболее критикуемых добродетелей: веру. Говоря словами Эмерсона, я начинал ощущать, что мир был моей «устрицей», что жизнь была в основном прекрасной, справедливой и освещенной солнечным сиянием. Даже неодобрение со стороны светских людей не могло более подавлять мою растущую веру в жизнь и даже в таких людей. Я сознавал, что им просто недостает мужества жить в соответствии с верой, но в глубине души они тоже верили. Я стремился к тому, чтобы обрести нужные силы и нести им радость.

Вера! Это радостное жертвоприношение во имя жизни было самоотверженным и непрочным. Когда-то мудрец сказал, что можно полностью верить только в Бога, что доверять суетным свершениям и достоинствам — все равно что ожидать в море от корабля неподвижности. Увы, я не обладал такой мудростью, которой мог бы руководствоваться. С большим энтузиазмом я бросил всю свою веру в хрупкую корзину этого мира.

На втором году учебы мне были отведены комнаты в Ллойд-Холле, которые обычно резервировались для старшекурсников. Моим соседом по комнате ока-

зался прибывший из Аргентины Роберто Паоло Пейро. Впоследствии он стал в своей стране преуспевающим писателем-романистом. Роберто был всегда спокоен, вежлив и обладал чувством собственного достоинства—идеальные качества для соседа по комнате. Мы великолепно уживались, хотя и преследовали разные цели. Его общественная жизнь была столь же уравновешенной, как он сам. Он предпочитал утонченные, серьезные дискуссии, главным образом на приземленные темы (политика, социология), и очень удивился тому, что такие абстракции, как «жизнь» и «истина», могут вызывать у меня столь страстный энтузиазм. Моей привычкой стало крепко ухватить мысль, бороться с ней изо дня в день, пока не овладею ею, и затем, радостно улыбаясь, выбежать из комнаты в поисках друзей, чтобы отпраздновать с ними свою победу. Вероятно, я казался Роберто то слишком неистовым, то непоследовательно легкомысленным.

Уже сами размышления были для меня радостным занятием. Лишь годы спустя, когда я встретил своего гуру, я понял, что размышление является окольным путем к правде, а высший уровень восприятия достижим только после усмирения колебаний мысли.

Род был моим лучшим другом в этой стране. Много времени мы проводили вместе в ночных философствованиях за чашкой кофе или бокалом вина. Но теперь я стал все больше времени проводить в самостоятельных поисках истины. В качестве профилирующей дисциплины в колледже я выбрал английскую литературу. Я любил читать творения из нашего истинного наследия — наследия интуиции и вдохновения, а не чисто мирские произведения. Читая Шекспира, Донна и многих других, я ставил перед собой новый вопрос: каким образом великая литература служила поиску истины? Как подающий надежды писатель, я стремился к тому, чтобы все, что я писал, служило инструментом высшего видения.

Во всех наших исканиях проглядывал также жизнерадостный, добрый юмор. Мы с Родом могли весело смеяться над самыми мрачными проблемами. Вокруг нас было несколько угрюмых душ, которые с тревогой взирали на наше нетрадиционное легкомыслие. Я думаю, они считали это доказательством того, что мы были теми персонами, которые беспутно растрачивали юные годы в пьянстве и дебошах. Мы не выносили людей, которые путали серьезность с безрадостностью. Подражая Роду, я находил удовольствие в том, что иногда делал вид, будто мы находимся в союзе с невероятно темными силами. (Попытку представить себе такие силы я полностью уступал нашим критикам!)

Джон Донн **(1572—1631) — английский поэт. Его религиозно-мистические поэмы «Путь души» и «Анатомия мира» положили начало «метафизической школе».** —*Прим, ред.*

Один из студентов колледжа, с подходящей для него фамилией Кофин* куда бы ни шел, всегда носил с собой Библию. Он печальным голосом упрекал кого-либо из студентов, который был склонен, например, иногда болтать ногами. «Возмездие за грех, -— напоминал нам, грешникам, Кофин, с серьезным видом называя главу и стих, — смерть». По мере того как росла моя репутация человека с веселой непочтительностью, он стал приносить мне исключительно благие вести. Однажды утром, войдя в мою комнату прежде, чем я успел убедиться в том, что мир все еще существует, Кофин сел на край моей кровати, открыл Библию, печально посмотрел на меня и — вздохнул.

Если бы религию не сделали столь мрачным верованием, многие люди, которые сегодня путают священников с работниками похоронного бюро, могли бы вдохновиться и начать поиск Бога. Прошли годы, прежде чем я сам узнал, что церковная служба не должна быть сродни похоронам, но она может быть, как сказал Парамахамса Йогананда, радостными похоронами всех печалей. На самом деле я стремился удовлетворить свою естественную жажду религиозного вдохновения, смеясь над его отсутствием в религиозной практике. Будь это не так, я мог бы искренне участвовать в ней.

На второй год моего пребывания в Хэверфорде кто-то подарил Роду несколько гуппи в стеклянной банке. Мы решили, что гуппи — слишком недостойное наименование даже для такого непримечательного существа. Мы, естественно, переименовали его новых любимцев в Священную Белую Рыбу. Вскоре, развивая нашу великую концепцию, мы разработали целую религию с церемониями, догмами и ритуалами. Для наших обрядов я даже нашел недостроенную заброшенную часовню. Не приходится и говорить, что наша комедия никогда не выходила за пределы шутливых сценок, но все это доставляло нам большое удовольствие.

Однажды Рода вызвали в деканат. «Что это такое я слышал, мистер Браун, — осторожно начал мистер Джиб, — гм, как это сказать? — Ээ... о новой религии? Что-то об этой, ээ... священной, ээ... белой, ээ *...рыбе?* Правильно ли я изложил эту невероятную историю?» Мы так и не узнали, кто так крепко заложил нас декану, но это анонимное нарушение наших прав придало остроту нашей игре.

И все же я ощущал какое-то глубокое, почти тоскливое волнение при мысли о возможности найти новую религию. Возможно, что именно игра с гуппиями компенсировала мне недостаток той радости, которой не было в церквах. Для меня эта игра не была простой забавой. Мой поиск истины и радости, как самой сути истины, по своей важности был почти на грани жизни и смерти.

» Гроб. — ***Прим. перев.***

В других отношениях я ощущал меньшую потребность в сокрытии своего интереса под видом игры. С пятнадцати лет моим неодолимым стремлением был поиск утопического общества. Утопия дословно означает «место, которого нет»; это слово обычно используют для обозначения неосуществимой коммунистической мечты. Но я был убежден, что международное общество, построенное на основе высоких идеалов, может быть жизнеспособным, если его создавать с реалистическим расчетом и достаточной силой предвидения. Во время учебы в Хэверфорде и в последующие годы я посвятил довольно много времени изучению и обдумыванию проблем, связанных с таким проектом. Где-то в глубине себя я считал своим долгом когда-нибудь основать такое общество.

Со стороны друзей моя идея не находила понимания. Когда я говорил о ней, они проявляли умеренный интерес, но потом полностью утрачивали его, как только понимали, что я выдвигал эту идею серьезно. После этого они предоставили мне возможность мечтать в одиночестве.

Отсутствие интереса у друзей не обескураживало меня. Я просто раздвинул горизонт, чтобы включить в круг моих интересов остальную часть человечества! Чем больше я размышлял о международных сообществах, тем яснее видел, что они были бы не шагом назад, к примитивизму, а шагом вперед в социальной эволюции, естественным продвижением от машинной технологии и самоубийственной сложности современной жизни к новому типу просвещенной простоты, когда технология служила бы людям не только в интересах механики и экономики.

Децентрализация в этом веке казалась мне нарастающей необходимостью. Бесплодные призывы к эффективности, которая обеспечивается централизованной мощью крупной индустрии и правительства, были бы уравновешены, я думаю, человеческими и идеалистическими ценностями, которые прорастали бы в небольших духовно-целостных общинах.

С ростом восторженного интереса к жизни я находил также все большее удовольствие в пении. В конце концов я решил брать уроки пения. Доктор Фридрих Шлидер, известный пианист и органист, посоветовал моей маме, чтобы я учился у Марии Циммерман, учительницы пения из Филадельфии. «Она настоящий музыкант, — уверял он маму.—Вашему сыну повезло, что он учится в колледже недалеко от Филадельфии».

Однажды я сел в поезд, отправлявшийся в Филадельфию, и посетил миссис Циммерман в ее студии. В то время ей, по-видимому, было около семидесяти пяти лет. В молодости она выступала с концертами певицей; ее голос, теперь не столь великолепный, был все еще хорошо поставлен.

— Голос, — объясняла она мне, — это инструмент, который нельзя видеть. Я не могу показать вам, как им следует пользоваться, как я могла бы сыграть на

пианино. Вы должны внимательно вслушиваться, когда я пою ноту, и затем попытаться имитировать звук моего голоса. Чем внимательнее вы будете слушать, тем скорее научитесь.

Затем она положила мою правую руку себе на живот: «Я хочу показать вам, как следует правильно дышать», — пояснила она. Когда она вдохнула, ее диафрагма опустилась, и живот раздулся. Я приготовился услышать глубокий оперный тон.

— Мооооооооо! — послышалось слабое кваканье; этот звук был едва ли достаточно сильным, чтобы наполнить небольшую кладовку, не говоря уже о концертном зале. Я старался подавить свое веселье.

Однако ее голос был хорошо поставлен. Вспомнив отличные рекомендации доктора Шлидера, я решил заниматься у нее.

— Вы будете платить мне пять долларов за урок, — заявила она твердо. — Это не значит, что мне нужны деньги. Я не нуждаюсь. Но вы должны платить их. Это поможет вам серьезно относиться к моим урокам.

Я не хотел просить у отца деньги, чтобы платить за еженедельные уроки, поэтому пошел работать официантом в «Последнюю соломинку», где был занят один вечер в неделю. Из этого заработка я и платил за уроки.

Мария Циммерман оказалась отличным преподавателем. В отличие от многие учителей пения, в первые недели она не позволяла мне петь самостоятельно. Лишь постепенно, по мере того как прогрессировала постановка моего голоса, она разрешала мне понемногу упражняться дома; потом — несколько больше. Чем больше я преуспевал, тем больше удовольствия доставляли мне уроки, пока, наконец, они не стали самым счастливым временем недели.

Мария Циммерман была не только прекрасным учителем и великолепным музыкантом, но также и замечательной женщиной. Будучи глубоко религиозной, она среди всего находила удовлетворение только в самом высоком и благородном. Она являла собой выразительный пример той истины, которая становилась для меня все более очевидной: главным шедевром настоящего артиста должен быть он сам.

Однажды ко мне пришло то, что я называю откровением. Неожиданно живо и мощно, в течение нескольких минут, я глубоко проник в природу искусства и в суть взаимоотношений между искусством и истиной, что с тех пор стало главной темой моих размышлений.

Слово искусство в том смысле, как Род и я использовали его, включало в себя все творческие виды искусства, в том числе музыку и литературу. Мы размышляли, правы ли авторитеты, утверждающие, что искусство существует только для искусства, или оно должно выражать чувство социальной ответственности; или

быть выражением личности художника; схватывать реальность точно, как фотокамера, или выражать дух эпохи, в которой живет творец?

Неожиданно у меня возникла уверенность в более глубокой истине. Я понял, что большинство теорий об искусстве придают особое значение формам искусства. Однако искусство является существенно человеческим, а не абстрактным явлением. Внутренняя ценность человека определяется не его физической внешностью, а духовным началом, его мировоззрением, смелостью или трусостью, мудростью или невежеством. Так же и в искусстве: значимость произведения определяется тем, как художник видит жизнь, а не средствами выражения. Вдохновение или бесплодие могут проявиться как в реализме, так и в импрессионизме.

Важен вопрос: *в какой степени творение художника проявляет ЕГО величие как человека?* Только если художник велик, его творение может быть действительно великим. Оно может демонстрировать и исключительное мастерство, но если мы не хотим считать людьми искусства даже сантехников, то не следует оценивать произведения искусства по критерию мастерства.

Я решил, что передо мной, как писателем и как человеком, стоит одна и та же первоочередная задача. Мне следовало определить, каковы идеальные человеческие качества, и затем совершенствовать себя в этом направлении.

Примерно в то время мы на уроке английского языка получили задание написать сочинение о своем критерии оценки величия произведений в литературе. Не считая себя способным выразить некоторые тонкие нюансы моего озарения, я ограничился описанием лишь одного аспекта—может быть, самого тонкого из всех! Я писал, что после прочтения «Илиады» Гомера я почувствовал ослепительный белый свет, исходящий от этого творения. Позднее, когда я размышлял о других великих произведениях, то вновь в каждом случае «видел» яркий свет, но не столь сильный, как от «Илиады». Свет Чосера казался более тусклым по сравнению с Мильтоном, Данте или Шекспиром. От менее значительных произведений не исходило никакого свечения, как если бы они были духовно мертвыми. Я признавал, что не видел объективной причины для того, чтобы так высоко оценить Гомера; его эпос на первый взгляд представлялся всего лишь хорошей, увлекательной военной повестью. Однако судя по излучаемому свету, это должно быть величайшее произведение .

» **Я рассматриваю этот вопрос в своей книге «Художник как проводник» (Crystal Clarity Publishers, 1988).**

** **Древние греки обычно называли автора***«Божественным* **Гомером*.**

Мой бедный учитель! Качая в замешательстве головой, он поставил мне неудовлетворительно. И все же даже сегодня я считаю, что критерий величия, который я представлял в том сочинении, справедлив и верен.

Мы с Родом продолжали свои философские дискуссии: интеллектуальная целостность, жизнь в настоящем и значение непривязанности. Я приходил к выводу, что непривязанность чрезвычайно важна для человеческого счастья. Никто не может по-настоящему наслаждаться тем, что он боится потерять.

Однажды вечером моя непривязанность была подвергнута необычному испытанию. Я сидел в своей спальне, готовясь к экзамену по философии. Учебник был на редкость скучным. Я уныло размышлял о том, что автор учебника отдавал предпочтение педантизму в ущерб ясности изложения. Вскоре я услышал чьи-то шаги по сухим листьям, осторожно приближавшиеся к моему окну. Я взглянул на часы: была половина десятого—время закрытия библиотеки. Вероятно, один из моих друзей возвращался из библиотеки и решил разыграть меня. Улыбаясь, я подошел к окну, чтобы он понял, что я разгадал его замысел.

Тут же шаги растаяли в ночи. Я, все еще улыбаясь, подумал, что, кто бы это ни был, он должен войти через парадную дверь и мы с приятностью по-дружески поболтаем, пока он не уйдет в свою комнату.

К моему удивлению, никто не вошел.

Все еще улыбаясь по поводу этого невероятного происшествия, я подумал: «Может быть, кто-то хотел выстрелить в меня!»

Прошло двадцать минут. Вновь послышался, теперь еще более легкий, шорох шагов по сухим листьям.

Кто бы это мог быть? Мои друзья ни в чем не были столь настойчивы! Может быть, кто-то действительно намеревался в меня выстрелить? Молча я подошел к окну. И вновь шаги поспешно ушли в темноту.

Мое любопытство все нарастало. Как я узнаю, кто этот загадочный незваный гость и что ему нужно, если буду продолжать спугивать его? Я решил, что если он вернется в третий раз, я притворюсь, что не слышу его.

Прошло еще двадцать минут. Наконец снова послышались шаги, на этот раз еще более осторожные. Через несколько мгновений послышался скрип обуви на выступе под моим окном. Чья-то рука ухватилась за металлическую решетку на окне.

Подавляя улыбку, я не отводил глаз от страницы учебника.

Вдруг раздался оглушительный выстрел! В течение нескольких секунд я слышал только звон в ушах, затем — тиканье часов на туалетном столике, взревел мотор автомашины на ближайшей автостоянке, и автомобиль с ревом, на большой скорости выехал со двора.

Пораженный случившимся, я откинулся на спинку стула и с удовольствием расхохотался! Казалось невероятным, что действительно могло произойти нечто подобное. Я ощупал себя: никаких пробоин в теле. Нет крови. Нет боли. Что же это? *Ничего*, что свидетельствовало бы об этом нелепом происшествии! Я поднялся и осмотрел окно: штора — цела. Что бы все это значило?

Несколько дней спустя я узнал, что все это случилось в канун дня «Всех святых». Вероятно, какой-нибудь деревенский мальчик решил в виде шалости Хэллоуина напустить на студента колледжа страх божий. Он и произвел холостой выстрел!

Я знал, что следует более ответственно относиться к собственному телу, чем это было свойственно мне. Но я был счастлив, что получил такой опыт, как свидетельство некой меры непривязанности.

Однако скоро я прошел другое испытание своей непривязанности, и на этот раз тест был нелегким. То была проверка моей развивающейся способности проявлять безграничное доверие.

Ребята из Хэверфорда обычно назначали свидания девочкам из Брин Мора. Так же поступал и я, когда у меня было соответствующее настроение и деньги, которые бывали у меня довольно редко. Наконец я встретил в Брин Море девочку по имени Сью, которая воплощала для меня все, что было добрым, светлым и святым в жизни. Ее вкусы были непритязательны. Ее улыбка была столь милой и очаровательной, что, даже обладая настоящей проницательностью, я бы не мог заподозрить ее в черных мыслях. Наша радость, когда мы были вместе, была столь велика, что мы никогда не ощущали необходимости в какой-то конкретной цели наших прогулок. Мы тихо бродили по зеленым полям, дружески болтая обо всем, наслаждаясь общностью сердец в драгоценном молчании: в сущности наши отношения были столь прекрасными, что я не помню, чтобы испытывал раньше что-нибудь подобное.

У меня не было мыслей ни о женитьбе, ни о долгих годах совместной дружбы, ни о чем, что действительно выходило бы за пределы наших тогдашних отношений. Сью являлась для меня не столько подружкой, сколько символом моей новой склонности к доверию, к веселой, радостной жизни без каких-либо раздумий о взаимности. То, что она чувствовала ко мне, почти не имело значения. Достаточно было того, что моя собственная любовь к ней была искренней.

Однако время от времени, в счастливые часы совместных прогулок, она печально всматривалась в меня. Она не говорила о причине своей печали. «Пустяки, —думал я, — мне стоит только проявить к ней еще больше любви, и вся ее печаль улетит».

На рождественские каникулы я уехал домой. Вскоре после Нового Года я получил от Сью письмо и с нетерпением вскрыл его. «Милый Дон,—начиналось

оно, — я должна была тебе кое-что сказать еще раньше. Я понимаю, что должна была это сделать в начале нашей дружбы, но я была счастлива с тобой и не хотела потерять тебя». Она продолжала писать о том, какое глубокое чувство она испытывала ко мне и как печалилась, что на самом деле жизнь ее сложилась так, что она никогда больше не сможет меня увидеть. Она замужем, писала она, и даже беременна от своего мужа. Ее муж служил за океаном на флоте. Она понимала, что ее не пустят в колледж, если будет известно, что она беременна, поэтому решила молчать об этом. Но, приняв такое решение, она чувствовала себя все более несчастной из-за того, что не будет встречаться со мной. Она сознавала, что должна была набраться смелости, чтобы рассказать мне об этом раньше. Теперь она не может вернуться в Брин Мор, чтобы завершить свой учебный год в школе. Она надеялась, что я пойму всю глубину одиночества, которое побудило ее встречаться со мной. Она никогда не хотела причинить мне боль и была несчастна, сознавая, что неизбежно причинит мне страдания.

Это письмо произвело на меня впечатление разорвавшейся бомбы. Я не осуждал Сью и скорее сочувствовал ей в связи с затруднительным положением, в которое она попала. Я вспомнил, что никогда не просил ее отвечать взаимностью на мою любовь и что никогда не собирался жениться на ком-нибудь. Но как больно! Я спрашивал себя, следовало ли ей так верить? Иными словами, была ли вся структура моего внутреннего развития, в которой жизненно важную роль играла вера, построена на песке?

Прошло немало времени, прежде чем я понял, что жизнь без Бога всегда ненадежна. Не мирские устремления заслуживают нашей веры, а лишь один Бог; не внешние обстоятельства, а Его благословения в нашей душе. Только они никогда не подведут и никогда не принесут разочарований. Лишь Бог есть наша истинная любовь. Пока мы не научимся безусловно отдавать себя в Его руки, во что бы еще мы ни верили,—снова и снова будем обмануты.

Может ли лодка спокойно плыть по морю во время шторма? Как может мир, находящийся в состоянии непрерывных изменений, дать что-то большее, чем иллюзорная безопасность?

В последующие месяцы моей проблемой было не разочарование, поскольку я решил всем своим сердцем верить в жизнь, несмотря на все, что может доставить мне неприятности. Скорее, моей проблемой было то, как найти достаточно прочную базу, на которой покоилась бы моя вера.

Я благодарил Сью, получив ее письмо. И я благодарю ее еще более теперь, потому что из-за нашей дружбы, и даже еще больше из-за нашего расставания, я стал ближе к Богу.

ГЛАВА 9

ОН СОБИРАЕТСЯ С СИЛАМИ ДЛЯ ВОСХОЖДЕНИЯ

ПРИМЕРНО В ТОТ ПЕРИОД моей жизни однажды я увидел интересный сон: я жил со многими другими людьми в камере пыток. Поколения наших предков жили здесь, не зная о существовании другого мира; мысль о возможности существования иного мира никогда не осеняла нас. Человек просыпался, его пытали, и только ночью, во время сна, он получал короткую передышку. Что еще могло быть в такой жизни? Мы особенно и не противились своей судьбе. Скорее мы даже считали себя достаточно благополучными. Конечно, были трудные дни, но ведь были и светлые, когда нас пытали меньше, чем обычно.

Однако пришло время, когда небольшая кучка начала думать о немыслимом. «Возможен ли, — спрашивали мы себя, — другой, лучший образ жизни?» В короткие паузы, когда наши мучители были вне предела слышимости, наше воображение распалялось. Наконец мы решили восстать.

Мы тщательно разрабатывали наши планы. Однажды, бросив разом свою работу, мы перебили мучителей и убежали. Выскальзывая осторожно из большой комнаты (армии мучителей могли поджидать нас на выходе), мы не встретили ни одного из них. Сама камера пыток, оказалось, занимала только верхний этаж большого здания, в котором на других этажах никого не было. Мы шли, незамеченные, вниз по пролетам лестниц и через первый этаж выбрались на просторную, открытую равнину. Нам, заключенным всю жизнь в камере пыток, открывшийся горизонт показался невообразимо далеким. С великой радостью мы вдыхали свежий воздух. Всматриваясь в открывшуюся даль, мы все выкрикивали одно новое для нас слово: «Свобода!»

Прежде чем навсегда покинуть это здание, мы бросили взгляд на верхний этаж, сцену той единственной жизни, которую вообще когда-либо знали. К нашему удивлению, мы увидели тех же мучителей, которых, как нам казалось, перебили; они, как будто ничего не случилось, расхаживали туда и сюда по своим делам! Пораженные, мы смотрели друг на друга, пытаясь найти объяснение этой ситуации.

Потом меня осенило: «Разве вы не понимаете? — воскликнул я. — Ведь мы одержали победу над собой, а не над мучителями!» С этой мыслью я проснулся.

Я чувствовал, что этот сон имел для меня большое значение. Тюрьма, находящаяся на верхнем этаже здания, символизировала человеческий разум. Мучители представляли наши ментальные недостатки. Пустынность остальной части здания означала для меня то, что, когда человек побеждает своих ментальных палачей, у него не остается непобежденных недругов. Иначе говоря, источником всех человеческих страданий является разум.

Я чувствовал, что этот сон содержал божественное послание мне. Он означал, что для меня пришло время искать возвышенной жизни. Но как мне ее искать? Я ничего не знал о жизни великих святых, которые общались с Богом. Для меня слово «святой» означало лишь человека с непорочными добродетелями, а не личность, переполненную божественной любовью и экстазом. Все, что я знал о религии, касалось обычных церковных богослужений, которые я посещал, не отмеченных вдохновением проповедей священников, которые слышал; то были люди, не заслуживающие доверия, которые искали поддержку своей веры в одобрении других, а не в неподкупном голосе собственной совести.

Хотя я в то время и не понимал этого, мое невежество относительно духовного пути и было моим главным «палачом»; оно препятствовало поиску блага, по которому тосковала моя душа. За невежеством следовали другие слабости — сомнение, например. Если бы я с любовью стремился к истине, то мог бы точно прийти к своей цели. Но я пытался придумать свой путь к мудрости. Я смотрел на Бога как *т Нечто,* о чем можно было размышлять, а не как на *Кого-то,* с кем можно общаться. Я отчаянно стремился к вере, даже к любви, но не имел представления о том, во что конкретно верить и что любить. Я достиг той точки, когда почти непрерывно *думал* о Боге; но Он пребывал в молчании, потому что я никогда не *обращался* к Нему.

Другим моим ментальным палачом был страх. Конечно, я никогда не считал себя трусливым человеком, но только благодаря тому, что в большинстве случаев не было повода. Однако в одном испытании моей непривязанности проявилась моя исключительная ранимость: я боялся, что во мне разочаруются.

Спокойствие в этом мире зависит от добровольного отказа от привязанности ко всему, даже к своему эго. Пока я стремился защитить свое чувство собственной значимости, я снова и снова переживал страдания—в сущности, всегда сходным образом.

Я еще не был достаточно мудр для того, чтобы видеть ясно, но мое зрение улучшалось. Мой сон о камере пыток, обогативший меня ощущением того, что существует божественное руководство, привел меня к еще большему осознанию реальностей, непостижимых нашими чувствами. Это осознание вместе с верой, над укреплением которой я уже работал, привели меня к любопытному открытию.

В моей голове родилась новая для меня теория. Чтобы быть удачливым, надейся на удачу; не жди пассивно, когда она придет к тебе, а иди к ней и встреть ее на полпути. При терпеливом упорном ожидании, в сочетании с таким же позитивным действием, успех обеспечен. По такой простой формуле мне предстояло добиться самых замечательных результатов.

Вскоре после Нового Года завершился наш первый семестр. В то время Род и один из двух других моих друзей были исключены из колледжа за неуспеваемость. Это было неудивительно, принимая во внимание наше презрение к «этой системе». В попытках глубже понять суть жизни я остался в одиночестве. Мое одиночество открыло передо мной много возможностей.

Случайно я заглянул в студенческое общежитие, где раньше жила Сью, чтобы в болтовне с некоторыми из ее подруг оживить в памяти дни, когда мы встречались с ней. Но Сью там не было, и поэтому мне было очень больно.

Мария Циммерман, заметив, что у меня упало настроение, спросила о причине этого. Я поведал ей свою маленькую трагедию.

—А! —воскликнула она нетерпеливо. —Детская любовь! Я прожила с моим мужем почти пятьдесят лет. Все это время наша дружба становилась все теснее и глубже. После его смерти мы стали еще ближе с ним. Вот это —любовь!

Оскорбленный, я сказал себе, что она просто ничего не понимает. Но ее слова остались со мной и в глубине души нашептывали, что мне еще многое предстоит узнать в жизни.

Уроки в колледже утратили для меня всякий интерес. Я редко общался с другими студентами. Чтобы скрыть свое несчастье в отношениях со Сью, я напускал на себя глубокомысленный вид, часто вступал в словесные перепалки, но в моей показной самоуверенности было куда больше бравады, чем собственного достоинства. Мое сердце было ранимо, но разум и воля—неуязвимы.

Я проводил день за днем в бесконечных размышлениях, как бы намереваясь через житейскую интуицию прорваться к глубочайшим тайнам. Почему счастье и радость часто превращаются в блуждающий среди тьмы огонек? И разве трудно столь хорошо организованной Вселенной устроить так, чтобы отдаваемая любовь каким-то путем возвращалась? И опять — где же этот путь к истинному счастью?

— Расслабься! — воскликнул однажды Роберто, заметив, что я невидящим взглядом уставился в окно. —Ты когда-нибудь расслабишься?!

Так прошел семестр. В воспоминаниях все это кажется серым туманом.

Призывная комиссия вызвала меня для освидетельствования, которое я не прошел из-за плохого зрения. При этом была решена дилемма; регистрироваться или нет в качестве отказника служить в армии? Я сомневался, смогу ли зарегистрироваться в качестве отказника по религиозным убеждениям; просто

знал, что даже ценой своей жизни я никогда не смогу отнять жизнь у другого человеческого существа.

В апреле отца послали в Румынию в качестве атташе по вопросам нефти при американской дипломатической миссии в Бухаресте.

Моя работа в «Последней соломинке» убедила меня (и особенно моего работодателя!), что, какая бы у меня ни была миссия в жизни, для работы официантом я не годился. Я обычно с рассеянным видом присаживался рядом с посетителями, совершенно забывая о том, что надо было обслуживать другие столы; я забывал внести изменения в счет, когда посетители заказывали что-нибудь дополнительно. Боюсь, что я был почти последней соломинкой «Последней соломинки»!

Единственным светлым пятном в моей жизни стаж уроки пения. Мария Циммерман была требовательным педагогом. После шести месяцев еженедельных занятий она однажды прервала меня на середине песни.

—Вот здесь,—воскликнула она торжествующе,—эта нота. Вот так должны звучать все!

Кроме истинной радости, которую доставляли мне уроки пения у нее, были также и другие приятные минуты. Однажды она сказала мне: «Если бы какой-нибудь учитель пения, —я имею в виду настоящего *музыканта,* —услышал теперь ваше пение, вы произвели бы на него хорошее впечатление».

К концу учебного года в колледже она сказала мне тихо: «Я живу теперь только ради одной цели: дожить до того времени, когда вы станете великим певцом! И дело не только в голосе; хорошие голоса есть и у других. Но у вас есть ум; вы *понимаете*».

Милая Мария! (Могу ли я называть Вас так теперь, когда Вы оставили этот мир? Было бы слишком формальным обращаться к Вашей душе «миссис Циммерман».) Мне было так грустно, потому что я должен был разочаровать вас. То было наше последнее занятие. Я не мог снова вернуться к вам. Я знал, что стать певцом даже с мировым именем, — не мое призвание. Но, может быть, вас порадует то, что я трогал людей моим даром, и не за деньги, а за любовь. И кто знает, может быть, когда-нибудь, если мы встретимся на небесах или в иной жизни на земле, я смогу опять спеть для вас. Одна из самых горячих молитв на моем духовном пути состояла в том, чтобы на всех, кого я когда-либо любил, снизошло благословение божественного мира и радости. Да будьте и Вы благословенны!

Когда учебный год в колледже приближался к завершению, мое невнимание к ежедневной учебной рутине поставило меня в довольно неловкое положение. Я был уверен, что экзамены и зачеты по большинству предметов сдам, хотя и с натяжкой. Однако греческий язык вызывал у меня явное замешательство. **В**

классе обычно весело спорили, смогу ли я узнать одно или два греческих слова в параграфе, который мне предстояло перевести. За весь семестр я едва ли выполнил три задания. Когда мы готовились к последнему экзамену, доктор Пост, наш профессор, не раз говорил: «Не каждый в этой комнате должен быть озабочен тем, чтобы присутствовать при этом событии». Когда он произносил эту фразу, остальные студенты посматривали на меня и смеялись.

И все же я решил явиться на экзамен и сдать его. Конечно, следовало быть очень удачливым, чтобы не провалиться, но я помнил свою новую теорию о том, как притягивать удачу. Верь в удачу, встречай ее на полпути, проявив позитивную активность.

К несчастью, я чувствовал все, кроме энергичной и позитивной активности по отношению к тому, что действительно имело значение: к учебе. За неделю до экзамена я взял учебник и, стараясь воодушевиться, взглянул на первую страницу. Бесполезно. Отказавшись от этой затеи, я отложил книгу в сторону. «Завтра, — утешал я себя, — я выучу вдвое больше, чем собирался сделать сегодня». Но на следующий день мои благие намерения вновь испарились. В остальные дни недели я проявлял настоящее упорство только в неукротимом желании отложить занятия на другой день.

Прежде чем я это заметил, наступил последний вечер перед экзаменом. А я так и не приступил к подготовке! Но даже и в тот вечер я еще был полон решимости сдать экзамен; однако я не мог даже вообразить, чтобы кто-то в здравом рассудке мог рассчитывать на осуществление этих светлых надежд.

Необходимость — мать изобретения. К счастью для меня, в этой, казалось бы безвыходной, ситуации проснулась моя безмятежно дремавшая интуиция. Словно гром среди ясного неба явилось вдохновение.

—Ты — грек, — сказал я себе со всей силой убежденности, на которую был способен, решительно отождествляя себя с этим новым состоянием. Результаты были поразительными.

Как американец, я находил изучение греческого языка трудным. А теперь, в качестве грека, «мой родной» язык усваивался удивительно легко. Через какой-то неуловимый канал в структуре сознания, который связывает всех людей, я вдруг ощутил себя настроенным на греческий стиль мышления и разговора. Более того, относясь к новому языку как к старому другу, я больше не испытывал вековой трудности студента, когда он, притягивая знания одной стороной своего ума, другой отталкивал их из-за своего нежелания учиться. Все мои мысли теперь стремились в одном направлении. Два часа я впитывал греческую грамматику и словарь, словно сухая губка воду, до того момента, пока уже был не в состоянии впитать больше.

На следующее утро «Мать Необходимость» породила новое вдохновение. Наш класс изучал Новый Завет в греческом оригинале. Доктор Пост сказал, что на экзамене нам придется перевести отрывок из этой книги на английский. **В** то утро, помня о своей теории притягивания удачи, я решил обратиться к переводу Библии короля Якова. У меня было время только на прочтение одной главы, но если повезет, мне предложат для перевода отрывок именно из этой главы.

Так и случилось! В тот год экзамен по греческому оказался исключительно трудным: лишь два студента сдали его. Но теория удачи нашла свое подтверждение, и я был одним из счастливцев.

Я извлек из этого испытания несколько полезных уроков: во-первых, способности ума к позитивным свершениям возрастают, если человек восстает против собственной привычки говорить «нет». Порой люди тратят много сил, толкая дверь одновременно с двух сторон. Они могут так трудиться до изнеможения и добиться очень малого или ничего. Если же они научатся убежденно говорить жизни «да», их способность добиваться успеха может расти почти до бесконечности.

Это открытие скрытой силы в себе и во всех других людях было для меня важным, однако все же второстепенным по сравнению с другой проблемой, которую я все еще не мог решить: тайна счастья.

«Разве в сущности все люди стремятся не к радости?—спрашивал я себя. — Почему же тогда так мало людей испытывают настоящее счастье? И почему, как правило, люди страдают в процессе самого поиска счастья?» К концу семестра я пришел к мысли, что причина лежит в американском образе жизни. «Разве можно обрести истинное счастье, пресыщаясь физическими удовольствиями?» На меня произвела впечатление формула Торо в «Уолдене»: «Радость — плод жизни в радости». Для материалиста высоты вдохновения невообразимы. Самой худшей болезнью современной жизни, заключил я, стало самодовольство. Истинная радость всегда созидательна; она нуждается в свежем, живом, интенсивном осознании. Как могут переживать настоящее счастье люди, слишком самодовольные, чтобы воспринять необычную мысль? Материализм не может купить счастье.

Такие рассуждения чаще всего встречают снисходительными улыбками, как будто их обилие, особенно со стороны молодых людей, способно лишить их законной силы. Но, принимая во внимание факт, что к такой мысли приходят более или менее независимо друг от друга после тщательной и честной оценки многие искатели истины, следует поразмыслить о том, нет ли в этом крупицы правды.

В тот год, обнаружив некоторые недостатки образа жизни в Америке, я решил на собственном опыте удостовериться в том, как в этом отношении обстоит дело в других странах, и поехал за границу. Я вообразил, что люди в менее развитых странах начинали свои ежедневные дела с песней и вдохновением в сердцах. Такой страной была Мексика. Там я намеревался провести свои летние каникулы среди простых, счастливых, импульсивных, искренних человеческих существ.

Прежде всего встала проблема, как попасть туда. Если я устроюсь на работу, чтобы заработать на поездку, мои каникулы окончатся прежде, чем я успею отложить достаточно денег. Как, если не принимать во внимание возможность ограбления банка, можно «быстро разбогатеть?» Очевидно, следовало найти новое применение своей теории удачи.

Опираясь на блестящую позитивную позицию, я с надеждой осмотрелся, стараясь найти нужное решение. Я вспомнил, что ежегодник нашего колледжа предлагал денежные призы за различные литературные опусы. Если бы мне удалось выиграть достаточно большой приз, то моя проблема была бы решена!

Я перелистал книгу. Большинство указанных в ней призов были незначительными по сумме: десять, пятнадцать, двадцать пять долларов. Затем мой глаз выхватил более обещающую цифру: сто долларов! Этой суммы вполне хватило бы. Стремясь к успеху, я нетерпеливо стал искать, что нужно сделать для получения этого приза. И тут я пал духом. Требовалось написать эссе на тему: «Основные принципы, которыми руководствуется Правительство Соединенных Штатов Америки». Вероятно, какой-то профессор права выдумал эту юридическую жемчужину! «Почему, — думал я, вздыхая, — педагоги всегда назначают самую высокую цену за столь сухой материал? Кто станет писать на такую скучную тему?»

Я уже был готов перейти к исследованию других вариантов, когда мне пришла в голову спасительная мысль: «Точно! Кто *станет* писать?»

Изучив информацию более внимательно, я обнаружил, что в списке не было никого, кто бы завоевал приз за предшествующий год. Я пролистал несколько старых ежегодников: нигде не значился победитель. Может быть, в этом и *была* надежда! Каким бы профаном я ни был в вопросах права и истории, но если я буду единственным, кто представит...

Во всяком случае, подумал я, не *полный* же я профан. По крайней мере, я знал основные американские принципы в популярном изложении: «Жизнь, свобода и стремление к счастью». Эта краткая фраза могла составить лишь малую часть очерка, но если я взгляну на нее свежим взглядом? Не решат ли судьи, что я лишь блуждаю вокруг темы, если я, например, взгляну на современное общество в

свете того, насколько оно живет в соответствии с этими принципами? Здесь я по крайней мере, на своей территории.

Я разделил свой очерк на три главы: «Жизнь», «Свобода» и «Стремление к собственности». Я старался показать, как из-за нашего неугомонного стяжательства мы лишаемся всех трех наших главных прав: жизни, свободы, а также счастья.

Моя работа была единственной. И я получил приз.

Другой приз предлагался за лучшее стихотворение и оценивался в пятнадцать долларов: не «большие деньги», но все же стоило попытаться; у меня уже были написаны несколько стихотворений, которые можно было бы представить. Я знал, что на этом поприще встречу соперников. В студенческом клубе уже обсуждался вопрос о том, кому достанется этот приз; прозрачно намекалось что, поскольку я не был членом клуба, шансов у меня не было. Прежде мы уже скрещивали шпаги в спорах по поводу творческой деятельности одиночек в противовес групповой деятельности. В термине «поэтический клуб» я находил противоречие и посчитал победой своей личной точки зрения, когда приз достался мне.

Итак, еще до начала каникул в моем кармане было 115 долларов. Я решил, что у меня достаточно денег для путешествия. Если позднее окажется, что мне потребуется больше, то, несомненно, госпожа Удача поможет мне. Всего девятнадцати лет отроду, никогда прежде не живший на свой заработок и вдали от родителей, пребывавших в Румынии, я считал себя настоящим искателем приключений.

Перед отъездом в Мексику я поехал на север, в штат Массачусетс, чтобы навестить Рода. Вскоре после этого началась моя великая одиссея. Отправляясь на юг, я использовал обратный билет на поезд, следовавший из Нью-Йорка в Филадельфию. Далее я намеревался путешествовать бесплатно на попутных машинах, обремененный лишь рюкзаком, вооруженный до сих пор не подводившей меня формулой притягивания удачи.

В поезде позади меня сидела молодая пара. Обратив внимание на мой рюкзак, они завязали со мной разговор: «Вы путешественник?» Сами они были восторженными молодыми туристами. Мы весело болтали и вскоре уже пели народные песни. Ко времени прибытия в Филадельфию мы чувствовали себя старыми друзьями. Они пригласили меня провести ночь в их семейном доме в Ардморе, близ Хэверфорда.

Этот дом оказался не просто местом проживания, а настоящим дворцом. Их гостеприимство было превосходным. Один из членов этой семьи собирался жениться; родственники прибывали из отдаленных мест. Каждый раз на стол

подавались блюда, рассчитанные на самые изысканные вкусы. Госпожа Удача, думал я, была особенно мило расположена ко мне!

На следующее утро, когда я сидел в столовой, готовясь к отъезду, рядом со мной села вдова из семейства. Ее доброжелательная улыбка сулила мне хорошую новость.

—У меня есть племянник, — начала она,—которого фирма командирует в Мехико. Он выезжает завтра на машине. Поскольку он едет один, я уверена, что он будет рад вашей компании. Может быть, вы согласитесь поехать с ним?

Путешествие на машине длиной в три тысячи миль! Госпожа Удача принимала самое живое участие в моих планах. Боб Уотсон, племянник, не только взял меня с собой, но даже назначил меня своим сменным водителем, оплачивая все мои дорожные расходы. Когда мы прибыли в Мехико, он поселил меня в своем доме. Таким образом, моих денег, покупательную способность которых я переоценивал, хватило на все лето.

Боб, а затем и его жена Дороти стали моими добрейшими друзьями. Для них мексиканские приключения были такими же свежими и восхитительными, как и для меня. Мы делились каждодневными впечатлениями, удачами и комическими происшествиями, вечерами рассказывая друг другу о наших новых переживаниях.

Припомнив свою импровизированную систему изучения греческого языка, я решил таким же образом изучить испанский. В тот день, когда мы с Бобом пересекли границу у Нуэво Ларедо, я сказал себе с глубокой убежденностью-. «Ты — мексиканец». Спустя несколько часов после настойчивого и убедительного повторения этих слов, я вошел в ресторан и попросил что-нибудь выпить, стараясь произносить слова без акцента. Рядом стояла американская леди, туристка. Услышав мой выговор, она тут же поддержала мою уверенность, воскликнув в изумлении: «Да вы настоящий мексиканец!»

Через неделю, следуя, как я считал, определенному принципу самообразования, я говорил по-испански довольно хорошо и мог вести длинные разговоры, правда, с запинками, на самые различные темы с людьми, не знавшими английского. Через два с половиной месяца я уже говорил по-испански довольно бегло.

Принцип, который я открыл, состоял в том, что необходимо полностью настроиться на предмет, которым хочешь овладеть. Врожденный талант тоже помогает, но он не столь важен, как глубокая концентрация. У каждого может все получиться прекрасно, если он точно настроится на предмет и решительно прогонит из своего ума любую мысль о том, что задача чужда ему. Этот принцип я подвергал проверке много раз: когда учился писать музыку, играть на музыкальных инструментах, рисовать; понимать некоторые более глубокие аспекты многих дисциплин, абстрактных и практических; находить деньги, когда испы-

тывал в них нужду; основывать преуспевающие общины и получать полезные ответы на разные темы во время медитации. Эта система помогала мне проникать в суть предмета глубже, чем при помощи одних интеллектуальных усилий. Друзья, которым я объяснил этот принцип, тоже достигали замечательных успехов, применяя его.

У принципа много ветвей, одной из которых является моя теория притягивания удачи. Для уверенного достижения успеха его необходимо точно согласовать с целью и блокировать мысль о возможном поражении.

Этот наивный неучет возможности неудачи и является причиной явления, которое в народе называют «везеньем новичка».

Одна из моих знакомых в Мехико, девочка-англичанка, однажды рассказала мне: «Несколько недель тому назад мамочка, я и папа пошли на ипподром. Папа часто ходит туда, а мы пошли на ипподром в первый раз. Целый день он насмехался над нашей «системой» делать ставки. Мы обычно выбирали лошадь потому, что нам, например, нравилось чудное белое пятно у нее на морде, или потому, что у нее было милое имя. Система папочки была более научной. Но можете ли вы поверить? Он обычно проигрывал, а мы выигрывали каждый раз!»

Если моя теория справедлива, временное преимущество новичка перед опытными игроками заключается в том, что он не подозревает о препятствиях, стоящих перед ним, и поэтому более уверен в своих ожиданиях. Конечно, незнание этих препятствий в то же время ограничивает его успех. Чтобы добиться подлинного мастерства, требуется точное осознание всех аспектов предмета, включая трудности.

Во время пребывания в Мехико у меня была возможность убедиться в силе ума и при других обстоятельствах. К концу лета меня атаковали сразу три болезни: стрептококковая инфекция, тонзиллит и дизентерия. Прошло несколько дней, пока я собрался с силами, чтобы нанести визит доктору. Когда я наконец пришел, он сразу же направил меня в больницу: «Вам лучше отдохнуть там, — сказал он мне, — по меньшей мере две недели». Обеспокоенный тем, что по материальным соображениям я не могу позволить себе столь длительное пребывание в больнице, я навел справки и убедился, что мои опасения были не напрасны. Получить деньги из Америки было трудновато, хотя папа оставил для нас, мальчиков, кое-какие средства на случай чрезвычайных обстоятельств. Самым подходящим решением было как можно скорее выздороветь.

— Ты совершенно здоров, — твердо говорил я себе, наполняя сознание мыслью о крепком здоровье и сурово исключая малейшую мысль о нездоровье Через два дня после моего поступления в больницу я покинул ее полностью здоровым.

Годы спустя один из моих друзей укрепил мою веру в исцеляющую силу ума. Ему пришлось однажды работать в качестве физиотерапевта в санатории для больных полиомиелитом. Он обратил внимание на то, что небогатые пациенты, которые не могли позволить себе долгое пребывание в санатории, выздоравливали чаще, чем богатые люди. Он пришел к выводу, что страстное стремление выздороветь генерировало в них энергию, необходимую для самоисцеления.

Мое путешествие в Мексику, в целом, оказалось интересным, впечатляющим и веселым — правда, по наивному восприятию множества различных приключений, оно чем-то напоминало (как позднее выразился папа) приключения Пиноккио. Однако я не нашел там того, что меня интересовало больше всего: лучшего образа жизни. Я надеялся, по меньшей мере, найти там больше веселого смеха, больше человеческого тепла, больше вдохновения. Некоторое время мне казалось, что я нашел все это. Но постепенно я стал понимать, что это объяснялось моим собственным радостным чувством искателя приключений, а люди вокруг меня, так же как и в Америке, брели по тому же скучному кругу жизни. Лишь на первый взгляд мексиканцы отличались от американцев; в сущности, они были такими же. Они жили, трудились, воспитывали детей и умирали; в обеих странах над этой суетной жизнью парило творческое воображение очень немногих.

Хуже того, я обнаружил, что в главном я сам оставался прежним, жил ли я в Вила-Обрегоне, Куэрнаваке или в Скарсдейле. Я испытывал те же физические неудобства, ту же потребность есть, спать, то же одиночество. Я теперь лучше оценил утверждение Торо, в котором он отвергал общепринятое мнение о том, что человек становится мудрее после путешествия за границу. В «Конкорде» он писал: «Я много путешествовал». Он тоже поездил немало, но знал больше, чем кто-либо другой, о своем родном городе и его окрестностях.

Я понял, что важно не то, что мы видим вокруг себя, а наш подход и наше отношение к тому, что видим. Ответы на вопросы невозможно найти, перемещаясь из одной страны в другую. Для тех людей, которые рассчитывают найти за границей то, чего они не заметили в *себе,* классическим уроком являются слова Эмерсона: «Путешествие — рай для дураков».

Той осенью я обсуждал с несколькими друзьями просмотренный нами кинофильм «Лезвие бритвы» — повесть о том, как житель Запада отправился в Индию, где с помощью мудрого человека, которого там встретил, обрел божественное просветление.

«О, если бы только я могла попасть в Индию,—с воодушевлением воскликнула девушка, участвовавшая в обсуждении фильма,—и *потеряться*!»

Возвратившись из Мексики, я потерял иллюзию возможности посредством путешествий решать человеческие проблемы. «От кого ты мог избавиться? — смеялся я.—Конечно, не от себя!»

После болезни, которую я перенес в конце лета, и отразочарования неудачей мексиканского поиска того, на что я надеялся, я на какое-то время упал духом. Я все еще продолжал поиск реальности, но уже с меньшим энтузиазмом. Поразительно, что, пока ко мне не вернулась вся сила и жизнеспособность моей веры, госпожа Удача не проявляла своего расположения.

ГЛАВА 10

ЛОВУШКИ ИНТЕЛЛЕКТА

В ОДНОМ ИЗ ДРЕВНИХ греческих мифов говорится, что Икар и его отец Дедал бежали с Крита при помощи сделанных Дедалом искусственных крыльев из воска и перьев. Икар, переполненный радостью полета, самонадеянно пренебрег советом отца не взлетать слишком высоко. Как только он вознесся чересчур близко к солнцу, воск на его крыльях растаял, и Икар погиб, упав в море, которое теперь называют морем Икара.

Многие древнегреческие мифы содержат в себе глубокие психологические и духовные истины. В этом мифе мы находим одну из слишком часто совершаемых человеком ошибок; в радости, которую он переживал, обнаружив в себе ранее неизвестную силу, он вознесся «слишком высоко», игнорируя совет тех, кто на собственном опыте познал цену скромности.

Я обнаружил, что с помощью силы воли, веры и точной настройки на то, чего я хотел достигнуть, я мог до определенной степени повернуть ход событий в свою пользу. Я мог изучить несколько языков, мог поставить перед собой цель выздороветь — и выздоравливал. Я мог уверенно идти к закрытым дверям жизни, и они открывались передо мной. На пути ко всем этим маленьким успехам было два ключевых слова: *чувствительность* и *настроенность.* При изучении греческого языка я старался настроиться на сознание грека; важна была настройка, а не только мое *решение* изучать язык В утверждении «Я — грек» действующим было *не Я,* а *грек.* Но теперь в избытке чувств я просто бросился в открывшийся пролом. Отчасти я был движим энтузиазмом, который охватил меня, когда я осознал величие открывшихся передо мной возможностей. Однако мой энтузиазм был такой избыточной мощи, что чувствительность и способность к настройке просто скрывались в пыли, поднятой копытами моего рвущегося вперед и ввысь эго.

Мне хотелось мудрости. Ну что же, значит, я и *был* мудрым! Я страстно хотел, чтобы мои книги вдохновляли и вели людей; я хотел быть большим писателем! Значит, я и был большим писателем! Как это просто! Все, что мне оставалось сделать, так это в один прекрасный день написать все эти поэмы, пьесы, романы, которые бы подтвердили то, что для меня было *свершившимся фактом.*

Эта идея имела определенное достоинство, но и определенные слабости из-за того, что я выходил за пределы своих реальных возможностей. В этих потугах была напряженность, а в напряженности — эго.

Вера, выходящая за пределы человеческих возможностей, превращается в самонадеянность. Всегда лучше согласовывать позитивные утверждения с шепотом воли Бога в душе. Поскольку я ничего не знал о таком руководстве со стороны Бога, то заменял его своим собственным. То, что я объявляю мудростью, и должно *быть* мудростью. То, что объявляю великим, и должно быть великим. Дело не в том, что мои мнения были неразумными. Многие мысли, надеюсь, были достаточно здравыми, но ограниченными моей собственной гордостью: для других мнений не было места. Я еще не научился внимательно прислушиваться к «истине, которая глаголет устами младенца». И все же я рассчитывал на согласие с моим мнением даже со стороны тех, чей возраст и жизненный опыт давали право считать *меня* ребенком. Я не хотел признать себя учеником человека. Мне хотелось освещать свой собственный путь. Мощным усилием ума я смог бы покорить судьбу своей воле.

Да, я не был первым и, видимо, не буду последним молодым человеком, который вообразил, что в его руках не пугач, а пушка. Но мои развивающиеся взгляды на жизнь были такими, что со временем должны были отвергнуть и самонадеянность.

На второй год из колледжа я был переведен в Браунский университет в Провиденс на Род-Айленде. Я чувствовал, что в новой среде пышнее и ярче расцветут новые восприятия. В университете я продолжил изучение своей основной дисциплины — английской литературы; кроме того, я посещал курсы искусствоведения, философии и геологии. Однако я все более пренебрежительно относился к формальному образованию. Я не видел, какую пользу для избранной мною карьеры писателя могла бы принести ученая степень. Мне недоставало терпения для простого накапливания фактического материала, поскольку во всем меня, прежде всего, интересовал вопрос «почему?». Даже на лекциях по философии, на которых должны были затрагиваться вопросы «почему», мы занимались простой классификацией мнений людей, которых изучали. Когда я понял, что нечего и рассчитывать на рассмотрение обоснованности их мнений, я, в качестве молчаливого протеста, занялся на лекциях чтением поэзии.

Упорно стремясь к развитию избранного амплуа, я пытался играть роль авторитетного писателя и философа перед всеми, кто имел желание слушать меня. Однако таких было очень немного. Часами сидели мы вместе, увлеченные игрой философской мысли. Я помогал им увидеть, что радость должна быть настоящей целью жизни, что непривязанность является верным ключом к радости и что каждый должен жить просто, находя радость не в вещах, а во все

расширяющихся горизонтах видения реальности. Истину можно найти, утверждал я, не в низменных сторонах жизни, на чем настаивают многие писатели, а в высоких человеческих устремлениях.

Большинство моих писаний студенческой поры давно преданы огню или благословенному забвению. Один отрывок, избежавший сожжения, выражает взгляды, которые я излагал в то время. И небесполезно процитировать его без изменений.

Мои соотечественники, породившие то, что во многих отношениях чудовищно, провозглашают то, о чем не заявлялось ранее так страстно: мы пойдем в ногу с веком, если будем творить великие вещи. Им кажется необходимым повторять то, что обычно слишком очевидно; и именно это свидетельствует о том, как мало это столетие отозвалось в наших сердцах.

Более того, они неправильно поняли истинное значение демократии, которое заключается не в том (как они полагают), чтобы унижать достоинство благородных, воспевая добродетели простого человека, а в том, чтобы объяснить простому человеку, что он тоже может стать благородным. Цель демократии в том, чтобы улучшить положение бедного человека, а не восхвалять его за бедность. Только при такой цели демократия может иметь настоящую ценность.

Закон Бога справедлив и прекрасен. Не существует уродства, кроме человеческой несправедливости и ее символов. Проходя через трущобы, мы наблюдаем не жизнь в ее первобытном состоянии, не голую правду, которую нас склоняют видеть многие «реалисты», а факты и иллюстрации нашей несправедливости, извращения жизни и искажения правды. Если мы претендуем на то, чтобы нас считали реалистами, нельзя принимать за действительность то, что мы видим из убогих глубин человечества, поскольку это видение обусловлено несправедливостью и отрицанием. Доброта и красота покажутся странными, а нищета, ненависть и все печальные дети человеческого заблуждения покажутся нормальными и в то же время странными и непонятными, как если бы человек различал отдельные ветви и листья, но не мог найти ствол. Не из лачуги бедняка можем мы увидеть всю правду, а из обители святого, потому что с высоты его холма само уродство видится не как мрак, а как недостаток света, и нищета городов представляется не чем-то чужеродным, а

собственным злом, по сути —симптомом нашей собственней несправедливости.

Чем с большим вниманием мы изучаем внешний мир, чтобы понять наш внутренний, тем больше последний ускользает от нашего понимания. С людьми так же, как и с Богом.

Мои идеи были, по большей части, обоснованы. Однако одни идеи еще не являются мудростью. Истину надо прочувствовать. Боюсь, что в бесконечных дискуссиях об истине я так и не почувствовал ее сладость.

Однажды мы брели с другом по университетскому городку, возвращаясь с занятий. Обратившись ко мне с преданным видом, он заметил: «Если я когда-нибудь в своей жизни встречал гения, то это ты».

На какое-то мгновение я был польщен. Однако когда я обдумал эти слова, стыд волной обрушился на меня. Что же на самом деле я совершил такое, чтобы заслужить подобную похвалу? Я *разглагольствовал!* Я был так занят разговорами, что у меня не оставалось времени даже на писательство. А этот комплимент прозвучал так искренне! Одно дело играть роль писателя и философа, чтобы убедить *себя.* И совсем другое — убедить своей игрой других. Я почувствован себя лицемером. До боли разочарованный собой, я отдалился от всех моих коллег в университете и попытался выразить в литературе те истины, к которым я до сих пор относился так же легко, как к болтовне за чашкой кофе.

Мне потребовалось немного времени, чтобы понять, что значительно легче безответственно рассуждать о философских проблемах за кофейным столиком, нежели превратить основные концепции в значительное литературное произведение. Существуют уровни понимания, которые достигаются лишь в том случае, если истину глубоко прочувствуешь в течение многих лет. Сначала интуиция подсказывает почти те же слова, однако сила слов слаба по сравнению с убежденностью, которая звучала бы в них, если бы они были глубоко прочувствованы.

Святой Антоний в начале Христианской эры был позван из пустынной обители епископом Александрии, чтобы выступить в защиту божественного происхождения Иисуса Христа. В христианском мире тогда, вследствие так называемой арианской ереси, отвергавшей единство Христа и Бога, шли неистовые споры. Святой Антоний не стал читать длинную, тщательно продуманную проповедь в поддержку своих идей. Однако его слова, проникнутые страстью многолетних молитв и глубоких размышлений, прозвучали с такой силой убеждения перед слушателями, что все возражения отпали. Святой Антоний произнес: «Я *видел* Его!»

Увы, я не видел Его. Я также не прочувствовал до глубины души единственную истину. Моя картина была скорее наброском, чем законченной работой. Когда я пытался выразить свои идеи на бумаге и брал ручку, мой разум каким-то странным образом мутился. Что бы я ни писал, я скорее старался усовершенствовать свое мастерство писателя, нежели выразить то, что действительно хотел сказать. Я описывал ситуации, которые не встречались мне в жизни, писал о людях, прототипов которых мне не приходилось знать. Чтобы овладеть мастерством писателя, я подражал стилю других, надеясь найти в их способах построения фраз и словоупотребления секреты четкости и красоты самовыражения, чтобы, используя все это, выработать свой собственный стиль.

Я получал удовлетворение от похвал профессоров и мастеров слова. Некоторые из них говорили мне, что я когда-нибудь стану выдающимся писателем. Однако в девятнадцать лет я был далек от того, чтобы оправдать их дружеские ожидания. Хуже всего было то, что я сам сознавал: из всего мною написанного почти ничто не заслуживало внимания.

Я работал над проблемой психологического воздействия на читателя различных ритмов и рифм. Я изучал эмоционально заряженные ирландско-английские рифмы, которыми так великолепно пользовался великий ирландский драматург Джон Миллингтон Синж. Меня удивляло, как скуден глубоким чувством современный английский язык, и размышлял над тем, что без изучения звучания языка невозможно наделить красотой речь драматических актеров.

Одной из догм, которую нам внушали на уроках английского языка, было то, что ямбический пентаметр, белый стих драм Шекспира, является самым естественным поэтическим размером английской речи. Как несомненное доказательство этой догмы, конечно, использовали Шекспира. Однако в *современном* английском языке белый стих казался мне слишком изысканным. Максвелл Андерсен, американский драматург двадцатого столетия, использовал этот стих в нескольких своих пьесах, и в лучшем случае они были смелой попыткой. Я, конечно, не хотел придерживаться бесплодной формулы современных писателей, пытающихся передавать речь реалистично. («Ну, ты как, привалишь?»—«Ну, да—верняк».—«Ну, смотри, я не уламываю. Хошь бери, а хошь—отваливай». —«О'кей, о'кей, старина. Кто болтает, что не привалю?») Шекспир, даже когда имитировал народный говор, идеализировал его. Моей задачей было следовать его примеру, сохраняя естественность звучания. Если литературный язык не может возвышать, то мало оснований называть это литературой.

На летние каникулы в 1946 году я поехал в провинциальный город на мысе Код — рай для артистов и писателей. Там я снял небольшую комнату, превратил кухонный шкаф в письменный стол и погрузился в сочинение одноактной пьесы. Чтобы протянуть как можно дольше на те несколько долларов, которыми

я располагал, я каждый день брал в местной столовой на ленч дежурное блюдо шеф-повара. За сорок пять центов я получал кусок жирной говядины с одним или двумя кусочками вареной картошки, а если повезет — с двумя или тремя ломтиками моркови. Через два месяца такого ежедневного питания, даже при его дешевизне, я больше ни дня не мог заставить себя терпеть это наказание. Однажды после полудня я вошел в столовую, заказал дежурное блюдо шеф-повара, посмотрел, как расползался ломтик картофеля под моей ложкой, встал и вышел из столовой, чтобы никогда больше не вернуться.

В конце лета я провел неделю на удаленном пляже, «вдали от безумной толпы». (Как прекрасно было бы, думал я, стать настоящим отшельником!) Моя одноактная пьеса, которую я завершил в тех дюнах, оказалась неплохой, хотя я не мог избавиться от гипнотического очарования английского языка Синжа.

Несмотря на мою бедность, само лето доставляло удовольствие. Помимо всего прочего, оно показало мне, что в артистических кругах я был таким же аутсайдером, как и в других сообществах. Мне все больше становилось ясно, что я никогда не найду искомого, если буду пытаться *стать* кем-нибудь. Попытка стать «писателем», или даже «великим писателем», вовсе не приближала ответ. То, в чем я нуждался больше всего, касалось более глубокого вопроса: «Что *я представляю из себя сейчас?»*

ГЛАВА 11

ОКОЛЬНЫЕ ПУТИ

КогДАЯ ЖИЛ в Провиденсе, городе, лежащем на расстоянии короткой поездки поездом из Бостона, я часто навещал Рода и Бетт. Род жил в Уэлсли-Хилс, пригороде Бостона. Бетти, добрый друг и кузина, была студенткой близлежащего колледжа Уэлсли.

Род поступил в Бостонский университет. Он был добродушен и, как всегда, проявлял живой интерес ко всему. Вместе с ним мы тратили много времени на то, что можно с некоторой натяжкой описать как индийскую практику *нети, нети* («не это, не то») . Мы увлекались беглым анализом, полным шутливых замечаний и веселых преувеличений по поводу некоторых глупостей, к которым склонно человечество.

Есть иллюзия жизни-ради-того-чтобы-производить-впечатление-на-других: «Я работаю на Уолл-стрит (пауза). Конечно, вы знаете, *что* это значит».

Есть «Протестантская этика», или я-рад-что-несчастен-потому-что-это-значит-что-я-хороший: «Я не намерен указывать, что вам следует делать. Я прошу только, чтобы вы (вздох) сделали своим советчиком вашу совесть».

Нашей любимой была иллюзия о том, что если-вы-хотите-быть-уверенным-следуйте-за-толпой: «Тебе бы лучше идти в ногу, сынок, если ты хочешь, чтобы двигалась вся колонна».

Род был удивительным мимом. Дже самые разумные формулировки он мог озвучить как смехотворные. Он просто бесподобно имитировал глупца, пытающегося говорить как важная персона.

Мы серьезно обсуждали, чего хотим добиться в жизни. Чем дольше мы говорили, тем длиннее становился список минусов и короче—плюсов. Для Рода это сужение горизонтов означало постепенную утрату мечты стать писателем. Для меня это значило постепенную переориентацию стремлений от мирских свершений к духовным.

Санскритское ***нети*** образовано слиянием отрицательной частицы ***на*** и ***ити*** («так*). — ***Прим.ред.***
Беспристрастно оценивая все человеческие заблуждения, отвергая каждое из них со словами «Это тоже нереально ***{нети, нети)*,*** ищущий в конце концов обретает способность видеть абсолютную Истину.

В те дни, как я уже говорил, студенты не были, как сегодня, столь озабочены поиском смысла. Идеалом большинства было «пробиться наверх, стать богатым и значительным; жениться; купить дом и заселить его большой семьей; показать другим, что наслаждаешься жизнью (еще лучше—заставить их завидовать тому, что ты наслаждаешься жизнью)». Не приходится и говорить, что у людей есть множество амбиций и далеко не все они порождены невежеством. Однако молодежь в своем поиске собственных путей в жизни редко прислушивается к советам других. Если мы с Родом не были великодушны, то это отчасти объясняется тем, что мы все еще не определили своих целей в жизни.

Неудивительно, что некоторые люди ответили на неприятие их ценностей определенной враждебностью. Род фактически провоцировал их враждебность, осуждая с их ценностями и самих людей. Всегда склонный к крайностям в суждениях, он либо восхвалял людей до небес как «просто великолепных», либо неистово осуждал как «ужасных» или «смешных».

Но осуждение создает барьер: при исключении других оно ограничивает также и себя. Род своей позицией постепенно загонял себя в психологический угол. Если другие не соответствовали его идеалам, то он должен был доказать, что сам-то им соответствует. Чем строже были его стандарты для других, тем непосильнее они становились для него самого. Я помню, как в течение двух или трех месяцев, когда он якобы работал над романом, он напечатал на чистом листе «страница 1, Глава первая», но так и не продвинулся дальше. Думаю, что со временем у него не осталось выбора, кроме как совсем бросить писать. Очень жаль, потому что он был и остается одним из самых талантливых, интеллигентных и глубоко чувствующих натур, которых я когда-либо встречал.

Сам я, хотя и менее склонный к осуждению, чем Род, мог быть резким в высказываниях. Я оправдывал это, говоря себе, что только пытался побудить людей к пониманию. Однако недоброе отношение не имеет оправдания. В каком-то смысле мой недостаток был куда серьезнее слабости Рода, поскольку его осуждение было обращено к людям, которых он едва знал, а моя критика предназначалась друзьям.

Однажды я написал Бетти язвительное письмо просто потому, что чувствовал: она недостаточно настойчиво старалась развивать свой духовный потенциал. Иногда даже мама попадала под мой обстрел. Прошли годы, прежде чем я понял, что никто не имеет право навязывать свою волю другому человеческому существу. Уважение такой свободы действительно важно, если ты будешь давать другим советы с надлежащей мудростью. Без уважения к праву другого быть самим собой невозможно правильно понять его нужды и интересы. Мне, конечно, была свойственна безучастность незрелого разума. Боль, которую я причинил другим, никогда не уравновешивалась тем, что мои советы принимались.

Идя по пути, я часто задумывался: как можно возместить те обиды, которые я причинил многим моим друзьям и любимым людям? И столь же часто я получал ответ: моля Бога благословить их *Своей* любовью.

К концу первого года учебы в Браунском университете Род, бросивший Бостонский университет, приехал и поселился со мной в комнате, которую я снимал за пределами университетского городка. Мы вместе готовили пищу по книжке, которую я купил из-за убедительного названия: «Если вы умеете читать, то можете готовить». Я всегда смотрел на приготовление пищи как на некий вид волшебства, поэтому с удовольствием прочел в этой книге совет: «Чтобы убедиться в готовности спагетти, бросьте одну на стену*; если она прилипнет — значит, готовы».

Проживая в одной комнате с Родом, я получил возможность на новом уровне наблюдать истину, открытую мной в прошлом семестре в Хэверфорде: субъективные позиции часто ведут к объективным последствиям. Склонность Рода осуждать других вызывала антагонизм не только со стороны знакомых ему людей, но каким-то неуловимым путем и со стороны незнакомцев. В ресторанах люди за соседним столом иногда начинали без видимой причины ворчать на него. Однажды вечером прохожий наставил на него револьвер, предупредив, чтобы он занимался своим делом. В другой вечер шестеро мужчин с ножами преследовали его по неосвещенной улице; Роду удалось ускользнуть от преследователей, скрывшись в дверях дома. Когда мы выходили на улицу вместе, все было мирно. Но сам Род постоянно притягивал беду. К счастью, так как он в действительности не желал никому зла, он всегда оставался невредимым.

В это время наши с Родом жизненные пути начинали расходиться. Род в какой-то мере разделял мой интерес к области духовного, но не настолько, чтобы окунуться в нее самому. У меня, напротив, росло желание связать жизнь с духовной сферой. Мы свободно говорили о разном, исключая эту тему, о которой я предпочитал не распространяться.

Однажды я читал книгу. Вдруг на меня нашло вдохновение. Я чувствовал, что оно снизошло с какого-то более глубокого уровня моего ума, чем сознание. Ошеломленный до глубины души, я сказал Роду: «Я стану религиозным учителем!»

—Не дури!— фыркнул он совершенно безразлично.

—Ну что ж, — подумал я, — *больше* ***ни шва. Но я знаю.***

Однако желание стать религиозным учителем ни в коей мере не побудило меня проводить больше времени в церкви, где религия меня никогда не привлекала. «Хел-ло/» — обыкновенно говорил наш университетский священник с

* **Очевидно, в рецепте имелась в виду стенка** *кастрюли. —Прим.ред.*

притворной улыбкой, стеснительно-застенчивый в своей попытке продемонстрировать нам свое «христианское милосердие», когда встречал нас в холле. Люди, думал я, ходят в церковь, потому что это считается респектабельным и пристойным. Некоторые из них, несомненно, хотят быть добрыми, но многие ли ходят в церковь, потому что *любят Бога*? Страстное стремление к Богу казалось в чем-то несовместимым с хождением в церковь, с ее спланированными службами, лишенными непосредственности. Священники со своих кафедр говорили о политике и грехе, о социальных болезнях и бесконечно—о деньгах. Но они не говорили о Боге. Они не призывали нас посвятить жизни Ему. Даже намека не было в их речах на то, что единственный настоящий друг и доброжелатель обитает в наших душах—истина, о которой откровенно говорил Иисус. Такие социально неудобные места, как заповедь Иисуса **Оставь все* и следуй за Мной», либо вовсе исключались из их проповедей, либо предусмотрительно пояснялись, оставляя нас там, где мы уже были, вооружая надежным оправданием. У меня сложилось впечатление, что священники, которых я слушал, не решались обидеть своих богатых прихожан, на которых смотрели как на покупателей. Что касается прямого *внутреннего* общения с Богом, то ни один из них даже не упомянул об этом, ни один не упомянул имя Бога. Общение с Богом сводилось к тому, что можно получить с помощью священника у ограды алтаря.

Однажды в воскресенье я посетил церковь в небольшом городе к северу от Бостона. Я слушал проповедь на тему «Причастие во имя Забвения». И что же нам надлежало забыть? Оказывается, свирепых японцев и их измену в Перл-Харборе, нацистов и их зверства. В проповеди не было ничего об исправлении собственных пороков, о том, чтобы видеть Бога в своих врагах. Ничего о том, чтобы простить *их* обиды. Жертвенное вино, предложенное нам, должно было помочь нам забыть все беды, которые причинили нам *другие.* Я едва мог подавить улыбку, когда этот воплощающий Лету нектар оказался не вином, а виноградным соком!

Поистине настоящую горечь испытывал я, наблюдая банальный характер религии, исповедываемой в церквах, в которых мне приходилось бывать. Моя горечь вызывалась не тем, что требования этой религии были невыполнимыми, а тем, что они были невыразимо тривиальны; не тем, что ее утверждениям трудно было поверить, а тем, что они делались на самом безопасном и скромном уровне приемлемости со стороны паствы. Больше всего меня беспокоило то, что церкви производили впечатление социальных институтов, а не маяков, способных вывести людей из тьмы духовного невежества. Казалось, они пытались *примириться* с этим невежеством. С помощью танцев, непритязательных представлений и выхолощенных религиозных учений они отчаянно старались просто заставить людей посещать церковь, игнорируя заповедь Иисуса: «Накормите

моих овец». Фрэнк Лаубах, великий христианский миссионер, однажды начал кампанию за то, чтобы побудить священников упоминать в проповедях Бога. Эта кампания явилась решающей причиной моего собственного разочарования. Из всех ценностей в жизни я наиболее страстно стремился к духовному пониманию, но именно в церкви самым невероятным образом меня лишали этого понимания. Взамен они предлагали бездушные суррогаты. На протяжении многих лет, через другие источники я искал осуществления того, к чему меня так страстно влекло, потому что священники со своих кафедр превратили в насмешку обещания, данные в Библии. Если перефразировать слова Иисуса, я просил у них хлеба жизни, а они дали мне камень.

Итак, изголодавшийся по духовному пониманию, я видел, что у меня не было выбора, кроме продолжения карьеры писателя, и обратился к искусству, чтобы получить тот род вдохновения, которое (если бы я только знал!) могло прийти только от Бога. Я как бы уходил в пустоту из-за отсутствия более привлекательного места. Мое сердце все больше опустошалось, и я не знал, как заполнить этот вакуум.

Мои занятия в колледже становились все более обременительными. Интеллектуализм не прибавлял мудрости. Мне представлялось тривиальным заниматься изучением романов восемнадцатого столетия, когда я прилагал усилия, чтобы глубоко вникнуть в сам смысл жизни.

Родители вернулись из Румынии. Я просил их разрешить мне взять отпуск в колледже. Неохотно, они все же дали разрешение. Так, в середине второго курса, я покинул Браунский университет и больше туда не вернулся.

После этого в течение нескольких месяцев я жил у родителей. Я трудился не без азарта, но и без реальной надежды, над двухактной пьесой. В ней не было того, о чем я действительно хотел бы рассказать. Однако то, о чем я действительно хотел рассказать, я был не в состоянии выразить.

Иногда я выезжал в Нью-Йорк и часами бродил по городу, наблюдая трагедию перехода людей от одиночества к апатии. Они казались до того обделенными радостью, борясь за простое выживание в заброшенных каньонах из бетона!

Порой я прогуливался по оживленному пространству площади Вашингтона, почти в каком-то экстазе обозревая матерей с детьми, смеющихся детей, играющих на газонах, молодых людей, поющих под гитары у фонтанов, качающиеся под ветром деревья, струи фонтана, играющие всеми цветами радуги в лучах солнца. Все, казалось, сливалось в какой-то космической симфонии, жизни

*** I Матф. 7:9.**

многих людей сливались в одну, их бесконечные переливы смеха в единое море радости.

Долины и вершины жизни! Какая великая истина могла связать их вместе, превращая в одно целое?

Однажды возвратившись домой, я сказал маме, что больше не буду ходить с ней в церковь. То был один из немногих случаев, когда я видел ее плачущей. «Это так глубоко огорчает меня,—причитала она,—видеть твой уход от Бога!» Я не знал об обещании, которое она дала перед моим рождением — отдать меня, ее первенца, Богу. Мне бы очень хотелось успокоить ее, и я был глубоко тронут ее заботой, но что я мог сделать? Я считал своим долгом прежде всего быть честным перед собой.

Спустя несколько дней мама разыскала меня. С надеждой она привела мне цитату, которую вычитала где-то в то утро, о том, что атеизм иногда предполагает принятие на себя глубокого духовного обязательства. Я никоим образом не был атеистом, как ей казалось; тем не менее мне стало как-то легче, когда я почувствовал, что она поняла мой отказ от ее церкви как часть моего искреннего стремления найти истину. Но тогда я не поделился с ней своими подлинными чувствами из опасения ослабить интенсивность своего поиска.

В то лето я ездил в небольшой город Пугни, штат Вермонт, где мой младший брат Дик учился в школе. Дик уже становился стройным молодым человеком; я горячо любил его. Меня глубоко тронуло то, что он рассказал мне. Однажды он подъезжал к дому, чтобы захватить группу друзей. Когда его автомобиль останавливался, он слегка коснулся собаки, невозмутимо стоявшей на пути. Собака не пострадала, но ее хозяин, маленький пожилой человек, по физическим параметрам далеко не пара Дику, был вне себя от ярости. Он быстро подошел к машине и ударил его кулаком в челюсть.

В тот момент из дома выходили его друзья. Дик, обеспокоенный тем, что они могли поколотить этого человека, не сказал ничего ни им, ни ему.

Во время пребывания в городе Путни местный учитель по драматургии рекомендовал «Док-Стрит-Театр» в Чарльстоне, штат Южная Каролина, как подходящее место для изучения сценического искусства. В день рождения, когда мне исполнился двадцать один год, папа подарил мне пятьсот долларов. (При этом Дик заметил: «Приятный прецедент состоялся!») Я решил, пребывая в довольно отчаянном настроении, что если хочу стать драматургом, то мне следует с этими деньгами направиться в Чарльстон, чтобы пройти там соответствующую практику в театре.

ГЛАВА 12

КТО Я-ЧТО ЕСТЬ БОГ?

ВЕСЬ МИР — ТЕАТР, — говорит Жак в пьесе «Как вам это понравится». Немногие люди сознают, как мало в их личности проявляется их истинная природа. Эмерсон писал в книге «Сверхдуша»: «Мы умеем лучше, чем делаем. Мы еще не овладели собой, но в то же время знаем, что являемся чем-то большим. Как часто в моих обыденных разговорах с соседями я склоняюсь к той же истине: что-то более высокое в каждом из нас проглядывает над этой обыденностью; Юпитер кивает Юпитеру позади каждого из нас. Люди спускаются с этой высоты, чтобы встретиться».

В душе каждого человека обитает Бог. Человек просто убеждает себя, сосредоточиваясь на внешней стороне своей жизни, что он пекарь, банкир, учитель или проповедник; что он груб или нежен, энергичен или ленив, весел или мрачен. Он не видит, что все это лишь роли, отражения его симпатий и антипатий, его желаний и нежеланий, которые он накопил в процессе инкарнаций. То, что было накоплено, может быть снова утрачено. Внешняя сторона личности постоянно меняется. Только внутренняя сущность человека неизменна и вечна.

Когда я оглядываюсь и вспоминаю свою жизнь, мне представляется, будто она кем-то спланирована для меня. Мои переживания до настоящего времени и испытания, о которых я повествую, несомненно отражают в основном уроки, необходимые для приобретения жизненного опыта. Возможно, именно благодаря этому плану, который «гипотетический Некто» составил для меня, я провел лучшую часть следующего года в Чарльстоне, работая в театре «Док-Стрит». Различные роли, исполненные мною на его сцене абсолютно непрофессионально, научили меня мысленно, со стороны, смотреть на себя. Дональд Уолтерс играл свою обычную ежедневную роль молодого американца веселого нрава, подающего надежды драматурга и вечного простака за границей.

Мои связи с «Док-Стрит-Театром» помогли мне со временем увидеть пустоту игры *всех* ролей в театре или за его пределами. Большинство людей, которых я встретил там, были всегда «на сцене»; даже в самооценке они исходили из того, насколько умели притворяться. Год, проведенный с ними, неизмеримо усилил мое стремление к *истинным* ценностям.

Я приехал в Чарльстон в конце июня. Театр «Док-Стрит», как мне стало известно, был закрыт на летние месяцы; его открытие не планировалось до сентября. Я снял комнату в пансионе с ночлегом и обильным трехразовым питанием всего за десять долларов в неделю. Атмосфера там была добродушная, почти семейная. Большую часть моих соседей по жилью составляли студенты «Цитадели»—близлежащего мужского колледжа. Дружба со многими ровесниками, имеющими сходные интересы, некоторое время угрожала моим намерениям посвятить себя писательству. Чтобы извлечь пользу из этой опасности, я сказал себе, что, как многообещающий писатель, должен извлечь как можно больше из местного колорита. Кроме нескольких набросков стихотворений, мои «достижения» ограничивались рядом вечеринок, выходов на пляж, веселыми дискуссионными сборищами, на которых обсуждалось все: от политики до девушек и местных сплетен.

Постепенно я стал изучать образ жизни людей из разных слоев общества Чарльстона. Я бывал везде; встречался с людьми разного общественного положения и профессий, исследовал самые «грязные» погребки и бывал гостем в видных домах.

Чарльстон был маленьким городом, в котором насчитывалось около 70000 населения. Я обнаружил в его скромных границах усредненный профиль Америки. Со средним и более высоким социальными слоями и, в меньшей степени, с несколько более низким слоем я уже в известной мере был знаком. Но те нижние слои, которые я теперь изучал, просто открывали мне глаза. Я имею в виду не бедняков с простым достоинством, делающим неуместным ярлык «низшее сословие», а людей, часть которых действительно богата, однако духовное убожество обрекло их на жизнь в атмосфере преступной алчности. Среди людей такого рода были владельцы и содержатели грязных ночных клубов, служивших ширмой для еще более запретных игорных залов наверху и, видимо, иных тайных махинаций. От этих людей исходила почти видимая аура бесчестности, холодной жестокости и зла, их состояния делались на эксплуатации человеческого отчаяния.

Не менее жалкой была жизнь завсегдатаев таких мест. Они приходили туда за тем, что могли получить. В их разговорах отражалась их черствость; их грубый смех трещал как лед. Такие люди вечно были бездомны—если не на самом деле, то в сознании. Эти мужчины и женщины почти бесцельно переезжали из города в город в поисках временной работы и таких же мимолетных удовольствий; лица, чей характер терял очертания в тумане алкогольных испарений; супруги, чья семейная жизнь разрушилась под ударами отбойного молотка непрерывных

* **В период их запрета.** — *Прим, перев.*

раздоров; одинокие люди, которые слепо пытались найти в этом разгуле человеческого равнодушия хотя бы слабый проблеск дружбы.

Везде я видел одиночество и опустошенность. Вот где, думал я, материал, на базе которого были написаны бесчисленные пьесы и романы. Откуда такое исключительное увлечение негативизмом? Неужели великая литература — это всего лишь то, с чем приходится мириться? Кто может получить нечто стоящее от обнажения пустоты и безнадежности?

И все же это несомненно было частью жизни и в духовном плане благотворно подействовало на меня. Это дало мне понять, насколько может деградировать человек, и придало остроту стремлению к реализации собственного потенциала.

Наконец я предпринял новую попытку ходить в церковь. Я даже вошел в церковный хор, но вскоре обнаружил, что меняю один вид бесплодия на другой. Без сомнения, атмосфера церкви была более здоровой, но очень чопорной; она сильнее препятствовала любой возможности достичь более высокого совершенства.

Цивилизованный человек гордится тем, насколько он опередил в своем развитии первобытного дикаря. Он снисходительно смотрит на культуру племен за их обычай наделять деревья, ветер, дождь и небесные тела человеческими свойствами. Теперь, когда наука, используя прозаическую терминологию, утратив чувство благоговения, объяснила все, современный человек считает себя мудрее. Однако я не уверен, что он заслуживает поздравлений. Поражает то, что, ослепленный собственными технологическими достижениями, он исповедует лишь новый вид суеверия, гораздо менее привлекательный. Став слишком прагматичным для богослужения, он забыл, как следует общаться. Вместо того чтобы почувствовать связь с окружающей Вселенной, он отгородился от нее бетонными «джунглями», кондиционерами и музыкальными комбайнами, самовосхвалением и шумными увеселениями, решением бесчисленных проблем, которые реальны для него, только поскольку он сам считает их таковыми. Он словно струна скрипки без резонатора. Жизнь, отделенная от более широких реалий, становится пустой и бессмысленной.

Современная технология отчуждает нас от Вселенной и друг от друга. Хуже всего то, что она отчуждает нас от ежих себя. Она направляет всю нашу энергию на простое манипулирование вещжи, пока мы ежи не обретем почти те же качества, что у вещей. Как много написано современных пьес и романов, в которых люди идеализируются за их способность действовать с точностью, бесчувственностью и эффективностью машины. Нас учат вести себя в этом мире как невоспитанных гостей, пожирающих угощения нашего хозяина, не даря ему в ответ ни слова благодарности. Таково наше отношение к природе, к Богу, к

самой жизни. Мы обедняем себя, а потом воображаем, что бедна Вселенная. Мы лишаем собственные жизни смысла и потом называем саму жизнь бессмысленной. Ограниченные своим неведением, мы возводим в догму невежество. И тогда в этом «цивилизованном» невежестве мы обращаемся к религии и к Самому Богу, как будто ему следует следить за своими манерами, если он желает быть достойным места на наших алтарях.

Примерно через месяц плавания в водах общественной жизни Чарльстона я наконец решил, что достаточно узнал те слои общества, члены которого казались по крайней мере столь же невежественными, как и я. Ни один из моих новых знакомых не внес позитивного вклада в мой поиск смысла. А что касается «местного колорита», то признаюсь, что мне пришлось видеть слишком много коричневых и серых тонов.

Конечно мой «пуризм» сам по себе содержал определенные элементы самодовольства. Если бы я не был столь критичным в своих отношениях с другими, то мог бы рассчитывать на более возвышенное общение с людьми. Или обнаружил бы в людях, с которыми встречался, более высокие душевные качества, чем ожидал. С другой стороны, я взял за правило встречаться с таким множеством различных типов людей как раз для того, чтобы преодолеть жесткость собственного характера.

К концу лета я покинул свой пансион и поселился в небольшой квартире на Трэд-стрит, 60. Здесь я начал писать одноактную комедию под названием «Религия в парке». Эта грустная и в то же время смешная пьеса о женщине, которая хотела вести религиозный образ жизни и страстно слушала наставления священника, а он, придавая особое значение религиозной пристойности, охладил ее религиозные чувства. Тем временем встретившийся ей бродяга вновь воспламенил ее религиозное рвение рассказами о святом, который, как он утверждал, избавил его от хромоты. Вот, наконец, где было то, что она искала; пережитая и испытанная религия, а не просто следование обычаям общества и теоретическим догмам!

Увы, в конце концов этот бродяга оказался мошенником. Алкоголик просто придумал эту историю в надежде выманить несколько долларов.

Надежда этой женщины и последующее разочарование отражали мои собственные духовные искания и скептицизм, который продолжал препятствовать моему истинному вступлению в сферу религиозной жизни.

Интересно, что в моей одноактной пьесе «святой» (в соответствии с рассказом бродяги) жил в Калифорнии — том самом штате, где я впоследствии встретил своего гуру.

Мог ли я почувствовать на каком-то глубоком уровне сознания, что именно там была моя судьба? Однажды в детстве, когда мы пересекали Атлантику, я

встретил мальчика из Калифорнии. Я помню, что, услышав это название, подумал: «Вот *куда* я должен приехать когда-нибудь». Годы спустя, когда я впервые обдумывал путешествие в Мехико, мне в голову приходила мысль: не поехать ли вместо Мексики в Калифорнию? В то время я отказался от этой идеи, решив, что «время еще не пришло». Я вспомнил слова Эмерсона, но уже больше как вопрос, а не как утверждение: «Мы умеем лучше, чем делаем». Если бы я только знал!

Когда в сентябре вновь открылся «Док-Стрит-Театр», я отправился туда, чтобы попытаться поступить в него, однако мне сказали, что для этого существует только один официальный путь: зачисление студентом в его школу драматического искусства. Решив, что я уже сошел со сцены академических изысканий, я спросил, не могли бы они предоставить мне какой-нибудь иной статус. Наконец директор разрешил мне, приняв в расчет мою новую пьесу, присоединиться к труппе театра в качестве «неофициального» студента. Я получил возможность овладевать по вечерам сценарным мастерством, а в дневное время писать.

В последующие месяцы я играл роли во множестве пьес, свободно общался с преподавателями и официально зачисленными студентами и занимался многими полезными делами, которые трудно описать определенно. Эта деятельность давала мне представление о практике постановки спектаклей, особенно в небольших провинциальных театрах. Однако, как актер, я был в полном замешательстве. «Разве это я?! — размышлял я.—Как мне узнать, кто я на самом деле, если я играю людей, которыми не являюсь?» Что же касалось моей профессии драматурга, то приобретаемый опыт был полезным.

В дневные часы, занимаясь писательством, я все упорнее думал о сюих старых проблемах: какова цель жизни? Кто же я? Нежели у человека нет предназначения выше (я в отчаянии бросал взгляд вокруг себя) всего этого? И самое главное, в чем же истинное счастье? Как можно найти его?

Создавая свои литературные опусы, я стремился совершенствовать технику своего мастерства. Может быть, странно для подающего надежды драматурга, но в то время я не писал пьес; я хотел сохранить гибкость ума для отслеживания новых направлений драматического искусства по мере их появления в театре. Вместо пьес я писал стихи и стремился развить в себе чувство поэтической речи в драме. Я также размышлял о возможностях театра вдохновлять всеохватывающее духовное возрождение. С этой целью я начал изучать пьесы испанского драматурга Федерико Гарсия Лорки. Я хотел понять, можно ли его сюрреалистический стиль приспособить для возбуждения в людях сокровенного восприятия окружающего мира.

Однако размышления вели в тупик. Чего, в сущности, может достигнуть театр? Разве даже Шекспир, при всем его величии, смог сколько-нибудь сущее-

твенно изменить жизнь людей? Конечно нет, во всяком случае, по сравнению с теми переменами, которые вызвала религия. Я содрогнулся при таком сравнении: я любил Шекспира и не находил ничего привлекательного в церкви. Однако вопреки моему желанию или нежеланию, такой вывод был неизбежен: религия, при всей ее светской посредственности, ее неискренности, направленности на мирские дела, продолжает оказывать самое мощное и благотворное воздействие на людей. Не искусство, не литература, не наука, не политика, не завоевания или технология — единственной возвышающей силой в истории всегда была религия.

Как это могло случиться? Озадаченный, я решил заглянуть вглубь этой проблемы, чтобы обнаружить сокровенный, глубинный, насущный смысл религии.

Обходя то, что я считал ловушкой официальной религии, «церковность», я часами прогуливался или сидел на берегу океана, размышляя о его бескрайности. Я наблюдал за струйками воды, бегущими среди скал, голышами и песчинками на берегу. Может быть, так же и Бог, при всем его величии и огромности, находит личное выражение в наших собственных жизнях?

Сопоставление этих мыслей с моими ежедневными контактами в театре и вне его вызывало у меня отвращение. Какими мелочными казались человеческие стремления по сравнению с беспристрастной бесконечностью! Самые высокие стремления большинства окружающих меня людей казались низкими, их ценности до невероятной степени покоились на эгоизме и скаредности. В пылу детского соперничества эго противопоставляет себя другим эго. Мои сокурсники утверждали, что такое поведение обнажало действительные свойства человеческой природы. Так, фактически, утверждали современные драмы, которыми они восторгались; они не только не оплакивали эти «реальности», — они гордились ими. Будучи подающими надежду актерами, они гордились своим притворным себялюбием, «грубым эгоизмом», равнодушием к нуждам других людей и грубостью, пока это притворство не превратилось в реальность. Мои коллеги в те дни помогли мне в духовном смысле понять больше, чем я думал. Чем больше они посмеивались надо мной, упорно повторяя фразу: «Такова жизнь!», тем громче кричало мое сердце: «Нет! *Не может быть*!». И от этого неустанного крика я все глубже уходил в свой поиск и понял, что они называли *жизнью* то, что было жизнью мертвых.

Стоит ли говорить, что духовная убогость не является объективной реальностью? Скорее Бог старался помочь мне увидеть, как низко может пасть человек без Него.

Однажды вечером, выйдя из квартиры, я встретил проживающего по соседству студента, который в полубессознательном состоянии едва брел, с трудом выдерживая направление. Сначала я решил, что он пьян, но потом заметил

запекшуюся на его лбу кровь. Очевидно, произошло что-то серьезное. Я провел его в дом. С продолжительными паузами от перенесенного потрясения он рассказал мне следующую историю:

— Я спокойно сидел в парке на скамейке, наслаждаясь свежим вечерним воздухом. Я помню, что слышал приближающиеся ко мне сзади шаги. После этого я помню лишь то, что лежал на траве и ко мне медленно возвращалось сознание. Мое пальто и брюки исчезли. Пропал также мой бумажник

Прошло несколько минут. Я еще полностью не пришел в сознание и не знал, что предпринять. Потом я заметил полицейскую машину, припаркованную на дальнем краю парка. С надеждой, пошатываясь, я подошел к машине и рассказал о своем затруднительном положении. Естественно, я полагал, что мне окажут помощь. И что же, можешь представить, как они поступили? Они арестовали меня за то, что я был неприлично одет! В полицейском отделении меня поместили в тюремную камеру, не дав возможности даже заявить протест.

Некоторое время я просил их разрешить мне позвонить по телефону. Наконец они снизошли до такой уступки. «Только один звонок»,—сказал сержант. Я позвонил друзьям, и они принесли мне другую одежду.

—И вот теперь *друзья*—можешь вообразить—в тюрьме, а я на свободе! — Он, все еще не веря, качал головой. —Я все еще не могу понять, как это случилось.

Позже я узнал, что произошло: эти друзья, разъяренные равнодушием полицейского, закричали: «Вам, кажется, наплевать на то, что совершено преступление!»

— Вы арестованы! — заорал сержант полиции.

Наши друзья оказали сопротивление этому произволу, были избиты полицейскими участка и брошены в тюрьму. Тем временем мой раненый друг был освобожден, видимо потому, что был теперь прилично одет, ему было сказано, чтобы он шел домой и забыл обо всем. Спустя каких-нибудь пятнадцать минут я встретил его, пошатывающегося, ошеломленного и смущенного.

Я немедленно возвратился с ним в полицейский участок. Когда мы вошли, из задней комнаты раздавались дикие крики. Через несколько мгновений показались двое полицейских, волокущих за ноги чернокожую женщину. Потом они с шумом бросили ее перед столом сержанта и ее вопли затихли. Один из полицейских, очевидно посчитав ее молчание неуважительным, достал резиновый шланг и начал бить ее по подошвам голых ног, пока она не очнулась и не возобновила вопли. Довольные своим успехом, они снова поволокли ее и швырнули, все еще кричащую, в камеру. Пока мы находились в участке, до нас еще доносился ее плач.

В продолжение этого мрачного эпизода остальные полицейские, их было около пятнадцати, наблюдали эту картину и хохотали. «Сколько лет мне не

доводилось так от души веселиться!» — злорадствовал один из них, потирая руки.

Очевидно, спорить с такими скотами было бесполезно, поэтому я постарался получить у них нужную информацию. Наконец сержант назвал мне имя судьи, от которого зависело решение, сказав при этом: «Прежде, чем я выпущу тех хулиганов». Было уже поздно, но до конца ночи мне удалось поднять судью с постели и освободить наших друзей из тюрьмы.

Из этого случая бессовестного издевательства над правосудием я по крайней мере извлек полезный урок. Во-первых, конечно, я испытал обычное человеческое негодование по поводу такой жестокости. Однако при последующем размышлении я убедился в том, что несправедливость в той или иной мере неизбежна в этом мире. Разве все мы в какой-то степени не блуждаем в невежестве? Разве сам я, будучи слепым, имею право винить других лишь потому, что их слепота отличается от моей собственной? Первой моей мыслью было: «Нам нужна революция!» Однако потом я понял, что нам нужен был новый тип революции: религиозная, а не социальная.

Религия. Опять это слово! На этот раз меня привела к ней человеческая несправедливость, а не собственное стремление к чему-то более высокому. Теперь я стал размышлять: является ли во Вселенной зло сознательной силой? Как иначе можно объяснить его преобладание на земле? Как объяснить жестокость человека к человеку? Зверства нацистов? Террор, от которого страдают миллионы при коммунизме? Как объяснить ужасные повороты судьбы, которые, несмотря на благие намерения принимающих коммунизм с распростертыми объятиями, приводят к унижению человеческого достоинства, рабству и смерти? Что, кроме массового возвращения к Богу — *духовной революции*, — может исправить невообразимые заблуждения в этом мире?

В то время я много размышлял о коммунизме как о силе зла. Мои родители вернулись из Румынии с рассказами о зверствах русских. Наши румынские друзья страдали при новом режиме; некоторые были депортированы в лагеря принудительного труда в Россию. Разумеется, думал я, обычно приводимый аргумент против коммунизма—его неэффективность — не касается главного. Его основной недостаток заключается не в том, что мощный бюрократический слой приводит к производству меньшего количества материальных благ, и даже не в том, что он лишает людей политических прав, а в том, что сам материализм* принимается за настоящую религию. Отрицая существование Бога, он ставит на Его место материю и требует от своих последователей самопожертвования и

* **Под материализмом, в данном контексте, понимается философская теория, согласно которой все явления, включая область ментального, должны относиться к материальной сфере.**

самоотречения, как этого повсюду требует религия. Для верных коммунистов недостаток материальных благ означает не неэффективность системы, а степень их готовности жертвовать ради «дела». Не веря ни во что выше материи, они считают духовные ценности—правдивость, сострадание, любовь—совершенно бессмысленными. Они, скорее, чувствуют моральное удовлетворение, совершая зверства, если это способствует продвижению к идеологическим целям. Их девиз-. «В любых обстоятельствах думать лишь о том, как будет лучше для дела».

Это учение можно назвать бессознательной религией без общечеловеческих ценностей. Правда, оно предлагает псевдонравственное объяснение материалистических ценностей нашего века. По этой причине, боюсь, материализм будет распространяться, пока люди повсюду не раскроют свои объятия для другой, истинной религии, которая помещает в центр действительности Бога, а не материю.

Размышляя таким образом, я понял, что то, к чему я стремился и в чем нуждались все люди, — это Бог.

Я вновь обратился к вопросу: *«Что ЕСТЬ Бог?»*

Однажды вечером, предприняв продолжительную прогулку в надвигающуюся ночь, я глубоко обдумывал эту проблему. Я с самого начала отверг распространенное мнение о том, что почтенная личность с развевающейся белой бородой, пронзительным взглядом и нахмуренными бровями руководит Вселенной с ее миллиардами галактик Однако как отнестись к абстрактным альтернативам с их расплывчатыми определениями типа: «Космическая основа бытия», которые не оставляют читателю иного выбора, кроме как захлопнуть книгу и послушать, что там передают по радио? Нет, Бог, которого я ищу, должен быть *динамической силой*, способной преобразовать мою жизнь; иначе какой смысл искать Его?

Если Он сила, то может ли Он быть слепой силой, чем-то вроде электричества? Я слышал, как Его определяли таким образом. Тогда вряд ли имеет смысл называть такую силу Богом. Однако этот аргумент не выдерживает критики, ведь если Бог слеп, откуда появился человеческий разум?

Я знал уверения материалистов, что все, включая разум, возникло совершенно случайно, из произвольных комбинаций электронов. В соответствии с такой позицией Вселенная не является чем-то непостижимым. Она только кажется загадочной, потому что в долгой борьбе за выживание человек развил в себе способность удивляться, что является обусловленной реакцией его эмоционального механизма. Это предположение я давно отбросил как абсурдное.

Мы все знаем признаки исключительных умственных способностей человека: ясное, живое выражение глаз, быстрые реакции, общее проявление компе-

тентности. Интеллигентный человек может с успехом прикинуться глупым однако глупый никогда не сможет с успехом претендовать на интеллигентность. Что же можно сказать о Вселенной, обнаруживающей так много признаков исключительного интеллекта? Сложнейшая организация звезд, атомов и живых существ, поразительно точные законы, по которым функционирует космос; могла ли тупая сила создать все это? Нет! Только эгоисты, в стремлении претендовать на высший разум, могут не заметить вокруг себя проявления разума, далеко превосходящего их собственный.

Рассуждая так, я думал, что если чудеса мироздания являются внешним проявлением сознательного разумного Создателя, то, безусловно, самым удивительным из таких проявлений служит сам разум. Если сознание человека и животного проявляет *принцип* разумности, а Бог, представляющий собой Всемирный Разум, и *есть* этот принцип, тогда человеческий разум, хоть и несовершенный, является проявлением Бога.

Внезапно я почувствовал, что был очень близок к решению своей проблемы. Если разум Бога проявляется через человека, то Господь Бог не может полностью находиться вне Своего творения и, словно небесный полицейский, управляющий транспортным потоком, издалека направлять жизни людей здесь, внизу. Если в какой-то мере в нашем разуме проявляется Его безграничный разум, то это означает лишь, что мы — *часть Его.*

Какая головокружительная концепция!

Потом меня осенила другая мысль: если наши жизни и наше сознание есть проявление Бога, можно ли, углубляя свое осознание Бога, становиться *более совершенным Его проявлением?*

Я вспоминал дни, проведенные в созерцании океанского прибоя, пробивавшегося неугомонными потоками среди валунов и скал на берегу. Ширина каждой расщелины определяла сечение потока воды. Если глубочайшей реальностью наших жизней является Бог, не должны ли мы расколоть гранит нашего сопротивления и *расширить* каналы для Его восприятия? И тогда Его безграничная мудрость, как океан, хлынет в нас обильным потоком.

Если это так, то мы должны прежде всего стремиться к собственному развитию, следуя не мирскими путями (эстетическими, интеллектуальными или прагматическими), а духовными, совершенствуя ту сторону нашей натуры, которая ближе к Богу, чтобы Он мог войти в нас и просветить наше сознание. Если мы начнем вести себя так, то, может быть, Божественный Океан поможет расширить наши духовные каналы.

Теперь я понял, что религия представляет собой гораздо большее, чем систему верований и формализованных попыток выпросить у Бога сострадание, обращая к Нему просьбы, покаянные молитвы и выполняя определенные обря

ды. Если наша связь с Ним состоит в том, что мы уже являемся Его проявлением^ то мы *должны принимать Его все более совершенным образом и выражать Его* все более полно. Именно в *этом* заключен смысл религии! Истинная религия состоит в *растущем осознании своей глубокой духовной связи с Богом!* То, что мне до сих пор приходилось наблюдать и от чего я отвернулся в разочаровании, было не подлинной религиозной практикой, а лишь первыми неуверенными шагами по ступеням лестницы, ведущей к звездам! Человек может посвятить свою жизнь такой религии, и все же перед ним останется бесконечный путь совершенствования. Какая захватывающая перспектива!

Как раз в этом было мое призвание: я буду стремиться к Богу!

Ошеломленный грандиозностью своих размышлений, я едва помнил, как и когда добрался до дома. В то время моим «домом» была большая пятикомнатная квартира на Саут-Баттери, которую я делил с четырьмя товарищами-студентами по драматической школе. Когда я вернулся домой, они сидели на кухне и болтали. Машинально я подсел к ним с чашкой кофе, но в мыслях был далек от этого веселого сборища. Я был так переполнен своими новыми озарениями, что едва мог говорить.

— Посмотрите-ка на Дона! С чего это он такой серьезный? — Когда они поняли, что я не мог или не хотел принять участие в их веселье, в их смехе послышались нотки насмешки.

—Дон все еще пытается разрешить загадку Вселенной! Ха! Ха! Ха!

—О, эта сладкая тайна жизни! — пропел другой.

—Как ты не можешь понять? — рассуждал еще один, обращаясь ко мне. — Все так просто! Нечего ломать себе голову над загадкой, которой не существует! Просто пей, когда желаешь, веселись, спи с девочками, когда можешь, и забудь всю эту чепуху!

—Да,—тупо подхватил первый.—Забудь это.

Я был в таком состоянии, что голоса моих соседей по квартире звучали как тявканье. Какая мне польза от таких друзей? Я тихо пошел в свою комнату.

Несколько дней спустя я беседовал о религии с другим знакомым. «Если вас интересуют духовные проблемы, — неожиданно сказал он, — то вы найдете ответы на все ваши вопросы в *Бхагавад-гите.*

— Что это такое? — почему-то это иностранное название показалось мне удивительно привлекательным.

—Это Священное Писание индуизма.

Индуизма? А что *это* такое? Я не имел ни малейшего представления об индийской философии. Однако название *Бхагавад-гита* мне запомнилось.

ft **«И тем, кто принял Его, дал силу стать сыновьями Бога» (Иоан. 1:12).**

Если религия состоит в том, чтобы приблизиться к Богу, то пришло время сделать все, на что я способен, чтобы осуществить это. Но как? Дело не в том, что я не знал путей самосовершенствования. Просто усовершенствовать предстояло так много, что я не знал, с чего начать.

Были психологические недостатки: интеллектуальная гордыня и чрезмерно критический характер. Никто, включая меня, не получал удовольствия от этих черт моей натуры. Но как следовало работать над ними? Были ли они несомненным злом? Было ли, например, заблуждением *думать*? Было ли ошибкой отстаивать плоды раздумий, независимо от мнений других людей? Ошибка ли критическое отношение к иным точкам зрения? Люди, озабоченные собственным комфортом, а не духовным совершенствованием, осуждали эти мои черты. Но мне казалось, что в какой-то мере эти мои недостатки можно было считать достоинствами. Как мог я отличить одно от другого?

Размышляя над своими более социально приемлемыми добродетелями, я понимал, что верно и обратное: в некоторых случаях они принимают характер недостатков. Мое сострадание к переживаниям других, например, побуждало меня пытаться помогать им даже тогда, когда мои возможности были более чем ограниченны. Как еще объяснить мое стремление помочь им посредством писательства, если я даже не знал, о чем писать? И вновь: как отличить истину от заблуждения?

Существовал ли *какой-нибудь* выход из моего психологического лабиринта?

Даже на физическом уровне возможности самосовершенствования представлялись мне невероятно запутанными. Я читал в рекламном журнале имена известных людей, которые были вегетарианцами. «Вегетарианцы?» Неужели это действительно так хорошо и вообще возможно — не употреблять мяса? Я прочитал еще где-то, что белая мука вредна для здоровья. «Белая мука?» До сих пор в моем представлении самым сбалансированным питанием был гамбургер на белой, сдобной булочке, украшенный тонким ломтиком помидора и мягким листиком салата. Теперь оказалось, что даже по вопросу о питании существовало множество различных мнений.

Наконец, смущенный множеством вариантов выбора, я решил, что есть лишь один путь для избавления от моих недостатков: Бог. Я должен позволить *Ему* руководить моей жизнью. Я должен отказаться от поиска мирских решений и определения его в терминах человеческих отношений.

Но как быть с планами стать драматургом? О чем в конце концов я бы писал? Мог ли я, ничего не зная, сказать что-либо стоящее другим? Какое-то время я вводил себя в заблуждение, полагая, что если напишу вещи с загадочными сообщениями, то они будут поняты другими, даже если сам не пойму их. Но теперь я понял, что в этом подходе, обычном среди писателей, я не был честен.

Нет, я должен вовсе отказаться от писательства. Я должен отказаться от планов наводнить мир своим невежеством. Безусловно, из сострадания к людям, я должен оставить попытки помочь им. Я должен отвергнуть их мир, их интересы, привязанности, стремления и мирские дела. Я должен искать Бога в пустыне, в горах, в полном одиночестве.

Я стану отшельником.

Но что я надеялся найти, приняв такое решение? Душевное спокойствие? Внутреннюю силу, может быть? Немного счастья?

С легкой грустью я подумал: счастье! Я вспоминал светлое счастье своего детства, утраченное в кажущейся искушенности своей юности. Найду ли я его снова? Лишь в случае, думал я, если стану простым, как ребенок Только если откажусь от избыточной интеллектуальности и стану совершенно открытым для любви Бога.

Некоторое время я продолжал размышлять таким образом, но новое сомнение охватило меня: не теряю ли я разум? Кто слышал о человеке, действительно ищущем Бога? Кто слышал о человеке, общающемся с Ним? Не стал ли я лунатиком, мечтая о сияющих тропах, на которые никогда прежде не ступала нога человека? Я ничего пока не знал о жизни святых. Я слышал, что о них писали как о людях, которые жили ближе к Богу, но у меня сложилось впечатление, что они были не более чем обычными добрыми людьми, которые проходили, улыбаясь детям, совершая добрые дела, произнося тихим голосом: «Мир Вам!» (или иную благочестивую формулу) всем, кто бы ни встречался на их пути. Какой демон самонадеянности овладевал мной, позволяя мечтать об успехе в *поиске* Бога? Несомненно, я сходил с ума!

И все же, даже если это *было* сумасшествием, не было ли оно более утешительным состоянием, чем похваляющийся «святостью» мир? Ведь такое сумасшествие обещало надежду, мир и счастье в мире конфликтов и войн, в мире страданий, цинизма и разбитых надежд.

Я не знал, как сделать первый шаг в сторону Бога, но страстное стремление к Нему превратилось почти в состояние одержимости.

Куда пойти? К кому обратиться за советом? Религиозные люди, которых я встречал, монахи и священники, казалось, погрязли в невежестве так же, как и я.

Может быть, я обнаружу в Священном Писании ту мудрость, которую те люди проглядели? По крайней мере, я должен *попытаться.*

Но как же с планами стать отшельником? Конечно, я должен идти и по этому пути, но куда, каким образом? На какие деньги покупать предметы первой необходимости? С какими практическими познаниями, чтобы строить, добывать пищу, заботиться о себе? Не был ли я в конце концов обычным глупцом, поверившим в несбыточные мечты? Конечно, если бы я был практичнее, то

можно было бы решить мои проблемы, а не мечтать о существовании, к которому я был абсолютно не подготовлен.

В этот момент мой рассудок резво вышел на сцену, чтобы решить эту дилемму.

— С тобой не происходит ничего, — уверял он, — чего не в состоянии вылечить сильная, полная жизни и здоровья обстановка сельской местности. Ты проводил слишком много времени с этими пресытившимися жизнью горожанами. Если хочешь обрести спокойствие духа, оставь их и начни новую жизнь среди простых, доверчивых и добрых селян. Не расточай свою жизнь на несбыточные мечты. Возвращайся к земле, к природе. Это не Бог, к которому ты стремишься; это более естественный образ жизни, в гармонии и простоте Природы.

Сущностью этого послания была не его простота, а легкость исполнения. Зов Бога столь могуч, что эго цепляется за что угодно, только бы не услышать призыва к полной капитуляции.

И я поддался слабости. Я приму совет Разума, — решил я. Я покину город, сольюсь с Природой и буду жить среди простых и бесхитростных людей.

ГЛАВА 13

ПОИСК ПУТЕВОДНЫХ КАРТ

РЕШЕНИЕ ИСКАТЬ СПОКОЙСТВИЯ духа В среде сельской простоты совпало с окончанием учебного года и с закрытием «Док-Стрит-Театра» на лето. Я вернулся В Нью-Йорк

Отца компания «Эссо» недавно перевела в Каир управляющим по поиску нефти. Наш дом в Скарсдейле был сдан в наем, и мама временно сняла дом в Уайт-Плейнзе, готовясь к отъезду в Каир, к папе. Я оставался с нею две или три недели.

Свои планы на лето я уже составил. Однако я никого не посвящал в них и говорил лишь, что собирался поехать на север штата Нью-Йорк. Свои духовные устремления я хранил в глубокой тайне. Но я сразу же приступил к осуществлению своего намерения заняться изучением Священного Писания. Я взял на время у мамы Библию и начал читать ее с начала.

«В начале сотворил Бог небо и землю... И сказал Бог. да будет свет. И стал свет». Кто не знаком с этими удивительными строками?

«И насадил ГОСПОДЬ Бог рай в Едеме на Востоке, и поместил там человека, которого создал... И заповедал ГОСПОДЬ Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертию умрешь».

Но — что это? Как мог Бог желать, чтобы человек *оставался* невежественным?

И человек отведал этот плод, стал мудрым и был впоследствии вынужден жить как неразумный раб. Что же это за учение?

Глава пятая: Здесь я узнал, что Адам жил девятьсот тридцать лет; его сын Сиф — девятьсот двенадцать лет, а сын Сифа Енос — девятьсот пять лет. Сын Еноса Каинан «жил семьдесят лет и родил Малелеила. По рождении Малелеила Каинан жил восемьсот сорок лет, и родил сынов и дочерей. Всех же дней Каинана было девятьсот десять лет; и он умер. Малелеил жил шестьдесят пять лет и родил Иареда... Иаред жил сто шестьдесят два года, и родил Еноха... Енох жил шестьдесят пять лет и родил Мафусаила... всех же дней Мафусаила было девятьсот шестьдесят девять лет; и он умер».

Что же, дай Бог понять, все это значило? Может быть, в этом заключен некий глубокий смысл? Во всем сказанном не было ничего, что касалась бы лично меня. В разочаровании я отложил книгу.

С той поры минули годы, и многие благочестивые христиане старались убедить меня в том, что истину Бога можно найти только в Библии. Если это действительно так, то мне трудно представить, чтобы человека, пребывающего в искреннем поиске (как я в то время), что-либо могло так оттолкнуть от самого порога познания этой Великой Книги, как то, что в ней написано. Лишь после того, как я встретил своего гуру и услышал *его* толкование Библии, я смог вновь вернуться к ней с истинным пониманием ее глубокого смысла; раньше же я просто «увязал» в бесконечном повторении «родил».

В библиотеке мамы была еще одна книга, привлекшая мой интерес. Она содержала краткие изложения главных религий мира. Может быть, именно в ней мне суждено было найти те ориентиры, которые я искал.

Избранные места из Библии в этой книге казались мне наполненными большим смыслом, но в то же время (поскольку у меня было слишком научное восприятие реальности) выглядели слишком антропоморфными. Иудей, мусульманин, буддист, даос, последователь Зороастра — все это я находил поэтически прекрасным и вдохновляющим, однако мне все еще чего-то недоставало. Меня призывали верить, но ни одно из этих Писаний не побуждало меня проверить ту или иную религию *на опыте.* Без познания Бога какая польза от простого верования? Чем больше я погружался в чтение, тем больше убеждался в том, что, несмотря на величие, они были выше моего понимания. Может быть, все дело в стиле. Обычно язык Священных Писаний, размышлял я, столь символичен, что его просто невозможно понять.

Потом я перешел к чтению индуистских текстов—всего несколько страниц, но какое откровение! Здесь упор делался на космические реалии. Бог описывался как Бесконечное Сознание, человек — как проявление такого сознания. Это была та же концепция, которую я сам разработал во время своей долгой вечерней прогулки в Чарльстоне! Самый высокий долг человека, читал я, —настроить себя на это божественное сознание. И снова это было как раз то, к чему я уже приходил ранее! Высшая цель человека, согласно этому учению,—ощутить эту божественную реальность *как свое истинное Я.* Какой научный подход! Какая бесконечная перспектива! Здесь также изобиловала поэтическая символика, как и в других Священных Писаниях, но были также объяснения, кристально чистые

*** Позднее, когда я читал пояснения моего гуру к истории** Адама и Евы, я осознал ее **внутренний смысл, глубокий и вдохновляющий.**

и логические. Главное же, что я нашел совет: не только для религиозной жизни вообще, а конкретно о том, *как искать Бога.*

Это было как раз то, что я так долго искал! Я чувствовал себя как бедняк, только что получивший бесценный подарок Я бегло прочитал эти отрывки, затем, осознав все их возвышенное значение, отложил книгу и решил дождаться момента, когда буду в состоянии читать эти учения, медленно усваивая их. Между тем я попросил маму разрешить мне взять эту книгу с собой на лето. «Конечно», — ответила она, не сознавая всей глубины моего интереса.

В Уайт-Плейнзе нас навестила тетушка Оллин, сводная сестра мамы. Почувствовав мое внутреннее смятение, она однажды сказала: «Держу пари, что Дон поступит в богословскую семинарию».

—*Дон?* Нет! — В тоне ответа мамы слышалось: «Кто угодно, только не он». Изменения, которые впоследствии произошли в моей жизни, застали ее врасплох.

Два или три раза за время моего пребывания в Уайт-Плейнзе я выезжал поездом в Нью-Йорк, где вновь созерцал бесконечную череду напряженных озабоченных лиц. Как много трагедий можно было прочитать на них: отчаяние, горечь, скрываемая печаль! Более, чем когда-либо прежде, я ощущал наши общие человеческие узы. Самым опасным преступником мог быть и я сам. Ибо кто был свободен от невежества? Несомненно, даже наркоман мог оправдать себя обстоятельствами, которые втянули его в эту паутину. Что сказать о своих собственных позициях? Смел ли я быть уверенным в них? Как может кто-либо, на любом этапе жизни, знать с уверенностью, что он, действуя с самыми лучшими намерениями, идет к свободе, а не попадет в новые путы? Мое растущее убеждение в том, что все является частью одной Реальности и что все мы глубоко связаны друг с другом, пробуждало в то же время вселяющее ужас чувство собственной уязвимости. Я видел себя несомым в небе невежества и с равным успехом мог взлететь или упасть.

Пришло время крепко взять свою жизнь в руки. Слишком долго я стихийно плавал по морям обстоятельств, смутно надеясь, что правильно выдерживаю главное направление к берегам истины. Я должен теперь сознательно направлять свою жизнь.

Однажды, после полудня, я шел по Пятой Авеню. Стояла удручающая жара. На углу улицы передо мной был прохладный и приветливый бар. Я вошел и выпил пару кружек освежающего пива. Хотя я и не опьянел, но почувствовал, что мои рефлексы стали не столь острыми, чем до посещения бара. Я никогда не считал пьянство личной проблемой и не воспринимал умеренную выпивку как зло. Но теперь я подумал, что если что-либо может ослаблять контроль над собой

даже в малой степени, мудрее исключить такую возможность. Выйдя из бара, я решил никогда больше не выпивать. С тех пор так и было.

Сначала в своей поездке на север штата Нью-Йорк я хотел без личных усилий обрести покой среди красот Природы. Но когда я покидал Уайт-Плейнз, у меня, под влиянием прочитанных мной изречений из индийских Священных Писаний, возникла твердая решимость поработать над собой. Отказавшись от спиртного, а за три месяца до того и от курения, я почувствовал вкус к самодисциплине. Я все еще надеялся, что более естественная среда будет способствовать моему духовному спокойствию, однако не испытывал иллюзий по поводу того, что на лоне природы найду ответы на все свои вопросы. Бог позаботился о том, чтобы, как я поясню позднее, ни один из моих вопросов не нашел там разрешения.

В начале пути к самосовершенствованию я решил приучить себя к жесткой физической дисциплине и, конечно, переусердствовал.

Я выехал на односкоростном велосипеде, взяв с собой рюкзак, в котором были упакованы мамина книга цитат из различных религиозных писаний, немного одежды и пончо. Со мной не было спального мешка, и я ничего не знал о правилах ночевки под открытым небом; я даже не подозревал, что *существовали* такие вещи, как спальные мешки.

Свою первую ночь я провел в открытом поле. Я постелил под себя пончо, чтобы не спать на влажной земле. В три часа утра я проснулся от пронизывающего холода, оказавшись в луже воды: пончо жадно впитывало обильную росу. Продолжать сон при таких обстоятельствах было невозможно. Через некоторое время я покорно встал и вновь оседлал велосипед. Следовала миля за милей по пустынной, гористой местности, с редкими деревушками вдали. К полудню седло велосипеда показалось таким жестким (хотя я пытался его смягчить, подложив сложенное полотенце), что я с трудом мог сидеть. Через десять или двенадцать часов непрерывной езды мои ноги, непривычные к такой напряженной работе, готовы были вот-вот отказать. К концу дня я уже с надеждой всматривался вдаль, пытаясь разглядеть селение с гостиницей, ибо твердо решил, что больше не буду без необходимости ночевать в поле. Однако я нигде не видел жилья. В тот день я работал педалями шестнадцать часов и ехал на своем односкоростном велосипеде большей частью в гору; так я покрыл больше согни миль.

Когда солнце опустилось к горизонту на западе, мне встретился пеший турист, который сообщил, что на расстоянии около двух миль расположена деревня, а в деревне—гостиница. Собрав последние остатки сил, я поехал туда. В центре селения я нашел дом, перед которым находился обнадеживающий

указатель: «Комнаты внаем». Пошатываясь, я буквально ввалился в дом и упал на стул у входной двери.

—Могу ли я получить комнату?

—О, *очень* жаль, но мы только что собирались снять эту вывеску. Мы больше не сдаем комнаты.

Отчаяние охватило меня.

—Не могу ли я где-нибудь поблизости провести ночь?

—Да, да, около мили, вниз по дороге, есть гостиница. Я уверена, что там для вас найдется комната.

Целая миля! Даже эта короткая дистанция казалась слишком длинной при моей крайней усталости; у меня едва хватило сил, чтобы подняться.

— Пожалуйста, не могли бы вы позвонить им по телефону и попросить подвезти меня к ним на их машине?»

Доставка меня в гостиницу была организована. В ту ночь в постели я думал, что могу умереть. Тогда я полностью не сознавал этого, но с раннего детства у меня было слабое сердце. Всю ту памятную ночь мое сердце так бешено стучало в груди, что, казалось, вот-вот вырвется из нее. Я проспал целые сутки. К счастью, утром сердцебиение нормализовалось. Чувствуя себя посвежевшим, но все еще ощущая боль в каждом мускуле, я готов был продолжить свое путешествие.

Я еще не читал важного отрывка из Бхагавад-гиты, где говорится, что следует быть умеренным во всех делах. Я на собственном горьком опыте убедился в правильности этой концепции! С тех пор я решил, что целесообразнее продолжать сюй путь к совершенству в более умеренном темпе. Мне следовало завинчивать шуруп осторожно, чтобы не треснуло дерево.

Итак, я поехал, на этот раз медленнее, к небольшому горному городу Индиан-Лейк, где снял комнату и устремился к награде: внимательному изучению нескольких отрывков из индийских Священных Писаний.

> «Йога не для того, кто ест слишком много или совсем не ест, кто спит слишком много или слишком много бодрствует. Йога уничтожает страдания того, кто упорядочил еду и отдых, деятельность, сон и бодрствование* ***(Бхагавад-гита 6:16,17).***

ГЛАВА 14

РАДОСТЬ В ТВОЕЙ ДУШЕ

Йог, успокоивший ум, умиротворивший страсти, пребывающий в Брахмане, безгрешный, обретает высшее счастье. Так йог, всем естеством постоянно занятый йогой, свободный от скверны, с радостью легко обретает беспредельное блаженство соприкосновения с Брахманом.

Бхагавад-гита 6:27,28

ЭТИ СЛОВА Бхагавад-гиты глубоко взволновали мое воображение. Исходя из содержания текстов, я должен был умиротворить сюи мысли и чувства, чтобы стать открытым и свободным вместилищем благодати Бога. Если я поступлю так, говорилось в этих учениях, то Бог войдет в мою жизнь и наполнит ее.

Как отличались эти простые заповеди от велеречивости богословия, провозглашаемого с церковных кафедр на утренних воскресных богослужениях! Здесь же я находил не самоунижение попрошайки —убогий человеческий маскарад смирения; не беседу о важности посещения религиозного учреждения, которое открывало бы двери к небу; не стремление удерживать Бога на известном расстоянии, дипломатично обращаясь к Нему с формальными молитвами; нет и намека на то, чтобы духовные деяния приспосабливать к требованиям социальной приемлемости. То, что я находил здесь, было свежо, честно и убедительно. Это меня чрезвычайно обнадеживало.

Во всех церквах, которые мне приходилось посещать, больше всего меня удручало сектантство. «Наш путь — единственно правильный» — везде подразумевалась эта догма, даже если открыто не провозглашалась. Неизменно внушалась мысль, что все другие пути ложные; даже если там любили того же Бога, *их* послание каким-то непонятным образом исходило «от дьявола».

Как непохожи были на все это учения, с которыми я теперь знакомился! Согласно им, все дороги вели разными путями к одной цели. «Как мать, выкармливая больных детей, дает рис и карри одному, саго и пюре другому, хлеб с маслом третьему, так и Господь проложил разные пути для разных людей, в соответствии с их природой».

Как прекрасно! Как убедительна эта совершенная справедливость!

Еще, в церквах меня всегда смущало стремление священников отбить у прихожан охоту задавать вопросы. «Имей веру», — говорили они мне. Но что это за «вера», если она опасается подвергнуть себя честному испытанию? Есть ли более глубокая мотивация такого отказа, нежели та, что лежит на поверхности: страх? Опасение, что их вера подобна дому, построенному на песке? Даже в стремлении быть благоразумными эти священнослужители носили шоры, поскольку, цитируя Священное Писание в подкрепление своих верований, они никогда не допускали возможности, что те же самые цитаты могли иметь иное значение, чем им приписывалось. Даже ближайшие ученики Иисуса часто получали от него выговор за неправильное толкование их истинных значений. Разве мудро и смиренно для нас, живущих так далеко от него по времени, настаивать, что *мы* понимаем его лучше? Священные Писания предназначены для расширения нашего понимания, а не для удушения его.

С другой стороны, как позднее говорил мой гуру, различие между Священными Писаниями и живым учителем заключается в том, что заблуждения искателя истины нельзя терпеливо или резко, судя по обстоятельствам, опровергнуть с помощью нескольких страниц книги.

Учения Индии, в отличие от тех священников, с которыми я сталкивался, подчеркивали необходимость проверки каждого утверждения Священного Писания. Прямой, личный опыт познания Бога, а не догматическая, наивная вера является конечным испытанием, но вместе с тем они предполагают промежуточные тесты, по результатам которых самый ревностный начинающий мог бы судить о том, идет ли в правильном направлении или сошел на один из бесчисленных окольных путей своей жизни.

Из собственного опыта я уже понял, что разница между правильным и ошибочным решением может быть едва уловимой, и поэтому на меня производили сильное впечатление те учения, истинность которых можно было проверить не только после смерти, но и на земле, в этой жизни.

Именно таких учений мне и хотелось. Да, снова клялся я, свою жизнь я посвящу поиску Бога! Слишком долго я медлил, блуждал в сомнениях, слишком долго искал мирских, не духовных решений глубочайших проблем жизни. Искусство? Наука? Новые социальные структуры? Что из всего этого способно долгое время возвышать человека? Без глубокого внутреннего преобразования

В Библии также подчеркивается необходимость проверки истинности учения на основе жизненного опыта. «Не всякому духу верьте, но испытывайте духов*, — писал святой Иоанне своем первом послании. Священнослужители, которые проповедовали слепую веру до смерти, обычно не пробовали плодов своей религиозной жизни, потому что в сущности и не вели такую жизнь.

любое внешнее улучшение в судьбе человека подобно попытке укрепить проеденное термитами строение, просто покрасив его.

При чтении меня особенно поразила одна притча, рассказанная великим святым девятнадцатого столетия, Шри Рамакришной. Я ничего не знал о нем и посчитал, что это высказывание было взято из какого-то Священного Писания.

«Как,—спрашивал Шри Рамакришна,—человек становится бесстрастным? Однажды жена сказала своему мужу: "Милый, я очень переживаю за своего брата. Последнюю неделю он все время думает о том, чтобы стать аскетом, и постоянно готовится к этому. Он старается постепенно умерить свои страсти и желания" Муж ответил ей, чтобы она не беспокоилась о своем брате, ибо он никогда не станет *саньясином*, так как таким путем стать саньясином не сможет никто. "Как же тогда человек становится саньясином?" — спросила жена. "Это делается так!" — воскликнул муж. Говоря это, он разорвал на лоскуты сюю просторную одежду, перепоясал одним из лоскутов сюи чресла и сказал жене, что она и все другие существа ее пола, с этого момента будут $ля него только матерями. И он покинул свой дом, чтобы никогда не вернуться».

Мужество самоотречения этого человека потрясло меня до глубины души. А как я блуждал в своих сомнениях!

По существу, во всех этих отрывках говорилось об одном: совершенство следует искать не в окружающем мире, а в самом себе. Очевидно, в то лето Бог намеревался привести мне обильные доказательства справедливости этого учения.

Индиан-Лейк—красивейшая местность с соснами, прохладными лесистыми долинами, многочисленными холмами и играющим рябью озером. «Если я хочу установить более глубокую связь с космическими реалиями, —думал я, — то лучшего места не найти». Действительно, сам пейзаж приглашал к общению. Я пытался осознанно *чувствовать* дрожание капельки дождя на сосновой иголке, изысканную свежесть утренней росы, лучи солнца, пробивающиеся сквозь облака на закате. Я всегда обожал природу, и меня глубоко трогало великолепие ее лесов, озер, цветов и звездного неба. Но теперь, когда я стремился развить свою восприимчивость и *непосредственно войти* в окружающую меня жизнь, я с острой болью обнаружил, каким бесконечно одиноким узником был в собственном эго. Я мог видеть, но не *чувствовать.* Точнее, чувствовал, но

*** Эту историю следует понимать в контексте ее культуры. Супружеские обязанности высоко почитались в Индии. Однако в Священных Писаниях говорится о том, что если этот долг вступает в конфликт с наивысшим долгом, то первый долг теряет силу. Высшим долгом человечества является поиск Бога. В Индии понимают, что супруга можно и нужно поддерживать в этом поиске. Лишь если стремление к Богу одного из супругов весьма сильно, а мирское поведение другого является препятствием на пути этого поиска, то разрешается расторгнуть брак без взаимного согласия.**

лишь частью себя, а не всем существом. Я был, можно сказать, неким восьмицилиндровым мотором с одним работающим цилиндром. Если даже в этой великолепной местности я не мог возвыситься над собой и настроиться на одну волну с более высокими реалиями мира, то, видимо, *место* пребывания само по себе не может преобразовать человека таким образом. Очевидно, именнб я сам должен измениться. Не имеет особого значения, красива или безобразна окружающая меня среда. Важно то, что я совершу в собственной внутренней «среде» мыслей, чувств и стремлений.

Теперь я каждый день проводил много времени в медитации. Я не имел о ней достаточного представления, но мне верилось, что, несколько успокоив свой разум, я смогу продвигаться в правильном направлении. Я стал ежедневно молиться, на что мне до сих пор недоставало веры.

Что касается внешней стороны моей жизни, то Бог, казалось, с дружеской улыбкой говорил мне: «Ты надеешься найти в сельской местности лучший тип человека? Оглянись вокруг! Человек не становится лучше от того, где он живет. Мечты о внешнем совершенстве всего лишь заблуждение. Счастье можно найти только в себе, или его не найдешь нигде!»

Я намеревался по прибытии в Индиан-Лейк найти работу лесоруба. Я спросил хозяйку гостиницы, в которой остановился, можно ли найти такую работу.

—Что вы! —воскликнула она. —Чтобы вас пырнули ножом в пьяной драке? Эти люди совсем не вашего круга.

Пришлось признать, что такого ответа следовало ожидать, но меня было не так легко отговорить. Два дня я блуждал по лесам в поисках лагеря лесозаготовителей, который, как мне говорили, находился в окрестностях. Наверное, я так и не нашел его по воле Бога; во всяком случае, мне встречались только рои оленьих слепней. На третий день, весь искусанный этими тварями, я согласился с предостережениями моей хозяйки. Я решил поискать работу в другом месте.

В то утро местный фермер согласился нанять меня подсобным рабочим. После окончания средней школы у меня был небольшой опыт сельских работ, о котором я вспоминал с удовольствием. Но никогда прежде мне не приходилось работать на такого человека. Я был намерен работать в полном спокойствии духа, с размышлениями о Боге, однако у хозяина были иные намерения. Он желал, чтобы я играл роль шута в его маленьком королевстве. «Для чего еще мне нужен подручный?» — ставил он риторический вопрос, когда я протестовал против того, чтобы быть постоянным объектом его грубоватых шуток Я ничего не имел против юмора, но только не *глупого.* Мало что так злит, как умно брошенная острота, не достигающая своей цели. Когда после нескольких слишком мудреных острот я погрузился в покорное молчание, фермер стал поддразнивать меня: «Давай, давай, ослиная голова! Я тебя нанял работать. Нечего

тараторить целый день!» Насколько я помню, это было вершиной его остроумия. Мое представление о простом, добром сельском труженике начинало увядать.

Вскоре я покинул того достойного работодателя. Решительно оставив эту мирную обитель, Индиан-Лейк, я оседлал свой велосипед и отправился на поиски другой работы. Через несколько часов я подъехал к руднику, принадлежавшему корпорации «Юнион Карбайд». Служащая, занимавшаяся приемом на работу, взглянула на меня с сомнением.

—Да, у нас есть работа,—сказала она—но она едва ли подойдет вам.

— Не подойдет? Что вы имеете в виду? Я могу делать все!

— Допустим. Но вам не понравится эта работа. Вы сами поймете и не продержитесь даже неделю.—С таким ободряющим комментарием я был принят.

Атмосфера агломерационного завода, куда я был принят, была так густо наполнена пылью добываемой там руды, что в помещении почти ничего нельзя было разглядеть. К концу каждого рабочего дня мое лицо и руки становились совершенно черными. Теперь в моем мозгу начинало формироваться некоторое представление о том, что имела в виду та женщина.

Но заставила меня уволиться даже не собственно работа. Там был еще один простой, добрый сельский труженик—полный дурак, который, обнаружив, что я слишком вежлив, чтобы послать его подальше, как это делали все остальные, принял меня за еще большего дурака, чем он сам. Целыми днями он угощал меня небылицами о своих героических подвигах во время Второй мировой войны. Затем, истолковав мое молчание как доверчивость, он стал строить из себя умника. Наконец он презрительно сообщил мне, что я слишком глуп и не достоин общения с такой блестящей личностью, как он.

Служащая отдела кадров даже не нашла нужным напомнить мне о своем прогнозе, когда я через неделю явился к ней, чтобы получить расчет.

Как же мне стать когда-нибудь пустынником? Человек нуждается в деньгах, чтобы купить себе пищу. Может быть, мне придется время от времени находить работу, просто чтобы выжить. Но если мне будут попадаться занятия такого рода, которые я уже испытал на своей шкуре, то не перевесят ли мои духовные потери возможные выгоды? Может быть, мне повезет найти такое место, где заработанных мной денег хватило бы надолго...

Вот это идея! Я отправлюсь в какую-нибудь страну с низкой стоимостью жизни: да, в Южную Америку. Я буду работать здесь, чтобы накопить денег. Конечно, это будет не так дорого, поехать в Южную Америку; возможно, я даже смогу подрабатывать по пути. А там, вероятно, смогу долгое время жить на свои сбережения — возможно, даже годы, погружаясь в медитацию где-нибудь в

уединенном месте в джунглях или на вершине горы. Теперь передо мной стояла задача в кратчайший срок заработать как можно больше денег.

Когда я работал на руднике, один из тамошних рабочих забавлял меня после работы рассказами о больших деньгах, которые собрал в виде чаевых, когда однажды летом работал коридорным в гостинице на курорте. Мне была неприятна мысль «доить» людей, выполняя их специальные поручения, но может быть, ради достижения своей цели, мне удастся подавить в себе это отвращение.

Моим следующим пристанищем был курортный городок Лейк-Джордж Войдя в гостиницу, я обратился к ее хозяину и спросил, не нужен ли ему посыльный.

—Уже принял одного. — Он взглянул на меня, размышляя. — Откуда вы?

—Из Скарсдейла.

— О, Скарсдейл, — в его глазах блеснул интерес.—Мне не повредит, если у меня будет работать кто-то из Скарсдейла. — Он помолчал. — Хорошо, вы приняты.

Без малейшего напряжения воображения можно было отнести этого парня к категории сельских жителей! Он был первым, последним и на все времена самым выдающимся артистом в искусстве превращения незначительных средств в целое состояние. Его постояльцы получали от него самые ничтожные услуги в обмен на все то, что он был способен вытянуть из них. Привратница и уборщица были его двоюродными сестрами, эмигрантками из Европы, однако он относился к ним как к рабам. Когда я понял, что это за человек, меня охватил стыд, что я работал на него. И казалось еще более постыдным принимать чаевые от постояльцев, которым я считал за удовольствие служить. Когда одна супружеская пара пыталась второй раз вручить мне чаевые за то, что я им что-то принес из их машины, я просто не смог их принять. Не прошло и недели после моего поступления в гостиницу, как я уже снова оказался в дороге.

Приближалось время моего возвращения в Уайт-Плейнс, чтобы помочь маме приготовиться к отъезду в Египет.

Возвращаясь на юг, я лелеял определенную надежду. Рабочий на руднике уверял меня, что можно найти работу на торговом судне, где даже новичок зарабатывает 300 долларов в месяц. В те дни это были хорошие деньги. Еще лучше что, работая в открытом море и получая бесплатно ночлег и питание, я смогу за короткое время накопить уйму денег. И я решил попытать счастья, поступив на судно.

Летом мои удачи перемежались с неудачами: постигая истины, я терпел фиаско в материальном плане. Все острее становилось ощущение, что я попал не на ту планету. Ни одно из моих испытаний в эти месяцы не способствовало тому, чтобы я чувствовал себя как дома.

Мое страстное желание «исчезнуть» казалось с практической точки зрения нереальным. Я не мог не признаться, что мои планы стать отшельником построены на песке. У меня не было практических навыков, необходимых для того, чтобы жить одному в пустыне. Я даже не представлял, сколько мне действительно потребовалось бы денег, чтобы долгое время оставаться в Южной Америке. И хуже всего то, что мне так мало было известно о духовном пути, и я не был уверен, что смогу пройти его в одиночестве! Я не знал, как медитировать, как молиться. Я начинал понимать, что без опытного наставника обречен на поражение.

Однако я не знал никого, кому я мог бы доверить миссию выведения меня из пустых коридоров казенной религии на свежий воздух всемирной истины. Я обдумывал воображаемый мною путь, который со всех практических точек зрения казался чистой глупостью. Я принимал его потому, что отмел все другие мыслимые альтернативы.

Мысль вести так называемый «нормальный», мирской образ жизни наполняла меня мукой, которая усиливалась оттого, что я чувствовал себя одиноким, отвергая такую жизнь. Большинство моих друзей женились, нашли хорошую работу. Я испытывал почти постоянное давление на меня со стороны моих друзей и общества—они хотели, чтобы я жил так же, как все. Но даже если бы я голодал и страдал в течение целой жизни, но мог найти Бога, это стоило бы того.

Но чего я надеялся достичь в поиске Бога? Здесь мои представления оставались неясными, хотя просто спокойствие духа я считал ни с чем не сравнимым блаженством. Для меня главным было то, что, зная Бога, я познаю Истину; а незнание Его означает принятие лжи и заблуждений. Куда бы ни вел мой путь, я знал лишь один достойный выбор: отдать жизнь Ему. А там — пусть Он ведет меня куда хочет.

ГЛАВА 15

ПУТЕВОДНАЯ КАРТА НАЙДЕНА

СРАЗУ ЖЕ ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ в Уайт-Плейнс я направился на Баулинг-Грин, в Нью-Йорке, и подал заявление в управление торгового пароходства. Двадцать четвертого августа я получил звание «матроса второго класса, посыльного и уборщика». Мне было сказано ожидать судна, на котором я и получу свое первое крещение. Все мои надежды теперь заключались в том, чтобы выйти в море как можно скорее.

Тем временем я помогал маме паковать багаж. Когда пришел день отплытия, я проводил ее до пристани Нью-Йорка и убедился, что она отплыла без недоразумений. Затем я вновь направился на Баулинг-Грин, взглянуть, не пришло ли какое-нибудь судно. Напрасно: «Приходите через несколько дней». После полудня у меня оставалось еще много времени, и я направился в верхнюю часть города «попастись» в известном книжном магазине «Брентано» на Пятой Авеню.

В «Брентано» я разговорился на духовные темы с менеджером по продажам, который показал мне несколько книг Томаса Мертона, молодого христианина-протестанта, который перешел к римскому католицизму, затем стал траппистом . Все это было довольно занимательным, но лично меня не привлекало. Меня влекла широта, универсальность учений Индии. Именно они завоевали мою приверженность.

Из «Брентано» я направился в другой книжный магазин на Пятой Авеню, в то время он назывался «Даблдей-Доран». Там я нашел целую секцию книг по индийской философии. Впервые я встретил такую коллекцию. Я жадно читал множество различных названий: Упанишады, Бхагавад-гита, Рамаяна, Махабхарата, книги по йоге. Я просмотрел все эти полки и вернулся к началу, чтобы изучить книги внимательнее. На этот раз, к своему удивлению, первой я увидел книгу, стоявшую лицевой стороной ко мне, которую с первого захода не заметил. Меня странно поразила фотография автора на обложке. Я никогда прежде не встречал человека, чье лицо излучало бы столько великодушия, смирения и любви. Я нетерпеливо взял эту книгу и вновь взглянул на название. «Автобиография Йога» Парамахамсы Йогананды. Автор жил в Америке—в Калифорнии!

Траппист — член монашеского ордена, члены которого были известны своим аскетизмом и обетами молчания. —*Прим, перев.*

Не этот ли человек может помочь в моем поиске? Я начал перелистывать книгу, и вдруг следующие слова привлекли мое внимание. «Посвящается памяти Лютера Бербанка, американского святого».

Американский святой! Но какая нелепость! Разве можно стать святым **в** этой стране «всемогущего доллара?» В этой материалистической пустыне? В этой... Я в отчаянии закрыл книгу и положил ее на место.

В тот день я купил свою первую книгу по индийской философии, однако не «Автобиографию Йога», а великолепный перевод *Бхагавад-гиты* сэра Арнольда Эдвина. В нетерпении я вез это сокровище домой, в Скарсдейл, где временно снимал комнату. В следующие несколько дней я с жадностью просто поглощал ее, чувствуя, будто парил в бескрайних небесах чистой мудрости.

Из всех людей тот наилучший, кто равно относится к доброжелателям, благодетелям, врагам, равнодушным, посредникам, завистникам, близким, а также к праведникам и грешникам .

Какие чудесные слова! Испытывая трепет, я продолжал читать:

Я — источник всего, из Меня исходит все. Зная это, мудрые всем сердцем поклоняются Мне.

Тем, кто предан Мне, кто всегда поклонятся Мне с любовью, тем я даю буддхи-йогу (понимание), с помощью которой они приходят ко Мне. Из особой милости к ним Я, пребывающий в их сердцах, разрушаю сияющим светильником знания темноту, порожденную невежеством .

Мои собственные сомнения рассеивались этими удивительными поучениями. Я теперь с полной уверенностью знал, что выбрал правильный путь.

На другой день после первого прочтения *Бхагавад-гиты* я возвратился в Нью-Йорк, намереваясь посетить Баулинг-Грин и узнать, не пришло ли какое-нибудь торговое судно. Я шел вниз по Седьмой Авеню по направлению к метро, вход куда находился на другой стороне следующего перекрестка, и тут вспомнил книгу, которую импульсивно отказался взять в предыдущий раз: «Автобиографию Йога». Когда в моей памяти вновь возникло то прекрасное лицо на обложке, во мне родилось сильное желание пойти и купить эту книгу. Но я решительно выкинул эту мысль из головы.

— Это вовсе не то, что я ищу, — сказал я себе, посмеиваясь. И добавил: «Подумаешь, американский святой!» И я решительным шагом направился **в** метро.

* *Бхагавад-гита б.* 9**. Здесь, как и в других местах, приведен дословный перевод санскритских стихов Гиты; в английском оригинале автор цитирует поэтическое переложение Э. Арнольда. —***Прим.ред.*

** *Бхагавад-гита* 10 8,10—11.

—Откуда ты знаешь, что это за книга, если даже не хочешь прочитать ее? — появилось возражение (не в виде слов, но безошибочное по смыслу).

— Нет! — повторил я. И затем привел доводы: — Мне надо отказаться от чтения книг; я уже и так слишком рассудочен. Кроме того, если я когда-нибудь стану отшельником, мне следует копить деньги, а не тратить их постоянно!

В этот момент я подошел к перекрестку. Я все еще шел в метро, когда почувствовал, что какая-то сила влечет меня повернуть налево, за угол и направиться к Пятой Авеню. Я никогда не испытывал ничего подобного. Пораженный, я подумал что, может быть, мне дают понять, что в этой книге есть что-то такое, что мне *следует* прочитать? Уже не сопротивляясь, я торопливо и с нетерпением зашагал в сторону «Даблдей-Дорана».

Войдя в магазин, я сразу нашел книгу и купил ее. Выходя из магазина, я нос к носу столкнулся с Дутом Берчем, тем другом из средней школы Скарсдейла, который познакомил меня с Ником и диксилендом. Мы коротко обменялись новостями. Дуг принялся описывать мне в радужных тонах планы своей карьеры на радио и в области рекламы. Чем дольше он говорил, тем крепче я прижимал к сердцу свою драгоценную книгу. Я не заметил, как растаяли мои сомнения. Мне казалось, что Йогананда разделял мое разочарование блестящими перспективами, которые так ярко расписывал Дуг, образом жизни, таким пустым для меня. Прижимая книгу, я вдруг почувствовал, будто мы с этим восточным йогом были старыми друзьями. Светский мир и я были чужими, а здесь был тот, кто знал и понимал меня.

Я не раскрыл книгу, пока не вошел в свою комнату в Скарсдейле. И тут началось самое увлекательное в моей жизни литературное приключение.

«Автобиография Йога» — история страстного поиска Бога молодым индусом. В книге описываются многие из живущих святых, которых он встречал на своем пути, включая великого гуру Свами Шри Юктешвара. В ней яснее, чем в какой-либо из прочитанных мною мистических книг, описаны собственные переживания автора в общении с Богом, в том числе описание самого высокого таинственного союза — *самадхи.* Читая главу за главой, я нашел волнующее доказательство реальности существования Бога не только в абстракции бесконечности, но и в сердцах и жизнях реальных людей. Я читал о том, как молитвы Йогананды, даже связанные с малыми просьбами, не оставались без ответа, о том, что, отдав себя безоговорочно в руки Бога, он всегда получал его помощь в самых неожиданных обстоятельствах. Я читал о безграничной любви к Богу, которую мне страстно хотелось обрести; о таком близком и счастливом общении с Богом, о котором я даже не смел мечтать!

Прежде я полагал, что жизнь, посвященная Богу, может, в лучшем случае, дать спокойствие духа. Но здесь я обнаружил, что плодом духовной жизни является радость, превосходящая всякое человеческое воображение!

До недавнего времени я сомневался в духовном значении молитвы и относился к ней как к средству приведения *себя* в возвышенное состояние. Но теперь я знал и ни на минуту не сомневался в том, что Бог с *любовью* относится к каждому страждущему.

В книге описано немало чудес, многие из которых, признаюсь, в то время я не мог принять. Однако вместо того, чтобы отмести их (что я и сделал бы, прочитав об этом в других книгах), я подавил свою недоверчивость, поскольку сам дух этого повествования был проникнут столь глубокой искренностью, так явно лишен гордыни или нечистых помыслов, что я не мог сомневаться в том, что автор верил каждому написанному им слову. Никогда прежде мне не приходилось читать книгу, пронизанную таким духом истины, наполненную добротой и радостью. Казалось, каждая страница излучала свет. Во время чтения «Автобиографии Йога» у меня слезы перемежались со смехом: слезы истинной радости; смех — от еще большей радости! В течение трех дней я почти не ел и не спал. Когда я гулял, то шел почти на цыпочках, как в экстатическом сне.

И наконец, эта книга описывала высшую науку *крийя-йоги* — техники, помогающие искателю быстро продвигаться по пути медитации. Мне так страстно хотелось постигнуть таинство медитации, что я ощущал возбуждение человека, нашедшего карту сокровищ; в данном случае это были священные сокровища, глубоко зарытые во мне самом!

«Автобиография Йога» — величайшая книга, которую мне когда-либо приходилось читать. Даже просто внимательного чтения ее было достаточно, чтобы изменить всю мою жизнь. С того времени мой разрыв с прошлым стал окончательным. Я был полон решимости следовать учению Парамахамсы Йогананды даже в самых малых делах моей жизни.

Узнав, что он рекомендовал вегетарианскую диету, я немедленно отказался от мяса, рыбы и птицы. Если бы он порекомендовал диету из хлеба и воды, я без колебаний принял бы и ее.

Более чем что-либо другое, эта книга дала мне уверенность в том, что в Йогананде я нашел своего гуру, своего духовного мастера на все времена. Всего несколько дней назад мне было даже незнакомо это странное слово—«гуру». Я ничего не ведал о йоге, перевоплощении или о карме; не имел представления об основных концепциях философии Индии. Невероятно, но теперь я ощущал такую глубокую абсолютную веру в другое человеческое существо, что, даже не понимая толком его философии, готов был следовать за ним до конца своей

жизни. И еще до предстоящей встречи с ним я чувствовал, что он был самым верным другом из тех, кого я когда-либо знал.

Через день после того, как я стал вегетарианцем, друзья моей семьи, мистер и миссис Ллойд Гибсон пригласили меня на ленч. К моему удивлению и отчаянию, главным блюдом у них был цыпленок табака. Не желая обижать друзей, я пошел на компромисс: отложил кусочки цыпленка на край тарелки и стал есть овощи в курином соусе.

На следующий день Джордж Колверт, на ферме отца которого мы с Бобом работали после моего окончания средней школы, пригласил меня на ленч в доме его родителей, с последующей игрой в поло. На этот раз у меня не было выбора и пришлось отказаться от толстого, сочного гамбургера, который предложила мне его мама. Мое положение становилось еще более неловким оттого, что Джордж предусмотрительно подготовил мне свидание! Я казался довольно странным гостем, который почти ничего не ел и обращал мало внимания (насколько это допускала вежливость) на девушку в противоположном конце комнаты. (Йогананда был монахом: я тоже буду монахом.) Игра в поло дала мне возможность кратковременно и тайно уходить в медитацию, так что я не считал игру полной потерей.

Позднее в тот день я встретил своего брата Боба и Дина Бассета, нашего приятеля по посещениям кафе-мороженого в поселке Скарсдейла. Дин считался «самым матерым волком» в старшем классе средней школы. Он и Боб обсуждали любимую тему Дина: девочек.

Я некоторое время молча слушал их болтовню. Наконец я не выдержал: «Разве вы не знаете, что страсть делает человека рабом того, к чему он стремится!»

Боб и Дин переглянулись насмешливо. «Что это с ним?» — спросил Дин.

Лишь через годы до меня дошло, что понимание, словно цветок, распускается со свойственной ему скоростью. Если человек не готов к осознанию истины, то даже самая убедительная логика не поможет принять ее.

Как только я завершил чтение «Автобиографии Йога», у меня возникло желание немедленно сесть в автобус, направляющийся в Калифорнию. Однако не желая действовать столь импульсивно, я прождал целый день! Я даже несколько часов спорил с собой, не мудрее ли поехать к морю, как я планировал, чтобы на несколько месяцев погрузиться в медитацию перед принятием столь важного решения. Но я уже знал, что это решение правильное. На следующий день я упаковал свой чемодан и сел на ранний поезд, следовавший в Нью-Йорк

Мой крестный отец, доктор Уинтроп Хейнес, проявлял живое участие и интерес к моему будущему. Они с женой относились ко мне как вторые родители, и я не мог уехать из Нью-Йорка, не попрощавшись с ним. Поэтому по пути к автобусной станции я заглянул в его контору в Центре Рокфеллера. Не застав

его, я оставил на столе записку, в которой сообщал: «Я еду в Калифорнию, чтобы присоединиться к группе людей, которые, я верю, могут научить меня тому, что я хотел бы узнать о Боге и религии». Так я впервые поделился своей тайной о том, что Бог — истинная цель моей жизни.

Я сел в первый же автобус, отправлявшийся на запад. Следующие четыре дня и ночи моим домом была вереница автобусов, в которые я пересаживался по дороге.

Мой разрыв с прошлым был таким внезапным и полным, что иногда я спрашиваю себя, возможно ли было все это без особого благоволения свыше? Что, например, я стал бы делать, если бы мама все еще находилась в Америке? Хватило бы у меня мужества на такой решительный шаг? Я не уверен в этом. Очень возможно, что она задержала бы меня. А если так, смогла бы она отвратить меня от моего намерения? К этому времени такой вопрос стал чисто теоретическим. Но разве не удивительно то, что я нашел книгу, которая изменила мою жизнь, менее чем через полдня после того, как я посадил маму на пароход, следовавший в Каир?

Действительно, неисповедимы пути Господни! В последующие годы мне не раз суждено было быть свидетелем таких удивительных совпадений, и каждый раз я не переставал изумляться.

ГЛАВА 16

ПИЛИГРИМ ВСТРЕЧАЕТ СВОЕГО ПРОВОДНИКА

Я ПРИБЫЛ в Лос-Анджелес утром 11 сентября 1948 года, в субботу, изнуренный продолжительным путешествием. Там, впервые за четыре дня, я смог побриться и принять ванну. Затем на автобусе я проехал сотню миль на юг, к небольшому прибрежному городу Инсинитас, где, как я читал, располагалась обитель Йогананды. Читая о Мастере, я сначала не обратил внимания на то, что он — основатель всемирной организации. Возможно, я подсознательно «исключил» эту информацию из-за давнишней боязни религиозных организаций. В моем сознании эта маленькая прибрежная обитель была единственным его делом.

Я прибыл в Инсинитас к концу дня и был слишком измотан, чтобы сразу направиться к жилищу Йогананады. Поэтому я остановился в гостинице, повалился на кровать и проспал почти целые сутки. На следующее утро я отправился в обитель Общества Самоосознания. Почти милю я шел мимо живописных садов с ледяником и бугенвилями. Многих цветов я прежде нигде не встречал. По яркости оттенков они сильно отличались от скромных цветов на Востоке. Позднее я заметил, что этот контраст был характерен для многих аспектов жизни на западном и восточном побережье.

Я приближался к приюту, затаив дыхание. Йогананда, вспоминал я его книгу, тоже посетил однажды святого без письменного уведомления о визите. Он еще не достиг деревни святого, когда тот вышел его приветствовать. «Может быть, Йогананда тоже знает о моем прибытии, — спросил я себя, — выйдет ли он встретить меня?»

Но этого не произошло. Я вошел через красивые ворота. По обеим сторонам въездной аллеи располагался большой, хорошо ухоженный сад: слева — деревья, справа — широкая лужайка. В конце подъездной аллеи стояло красиво оштукатуренное белое здание с красной черепичной крышей. Я представил себе учеников, спокойно выполняющих простую домашнюю работу, их лица, светящиеся внутренним спокойствием. (Знают ли *они,* что я приехал?) Я позвонил. Через несколько минут появилась пожилая женщина почтенного вида.

—Что вам угодно? — спросила она вежливо.

— Парамахамса Йогананда у себя?

Мое произношение этого незнакомого имени, видимо, оставляло желать лучшего. На мне был светлый морской костюм, который не мог свидетельствовать о том, что я был обычным посетителем. Я ошибочно полагал, что белый морской костюм так же уместен в Южной Калифорнии, как и в Майами или Гаване. Моя необычная внешность вместе с явным незнанием правильного произношения имени Йогананды могла произвести впечатление, что я какой-либо специалист по техническому обслуживанию.

—А, вы пришли, чтобы проверить воду?

—Нет! — сглотнул я и повторил: — Парамахамса Йогананда у себя?

—Кто? А, да, понимаю. Нет, боюсь, что он уехал до понедельника. Могу ли я вам чем-либо помочь?

—Наверное, да... Нет. Я хочу видеть его.

—Он сегодня читает проповедь в церкви Голливуда.

—У вас есть там *церковь?*

Я всегда считал, что Голливуд состоит только из киностудий. Мое удивление поразило хозяйку как непристойное. В конце концов, почему у них не может быть церкви в таком большом городе, как Голливуд? Скоро мне стало совершенно ясно, что я производил не лучшее впечатление.

Может быть, действительно казалось несколько странным мое вторжение сюда, желание говорить с главой организации; и хуже всего то, что я даже не подозревал о *наличии* у него организации. Моя хозяйка несколько насторожилась.

—Я хочу включиться в его работу,—объяснил я, — я хочу жить здесь.

— Вы читали его лекции? — спросила она несколько холодно, как мне показалось.

—Лекции? — повторил я тупо. Я не знал, что существуют лекции, которые надо изучать. Мое положение становилось все более безнадежным.

—Имеется целый курс лекций. Боюсь, что вы не сможете принять участие в его работе, — сказала она твердо,—пока не пройдете весь курс.

—Сколько времени на это потребуется?—Мое сердце замерло.

—Около четырех лет.

Четыре года! Возражения были бесполезны! Когда я мысленно возвращаюсь к этой встрече, я думаю, что она, вероятно, пыталась несколько умерить мою абсурдную самонадеянность и уверенность в том, что стоило мне только появиться и меня встретят радостными криками: «Вот вы и приехали!» На самом деле требования к поступлению не были столь строгими в этом смысле. Однако такой метод обычно справедливо используется, чтобы удостовериться в душевной искренности претендента. Но тогда мне это не показалось справедливым. Позже я узнал, что хозяйкой была Сестра Гьянамата, наиболее продвинутая из

учениц Парамахамсы Йогананды. Сама она была замужем, и поэтому ей пришлось ждать годы, прежде чем быть принятой в это сообщество. Поэтому перспектива ожидания не казалась ей слишком большим испытанием.

— Что ж, — размышлял я, воодушевляясь, — это еще не вердикт *Йогананды.* — Подавляя разочарование, я спросил, как добраться до церкви Голливуда. Сестра Гьянамата дала мне адрес и номер телефона. Вскоре я уже был на пути в Лос-Анджелес.

Пока я ехал, приступы негодования (по поводу *ее* недоверия) чередовались с отчаянными молитвами о моем приеме. Впервые в жизни я столь отчаянно жаждал чего-то. Они не смогут, они просто не должны мне отказать!

В какой-то момент, думая о хозяйке, я почувствовал, что мой мозг готов расплавиться, как воск, от негодования, но вдруг вспомнил ее глаза. Они были очень спокойными и даже, как я с изумлением понял, мудрыми. Конечно, в ней было нечто большее, чем я увидел. «Прости меня, — молился я, — за то, что я осуждал ее. Во всяком случае, мне не следовало думать о ней недоброжелательно. Она просто выполняла свой долг. Но теперь я понял, что она — великая душа. Прости меня!»

Казалось, во мне поднялось и покинуло меня какое-то облако. Сердцем я понял, что принят.

В Лос-Анджелесе я сдал чемодан в камеру хранения автобусной станции и сразу же направился к бульвару Сансет4860, где находилась церковь. Было около трех часов пополудни. Утренняя служба уже давно закончилась, и, за исключением нескольких человек, в здании никого не было. Из-за длинного стола в конце комнаты меня приветствовала леди.

—Чем могу вам помочь?

Я объяснил цель своего визита.

— О, боюсь, что вы не сможете увидеть его сегодня. Он очень занят.

Мое отчаяние возрастало с каждой минутой. «Когда я *смогу* видеть его?» Она полистала небольшую книгу на своем столе. «Время его встреч и визитов расписано на два с половиной месяца вперед».

На два с половиной месяца! Сначала мне говорили, что не смогут меня принять ранее, чем через четыре года Теперь, что я не смогу даже *увидеть* его целых...

—Но я ведь приехал из Нью-Йорка, лишь бы увидеть его!

—Вот как? — Она улыбнулась сочувственно.—Как вы узнали о нем?

—Несколько дней назад я прочитал его автобиографию.

— Так недавно! И вы так вот сразу и приехали? — сказала она несколько более сухо.—Обычно нам предварительно пишут. Вы писали нам?

Я уныло признался, что даже и не думал об этом.

—Ну что же, жаль, но вы не сможете встретиться с ним ранее, чем через два с половиной месяца. А пока,—продолжала она, слегка оживляясь,—вы можете изучать его лекции и посещать здешние службы в церкви.

С тяжелым сердцем я медленно обходил помещение церкви, изучая обстановку, архитектуру, окна с витражами. Это была красивая церковь, достаточно просторная, чтобы разместить на своих скамьях более ста человек, и притягательно тихая. «Чудесное место для спокойной медитации», — думал я. Однако состояние моего ума было совсем не созерцательным. Я пребывал в смятении.

«Вы *должны* принять меня! — молил я. — Вы должны! От этого зависит вся моя жизнь!»

Двое или трое сидящих в церкви были монахами из главного управления Общества Самоосознания в Маунт-Вашингтоне (район Хайленд-Парка в Лос-Анджелесе). Я заговорил с одним из них. Его звали Норманн, он был высок ростом, хорошо сложен, с добрым и кротким взглядом. Он коротко рассказал об их жизни в Маунт-Вашингтоне и об их ученичестве у Парамахамсы Йогананды. «Мы называем его Мастером», — сказал он мне. Из «Автобиографии Йога» я уже знал, что так сам Йогананда обращался к своему гуру. Это обращение означало почтение, а не раболепство.

Какими увлекательными были для меня рассказы Норманна о Маунт-Вашингтоне! Я просто *должен* стать частью этого удивительного образа жизни. Я принадлежал ему. Это был мой дом.

Норманн указал на двух молодых людей, спокойно сидевших позади нас, ближе к входу.

—Они тоже хотят войти в общину, — заметил он.

—Сколько они уже ждут?

—О, немного! Несколько месяцев.

Опечаленный, я еще некоторое время бродил по церкви. Наконец меня осенило! Может, я просто еще не готов и поэтому для меня закрыты двери. Я решил, что если это так, то мне следует немедленно поселиться на холмах близ Голливуда, регулярно посещать церковные службы, изучать лекции и — вздохнул я — ждать. Когда я буду готов, Мастер узнает об этом и призовет меня.

Приняв такое решение и без малейшего расстройства в сердце я направился к выходу.

Несомненно, мне был нужен этот урок смирения. Вероятно, прежде у меня все шло слишком гладко. Может быть, я был слишком самоуверен. Во всяком случае, как только я пришел к мысли, что действительно мог быть духовно неподготовленным, — ситуация резко изменилась. У выхода меня догнала секретарь (как я узнал позднее, ее звали Мэри Хэкменд).

— Поскольку вы приехали издалека, — сказала она, — я сейчас спрошу Мастера, не сможет ли он принять вас сегодня. — Через несколько минут она вернулась.

— Мастер примет вас следующим.

Меня проводили в небольшую гостиную. Мастер стоя беседовал с учеником в белом одеянии. Перед тем как удалиться, молодой человек встал на колени, чтобы коснуться ног Мастера. Как я знал из книги Йогананды, это был традиционный для индийцев знак почтительности; такой знак уважения воздавался родителям, старшим, а также гуру. Через минуту я остался наедине с Мастером.

Какие большие, сияющие глаза приветствовали меня! Какая сострадательная улыбка! Мне никогда прежде не доводилось видеть такого божественного обаяния в лице человека. Мастер сел на стул и указал мне на диван возле себя.

—Чем могу служить вам?—В третий раз за этот день я слышал такие добрые слова. Но на этот раз они были преисполнены особым значением.

—Я хочу быть вашим учеником! — Ответ исходил из моего сердца. Никогда не думал, что скажу такие слова другому человеку.

Мастер ласково улыбнулся. Затем последовала продолжительная беседа, прерываемая длинными паузами, во время которых глаза его были полузакрыты, но я уверен, что они «читали» меня.

Вновь и вновь я страстно молил в душе: «Вы должны принять меня! Я уверен, вы знаете мои мысли. Я не могу их высказать, я только заплЗЬу! Но вы должны принять меня! Вы *должны!»*

В ходе разговора он сказал мне: «Я согласился встретиться с вами только потому, что Божественная Мать сказала мне сделать это. Я хочу, чтоб вы знали. Дело не в том, что вы приехали издалека. Две недели назад одна леди прилетела сюда из Швеции после прочтения моей книги, но я не принял ее. Я делаю только то, что говорит мне Бог». Он повторил: «Божественная Мать сказала мне, чтобы я встретился с вами».

Как я уже знал из его книги, он часто обращался к Богу, который, по его словам, объединяет мужское и женское начала, как к «Божественной Матери».

Затем последовал разговор о моем прошлом. Казалось, он был удовлетворен моими ответами и правдивостью. «Я уже знал все это»,—заметил он в разговоре, свидетельствуя, что он всего лишь проверял, насколько искренни были мои ответы. Вновь последовала продолжительная пауза, а я тем временем горячо молился о том, чтобы меня приняли.

—Теперь я принимаю меньше людей,—сказал он.

Я сглотнул. Предназначалось ли это замечание для того, чтобы подготовить меня к разочарованию?

Я сказал ему, что я просто не вижу для себя ничего привлекательного в браке или в мирской жизни. «Я верю, что это прекрасно для многих людей, но для меня это не подходит».

Он покачал головой: «Это для *всех* не так хорошо, как считают люди. Единственный ответ для каждого — *только* Бог!» Потом он поведал мне несколько историй о разочарованиях такой жизнью, свидетелем которых он был. И снова пауза.

Он спросил меня, понравилась ли мне его книга.

—О, она великолепна!

—Это потому, что она пронизана моими вибрациями,—заметил он просто.

Вибрациями? Я никогда прежде не слышал о книгах, обладающих «вибрациями», однако несомненно, эта книга обладала почти осязаемой силой передачи не только идей, но и новых состояний сознания.

Совсем не к месту меня вдруг посетила абсурдная мысль о том, что, может быть, он охотнее принял бы меня, если бы почувствовал, что я могу быть полезным для его работы? Но что я умел? Только писать. Это, конечно, лучше, чем ничего. Может быть, ему нужны люди, умеющие писать? Чтобы продемонстрировать свои возможности, я сказал-. «Сэр, в вашей книге я нашел несколько инфинитивов с отделенной частицей “to”». Двадцатидвухлетний, литературно наивный, но уже многообещающий редактор! Я так никогда и не искупил этот ложный шаг! Мастер принял это с несколько удивленной, затем с шутливой улыбкой. Ему был совершенно ясен мотив моего высказывания!

Новая пауза.

Новая мольба.

— Ладно, — сказал он наконец. — У вас хорошая карма. Вы можете присоединиться к нам.

—О, я могу и подождать,—выпалил я в надежде, что он принимает меня не только из-за того, что я пока не нашел другого места для приюта.

—Нет, —улыбнулся он. —У вас хорошая карма, иначе бы я не принял вас. — Пристально глядя на меня с любовью, он сказал: —Я дарю вам свою безусловную любовь.

Бессмертное обещание! Я еще не мог оценить глубину значения этих удивительных слов.

—А вы дарите мне свою безусловную любовь?

-Да!

—И вы также дарите мне ваше безусловное послушание?

Как ни велико было мое желание быть принятым, я хотел быть совершенно искренним.

— Предположим, — сказал я, — что когда-нибудь мне покажется, что вы ошибаетесь?

— Я никогда не стану требовать от вас ничего, — ответил он торжественно, —если Бог не скажет мне сделать это. Когда я встретил своего Мастера, Шри Юктешвара, он сказал мне: «Позволь мне дисциплинировать тебя». «Зачем, сэр?» — спросил я. «Потому, — ответил он, — что в начале духовного пути человека его воля управляется прихотями и капризами. Со мной было то же самое, пока я не встретил моего гуру, Лахири Махашаю. Лишь после того, как я сонастроил свою волю с его волей, ведомой мудростью, я обрел истинную свободу». Таким же образом, если вы гармонизируете свою волю с моей, вы тоже обретете свободу. Если действовать только под влиянием прихотей и капризов, то вместо свободы обретешь рабство. Только исполняя волю Бога, вы можете обрести истинную свободу.

—Понимаю,—ответил я задумчиво. Потом от всего сердца сказал: —Я дарю вам свое безусловное послушание!

Мой гуру продолжал:

—Когда я встретил своего мастера, он даровал мне безусловную любовь, как я подарил вам свою. Затем он попросил любить его так же безусловно. Но я ответил: «Сэр, что, если я когда-нибудь подумаю, что вы ниже Христоподобного мастера? Смогу ли я после этого продолжать любить вас по-прежнему?» Мастер посмотрел на меня сурово: «Мне не нужна твоя любовь, — сказал он, — она смердит!»

—Понимаю, сэр, — заверил я его. Он поразил меня в самое уязвимое место: мысленное сомнение.

С глубоким чувством я сказал ему:

—Я дарю вам мою безусловную любовь!

Потом он дал мне различные наставления.

— Теперь подойди и встань передо мной на колени.

Я сделал это. Он попросил меня повторить, с именем Господа, Иисуса Христа и других гуру нашей линии, обеты ученичества и самоотречения. Затем он приложил указательный палец правой руки к моей груди, у сердца. По меньшей мере две минуты его рука вибрировала. Невероятно, но с этого момента мое сознание трансформировалось каким-то всеобъемлющим образом.

Я вышел из комнаты в изумлении. Норманн, узнав о моем приеме, ласково обнял меня. Было, мягко говоря, необычно, чтобы ученик был так быстро принят. Спустя несколько мгновений Мастер вышел из-за раздвинутой занавески на возвышение для проповедей и, умиротворенно улыбаясь нам, сказал:

—С нами теперь новый брат.

ГЛАВА 17

ПОМЕСТЬЕ МАУНТ-ВАШИНГТОН

ГОРА ВАШИНГТОН в районе Хайленд-Парка Лос-Анджелеса возвышается над огромным городом подобно некому ангелу-хранителю. Располагаясь недалеко от центра, гора все же стоит уединенно, отделенная последовательными ступенями предгорий. На вершине горы звук уличного движения, доносящийся с оживленных улиц внизу, стихает до тихого гула. Здесь, в этом спокойном уголке, больше возможностей для гармоничного решения проблем человечества. Находясь в мире, это место было словно не от мира сего.

Именно сюда, на вершину горы Вашингтон, 3880 по Сан-Рафаэль-авеню, после бравого восхождения по крутой, извилистой дороге, прибывает решительный посетитель Международного правления Общества Самоосознания.

В начале двадцатого столетия поместье Маунт-Вашингтон, как еще называют это имение, было фешенебельным отелем. Богатые люди, стремясь вырваться из напряжения и суеты городской жизни, приезжали сюда расслабиться или принять участие в торжественных светских раутах. На теннисных кортах проводились турниры; в просторных фойе — банкеты и блистательные танцевальные вечера. Гостей доставляли в отель фуникулером по крутому склону от Мармион-Вэй, в трехстах метрах ниже, где ветка соединялась с железной дорогой из центра Лос-Анджелеса.

«Город ангелов» был тогда гораздо меньше: около ста тысяч жителей. Со временем повышение популярности автомобиля и неуклонное поглощение городом окружающих фруктовых садов и фермерских земель побудило модную клиентуру Маунт-Вашингтона искать развлечений подальше от города. Для поместья Маунт-Вашингтон настали тяжелые времена. В конце концов отель закрылся. Из расширяющихся трещин на некогда знаменитых теннисных кортах начали прорастать сорняки. Отель, подобно нуждающемуся, но все еще гордому аристократу, с решительной снисходительностью продолжал взирать на мир со своего 12-акрового участка. Однако поддерживать это надменное настроение с годами становилось все труднее и труднее, так как со стен главного здания начала облупляться краска, окрестности потеряли свою былую элегантность и повсюду были видны несомненные приметы запущенности. Увы, к подобному всеобщему равнодушию приходят все, кто слишком гордо противос-

тоит уравнивающей все косе Времени. Деловой мир уже более не платил дань поместью Маунт-Вашингтон.

Тем не менее в отличие от большинства модных когда-то курортов, жалких в своих воспоминаниях о навсегда ушедшем расцвете, былая слава Маунт-Вашингтона послужила лишь прелюдией к куда более славной роли.

Приблизительно в начале века, в те времена, когда Маунт-Вашингтон достиг вершины своей популярности как курорт, перед одним мальчиком в Индии в часы экстатической медитации проносились видения таинственного монастыря на вершине горы в далекой стране. Послание, переданное его загадочными видениями, относилось к миссии, которую, как он знал, ему предназначено когда-нибудь исполнить. Мукунда Лал Гхош, впоследствии известный миру как Парамахамса Йогананда, был сыном старшего управляющего Бенгало-Нагпурской железной дороги. Его ожидала перспектива богатства и высокого положения в миру. Но это был не тот мир, который его привлекал. С самого раннего детства он стремился к Богу так пылко, как другие жаждут человеческой любви или мирского признания. Любимым времяпрепровождением Мукунды было посещение святых. Они часто называли его «Чхото Махашая» — «Маленький господин», или, буквально, «Маленький человек с великим умом». Обращаясь с ним не как с ребенком, а как с духовно равным, многие задавали ему глубокие вопросы и искали совета в духовных предметах.

Очевидно, это был незаурядный ребенок, хотя в своей автобиографии Йогананда представляет себя столь скромно, что читатель, незнакомый с интенсивной подготовкой, требуемой для высоких достижений в йоге, может прийти к заключению, что в подобных условиях всякий мог бы получить духовные переживания юного йога.

Вскоре после окончания средней школы Мукунда встретил своего гуру , великого Свами Шри Юктешвара из Серампура (Бенгалия). У стоп этого великого учителя за поразительно короткий период — шесть месяцев — он обрел высокое состояние самадхи — единения с Богом. Гуру оставил его в ашраме еще на девять с половиной лет, подготовив за это время к миссии распростра- *** ****

*** Слово «махашая»** *{почтенный)* **состоит из двух корней: «маха»** *{великий)* **и «ашая»** *{образ мыслей). —Прим.ред.*

**** Духовного учителя. Слово «гуру» часто применяют, в широком смысле, к любому почитаемому учителю. Но на духовном пути оно относится к** *сатгуру***, истинному гуру — к тому просветленному мудрецу, которому поручено Богом вывести духовно готовых искателей из темноты к переживанию Высшей Истины. Хотя искатель может иметь много менее значимых учителей, говорится, что такой божественно указанный гуру для него только один.**

См. сноску на странице 204.

******М есте удаления от мирской жизни ради занятий духовной практикой.**

нения йоги на Западе. «Запад, — объяснял Шри Юктешвар,—пришел к высоким материальным достижениям, но ему не хватает духовного понимания. По воле Бога тебе предназначено сыграть роль в обучении человечества равновесию между материальной и внутренней, духовной жизнью».

В 1917 году Мукунда, теперь уже как монах с именем Свами Йогананда* предпринял первый заметный шаг на пути к исполнению своей миссии, основав небольшую школу для мальчиков в бенгальской деревне Дихика. В 1918 году махараджа Кашимбазара милостиво позволил ему перевести эту быстро растущую школу в кашимбазарский дворец в Ранчи, штат Бихар. Здесь школа достигла своего расцвета. Предлагая наряду со стандартным курсом образования обучение божественному искусству жизни, это учреждение быстро сделалось местом постоянных устремлений родителей и детей. За первый год количество заявлений о приеме достигло двух тысяч—гораздо больше, чем школа могла вместить. К концу второго года образовательные теории молодого директора-йога уже начали оказывать серьезное влияние на других учителей.

Как бы ни была школа в Ранчи дорога его сердцу, существовала другая, более серьезная миссия, к которой Господь уже тогда готовил его. Однажды, в 1920 году, во время медитации молодой йог получил видение: тысячи американцев проходили перед ним, пристально всматриваясь в него. Он знал — это было божественное послание. Пришло его время начать дело своей жизни на Западе.

Свами **— буквально, «господин», иначе говоря, тот, кто достиг господства над самим собой. «Свами» — титул, даваемый обычно** *санньясинам* **(отрешенным), в подтверждение истины, что только тот есть истинный правитель мира, кто управляет самим собой. По той же причине отрешенных часто называют** *Махараджами* **(«Великими Царями»),**
Ананда **(«божественное блаженство») обычно является частью монашеского имени санньясина. Таким образом, имя «Йогананда» означает «Божественное блаженство, обретенное единением (***йогой)* **с Богом», или «Божественное блаженство, получаемое от практики йоги ради достижения единения».**
Обычай добавлять к имени санньясина слово «ананда» ведет свое происхождение со времен Свами Шанкары, известного также как Свами Шанкарачарья, — древнего реорганизатора монашеского ордена в Индии. Шанкарачарья спас Индию от искаженного атеистического истолкования, которым буддисты намеревались подменить возвышенные учения своего основоположника. Он объяснил, что, хотя Истина действительно превыше человеческих концепций (как подразумевал Господь Будда, упорно отказывавшийся говорить о Боге), она, тем не менее, существует и может быть испытана. Высшее состояние божественного экстаза являет себя как невыразимое блаженство — «превыше всяческих ожиданий», как его описывал Йогананда. Свами Шанкара определил Бога как *Сат-чит-ананду* **— «Бытие, знание, блаженство». Парамахамса Йогананда перевел это определение как «Вечно существующее, вечно-сознающее,** *вечно новое* **Блаженство».**

Буквально на следующий день он получил приглашение выступить делегатом от Индии на Международном конгрессе религиозных либералов. В том году он проводился в Бостоне, штат Массачусетс, при содействии Американской Унитарианской Ассоциации. «Все двери открыты для тебя, — сказал ему Шри Юктешвар, когда он обратился к своему гуру за наставлениями.—Твои слова о йоге будут услышаны на Западе». Получив подобный наказ, он принял приглашение.

В Америке он обнаружил множество людей, жаждущих духовных учений Индии и освобождающих техник йоги. Поэтому он остался в Бостоне, где в течение трех лет преподавал и читал лекции. Постепенно он адаптировался к американской культуре и постиг, как можно пробиться через предвзятые мнения слушателей к их сердцам.

В 1923 году он начал серию лекций и занятий в крупнейших городах Америки. Везде он пользовался чрезвычайным успехом. Толпы людей стекались к нему, иногда простаивая в очередях длиной в целые кварталы, чтобы войта. В отличие от большинства других учителей из Индии, он никогда не пытался навязать американцам культурные образцы поведения своей страны, но стремился показать, как одухотворить их собственную культуру. Динамично, с заразительной радостью доводил он до умов, погрязших в добродетелях «приземленного практицизма», что наиболее практичный путь для всех — это поиск Бога.

Его магнетизм был неотразим. 25 января 1927 года в Вашингтоне, округ Колумбия, после лекции, на которой присутствовали 5000 человек, «Вашингтон пост» сообщала: «Свами побил все рекорды по устойчивости интереса». Одно время известный фотограф держал фотографию Мастера в полный рост на улице возле своего ателье. Президент Кальвин Гулидж принимал Йогананду в Белом Доме. Восемнадцатого апреля 1926 года в знаменитом Карнеги-Холле в Нью-Йорке Мастер в течение полутора часов поддерживал вдохновение трехтысячной толпы, повторявшей вместе с ним простое песнопение «О, Прекрасный Боже!». Он перевел его с хинди, на котором оно было написано Гуру Нанаком. Той ночью многие из его слушателей побывали в состоянии божественного экстаза.

В 1924 году Свами Йогананда предпринял турне на запад через весь континент. Когда он учил и читал лекции, тысячи людей обнаруживали, что их жизнь преображена не только его словами, но и притягательной любовью и явственным сиянием его внутренней радости.

Луиза Ройстон, старейшая из его учениц, которая впервые встретилась с ним в те далекие дни, описывала его как человека столь переполненного божественной радостью, что он порой просто взбегал на лекционный помост, его длинные

волосы развевались, а оранжевое одеяние на теле трепетало, словно разделяя его воодушевление.

—■ Как себя все чувствуют?—кричал он обычно.

И все повторяли за ним: «Пробуждены и готовы!»

—Что *ощущает* каждый?

И снова крик «Пробуждены и готовы!»

Только в такой заряженной атмосфере он стремился говорить о Боге, которого описывал как самую динамичную, вызывающую радость Реальность Вселенной. Сухие теоретические лекции были не для него. Он прибыл в Америку не философствовать, но пробудить в людях пылкую любовь к Богу, страстное желание познать Его. Сильная, вдохновляющая личность этого учителя из Индии совершенно завладевала аудиторией.

Луиза Ройстон рассказала мне прелестную историю, произошедшую в 1927 году во время визита Йогананды в Вашингтон, округ Колумбия. В этом городе его ученицей стала мадам Амелита Галли-Керси, известная всему миру примадонна. В то время Галли-Керси достигла кульминации своей известности. Однажды вечером, во время пения в переполненном концертном зале, она заметила своего гуру, сидевшего на балконе. Прервав выступление, она вытащила носовой платок и пылко помахала ему. Свами, в свою очередь, поднялся и помахал ей в ответ. А затем публика, увидев наконец, чье присутствие прервало концерт, разразилась восторженными приветствиями и аплодисментами. Овация не смолкала в течение нескольких минут.

Одна из причин почти ошеломляющего отклика, который Мастер встречал повсюду, была в том, что он никогда не рассматривал аудиторию слушателей как безымянную толпу, даже если она насчитывала многие тысячи. Он был поразительно чуток к каждому как к индивидуальности. Часто он обращался к единственному члену аудитории, который в этом особенно нуждался. Я сам это испытал, обнаружив, как в ходе публичной лекции он кратко обращался к какой-то из моих личных трудностей. Когда я мысленно благодарил его, он с улыбкой бросал на меня взгляд, прежде чем продолжить свои рассуждения.

Однажды я слышал, как мистер Оливер Роджерс (впоследствии Брат Дэвананда), пожилой человек, ставший монахом Маунт-Вашингтона спустя год или два после меня, рассказывал Мастеру:

—Я слушал Вашу лекцию двадцать пять лет назад в симфоническом зале, в Бостоне. В последующие годы мне часто хотелось узнать, где вы. Я полагаю, это была моя карма: я должен был вначале искать Бога на других путях, но побудительной причиной моих поисков всегда был тот вечер с Вами в симфоническом зале.

— Что еще было странно, — продолжал размышлять мистер Роджерс, — этот огромный зал был набит до отказа, однако в течение всей лекции Ваши глаза были прикованы ко мне!

—Я помню, — тихо ответил Мастер.

Прежде всего, во время каждой публичной лекции, Свами Йогананда искал души, духовно готовые посвятить свою жизнь Богу. Как он часто говорил: «Я предпочитаю душу толпе, хотя и люблю толпы, состоящие из душ».

Во время его трансконтинентального турне в 1924 году многие с душевным трепетом предлагали Свами Йогананде остаться в их городе на постоянное жительство. Но на каждое такое предложение он отвечал: «Моя душа зовет меня в Лос-Анджелес». Много лет спустя один из гостей Маунт-Вашингтона спросил его: «Какое место в Америке вы считаете самым духовным?» «Я всегда считал Лос-Анджелес Бенаресом Америки»,—ответил Мастер.

И вот он в Лос-Анджелесе. Люди стекались на его лекции в огромном (даже для такого, известного своей склонностью к духовному, города) количестве. Недели проходили при неувядающем интересе публики. И наконец он сообщил своим полным восторга ученикам, что намеревается организовать свою штаб-квартиру здесь.

Ему показывали многочисленные участки земли, но ни один из них не соответствовал видению, которое он получил в Индии. Он продолжал поиск

В один из январских дней 1925 года он совершал поездку на машине с двумя или тремя учениками. Среди них находился Артур Кометер, который вместе с другим учеником, Ральфом, был шофером Мастера в его поездке через Америку. Они ехали вверх по серпантину дороги на гору Вашингтон. Когда они проезжали поместье Маунт-Вашингтон, Мастер вскрикнул: «Остановите машину!»

—Вы не можете войти туда,—запротестовали его спутники.—Это частная собственность.

Но Йогананду невозможно было отговорить. Он вошел на обширный участок и бродил по нему в молчании; наконец, взявшись за ограду теннисного корта, он тихо воскликнул: «В этом месте чувствуешь себя как дома!»

*** Бенарес, или Варанаси, как он теперь официально называется, — самый святой для индусов город. С тысячелетней историей (вполне возможно, что он является самым старым из постоянно населенных городов мира), Варанаси обладает аурой неподверженности времени и отдаления от мира. В нем расположены многочисленные ашрамы и храмы. Благоговейные паломники со всех концов Индии приходят, чтобы омыться в священных водах Ганга. Пожилые и немощные стекаются сюда, убежденные, что умереть в Бенаресе — гарантия спасения. И действительно, их вера основана, хотя и символически, на божественной истине. Ведь индусы, принимающие свою мифологию буквально, считают Бенарес земной обителью Бога в форме Шри Вишванатха, «Властелина Вселенной». И воистину, тому, кто живет и умирает во внутренней обители Бога, то есть в Его сознании, спасение гарантировано.**

Как выяснилось, это имение недавно было выставлено на продажу; уже были и другие желающие приобрести его. Но Йогананда знал, что поместью суждено принадлежать ему. Он был так уверен в этом, что пригласил всех своих учеников в Южную Калифорнию на церемонию освящения еще не купленной земли. В своей речи в тот день он сообщил им: «Это место ваше».

Цена имения составляла 65 ООО долларов. Учитель был уже готов подписать договор о покупке, когда его рука застыла в неподвижности. «Бог удержал мою руку от подписи, — говорил он мне по прошествии многих лет, — потому что хотел, чтобы я приобрел это имение за меньшие деньги». Через несколько дней был найден другой агент поместья, который согласился обсудить условия сделки. Продавец согласился на снижение цены до 45 ООО долларов при условии, что сумма будет выплачена полностью во время покупки, и эта дата устанавливалась не позднее трех месяцев со дня подписания Йоганандой договора. Цена, хотя и превосходная, все же составляла значительную сумму, особенно в те дни, когда доллар оценивался гораздо выше, чем сейчас. Когда ученики Йогананды узнали, что ему дано только три месяца на сбор всей суммы, их интерес значительно охладел. Одна дама воскликнула в испуге «Да что вы, вам потребуется двадцать лет, чтобы достать такие огромные деньги!»

—Двадцать лет, — ответил Мастер, — для тех, кто думает, что двадцать лет. Двадцать месяцев для тех, кто думает, что двадцать месяцев. И три месяца для тех, кто думает, что три месяца!

Он получил эти деньги за три месяца. История о том, как он это сделал, чудесным образом иллюстрирует силу веры.

У Свами была ученица, миссис Росс Кларк, чей муж за несколько месяцев до этого заболел двусторонней пневмонией. Врач сказал, что ему не выжить. Миссис Кларк обратилась за помощью к Мастеру, который провозгласил: «Он будет жить». Подойдя к постели ее мужа, Мастер сел рядом и погрузился в глубокую молитву. Муж исцелился. Таким образом, когда миссис Кларк узнала о проблеме Учителя, она сказала ему: «Вы спасли жизнь моему мужу. Я хочу помочь вам. Примете ли вы заем в размере 25 ООО долларов без требования возврата в течение трех лет?» Примет ли он!

— Остальные деньги, — рассказывал он мне, — начали стекаться со всей страны из других наших центров. Вскоре мы имели еще 15 ООО долларов, что в целом составляло 40 ООО долларов. Но окончательная дата покупки приближалась, а нам все еще недоставало 5000 долларов. Я еще раз написал миссис Кларк, справившись, не поможет ли она нам с этой суммой. К сожалению, она ответила: «Я дала все, что могла». Я поблагодарил ее еще раз за ту огромную помощь, которую она уже оказала. Но откуда же еще ждать помощи?

Наконец остался только один день! Ситуация была отчаянная. Если мы не получим эти пять тысяч долларов к полудню следующего дня, мы лишимся права на покупку.

Мастер усмехнулся: «Я думаю, Божественной Матери хочется, что бы моя жизнь продолжала оставаться интересной!

Так случилось, что я остановился в доме богатого, но неискреннего человека. Он легко мог бы помочь нам, если бы захотел, но и пальцем не пошевелил для этого. Я взывал к Богу: «Как ты собираешься предоставить мне эти деньги до завтрашнего полудня?»

— Все будет в порядке, — утешительно сказал хозяин дома.

—Почему вы это сказали? — потребовал я ответа. Я знал, что деньги придут, но Бог нуждается в человеческих орудиях, а этот человек не выказывал намерения послужить в таком качестве. Он вышел из комнаты.

В тот же самый момент порыв ветра развернул мое лицо к телефону. Там я увидел лицо мисс Траск, дамы, дважды приходившей ко мне на беседу. Голос сказал: «Позвони ей». Я немедленно сделал это и объяснил ей мои затруднения.

После паузы она сказала: «Как раз на днях один человек вернул мне заем, который я давала ему много лет назад. Я никак не ожидала получить его обратно. Он составлял 5000 долларов! Вы можете получить его».

Я молча вознес молитву благодарения. «Пожалуйста, — умолял я ее, — вам нужно быть в Маунт-Вашингтоне завтра до полудня».

Она обещала приехать. Но в полдень следующего дня она еще не появилась! Несколько потенциальных покупателей ожидали, как волки. Один из них говорил всем подряд, что собирается превратить это место в школу кинематографии. Но продавец объявил: «Мы подождем до конца дня».

Через несколько минут прибыла мисс Траск Драма завершилась. Мы уплатили полную стоимость покупки, и Маунт-Вашингтон стал нашим!»

Так было основано Международное правление Общества Самоосознания. Через эту организацию Парамахамса Йогананда распространил свое учение по всему миру.

Когда я приехал к Мастеру в 1948 году, поместье Маунт-Вашингтон было монастырем.

Как я понял из рассказа Мастера, это было духовное, а не физическое проявление. Ветер — одно из проявлений *Аум,* **Святого Духа. Мы нашли ссылку на это в Деяниях святых апостолов: «При наступлении дня Пятидесятницы, все они были единодушно вместе. И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились... И исполнились все Духа Святого». (Деян. 2: 1,2,4). Видениям, которые св. Бернадетта Собриотская получила от Девы Марии** в **Лурде, также предшествовал порыв ветра. Другие не могли его ощутить.**

Поскольку надеэды учителя на одухотворение Запада были связаны с всеобщим обучением молодежи, первоначально он планировал сделать поместье школой обучения «образу жизни», подобной его широко известному учебному заведению в Индии. Но вскоре он осознал, что для этой страны его образовательные мечты преждевременны. В первую очередь в его идеалы должны поверить взрослые; только тогда появятся должным образом подготовленные учителя и родители, желающие посылать детей в его школы. Вскоре Маунт-Вашингтон стал центральной резиденцией для взрослых, желающих посвятить свою жизнь Богу.

В 1925 году многие американцы были вдохновлены посланием Йогананды, но мало кто был готов полностью отдать свою жизнь духовному поиску. Даже в Индии, как утверждает Господь Кришна в *Бхагавад-гите*, «Среди тысяч людей едва ли кто-либо стремится к совершенству; из совершенных едва ли кто-либо воистину знает Меня». Свами Шанкарачарья однажды заметил: «Детство занято играми; молодость занята романами и семьей; старость занята болезнями и заботами: где же человек, который занят Богом?» Здесь, на материалистическом Западе, очень и очень немногие желали тратить время на глубокую медитацию. Они приходили по одному. Многие ушли; немногие остались. Йогананда мог пойти на компромисс в своих высоких стандартах и снизить их, чтобы осталось больше людей, но он никогда этого не делал. Единицами, но они все же приходили, и количество глубоко ищущих душ среди них постоянно росло. Монашеский орден мало-помалу развивался и со временем достиг такого высокого духовного масштаба, какого я не видел больше нигде, даже в Индии.

Несколько лет Свами Йогананда продолжал свои поездки по стране, давая лекции, обучая, привлекая к своей работе постепенно растущую группу преданных учеников. Наконец он почувствовал, что Бог побуждает его закончить эти духовные «кампании», как он их называл, и возвратиться в Маунт-Вашингтон, чтобы посвятить свое время обучению тех людей, которых он туда посылал.

И здесь для него и его маленькой группы настал период суровых испытаний. Как выяснилось, все вырученные за предыдущие годы публичных обучений деньги, которые он посылал домой, были растрачены, и далеко не всегда мудро. Без сомнения, тем, кто отвечал за это, представлялось, что источник снабжения никогда не иссякнет. Для пополнения истощенного банковского счета Мастер мог отправиться в новую кампанию, но почувствовал, что Бог повелевает ему сейчас оставаться в Маунт-Вашингтоне, и повиновался этому зову. Он со своей маленькой группой посадил на склоне помидоры. Месяцами их диета состояла из сырых, тушеных, жареных, печеных помидоров и томатного супа. Они обна- *

* Бхагавад-гита 7: 3.

ружили, что при минимальном кулинарном воображении даже эту крайне скудную пищу можно приятно разнообразить.

По прошествии лет все больше и больше учеников по всей стране осознали, что Мастер дал им нечто гораздо большее, чем дополнения к церковным учениям, с которыми они выросли: это был целостный, самодостаточный духовный путь. Йогананда всегда советовал своим ученикам оставаться верными собственной церкви, если они этого хотели. Но многие начинали воспринимать его дело как единственную церковь, в которой они нуждались. Так продвигалось его дело — не путем миссионерского обращения, но через личный опыт самих учеников, испытавших эффективность его учений. Все больше и больше людей, которым мирские обязанности не позволяли присоединиться к его монастырю, объединялись в своих городах, образуя центры Общества Самоосознания. В Маунт-Вашингтоне составлялись уроки, представляющие собой подборку его наставлений и записей, и рассылались последователям по всей стране. К1935 году эта работа вполне установилась и процветала.

В том же самом году гуру Йогананды, Свами Шри Юктешвар, призвал его назад в Индию. Ставший знаменитостью ученик провел там год, путешествуя по стране и собирая большие аудитории.

Посетитель ашрама Шри Юктешвара в Серампуре однажды сравнил Свами Йогананду с другим свами, широко известным в Индии. Великий гуру, редко снисходивший даже до небольшой похвалы, на этот раз ответил со скрытой гордостью: «Йогананда значительно выше».

В том году Шри Юктешвар удостоил своего возлюбленного ученика высшего в Индии духовного титула: Парамахамса .

*** За эту любовную работу несла основную ответственность Луиза Ройстон — ученица, о которой я уже упоминал в этой главе.**

**** Буквально: «Высший Лебедь». С древних времен лебедь был символом божественного просветления. Тому есть три причины. Во-первых, подобно лебедю, равным образом чувствующему себя дома и на земле, и на воде, просветленный йог как дома и в этом мире, и в океане Духа. Во-вторых, есть поверье, что лебедь обладает способностью разделять смесь молока с водой и выпивать только молоко (возможно, он делает это путем сворачивания молока). Сходным образом** *хамса,* **просветленный йог, проводит ясное различие между «молоком» божественной реальности и «водой» заблуждений. В-третьих, «хамса»** *(лебедь)* **на санскрите означает такжехян** *са (Яесть Он):* **выражение, обозначающее благословенное осознание истинного мастера. (Слово «хамса» в стиле «наивного этимологизирования» можно представить как сочетание лишенного отрицательного префикса «а» слова «aham»** *(я)* **со словом «sah»** *(он);* **таким образом, получается: «Лишенное эгоизма «я» — это Он. —** *Прим, ред.)* **Высший среди этих** **хамс* *** **—** *парома* **(высший)** *хамса.* **Уже достигший освобождения,** *парамахамса* **не нуждается в борьбе с земными заблуждениями при помощи меча распознавания, ибо без всяких усилий всегда и во всем видит Божественное.**

Йогананда писал свой титул как «Paramhansa», без *а* в середине. Именно так это слою обычно произносят в Индии. По мнению ученых-санскритологов, правильнее писать *парамахамса».* Но ученая строгость не всегда согласуется с неученым восприятием. Многие индийцы надеялись, что теперь Йогананда останется в Индии. Но Бог уже призывал его назад в Америку. Еще одним, внешним знаком того, что Бог отпускает его в путь, была смерть его гуру. Поэтому в 1936 году он возвращается в Маунт-Вашингтон, и здесь начинается новый этап его миссии.

В своих прежних видениях вместе с образом Маунт-Вашингтона Йогананда всегда видел два других здания. Первым из них был главный зал его школы в Ранчи. Второе еще предстояло найти. Это была прекрасная обитель где-то возле моря.

Несколько раз, проезжая вниз по берегу Калифорнии в Сан-Диего, он чувствовал притяжение к одному месту в маленьком городке Инсинитас. Каждый раз он получал внутреннее предупреждение: «Подожди. Еще рано». Покорный божественному водительству, он никогда больше не интересовался этим вопросом. Но по возвращении из Индии его ожидал сюрприз. На том самом месте, которое притягивало его в тех поездках, мистер Джеймс Дж. Линн, богатый и высоко духовно продвинутый ученик, построил обитель его видений! Именно здесь Парамахамсаджи, как теперь его называли многие люди, в течение нескольких последующих лет проводил большую часть времени. Здесь он написал свои книги, включая «Автобиографию Йога», ставшую духовной классикой.

Теперь его дни протекали в идиллии божественного спокойствия. После многих лет путешествий, духовных «кампаний» и мужественной борьбы с непрекращающимися трудностями на пути исполнения его миссии, на некоторое время он получил возможность насладиться плодами своих трудов. Трудности, которые он встречал теперь, лежали в сфере духовных идей.

Чтобы поделиться этой идиллией с преданными учениками, в 1938 году он построил в окрестностях Инсинитаса небольшой красивый храм. «Храм Золотого Лотоса» — так назвал он это здание. Расположенное неподалеку от главного здания, оно было обращено к океану. Здесь Мастер проводил групповые медитации, вместе с океаном напоминавшие об обширности Духа, и делился с наиболее преданными учениками некоторыми глубокими откровениями, которые днем изливались пером на бумагу. Храм Золотого Лотоса привлек широкий общественный интерес. Посетители иногда сравнивали его с Тадж-Махалом. Один человек сказал о нем: «Это—как увидеть рай еще при жизни».

В Индии к именам в знак уважения обычно добавляется суффикс **джш.*

Но для Мастера эта идиллия продолжалась недолго. В 1939 году в Европе началась Вторая мировая война. Ее разрушительные вибрации не могли не повлиять на работу Йогананды, направленную на служение всему человечеству. В 1942 году, вскоре после вступления Америки во Вторую мировую войну, оползень погрузил Храм Золотого Лотоса в море. Его фундамент был подточен почвенной эрозией, вызванной водой, просачивавшейся с дороги, пролегавшей за пределами принадлежавших храму земель. О потере этого прославленного строения сообщалось на первых полосах сотен газет по всей стране. Однако для Парамахамсаджи эта потеря была не трагедией, а знаком Божественной воли. Пришло время для следующей стадии его миссии.

Создается впечатление, что на долю истинных возлюбленных Бога на земле выпадает больше испытаний, чем они заслуживают. Может быть, причина этого в том, что другие могут научиться на их примере: несчастья, встречаемые с божественной верой, неизбежно оказываются благословением. Лишения—это только кратчайший путь, туннель, пробитый через горы, чтобы быстрее достичь плодородных лугов за ними. Парамахамсаджи заявил, что вместо разрушенного Храма Золотого Лотоса появятся другие и что для него эта потеря означает, что пришло время расширить деятельность его организации, которая к тому времени прочно встала на ноги.

Через год и два месяца после потери храма в Инсинитасе были приобретены два новых здания для богослужений. Одно из них в Голливуде, 4860 по бульвару Сансет, было освящено в августе 1942 года, второе находилось в Сан-Диего, 3072 по Первой Авеню, и освящено в сентябре 1943 года. Теперь по воскресеньям Мастер по очереди читал лекции в этих церквах.

Такое расширение его общественной деятельности привлекло в церкви множество учеников-мирян в дополнение к тем, которые становились монахами в ашрамах Маунт-Вашингтона и Инсинитаса. Именно сейчас давняя мечта, которую он часто описывал в лекциях и журнальных статьях, начала принимать определенную форму.

Одной из первостепенных целей его работы было «распространение духа братства среди всех людей и помощь в организации во многих странах самодостаточных общин для простой жизни и возвышенного мышления». Именно на установление такой «общины всемирного братства» он направлял теперь большую часть своих усилий.

Проблема, к которой он обратился, была сходна с той, что впервые возбудила его интерес к детскому образованию. «Окружение,—часто говорил он,—сильнее, чем сила воли». Окружающая обстановка, в которой живет ребенок, в значительной степени определяет его установки и поведение, когда он вырастает. Подобным же образом окружение, в котором живет взрослый, может

полностью определить успех или неудачу его усилий по изменению своих старых вредных привычек Парамахамсаджи убеждал людей жить, по возможности, в гармоничной окружающей обстановке. Одиноким людям с глубоким стремлением к Богу он предлагал жить в монастыре. Но, рекомендуя ученикам, связанным мирскими обязательствами, регулярно посещать церкви Общества Самоосознания или службы в центрах, он с грустью осознавал препятствия, с которыми они сталкивались. Увы, современное окружение, даже когда оно внешне выглядит гармоничным, в большинстве своем не способствует духовному восхождению.

Он пришел к решению создать такие места, где все — и семейные, и одинокие —могли бы жить в атмосфере божественного воздействия. Места, где семья, друзья, работа и общее окружение—все приводило бы к духовному развитию; короче говоря, духовные поселения, «общины всемирного братства». В начале сороковых годов он решил основать одну из таких общин.

Инсинитас был тем местом, которое он выбрал для осуществления своего проекта. Здесь он начал принимать семьи. Читая в церквах лекцию за лекцией, он убеждал людей сочетать медитативные усилия с более простым, свободным стилем жизни в духовной общине.

Ряд проектов, которые он предпринял в течение своей жизни, можно рассматривать как руководство для будущего, ибо их выполнение зависело от готовности общества в целом, а не от его силы воли и видения будущего. Общество было еще не готово к ним. Таким образом, хотя он и мечтал основать в Америке школы, обучавшие «образу жизни», а одну из них попытался открыть в Маунт-Вашингтоне в 1925 году, Америка еще не имела достаточного уровня духовного развития, чтобы позволить его мечте осуществиться.

Тем не менее все, что он делал, по-видимому, имело основательные причины. В самом деле, что более всего свидетельствует о его пожеланиях по работе на годы и даже поколения, как не серьезная попытка осуществить эти пожелания в период его собственной жизни? Великие люди не могут надеяться на воплощение всех вдохновенных идей своего гения за краткий промежуток времени, отведенный им на земле. Но насколько очевиднее становятся их намерения для тех, кто следует по их стопам, если они смогли начать строить что-то, а не просто говорить об этом. Так было со школой в Маунт-Вашингтоне. Таким был и основанный Йоганандой в 1941 году с разрешения властей штата Калифорния Университет Йоги, который впоследствии пал перед безразличием публики. И таким же было его «поселение всемирного братства» в Инсинитасе.

Ему не было дано завершить эти проекты в течение своей жизни. Америка была просто не готова для этого. То, что его усилия не привели к успеху, нельзя рассматривать как смену намерений, учитывая значение, которое он придавал

им на протяжении всей жизни. Скорее, практическая демонстрация его интереса должна была вдохновить других воспользоваться этим планом позже, когда его выполнение станет возможным.

В 1946 году была опубликована его широко известная книга «Автобиография Йога». Ее появление ознаменовало начало последней главы его жизни: завершение основных литературных трудов и появление множества новых учеников.

Летом 1948 года он испытал состояние высшего экстаза. Бог в форме Вселенской Божественной Матери открыл ему секреты космического творения. Поднимая эти последние завесы, Она словно бы хотела подготовить его к уходу с этой стадии материальных проявлений. «Вначале Я послала тебе несколько плохих людей, — сказала она ему во время этого экстаза, — чтобы проверить твою любовь ко Мне. Но теперь я посылаю тебе ангелов. Кто их поразит, того поражу я». Именно в этот период — приблизительно с 1946 года и позднее — пришло большинство из сужденных ему учеников. Можно предположить, что Бог смог заставить его жизнь в ранние годы сверкать более ярко, чем это было бы, если бы вся его энергия была посвящена личному обучению массы последователей. В биографии великого Шри Рамакришны большинство учеников также пришло в последние годы жизни этого учителя. Во всяком случае теперь, в заключительный период жизни Парамахамсы Йогананды, появляется растущая группа устремленных к нему душ. Они помогли обеспечить продолжение работы после того, как он покинул эту землю.

В этот период он приобрел несколько новых зданий: уединенный ретритный дом в пустыне Твенти-Найн-Палмз в Калифорнии, куда уезжал, чтобы в уединении поработать над завершением своих произведений; новую церковь в Лонг-Бич, в Калифорнии, и еще одну в Финиксе, штат Аризона; озеро с храмом в Пасифик-Палисадз (Калифорния). Он увеличил уже существующие церковные владения в Голливуде, прибавив к ним лекционный зал и отличный вегетарианский ресторан.

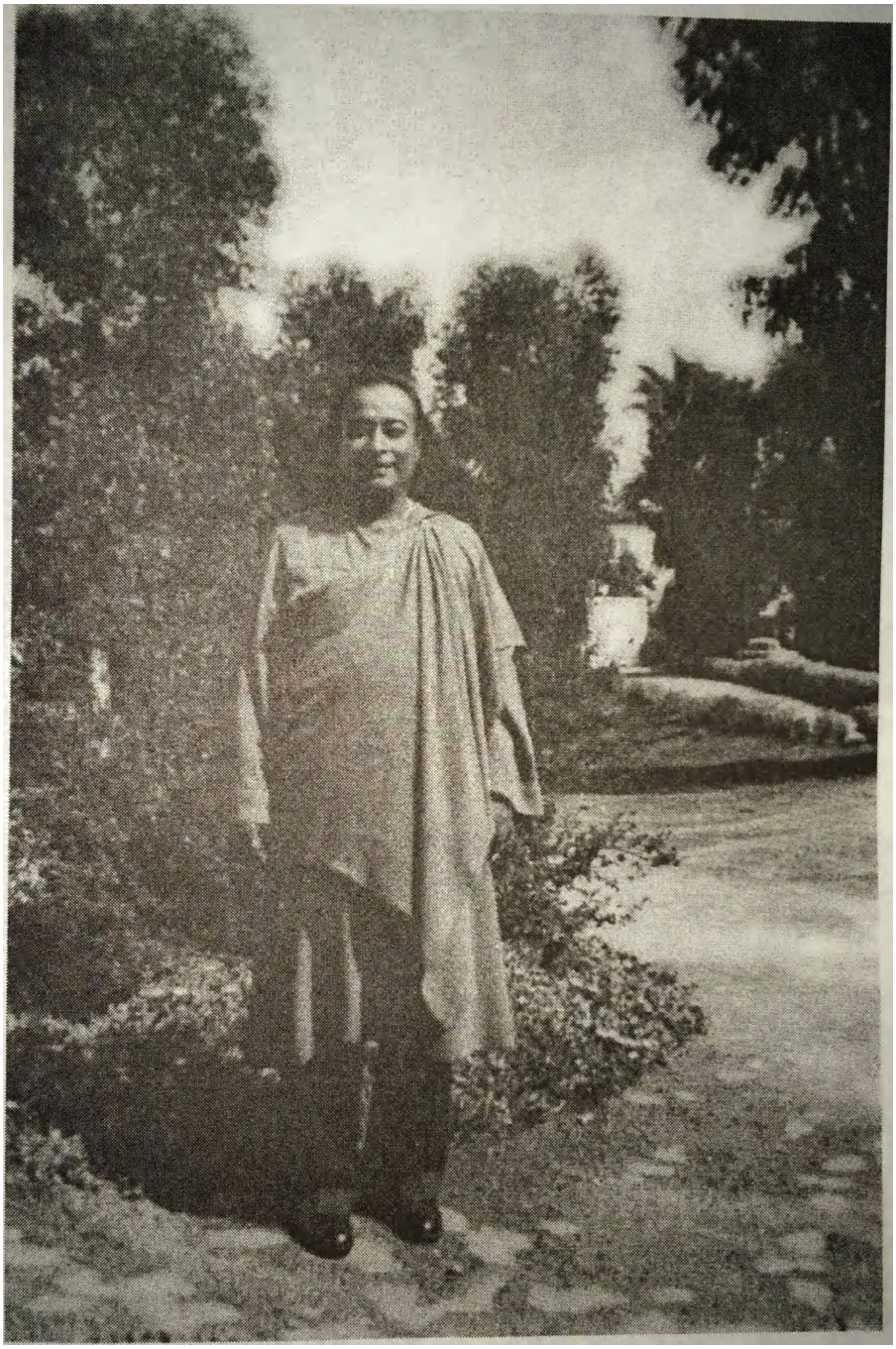
Озеро и храм в Пасифик-Палисадз были освящены им в 1950 году. Это был его последний и самый прекрасный центр. Крутые склоны «Озерной Святыни (Lake Shrine) Общества Самоосознания», как он называл его, образуют естественную чашу вокруг очаровательной водной жемчужины. Комплекс включает в себя церковь, храм на открытом воздухе, маленькие часовни для каждой из основных мировых религий и прекрасные цветущие сады. Лейк-Шрайн ежегодно радует многие тысячи посетителей.

Ретрит — **место (как правило, уединенное) для духовной практики.** —*Прим.ред.*

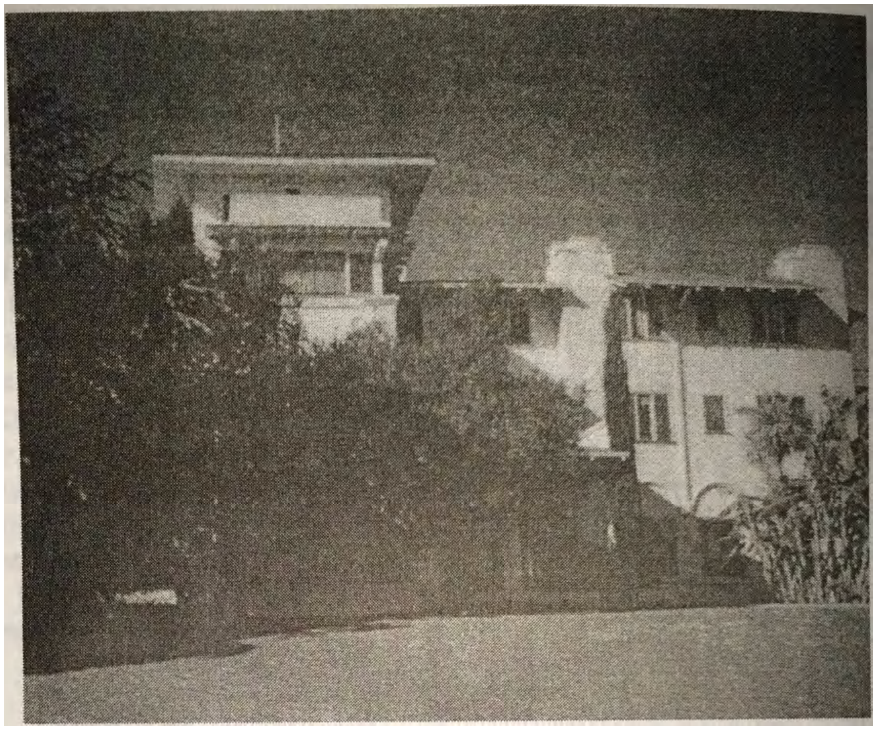
В последние годы жизни он все больше времени посвящал работе над своими произведениями. Одним из наказов, которые он получил от своего гуру, было выявление внутреннего сходства между индийскими Священными Писаниями, особенно Бхагавад-гитой, и Старым и Новым Заветами. В Твенти-Найн-Палмз он написал комментарии к Бхагавад-гите, Книге Бытия и Откровениям (по его словам, учение Откровений—это «чистая йога»). К тому времени он уже закончил детальные комментарии к четырем Евангелиям.

Седьмого марта 1952 года он покинул свое тело. Это была невероятно плодотворная жизнь. К моменту ее завершения центры Общества Самоосознания процветали во многих странах. Число учеников Йогананды по всему миру насчитывало десятки тысяч. Он открыл для Запада индийские учения так, как это не удавалось ни одному другому учителю. Впервые великий учитель из Индии провел большую часть своей жизни на Западе. Столь широко распространенный интерес к духовным учениям Индии возник в последние десятилетия в значительной степени в результате его учения и яркого личного примера.

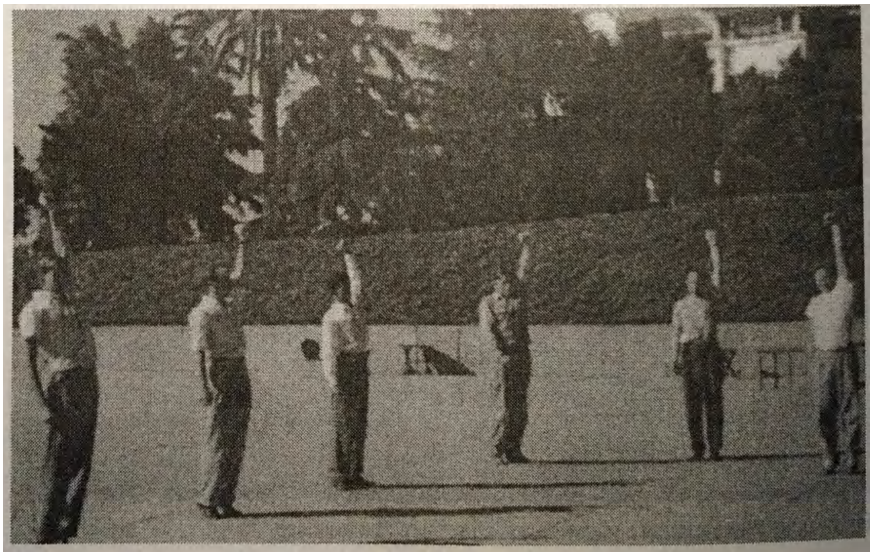
Центром этого широкого движения было поместье Маунт-Вашингтон. Там и началась моя жизнь в ученичестве.

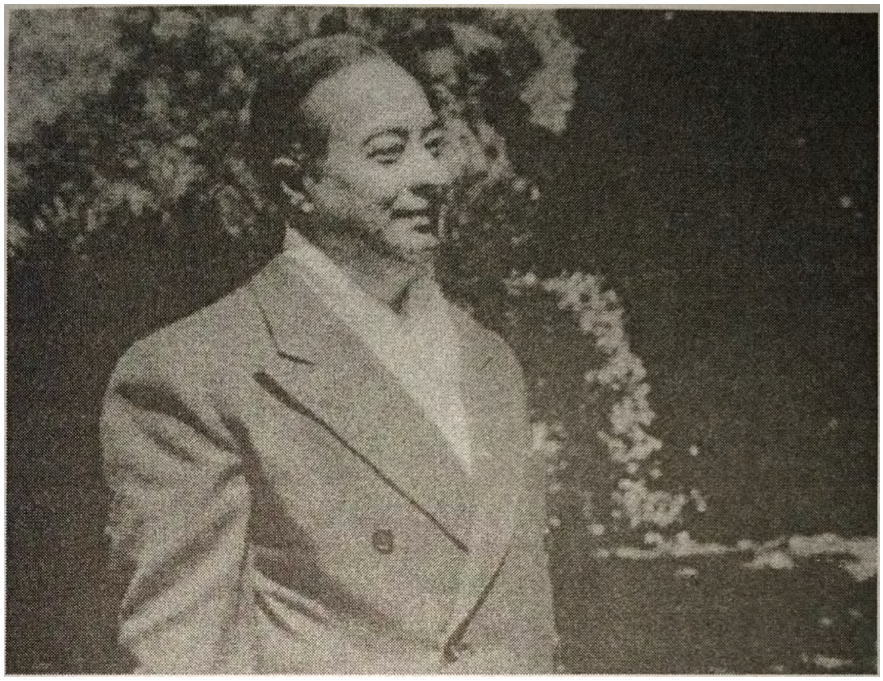
Парамахамса Йогананда в парке своей обители в Инсинитасе.

Поместье Маунт-Вашингтон, штаб-квартира Общества Самоосознания.

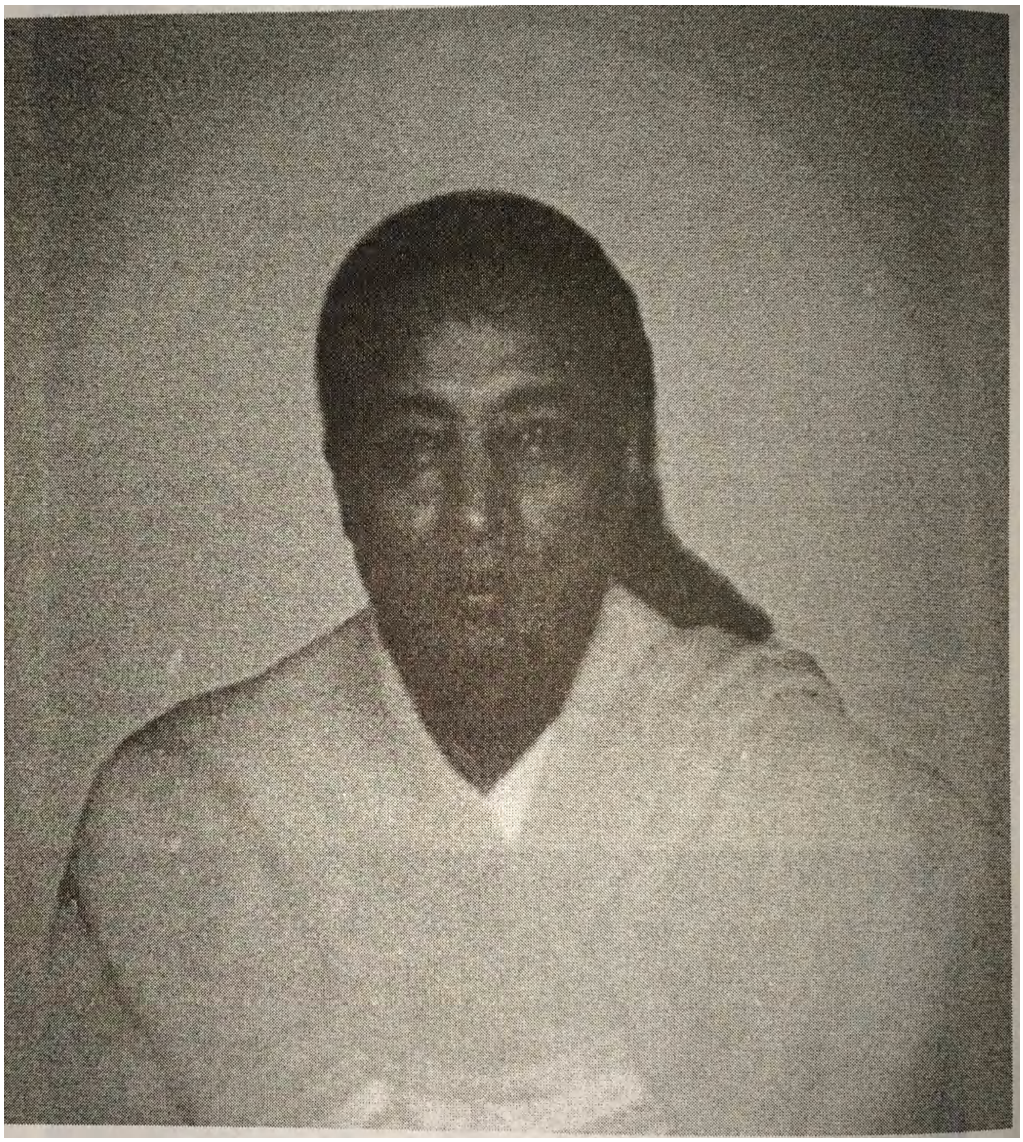
Занятия монахов на теннисном корте Маунт-Вашингтона.

Обыденной одеждой Мастера был деловой костюм. Он стремился не «индиизировать» Америку, а помочь американцам одухотворить свою культуру.

Обитель в Инсинитасе.

Парамахамса Йогананда в конце сороковых.

ГЛАВА 18

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

ПРЕПОДОБНЫЙ БЕРНАРД, **один из** последователей Мастера, с которым я познакомился в комнате для встреч в церкви Голливуда, отвез Норманна и меня в Маунт-Вашингтон. По пути мы остановились на автостанции, чтобы забрать мою сумку. Первое, что бросилось мне в глаза при въезде в поместье Маунт-Вашингтон, —это высокие пальмы, с обеих сторон обрамлявшие въездную аллею. Плавно покачиваясь под легким ветерком, словно посылая доброе приветствие, они, казалось, шептали: «Добро пожаловать! Добро пожаловать домой!»

Норманн показал мне обширный участок Мы подошли к двум теннисным кортам, которые, по словам Норманна, теперь используются для более спокойных, подобающих йоге упражнений, и тихо постояли возле них. В молчании мы взирали на город, простиравшийся далеко под нами.

Да, это и есть дом! Как же долго я скитался! Румыния, Швейцария, Англия, Америка и множество других стран промелькнули передо мной. Если не национальность, то мои чувства всегда налагали на меня клеймо иностранца, и я сомневался: есть ли хоть *где-нибудь* родное для меня место? Но сейчас я внезапно понял, что оно есть: вот *здесь*, в этом ашраме, *здесь* с моим гуру, *здесь* в его духовной семье! (Да, решил я счастливо, каждый из этих людей является членом моей семьи.) Осматриваясь, я глубоко вдохнул покой, которым было проникнуто это святое место.

Норманн стоял рядом, без слов разделяя мое приподнятое настроение. Спустя некоторое время мы оба обернулись и посмотрели вверх, где за привлекательной лужайкой виднелось главное здание. Его уединенное величие создавало впечатление почти патрицианской благосклонности.

— Комнаты Мастера вон те, на верхнем этаже справа, — сказал Норманн, указывая на ряд окон в восточной части здания. — А это, — он показал на комнату, которая выдавалась наружу над главным входом, — гостиная, где он принимает гостей. Ученицы живут на втором и на третьем этажах, слева от комнат Мастера. На втором этаже есть нечто вроде заднего крыла, где живет еще несколько женщин. Поскольку мы монахи, мужчинам и женщинам не разрешается общаться и я не могу провести тебя туда. Но пойдем, я покажу тебе первый этаж. Эта часть здания более или менее общедоступна.

Он ввел меня в просторный вестибюль, обставленный просто и со вкусом. Через дверь в восточной части здания мы прошли через три комнаты, превращенные в маленькую печатную мастерскую. Направляясь в заднюю часть здания, мы прошли по узкому мостику, с которого открывался вид на маленький внутренний сад, и вошли в главный офис. Отсюда, как объяснил мне Норманн, расходились книги, отпечатанные уроки и бесконечный поток корреспонденции для учеников йоги во всем мире.

Мы вновь вошли в вестибюль с западной стороны. Здесь большие скользящие двери открывались в часовню, в которой мы обнаружили двух монахинь, сидевших у органа. Одна из них играла избранные места из Мессы Генделя, другая слушала. Они выглядели настолько расслабленными и счастливыми, что я на секунду забыл о правилах и поприветствовал их. Меня поразила полная достоинства и вместе с тем доброжелательная манера, в которой они ответили на мое приветствие, ни в коей мере не поощряя дальнейшего разговора.

На меня произвела глубокое впечатление изящная простота моего нового дома. Все выглядело успокаивающе, скромно, гармонично. Покидая часовню, я нетерпеливо обратился к Норманну: «А где живут мужчины?»

—Большей частью — в подвальном помещении, — ответил он лаконично.

—Подвальное помещение! — Я недоверчиво уставился на него. Потом мы оба внезапно захохотали. В конце концов, какая разница? Если смирение считается добродетелью, то все, что способствует ему, следует рассматривать как благословение.

Мы прошли вниз, в мужскую столовую, некогда служившую кладовой, как объяснил Норманн. Она находилась в темном конце тусклого коридора и не имела окон. Единственный свет в комнате давала одна электрическая лампочка. В маленькой соседней комнате все монахи принимали душ, чистили зубы и мыли посуду. Еду приносили вниз три раза в день из главной кухни наверху.

—Пойдем, — сказал Норманн, — я покажу тебе наши комнаты. Тебе выделили комнату рядом с моей.

Мы вышли через дверь внизу лестницы и, пройдя вниз по въездной аллее, подошли к коттеджу, живописно располагавшемуся среди разросшихся деревьев, душистых цветов и кактусов в пятидесяти футах от главного здания. Я был очарован непритязательной простотой этого маленького флигеля. Здесь, как объяснил Норманн, несколько десятков лет назад гости отеля дожидались фуникулера, идущего вниз, к Мармион-вэй. Недавно, по его словам, зал ожидания был «обновлен, если можно так выразиться» и разделен на две спальни. Ему принадлежала большая из новых комнат, моя была поменьше. Меня удивило, почему мы, будучи неопытными новичками, получили столь восхитительное жилище?

Понимание пришло минутой позже, когда мы вошли в здание. Я попытался сдержать улыбку. Здесь нам предстала сцена, несовместимая с величественным пейзажем, которая напоминала поспешное восстановление после бомбовых налетов во время войны. Всю работу проделали школьники, объяснил Норманн. При исследовании ее результатов мне стало любопытна неужели мальчики думали, что оконные рамы и косяки — вещи, совершенно не связанные? Во всяком случае, рамы были подвешены под самыми странными углами, как будто считали ниже своего достоинства иметь что-то общее с *косяками.* Через несколько месяцев, словно вознаграждая себя за суровое одиночество, они дружески пригласили зимние ветры ворваться внутрь и повеселиться.

Стены из гипсокартонных панелей были нарезаны более или менее ровно, согласно причудам авторов. Они даже ухитрялись в некоторых местах касаться потолка — застенчиво, как мне показалось, — но зазор между ними и полом везде был не менее двух дюймов. Глубины этих брешей создавали удобное затемненное логово для пауков всевозможных видов.

Еще был пол, напоминавший об оборонительных укреплениях. Он, как оказалось, был сделан из смеси пемзы и цемента. Это изобретение, как я потом выяснил, составляло предмет гордости доктора Ллойда Кеннела, одного из священников нашей церкви в Сан-Диего. Доктор Кеннел хвастался, что это его произведение «переживет Тадж-Махал», но оно, фактически, уже сделало все возможное для доказательства библейской истины «Ибо прах ты». Каждый шаг выбивал немного этого загадочного вещества, которое собиралось в небольшие облачка, оседая везде: на одежде, книгах, мебели...

В комнате не было никакой мебели, за исключением жесткой деревянной кровати, которая, как уверял меня Норманн, улучшает осанку. В маленьком шкафу не было дверок для защиты одещы от вездесущей пыли. При помощи Норманна я отыскал в кладовке подвала старое стеганое одеяло. Сложенное вдвое, оно вполне заменило матрас. Я также обнаружил старый туалетный столик, шатающийся, но вполне устойчивый, если его поставить в угол. Затем я нашел маленький стол, превосходно оправдавший себя, когда я прислонил его к стене. Вместо стула на службу был призван ящик из-под апельсинов. А через несколько дней я набрел в кладовой на большой потертый ковер. Хотя узор был едва различим, это существенное дополнение помогло удерживать пыль быстро разрушающегося пола. Вместо дверок шкафа дальнейшие поиски в кладовой принесли мне лоскут монашеской одежды шириной в два фута, который я использовал для прикрытия части отверстия. (Теперь, по крайней мере, мне не придется видеть, как пыль оседает на моей одежде!) Электрическая лампочка едва держалась на конце длинного, потрепанного провода в центре комнаты.

Ванная располагалась в главном здании, которое запиралось на ночь. А занавески на окна мне выдали уж никак не раньше, чем через год.

Для меня больше не было секретом, почему старшие монахи предпочитали жить в подвальном помещении. Но я вовсе не возражал. Напротив, неустроенность моего ветхого жилища только разжигала мое неудержимое счастье. Ибо я был настолько поглощен восторгом пребывания здесь, в ашраме моего гуру, что каждое новое неудобство только заставляло меня смеяться.

Теперь я часто смеялся. Цдва сдерживаемая агония последних лет нашла выход в новых волнах счастья. Я словно обрел все то, чего мне всегда не хватало, здесь, на моем новом жизненном пути.

— Должно быть, здесь много хороших людей, — заметил я в разговоре с Норманном в день моего прибытия.

Он был изумлен: «Да они *все* хорошие!»

Тут наступила моя очередь изумляться. Возможно ли, чтобы в этом мировом мешке, где все перемешалось, существовало место, где каждый был хорошим? Но, видимо, Норманн прав —это место должно быть таким, ведь каждый пришел сюда в поисках Бога! И какая добродетель может быть выше, чем желание слиться с самим Источником всех добродетелей?

Мой ум докучал мне, крайне возбужденному пребыванием в Маунт-Вашингтоне, бесчисленными вопросами, которые я день за днем обрушивал на своих бедных собратьев по ученичеству. (Несомненно, еще одним доказательством их добродетели было неисчерпаемое терпение, с которым они мне отвечали!) Мои душа и сердце полностью преобразились, но интеллект далеко отставал от них. Реинкарнация, карма, сверхсознание, божественный экстаз, астральный мир, учителя, гуру, дыхательные упражнения, вегетарианство, здоровая пища, *савикальпа-* и *нирвикальпа-ссшадхи*, Сознание Христа! Все эти понятия были новыми и поразительными для меня: за неделю или две до этого я даже не подозревал об их существовании. Погружение в эти незнакомые воды и радостная игра с ними составляли часть моего восторга в те первые дни. Но часто меня одолевали замешательство и сомнения — сомнения не в том, для чего я здесь, а в некоторых трудных вопросах учений. Где бы меня ни заставали такие моменты, я садился и успокаивал свой ум. Ибо знал, что ключом к настоящему пониманию служит не интеллект, а интуиция души.

Наибольшую помощь в то время, помимо самого Мастера, оказал мне Преподобный Бернард. Бернард был одним из священников нашей церкви в Голливуде. Он обладал блестящим умом и ясным пониманием учений. К счастью для меня, ему, видимо, нравилось отвечать на мои вопросы. Правда, возможность побыть с ним выпадала мне не столь часто, как хотелось бы моему ищущему уму. I Взамен я искал ответов везде, где мог их найти.

Один из монахов, молодой человек с невероятным именем Даниэль Бун, оказался дружелюбным и разговорчивым и охотно делился со мной не только знаниями, полученными от Мастера, но и всем прочим, что он накопил за годы чтения метафизической литературы. Фактически, он страдал тем, что Мастер называл «метафизическим несварением». Я был слишком неопытен на этом пути, чтобы понять, что кажущаяся сила Буна в действительности была его величайшей слабостью. Но чем больше я обдумывал его ответы, тем больше во мне росло сомнение.

— Это говорил *Мастер?* — пытался выяснить я у него. Только если он отвечал «да», я принимал безоговорочно то, что он мне рассказывал.

Более надежную, хотя и менее эрудированную помощь оказывал мне Норманн. Будучи истинным гигантом, Норманн обладал почти столь же огромным сердцем, как и его тело. Сила его любви к Богу внушала мне вдохновение. Совершенно не интересуясь теоретическими аспектами пути, он понимал все на языке преданной любви. Бог для него был просто-напросто Божественным Другом. Ему не требовалось интеллектуальных объяснений, чтобы уточнить, как он воспринимает любовь Бога к себе и свою любовь к Богу.

— Я ничего не знаю об этих вещах! — обычно восклицал он с легкой улыбкой, когда я поднимал какие-нибудь сложные философские вопросы. — Я только знаю, что люблю Бога.—Как я завидовал ему в его детской преданности! (Даже Мастер был тронут ею.) И как мне хотелось успокоить свой собственный сомневающийся ум, который привычно требовал ответов, давно известных ему и не приносящих той мудрости, которой он жаждал. Ибо я знал, что ответом является любовь, а не знание. Любовь — это высшая мудрость. Я прилагал все больше и больше усилий для продвижения по благоухающему пути преданной любви.

Еще одним моим помощником в те дни был пожилой человек по имени Жан Гаупт. Верный своему германскому происхождению, Жан обладал чрезвычайной силой воли. Он твердо решил найти Бога за максимально короткое время. Если он не работал, то медитировал. Однажды в выходные его медитация продолжалась сорок часов без перерыва. «Это было больше похоже на сорок минут»,—рассказывал он мне с тихой улыбкой.

Я работал на участке с Жаном и Норманном, обрабатывая сад, штукатуря и выполняя всякую случайную работу, какая потребуется. Хотя Жану было пятьдесят пять лет и ростом он был чуть выше половины роста Норманна, он мог выполнять больше работы, чем мы с Норманном вместе взятые. Если Норманн слишком долго бился над какой-то тяжелой работой, Жан обычно нетерпеливо бормотал: «Дай-ка я!» Через несколько секунд работа была сделана. Я был глубоко

поражен его силой воли и так же стремился подражать ей, как и преданной любви Норманна.

Самой привлекательной особенностью моего нового жилища был небольшой подвал, в который вели узкие ступени в дальнем конце комнаты. Когда-то там помещался мотор, тянувший фуникулеры вверх по крутому склону горы. Эта комната казалась идеальной для медитации. Я вынес груды щебня, накопившиеся за десятки лет забвения, соорудил захлопывающуюся дверь, чтобы обеспечить относительную тишину, и вскоре посвящал все свободное время медитации в этой «Гималайской пещере», как я ее мысленно называл. В течение следующих месяцев я привел в порядок потолок, покрасил комнату в мягкий синий цвет и обрел в ней все, что только может пожелать начинающий йог на пути молчания, удаления от суетных ежедневных потребностей и божественного спокойствия.

В мой первый вечер в Маунт-Вашингтоне ко мне в комнату пришел Преподобный Бернард. «Мастер просил меня дать тебе наставления по искусству медитации», — сказал он. Он обучил меня древней йоговской технике концентрации и дал несколько общих советов.

—Когда ты не практикуешь эту технику концентрации, постарайся удерживать ум сосредоточенным в точке между бровями. Мы называем ее Центром Христа, потому что при достижении Сознания Христа это место становится центром осознания.

— Будет ли полезно, — спросил я его, — если я буду держать свой ум сосредоточенным в этой точке в течение всего дня?

— Даже очень! Когда Мастер жил в ашраме своего гуру, он практиковал фиксацию ума в этой точке все время.

— И еще, — добавил Бернард, — это также место духовного глаза. Чем глубже ты сконцентрируешь свой пристальный взгляд в этой точке, тем лучше будешь видеть формирующийся там круг света: синее поле с ярким золотым кольцом вокруг него и серебряно-белую пятиконечную звезду в центре.

—Разве это не субъективный опыт?—с сомнением спросил я.—Это видит каждый?

— Каждый, достигший достаточного спокойствия ума, — заверил он меня. — Эта реальность универсальна, подобно мозгу, который есть у всех нас. В действительности духовный глаз—это астральное отражение продолговатого мозга (medulla oblongata), расположенного в основании мозга. Я расскажу тебе об этом как-нибудь в другой раз.

А пока достаточно сказать, что через продолговатый мозг входит в тело энергия и что путем чуткого применения воли можно существенно увеличить этот приток энергии. Центр Христа—место силы воли, а также концентрации в теле. Обрати внимание, что каждый раз, когда ты глубоко сосредоточиваешься

или очень хочешь, чтобы что-нибудь произошло, тюй ум автоматически притягивается в эту точку. Ты можешь даже слегка нахмурить брови, не замечая этого. При концентрации на Центре Христа усиливается воля. Следовательно, повышается и приток энергии через продолговатый мозг. С увеличением ее притока, во лбу естественным путем формируется духовный глаз.

Путем концентрации на духовном глазе сознание постепенно настраивается на тонкую частоту вибраций этого света. В конце концов сознание человека также приобретает качество света. Это то, что имел в виду Христос, когда говорил: «Если око твое будет едино, то все тело будет светло». Именно в этом очищенном состоянии сознания наступает экстаз.

Когда Бернард покинул меня, я некоторое время сидел и старался выполнить изученные техники. Потом я вышел и вновь остановился у теннисных кортов. На этот раз я взирал на обширный ковер мерцающих огней. Как прелестно выглядел в ночи этот громадный, суетный город! Я размышлял о том, что эта мириады огней есть проявления того же божественного света, который и мне когда-нибудь дано будет узреть в самом себе, в глубокой медитации. Но электричество, сказал я себе, освещает только пути этого мира. Божественное сияние освещает пути в Беспредельность.

— Господи, — молился я, — сколько бы я ни делал ошибок, я никогда не перестану искать Тебя. Веди мои стопы отныне и навсегда к Твоему беспредельному свету!

[4] **Матфей 6: 22. «If thine eye be single, the whole body shall be full of light». Современные переводчики, не понимая скрытого значения этого отрывка, изменили слово «едино»** *(single),* **которое мы читаем в версии Библии Короля Якова, на «исправно»** *(sound)* **или «чисто»** *(dear).* **(В синоидальном переводе «Если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло». —***Прим, перев.)* **«Новая Английская Библия» даже заменяет «око» на «очи»: «Если очи твои будут исправны». Хотелось бы знать, сколь часто в Святое Писание вторгались ученые мужи, которые, несмотря на свои интеллектуальные познания, погрязли в духовном невежестве?**

ГЛАВА 19

ПЕРВЫЕ ДНИ НЕОФИТА

РАСПОРЯДОК ДНЯ в Маунт-Вашингтоне был довольно индивидуальным. Как и в большинстве индийских ашрамов, нам предоставлялась свобода для личной духовной практики. Мы регулярно встречались для работы и еды, иногда после групповых медитаций у нас проходили занятия по отпечатанным урокам Общества Самоосознания. Парамахамсаджи выразил желание, чтобы мы почаще медитировали вместе. Однако нам не хватало лидера, а групповая инициатива, не имея определенного направления, редко продвигается по прямой линии. Преподобный Бернард, на которого Мастер возложил ответственность за нашу повседневную деятельность, не считал себя ответственным за нашу духовную жизнь, считая, что *это* исключительная прерогатива Мастера.

Думаю, что на самом деле Мастер сам не слишком возражал против нашей неорганизованности. Хотя ежедневные групповые медитации могли помочь некоторым менее старательным монахам более твердо стоять на пути, они поглощали время остальных, которое можно было бы посвящать длительным индивидуальным медитациям. Мастеру хотелось, чтобы наши духовные усилия проистекали из глубин собственного стремления к Богу, а не только следовали механически проторенными дорожками установившихся привычек Он подчеркивал необходимость *регулярной* практики, но дисциплина западных монастырей с присущей ей регулярностью часового механизма казалась ему слишком механической, демонстрирующей глубокое заблуждение Запада: веру в то, что совершенства можно достичь путем внешних, а не внутренних преобразований. Во всяком случае, Мастер часто вытаскивал нас из ямы заведенного распорядка, в которой мы слишком глубоко застревали. В его обществе невелика была опасность, что наши ментальные ямы превратятся в разъезженные колеи!

Я был рад возможности выработать собственный медитативный распорядок Каждое мое утро начиналось в четыре часа—следует признаться, что с постели я вставал пошатываясь, исключительно с помощью будильника. Выполнив упражнения Мастера по зарядке тела энергией, я два или три часа медитировал. В семь часов я шел в главное здание, где принимал душ и завтракал перед тем, как пойти на работу в сад. В полдень я откладывал для себя еду в мужской столовой, затем полчаса медитировал в главном храме наверху. Вечерами я слегка переку-

сывал (тяжелая пища в желудке, как я вскоре обнаружил, не способствует глубокой медитации), некоторое время изучал тексты, а затем спускался в свою «пещеру» и медитировал два-три часа перед сном.

Вскоре я ожидал начала медитации с таким нетерпением, с каким мирские люди ожидают вечеринки. Я никогда и не мечтал, что смогу открыть в себе такое богатство наслаждения!

В дополнение к медитативным техникам Парамахамса Йогананда, как я уже упомянул, обучал сериям энергизирующих упражнений. Он положил в их основу малоизвестную истину, которую Преподобный Бернард объяснил мне в первый вечер в Маунт-Вашингтоне. Космическая энергия посредством воли втягивается в тело через область продолговатого мозга. «Чем сильнее воля, — говорил Мастер, — тем больше поток энергии». С удовольствием выполняя эти упражнения утром и вечером, я нашел их изумительно эффективными для преодоления усталости и развития устойчивого прекрасного самочувствия.

В субботу по расписанию был выходной. Это время позволяло нам заняться личной домашней работой и более длительными индивидуальными медитациями. Утром я обычно позднее заканчивал медитацию и до конца дня сохранял молчание. Иногда я постился. Вечером я медитировал еще несколько часов.

По воскресеньям мы посещали утренние и вечерние службы в нашей голливудской церкви. Для поездки туда у нас был только грузовик с фургоном, и мы, молодые монахи, радостно набивались в его кузов для поездки, занимавшей пятнадцать или двадцать минут. Зимой, чтобы приучить себя не бояться холода и развить *титшу* (терпеливость), мы иногда раздевались до пояса и бегали, радостно приветствуя бодрящий воздух и смеясь. («Тебе нужно обучиться *туммо»,* — прокричал мне однажды Бун сквозь ветер, свистящий вокруг нас. «Что это такое?»—«Это тибетская техника преодоления холода». С тех пор, если Бун выглядел слегка озябшим, я кричал ему: «Делай больше туммо!»)

Голливудская церковь очаровательна в своей простоте. Ее цветовая гамма как изнутри, так и снаружи была голубой, белой и золотой—«цветов Мастера», как сообщил мне Бун. В маленьких нишах с кавдой стороны святилища располагались статуэтки, изображающие лидеров основных мировых религий. Парамахамса Йогананда назвал ее «Церковью Всех Религий». Его учение подчеркивало единство, лежащее в основе всех верований. Скамьи, рассчитанные приблизительно на 115 человек, были обращены к маленькой сцене, на которой проводились службы. До начала службы и по ее окончании сцена обычно задергивалась занавесями. Когда они расходились, открывался расположенный вдоль задней стены алтарь с пятью нишами, в каждой из которых находилось изображение одного из гуру нашей линии: Бабаджи, Лахири Махашаи, Свами Шри Юктешвара, Парамахамсы Йогананды и Иисуса Христа.

Бернард, которому предстояло проводить службу в первое воскресенье после моего прибытия, познакомил меня с церковью заранее. «Почему,—спросил я его,—на нашем алтаре есть изображение Иисуса Христа? Он-то не принадлежит к нашей линии гуру. Мы включили его в угоду христианскому вероисповеданию?»

Бернард улыбнулся:

— Мастер рассказывал нам, что сам Иисус явился Бабаджи и просил его послать это учение Самоосознания на Запад. «Мои последователи, — утверждал Иисус на этой встрече,—забыли искусство божественного, *внутреннего* общения. Внешне они действуют во благо, но они упустили из виду самое главное в моем учении: "Ищите же прежде Царства Божия"».

—Миссия, которую он послал на Запад через Мастера, состоит в том, чтобы помочь людям в непосредственном общении с Богом,—продолжал Бернард. — Иисус через практику медитации также становится для них живой реальностью— существом, с которым они могут общаться непосредственно, а не просто читать о нем в Библии. Именно это имел в виду Иисус, говоря, что явится вновь. Мастер часто говорит об этой миссии как о Втором Пришествии Христа, ибо она учит людей истинному исполнению завета Иисуса—прийти вновь не физически, а в душах тех, кто любил его и непосредственно с ним общался.

—Но большинство христиан верит вовсе не в это, — усмехнулся я.

—Верно! Но ты можешь припомнить несколько упоминаний в Библии, где Иисус упрекал самих апостолов в том, что они принимают его слова буквально, в то время как он вкладывал в них метафорический смысл. «У меня есть пища, которой вы не знаете» , — сказал он, а они подумали, что у него, наверное, припрятан бутерброд! Более того, сам Иисус размещал Второе Пришествие *в пределах текущей жизни* своих слушателей: «Истинно говорю вам: не прейдет род сей, как все сие будет» . В те дни и с тех пор он не раз исполнял свое обещание, являясь истинно преданным ученикам — не фанатичным адвентистам, ожидающим его на вершинах холмов в ниспадающих белых одеждах, но тем, кто смиренно искал его в собственной душе.

—Скажи мне,—спросил я, помедлив перед погружением в философию, — зачем мы вообще держим изображения на алтаре? Если состояние сознания, к которому мы стремимся, бесформенно и вездесуще и мы должны внутренне общаться с ним, не мешает ли нашему развитию обращение внимания вовне, к конкретным личностям?

* Матф. 6: 33.

** Иоан. 4: 32.

*** Матф. 24: 34.

— Нет, — ответил Бернард. — Видишь ли, наши мастера *обладают* этим состоянием сознания, нам же трудно даже представить его! Настраиваясь на них, мы начинаем ощущать, чем же они обладают, и развивать то же сознание в себе. Именно это имеется в виду в словах Библии: «А тем, которые приняли Его, дал власть быть чадами Божиими».

—Значит, важнее стараться настроиться на сознание Мастера в медитации, чем концентрироваться на его внешних словах и действиях?

—Абсолютно верно! Я не имею в виду, что его внешние действия не содержат для нас жизненных уроков. Но сокровенный смысл этих учений в том, чтобы привести нас к внутренней настроенности. Можно сказать, что *сонастроенность* — сущность ученичества.

Мне стало интересно, не могут ли личностные взаимоотношения с гуру привести к эмоциональной привязанности к нему, ограничивая, а не освобождая сознание ученика. И, что важнее всего, мне хотелось бы знать, а вдруг сонастроенность с Мастером явится угрозой моей настроенности на Бога? Вдруг она направит внимание вовне, вместо того чтобы обратить его вовнутрь?

Со временем, когда я лучше узнал Мастера, мне стало очевидно, что та настроенность, которую он поощрял в своих учениках, была безличностной. По своему обыкновению, он решительно отвращал преданность людей от себя как от человеческого существа и направлял ее к вездесущей Божественности, бывшей единственным объектом его собственной преданности. Тогда я понял, что сонастроенность с ним означает настроенность не на личность, а на его вселенское состояние осознания. На самом деле, в более глубоком смысле, той личности, на которую мы могли бы настраиваться, не существовало. Он часто говорил: «Я давным-давно убил Йогананду. Ныне в этом храме не обитает никто, кроме Бога».

Вначале, еще не поняв, сколь глубоко безличностным было его сознание, я видел в нем скорее великого и мудрого человека. Он старался помочь мне расширить эти ментальные горизонты. Однажды, глубоко заглянув в мои глаза, он сказал: «Если бы ты *знал* мое сознание!»

Если кто-нибудь из учеников обнаруживал по отношению к нему хотя бы малейшую привязанность или намек на высокомерие в результате какой-нибудь проявленной к нему благосклонности, Мастер неизбежно становился по отношению к нему более безличностным, чем обычно. Те, кто был с ним близок, все без исключения поддерживали с ним отношения главным образом в Боге.

* **Иоан. 1: 12.**

В день нашей первой встречи, 12 сентября, Мастер возвратился в Инсинитас. Я не видел его в течение двух недель, по прошествии которых он по расписанию должен был вновь проповедовать в Голливудской церкви.

Церковь была божественно тиха в тот день. Когда мы вошли, звучала органная музыка. Органистка, Джейн Браш (ныне Сахаджа Мата), исполняла собственную аранжировку возвышенных песнопений Мастера. Я нашел ее аранжировку столь сладостной, столь устремленной и вдохновляющей, что сердце мое воспарило ввысь в страстном стремлении к Богу. Из всех переложений песнопений Мастера ни одно не затронуло меня так глубоко, как это.

Примерно через двадцать минут подошло время начала службы, занавеси разошлись; за ними стоял Мастер. Его взгляд был наполнен глубокой проникновенностью, которой он, казалось, одарял каждого из присутствующих особым благословением. Затем он внезапно улыбнулся, излучая божественную радость. Мы непроизвольно поднялись на ноги. По обычаю, сложившемуся в дни его первых «кампаний», он требовательно спросил: «Как себя все чувствуют?»

«Пробуждены и готовы!»—закричали мы все.

«Что *чувствует* каждый?»

«Пробуждены и готовы!»

Мы уселись, воодушевленные его динамичной силой. Он провел с нами песнопения и медитацию, затем дал краткое толкование избранных мест из Библии и *Бхагавад-гиты.* Его проповедь была наполнена совершенно восхитительной смесью остроумия, вдохновенной устремленности и мудрости. Я всегда считал, что глубокие истины должны говориться торжественно, размеренно, почти в стиле Эммерсона. Примерно так в предыдущее воскресенье выступал перед нами Преподобный Бернард (несомненно, у его беседы был определенный характер звучания!) — и произвел на меня впечатление. Но на этот раз Мастер выступал в такой совершенно естественной манере, что несколько минут я был совершенно ошеломлен. Разве *таким* способом можно довести до сознания людей всю значимость божественных истин? Он не старался поразить нас глубиной своих откровений, скорее, часто повергал во взрывы веселья. Лишь постепенно я заметил, что вспышки его юмора неизбежно предшествовали какому-нибудь глубокому духовному совету. Йогананда носил свою мудрость без тени аффектации, как удобный старый жакет, который носят уже много лет.

—За каждым розовым кустом наслаждения,—предостерегал он,—прячется гремучая змея страдания. — Он продолжал убеждать нас искать «наслаждений» в Боге, игнорируя непостоянные обещания этого мира.

— Есть два типа бедных людей, — заметил он, — те, которые одеты в лохмотья, и те, кто, даже разъезжая в лимузинах, носят духовные отрепья эгоизма и

безразличия к Богу. Лучше быть бедным физически и хранить Бога в своем сердце, чем обладать материальным богатством без Него.

— Никогда не называйте себя грешниками, — продолжал он свою речь. — Вы —дети Бога! Золото, даже веками покрытое грязью, остается золотом. Чистое золото души, даже покрытое в течение эонов времени грязью заблувдений, навечно останется чистым «золотом». Называть себя грешником—значит отождествлять себя со своими грехами вместо того, чтобы попытаться их преодолеть. Назвать себя грешником — величайший грех перед Богом!

Он перешел к обсуждению различных уровней духовного развития: «Я спал и видел во сне, что жизнь прекрасна. Я проснулся и обнаружил, что жизнь есть долг. Но даже в этом исполненном долга эго мне снилось, что я отделен от Бога. А затем я пробудился в Нем и осознал, что жизнь *воистину* прекрасна! Ибо красоту, которую мы ищем в этом мире, нельзя найти нигде, кроме как в Нем. Чтобы ощутить ее, вначале нужно стать послушным Его воле. Лишь тогда сможем мы подняться над собой. Мы были посланы на эту землю не для того, чтобы создать сад наслаждения. Этот мир — поле битвы! И наш высочайший долг — поиск Господа. «Ищите же превде Царства Божия, — сказал Иисус, — и это все приложится вам», — а не пребывайте в полном сомнений уме!»

И наконец, Мастер дал нам такой неоценимый совет: «Никогда не ложитесь вечером спать, пока не убедите ум, что этот мир есть сон Бога».

Сразу после проповеди Бернард сделал несколько объявлений. В заключение он порекомендовал вновь прибывшим «Автобиографию Йога». В этот момент Мастер прервал его, сказав: «Многие приезжают сюда издалека, прочитав эту книгу. Один из них недавно прочел ее в Нью-Йорке, и — Уолтер, встань, пожалуйста».

Я оглянулся вокруг, ища взглядом этого «Уолтера», который, подобно мне, недавно прочитал эту книгу в Нью-Йорке. Никто не встал. Снова повернувшись к Мастеру, я обнаружил, что он улыбается мне! *Уолтер?!* «Ах, да,—философски подумал я, — роза, и под другим названьем...»

Я смущенно поднялся на ноги.

*** Автор имеет в виду следующий отрывок из пьесы В. Шекспира «Ромео и Джульетта» (пер. Т. Щепкиной-Куперник):**

Что в имени? То, что зовем мы розой,
И под другим названьем сохраняло б
Свой сладкий запах! Так, когда б Ромео
Не звался бы Ромео, он хранил бы
Все милые достоинства свои
Без имени. Так сбрось же это имя!
Оно ведь даже и не часть тебя.

—Прим, перев.

—Уолтер недавно прочитал эту книгу в Нью-Йорке,—продолжал с любовью Мастер,—и оставил все, приехав сюда. Теперь он стал одним из нас.

Члены общества, как миряне, так и отрекшиеся, одобрительно мне улыбались.

С тех пор Мастер всегда звал меня этим именем — «Уолтер». Никто больше не обращался ко мне так, пока, после ухода Мастера из этого мира, в тоске по всему, что могло бы напомнить мне о драгоценных годах, проведенных с ним, я сам попросил братьев и сестер на пути называть меня Уолтером.

Следующие несколько дней Мастер провел в Маунт-Вашингтоне. В этот период я несколько раз видел его, хотя и не общался с ним лично. И в самом деле, в результате решительных перемен, произошедших в моей жизни, я пребывал в таком смятении, что вряд ли еще одна личная беседа могла бы особенно помочь мне. Мастер, в свою очередь, видимо, ожидал, пока я не усвою те наставления, которые он дал мне на первой встрече.

За несколько дней до возвращения Мастера в Маунт-Вашингтон Норманн уговорил меня присоединиться к нему в том, что среди поклонников здорового образа жизни было известно как «лечение виноградом» —диета, не включавшая в себя ничего, кроме винограда и виноградного сока. Несколько недель такой диеты, уверял Норманн, очистят тело и помогут мне совершить быстрый прогресс в духовной жизни. Мастер увидел нас в понедельник утром.

—Устремленность — вот величайший очиститель, — заметил он, улыбаясь.

—Сэр, вы хотите, чтобы мы прекратили этот пост? — осведомился я.

— Ну, я не хочу, чтобы вы ослабляли свою волю, раз уж вы утверждаете ее таким образом. Но вы бы с большей пользой потратили время, если бы поработали над развитием устремленности. Путь к Богу лежит через чистое сердце, а не через чистый желудок!

Послушавшись его совета, я вскоре охладел к виноградному лечению, хотя и продолжил его еще день-два, чтобы не «ослаблять» свою волю. Но вскоре я взялся за бесконечно более благодарную, хотя и значительно более сложную задачу углубления любви к Богу посредством песнопений и постоянного поддержания мысли о присутствии Бога в сердце.

Привычки ума, увы, не всегда легко изменить. Должны были пройти месяцы, прежде чем я смог почувствовать, что добился существенного прогресса в борьбе с многолетней тенденцией к чрезмерной интеллектуализации. Мастер, видя такое желание, с самого начала вдохновлял меня поддержкой и советом.

— Обрети преданность! — говорил он мне. — У тебя *должна* быть преданность. Помни, что сказал Иисус (здесь он перефразировал слова Евангелия): «Ты открыл Себя не мудрым и разумным, но младенцам».

Свами Шри Юктешвар, более чем кто-либо другой заслуживающий названия святого мудрости и, следовательно, можно было бы подумать, более склонный поддерживать интеллектуальное отношение, сказал, что лишь любовь определяет пригодность человека к духовному пути. В своей книге «Святая Наука» он писал: «Эта естественная сердечная любовь служит необходимым условием для достижения святой жизни... Человек не может продвинуться ни на шаг вперед (к спасению —*Прим, asm)* без нее». Нынешний век, увы, возможно, менее всех остальных поддерживает развитие этой всепобеждающей любви, о которой всегда говорили святые. «Слащавая сентиментальность» — типичное суждение о глубоких чувствах любого рода. Многие даже восхищаются бесчувственным сердцем как доказательством «научного мировоззрения». Но истина в том, что без любви никто не способен глубоко проникнуть в суть вещей. Ибо если эмоции могут затуманить ум и иногда действительно делают это, то спокойная, чистая любовь проясняет его и открывает возможность для тончайших интуитивных прозрений.

Как-то один посетитель попросил о личной беседе с Мастером. В указанный день он прибыл, вооруженный длинным списком того, что, по его мнению, было «глубокими», интеллектуальными вопросами.

—*Любите Бога,* — сказал Мастер в ответ на первый из них.

Посетитель на мгновение опешил, затем пожал плечами и задал второй вопрос.

—*Любите Бога,* — настаивал Мастер.

В полной растерянности посетитель перешел к третьему «глубокому» пункту своего списка.

— *Любите Бога,* — последовал в третий раз ответ Мастера, на сей раз суровый. Не сказав более ни слова, он поднялся, заканчивая беседу, и покинул комнату. Госпо-интеллектуалу так и не удалось понять, какое отношение к его вопросам имеет совет Мастера. Но Парамахамсаджи говорил ему, что пока он не разовьет любовь, двери истинной мудрости останутся для него закрытыми.

Суровая дисциплина со стороны воплощающего сострадание Мастера озадачивала некоторых последователей. Новообращенный, впервые получивший хороший нагоняй от Гуру, мог даже подумать: «Неужели он потерял самообладание?» Но истинный учитель пребывает на уровне, который значительно выше подобных разрушительных эмоций. Иногда, тем не менее, он мог производить видимость гнева, но только с целью подчеркнуть какой-нибудь совет, который, будь он предложен в мягкой форме, можно было бы просто игнорировать. Точно так же матери иногда приходится бранить своего ребенка, не внимающего мягким увещеваниям.

Жан Гаупт рассказывал мне об одном случае, когда Мастер в его присутствии распекал одну из монахинь. «Можно было подумать, что слетит крыша! — хихикая, сказал Жан. — Мастер расхаживал взад-вперед и кричал. Я сидел в одном конце комнаты, монахиня в другом. Когда лицо Мастера было обращено к ней, он подчеркивал смысл сказанного суровым взглядом. Но когда он поворачивался к ней спиной, его лицо расслаблялось в забавную улыбку. Он не переставал кричать, но подмигивал мне, прежде чем вновь свирепо развернуться лицом к ней».

Мастер был требовательным только по отношению к тем, кто принимал его дисциплину. В остальных случаях он был воплощением предупредительности. Я помню, как иногда он аккуратно справлялся у новых учеников, которым предлагал сделать небольшие исправления: «Вас мои слова не обижают, нет?»

Одной из его черт, наиболеб глубоко поразивших меня, было присущее ему качество всеобъемлющего уважения. Это уважение рождалось из глубочайшей заботы о благе других. Я убежден, что абсолютно незнакомый человек был для него так же дорог, как и собственные ученики.

Дэби Мукерджи, молодой монах из Индии, привел мне пример всеобъемлемости любви Мастера. Однажды после обеда Мастер пригласил его съездить куда-то вместе с ним на машине. Они уже возвращались домой, солнце близилось к закату.

— Остановите машину! — внезапно крикнул Мастер.

Они остановились у обочины. Он вышел и вернулся на несколько дверей назад к маленькому, довольно низкопробно выглядящему галантерейному магазину. Здесь, к изумлению Дэби, он выбрал ряд предметов, среди которых не было ни одного нужного. «Ради всего святого, зачем ему весь этот хлам?» — изумился Дэби. У прилавка хозяйка магазина, пожилая женщина, подсчитала общую стоимость. Когда Мастер заплатил, она разразилась слезами.

— Мне была так нужна сегодня именно эта сумма денег! — плакала она. — Скоро пора закрываться, и я уже почти потеряла надежду получить ее. Будьте счастливы, сэр. Должно быть, сам Бог послал вас ко мне в час моей нужды!

Только спокойная улыбка Мастера выдавала, что он знал о ее затруднении. Ни единым словом не объяснил он свой поступок. Покупки, как и предполагал Деби, впоследствии не принесли никакой практической пользы.

Сначала мне казалось немного неловко жить с Мастером, который, как я вскоре обнаружил, знал мои сокровенные мысли и чувства. Пространство не представляло никакого препятствия для его телепатического прозрения. Где бы ни случилось оказаться его ученику, Мастер всегда мог читать в нем, как в открытой книге.

Бун и Норманн рассказывали мне, как за несколько недель до моего прибытия они ехали вместе в автобусе в Инсинитас. Их разговор, по всей видимости, был весьма далек от поучительного.

— Мастер встретил нас в воротах, — рассказывал мне Норманн. — Он выглядел суровым. Процитировав нам несколько из наиболее красочных высказываний в автобусе, он дал нам хороший нагоняй. «Вы пришли сюда, чтобы забыть о мирских вещах,—сказал он. — Проводите свое время в разговорах о Боге. Когда общаетесь, говорите о Нем». В заключение он велел нам не общаться!

Другой ученик, Джеймс Коллер, примерно в то же время приехал к нам из Финикса в Аризоне, где Мастер назначил его священником нашей церкви. Хотя Джеймс и обладал глубокой преданностью Богу и Гуру, он имел тенденцию к некоторой невосприимчивости в отношении монашеской дисциплины.

— Недавно я ехал на машине из Финикса в Инсинитас,—рассказывал нам Джеймс, — чтобы повидаться с Мастером. Дело было поздно ночью, и я проголодался. Через некоторое время я подъехал к ресторану, который был еще открыт, и с нетерпением вошел. К несчастью, у них не было ничего, кроме гамбургеров. Что мне было делать? Я знал, что Мастер хотел, чтобы мы были вегетарианцами, но... Знаешь, я был по-настоящему голоден! «А, ладно,—решил я наконец, —* он не узнает!» Итак, я съел два гамбургера. По прибытии в Инсинитас я разговаривал с Мастером. В конце нашего разговора он мягко заметил: «Кстати, Джеймс, когда ты оказываешься на шоссе поздно ночью и подъезжаешь к месту, где не подают ничего, кроме гамбургеров, лучше не есть ничего».

Хотя меня иногда и смущала жизнь рядом с человеком, который имеет свободный доступ в укромные тайники моего ума, во мне также все более и более росла благодарность за то, что он все видит. Ибо я осознал, что наконец-то здесь нашелся единственный человек, с которым мне не нужно было бояться, что он неправильно меня поймет. Мастер был моим другом, всегда спокойно, уверенно стоящим на страже моих интересов, беспокоясь только о том, как помочь мне на пути к высшему пониманию, даже когда я заблуждался. Кроме того, почти невероятно, но он был точно таким же со всеми, что бы они ни делали и как бы ни относились к нему.

Однажды он распекал Преподобного Стэнли, священника центра Общества Самоосознания в Лейк-Шрайн.

— Но, прошу вас, сэр, —• умолял Стэнли,—ведь вы простите меня, правда?

—Ну,—ответил Мастер в изумлении,—а что же еще я могу сделать?

Мне не известно ни одного случая, когда бы он затаил обиду.

Один человек из жгучей ревности в течение многих лет клеветал на Мастера. Однажды, менее чем за неделю до конца жизни Мастера, они встретились на общем собрании.

— Помни, — сказал Мастер, устремив в глаза этого человека взор, полный глубокого прощения, — я всегда буду любить тебя! — Я видел потом, с какой глубокой любовью и восхищением смотрел на Мастера этот человек

Советы, которые Мастер давал людям, рожденные этой любовью, всегда касались их конкретных проблем. Как-то встретившись со мной в саду, он посоветовал мне: «Не позволяй возбуждению или нетерпению захватить тебя, Уолтер. Иди малым ходом». Только тот, кто знал мои личные мысли в медитации, мог воспринять то неуемное рвение, с которым я вступил на духовный путь. Внешне я никак этого не проявлял.

Ближе к концу сентября он пригласил меня в Инсинитас, где намеревался провести всю следующую неделю. Там в один из вечеров мы небольшой группой медитировали с ним в маленькой гостиной ашрама, окна которой выходили на Тихий океан. Сидя в его присутствии, я почувствовал, как словно бы какой-то мощный магнит поднял все мое существо и сосредоточил его в точке между бровями. Мне пришла в голову мысль: «Не удивительно, что индийские Писания превыше всего ценят возвышающее влияние истинного гуру!» Одними только собственными усилиями мне никогда не удавалось столь внезапно или столь глубоко погрузиться в медитацию.

Вскоре после этого Мастер пригласил меня в Твенти-Найн-Палмз, где, по его собственным словам, он намеревался уединиться на некоторое время. Именно там я обрел самые драгоценные из своих воспоминаний о нем за все эти годы.

ГЛАВА 20

ТВЕНТИ-НАЙН-ПАЛМЗ

Ты ДОЛЖЕН ХРАНИТЬ это место в секрете, — предупредил меня Бернард, когда мы выехали в Твенти-Найн-Палмз. — Работы становится все больше, и Мастеру необходимо место, куда он мог бы уехать и сосредоточиться на своих произведениях. Иначе весь день сплошные телефонные звонки и беседы. Он даже купил эту собственность на свою фамилию — Гхош, чтобы сохранить ее неприкосновенность.

В тот раз я впервые увидел пустыню. Обширные пустоши, покрытые песком, полынью, юккой и перекати-полем, вызывали во мне странное очарование. Казалось, что я попал в другое измерение, в котором время словно бы незаметно превратилось в безвременье. Небо пастельных оттенков голубого, розового и оранжево-желтого цветов под слабеющим послеполуденным солнцем выглядело почти неземным. Я с благоговением оглядывался вокруг.

Бернард заметил мое состояние: «Я вижу, что магия пустыни уже подействовала на тебя!» Он добавил: «Мастер говорит, что свет здесь напоминает астральный».

Ретритный дом для монахов, в который мы вскоре прибыли, оказался маленьким коттеджем на пятнадцати акрах земли. Электричества там не было. Высокий ветряк, качая воду из колодца, жалобно скрипел и лязгал с каждым порывом ветра. Роща голубовато-зеленых дымчатых деревьев скрывала коттедж от редко посещаемой песчаной дороги. Даже с ветряком, казалось решившим разнести по всему свету весть о том, какую тяжелую работу ему приходится выполнять, это место казалось идеальным для уединения и медитации. В последующие несколько лет мне предстояло провести многие месяцы в этом исполненном спокойствия уголке.

Место, где жил сам Мастер, располагалось в пяти милях выше по дороге. Оно находилось в более обжитом районе; там был городской водопровод и электричество, необходимое ему для работы, так как он много писал по ночам. Его владения гнездились у подножия цепи низких холмов, которые из-за отсутствия растительности выглядели почти как горы. Стены дома Мастера были покрыты бледной лепной штукатуркой в испанском стиле, типичном для Южной Кали-

* 6 гектарах — ***Прим, перев***.

форнии. Он стоял в окружении изобильной растительности и изящных китайских вязов. Весь участок, окруженный низким проволочным забором, занимал один-два акра.

В первый раз я приехал в Твенти-Найн-Палмз на выходные дни. Мы посетили Мастера в его доме. Мои воспоминания об этом событии состоят не столько из того, что он *сказал*, сколько из того, чего он *не сказал.* В то время я еще не знал, что он придавал огромное значение молчанию. Ученикам, работавшим вокруг него, разрешалось говорить только при необходимости. «Молчание,—говорил он им, — это алтарь Духа».

Мастер сидел на улице у гаража, мы с Бернардом стояли возле него. Мастер попросил Бернарда принести что-то из дома. Неожиданно, впервые со времени приема в ученики, я обнаружил, что остался со своим Гуру один на один. Такую возможность, казалось бы, нельзя упускать: это же шанс научиться чему-то — хоть *чему-нибудь!* Мастер, очевидно, так не думал. Он не сделал ни малейшей попытки начать разговор. Наконец я решил, что следует «взломать лед».

Бернард обучил меня, как входить во внутреннее общение *сАум,* Космическим Звуком, который являет себя йогу, пребывающему в глубокой медитации. «Сэр,—начал я, — на что похож звук *Аум?*>

Мастер издал продолжительное «Мммммммммм». Затем он с комфортом вернулся к молчанию. Увы, для меня его молчание заключало в себе все что угодно, кроме комфорта.

— Как его услышать? — упорствовал я, хотя уже знал технику.

На этот раз Мастер даже не ответил, а просто принял предписанную позицию. Немного подержав ее, он вновь молча опустил руки на колени.

Спустя несколько месяцев я рассказывал ему, что мне трудно успокаивать дыхание в медитации. «Дело в том, — ответил он, — что ты привык много говорить. Эта привычка продолжает оказывать свое воздействие». «Что ж, — добавил он утешительно, —ты был счастлив в этом».

«Молчание — алтарь Духа». По мере врастания в новый образ жизни я оценил значение этого афоризма.

Вскоре после нашего первого визита в Твенти-Найн-Палмз Бернард снова отвез туда нас с Норманном. Мастер разработал проект работы для нас двоих, возможно, с целью дать предлог оставаться возле него в то время, когда он сосредоточивается на своих произведениях. Он попросил нас построить ему маленький бассейн за домом, возле спальни. Это вовсе не означало, что лично ему особенно *хотелось* иметь бассейн, — когда строительство закончилось, Мастер никогда не пользовался им. Но это дало возможность Норманну и мне находиться с ним неотлучно на протяжении нескольких недель.

Вскоре мы уже трудились, копая в песке глубокую яму. Мастер, изредка отрываясь от своих записей, выходил и работал с нами минут по пятнадцать. Когда он делал это, я ощущал глубокое блаженство. Но мне никак не удавалось приспособиться к привычному для него молчанию. В один из теплых солнечных дней после обеда я заметил, что он тяжелее дышит от физического напряжения, и попытался вступить в разговор: «Жаркая работа, не правда ли?»

«Это *хорошая* работа». — Мастер бросил на меня суровый взгляд и затем молча продолжил копать.

Постепенно, вдохновленный его примером, я научился меньше говорить и больше прислушиваться к беззвучному шепоту Бога в своей душе.

Как-то ближе к вечеру мы сидели с Мастером на маленькой открытой террасе возле гостиной, где он диктовал свои труды. Помолчав несколько минут, Мастер задал мне неожиданный вопрос:

— Что не позволяет Земле оторваться от Солнца и улететь в космическое пространство?

Я удивился и, еще не знакомый с тем неявным способом, которым он обычно обучал нас, предположил, что он просто хочет получить информацию. «Гравитационное притяжение Солнца, сэр»,—объяснил я.

—Тогда что же не позволяет Земле упасть на Солнце?

—Это центробежная сила Земли, постоянно тянущая ее в сторону. Если бы солнечная гравитация не была такой сильной, мы бы вылетели в космическое пространство и вообще за пределы Солнечной системы.

Мастер многозначительно улыбнулся. Стояло ли за его словами нечто большее, чего я не смог осознать? Несколько месяцев спустя я вспомнил об этом разговоре и понял, что под Солнцем он метафорически подразумевал Бога, притягивающего все вещи обратно к Себе, а под Землей — человека, в своих желаниях и мелочных интересах сопротивляющегося притяжению божественной любви.

Однажды в жаркий полдень мы с Норманном закончили копать, разогнули спины и потягивались, благодарные за то, что наступило обеденное время. Работа доставляла нам удовольствие, но нельзя отрицать, что она все же была утомительной. Кроме того, мы проголодались. Мы посмотрели на зияющую у наших ног яму.

—Боже мой, какая яма! — воскликнул Норманн. Мы обозревали горы песка, которые при помощи тачки насыпали вокруг. Сам вид их, возвышавшихся немым свидетельством наших усилий, только увеличивал нашу усталость.

В этот момент в дверях появился Мастер.

— Эти насыпи выглядят не очень-то привлекательно, — отметил он. — Интересно, нельзя ли их выровнять? Не мог бы один из вас принести юн ту доску?

Вооруженные доской, мы стояли перед ним в недобром предчувствии и ожидали дальнейших указаний.

— Пусть каждый из вас возьмет доску за один конец, — сказал Мастер. — Затем — просто подойдите вот к этой куче. Тяните песок к себе, сильно надавливая на доску и медленно двигая ее взад-вперед.

Вероятно, даже этого скудного описания достаточно, чтобы передать некоторое представление о том, насколько трудна была эта работа. Когда одна куча разровнялась, мы с Норманном тяжело дышали. Хорошо, размышляли мы, по крайней мере, мы продемонстрировали, что работа может быть сделана. Теперь, когда любопытство Мастера удовлетворено, он, несомненно, скажет нам, что можно идти обедать.

—Очень хорошо,—одобрительно прокомментировал он. — Я так и думал, что этот метод будет работать. Раз так, почему бы нам не попробовать еще раз — вон на той куче?

Соответствующим образом скорректировав свои ожидания, мы начали во второй раз.

—Очень хорошо! — прокомментировал Мастер еще раз. Очевидно не желая ставить препятствий на пути поступательного движения, в которое мы включились, он сказал: «Давайте сделаем еще одну—вот здесь».

И после этого: «Еще одну».

И затем опять: «Еще одну».

Я не знаю, сколько насыпей мы сровняли, но Норманн, несмотря на всю свою силу, начал слегка постанывать. «Ну, еще одну», — вновь сказал Мастер.

Внезапно, уловив наконец смысл шутки, я выпрямился и засмеялся. Мастер улыбнулся мне в ответ.

—Я играл с вами. Теперь — идите и обедайте.

В обучении он часто доводил нашу уравновешенность до предела, чтобы посмотреть, в какой точке мы сломаемся. Если мы возмущались или же теряли под действием напряжения душевное равновесие, это означало, что мы не выдержали испытания. Но если мы отвечали дополнительным приливом энергии и утверждали бодрое, позитивное отношение, его испытания делали нас неизмеримо сильнее.

В предыдущем испытании Мастер помог Норманну и мне научиться противостоять мысли об усталости. Любопытно, что после выравнивания этих насыпей я чувствовал себя *менее* уставшим, чем до работы. «Чем сильнее воля, — часто говорил Мастер, — тем больше поток энергии».

В один из дней мы с Норманном сели обедать, по своему обыкновению голодные, как волки. Потянувшись к подносу, поставленному перед нами, мы чуть не задохнулись от изумления. Он был практически пуст! Две чашки тепловатой воды, слабо подкрашенной какао, и пара сухих сэндвичей, которыми кто-то помахал рядом с банкой арахисового масла,—и это было все.

—Какое пиршество! — вскричал ошеломленный Норман. На мгновение мы застыли в нерешительности, а затем внезапно расхохотались. «Что происходит само по себе, — часто говорил Мастер,—пусть происходит». Одним из ключей к непоколебимому внутреннему миру, которые он дал нам, была способность принимать жизнь такой, как она есть. Скудное воздаяние, принесенное тем днем, обеспечило нас соответствующей пищей если не для тел, то по крайней мере для медитации!

Вскоре после испытания с доской Мастер начал после работы приглашать нас в дом слушать по нескольку часов, как он диктует свои произведения. Истины, которые я познал во время этих занятий, были неоценимы. В периоды отдыха, когда он прекращал диктовать и расслаблялся, я также получил от него несколько уроков, хотя иногда и менее весомых.

Как уже упоминалось, в годы учебы в колледже я сформировал концепцию мудреца как человека, для которого все было Серьезным Делом. Сам я смеялся часто, но больше над глупостями, чем от непосредственной радости. Подобно большинству подготовленных колледжами интеллектуалов, я был склонен представлять себе мудрость как нечто довольно сухое. Но пока интеллект не смягчится сердечными качествами, он подобен земле без воды: тяжелой, но бесплодной. Мастер стремился отучить меня от этого пристрастия к сухой ментальной диете в той же степени, в какой я стремился отвыкнуть от нее.

Однажды вечером Норманн и я сидели с ним на кухне. Мастер позвал одну из Сестер и попросил ее принести из спальни коричневую бумажную сумку, в которой что-то лежало. Когда она вернулась, он выключил свет. Я услышал, как он достал что-то из сумки, затем шаловливо хихикнул. Внезапно раздался жужжащий металлический звук, и тут же из игрушечного пистолета посыпались искры. Хохоча от радости, как ребенок, Мастер вновь включил свет. Вслед за этим из другого игрушечного пистолета, лежавшего в сумке, он выстрелил в воздух крошечный парашют. Мы с каменными лицами наблюдали, как он опускался на пол. Я был совершенно изумлен.

Мастер взглянул на меня весело, хотя в его взоре и таилось спокойное понимание. «Они тебе понравились, Уолтер?»

Я засмеялся, пытаясь искренне войти в дух этой ситуации. «Они превосходны, сэр!» Мой комментарий выглядел как самовнушение.

Глядя на меня на сей раз глубоко, но с любовью, он процитировал слова Иисуса: «Пустите детей приходить ко мне, ибо таковых есть Царствие Божие»*

Одним из самых изумительных качеств Мастера была присущая ему абсолютная свобода духа. В глубочайших предметах он сохранял простоту и беззаботную непосредственность ребенка. В самых суровых испытаниях он мог найти причину для радости. Но, даже смеясь, он продолжал смотреть на жизнь со спокойствием и устремленностью человека, который во всем видит только лишь Бога. В сущих пустяках он часто видел проявление некой глубокой истины.

В Твенти-Найн-Палмз был соседский пес по кличке Боджо. Боджо решил, что, поскольку дом Мастера значительную часть времени остается необитаемым, он принадлежит к его законным владениям. В первый приезд в Твенти-Найн-Палмз Боджо яростно протестовал против нашего с Норманном присутствия, непрерывно рыча и лая на нас все время, пока мы работали на бассейне. В конце концов именно Норманн расположил его к себе при помощи комбинации «кнута и пряника»: когда Боджо лаял, Норманн обычно опрокидывал его на спину, а затем ласкал и бросал палки, чтобы тот их принес. Вскоре клыкастый сосед начал приходить к нам как друг.

Однажды к нашему обеду на открытом воздухе присоединился Мастер. Боджо почуял запах пищи и приблизился, выжидающе принюхиваясь.

—Посмотрите на этого пса, — заметил, посмеиваясь, Мастер. Он дал Боджо немного еды со своей тарелки. — Видите, как его лоб наморщился вверх? Хотя он думает только о еде, его ум сфокусирован на духовном глазе в однонаправленной концентрации!

Однажды вечером, во время диктовки, Мастер затронул вопрос реинкарнации. «Сэр,—поинтересовался я, — был ли я раньше йогом?»

— Много раз, — ответил он. — Ты непременно должен был быть йогом, чтобы оказаться здесь.

В это время Мастер начал пересматривать свои печатные уроки. К сожалению, ему так и не удалось далеко продвинуться в этой работе; задача оказалась слишком грандиозной, учитывая многочисленные новые произведения, замысел которых уже созрел в его уме. В первый вечер, когда он приступил к осуществлению этого плана, секретарь Дороти Тэйлор зачитывала ему первый из старых уроков. Она дошла до места, где Мастер говорил о невозможности получить ответы на научные вопросы путем одной только молитвы; необходимо провести соответствующие эксперименты. Точно так же и духовные истины, утверждалось в уроке, требуют подтверждения в «лаборатории» практики йоги и прямого, внутреннего контакта с Богом.

* Лука 18:16.

— М-ммм, — прервал ее Мастер, покачав головой. — Это не совсем верно. Если человек молится достаточно глубоко, он получит ответ даже на сложнейшие научные вопросы.—Некоторое время он всесторонне взвешивал згу проблему.

— Нет, — пришел он к заключению, — здесь речь идет о подтверждении *соответствующими* методами. В этом смысле написанное справедливо, поскольку молитва эффективна в подобных вопросах только для тех, кто уже имеет определенный контакт с Богом. Пожалуй, я оставлю все как есть.

Вот так, абзац за абзацем, анализировал он прежние записи, проясняя некоторые места и придавая другим более глубокий смысл. Таким путем я получил от него бесценные откровения. На меня также оказывала впечатление сама манера его обучения. Я все лучше и лучше понимал, что он, обладая вселенским мировоззрением при полном отсутствии самоутверждения, был истинным проводником в Беспредельность.

Я был также поражен беззаветным, активным мужеством, с которым он учил. Некоторые люди, как я знал, подвергались соблазну смягчить силу его слов, полагая, что, если их пригладить, они станут более приемлемыми для широких масс. Но критерием величия служит именно экстраординарная энергия. Подобная энергия — это постоянный вызов. Несколько месяцев спустя мне было забавно видеть пример желания принизить звучание энергии подобного рода. Я уже отмечал, как в первые годы жизни в Америке Мастер порой буквально взбегал на лекционный помост, призывая аудиторию подняться до его собственного уровня божественного энтузиазма. Даже теперь, когда дни тех «кампаний» давно прошли, он начинал каждую воскресную службу радостным требованием «Как себя все чувствуют?» и присоединялся к полному энергии ответу своих прихожан «Пробуждены и готовы!». Доктор Ллойд Кеннел, наш сменный священник в Сан-Диего, будучи искренним и положительным человеком, не мог потягаться с Мастером в энергичности духа. «Я придерживаюсь более умеренного уровня», — объяснил он мне однажды воскресным утром перед службой. Он вышел на сцену: «Доброе утро. Я надеюсь, каждый из присутствующих сегодня утром чувствует пробужденность и готовность?»

Более, чем любой другой учитель из встречавшихся мне, Мастер обладал способностью расшевелить людей, неожиданно встряхнуть их, внезапно очаровать смешной историей или пробудить бодрость какой-нибудь свежей информацией. В его речи, как и в речи Иисуса, звучал набатистины. Даже те, кто пришел недавно, находили его убедительность неотразимой.

Никто другой не смог бы себе этого позволить, но Мастер в самом первом уроке продиктовал отрывок, в котором подтвердил свое заявление о существо-

вании тесной кармической связи между нашей прямой линией гуру и великим мастером Иисусом.

—Бабаджи, Лахири Махашая и Шри Юктешвар,—заявил он, — были теми тремя волхвами, которые пришли навестить Христа-младенца в яслях. Став взрослым, Иисус нанес ответный визит. Описание его путешествия в Индию спустя века было вычеркнуто из Нового Завета фанатичными последователями из страха, что подобное включение может принизить его величие в глазах всего мира.

Мастер часто рассказывал нам о линии наших гуру и их особой миссии в эту эпоху, ибо он был последним в линии прямой духовной преемственности. То, чему он учил, представляло из себя не принципиально новую теорию; не восточный аналог наших собственных, западных, нескончаемых «научных прорывов», но чистейшую, высочайшую и действительно древнейшую духовную традицию мира.

Первый в этой прямой линии гуру — Бабаджи. Этот древний мастер до сих пор живет в области Бадринараян, в Гималаях, по-прежнему оставаясь доступным для немногих высоко продвинутых душ. Во второй половине девятнадцатого века Бабаджи, почувствовав, что в нынешний научный век человечество лучше подготовлено для получения высшего знания, направил своего ученика, Шьяма-Чарана Лахири, вновь принести в мир высшую науку йоги, которая долгое время оставалась сокрытой. Лахири Махашая (так обращались к нему ученики) назвал эту возвышенную науку *крийя-йогой*, что можно перевести как «божественное единство посредством определенной техники, духовного деяния». Есть и другие техники с тем же названием, но, согласно нашей линии гуру, *крийя-йога Лахири Махашаи* — самая древняя и фундаментальная из всех йоговских техник Бабаджи объяснял, что именно эту технику Господь Кришна упоминал в Бхагавад-гите, говоря: «Я возвестил эту непреходящую йогу Бибасвату , Бибасват передал ее Ману (древнему законодателю Индии), а Ману поведал ее Икшваку (прославленному основателю Солнечной династии). Так, при-

Тот факт, что в Библии совершенно ничего не сказано об этих пропущенных восемнадцати годах, служит самым сильным доказательством позднейшего изъятия упоминания о них Просто невероятно, чтобы все четыре апостола опустили всякое упоминание о столь значительном отрезке краткой жизни их Учителя на земле. Даже если допустить (что представляется сомнительным), что эти восемнадцать лет были бедны событиями и не заслуживали записи, каждый добросовестный биограф — не говоря уже об ученике — не оставил бы их совсем без внимания. По крайней мере он сказал бы что-нибудь вроде «И Иисус рос и работал у отца в мастерской*. Тот факт, что не сказано совершенно ничего, наводит на мысль о последующей обработке текста священниками, чьи религиозные убеждения вдохновили их на изъятие, но удержали от бесстыдства добавлять слова от себя.

Вивасвану, богу Солнца. О различии в написании см. сноску на стр. 185. — *Прим.ред.*

нимая один от другого, ее познавали великие мудрецы. Но по прошествии долгого времени эта йога была утеряна в мире (поскольку большая часть человечества утратила связь с духовной реальностью)».

Лахири Махашая, подобно Бабаджи, является великим учителем йоги — *йогаватаром,* как называл его Мастер («воплощением йоги»), хотя и был домохозяином с мирскими обязанностями. Среди многих инициированных им учеников самым значимым был Свами Шри Юктешвар — современный *гьянаватар* Индии, «воплощение мудрости», по определению Йогананды. Через Шри Юктешвара Парамахамса Йогананда был послан в Америку с этой высшей техникой, которая, по словам наших гуру, придаст развитию современной западной цивилизации, до сих пор беспорядочному и потенциально опасному, мудрое направление.

«Согласно божественному замыслу, —утверждал Йогананда по-другому поводу, Иисус Христос был ответственным за эволюцию Запада, а Кришна (впоследствии — Бабаджи) — за эволюцию Востока. Было предопределено, что Запад будет специализироваться на развитии объективности, через логику и рассудок, а Восток — на внутреннем, интуитивном развитии. Но на космическом плане пришло время соединить эти две линии в одну. Восток и Запад должны объединиться».

Во время вечерних диктовок Мастер также пересмотрел уроки по крийя-йоге и внес некоторые изменения по сравнению с первоначальным вариантом преподавания. «Это не изменяет саму технику, но сделает ее более легкой для понимания».

Я жадно впитывал каждое слово Мастера: я еще не получил инициацию в крийя-йогу! Вдруг Мастер замолчал.

— Скажи-ка, Уолтер! — воскликнул он. — Ведь ты не получал инициации в крийю!

*** Бхагавад-гита** 4: 3.

****** **Слово** * ***gyana»* **(мудрость) в книгахчасто пишется как** *джтна.* **М астер однажды дал** мне **разъяснения по проблеме транслитерации с санскрита на латинский алфавит.** Он **просматривал вместе со мной некоторые из своих работ в Твенти-Найн-Палмз, — к тому времени я уже пробыл с ним около года, — и наткнулся на это слово,** *«gyana****. «Ученые любят писать «jnana», — усмехнулся Мастер. — Но** оно **не** произносится *дж-нана.* А **как еще ты можешь его произнести, если видишь,** что оно так написано? **Это типичный пример педантичности ученых Правильное произношение —** *гьяна.*
А нглийское#-)' *(гь)* не передает его **в** точности, но по крайней мере ближе к правильному произношению*.
«Еще одна излюбленная транслитерация ученых, — продолжал Мастер, — это ***т*** вместо ****Ь*.*** Вместо *Bibaswat* они пишут *Vivaswan***.** Почему? То, как **v** произносится по-английски, для санскритского произношения звучит неправильно. Опять-таки, ****Ы*** — не точно, но все-таки ближе.

—Нет, сэр,—я скрыл свою улыбку. Он уже продиктовал достаточно, чтобы я смог понять технику.

—Хорошо, в таком случае мне придется инициировать тебя прямо сейчас— Перестав диктовать, Мастер велел нам сесть прямо, в медитативных позах. — Я посылаю через твой мозг божественный свет, посвящающий тебя, — произнес он с места, где сидел. Я мгновенно почувствовал блаженство; божественный поток из Центра Христа пронизывал лучами мой мозг. Мастер продолжил давать мне наставления по технике.

— И все же пока не практикуй ее, — сказал он в заключение. — Я дам тебе официальную инициацию на Рождество. Подожди до этого времени.

Шли недели, и постепенно я обнаружил, что сердце мое раскрывается, как цветок, под солнечными лучами любви Мастера. Я все больше понимал, какое это благословение — быть с ним. Однажды вечером, во время диктовки, он объяснил метод настройки на тонкие духовные вибрации Гуру.

— Визуализируйте Гуру, — сказал он, — в точке между бровями, в Центре Христа. Это «передающая станция» тела. Взывайте к нему глубоко в этой точке Затем постарайтесь почувствовать его ответ в своем сердце—«приемнике» тела Интуитивно вы почувствуете здесь его ответ. Когда вы это делаете, глубоко молитесь ему: «Представь меня Богу!»

Иногда я визуализировал Мастера в уменьшенной форме на макушке своей головы. Независимо от способа медитации на него, я часто чувствовал волну мира или любви, нисходящую на меня и заполняющую все мое существо. Иногда приходили ответы на вопросы и более ясное понимание качеств, которые я старался развить или преодолеть. Иногда всего одна медитация на Мастера позволяла освободиться от какого-нибудь заблуждения, досаждавшего мне месяцами, а порой и годами. Один раз, когда после этого я подошел к нему и преклонил колени для благословения, он мягко отметил: «Очень хорошо!»

Иногда Мастер навещал ретритный дом для монахов в Твенти-Найн-Палмз. Тогда он гулял с нами по окрестностям или садился и разговаривал. Иногда мы вместе медитировали. После одной из таких медитаций я записал его слова: «Это царство *Аум.* Слушайте! Недостаточно просто слышать его. Вы должны *раствориться* в этом звуке. *Аум* — это Божественная Мать». Он помолчал несколько минут: «Ом Кали, Ом Кали, Ом Кали. Слушайте...» Он вновь помолчал. «О, как это прекрасно! Ом Кали, Ом Кали, Ом Кали!»

Ом*—общепринятая транслитерация** *слова Аум.* **Я написал его здесь именно так, чтобы показать, как оно должно звучать в песнопениях Формально правильнее писать** *Аум.* **Три буквы обозначают три различные вибрации космического проявления: созидание, сохранение и разрушение. Но при произношении эта транслитерация будет неправильной, так как здесь произносится не долгое** **о*,* **как в слове ♦плр*, а краткое. В**

В индийской мифологии три вибрации космического проявления представлены Брахмой, Вишну и Шивой. *Аум*—вибрация, при помощи которой Высший Дух проявляет все вещи. Это Святой Дух христианской Троицы.

В другой раз я спал в ретритном доме для монахов. Стояла поздняя ночь. Внезапно меня разбудило ощущение божественного присутствия в комнате. Оно было настолько ошеломляющим, словно сам Бог явился благословить меня. Я сел медитировать. Как только я это сделал, я заметил Мастера, прогуливавшегося за окном в лунном свете. С чувством невыразимой благодарности я вышел на улицу и молча коснулся его стоп.

Мастер обладал изумительным даром всеобъемлющей дружбы. Каждый из нас чувствовал, что Мастер любит его каким-то особенным, уникальным образом. И в то же время эти взаимоотношения были совершенно безличностными, когда внешние проявления благосклонности играют очень незначительную роль. Я начал понимать, что именно такой бывает божественная дружба. И все же мне приходилось бывать в ашрамах, где отношения настолько сильно сосредоточивались на личностях людей, что не пройдет и нескольких минут, как приехавший уже знает, какие из учеников самые главные, что они делают и что гуру сказал о них. Напротив, на протяжении нескольких первых месяцев монашества в Обществе Самоосознания я вряд ли знал более одного или двух имен ближайших учеников Мастера. Никто не поощрял такого любопытства.

Поэтому той осенью, когда до нас донеслось, что Фэй Райт (ныне Дая Мата, третий президент Общества Самоосознания) серьезно заболела, ее имя, высоко стоявшее в списке ближайших учеников Мастера, ничего не говорило мне. Само известие о ее болезни явилось ко мне лишь в качестве объяснения, почему Мастер внезапно отбыл из Твенти-Найн-Палмз в Лос-Анджелес.

— Ее смерть стала бы серьезной потерей для нашего дела, — печально заверил меня Норманн.

— Она уже ушла, — объявил Мастер по возвращении из Лос-Анджелеса. — Вы только посмотрите, как работает карма. Доктор, хотя его и вызвали заблаговременно, поставил ей неправильный диагноз. Когда он обнаружил свою ошибку, было уже поздно. Она бы наверняка умерла, но Бог хотел сохранить ее жизнь для работы».

Мастер советовал нам не слишком беспокоиться о делах, не имеющих к нам непосредственного отношения. «Всегда пребывай в собственном Я, — посоветовал он мне однажды. — Снисходи только для еды или короткого разговора, если это необходимо. Затем вновь уходи в себя». Я не общался с Дая Матой и даже не видел ее почти целый год, который провел с Мастером.

итоге дифтонг звучит скорее как **o**.

В Твенти-Найн-Палмз меня прежде всего заботила наша работа. Мы выкопали яму для бассейна. Затем пришли другие монахи и помогли соорудить опалубку. Бернард предупредил нас, что заливка бетона должна происходить непрерывно, чтобы он не потрескался. Всю работу мы проделали вручную, смешивая и производя заливку при помощи маленькой бетономешалки. Я нагребал лопатой песок, кто-то другой добавлял гравий, остальные отвозили тачки в места заливки. Двадцать три часа мы трудились, изредка прерываясь, чтобы подкрепиться бутербродами и горячим питьем, но во время работы мы постоянно направляли Богу свои песнопения, и часы протекали в радости. Я думаю, что по окончании работы у нас было больше энергии, чем в начале дня. Мы счастливо улыбались.

Точнее, все, кроме одного. Этот человек после одного или двух часов работы спустя рукава возроптал: «Я пришел сюда не для того, чтобы перелопачивать *цемент*/» Усевшись, он наблюдал за нами до конца дня, время от времени напоминая, что это не имеет ни малейшего отношения к духовному пути. Самое интересное, что к концу дня он — единственный из всех — почувствовал себя истощенным.

Через несколько месяцев в бесседе с Мастером мы подняли вопрос об упрямстве этого ученика. «Он говорил мне, — заметил я, — что не мог слепо повиноваться вам, сэр, потому что чувствовал необходимость развивать собственную свободную волю».

—Но его воля не свободна! — с недоумением ответил Мастер. — Как она может быть свободной, если он все еще обусловлен настроениями и желаниями? Я не прошу никого следовать за мной, но те, кто сделал это, обрели истинную свободу».

—Сестра, — продолжал он, произнося имя, с которым всегда обращался к сестре Гьянамате (старейшей ученице, с которой я встретился в мой первый приезд в Инсинитас). — Сестра обычно носилась вверх-вниз, исполняя мои поручения. Однажды несколько других учеников сказали ей: «Почему ты всегда делаешь то, что *он* скажет? У тебя есть собственная воля!» Она ответила: «Да, но вам не кажется, что уже поздно что-либо менять? Должна вам сказать, что за всю свою жизнь я никогда не была столь счастлива, как со времени прихода сюда».

Мастер усмехнулся: «Они никогда больше не беспокоили ее».

Даже я на собственном небольшом опыте мог подтвердить ответ сестры Гьянаматы этим нерадивым ученикам. Ибо чем более я настраивал свою волю на волю Мастера, тем более счастливым становился.

—Моя воля,—часто говорил Мастер, —только в исполнении воли Бога. — Доказательством этого утверждения служил тот факт, что чем совершеннее мы следовали его воле, тем свободнее чувствовали себя в Боге.

С приближением Рождества сердце запело от такого счастья, которого я не мог представить себе даже в мечтах. Рождество было значительным праздником в Маунт-Вашингтоне, самым священным за весь год. Мастер разделил его на два аспекта: «духовное Рождество», мы праздновали его в Сочельник, и «светское Рождество», которое отмечалось на следующий день традиционным открытием подарков и банкетом. (Впоследствии Мастер согласился перенести «духовное Рождество» на день раньше, на двадцать третье, чтобы после него тем, кто готовит еду для большого рождественского банкета, не приходилось оставаться на ногах всю ночь.)

Двадцать четвертого, в десять утра, мы собрались в часовне на целый день для медитации, чтобы пригласить беспредельного Христа вновь родиться в «яслях» наших сердец. Я не знаю, кто из нас приступал к своему первому опыту столь длительной медитации без внутреннего трепета. Думаю, что немногие, и уж конечно не я.

Мы сели на свои места, Мастер в передней части комнаты, лицом к нам. Двери были закрыты. С этого момента, не считая краткого перерыва в середине, никто не должен был входить и выходить из комнаты, кроме как в случае крайней необходимости.

Мы начали с обращенной к Иисусу Христу и другим мастерам просьбы благословить нас на этот святой праздник Затем следовали пятнадцать или двадцать минут песнопений.

«Космические песнопения» Парамахамсы Йогананды состоят из простых предложений, повторяемых вновь и вновь, со все более глубокой концентрацией и преданностью. Меня взрастили на сложных построениях западной классической музыки. Когда я стал учеником Мастера, мне потребовалось время, чтобы приспособиться к такой незамысловатой форме музыкального выражения. Но теперь я любил песнопения. В самой их простоте я находил красоту и могущество, превосходившие по своим качествам большинство музыкальных произведений, которые я когда-либо слышал. Это были «одухотворенные» песнопения: чтобы наполнить их тончайшей благодатью, Мастер пел каждое до тех пор, пока **ОНИ** не вызывали божественный отклик Как в различных местах и зданиях развиваются вибрации, соответствующие сознанию часто бывающих там людей, так и музыка развивает вибрации, выходящие за пределы реально слышимого звука. Особой возвышающей силой и способностью вдохновлять каждого, кто их поет, обладают песнопения, которые были одухотворены великими святыми.

Одно из песнопений, которые мы повторяли в тот день,—«Сияющий Христос, приди! О мой Христос, о мой Христос, Иисус Христос, приди!» Я обнаружил, что оно изумительно эффективно вводит меня в глубокую медитацию. Периоды [s]

пения чередовались со все более длительными периодами медитации. Иногда для снятия физического напряжения, которое мы могли ощутить, Мастер просил нас встать во время пения; при более ритмичных песнопениях он велел нам хлопать в ладоши. Пару раз он обращался к Джейн Браш с просьбой сыграть на органе вдохновляющие духовные произведения.

В тот день некоторое время Мастер имел видение Божественной Матери. В экстатическом состоянии он возвещал ее желания многим из присутствующих Некоторым он сказал, чтобы они отдали себя Богу без всяких ограничений. Другим сообщил, что Космическая Мать дает им свое особое благословение. А потом обратился непосредственно к Ней, вслух, так что мы могли слышать по крайней мере одну сторону этого благословенного общения. «О, Ты столь прекрасна!» — повторял он вновь и вновь. «Не уходи! — вскричал он под конец. —Ты говоришь, что материальные желания этих людей уносят тебя прочь? О, вернись! Прошу Тебя, не уходи!»

Медитация в тот день была столь глубокой, что обычный десятиминутный перерыв был опущен. Опасения, которые я чувствовал в начале, оказались обманчивыми. «Душа любит медитировать», — говорил нам Мастер. Одно лишь эго, в своей привязанности к телесному сознанию, сопротивляется вхождению в обширное внутреннее пространство.

В день Рождества мы по традиции обменялись подарками. Наряду с более серьезным подарком я подарил Мастеру игрушку «Уйди-уйди» в память о том случае с игрушечным пистолетом в Твенти-Найн-Палмз. Взамен я получил от него четырехцветный карандаш: «Чтобы отчеркивать инфинитивы!» — сказал он мне, улыбаясь.

Главным событием этого дня был вечерний банкет с участием Мастера. Я помогал подавать обед, состоявший из карри. После этого Мастер обратился к нам. Благозвучие его речи столь очаровало меня, что я почувствовал себя обитателем небес. Я никогда не думал, что такое божественное вдохновение возможно на нашей прозаической земле.

На следующий день мастер давал инициацию в крийя-йогу — в первую очередь для принявших отречение. Подходя к нему за благословением, я мысленно молился о его помощи в развитии божественной любви. После того как он коснулся моего Центра Христа, я открыл глаза и встретился с его благословляющей улыбкой.

В конце церемонии инициации Мастер сказал: «Множество ангелов прошло сегодня через эту комнату». И затем—эти бросающие в дрожь слова обещания: «Некоторые из присутствующих здесь станут *сиддхами*, и довольно многие — *джшан-муктами*».

В новогодний вечер мы собрались в главном храме на полуночную медитацию, которую опять проводил Мастер. На этом собрании был момент, когда он мягко ударил в большой гонг, звук которого потом расходился волнами. «Представьте себе, что это звук *Аум,* — сказал он нам, — бесконечно распространяющийся во все стороны».

В то же самое время в сотне миль от нас, в Инсинитасе, другая группа учеников медитировала в главной комнате ашрама. Они тоже слышали гонг, в который ударил Мастер. Один из монахов позже рассказывал мне: «Было похоже, как будто кто-то ударил в него в передней, совсем рядом с нашей комнатой».

Последовавшая за этим медитация в Маунт-Вашингтоне была захватывающей.

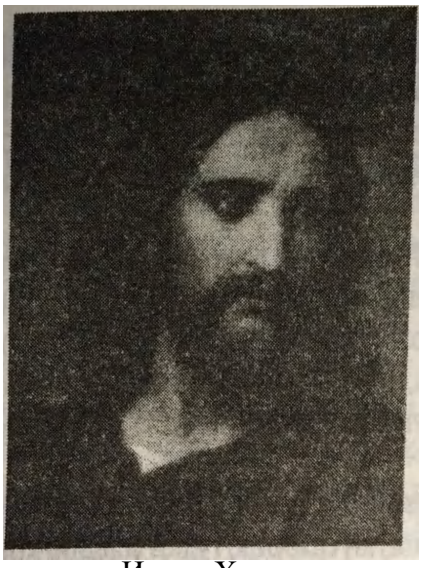
Наступила полночь. И вдруг волны шума взметнулись вверх из расположенного внизу города, от окрестных соседей; свистки фабрик, гудки машин, крики. Бесчисленные участники празднества вступали в Новый Год. У соседей открылась дверь, и чей-то голос истошно завопил в ночь: «С Новым Годом!»

Какими жалкими были эти праздничные звуки по сравнению с той душевной радостью, которую испытывали мы в маленьком храме! И какое благословение, размышлял я, какое чудесное счастье—быть в этом святом месте, у стоп моего божественного Гуру! Я молился, чтобы Новый Год принес мне вечно углубляющееся осознание любви Бога.

Наша линия Гуру

«Согласно божественному замыслу, — утверждал Парамахамса Йогананда, — Иисус Христос был ответственным за эволюцию Запада, а Кришна (впоследствии — Бабаджи) — за эволюцию Востока. Было предопределено, что Запад будет специализироваться на развитии объективности, через логику и рассудок, а Восток — на внутреннем, интуитивном развитии. Но на космическом плане пришло время соединить эти две линии в одну. Восток и Запад должны объединиться».

+*Дживан-мукта*—**тот, кто достиг освобождения от иллюзии, ноещедолжен преодолеть прошлую карму.** *Сиддха*—**достигший освобождения и от всех следов прошлой кармы.**

Иисус Христос

Бабаджи

Иисус Христос (***вверху слева).*** Однажды, в Твенти-Найн-Палмз, Мастер сказал: «Как жаль, что ни на одном из полотен Иисус Христос не походит на себя». Он отдавал предпочтение этой картине Хофмана, потому что на ней сходство с Мастером из Галилеи было более полным, чем на большинстве других.

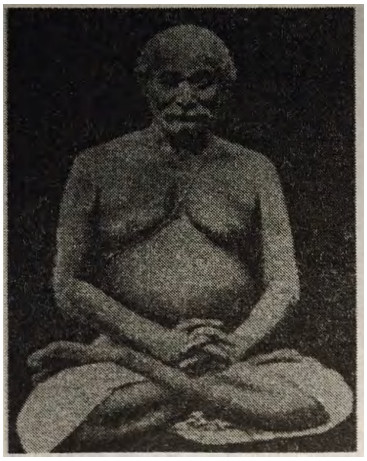
Бабаджи ***(вверху справа).*** Бабаджи называют ***Махаватаром*** — «Великим Воплощением».

Лахири Махашая ***(на следующей странице***; ***вверху слева).*** Ученик Бабаджи. Парамахамса Йогананда говорил о нем как о ***Йогаватаре*** — «Воплощении Йоги».

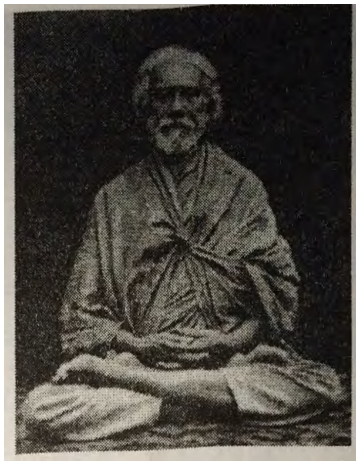
Свами Шри Юктешвар ***(на следующей странице, вверху справа).*** Ученик Лахири Махашаи. Парамахамса Йогананда говорил о нем как о ***Гьянаватаре,*** «Воплощении Мудрости».

Парамахамса Йогананда ***(справа).*** Ученик Шри Юктешвара. Раджарши Джанакананда, главный ученик Йогананды, присвоил своему гуру титул ***Премаватара*** — «Воплощения Любви».

Шри Кришна, древний аватар Индии, первый в нашей линии гуру, показан на ар. 430.

Лахири Махашая

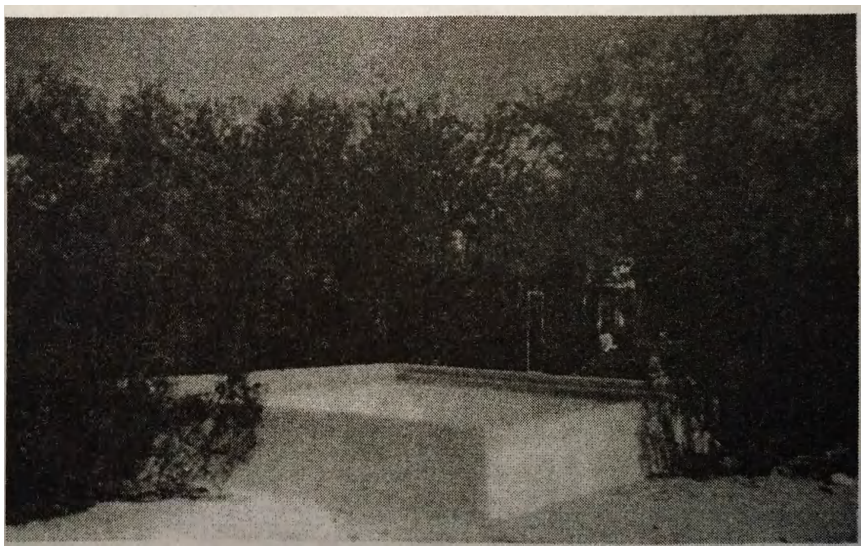
Свами Шри Юктешвар

Парамахамса Йогананда

Обитель монахов в Твенти-Найн-Палмз.

Бассейн у ретрита Мастера в Твенти-Найн-Палмз, который построили в основном мы с Норманном.

Парамахамса Йогананда в двадцатые годы.

ГЛАВА 21

ПАРАМАХАМСА ЙОГАНАНДА

ПЯТОГО ЯНВАРЯ УЧЕНИКИ СОБРАЛИСЬ в Маунт-Вашингтоне отпраздновать день рождения Парамахамсы Йогананды. В начале торжества мы по одному подходили к нему и преклоняли колени для получения благословения. Позже, после банкета, он произнес речь о своем заветном желании: узреть пробуждение божественной любви во всем мире. Затем он продолжил более доверительно:

—В течение первых лет наставничества в этой стране я и не мечтал, что здесь станет возможным такое единство взглядов в божественной любви. Оно существует только потому, что вы жили согласно взлелеянным мною идеалам, ради которых я жил в обществе своего великого гуру.

Юпочевым фактором наших отношений с ним была дружба в Боге. Это не подразумевало легковесных отношений, от которых мирские люди получают удовольствие, но требовало от нас всего, на что мы способны. Дружба, которой осенял нас Гуру, была обращена к нашим душам. Отвечать ему взаимностью таким же образом означало вечную борьбу за то, чтобы встретиться с ним на этом божественном уровне. Те, кто хотел удовлетворения своего эго, не могли склонить его к компромиссу в чистоте его дружбы. Если ученик льстил, Мастер обычно спокойно смотрел на него, как бы говоря: «Я не оскверню сюю любовь к тебе принятием такого уровня общения». Он всегда оставался для нас высшим идеалом, к которому каждый должен стремиться. Такая совершенная любовь предъявляет к ученикам более высокие требования, чем любая дисциплина, поскольку требует приношения в дар Богу всего себя, не меньше.

Я обычно молился Мастеру: «Научи меня любить тебя так, как ты любишь меня». Однажды, беседуя с несколькими из нас в главном офисе, он проницательно посмотрел на меня и сказал: «Как может маленькая чашка вместить весь океан любви? Сначала она должна расшириться и сделаться такой же большой, как океан!»

Священные Писания Индии утверзвдают, что, когда душа освобождается от эгоизма, она сливается с океаном Духа и становится единой с ним. В то время как большинство из нас любили Мастера с различной степенью эгоистического сознания, его любовь к нам была беспредельной, космической. Такая любовь непостижима для обычных людей. «Я давным-давно убил Йогананду,—говорил

он. — Теперь в этом храме не пребывает никто, кроме Бога». Его любовь к нам была любовью Бога, проявляющейся через его человеческий облик

— Когда бы я ни смотрел на Вас, — написал однажды Норманн Мастеру, — я вижу только Божественную Мать.

— Тогда веди себя соответственно, — невозмутимо ответил Мастер при следующей встрече с ним. Это была не скромность отречения, а лишь безличное принятие вещей, как они есть. Йогананда был скромнейшим человеком, которого я когда-либо знал, и все же он был скромным только в том смысле, что в нем совершенно отсутствовало эго, а не в смысле, что манера его поведения была самоуничижительной. Когда кто-то восхвалял его за скромность, он просто отвечал: «Какая может быть скромность, когда нет сознания эго?» В сущности, наши взаимоотношения с ним были не только дружбой *в* Боге, но дружбой *с* Богом, ибо он был пропитан лишь Его любовью. Он всегда с твердой решимостью перенаправлял к Божественному всю ту любовь, которую мы дарили ему. Когда мы касались его стоп, как это принято среди учеников в Индии по отношению к своему гуру, он благоговейно держал правую руку с расширенными вверх пальцами у своего лба, свидетельствуя, что направляет нашу преданность к Богу. И если в нашей любви к нему проглядывали малейшие знаки привязанности, он становился отчужденным и сдержанным до тех пор, пока мы не понимали, что через него на нас проливается только любовь Бога.

Дая Мата рассказывала нам историю, восходящую к тем временам, когда она была подростком и только вступила на путь. В начале совместной работы Мастер обращался с ней нежно, как с дочерью. Но когда ее стопы прочно утвердились на пути, он приготовился преподать ей высшие достоинства безличностной любви. И теперь для нее, по-прежнему чувствовавшей по отношению к нему дочернюю любовь, он вдруг стал казаться отчужденным, даже суровым.

Однажды в Инсинитасе его обращение показалось ей необычайно холодным. Она вышла на отвесный берег за ашрамом и обратилась с глубокой молитвой ниспослать ей понимание. Наконец она пришла к твердому решению. «Божественная Мать, — поклялась она, — отныне и всегда я буду любить только Тебя. Глядя на него, я буду видеть одну только Тебя».

Внезапно она почувствовала, будто с нее снят огромный груз. Она вошла в дом и преклонила перед Мастером колени для благословения, как всегда делала перед отходом ко сну. На этот раз он приветствовал ее ласковыми словами: «Очень хорошо!»

С тех пор он вновь стал проявлять к ней нежность, но их отношения перешли на более глубокий уровень, поскольку ученица видела его теперь в том же безличном свете, в каком он созерцал себя.

Для нас, пришедших много лет спустя, большим воодушевлением было видеть поистине божественную дружбу между Дая Матой и Мастером. Такая же дружба с его стороны простиралась и на каждого из нас, но лишь немногие смогли так чутко оценить чрезвычайную чувствительность его дара. Каждый из нас пытался по-своему примирить кажущееся противоречие между тем, что он был самым добрым и внимательным другом, как это часто можно было видеть, и его желанием подвергнуть нас болезненным урокам. Хотя мы знали, что эти уроки служат нам во благо, очень часто это благо выходило за пределы нашего понимания. На самом деле противоречие было в нас самих: между мелочными требованиями наших эго, жаждущих комфорта и утешения, и бескомпромиссным порывом наших душ к внутреннему совершенствованию. Сам Мастер достиг полной целостности. Жизнь в безличном Духе никоим образом не сделала его безразличным к человеческой боли. Оба уровня, человеческий и божественный, были для него частями единой реальности — человеческий являлся просто ее ограниченным, внешним проявлением.

Однажды он сказал нам: «Я предпочитаю работать с любовью. Я просто увядаю, когда приходится работать по-другому». Я и сам всегда, когда он бранил меня, замечал в его глазах глубокое сожаление о том, что мне не хватает понимания и ему приходится делать мне выговор. Но он уверял нас: «Я всегда ругаю только тех, кто слушает. Тех, кто не слушает, я не ругаю». Это не значит, что он *не мог* относиться к нам на человеческом уровне. Скорее, он знал, что в стремящихся получить самый драгоценный дар, который он мог преподнести, —знание Бога — нужно разрушить всю привязанность к эго.

Но с другими людьми, да и с нами, если он считал нужным смягчить свою дисциплину, — он становился самым обаятельным, душевным и восхитительным человеком из всех, когда-либо живших на свете. Он был *благородным* человеком в самом подлинном и лучшем смысле этого слова. В силу его безупречной внутренней целостности божественное совершенство отражалось даже в его повседневном поведении. Он проявлял полное одобрение и приятие тех, кто был способен поддерживать с ним чистые отношения в Боге.

Неформальные разговоры Мастера с такими учениками глубоко вдохновляли тех, кто их слышал. Больше всего меня поразило тихое достоинство этих взаимоотношений, основанных на глубочайшем взаимном уважении. Когда они вместе смеялись, они словно разделяли какую-то глубокую внутреннюю радость, для которой смех был лишь мимолетным, внешним выражением, а не необходимостью. Их глубочайшее совместное общение происходило в молчании.

Чем больше я настраивал себя на Мастера, тем более глубокая благодарность к запредельной красоте этой внутренней дружбы возникала во мне. Это общение не нуждалось во внешнем выражении для собственного подтверждения.

Благословленный этой дружбой человек даже радовался, когда другие старались поставить себя выше него в глазах Гуру, ибо знал, что эгоистическое одобрение не имеет ничего общего с этой настроенностью.

Наиболее глубокое впечатление на меня производило его абсолютное уважение к людям. Меня всегда удивляло, как человек, чья мудрость и сила внушают другим столь глубокий трепет, может в то же время относиться к каждому с таким смиренным уважением. Я всегда считал, что уважение не дается просто так, его нужно заслужить. В некотором смысле Мастер, конечно, действовал по тому же принципу, но для него это означало проявление глубочайшего уважения ко всем, поскольку он видел во *всех* детей Бога. Однажды Мастер сказал доктору Льюису, своему первому ученику в Америке «Помни, что Бог любит тебя точно так же, как и меня. Он наш общий Отец».

Как-то, во время моего второго года жизни в Маунт-Вашингтоне, из Индии приехал человек с рекомендательным письмом к Мастеру. Он попросил позволения остаться в ашраме на два-три дня. Ко всеобщему неудобству, эти «два-три дня» растянулись на многие недели. Вскоре после приезда он послал Мастеру записку с жалобой. На его вкус, еда оказалась слишком «западной»; не будет ли Парамахамсаджи столь добр, чтобы уладить это дело? Мастер тихо организовал ему доставку со своей собственной кухни пищи индийского типа.

Однажды я видел, как Мастер беседовал с группой индийцев после публичного выступления в Пасадене. Один из них дошел, как говорится, «до бесчувствия». Проявляя под воздействием алкоголя исключительную фамильярность, он обнял Мастера за плечи и кричал, дурачась, словно они были старыми собутыльниками. Дэби, стоявший поблизости, сделал несколько уничижительных замечаний на бенгали.

— Не нужно, — ответил Мастер, несколько сурово покачав головой. В его глазах этот человек, невзирая на свое временное состояние, заслуживал уважения как дитя Бога.

Некая женщина, религиозный учитель из Лос-Анджелеса со значительным положением в свете, однажды оказала Мастеру финансовую помощь в работе и потом обращалась с ним как со своей собственностью. Мастер, самый неподкупный человек из всех, когда-либо живших на свете, продолжал действовать исключительно в согласии с Богом, направлявшим его изнутри. Постепенно в этой женщине вспыхнуло чувство собственнической ревности по отношению к нему, и она несколько раз язвительно разговаривала с ним, бросая такие оскорбления, которые превратили бы обычного человека в ее врага. Но Мастер оставался с ней неизменно спокойным и вежливым. Не допуская остроты в своих ответах, добротой он был подобен цветущему дереву, которое, когда топор приставлен к его корням, осыпает погубителей сладостно пахнущими

цветами. У той дамы постепенно развилось высочайшее почтение к нему. Она с похвалой отзывалась о нем и часто приводила к нему своих друзей и учеников. Весь гнев и ревность превратились в глубокое уважение.

В Ранчи, в Индии, мне рассказывали трогательную историю, восходящую к дням, когда Мастер вернулся туда в 1935 году. Кажется, в его школе планировался ежегодный банкет. Кто-то должен был председательствовать на торжественном собрании, чтобы придать ему официальный статус. Было рекомендовано имя Гурудаса Баннерджи, известного судьи. Этот человек, снискавший высокое уважение, по всеобщему согласию был наилучшей кандидатурой. Мастер отправился его пригласить.

Каково же было его удивление, когда судья холодно отказался прийти. Он сказал, что ему известно все о так называемых индийских «святых»; типичный пример он видит перед собой. Они нечисты на руку в отношении людских денег, расходов на общину, и у него нет времени разговаривать с их худшими представителями.

Мастер, изумленный этим приемом, остался невозмутимым. Он часто говорил нам: «Похвала не делает меня сколько-нибудь лучше, а порицание — хуже Я есть тот, кто я есть, перед своей совестью и Богом».

Выслушав судью до конца, он ответил дружески: «Хорошо, возможно, вы передумаете. Мы сочли бы за большую честь, если бы вы пришли».

Председательствовать вместо него согласился директор местной школы. Когда в тот вечер все собрались на банкет и празднество должно было вот-вот начаться, подъехала машина. Из нее вышел язвительный судья. Поскольку в тех кругах Гурудас Баннерджи был видной фигурой, директор школы охотно уступил ему свое место.

Перед банкетом было несколько докладов. Один был посвящен успехам школы и количеству учащихся, которые после ее окончания продолжили сюй путь в качестве монахов и религиозных учителей.

—Если настоящая тенденция сохранится,—говорилось в докладе,—вскоре вся Индия наполнится учителями, распространяющими древнюю мудрость нашей земли.

Затем пришла очередь выступления судьи. Поднявшись, он сказал: «Это один из счастливейших дней моей жизни. Сегодня утром ваш Свами Йогананда пришел ко мне с визитом. Я ощутил огромную радость, но решил проверить, действительно ли он такой хороший человек, каким кажется? Я обратился к нему настолько неучтиво, насколько смог. Он остался таким спокойным и отвечал столь доброжелательно, что я со всей искренностью должен сказать, что он прошел мое испытание лучше, чем я мог себе представить. И я скажу вам еще: никогда не считайте количество ваших выпускников, которые стали монахами.

В Индии много монахов. Но если вы сможете подготовить хотя бы одного такого человека, как он, не только ваша школа, не только наш город, но вся наша страна будет прославлена!»

Один мой собрат по ученичеству, действуя во власти жестокого заблуждения, однажды написал Мастеру длинное письмо, полное уничтожающей критики всего того, что, в его представлении, было ошибками Мастера. В письме заявлялось о намерении немедленно покинуть ашрам. Впоследствии, должно быть увидев свою ошибку, ученик остался. Вскоре после этого он стоял с несколькими из нас, когда Мастер спустился вниз. Увидев его, Мастер сказал: «Тебе следовало бы начать писать. Это было самое лучшее послание, которое Сатана когда-либо писал мне». В голосе Мастера, лишенном всякой обиды, звучали нотки подлинного восхищения.

Но смирение Мастера не удерживало его от решительного ответа, когда он чувствовал, что это может пойти во благо. Как-то ортодоксальный священник, приведенный в ярость присутствием подлинного «язычества» в нашей, по большей части христианской, земле и особенно возмущенный тем, что Мастер не одобрил его узкие догмы, крикнул ему: «Вы попадете в ад!»

Видя искаженное гневом лицо этого человека, Мастер доброжелательно ответил: «Что ж, я *могу* попасть туда, но вы *уже* там!»

Можно было бы предположить, что присущее Мастеру чудесное качество уважения ко всем влекло за собой неспособность видеть смешную сторону того, что часто называют человеческой комедией. Однако это предположение необоснованно. Воистину, я никогда не был знаком с человеком, у которого было бы более острое чувство юмора. Как мы увидим из нижеследующей истории, Мастер обладал такой жизнерадостной способностью к веселью, которую не могли пошатнуть даже встречи с «бесповоротным осуждением». В подобных обстоятельствах большинство людей впадают в негодование, лишенное всякого чувства юмора.

В случае с фанатичным священником Мастер просто должен был преподать ему урок. Но он никогда не смеялся над людьми, если, по его мнению, это могло причинить им ненужную боль. Именно в этом заключалось фундаментальное отличие между его чувством юмора и тем, которое присуще большинству людей.

На вышеупомянутом представлении в Пасадене наши самонадеянные гости из Индии ухитрились каким-то образом завладеть звездой, анонсированной как индийский танцор.

Насколько мне известно, единственный «танец», который он когда-либо танцевал, происходил на боксерском ринге, где он ухитрился снискать своего рода славу. Но его крупное телосложение было впечатляющим. Когда он

объявил, что намерен танцевать, все восприняли это так, будто он собирается делать бизнес.

Его представление в тот вечер изображало оленя, к которому подкрадывается охотник. Играя в одиночку обе роли, он то неуклюже топал, представляя оленя, игриво прыгающего по лесным полянкам, то свирепо крался через высокую траву как охотник Вскоре стало очевидным, что его движения не попадают в такт музыке, и в конце концов он понял: очевидно, оркестр не следует за ним. В негодовании приказав музыкантам прекратить игру, он широким шагом вышел к рампе и извинился перед аудиторией за отсутствие у них музыкального мастерства.

—Они не профессионалы,—серьезно объяснил он. После этого, проносясь в своем «игривом подпрыгивании» мимо задней части сцены, где они сидели в ряд, он махал им руками и свирепым шепотом увещевал играть лучше.

Мы с Мастером сидели рядом, охваченные весельем. Слезы струились по нашим щекам, хотя и удавалось воздержаться от смеха вслух. «Не смей», — с трудом выдавил Мастер, когда у меня вырвался приглушенный хохот.

Итак, охотник в конце концов добыл своего оленя, но на этом все не закончилось. Бедное животное еще должно было корчиться на сцене в невероятной агонии. Прошло много минут, пока оно не испустило последний вздох.

Последовали отдельные негромкие аплодисменты — уверен, что исходили они скорее из чувства облегчения, чем из желания поздравить актера. Но наше облегчение было преждевременным: охотник-то был еще жив! Переключившись на эту роль, он взвалил оленя на плечи и начал нечто вроде победного танца. Мы уже знали, что у него нет чувства ритма, теперь обнаружилось, что у него отсутствует также и чувство времени. Во всяком случае, его представление, вне всяких сомнений, намеревалось охватить вечность. Сквозь слезы смеха мы наконец увидели, как один из музыкантов бросил взгляд за кулисы и сделал рукой опускающее движение. Занавес начал падать. Охотник, замерший в очередном победном ударе, увидел падающий занавес. Он сердито повернулся. Последнее, что мы видели, были ноги актера ниже колен, целеустремленно шагающие со сцены, чтобы тут же высказать злополучному рабочему сцены все, что он о нем думает.

Я никогда не видел, чтобы Мастер смеялся так сердечно, как в тот вечер. Однако по окончании представления он не проявил никакого желания привести своего гостя в смущение. Такова природа истинной радости; хотя и с хорошим юмором — она всегда доброжелательна. В тот вечер, когда этот человек начал жаловаться, что с ним плохо обошлись, Мастер был расположен благосклонно. Он сказал утешающе: «Я понимаю». И он действительно понимал. Он мог чувс-

твовать негодование этого человека, хотя и знал, что оно основано на заблуждении, и симпатизировать ему на его уровне.

Но это была и симпатия ко всем нам, исполненным заблуждений, вдохновившая его на труд всей жизни: обучение, наставничество и самопожертвование ради нас.

Однажды в Чикаго к Мастеру подошел, пошатываясь, пьяный незнакомец и тепло обнял его:

—Привет тебе, Иисус Христос!

Мастер улыбнулся. Затем, чтобы дать человеку ощутить вкус бесконечно лучшего «напитка», которым сам наслаждался, он глубоко заглянул в его глаза.

—Э-хей, — вскричал парень заплетающимся языком, — а ш'то *ты* п'ьешь?

— Оно исключительной крепости! — ответил Мастер. Его глаза блестели. Под его взглядом человек протрезвел. Впоследствии Мастер рассказывал нам: «Я оставил его в недоумении: что же произошло?»

Особенно интересно, что этот человек обратился к Мастеру как к Иисусу Христу, хотя оливковая кожа, черные волосы и карие глаза Мастера совершенно не соответствовали общераспространенному образу голубоглазого и белокурого Христа. Более того, Мастер не носил бороды.

Женщина, которую я однажды встретил на собрании нью-йоркского центра Общества Самоосознания, описывала реакцию, сходную с реакцией этого человека. «Я купила картину,—рассказывала она мне,—в пыльном старом магазинчике подержанных вещей. Это был портрет, но мне не было известно, кто на нем изображен; я только знала, что его глаза воодушевляли меня. Я привыкла думать, что это Иисус Христос. Поместив картину на свой камин, я ежедневно молилась перед ней. Через много лет я наткнулась на «Автобиографию Йога». Увидев фотографию Мастера, я поняла, что на картине изображен тот же самый человек!»

Другая женщина, член нашего голливудского прихода, рассказывала мне: «Я глубоко молилась Богу, чтобы он приблизил меня к себе. Однажды у меня было видение человека, которого я прежде никогда не видела. Голос сказал: «Христос грядет!» Вскоре после этого друг впервые привел меня в эту церковь. Мастер проводил службу. В тот момент, когда я увидела его, я сказала своему другу: «Смотри, это то же лицо, которое явилось мне в видении!»

Еще одна посетительница голливудской церкви рассказывала мне: «За много лет до того, как я узнала что-либо о Мастере, мы с мужем мельком увидели его сквозь стекло ресторана. «Посмотри на этого человека! — воскликнула я. — Должно быть, это самое духовное человеческое существо, которое я когда-либо видела!» Через много лет я встретила Мастера и мгновенно узнала его».

Даже в детстве Мастер обладал исключительным магнетизмом. В июле 1950 года Маунт-Вашингтон посетил доктор Нагендра Натх Дас, калькуттский терапевт, друг всей жизни Мастера. Он рассказывал нам: «Еще мальчиком Парамахамсаджи притягивал людей. Его отец, высокопоставленный чиновник железнодорожного ведомства, часто давал нам бесплатные проездные билеты. И куда бы мы ни приехали, через несколько минут после его выхода из поезда вокруг нас собиралась стайка мальчишек».

В основе удивительного очарования Мастера лежал тот факт, что, видя своего беспредельного Возлюбленного во всех человеческих существах, он пробуждал в них смутную веру в присущие им самим добродетели. Безличный, как все воистину великие, он никогда не допускал и мысли со стороны других, что между ними есть какие-то сущностные различия.

Бернард, на которого Мастер возложил какое-то трудное предприятие, однажды запротестовал: «Конечно, сэр, *вы* можете это сделать. Вы *— мастер**.

— А как, по-твоему, я *стал* мастером? — потребовал ответа Гуру. — Это произошло в *действии).* Если желаешь стать сильным, не цепляйся за мысль о слабости.

«Один последователь, — как-то рассказывал нам Мастер, — сидел перед образом своего гуру, пел и бросал на него цветы, выражая преданность. Его концентрация стала чрезвычайно глубокой, и внезапно он узрел, что вся Вселенная содержится внутри него. «О, — вскричал он, — я возлагал цветы на другой образ, но теперь вижу, что я, незатронутый этим телом, являюсь Держателем Вселенной. Я преклоняюсь перед самим собой!» И он начал бросать цветы на свою собственную голову.

Когда Мастер (Шри Юктешвар) рассказал мне эту историю, я был настолько потрясен, что вошел в *самадхи.* Этот последователь говорил не от имени эго. Он возрадовался *смерти* эго».

Именно такие отношения Мастер стремился установить с нами: отношения, в которых мы осознавали бы всем своим существом, что и мы также есть То.

Лео Кокс, один из молодых монахов, некоторое время фотографировал Мастера при каждой возможности. В его комнате не хватало стен — они были почти сплошь оклеены этими фотографиями.

— Зачем ты продолжаешь фотографировать эту физическую форму? — однажды настойчиво спросил его Мастер. — Что она, как не плоть и кости? Познавай меня в медитации, если хочешь узнать, кто я есть на самом деле!

* *Самадхи* **(космическое сознание) — состояние безграничного осознания, которое приходит к йогу, разрушившему гипноз эго. Христианские святые иногда описывали это состояние как «мистический брак», поскольку душа при этом сливается с Богом и становится единой с Ним.**

А как-то раз, когда мы подавали ему еду, он заметил:

— Вы все так добры ко мне, проявляя столько внимания.

Карл Фрост, один из присутствовавших учеников, воскликнул:

—О нет, Мастер. Это вы столь добры к нам!

— Бог помогает Богу, — ответил Мастер с прелестной улыбкой. — Такова природа Его космической драмы.

Чем ближе мы становились духовно, тем меньше он старался учить нас на словах. «Я предпочитаю учить глазами»,—сказал он мне однажды. Он никогда не хотел навязывать нам свои указания, его метод обучения помогал открыть в себе глубокие источники интуитивного прозрения. Чем ближе к нему мы чувствовали себя, тем ближе подходили к познанию нашей истинной Сущности: Бога внутри нас.

ГЛАВА 22

ОТРЕЧЕНИЕ

Мое ВНЕЗАПНОЕ ОБРАЩЕНИЕ к совершенно неслыханному образу жизни произвело в моей земной семье эффект гранаты, неожиданно брошенной в дом во время неторопливого воскресного завтрака. Хотя родители твердо верили в необходимость предоставлять нам, детям, свободу следовать собственным убеждениям, но беспокойство о моем счастье сделало их далеко не безразличными к тому, что поразило их как внезапное помешательство. Я не слишком помог делу, попытавшись своим пылким красноречием убедить их, что мой выбор был единственно разумным.

Через несколько недель после прибытия в Маунт-Вашингтон я получил письмо от отца Кернана, помощника священника церкви в Скарсдейле. Не испытываю ли я, сочувственно спрашивал он, каких-либо эмоциональных или духовных трудностей? Может быть, мне нужна какая-то помощь или совет? Я был тронут его участием, но ответил, что если он действительно хочет понять, почему я оставил церковь, то мог бы прочесть «Автобиографию Йога». Через несколько месяцев он заметил моей матери: «Мы недостаточно спрашиваем с таких людей, как Дональд».

Затем приехал какой-то военный офицер (не припоминаю, какое отношение он имел к моей семье), предложил помочь, решил, что помочь не может, и уехал—по всей вероятности, чтобы сообщить, что я по крайней мере не умираю голодной смертью. Спустя какое-то время меня навестили Сью и Бад Клевелл, родственники из Вествуд-Виллидж (пригорода Лос-Анджелеса), умоляя не отрываться от семьи. Брат Боб писал мне из Нью-Йорка, интересуясь, не хочу ли я присоединиться к нему в какой-то программе жилищного строительства. Дик, мой младший брат, писал из Вильямского колледжа: «Неужели ты не смог найти то, чего хотел, в одном из монашеских орденов нашей собственной церкви?»

Бернард рассказал мне однажды о своем опыте: в его случае это были не родственники, а прежние товарищи: «Вскоре после того, как я переехал в Инсинитас, туда прибыла группа моих старых друзей. Они решили похитить меня и удерживать силой, пока я не соглашусь оставить этот «дикий фанатизм» — иными словами, пока я не стану, как и они, поклонником доллара! К счастью, меня там не оказалось: Мастер послал меня в то утро с каким-то срочным

поручением в Маунт-Вашингтон. План приятелей не удался, и вскоре они от него отказались».

Решившие посвятить свою жизнь высшим идеалам нередко встречают со стороны доброжелателей, друзей или родственников сопротивление: в виде принуждения или любви. Между бескорыстным идеализмом и мирской жизнью существует фундаментальное несоответствие. Мирское живет в постоянном ожидании личных наград и выгод, удовлетворения желаний или получения ценностей. Идеализм презирает личную выгоду, отрицает эгоистические желания и рассматривает жизнь скорее с точки зрения *отданных* ценностей. Он находит высшую пользу для себя в самом акте самопожертвования и считает истинным приобретением то, что мирская заинтересованность рассматривает как потерю. «Фанатизм», —такой вердикт обычно выносится мирскими людьми по отношению к любым, кроме самых слабых, проявлениям идеализма. Если же из чувства неосознанного стыда этот вердикт не выдвигается, в игру вступают «скрытые мотивы». Мирская заинтересованность, встретившись с самоотверженной преданностью, всегда чувствует смутное беспокойство, словно ощущая в ней скрытую угрозу всему, что ей дорого, ибо душа знает, что ее истинный дом находится не в этом мире, но в беспредельности.

Абсолютные представители этих двух крайностей, безусловно, редки. Мирская заинтересованность и отречение — качества, которые люди *проявляют* в различной степени, но никакое отдельно взятое человеческое качество не может быть достаточным для определения индивидуальности. Мирские люди одной стороной своей натуры могут даже рукоплескать героическому самопожертвованию, проявляемому другими. Многие из них, конечно же, и сами не чужды самопожертвования; фактически — странный поворот человеческой натуры! — именно мирские люди зачастую наиболее сурово осуждают тех, кто изменяет своим идеалам. И, разумеется, отрекшиеся должны, в свою очередь, вести постоянную борьбу с внутренним эгоизмом.

Но факт остается фактом: между мирской заинтересованностью и отречением, если рассматривать их абстрактно, нет и никогда не будет никакого сходства. Как сказано в Библии: «Итак, кто хочет быть другом миру, становится врагом Богу».

Друзья и родственники отрекшегося часто хотят видеть его стоящим ногами в двух лодках. Действительно, он с полным основанием может проявлять к ним любовь как к детям Бога. Но если он *с удовольствием* задерживается на мысли «это *мои* люди» или относится с одобрением к их поглощенности мирскими интересами, ему угрожает опасность потерять свое призвание. Ибо тот, кто

* **Иаков 4:4.**

стоит в двух лодках, может в конце концов упасть между ними и утонуть. Многие из отрекшихся утратили свои высшие идеалы, пытаясь примирить в собственном уме два этих противоположных мира.

В библейской притче об исходе евреев из Египта содержится глубокий духовный аллегорический смысл. Только тем евреям, которые родились в пустыне, не зная рабства, было позволено вступить в Землю Обетованную. Точно так только те ментальные качества человека, которые родились в «пустыне» медитативного молчания, — смирение, преданность и душевная радость, дары божественной милости — могут быть принесены в «Землю Обетованную» божественного единения. Прежде чем будет достигнуто Богосознание, должны умереть гордость, гнев, жадность, похоть—короче говоря, плоды человеческой привязанности к эго. («Блаженны чистые сердцем, — сказал Иисус, — ибо они Бога узрят»*.) Даже мудрое различающее эго, символизируемое в данной притче Моисеем , хотя и способно вывести человека из мирского рабства и провести через длительный процесс очищения, должно в конечном счете принести себя в жертву беспредельному свету. Моисею было позволено узреть Землю Обетованную издалека, но ему пришлось умереть, прежде чем его народ смог вступить на эту землю и жить в ней. Как говорил Иисус: «Кто потеряет душевою (другими словами, кто принесет ее в жертву) ради Меня, тот сбережет ее» .

Мирские люди в первую очередь спрашивают у жизни: «Чего *я* хочу?» Преданный Богу спрашивает только: «Чего хочет Бог?» Отречение есть внутреннее состояние сознания, а не внешнее действие. И те, кто любят Бога и хотят познать Его, семейные или одинокие, должны решиться жить лишь для Него. Путь сердца слишком узок для того, чтобы и эго, и Бог могли идти по нему вместе; один из них должен отступить в сторону и дать дорогу другому. «Жизнь для Бога, — сказал Йогананда,—это мученичество». Мученичество эго, своеволия и себялюбия; мученичество всего, за что мирское цепляется столь отчаянно. Но по-настоящему преданный духовной жизни со временем приходит к пониманию того, что это вовсе не мученичество, поскольку конец эго означает радостную свободу в единственном *истинном Я:* Боге. Мы —дети Беспредельного! Все, что привязывает нас к ограниченному существованию, оскверняет этот божественный образ внутри нас. Отречение—не жалкое самоуничижение, но сияющее утверждение целой Вселенной радости, которая принадлежит нам по праву.

амш -

5:

**** Если отбросить символизм, как сказал мне однажды Парамахамса Йогананда, М оисей был истинным учителем.**

*** **Лук. 9: 24.**

Как говорил святой Иоанн I

Чтоб обрести во всем наслажденье,
Не желай наслажденья ни в чем.
Чтобы всем обладать, ЩМН
Не желай обладанъя ничем.
Чтобы стать всем,
Не желай быть ничем.
Чтобы знанье о всем обрести,
Не желай знать ничего.

Сущность отречения состоит в том, чтобы отказаться от цепкого нищенского отношения к вещам, местам, людям, переживаниям — короче говоря, от ограничений мира, — и непрерывно жертвовать собой у стоп Беспредельного.

Йогананда говорил нам, что в начале духовного пути лучше мало или вовсе не общаться с мирскими людьми. Ибо насущно необходимо укрепить свое сердце, подготавливая его к тому, чтобы принести в дар Богу все желания, каждую мысль, каждое чувство. Никакое слабое существо не способно на такую полную самоотдачу. Трусы быстро скатываются на обочину дороги. Никто из вступивших на духовный путь только из-за внешнего его очарования не сможет выдержать испытаний, которые направлены лишь на искоренение всех природных пристрастий предающегося Богу. Чем более полно может человек отоадествиться с осознанием абсолютного самоотречения, тем более вероятно, что он добьется успеха в своем духовном поиске.

Это одинаково верно как для семейных людей, так и для монахов и монахинь. Внешнее отречение просто помогает утвердить необходимое всем внутреннее решение искать одного только Бога.

В монастырях Общества Самоосознания Парамахамса Йогананда учил нас решительно утверждать, что мы являемся сынами Бога, отвергая всякое отождествление с мирскими узами.

— Сэр, — начал я однажды,—мой отец...

— у тебя нет отца! — безапелляционно напомнил мне Мастер. — Твой Отец —Бог . *

*** Это стихотворение указывает, в частности, на тесную взаимосвязь, существующую между мистическим опытом великих христианских святых и великих йогинов. Выражения Иоанна — «всем обладать», «стать всем», и т. д. — не просто метафора. Он описывает, совершенно дословно, состояние, которое йоги называют *самадхи*, космическим сознанием. В 33-й главе представлено значительно больше подобных высказываний христианства, подтверждающих древнее учение йоги.**
«Когда же Он еще говорил к народу, матерь и братья Его стояли вне дома, желая говорить с Ним. И некто сказал Ему: вот, М атерь Твоя и братья Твои стоят вне, желая говорить с Тобою. Он же сказал в ответ говорившему: кто матерь Моя, и кто братья

—Простите, сэр. Я имел в виду—мой земной отец.

—Так-то лучше,—с одобрением ответил Мастер.

«Молоко не плавает на поверхности воды, — часто напоминал он нам,—а смешивается с ним. Точно так же, до тех пор пока ваша преданность «жидкая» — то есть не прошла испытаний,—она может быть разбавлена мирскими влияниями. Следовательно, вы должны, насколько возможно, избегать подобных влияний. Только когда «молоко» вашего сознания сбито в «масло» божественного осознания, оно будет легко плавать на поверхности воды этого мира и останется не подверженным его влиянию».

«Ум мирского человека, — сказал он однажды, — похож на решето, продырявленное желаниями, отвлечениями и беспокойством. Для человека в таком состоянии ума невозможно собрать и удержать молоко внутреннего мира».

Мастер обладал состраданием по отношению к слабым и никогда не пытался навязывать идеалы, которые выходили за пределы наших возможностей. Он принимал нас такими, как есть, и пытался вести дальше, начиная с этой точки. Поэтому даже в монастырях ученики иногда принимали его доброту и вдохновляющую поддержку за снисходительность, так и не поняв, насколько радикальной должна была быть внутренняя революция, к которой он призывал нас. Его могло удовлетворить только тотальное разрушение наших ментальных ограничений. Чем более мы отдавали себя Богу, тем больше он, воодушевленный нашей готовностью, требовал от нас. Я всегда улыбался, встречая людей, измерявших его любовь теми вещами, которые он давал им или делал для них на внешнем уровне. Его любовь заключалась не в том, что он давал нам, помимо духовности, но в том, что забирал от нас. Он осушал мелкие грязные лужи наших заблуждений не для того, чтобы в них было удобнее сидеть. Он стремился вывести нас из этих грязных луж Если ради этого ему приходилось подвергать нас временной боли, он не уклонялся от этой задачи, как честно исполняющий свой долг доктор, пытающийся вылечить пациентов от серьезных физических недугов.

В вопросах отречения Мастеру была присуща определенная суровость, он старался заставить понять, что бесповоротность самоотдачи Богу является для каждого из нас вопросом духовной жизни и смерти.

Дая Мата рассказывала историю о том, как она еще девочкой однажды пришла к Мастеру и спросила, не думает ли он, что ей нужно уйти и найти работу, чтобы поддержать свою нуждающуюся мать. Вместо доброжелательного ответа, которого она ожидала, Мастер закричал: «Уходи! Убирайся отсюда сию минуту!»

Мои? И указав рукою Своею на учеников Своих, сказал:, вот матерь Моя и братья Мои; ибо, кто будет исполнять волю Отца М оего Н ебесного, тот М не брат, и сестра, и матерь* (Матф. 12:46—50).

—Мастер, — взмолилась она в слезах,—я не хочу уходить отсюда. Вся моя жизнь — здесь!

— Так-то лучше, — ответил он очень мягко. — Ты отдала свою жизнь Богу, отрекшись от всех мирских уз. Ответственность за твою мать теперь лежит на Нем.

По приглашению Йогананды ее мать переехала жить в Маунт-Вашингтон. Она оставалась там преданной монахиней еще лет сорок, до самой смерти.

Вскоре после этого нагоняя Мастер стал относиться к Дая Мате с нежностью, как любящая наседка к своему «высиживаемому яйцу». Ибо именно с ее прихода он отсчитывал начало своего монашеского ордена.

Ничто не могло в такой степени завоевать одобрение Мастера, как готовность отречься от всего во имя Бога. Но отречение означало для него внутренний акт сердца; на внешние признаки он смотрел как на временный опыт, как на потенциальное отвлечение для искренности. Однажды в Финиксе, в Аризоне, одетый в лохмотья и непричесанный человек похвастался ему: «Я —отрекшийся». Йогананда ответил: «Но вы опять ограничены — своей привязанностью к беспорядку!» В наше время, когда ко многим аспектам духовной жизни относятся с предубеждением, он рекомендовал допускать только умеренные внешние признаки отречения. Возможно, он чувствовал, что более строгие самоограничения могут привлечь к себе слишком много внимания, подкармливая таким образом то самое эго, которое отрекшийся стремится преодолеть. К примеру, как бы сильно Мастер ни любил святого Франциска Ассизского, относясь к нему как к своему «святому покровителю», он часто говорил: «Святой Франциск любил Госпожу Бедность, я же предпочитаю Госпожу Простоту». Не важно, где находится тело или как оно одето; отречение для него было вопросом внутренней, ментальной чистоты. «Сделайте сердце своим ашрамом», — советовал он нам. Это не значит, что он полностью отвергал внешние формы—некоторые из них он приветствовал. Но он беспокоился о том, чтобы мы использовали их для того, чтобы сделать свою преданность *внутренней.*

Монастыри, подобно любому человеческому учреждению, имеют тенденцию вовлекать своих членов во внешнюю общественную работу. До некоторой степени это, безусловно, необходимо, но Йогананда настоятельно советовал нам даже в монашеской жизни сохранять некоторую обособленность от других.

«Не общайтесь с другими слишком тесно, — советовал он как-то вечером. — Желание внешнего дружеского общения — это отражение внутреннего стремления души к близкому общению с Богом. Но чем более вы стараетесь удовлетворить это желание на внешнем уровне, тем больше теряете соприкосновение с внутренним, божественным Собеседником и тем более беспокойными и неудовлетворенными становитесь».

Он часто приводил нам примеры святых, которые жили в отдалении даже от собратьев по пути. «Уединение, — говорил он нам,—цена величия». Хотя ментальное самоуглубление не приносит человеку популярности среди менее преданных учеников (Дая Мата, которая в первые годы обучения придерживалась подобного образа жизни, вскоре узнала, что ее окрестили «полуиспеченной святой»), но это кратчайший путь к Богу.

Ученики, искавшие помощи Мастера в преодолении заблуждений, получали в ответ любящую поддержку и доброжелательный совет.

«Если бы вас лишили полового влечения, — говорил он однажды вечером группе монахов,—вы бы увидели, что потеряли величайшего друга. Вы утратили бы всякий интерес к жизни. Секс дан для того, чтобы сделать вас сильными. Если бы боксеру приходилось драться лишь со слабыми, со временем он тоже превратился бы в слабака Только в схватках с сильными мужчинами он развивает силу. То же верно и по отношению к вашей борьбе с половым инстинктом. Чем более вы овладеваете им, тем увереннее замечаете, как превращаетесь во льва счастья».

Он говорил, что три величайших человеческих заблуждения — это секс, вино (под которым он подразумевал интоксиканты всех видов) и деньги. Однажды я попросил его помочь мне преодолеть привязанность к хорошей еде Он широко улыбнулся.

—Не беспокойся о таких мелочах. Когда наступает экстаз, все уходит!

Но когда дело касалось принципиальных заблуждений, он был очень серьезен и работал с бесконечным терпением, помогая нам преодолевать их.

Жажде денег он противопоставлял радости непривязанное™ и простой жизни. «Оставьте привязанность ко всем вещам, — говорил он нам, — даже к плодам своих действий. Не следует работать с мыслью о том, что вы могли бы от этого получить. Что приходит само по себе, пусть приходит. Работайте для служения Богу и ради высшего удовлетворения угодить Ему».

Жажда денег тесно связана с честолюбивым стремлением к мирской власти и признанию. «Осознайте, — сказал Мастер, — что Бог есть единственная сила ю Вселенной. Во всех своих поступках вы должны видеть Деятелем только Его; стремитесь доставить удовольствие только Ему». Он добавил: «Мирские власть, слава и богатство—как проститутки: неверны никому. Только Бог вечно останется для вас надежной опорой».

Желание «вина» Мастер связывал с глубоко укорененным желанием души избегнуть боли и страдания и возродить утраченное наследие блаженства в Боге. «Псевдо-экстазы» — так клеймил он все опьяняющие вещества и даже «опьянение» слишком длительным сном. Он побуждал учеников избегать заблуждений мирской жизни, но не пытаясь сделать ум нечувствительным к ним, а подняв-

шись над ними в высшем «опьянении» душевной радости. «Медитируйте, — настоятельно советовал он нам. — Чем сильнее вы ощутите внутри вкус Божественной радости, тем меньше вам будет нравиться вкус этих заменителей, маскирующихся под экстаз».

Сказать по правде, я знал ученика, который одно время был алкоголиком. Он получил от Мастера инициацию в *крийя-йогу* и потом практиковал технику — в буквальном смысле!—с бутылкой виски в одной руке и молитвенными четками в другой. Со временем он стал находить такое наслаждение в практике *крийя-йоги*, что однажды, в середине медитации, пренебрежительно отставил бутылку в сторону и никогда больше не притрагивался к ней.

В сексуальном желании Мастер видел не просто физический инстинкт размножения, но страстную тоску души по объединению с Богом, которая проявляется в потребности супруга. Именно этот объединяющий порыв к единству он имел в виду, говоря о половом инстинкте. Романтики в его аудиториях иногда возражали против некоторой непочтительности, с которой он часто относился к «нежной страсти». Но Йогананда был менее всего заинтересован в том, чтобы подпитывать человеческие иллюзии: его задачей было их разрушить.

«Супружество, — говорил он как-то прихожанам в церкви, — редко бывает такой прекрасной вещью, какой ее принято изображать. Я улыбаюсь, думая об обычном киносюжете. Герой привлекателен, героиня прелестна, и после всевозможных злоключений они, наконец, женятся и (предполагается, что мы в это верим) живут «долго и счастливо». И тут я думаю: «Да, со скалками и синяками под глазами!» Но, разумеется, режиссер спешит закончить историю раньше, чем перейдет в эту стадию!»

«Помните,—посоветовал он нам однажды,—не кто иной, как Божественная Мать, испытывает вас через секс. И именно Она благословляет вас, когда вы выдерживаете ее испытание». Он советовал ученикам смотреть на женщин как на живые воплощения Божественной Матери. «Они обезоружены, — сказал он, — когда вы рассматриваете их в этом свете». Мне ни разу не приходилось быть свидетелем того, как он давал наставления по этим вопросам ученицам, но, думаю, что его советы должны были основываться на поддержке в них сходного уважительного отношения — видеть в мужчинах отражение Небесного Отца или Космического Учителя. Ибо только при глубоком, божественном отношении друг к другу мужчины и женщины могут освободиться от магнетического влечения, которое зовет их искать реализации во внешнем, а не во внутреннем, *божественном* единстве.

В монастыре, как я уже отмечал, Мастер не позволял монахам и монахиням вступать в повседневное общение друг с другом. Когда нужно было встретиться по работе, он советовал не смотреть друг на друга, особенно избегая общения

глазами, и придерживаться максимально кратких и безличностных разговоров. Он был настолько строг, что не поощрял даже многих общепринятых норм учтивости, которые мужчины и женщины оказывают друг другу. Однажды, когда Мастер и я стояли на улице возле входа в ретритный дом в Твенти-Найн-Палмз, молодая монахиня вышла из машины и подошла к двери, нагруженная пакетами. Заметив, что ей трудно открыть дверь, я прошел вперед и помог ей.

—Ты не должен был этого делать, — сказал мне Мастер, когда она вошла в дом.—Соблюдай дистанцию, и они всегда будут уважать тебя.

Только когда человек прилагает усилия, чтобы преодолеть заблуждение, он открывает силу, лежащую в его основе. «Как только возникает первая мысль о сексе, —сказал Мастер,—самое время поймать ее». Мирские люди насмехаются над подобными преувеличенными, по их мнению, мерами предосторожности. Мне приходилось слышать их восклицания: «Абсурдно предполагать, что каждый раз, когда я смотрю на лицо противоположного пола, я тут же испытываю искушение!» Но основное влечение, которое рано или поздно может найти внешнее выражение в отношении к конкретной особе и которое в любом случае может отвлечь сердце от однонаправленной преданности Богу, начинается задолго до возбуждения заметного влечения к определенному человеку. Корни его лежат в инстинктивном удовольствии от простой абстракции «мужчина» или «женщина». Этому подвержен любой возраст. Одна женщина рассказывала мне, что ее маленькая дочь, едва начав ходить, в присутствии маленьких мальчиков хихикала особым образом. Именно этот глубокий, инстинктивный и обычно не имеющий конкретного направления отклик имел в виду Йогананда в большинстве случаев, когда говорил, что нужно проследить искушение «до первой мысли». Годы самонаблюдения научили меня, что, если человек сможет поймать этот первый тончайший отклик—столь редко замечаемый большинством людей — и мгновенно обезличить его, мысль о подобном влечении совершенно исчезает из ума. Но даже при этом он должен быть бдительным. «Человек не застрахован от заблуждений,—сказал Йогананда,—пока не достигнет высшего, *нирбикальпа, самадхи*.

Отказ от мира—это только негативная сторона преданности. Мастер обычно подчеркивал ее позитивную сторону. «Ничто не может затронуть вас, — говорил он нам, —- если вы в душе любите Бога». И все же имеется красота в самом акте полной самоотдачи Богу, которая делает отречение даже в его наиболее ограниченном, негативном аспекте одним из самых героических и благородных призваний, которые только возможны для человека.

* *Нирвикальпа* — «неколебимое». Замена «в» на *<б** характерна для южноиндийского, бенгальского произношения. —*Пришед.*

Бернард рассказывал мне об одном случае, когда для встречи с Парамахамсой Йоганандой посетитель приехал из Индии. Мужчина был принят Сестрой Гьянаматой и проявил бестактность, надменно обращаясь с ней — как будто бы, служа своему гуру, она была всего лишь его служанкой. Позже, воодушевленный беседой с Мастером, он извинился перед ней.

«В Индии, — сказал он, — нас учат уважать в каждой женщине жену и мать. Простите, пожалуйста, что я не оказал вам эту дань уважения раньше». «Я предлагаю ее вам сейчас», — с улыбкой заключил он.

Сестра Гьянамата в своей обычной безличностной манере ответила: «По крайней мере половина людей в мире — женщины. Большинство из них рано или поздно становятся матерями. В самом этом факте нет ничего, заслуживающего особого уважения. Но вы могли бы, если хотите, отдать дань уважения тому факту, что в этой жизни я приняла обет отречения».

Посетителю оставалось только поклониться. Ибо для всех людей, будь они одинокими или семейными, отречение от эгоистических желаний и привязанностей является средством открытия того божественного внутреннего образа, который единственно придает человеку смысл в более великом плане всех вещей.

ГЛАВА 23

БОГ ЗАЩИЩАЕТ ПРЕДАВШИХСЯ ЕМУ

ОДНАЖДЫ ВО ВРЕМЯ ОБЕДА в столовую с ошеломленным видом вошел Норманн.

«Сегодня утром,—объявил он с дрожью в голосе, —я вел большую грузовую машину вниз по Маунт-Вашингтон. Подъехав к самому крутому месту холма, я нажал на тормоз, чтобы замедлить движение перед крутым виражом, но моя нога провалилась до пола! Я неистово жал на тормоза: никакой реакции. В это время машина шла так быстро, что спрыгнуть было невозможно. Я моментально понял, что разобьюсь насмерть, врезавшись в край крутой насыпи. В отчаянии я взмолился Мастеру: «Неужели это то, чего ты хочешь?»

Вдруг машина замедлила ход до полной остановки! Тормоза по-прежнему не работали, но я смог безопасно подрулить к обочине и заблокировать переднее колесо.

Какое благословение, — завершил Норманн, — иметь своим гуру осознавшего Бога мастера!»

Будучи учениками великого йога, мы часто обнаруживали, что стоит только нам мысленно воззвать к Мастеру, как тут же удается избежать несчастья.

За год до чудесного спасения Норманна другой ученик, Джерри Торджерсон, добирался автостопом в Лос-Анджелес. Мастер не советовал путешествовать таким способом, но Джерри, как и многие другие молодые американцы, чуть ли не с младенчества привык к автостопу; очевидно, ему, чтобы изменить свои привычки, требовалось нечто большее, чем брошенный мимоходом запрет Мастера.

—Меня подобрали три парня,—рассказывал он нам.—Мы ехали по шоссе, когда внезапно (как — не могу сказать) я *понял*, что они преступники. «Я хочу выйти здесь», — сказал я им. Но они не остановились.

Проехав некоторое расстояние, мы свернули с главной дороги и подъехали по открытой сельской местности к уединенному дому. Один вышел; двое других остались со мной в машине.

Не знаю, что было у них на уме, но должен вам сказать, что я порядком испугался. Я начал молиться Мастеру о помощи.

Итак, первый парень вышел и постучал во входную дверь. Никакого ответа. Он обошел вокруг дома, крича и стуча в каждое окно и дверь. Ответа по-прежнему не было. К этому времени двое мужчин в машине начали беспокоиться. ♦Давайте убираться отсюда!» —нервно выкрикивали они. Первый парень возвратился назад такой же нервный. Мы вернулись на главную дорогу, и они разрешили мне выйти. Как только я захлопнул за собой дверцу, они рванули с места на высокой скорости.

Я так и не узнал, что у них было на уме, но было очень похоже, что они намеревались использовать меня в каком-то преступлении.

Я никому не рассказал об этом. На следующее воскресенье, после церкви, я подошел к Мастеру для благословения. Увидев меня, он сразу же сделал мне выговор: «Видишь, Джерри? Я *говорил,* чтобы ты не ездил автостопом! Мне пришлось заткнуть уши всех людей в том доме, чтобы они не услышали этого человека, когда он звал их».

Несколько месяцев спустя Джо Карбоун и Генри Шауфельбергер (ныне — Братья Бималананда и Анандамой) штукатурили лотосовую башню, служащую входной аркой в ограде голливудской церкви Общества Самоосознания. Джо смешивал и подносил штукатурку. Генри на высоте около двадцати футов накладывал ее на стену. Лестница, которую использовал Джо, была установлена под слишком крутым углом.

Как-то раз, когда он, взбираясь по ней, потянулся, чтобы ухватиться за верхнюю перекладину, она выскользнула у него из рук. Тяжелый лоток за плечами стал тянуть его назад; он уже ни одной рукой не мог дотянуться до перекладины. Падение с шестиметрой высоты со всей этой тяжестью за плечами вполне могло убить его. Осознав, что уже слишком поздно спасать себя самому, он поспешно подумал о Мастере; вслух же он пропел *Ом!*

Впоследствии оба они засвидетельствовали, что в следующий момент произошло следующее: когда Джо пел, какая-то невидимая сила медленно поставила его в вертикальное положение. Секундой позже он снова смог ухватиться за перекладину. С облегчением ловя ртом воздух, он закончил сюй подъем.

Прорабом на этом строительстве был Энди Андерсон, профессиональный плотник и строитель, нанятый со стороны для наблюдения за нашей работой. Он ничего не знал о нашей философии и часто подсмеивался, что ему приходится работать «со всеми этими йогами!». Но в его голосе не было сомнения, когда он рассказывал мне о том, как стал очевидцем сверхъестественного примера защиты:

—Как все ваши парни не убились на этой работе, я не могу себе представить. Вы просто недостаточно осторожны. Я однажды стоял совсем рядом, когда кто-то сбросил с лесов длинную доску, даже не посмотрев, нет ли кого-нибудь

внизу! Еще один из ваших йогов стоял внизу, ничего вокруг не замечая. Доска ударилась об землю под таким углом, что, переворачиваясь, никак не могла не задеть его. Она могла его убить.

—Берегись! — завопил я.—И тут же доска, клонившаяся в *его* направлении, хотите верьте, хотите нет, встала вертикально и, держите *мет, упала в противоположном направлении*/Я *знаю*, что мне не померещилось.

Энди в конце концов стал учеником-мирянином.

Джеймс Коллер рассказывал нам о другом происшествии с автостопом, когда они с одним монахом подвезли человека. Оба монаха сидели впереди. «Когда мы подобрали этого человека, — сказал Джеймс, — на переднем сиденье не было места, и он сел сзади. Мы поехали дальше, и через несколько минут я внезапно внутренним слухом услышал голос: «Осторожно! У него нож!» Я быстро обернулся. Мужчина наклонился вперед со злодейским выражением лица. В поднятой руке его был зажат нож; он уже занес для удара руку над парнем, сидевшим рядом со мной, который уставился вперед, ничего не подозревая.

— Опусти нож! — решительно скомандовал я. Он был настолько изумлен, что подчинился. Я остановил машину. Он вышел, не сказав ни слова.

За почти тридцать лет своего пребывания на этом пути я не могу вспомнить ни единого случая, когда ученику Йогананды не удалось бы обрести защиту во время истинной нужды. Учитывая длительность обозреваемого периода и несколько тысяч учеников, которых я знал, это совершенно потрясающее достижение.

Наиболее поразительными были случаи, происходившие с людьми, полностью вверившими свои жизни заботе Гуру. Доктор Льюис рассказывал об эпизоде, подобном тому, что произошел с Норманном. Холодной зимней ночью он ехал на машине в Массачусетс. С ним были две соученицы, миссис Лаура Элиотт и миссис Алиса Хасей (Сестра Йогамата). На подъезде к узкому мосту они вдруг обнаружили, что путь заблокирован другой машиной, которую занесло боком поперек обледенелой дороги. Катастрофа казалась неизбежной.

— И тут, — сказал доктор Льюис, — мы почувствовали, словно гигантская рука надавила на капот нашей машины. Мы немедленно остановились, наша машина в безопасности замерла на дороге. -ydSal

Сеньор Дж М. Куарон, лидер центра Общества Самоосознания в Мехико, рассказал мне о следующем инциденте.

«Я очень долго не мог найти никакой работы, хотя крайне нуждался в ней. И вот однажды пришло отличное предложение от компании из Матамороса. Чтобы принять эту работу, мне нужно было уехать из Мехико, поэтому я послал Мастеру письмо с просьбой разрешить мне передать Центр в другие руки. К письму я отнесся как к простой формальности, ибо был уверен, что Мастер

поздравит меня с такой большой удачей. Теперь представьте мое удивление, когда он ответил телеграммой: «Нет. Абсолютно исключено. Ни при каких обстоятельствах не соглашайтесь на эту работу!» Признаться, я был слегка расстроен, но, несмотря на это, поступил так, как он сказал.

Через месяц в газетах появились сообщения: компания, предлагавшая мне работу, была уличена в мошенничестве. Все ее сотрудники оказались в тюрьме, включая человека, занявшего предложенный мне пост. Он не знал о бесчестности фирмы, как не знал о ней и я, но в силу занимаемого положения попал за решетку. Только по милости Мастера я избежал этого несчастья!»

В жизни, разумеется, должны встречаться испытания. Они возникают и на духовном пути, ибо, если идущие по нему хотят избегнуть *пут майи* (иллюзии), им придется усвоить уроки, необходимые для развития мудрости. Мастер не оберегал нас от испытаний, необходимых для роста. В данном случае, избавив сеньора Куарона от позорного ареста, он так и не помог ему в трудоустройстве, к которому тот столь сильно стремился. На самом деле сеньор Куарон имел достаточно денег, чтобы вести простую жизнь, как и подобает отрекшемуся от мира йогу. Очевидно, Мастер не видел оснований, чтобы помочь ему вернуться на прежний уровень богатства.

Наши испытания всегда были благословением; Мастер избавлял нас от откровенной неудачи. И там, где испытание не требовалось для духовного роста, Мастер часто удалял его с пути ученика.

Я помню, как он «расколдовал» ученика (не из близких), который испытывал трудности с зарабатыванием денег. Это был Ричард, брат Жана Гаупта. Вскоре после вмешательства Мастера этот человек сделался вполне состоятельным.

В1955 годуя отправился в лекционное турне по Швейцарии. Там я встретил одну женщину из Чехословакии, и она рассказала мне историю, связанную с профессором Новицким, ныне покойным, лидером маленькой группы Общества Самоосознания в Праге.

— Однажды, — сказала она, — уже после ухода Йогананды, к профессору Новицкому пришел незнакомец и попросил наставлений в йоге. Профессор не знал, что ему делать. Обычно он держал свою духовную деятельность в секрете, чтобы не подвергать себя преследованиям. Если этот человек — подлинный искатель, профессору хотелось бы помочь ему. Но если бы он оказался правительственным шпионом, любое признание в увлечении йогой могло привести профессора в тюрьму. Наш друг помолился о водительстве. Вдруг за спиной самозваного «искателя духовности» появился Парамахамса Йогананда. Мастер медленно покачал головой, затем исчез. Профессор Новинский сказал посетителю, что тот обратился за информацией по неправильному адресу. Впоследс-

твии он узнал, что человек действительно был агентом правительственной спецслужбы.

— Сейчас я свободно могу рассказывать эту историю, — продолжала моя собеседница, — профессор недавно скончался естественной смертью.

В январе 1959 года чудесным образом была спасена моя собственная жизнь. Это случилось в Индии. Я готовился к религиозному собранию в Дакшинешваре, в окрестностях Калькутты, на котором основным докладчиком должна была выступать Дая Мата. В мою задачу входило обеспечение звукоусилительной аппаратурой. Я обеими руками взялся за микрофонную стойку, чтобы передвинуть ее. Вдруг мое тело подпрыгнуло, пронзенное напряжением в 230 вольт. Я невольно закричал. Такое высокое напряжение сжимает мышцы, не позволяя отпустить удерживаемый предмет. В данной ситуации, неспособный освободиться от металлической стойки, я наверняка бы погиб. Но в этот самый момент неожиданно перегорел предохранитель. Собрание пришлось отложить на полчаса, пока мы устанавливали другой предохранитель, зато моя жизнь была спасена. Единственным болезненным последствием была легкая аритмия сердца, продолжавшаяся два-три дня.

Смерть рано или поздно должна прийти к каждому, но, когда она посещала учеников на этом пути, я бывал поражен ее красотой и достоинством.

Один из постоянных посетителей нашей церкви в Голливуде скончался от удара. Его жена потом рассказывала мне: «В свои последние минуты муж прошептал мне с любовью: “Не печалься, дорогая. Я так счастлив! И я вижу свет, яркий свет, окружающий меня со всех сторон”».

Еще одна прихожанка, которая знала Мастера с первых лет в Америке, воскликнула в конце жизни: «Свамиджи здесь!» Лицо ее сияло; она блаженно улыбалась.

Последние слова Сестры Гьянаматы были: «Какая радость! Безмерная радость! Безмерная радость!»

Ученики, умиравшие от рака или других болезненных недугов, уходили мирно, с улыбкой на губах.

Люди часто указывают на страдания человечества как на доказательство того, что Бог либо не существует, либо не заботится о своих детях. Парамахамса Йогананда отвечал на это, что люди недостаточно заботятся о том, чтобы настраиваться на «волну» помощи Бога. Своим собственным безразличием они создают те проблемы, которые впоследствии с обвинениями возлагают на Него. Если при дневном свете кто-то ходит с закрытыми глазами, он может удариться и ушибиться. Закрывая глаза для света, человек создает собственную темноту. Закрывая сердце для любви, он творит собственный страх, ненависть или безразличие. Закрывая душу для радости, он творит собственное страдание.

Раз за разом я наблюдал, как исполняется обещание Йогананды о том, что верные последователи его пути будут защищены. «К тем, кто останется сонастроенным до конца, — добавил он, — приду я или другой из мастеров, чтобы ввести в Царство Божие». Поистине, в жизни Парамахамсы Йогананды нашли подтверждение слова великого Свами Шанкарачарьи: ♦Ничто из существующего в трех мирах не может сравниться с истинным гуру».

Вероятно, в том и заключается величайшее свидетельство помощи Бога преданным ученикам, что, когда душа глубоко жаждет Его, Он посылает ей высшее благословение в лице пробужденного в Боге мастера, который ведет ее прямым путем в Беспредельность.

ГЛАВА 24

ИСТИННОЕ УЧЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНО

ПОРОЙ НАМ ПРИХОДИТСЯ слышать сетования: «В христианском мире слишком много вероисповеданий». Смею заметить, что, если бы оно было единственным, все равно форм христианства было бы столько же, сколько и христиан. Ибо понимание каждого человека обусловлено его специфическим опытом, устремлениями, взглядом на жизнь, — короче говоря, его бытием. Он может каждое воскресенье наизусть читать в церкви Никейский Символ Веры, и все же вкладывать в это такой смысл, который удивил бы некоторых из его верующих собратьев. Бывало, что в «Отче наш» детям слышалось «Хлеб наш надкушенный дай нам съесть» или «Не веди нас в больницу с семьями». Мы улыбаемся их невежеству. Но разве есть в нас абсолютная уверенность, что мы действительно знаем все, что подразумевается в молитве «Отче наш» или в «Символе Веры»?

В своих усилиях понять друг друга мы сталкиваемся с той же проблемой. Даже наиболее близкие нам люди на определенном уровне своего естества остаются для нас книгой за семью печатями. Что же тогда сказать о Мастере, осознавшем Бога? Стоит ли даже *пытаться* постичь его необъятную природу?

Я всегда изумлялся, когда товарищи по ученичеству рассказывали мне о своих попытках *понять* Мастера. Это поражало меня в не меньшей мере, чем если бы они пытались понять Вселенную! Но задача, которую Беспредельность вложила в наши руки, гласит: «Пойми себя — *познай* себя». Изучать жизнь Мастера не с целью понять его, но для более глубокого прозрения в свою *собственную* истинную природу, в собственный потенциал божественного раскрытия —вот мудрый способ использования способности к различению.

Сам Мастер для каждого из нас был безупречным зеркалом. Он выявлял перед нашим внутренним взором тончайшие реакции нашей высшей природы. Его совершенная способность выходить за пределы собственных границ никогда не переставала изумлять меня. В компании другого человека он в некотором смысле *становился* этим человеком. Я не имею в виду, что он допускал наши слабости или мелочность, гневное или подавленное настроение. Скорее, он показывал нам того молчаливого наблюдателя, которого мы скрываем глубоко в себе.

Удивительной особенностью наших отношений с ним было то, что я никогда не мог ясно вспомнить, как он выглядит. Мне нужна была фотография, чтобы воспроизвести в уме его образ. И даже среди его фотографий я никогда не видел двух подобных. Когда он на снимке позирует вместе с кем-то, он неуловимым образом похож на этого человека. На снимке с сеньором Портесом Гилем, президентом Мексики, он выглядит как сеньор Гиль. Позируя с Амелитой Галла-Курси, великой оперной певицей, он выглядит странным образом похожим на нее. Сфотографированный с Гудвином Дж. Найтом, вице-губернатором Калифорнии, он кажется почти что «вторым я» мистера Найта. Рядом с любым из своих учеников он словно бы становится этим учеником. Удивительно, как одно лицо может воспроизводить такой широкий диапазон различных выражений. Но, разумеется, изменялось не его лицо$_A$ а сознание, стоящее за ним. Мастер пошел дальше, чем простое видение бога в каждом из нас: он *стал* этим богом, чтобы мы сами смогли увидеть собственный божественный потенциал и лучше понять, как Господь хочет выразить себя через наши жизни.

О Мастер! Если бы я только мог постичь столь же ясно, как сейчас, все великолепие твоего дара нам! Но, полагаю, что, даже поняв это, к нынешнему времени я сокрушался бы не меньше. Ибо эволюция никогда не прекращается, пока в конце концов не охватит вечность.

В обучении подход Мастера к каждому из нас был индивидуальным. Это не означало, что он *изменял* основы своего учения для удовлетворения наших личных потребностей. Скорее, это было не различие, а расстановка ударений. Для некоторых он делал акцент на позиции служения; для других—на глубоком погружении в себя. Одному он подчеркивал необходимость большей радости, другому — меньшего легкомыслия. Его акценты были расставлены слишком тонко, чтобы это можно было выразить словами. Он передавал их интонацией голоса, выражением глаз, кивком головы. То, что он говорил одному человеку, он мог никогда не сказать кому-то другому. В самом реальном смысле он был исключительно сокровенным, божественным другом для каждого из нас.

Кто-то может предположить, что в нашем деле он чтил основной принцип любой хорошо поставленной организации: «Максимально используйте индивидуальные таланты». Но для Мастера такая практика означала бы *использование* своих учеников, а его всегда заботили в первую очередь наши духовные нужды. Иногда он даже снимал с нас какое-то важное задание — даже такое, в котором никто другой не мог нас заменить, — просто для того, чтобы помочь нам

Эти три фотографии можно увидеть в публикациях Общества Самоосознания: «The Golden Anniversary booklet* и «Paramahansa Yogananda, in Memoriam*.
Автор пишет слово со строчной буквы, проводя различие между *дживатмой* **(ограниченной душой) и** *Параштматм* **(безграничным Духом). —** *Прим. ред.*

духовно. Иногда он ставил людей в ситуацию, для решения которой они не имели достаточной квалификации, с намерением побудить их развить необходимые духовные качества. В другое время он давал работу, которая нам не нравилась—не потому, что мы для нее хорошо подходили (я помню плотницкую работу, на которую он однажды меня поставил: на каждое попадание молотка по гвоздю приходилось девять промахов), но потому, что эта работа хорошо подходила для нас. Возможно, нам необходимо было научиться каким-то духовным качествам — к примеру, преодолевать нежелание.

Иногда он не поручал людям работу, для которой они имели великолепную квалификацию, просто потому, что данный опыт уже не нужен был им для духовного роста. Можно было предположить, что он призовет наиболее продвинутых учеников помогать ему в работе в качестве священников. Действительно, он говорил, что назначает священниками только тех, кто в предыдущих жизнях приобрел требуемую духовную подготовку. Но, наряду с наличием необходимой квалификации, еще более важным был вопрос, что необходимо нам для собственного роста. Однажды, беседуя со мной о Раджарши Джанакананде, своем самом продвинутом ученике, он сказал: «Когда-то он возглавлял центр в городе Канзас, но я попросил его сложить с себя эту обязанность. Служба в таком качестве больше не нужна для его духовного развития».

Сестра Гьянамата, наиболее духовно развитая его ученица и человек глубокой мудрости, могла бы оказывать огромную помощь, если бы давала лекции, вела уроки и писала статьи для журнала Общества Самоосознания. Но Мастер никогда не просил ее послужить в каком-либо из этих качеств. Такая работа просто не была необходимой для ее духовного роста. Однажды я попытался уговорить ее и нескольких других старших учеников написать статьи для «Журнала Самоосознания». Мои усилия явились ответом на просьбу Мастера сделать публикации этого издания, выходившего раз в два месяца, более привлекательными и полезными для среднего читателя, с «короткими, практическими статьями», как он сказал, «по техникам и по принципам правильной жизни — статьями, предназначенными помочь людям на всех уровнях: физическом, ментальном и духовном». Я попытался привлечь к работе как можно больше людей, естественным образом полагая, что чем выше духовное развитие автора, тем лучше будет статья. Но, к моему изумлению, ни от Гьянаматы, ни от кого-либо еще из тех, на кого я надеялся, я так и не дождался ответа на свое обращение. Это было мое самое первое столкновение с истиной, что учение Мастера индивидуально. Первая, инстинктивная реакция («Неужели они не хотят исполнить юлю Мастера?») противоречила тому, что они должны знать о его воле гораздо больше, чем я. Я был вынужден в конце концов прийти к заключению, что, когда Мастер хотел усовершенствовать журнал, он вовсе не считал необходимым

«свистать всех наверх» для его улучшения. Дело было не столько в том, *чего* он хотел, сколько от *кого* он хотел этого.

Меня же никогда не покидало глубоко укоренившееся желание поделиться радостью с другими. Испытав на себе духовные страдания, я глубоко чувствовал страдания других и стремился сделать все, что было в моих силах, чтобы помочь им утешиться. Мастер откликнулся на это глубокое внутреннее стремление и с самого начала готовил меня к службе на общественном поприще.

В январе 1949 года он назначил меня на работу в офис, поручив отвечать на письма. Я печатал их в своей комнате, поскольку в то время не было отдельного кабинета для монахов. Вначале письма, как правило, выходили слишком длинными.

— Когда-то я знал женщину-прозаика, — сказал мне однажды Мастер, в качестве совета, — которая заканчивала свои письма так; «Если бы у меня было больше времени, это письмо вышло бы короче». Он еще не раз корректировал меня, чтобы наше учение было представлено другим лучше.

Через некоторое время после назначения сочинителем писем он попросил меня изучить полный набор уроков Общества Самоосознания. Его обоснование этой работы бесконечно изумило меня: «Я хочу, чтобы ты внес свои предложения по их улучшению». Я знал, что на самом деле он хотел заставить меня как можно глубже изучить эти уроки.

Вскоре после этого он сделал меня официальным экзаменатором. Работа заключалась в проверке и выставлении отметок за ответы учеников на контрольные работы, которые в те дни высылались по завершении уроков каждой ступени.

Подобными средствами Мастер стремился заложить во мне твердые основы своего учения.

В марте 1949 года он попросил меня написать статью для нашего журнала. Я начал писать под псевдонимом Роберт Форд. Моя проба пера, «Вы можете изменить свою личность», была напечатана на первых страницах выпуска за май-июнь того года.

Однажды вечером Мастер послал за двумя или тремя из нас и подробно рассказал о своей работе в Индии. Меня пронзила острая интуитивная догадка, что когда-нибудь Мастер пошлет меня в эту страну. Я усердно конспектировал все, что он сказал. Через несколько дней я увидел его стоящим наверху, на своей террасе.

— У меня есть планы в отношении тебя, Уолтер, —- заметил он с тихой улыбкой.

Нисколько не сомневаясь в его намерениях, я был вне себя от восторга. Но когда я ушел от него, ко мне явилась мысль: «Поехать в Индию означает расстать-

ся с Мастером!» Чудовищность такой ужасной потери ввергла меня в глубокую депрессию. «Мастер — вот моя Индия! — молча кричал я. — Что я могу найти там такого, чего у меня не было бы здесь, в этом месте?»

Постепенно плохое настроение отпустило меня. Немного успокоившись, я подумал, что Мастер наверняка не захочет от меня ничего, что не послужило бы для моей духовной пользы. Два дня спустя я вновь увиделся с ним. К тому времени депрессия уже прошла.

— Отныне — больше никаких приступов дурного настроения, — мягко сказал Мастер при встрече. — Иначе как ты сможешь помогать людям?

В течение следующих трех лет он каждый год строил планы поехать в Индию и взять меня с собой. Каждый раз путешествие откладывалось. Смерть Мастера отменила его в третий раз, уже окончательно. В итоге я все же был послан в Индию в 1958 году и прекрасно провел там почти четыре года.

Как-то в феврале или в марте 1949 года Мастер поручил мне стоять на улице у выхода из голливудской церкви после воскресной утренней службы и пожимать руки выходившим людям. В своих уроках он утверждал, что, пожимая друг другу руки, люди обмениваются магнетизмом. Таким образом, Мастер хотел, чтобы я не просто приветствовал людей, но выполнял роль проводника его благословений для других. После первой попытки я почувствовал такой отток энергии, что у меня даже закружилась голова. Видимо, люди бессознательно оттягивали энергию из меня, сознавая, что я служу представителем Мастера.

— Мастер, — сказал я после этого, — я не верю, что готов для такой работы. —Я объяснил, что случилось.

— Причина в том, что ты думаешь о себе, — ответил он. — Думай о Боге, и ты обнаружишь, как сквозь тебя течет *Его* энергия.

Его предложение сработало. Придерживаясь мысли о Боге, я обнаружил, что после пожатия рук прихожанам действительно чувствую больший подъем, чем до этого.

— Когда умрет это «я», — написал Мастер однажды в рифмованных строках, —тогда я познаю себя.

Моя работа в офисе включала рассылку в газеты еженедельных анонсов, в которых сообщалось имя священника, который будет выступать в церкви в следующее воскресенье, и тема его проповеди. Мастер раз в две недели читал лекции в нашей церкви в Сан-Диего, чередуя ее с Голливудом. Однако в последние месяцы он лишь изредка навещал Сан-Диего. Членам этой церкви, вечно горящим желанием увидеть его, было сказано заглядывать на церковную страницу «Сан-Диего Юнион» каждую субботу. Когда бы Мастер ни приехал, церковь всегда была переполнена.

В одну из недель мая мне поручили послать объявление, что Мастер появится в Сан-Диего в следующее воскресенье. С его последнего посещения прошло по крайней мере два месяца. Я с улыбкой подумал, какую радость доставит это прихожанам.

В субботу утром Бернард вошел в мою комнату с шокирующей вестью: «Мастер, как выяснилось, не сможет поехать в Сан-Диего. Он хочет, чтобы ты выступил вместо него».

—*Я?!* Но... но я еще ни разу за всю свою жизнь не читал лекций!

— Он также хочет, — продолжал Бернард с пугающей бесстрастностью, — чтобы после этого ты дал инициацию в *крийя-йогу.*

—Что?! Но я же присутствовал только на одной инициации!

— На двух, — поправил меня Бернард. — Мастер инициировал и тебя в прошлом октябре в Твенти-Найн-Палмз — помнишь?

— Ну, хорошо, на двух. Какая, собственно, разница? Я имею в виду — да, конечно я послушаюсь его, — но... О, эти бедные люди!

— Тебе придется инициировать только одного из них, — утешил меня Бернард. — Вот деньги на автобус. Тебе лучше ехать немедленно.

Через несколько часов в Инсинитасе Преподобный Майкл (ныне — Брат Бхактананда) описал мне в общих чертах церемонию инициации в *крийю.* Кроме того, я усердно работал над своей проповедью. На следующее утро я с упавшим сердцем ехал вниз, в Сан-Диего. В маленькой комнате позади церкви я отчаянно молился о помощи и водительстве. Когда подошло время проповеди, я, как было принято в те дни, вышел и сел на стул в центре сцены. Через закрытый занавес до меня отчетливо доносился приглушенный гул большой, нетерпеливо ожидающей толпы.

Ужасный момент настал. Я поднялся. Занавеси разошлись. Мои худшие опасения сбылись: церковь была набита до отказа. Люди стояли в проходах, некоторые вытягивали шеи, пытаясь заглянуть в окна. Я мог почувствовать их шок почти как физическую волну. Вместо долгожданного Гуру перед ними стоял неизвестный мальчишка двадцати двух лет с довольно потерянным видом, спрашивая, чувствуют ли они — все еще? — пробужденность и готовность. Я так сочувствовал их разочарованию, что забыл о затруднительности собственного положения. Если бы все вышли, я бы их понял. Но регулярная медитация, как мне думается, сделала их снисходительными. Ни один не ушел.

Инициация в *крийю* во второй половине дня вызывала во мне даже больший страх, чем служба. Мишель Эванс, дама, которую я инициировал, выглядела такой же испуганной, как и я, заразившись, как она впоследствии призналась, моим страхом. Но сильное ощущение благословений Мастера вскоре рассеяло

тревогу. Церемония прошла благополучно. В тот вечер я вернулся в Маунт-Вашингтон быть может согнувшимся, но не побежденным.

Позже Мастер получал комплименты по поводу моей лекции. «Больше всего, — с удовлетворением сообщил он, — им понравилась твоя скромность». Я подумал, что при подобных обстоятельствах скромность была неизбежной!

Начиная с этого времени Мастер регулярно посылал меня читать лекции в церквах Сан-Диего и Голливуда. На публике он обращался ко мне «Преподобный Уолтер», хотя формальности действительного рукоположения были завершены не раньше чем через год.

«Ваше желание быть счастливыми,—часто говорил он нам, —должно включать счастье других». Мое сердце всегда знало, что наступит день, когда я буду призван служить другим через наставничество и чтение лекций. Была ли тому виной скромность, за которую Мастер иногда хвалил меня, или более темные мотивы нежелания, но прошло еще немало лет, прежде чем я смог заставить себя поверить, что мои лекции хоть кому-то принесли пользу.

Тем не менее Мастер дал мне ясно понять, что ожидает от меня принятия этой ответственности всерьез. «Сэр, — однажды оправдывался я, — я не хочу быть лектором!»

— Лучше бы ты научился любить это дело, — доброжелательно ответил Мастер.—Это то, что тебе придется делать.

На неформальных собраниях монахов в разговоре он обычно обращался ко мне—словно желая заставить меня впитать его философию до глубины души. В таких случаях я думал: «Должно быть, я настолько поверхностный ученик, что он не позволяет мне закрывать глаза и медитировать в его присутствии». Именно это мне хотелось делать. Но Мастер откликался на более глубоко укорененные стремления моей натуры и очень тонко подчеркивал, что работа по постижению его философии и разделению ее с другими необходима для моего собственного роста.

ГЛАВА 25

РАБОТА ИЛИ МЕДИТАЦИЯ

МАСТЕР ОДНАЖДЫ ПРЕПОДАЛ мне хороший урок того, как мы должны относиться к своей работе». Миссис Вера Браун (ныне — Мира Мата), одна из старших и продвинутых учениц (позже Мастер возложил на нее ответственность за обучение некоторых новых учениц), поделилась со мной некоторыми уроками, преподанными ей нашим гуру:

«Ты слишком много работаешь,—сказал мне однажды Мастер.—Ты должна работать меньше. Иначе ты подорвешь свое здоровье».

«Очень хорошо, — подумала я, — постараюсь не работать так много». Два или три дня спустя, к моему огромному удивлению, Мастер поручил мне выполнять *больше* работы!»

Глаза миссис Браун сверкнули. «Хорошо, Мастер, — подумала я, — должно быть, вы знаете, что делаете». Я приступила к своим новым обязанностям, но меня не покидало недоумение: «Как совместить эту дополнительную работу с его рекомендациями работать .меньше/'»

Итак, еще через пару дней Мастер вновь сказал мне, на сей раз строго: «Ты *не должна* работать так много. В этой жизни ты проделала работу, которой хватит на несколько воплощений».

Что мне было делать? Я вновь попыталась сократить свою деятельность, чтобы через два или три дня увидеть, что Мастер дает мне больше работы, чем когда бы то ни было!

Мы повторили эту маленькую сценку несколько раз. Каждый раз, когда Мастер велел мне работать *меньше,* он вскоре увеличивал объем обязанностей, что заставляло меня работать *больше.* Я полагала, что он должен знать, что делает, и что именно мне нужно постараться понять, в чем тут дело.

Наконец пришел день, когда я посмотрела на Мастера. «Сэр,—сказала я, — почему бы в нашей жизни здесь не заменить слово “работа” словом “служение”?»

Мастер засмеялся. «Это был хороший спектакль, — сказал он. — Всю свою жизнь ты думала: *«Работа, работа, работа!»* Сама эта мысль истощала тебя. Но ты только посмотри, насколько иначе чувствуешь себя, когда думаешь о работе как о божественном служении! Действуя в угоду Богу, ты можешь делать *вдвое* больше, и никогда не почувствуешь усталости!»

Миссис Браун, чье хрупкое тело, казалось, никогда не покидала энергия, сколь бы много она ни делала, весело засмеялась:

— Вы знаете, сама мысль о действиях в угоду Богу наполняет нас *Его* энергией. Мастер говорил нам, что именно наше нежелание перекрывает этот поток энергии.

—Воистину,—задумчиво ответил я, — каждый раз, применяя этот принцип на практике, я обнаруживал, что он чудесным образом срабатывает. Но, — продолжал я, — я столкнулся еще с одним препятствием: быть слишком усердным. Что можно сделать в таком случае?

— Как можно быть слишком усердным?

— Ну, я имел в виду, что прихожу в состояние чрезмерного энтузиазма в отношении своих занятий. В результате я теряю внутренний покой и впадаю в старое ощущение тяжелой работы, которое приводит к истощению.

—Понятно, —миссис Браун сочувственно кивнула. —Да, это так Без внутреннего мира мы утрачиваем ощущение присутствия Бога. А если мы не можем чувствовать Его внутри, мы не можем реально почувствовать Его энергию. — Она вновь счастливо рассмеялась: — Мастер преподал мне хороший урок и в этом предмете.

Однажды он готовил на кухне. Я была в комнате вместе с ним. Не найдя себе лучшего применения, я решила наводить за ним чистоту. Как только он опустошал одну кастрюлю, я ее мыла. Как только он что-то проливал, я тут же вытирала испачканное.

Тут он начал пачкать кастрюлю за кастрюлей, рассыпая все больше и больше продуктов. Я работала все быстрее и быстрее, чтобы успеть за ним. За всю свою жизнь я *никогда* не видела такого неряшливого приготовления пищи! В конце концов я сдалась. Мне пришло в голову, что я с тем же успехом могла бы подождать, пока он не закончит, прежде чем сделать что-либо еще.

Как только я села и посмотрела на него, я заметила, что он улыбается; но он ничего не сказал. Вскоре я увидела, что он больше не пачкает вещи. Наконец меня осенило, что он просто-напросто хотел показать мне различие между спокойной деятельностью в памятовании о Боге, и суетливостью, которой мы предаемся просто для того, чтобы что-нибудь делать. Я работала в духе «быть занятой». Мастер хотел показать мне мою ошибку так, чтобы я сама пришла к логическому заключению!

Некоторым представляется, что было бы сравнительно легко понять духовный путь, если бы он состоял только из медитации, экстатических видений и блаженного расширения сознания. Зачем, спрашивается, нужно усложнять его такой мирской деятельностью, как рытье канав, ответы на письма и уборка кухонь?

Может быть, у кого-то вызывает симпатию нерадивый ученик, возроптавший в тот день, когда мы заканчивали плавательный бассейн в Твенти-Найн-Палмз: «Я пришел сюда не для того, чтобы перелопачивать *цемент*/» Вероятно, многие искренние искатели духовности также недоумевают, какое отношение заливка цемента (или рытье канав, или ответы на письма, или уборка кухонь) может иметь к поиску Бога.

Ответ чрезвычайно прост: *никакого!* По крайней мере сами по себе. Мастер однажды рассказывал историю о человеке, который положил в церкви стодолларовую банкноту на блюдо для сбора пожертвований, а потом расстроился, что Бог не ответил на его молитву. Мастер со смехом прокомментировал: «Бог уже *был* этой стадолларовой банкнотой — неважно, лежала она на блюде для сбора пожертвований или нет! Какое ему дело до того, куда ее положили?» Царство *майи* (космической иллюзии) похоже на поверхность океана: как бы высоко шторм ни вздымал его волны, общий уровень океана остается одним и тем же. Бог не *нуждается* ни в чем, что мы можем Ему дать. Он уже *есть* все! «Единственная вещь, которой Он хочет от нас, — сказал Мастер, — это наша любовь».

Следовательно, цель духовной работы на самом деле не в том, чтобы делать что-то для Бога; скорее, мы должны выполнять то, что важнее всего для нас самих: очищать свои сердца. Для Бога нет высокой или низкой работы. Бхагавад-гита утверждает, что Он принимает даже цветок или листочек в качестве подношения, если те преподнесены с преданностью. Очень важно достичь точки, когда *вся* наша любовь и вся энергия естественно стремятся к Нему.

Медитация—это тоже своего рода работа. Правда, она отличается от такого труда, как рытье канав, но то же самое относится и к ментальному планированию, а кто может сказать, что планирование—менее важная работа, чем материальное воплощение плана? Даже в царстве животных умственные способности часто ценятся более высоко, чем грубая сила. (Понаблюдайте за стаей собак, играющих вместе. Обычно остальные следуют за наиболее смышленым псом, а не за самым большим.) Медитация — самая утонченная и возвышенная работа из всех видов ментальной деятельности. Она послужила источником величайшего вдохновения. Если бы человек мог пребывать в глубокой медитации целый день, у ищущих божественного общения не было бы необходимости рыть канавы или выполнять любую другую работу.

Ключевое слово здесь, конечно же, «в *глубокой».*

Когда Мриналини Мата, принявшая ученичество юной школьницей, однажды за завтраком встретилась с Мастером за столом, он сделал ей замечание: «Ты сегодня утром не медитировала».

* **Бхагавад-гита** *9.* **26.** *—Прим.ред.*

—Сэр,—запротестовала она,—я медитировала целый час!

Мастер, на которого ее восклицание не оказало никакого впечатления, ответил: «Тебе надо было медитировать полчаса». Он увидел, что в тот день, когда она не в настроении медитировать интенсивно, ее медитация оказывается менее *эффективной*, если она сидит дольше.

Интенсивность—основа всего: интенсивность *осознания.* Прилагая вялые усилия, невозможно достичь сверхсознания. «Вы должны быть спокойными в действии и деятельными в покое, — сказал Мастер. — Интенсивно осознавайте все, что делаете». На духовном пути работа — это средство, помогающее постоянно, *динамично* направлять свои энергии к Богу.

«Ведите счет каждой минуте,—сказал Мастер.—Минуты важнее, чем годы». Люди, которые концентрируются на работе для Бога, приходят к тому, что их медитация становится глубже.

«Когда вы выполняете работу для Бога, а не для себя, — сказал нам однажды Мастер, — она так же полезна, как и медитация. При этом работа помогает медитации, а медитация помогает работе. Необходимо достичь равновесия. С одной только медитацией вы становитесь ленивыми, и обретают силу чувства. С одной только работой ум приходит в беспокойство, и вы забываете Бога».

Мастер учил нас считать святой любую работу, которую мы выполняем в угоду Богу. Чтобы не допустить в своих учениках-священниках представления о том, что они выполняют более духовную работу (обучение, наставничество) по сравнению с другими учениками (служение которых проходило в саду), он их тоже привлекал к физическому труду. В те выходные, когда Мастер послал меня читать лекцию в Сан-Диего, я получил ценный урок от Карла Свенсона (впоследствии —Брат Сарокананда), товарища по ученичеству из Инсинитасе. «Посмотри на мои руки! — пожаловался я. — Они все покрыты цементом. Люди подумают, что я не удосужился отмыть их».

«Что ты говоришь? — запротестовал Карл. — Это твои знаки отличия».

Мастер учил нас не только секунда за секундой подносить свою работу Богу, но и видеть в Нем истинного Деятеля, действующего через нас. «Я спал,—сказал он однажды,—и мне снилось, что я работаю. Я проснулся и увидел, что работает Бог». Действия в подобном духе не были направлены на то, чтобы превратить нас в роботов. Помню, как-то в середине воскресной проповеди я подумал: «Если Бог действительно *является* Деятелем, почему бы мне мысленно совсем не самоустраниться и не подождать, пока *Он* начнет говорить через меня?» Последовали две минуты молчания! Друзья в аудитории подумали, что я застыл от нервного возбуждения. Но для меня эта пауза была просто интересным экспериментом. В конце концов я понял, что Бог не собирается говорить за меня;

именно я должен проделать всю работу. Он просто наполнял вдохновением мои слова в той степени, в которой я был способен почерпнуть вдохновение.

Видеть в Боге Деятеля означает осознавать, что мы живем именно Его энергией и вдохновением. Это означает не считать свои действия своей личной заслугой. Такое отношение заставляет человека оставаться смиренным и неизмеримо увеличивает его способность к достижению успеха.

Мастер советовал мне перед каждой лекцией молиться Богу и нашим Гуру и просить их использовать меня в качестве орудия для выражения тех слов, которые *они* хотели бы вложить в мои уста. Увы, смирение обретается не так-то легко. Поработав несколько месяцев над его развитием, я однажды понял, что начинаю гордиться своим смирением! В работе над развитием преданности я также обнаружил, что начинаю ощущать самодовольство оттого, что чувствую ее. (Мастер прокомментировал: «Если ты любишь себя, как ты можешь любить Бога?») Я постепенно понял, что истинный секрет смирения заключается в честности. Видение всего в истинном соотношении с другими вещами помогает не принимать что-либо чересчур всерьез — особенно самого себя.

Однажды Сестра Гьянамата заметила Бернарду, поблагодарившему ее за духовную помощь, которую она с любовью оказывала ему на протяжении нескольких лет. «Свойство приносить смоквы заключено в самой природе смоковницы». Ее слова обнаруживали смирение совершенной отрешенности — то есть, опять-таки, ее совершенной честности перед собой.

Мастер, в своих попытках отучить нас от вялости — которую он называл «сознанием в одну лошадиную силу», — убеждал нас всегда придерживаться позитивного взгляда, утверждать возможности, а не ослаблять их «обоснованными» возражениями.

Помню, как в один из дней он поприветствовал меня: «Как дела, Уолтер?»

—Хорошо,—начал я...

— Замечательно! — немедленно прервал он меня, подавляя в зародыше то, что, как он видел, было лишь легким случаем меланхолии.

Никогда не поощряя в нас упадка духа, он настоятельно советовал уверенно избавляться от него при помощи бодрых, позитивных утверждений. «Я страдаю, когда вы в дурном настроении, — сказал он однажды, — ибо вижу, как Сатана овладевает вами».

Одна юная ученица, девушка семнадцати лет, была особенно подвержена приступам дурного настроения. «Если ты хочешь быть несчастной,—сказал ей однажды Мастер, — никто в целом мире не сделает тебя счастливой. А если ты решила быть счастливой, никто в целом мире не способен сделать тебя несчастной». Дая Мата как-то рассказала мне: «Когда мы были в плохом настроении, Мастер не подпускал нас даже близко к себе».

Дурное настроение редко одолевало меня, но я припоминаю один случай, заставший меня врасплох, и действенный способ побороть его, который я обнаружил.

Дело было в феврале или марте 1949 года. Мастер на несколько недель уехал из Маунт-Вашингтона, и все это время мы не виделись. Я начал остро ощущать его отсутствие. Наконец он вернулся. На следующий день мне передали, что нужно послать кого-нибудь отнести наверх, на его кухню, пятигаллонную бутыль питьевой воды. Я решил, что как нельзя лучше подхожу для этой работы. Поднимаясь наверх с бутылью, я слышал, как Мастер у себя в гостиной диктует письмо. В надежде привлечь его внимание я с грохотом поставил бутыль. Мастер никак не отреагировал.

«Ему нет дела, что я скучал по нему! —подумал я, внезапно впадая в жестокую депрессию. — Я для него рабочий, а не ученик!» Я предался грустным размышлениям о бесчувственной природе этого мира, где никому, в сущности, ни до кого нет дела. Через несколько секунд я бросился в другую крайность: «Нет, Мастеру не все равно, но он видит, что я безнадежен, что он с тем же успехом мог бы лить воду в бездонный колодец!» Вновь и вновь мой ум возвращался к этому вопросу. Я попытался урезонить себя: «Посмотри, очевидно же, что он занят. Почему он должен бросить все ради тебя?»

—Да? — бросил мне в ответ непокорный ум. — Воображаю, как он сказал: «Смотри, вот идет этот никчемнейший ученик Уолтер. Дай-ка я побыстрее начну диктовать письмо, чтобы не пришлось звать его сюда».

Очевидно, разумные доводы не собирались вытаскивать меня из этого ментального водоворота. Обычно ум склонен поддерживать объяснениями любое чувство, которое в данный момент оказалось на его поверхности.

—Вам *нравится* быть в плохом настроении?—потребовал я ответа у своих ментальных граждан.

—Нет! — ответил хор голосов—единогласно, за исключением одного или двух недовольных на заднем плане.

— Ну, хорошо, ребята, если уговоры не помогают, давайте посмотрим, не подействует ли изменение уровня сознания.

Я спустился в свою медитационную «пещеру» и глубоко погрузил ум в Центр Христа между бровями. Потребовалось всего-навсего пять минут. По прошествии этого времени настроение стало настолько позитивным, что я больше не нуждался ни в каких утверждениях. «Ну *конечно же,* он занят! — подумал я. — Разве он не говорил, что истинное общение с ним происходит *внутренне,* в медитации? А что, если бы все ученики попытались эгоистично занимать его время? Ему совершенно некогда было бы завершить произведения, которые помогут тысячам».

♦Сэр, — спросили однажды Мастера, — что является причиной плохого настроения?»

♦Плохое настроение, — ответил он, — вызывается прошлой неумеренной невоздержанностью в мирских удовольствиях, которая приводит к пресыщенности и отвращению. Если ты потворствуешь дурным настроениям, — предупреждающе добавил он, —то вновь подтолкнешь колебание ума назад, к удовлетворению требований чувств. Ибо именно так работает закон двойственности: постоянно колеблясь, подобно маятнику, между противоположными состояниями сознания. Если ты отведешь энергию от одного крайнего положения маятника, не вкладывая ее в дурные настроения, то увидишь, как власть, которую в противоположном положении имели над тобой чувства, также ослабевает».

У меня была возможность узнать, насколько важно не позволять ментальным тенденциям слишком распускаться. В первый год пребывания в Маунт-Вашингтоне меня одно время беспокоили периоды всепоглощающей сонливости во время медитаций. Не успевал я сесть в медитацию, как тут же начинал клевать носом. В один из дней я ощущал особенную внутреннюю радость и с нетерпением ожидал вечерней медитации. Но, к моему безграничному отвращению, как только я начал медитировать, дремота вновь опустилась на меня, подобно плотному туману. Я впал в ярость.

♦Раз ты так сильно настаиваешь на сне,—бранил я свой ум, —тогда я совсем не позволю тебе спать!»

Я оставался на ногах всю ночь—печатал письма, гулял по окрестностям, пил чай — *все что угодно*, лишь бы подавить страстную привязанность ко сну. С наступлением дня я вышел и усердно трудился в саду. К следующему вечеру ум стал настолько послушным — в ужасе, как мне представляется, что его начнут мучать бессонницей еще и во вторую ночь! — что моя медитативная дремота совершенно прошла и ни разу за многие месяцы больше не побеспокоила меня.

Я трудился в медитации с таким же усердием, как и в течение дня на различных работах. *(♦Слишком* усердно, — сказал мне однажды Мастер. — В медитации тебе нужно делать больший акцент на расслаблении».) Вскоре я узнал, что пословица ♦Не клади все яйца в одну корзину» так же справедлива для духовных упований, как и для мирских.

Во время субботних медитаций я все глубже и глубже погружался во внутреннее спокойствие. ♦Еще одно *крошечное* усилие, — начал думать я, — и я войду в полное сверхсознание». Одним субботним утром я пришел в свою пещеру с твердым решением не прекращать медитацию, пока эта цель не будет достигнута. В течение девяти часов я сидел, напрягая всю силу воли, которую только мог мобилизовать. В конце концов, истощенный, я был вынужден признать поражение. Если бы я не допустил преждевременного истощения, мне

удалось бы избежать разочарования, сохранить достаточно уверенности и продолжать попытки в последующие субботы. Но хотя я и продолжал медитировать регулярно, прошло много месяцев, прежде чем я смог вновь предпринимать серьезные усилия. Более того, моя одержимость дремотой началась именно с этой неудачи.

И все же были достижения: даже тогда порой возникала глубокая радость в моменты внутреннего спокойствия, всевозрастающая преданность, блаженные внутренние звуки — особенно один, напоминающий шум ветра в деревьях Мастер настоятельно советовал нам не рассказывать о своих переживаниях в медитации, и я стараюсь хранить самые драгоценные из них в глубине сердца.

Я усердно работал над развитием преданности, чтобы ежедневными песнопениями и молитвами снискать милость интенсивной любви к Богу. Однажды Мастер ласково улыбнулся мне: «Продолжай работать над преданностью, — сказал он. — Увидишь, насколько суха жизнь, в которой полагаются на интеллект».

Его помощь была доступна каждому, кто мысленно призывал его в медитации. Здесь он был проводником, тонко воодушевляющим нас, в зависимости от уровня восприятия каждого, на совершение правильных духовных усилий. Порой, встречая нас в течение дня, он давал наставления в некоторых вопросах, связанных с медитацией. Он наблюдал за нами во всем. Меня никогда не переставало изумлять, как, присматривая за таким значительным количеством учеников, он мог настолько совершенно осознавать каждую из наших проблем.

«Я ежедневно прохожу через ваши души. Увидев, что необходимо что-то исправить, я говорю об этом. Иначе я не говорю ничего». В другой раз он сказал: «Я прожил жизни каждого из вас. Много раз, ночью, я настолько глубоко входил в человека, что, просыпаясь утром, думал, что я и *есть* этот человек! Если он полон упадочных настроений и желаний — это переживание может быть ужасным».

Госпожа Мишель Эванс, та дама, которой я в Сан-Диего давал посвящение в *крийя-йогу,* рассказывала мне: «Я имела привычку выпивать—не слишком, а как большинство людей — знаете, чтобы поддержать компанию. Когда я встретилась с Мастером, он велел мне отказаться от этого. На некоторое время я совсем перестала употреблять спиртное, но затем подумала: «Наверняка ведь пиво не в счет, разве нет? И вино тоже! Я думаю, их нельзя поставить в один ряд с виски и бренди, ведь так?» Я вновь начала периодически употреблять эта два напитка; это позволяло мне не пускаться в длинные объяснения, когда мы принимали гостей.

На следующей нашей встрече с Мастером в Сан-Диего он посмотрел на меня каким-то пронизывающим взором и сказал: «Я имел в виду *все* алкогольные

напитки!» Ну, скажу я вам! С тех пор — что мне оставалось делать? Каждый раз, когда я срывалась, он знал об этом!»

Когда Жан Сэвидж, мальчик девяти лет, приехавший в Маунт-Вашингтон вместе с мамой, однажды медитировал с Даниэлем Буном, ему явился в видении Иисус Христос. Трепеща от восторга, он потом рассказал об этом Буну.

— Возможно, это твое воображение, — сказал Бун. — Лучше ничего не рассказывай, пока не спросишь об этом Мастера.

Мастер, бывший в это время в отъезде, возвратился, чтобы провести службу в следующее воскресенье. По окончании службы Жан присоединился к ряду последователей, которые всегда ожидали возможности пройти вперед и получить благословение Мастера. Когда он подошел, Мастер протянул руку и ласково взъерошил его волосы.

— Вот это да! — вскричал он. — Маленький Жан видел Иисуса Христа. Это замечательно. Это было подлинное видение!

В феврале Бун рассказал мне о переживании, полученном в результате двухдневного непрерывного сосредоточения ума на Мастере. На него снизошел экстаз, в котором он был совершенно неспособен чувствовать свое тело, даже передвигаясь и исполняя ежедневные обязанности в типографии. «В конце концов мне пришлось помолиться о том, чтобы вновь обрести способность чувствовать тело, — сказал он. — Я боялся, что могу покалечить его каким-нибудь механизмом».

Отлично, подумал я, вот *это* то, что надо! Больше стремясь к самому переживанию, чем к смиренной настроенности на гуру, я сосредоточил ум на Мастере. В то время он находился в Инсинитасе, но через два или три дня вернулся в Маунт-Вашингтон. Когда он приехал, я встретился с ним у парадного подъезда.

—Какую проделку ты задумал, Уолтер?—Он многозначительно улыбнулся.

— Никакой, сэр. Проделку? Это не казалось мне похожим на проделку.

—Ты *уверен,* что не задумал никакой проделки?

Я начал понимать, что он имел в виду, но отказывался принять его определение моих действий. Входя в дом, он ласково улыбнулся. После тщательного размышления мне пришлось сознаться себе, что если практика моя была правильной, то намерения вовсе не были таковыми.

— Не ищите переживаний в медитации, — говорил нам Мастер. — Путь к Богу—это не цирк.

Еще более трогательным было переживание другого ученика, Преподобного Майкла, который, чувствуя глубокую любовь к Мастеру, часто мысленно повторял слова: «Я люблю вас, Гуру!»

В один из дней, к его радости, Мастер откликнулся на его молчаливое подношение. Они случайно встретились в саду ашрама в Инсинитасе. С глубокой нежностью во взоре Гуру сказал: «Я тоже люблю тебя».

Мастер мгновенно откликался на искреннюю любовь. Однажды, очень сильно скучая по нему, я поехал вниз, в Инсинитас, где он в то время жил. Вскоре после моего приезда он проезжал на машине мимо нас, возвращаясь из поездки. Завидев меня, он предложил проехаться с ним до ашрама. «Я скучал по тебе», — сказал он мне с любовью. Как редко, подумал я, люди настолько чутко схватывают наши невысказанные чувства.

Помощь Мастера приходила к нам не только на внутреннем, духовном поприще, но и в работе. Однажды мы с Норманном заново штукатурили стену гаража у главного въезда на территорию Маунт-Вашингтон. Штукатурка была старой и схватывалась быстро. Хотя мы все время подливали воду, приходилось прикладывать много усилий, чтобы уложить каждый замес раньше, чем она окончательно затвердевала.

В середине этой работы Мастер, отправляясь в поездку, увидел нас и остановил машину. Подозвав к себе, он беседовал с нами около получаса. Разумеется, мы были в восторге. Но где-то глубоко в уме нас не оставляло легкое предчувствие: как там наша штукатурка? Я только что сделал свежий замес и вылил на доску. Там она и лежала, затвердевая с каждой секундой.

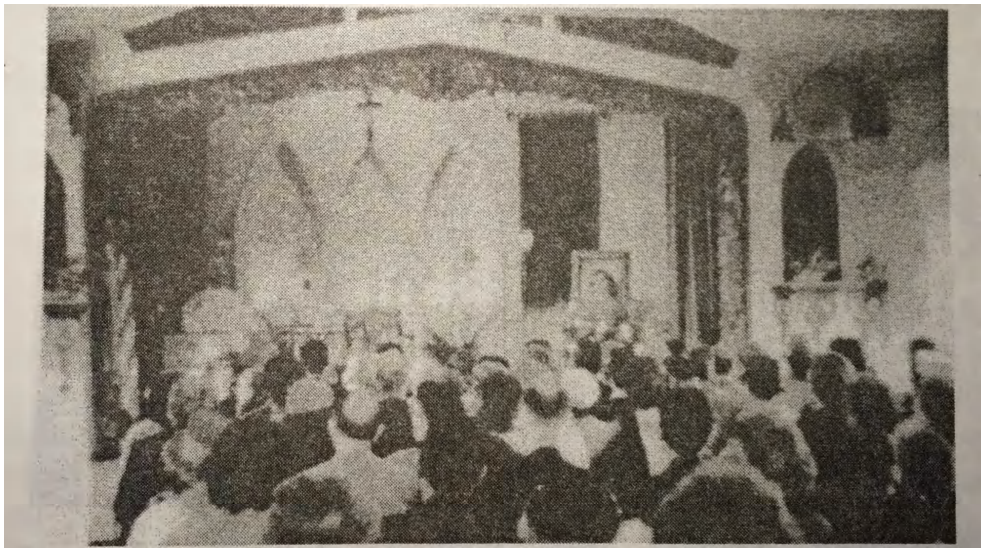
К тому времени, когда Мастер уехал, мы с Норманном были уверены, что без кувалды нам ее не отколоть. Но, к нашему изумлению, она оказалась такой же мягкой, как и в тот момент, когда я ее вылил. До конца дня штукатурка больше не причиняла нам беспокойства.

При нашем образе жизни тяжелая работа была не менее важна, чем медитация. «Вы должны быть чрезвычайно деятельными на пути к Богу, — сказал Мастер,—прежде чем сможете достичь состояния недеяния в единстве с Ним». Тем не менее он подчеркивал, что преданность более важна, чем работа или медитация. «Без любви к Богу, — учил он,—никто не сможет найти Его».

Еженощно я исполнял песнь великого бенгальского святого Рампрошада в переводе Мастера: «Придет ли ко мне тот день, когда со словами: «Божественная Мать! Божественная Мать!» из глаз моих польются слезы?» Постепенно я заметил, что происходит внутренняя трансформация. Когда мне однажды рассказали о беседе Мастера с группой монахов в Инсинитасе, я подумал было, что имею повод поздравить себя. Во время того разговора Мастер с любовью заметил: «Смотрите, как я изменил Уолтера!»

Церковь Общества Самоосознания в Голливуде (Калифорния), в которой регулярно проповедовал Йогананда. Я регулярно проводил здесь службы и занятия с 1949 **года.** В 1955—1958 **годах я был главным священником церкви.**

Интерьер церкви в Голливуде. По обе стороны от помоста М астер устроил кафедры. По первоначальному замыслу левая кафедра предназначалась для наших священников, а правая —для приглашенных ораторов. В соответствии со своими универсальными идеалами, выраженными в названии церкви («Церковь всех религий»), он планировал приглашать с проповедями священников из других церквей. Хотя кафедры никогда не использовались так, как планировал Мастер, концепция достойна того, чтобы ее сохранить.

Мастер перед Ашрамом в Инсинитасе, возможно,
в начале 40-х

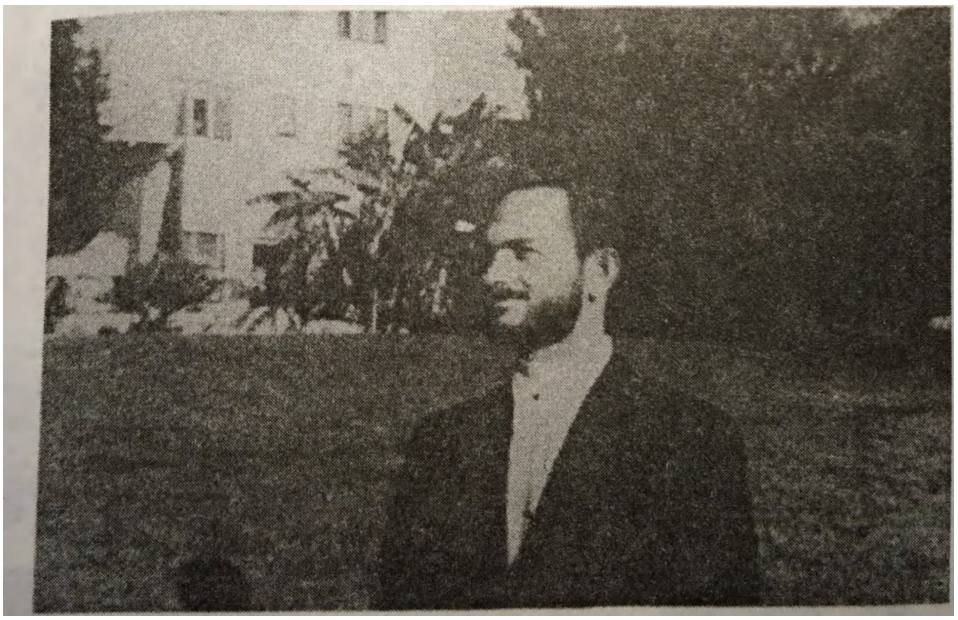
Я перед своим коттеджем в Маунт-Вашингтоне осенью 1949 г.

Мастер на публичном собрании.

М астер являл собой баланс мужского и женского начал совершенного человека. Он обладал состраданием и любовью матери, мудростью и силой воли отца. На этой фотографии мы видим выражение женского аспекта его природы.

Я на лужайке перед штаб-квартирой в Маунт-Вашингтоне.

ГЛАВА 26

ПАСТЫРСТВО

НАВЕРНОЕ, ТЕБЕ ХОЧЕТСЯ УЗНАТЬ историю нашей церкви в Голливуде, — заметил мне однажды Мастер,—ведь ты теперь регулярно читаешь там лекции?

— Естественно, сэр, — ответил я, — я жажду узнать о нашей работе все, что только возможно.

— Мы построили церковь во время войны. Тогда не разрешалось строить новые здания, но мы все же нашли способ построить ее на законных основаниях. Мы купили старую церковь и перевезли ее на принадлежавшую нам землю. От здания оставался один каркас, — усмехнулся Мастер. — Вот соседи покатывались со смеху! Но мы отреставрировали ее — оштукатурили стены, починили крышу, покрасили все в великолепные цвета и вставили в окна дорогие витражи. К концу работ здание выглядело совершенно как новое!

Мастер помолчал, вспоминая.

—Обретение этих стекол было истинным благословением Божьим. Я хотел найти витражные стекла, но все в один голос твердили: «Их невозможно достать. Идет война!» Однако я знал, что мы их получим.

Однажды утром Бог показал мне в видении, *где* скрывались наши стекла, прямо-таки ожидая нас в дряхлой лавке старьевщика. Я отправился туда. «Простите, — сказал хозяин, — у нас здесь нет витражных стекол». Но мне было известно лучше.

«Давайте посмотрим», —умолял я.

«Я же говорю вам,—сказал он, теряя терпение, — у нас нет никаких стекол!» Он с ворчанием удалился.

Я подошел к стоявшему рядом продавцу и спросил, не знает ли он о каких-нибудь витражных стеклах, хранящихся здесь.

«Босс сказал *нет,* — ответил он, всем телом выражая бесконечное нежелание двигаться. —Значит, нет».

«Вот пять долларов, — сказал я ему. — Я отдам их вам, если вы проведете меня туда, куда я хочу».

На это он согласился. Мы вместе прошли на задний двор. У дальней стены лежала, собирая пыль, большая куча старых дверей и всякого хлама, но никакого признака каких-либо витражных стекол.

«Видите? — сказал продавец, поднимая голову с чувством собственной правоты. —Босс сказал нет. Значит, нет!»

«Вы только отодвиньте эти вещи в сторону, — попросил я. — Давайте посмотрим, что лежит за ними».

«Босс сказал...» — затянул он в третий раз, затем вспомнил о пяти долларах. Должно быть, усердие не относилось к сильным чертам его натуры, но в конце концов, кряхтя и охая, он вытащил все во двор. И тут показались наши витражные стекла, прислоненные к самой стене!

Они находились в таком же состоянии, как куча хлама. Стекла были на месте, но все свободно болтались и были покрыты грязью. Хозяин позволил мне купить большое их количество практически за бесценок Мы их тщательно починили. Мисс Дарлинг (ныне — Дурга Мата) сохранила нам тысячи долларов, сама вставив их в рамы и покрыв сусальным золотом. А теперь — ты сам видишь, насколько они прекрасны! Мне говорили, что они представляют ценность.

— И не подумаешь, что у церкви такое невзрачное прошлое! — с улыбкой заметил я. Теперь она сияла, как очаровательная драгоценность, безупречная в своих белых, голубых и золотых цветах. Церковь располагалась довольно далеко от дороги, обращенная фасадом к уютному саду. Она, без сомнения, стала украшением окрестностей.

—Церковный ковер также был послан нам Богом,—продолжал Мастер.

Этот ковер успокаивающего синего цвета покрывал весь пол церкви. Я долго восхищался им. Мастер вновь перешел к объяснениям:

— Мне хотелось иметь прекрасный ковер, потому что если даже театры могут быть спроектированы прекрасно, чтобы напомнить людям о красоте этого мира, то обители Бога должны быть устроены еще более прекрасно, напоминая о том, что Он есть Источник всего прекрасного. Моим желанием было приобрести ярко-синий ковер, вроде того, что был в нашем храме в Инсинитасе. Я разослал людей повсюду на поиски, но никто не смог найти ничего похожего.

Я сам позвонил в компанию, которая продала нам первый ковер. «О, извините, —сказал голос в трубке,—человек, у которого вы купили тот ковер, вышел из дела».

«А кто это говорит?» — справился я.

Это оказался его прежний партнер по бизнесу. Он уже собирался повесить трубку, затем помедлил.

«Я только что вспомнил,—воскликнул он,—что у нас на складе еще остался кусок того же самого паласа, который вы купили. Сколько, вы сказали, вам нужно?»

«Девяносто два метра»,—ответил я.

Он пошел и измерил остаток Там было ровно девяносто *три* метра!

—Я часто говорил, — заключил Мастер,—что в результате потери храма в Инсинитасе появились еще два храма—вот этот, в Голливуде, и наша церковь в Сан-Диего. Прямо на следующий день один из посетителей сказал мне: «Какая жалость, что вы потеряли храм в Инсинитасе!» Я ответил: «Это было самое лучшее из всего, что когда-либо происходило со мной!» Видишь ли, это заставило меня шире открывать это учение миру. И смотри, даже ковер для нашей новой церкви вышел из того же самого паласа, что и для старой!

В июне 1949 года, по средам, я более или менее регулярно проводил службу в голливудской церкви. Вскоре я начал изредка давать и воскресные службы — как в Голливуде, так и в Сан-Диего.

Каждому новому выступающему приходится решать проблему преодоления чувства нервозности перед аудиторией. Моя проблема усугублялась еще и тем, что я был очень молод, а выглядел еще моложе. Средний возраст моих слушателей составлял примерно сорок лет. Я мог предположить, что их познания в большинстве вопросов значительно превышают мои.

Аби Джордж, ученик из Голливуда, которого мы особенно любили, предложил свое решение проблемы. Помимо глубокой преданности («прекрасная душа», называл его Мастер) он обладал ярким чувством юмора и крайне необычным способом его выражения. «Это очень просто», — объяснил он, сделав честные глаза. «Нет, серьезно, — настаивал он,—со смехом предупреждая мои предварительные возражения, — это *па самом деле* просто. Просто представь себе, что люди, которые сидят там перед тобой, — это просто грядка кочанов капусты. Вот и все! Просто скажи себе: «Вы все там просто-напросто грядка кочанов капусты!» Что-то вроде этого». Я с сомнением поблагодарил его.

Джеймс Коллер, духовник нашей церкви в Финиксе, предложил иное решение. «Когда я впервые начал читать лекции, то так нервничал, — сказал он, — что Мастер предложил мне принимать горячую ванну, чтобы расслабиться перед выступлением. Однажды вечером я собирался читать вводную лекцию к серии публичных уроков. В объявлении значилась тема: «Что йога может сделать для вас».

Итак, перед этим я принял продолжительную горячую ванну! *Чересчур* продолжительную! —добавил Джеймс, хихикая, — и *слишком* горячую. Она истощила всю мою энергию. Я пришел на эту лекцию настолько размякшим, что был похож скорее на горячее распаренное полотенце, чем на человека. Через пять минут выступления оказалось, что я изложил все, что мог придумать по данному вопросу. Вероятно, это была самая короткая лекция из всех, на которых этим людям когда-либо приходилось присутствовать!

Затем Горак приступил к сбору пожертвований. Вы же знаете, у него спастический паралич. После моей пятиминутной лекции о том, что йога может сделать для вас, единственный мой помощник побрел, пошатываясь, от ряда к ряду с блюдом для пожертвований, хватаясь за спинки стульев, чтобы не упасть». Джеймс рассказывал так смешно, что мы держались за животы от хохота. Однако все это не показалось таким смешным его аудитории. Все встали и, не сказав ни слова, вышли. К счастью, этот эпизод имел более отрадное продолжение. Один мужчина, уже покинув комнату, вернулся, тронутый явным добросердечием и искренностью Джеймса. Позже этот человек стал преданным последователем дела Мастера.

«Итак, по крайней мере, —■ закончил Джеймс, обращаясь ко мне, — ты мог бы перед лекциями попробовать распаривать себя в горячей воде». Признаться, его рассказ не прибавил мне уверенности.

Собственное решение проблемы нервозности я нашел в том, чтобы вообразить и принять наихудшую из возможных реакций аудитории: короче говоря, быть готовым показаться дураком. «В любом случае, все это сон Бога,—обычно напоминал я себе перед лекцией, — поэтому какая разница, примут меня люди или отвергнут?»

Безразличие к плодам своих усилий позволило мне решить проблему нервозности, но не помогло в более важных вопросах взаимосвязи со слушателями. Ибо, говоря себе, что все есть сон, я пришел к тому, что перестал беспокоиться о качестве своих выступлений.

Понадобилось время, чтобы я стал добросовестным лектором, осознав, что люди, к которым я обращался, есть проявления Бога и что я призван служить Ему именно через них, а не просто пытаться справиться с личным волнением. Так я излечился еще и от типичного для общественных докладчиков соблазна удовлетворяться тем, что им удалось сделать свою позицию убедительной для самих себя. Когда я понял, что Бог проявляется в форме слушателей, и осознал, что своими словами служу Ему через них, мне стало важно найти такой способ самовыражения, который позволил бы достичь Его через них.

Сначала я молился перед каждой лекцией: «Господи, дай мне силу сказать то, что Ты хочешь сказать». Позже я научился обращаться к нему еще и с такой просьбой: «Помоги мне ощутить, что конкретно этой аудитории необходимо услышать через меня». Часто, почувствовав, что потребности слушателей отли-

% Учение индуизма о том, что жизнь есть сон, направлено на развитие непривязанности, а не безответственности. В конце концов, даже во сне лучше вести себя мудро. В космическом сне-иллюзии человек должен с готовностью служить орудием Бога, Божественного Сновидца, прежде чем завоюет право на вечную пробужденность в Нем.

чаются от запланированной мной речи, я выступал с совершенно иной беседой. Со временем я научился минимально готовиться к своим лекциям (или вообще не готовился), обнаружив, что открытый ум позволяет тоньше чувствовать невысказанные потребности слушателей. Результаты такого подхода оправдали себя. Многие люди начали благодарить меня после лекций за ответы на конкретные вопросы или за решение проблем, которые отягощали их. Я всегда делился с ними истинным секретом своего успеха: *«Бог* есть Деятель». Ибо именно этой мысли прежде всего обучал нас Мастер.

Когда я только учился выступать, Мастер дал мне совет: «Перед выступлением погрузись в глубокую медитацию. Затем, сохраняя это медитативное спокойствие, подумай о том, что ты намерен сказать. Запиши свои идеи. Включи одну или две смешные истории; хорошо посмеявшись, люди становятся более восприимчивыми. В завершение, включи историю из уроков Общества Самоосознания. После этого выбрось предмет лекции из головы. Когда будешь говорить, мысленно держи перед собой наиболее важные пункты своего конспекта, но превыше всего обращайся к Духу с просьбой протекать через тебя. Таким образом, ты будешь черпать вдохновение из этого внутреннего Источника, а не говорить от имени эго».

Важнее всего для Мастера был вопрос сонастроенности во время выступления, чтобы мы могли поделиться со слушателями не только своими идеями, но и вибрациями. Позже, в один из вторников после обеда, он заметил доктора Льюиса, наслаждавшегося прогулкой в окрестностях Инсинитаса.

— Доктор, — закричал он ему, — разве вы не проводите службу сегодня вечером?

—Да, сэр,—прокричал в ответ доктор Льюис.

—Тогда почему вы там бродите? Вы должны медитировать!

Со временем я научился *чувствовать* силу, проистекающую из настроенности с Мастером, и наполнять этой силой любую комнату, в которой приходилось выступать. Если что-то из сказанного мною и затрагивало слушателей, то заслуга в гораздо большей степени принадлежала этой силе, чем любым словам, которые я произносил.

В ранние годы выступлений Мастера на Западе его публичные лекции посещали тысячи. Но построенные им церкви были маленькими, милыми в своей простоте. Он чувствовал, что небольшие размеры более способствуют поклонению; они позволяют ощутить внутреннее духовное начало, близость к Богу. Мастер рассказывал нам об одном посещении большого, широко известного *

«Не заботьтесь, как или что сказать, ибо в тот час дано будет вам, что сказать; ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас» (Матфей 10:19,20).

собора на американском Среднем Западе. «Я восхищался им, —* сказал он,—и вдруг услышал Божий глас, говорящий: «Может быть, тебе больше хочется обрести все это, но без Меня? Или, — тут возникло видение, в котором я увидел себя, сидящего на земле под деревом в окружении горстки учеников,—это, со Мной?»

"Господи, — взмолился я, — только там, где пребудешь Ты, хочу я быть!"»

Мастер часто отмечал, что акцент на больших, дорогих храмах и толпах поклонников требует слишком большой концентрации на деньгах и слишком малой — на смиренном, внутреннем общении с Богом. «Церковная система нуждается в пересмотре, — говорил он нам. — Внешнюю помпезность необходимо заменить простотой, а гигантские соборы — маленькими храмами, где искренние верующие собираются для медитации. Высокообразованный священник большого, современного прихода может красноречиво проповедовать, но если он никогда не медитирует и не имеет внутреннего осознания Божественного присутствия, что толку в его красноречии? Его степень доктора богословия в данном случае не обозначает ничего, кроме как «доктор заблуждения»!

Если я иду в известный ресторан, но не могу получить там никакой еды, какую пользу может принести мне это место? Я ухожу таким же голодным, как и пришел. Поэтому для чего нужны знаменитые церкви, если они духовно мертвы? Какой смысл в улье без меда?»

Затем он сказал нам: «Вы стоите на пороге великих изменений. Вы увидите, как все церковное движение подвергнется революционным преобразованиям. Церкви станут местами, куда истинные души будут приходить для общения с Богом».

Иногда он необыкновенно весело переиначивал историю из романа Чарльза И. Вуда «Небесный трактат». В его версии рассказ звучал приблизительно так «Когда Билли Санди, известный евангелист, умер и попал на небеса, Святой Петр не позволил ему войти в Жемчужные Врата, но потребовал ответа: «Что ты сделал на земле, чтобы заслужить право на вход сюда?» «Да что вы, — запротестовал Билли Санди, — а как насчет всех тех тысяч, которые я посылал сюда со своих религиозных бдений?» "Может, ты их и посылал,—возразил Святой Петр,—но они ни разу не приходили!"»

«В Милуоки,—рассказывал нам Мастер,—меня привели в церковь, где хор пел специально для меня. По окончании один из певцов спросил меня: «Как вам понравилось наше пение?»

«Оно было хорошим», — сказал я.

«Вы хотите сказать, что оно вам *не понравилось?*»

«Я этого не сказал, — ответил я. — Но прошу вас, не требуйте от меня большего». Он продолжал настаивать, и в конце концов я объяснил: "Что касается

техники, вы были совершенны. Но вы не думали о Едином, для которого была написана священная музыка. Вы думали о том, чтобы угодить мне. В следующий раз, когда будете петь религиозную музыку, думайте о Боге; не пойте с целью произвести впечатление на других"».

Службы самого Мастера блистали вдохновением. Они ни в коей мере не роздали того сиротского чувства, которое возникает во многих церквах: что Бог живет далеко-далеко на невообразимых небесах или что Иисус Христос не оставил никакого доказательства своего продолжающегося существования, кроме печатных слов Библии. В присутствии Мастера божественные истины приходили трепетно-живыми, вибрируя в унисон с непосредственностью его собственного осознания Бога.

«Вы — хороший продавец!» — воскликнул однажды американский бизнесмен после его лекции. «Это потому, — ответил Мастер,—что я продал себя тем истинам, которым обучаю!»

Некоторые из самых волнующих моих воспоминаний о Мастере связаны с его публичными выступлениями. Пусть им не хватало милой душевности бесед с учениками в Маунт-Вашингтоне, но они провозглашали дух миссии, которой было предназначено принести миру духовное возрождение.

Я особенно помню, в какой восторг привела меня его речь на приеме в саду Беверли-Хилс 31 июля 1949 года. Я никогда не представлял себе, что сила человеческой речи может быть столь величественной; это было самое впечатляющее выступление, которое мне приходилось слышать.

«Этот день,—гремел он, подчеркивая каздое слово,—знаменует рождение новой эры. Произнесенные мною слова записываются в небесных сферах, в Духе Божьем, и они поднимут Запад... Общество Самоосознания пришло, чтобы объединить все религии... Мы должны идти вперед — не только те, кто здесь присутствует, но и тысячи молодых людей должны отправиться на север, юг, восток и запад и покрыть землю небольшими поселениями, чтобы показать, что простота жизни в соединении с возвышенным мышлением приведут к величайшему счастью!» Я был тронут до глубины души. Меня бы не удивило, если бы небеса вдруг отверзлись и сонмы ангелов с пылающими очами устремились вниз, чтобы исполнить его приказания. Я горячо поклялся в тот день сделать все от меня зависящее, чтобы воплотить его слова в реальность.

В те годы, когда я жил с Мастером, он часто говорил о своей заветной мечте: создании «поселений всемирного братства», сообществ духовного сотрудничества. Не просто монастырей, но мест, где люди на любом этапе развития могли бы посвятить себя жизни для Бога.

Self-Realization Magazine, **ноябрь-декабрь 1949 г., стр. 36.**

«Окружение сильнее, чем сила воли»,—говорил он нам. Он видел в «поселениях всемирного братства» окружение, которое будет способствовать развитию духовных качеств: смирения, доверия, преданности, уважения к другим, дружеского сотрудничества. Мирским людям, мечтающим о лучшем образе жизни, маленькие общины дают надежду продемонстрировать всему обществу, что человечество в состоянии достичь высот, которые в наш век духовной недоразвитости презрительно отвергаются. Такие общины стали бы местом, где главным было бы сотрудничество, а не социальные или политические «права» и современные социальные и деловые нормы беспощадной конкуренции.

«Собирайтесь вместе, те из вас, кто разделяет высокие идеалы, — говорил Йогананда своим слушателям. — Привлеките все возможные ресурсы. Купите землю в сельской местности. Простая жизнь принесет вам внутреннюю свободу. Гармония с природой принесет вам счастье, неизвестное большинству городских жителей. В обществе других искателей истины вам будет легче медитировать и думать о Боге.

Какая необходимость в тех предметах роскоши, которыми люди себя окружают? Большую часть своих вещей они оплачивают в рассрочку. Долги являются для них источником бесконечного беспокойства. Даже люди, предметы роскоши которых оплачены, не свободны: привязанность превращает их в рабов. Они считают себя свободными от своих вещей и не видят, как вещи овладевают ими!»

Он добавил: «Придет день, когда идея таких поселений разнесется по всему миру с быстротой молнии!»

В генеральном плане этой работы Парамахамса Йогананда предполагал, что отдельные ученики сначала пройдут уроки Общества Самоосознания и будут заниматься *крийя-йогой* у себя дома; затем, со временем, сформируют духовные центры, где смогли бы раз-два в неделю собираться для группового обучения и медитации. В тех районах, где интерес настолько велик, что это становится оправданным, ему хотелось видеть церкви Общества Самоосознания с частично или полностью занятыми священниками. А там, где количество искренне преданных учеников заявляло о такой необходимости, он мечтал о покупке ими земли, о том, что они будут жить вместе, в служении Богу, постоянно разделяя совместную духовную жизнь.

Как я уже упоминал в семнадцатой главе, в Инсинитасе Мастер хотел заложить образец «поселения всемирного братства». В течение нескольких лет эта мечта являлась ядром работы — настолько глубоко он ощущал ее важность. И даже он, несмотря на присущую ему силу управления ментальными процессами, однажды был захвачен ураганом восторженного энтузиазма по поводу этого проекта. Как-то воскресным утром он рассказывал прихожанам: «Прошлой ночью я был настолько увлечен размышлениями о поселениях мирового брат-

ства, что ум ускользнул от меня. Но, — добавил он, — я исполнил несколько песнопений, и он возвратился».

Еще одним мерилом его интереса может служить факт, что первое издание «Автобиографии Йога» заканчивалось ярким изложением надежд об основании такого поселения. «Братство,—писал он в этом издании, цитируя свою дискуссию в Инсинитасе с доктором Льюисом, — это идеал, который легче понять на примере, чем в описании! Маленькая гармоничная группа может послужить вдохновляющим началом для других идеальных сообществ по всей земле». Закончил он такими словами: «Глубокой ночью мы с дорогим другом—первым *крийя-йогом* в Америке — обсуждали необходимость создания всемирных поселений на духовной основе».

Увы, он столкнулся с препятствием, со времен Будды стоящим на пути любых духовных преобразований: человеческой натурой. Семейная жизнь всегда была чем-то вроде закрытого акционерного общества. Экономическая депрессия 1930-х годов привела к усилению этой тенденции в целом поколении американцев, подогрев их желание найти безопасность в этом мире. «Четверо нас, обойдемся без вас» — так описывал Йогананда их позицию. Америка еще не была готова к «поселениям всемирного братства».

Другая сложность заключалась в том, что ядро его соратников составляли ученики-монахи. Именно они задавали тон во всех поселениях. Семейные люди не могли соответствовать их духу самопожертвования и служения. Семьи были вытеснены из общинных садов, если можно так выразиться, более буйной растительностью отречения. Но Йогананда был слишком близок к завершению своей миссии, чтобы осуществить мечту о «поселениях всемирного братства» в каком-либо другом месте.

«Инсинитаса больше нет!»—сетовал он к концу жизни. Это не означало, что был потерян ашрам. Он имел в виду, что его планам об основании на этих священных землях поселения всемирного братства не суждено осуществиться —по крайней мере при его жизни. Он перестал принимать семьи в ашрамы, каждый из которых был превращен в монастырь. Ибо в учениках, принявших обет отречения, он находил тот дух беззаветной преданности, в котором его миссия нуждалась для окончательного успеха.

Тем не менее идея «поселений всемирного братства» по-прежнему не утратила для него значения. Она была записана, как он сказал в той речи в Беверли-Хилс, «в небесных сферах, в Духе Божьем». Камала Сильва в своей автобиографии «Безупречное зеркало» сообщала, что за пять месяцев до ухода из тела

Стр. 183. Эту прекрасную книгу можно приобрести, написав Камале по адресу: Post Office Box 11017, Piedmont Station, Oakland, California 94611.

он по-прежнему восторженно рассказывал ей об этой мечте. Мастер знал, что рано или поздно она должна осуществиться.

Но даже в отношении такой основополагающей части своей миссии, как ♦поселения всемирного братства», Мастер не проявлял абсолютно никакого беспокойства. Он никогда не смотрел на мир так, как большинство людей. Все представлялось ему игрой Бога—бесконечной игрой света и тени в божественном кинофильме.

Мне вспоминается вечер, когда он записал несколько песнопений для широкого распространения. В середине записи мне пришлось уехать, чтобы провести урок в голливудской церкви. Вернувшись, я нашел Мастера стоящим на газоне и слушающим одно из песнопений, которое повторно проигрывалось для него: ♦Какие вспышки молний сияют на лице Твоем, о Мать! При виде Тебя трепет охватывает меня вновь и вновь!» Еще и еще раз он прослушивал запись. Вскоре Мастер начал почти танцевать, покачиваясь в экстазе и взмахивая распростертыми в стороны руками в ритме музыки. Он блаженно погрузился в красоту Божественной Матери, воспринимая ее как дивный Свет, бесконечно распространяющийся во все стороны. Я был глубоко тронут.

Позже, покидая нашу маленькую группу, он тихо произнес: ♦Я вижу вас всех как бы сплетенными из света. Все — эти деревья, кусты, трава, на которой вы стоите,—все состоит из света. Вы не представляете себе, как все прекрасно!»

ГЛАВА 27

СОНАСТРОЕННОСТЬ

В ВОСКРЕСЕНЬЕ УТРОМ, когда Мастер должен был выступать с проповедью в церкви Голливуда, ко мне в гости прибыли родственники из Уэстауд-Виллиджа: Сью и Бад Клюэлл. После церковной службы Мастер любезно пригласил нас троих пообедать с ним.

Нашу небольшую группу обслуживали на помосте за занавесом, поскольку в церкви было недостаточно места. В тот день, после полудня, я впервые мог наблюдать Мастера в роли хозяина. Для меня это было чудесным переживанием. Полное отсутствие всякого притворства, восхитительное остроумие, милая обходительность, сердечный, доброжелательный смех, который заражал каждого радостью, — все это могло очаровать любую аудиторию.

Среди присутствовавших находились доктор и миссис Льюис. Одна женщина, недавно ставшая членом Общины, глядя на них, спросила: «Мастер, ведь доктор Льюис был вашим первым учеником в этой стране, не так ли?»

Ответ Мастера был неожиданно сдержанным. «Так говорят», — ответил он спокойно. Тон его голоса так заметно контрастировал с его вежливостью и гостеприимством, что женщина совершенно растерялась. Заметив ее удивление, Мастер объяснил более доброжелательно: «Я никогда не говорю о людях как о моих учениках. *Бог* есть Гуру: они *—Его* ученики».

Ученичество для Мастера было слишком святым понятием, чтобы обращаться с ним легко даже в случайном разговоре.

Позднее Сью и Бад признались, что Мастер просто очаровал их.

—Однако, — спросила меня Сью с некоторым вызовом,—почему вы называете его «Мастер» ? — Развивая эту мысль, она продолжала:

— Мы живем в свободной стране! Американцы не рабы. И никто не имеет права быть господином другого человеческого существа!

—Сью,—возразил я, — мы отдаем ему нашу зависимость, а не свободу! Я не знаю никого, кто так уважал бы свободу других, как Йогананда. Мы называем его «мастер» в смысле «учитель». Он настоящий мастер того дела, в котором мы стремимся достигнуть вершин. Можно сказать, что он наш учитель в искусстве достижения истинной свободы.

Слово *master* **в английском языке означает также «хозяин», «господин*. —***Прим, перев.***

—*Истинная* свобода! Как ты можешь говорить такое? Ты можешь голосовать, можешь поехать куда угодно — ведь да? Разве наш американский образ жизни не есть достаточное доказательство, что мы уже свободны?

—*Неужто*?—улыбнулся я.—Подумайте, как ограничены и стеснены люди своими привязанностями и страстями. Они хотят иметь тысячу вещей, большую часть которых никогда не получат, в надежде, что эти вещи сделают их счастливыми. Связывая свое счастье с материальными ценностями, они порабощают себя! Счастье, Сью, это не *вещи.* Это состояние ума.

Несколько минут она размышляла над моими словами.

—Ну, — заключила она, — я все же думаю, что была бы счастливее, если бы могла купить себе новый диван!

(Бедная Сью, *была бы* ты счастливее? Через годы после этого разговора я так хотел бы увидеть радость в твоих глазах!)

Замечание Сью относительно нашего обращения к Гуру не было неожиданным. Если бы мастер появился на сцене жизни как ницшевский Заратустра, делая грандиозные заявления по непонятным темам, которые ни одному человеку в здравом уме никогда не пришли бы в голову, люди, приняв свое смущение за благоговейный трепет, могли бы воскликнуть: «О, это действительно *мастер!»* Но мастера обычно ведут достаточно прозаический образ жизни. Они рождаются в яслях, учат известным истинам простыми словами. Можно сказать, они свою простоту почти что выставляют напоказ. Человек не проявляет доброжелательности к величию в простых людях. Но именно в совершенной человечности, а не в отказе от человеческого проявляется величие учителей.

В этом идеале заключен их вызов и упрек нам. Большинство людей не приемлет вызовов; еще меньше они склонны принимать упреки. Тот, кто не желает видеть необходимости изменить себя, не может принять с радостью перемены, происшедшие в других. «Я не хуже других»—гласит известная поговорка. Она была бы справедливой, если бы относилась к вечному, духовному образу в нас. Но люди, говорящие так, не думают о своих душах. Кто может честно сказать: «Я такой же добродетельный, как и другие; такой же умный, талантливый и мудрый, как хороший лидер?» Догма поборников равноправия нашего века не учитывает единственный, самый очевидный аспект человеческой натуры — широкое разнообразие ее проявлений. Вера в полное равенство — это всего лишь вид демократического романтизма, когда приоритет отдается приятным ощущениям и чувствам, а не ясному видению реальности, которое приобретается в тяжелых битвах на поле жизни. Лишь после того, как мы изгоним из сознания заблуждения, связывающие нас с этим феноменальным миром относительностей, мы сможем считать себя в Боге поистине равными ангелам.

«Мои мысли—не ваши мысли, и ваши пути — не Мои пути, говорит Господь. Ибо, как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших». Люди редко понимают, что величие путей Бога, которое проявляется через жизни Его пробужденных детей, состоит в трансцендентном взгляде на земные реальности, а не в их категорическом отрицании. От мысли «Ничто не божественно» следует вырасти до понимания, что «Божественно все».

Наша «зависимость» от Мастера была «зависимостью» исключительно от любви. Он более высоко, чем мы, ценил святость таких отношений и относился к ним с высочайшим благородством и уважением. Но если со стороны ученика не было любви, эти узы разрывались или вообще не возникали. Среди учеников были такие, которые не понимали значение нашего обращения к Гуру: «Мастер».

—Я пришел сюда, — жаловались они,—не для того, чтобы перелопачивать *цемент!*

— Нет? Тогда для чего же ты пришел?

— Ну конечно для медитации и чтобы обрести *самадхи.*

—И ты вообразил, что обретешь самадхи иначе, чем через сонастроенность со своим Гуру?

— Вовсе нет. В конце концов, я именно для этого и пришел сюда. Но что общего между настроенностью и заливкой цемента? Его помощь нужна мне для медитации.

Слепцы, неужели вы не видите, что процесс изменения себя должен охватывать все, что духовные дары Мастера должны быть восприняты нами на всех уровнях нашего бытия, что нет действительной разницы между Богом в форме цемента и Богом в форме благих видений? Бог в равной степени присутствует во всем!

Редко случается, чтобы ученик без внутреннего сопротивления, порожденного эгоизмом, полностью принял своего гуру. «Я хочу проявить собственные творческие способности!» — мысль, которую часто держат в уме и реже высказывают. Или: «Я знаю, что Мастер может мне дать самое великое, однако я тоже могу дать ему кое-что стоящее. Я хороший организатор!» О безумец, разве ты не видишь, что у человека нет *ничего*, что он мог бы назвать собственным? Что его идеи, мнения, так называемые «вдохновения» — лишь отражают потоки сознания, которые в равной степени доступны каждому? Только благодаря сонастроенности с волей Бога мы можем действительно выражать *себя.* Через каждого из нас Бог может исполнить уникальную песню; это не значит, что мы не должны пытаться быть творческими личностями. Пока мы сами не начинаем действовать, Бог не может действовать через нас. (Вся Бхагавад-гита является призывом *

*** Ис 55:8,9.**

к действию.) Мы должны научиться *слушать*, принимать и усваивать—в **ЭТОМ** заключается истинная и глубочайшая тайна творчества.

Для учеников самым надежным путем к творческому самовыражению является путь согласования своих действий и стремлений с желаниями гуру. Его главная задача — ускорить их движение на пути самораскрытия. Вы хороший организатор? Тогда ищите в себе вдохновение, полученное от гуру, которое необходимо вам для организаторской работы. Если вы говорите: «Уж это я знаю лучше, чем он», — вы закрываете дверь, которую он так старательно держал открытой для вас на пути к неиссякаемому источнику вашего внутреннего вдохновения.

Глупо и чревато развитием тщеславия размышлять о том, что понимание нашего гуру в чем-то несовершенно — даже в мелочах. Именно здесь зреет семя гордыни; она начинается с мысли: «Как он ни мудр, но в этом конкретном деле я мудрее его!»

Наш учитель часто проявлял невероятное умение и сноровку в делах, далеких от сферы его непосредственного опыта. Например, он никогда не изучал медицину, однако пользовался уважением многих докторов за знание тайн их профессии.

Однажды в Индии его не удовлетворила работа известного художника, которому он заказал портрет Лахири Махашаи. Тогда он сам написал портрет, более удачный, чем тот, что выполнил художник И это было его первой попыткой в живописи!

Жена сеньора Куарона, главы нашего центра в Мехико, рассказала мне по-испански, когда я посетил их в 1954 году: «Однажды у меня была частная беседа с Мастером. Я знала, что он не говорил по-испански, и, как видите, я не говорю по-английски. И все же мы говорили с ним целый час и я отлично понимала его». Думаю, что в течение того часа он говорил по-испански.

Бывали времена, когда я чувствовал, что Мастер в чем-то ошибается или недостаточно понимает какой-то вопрос. Было время, как вы узнаете из последующей главы, когда в моих вопросах отражались серьезные сомнения. Но всегда со временем оказывалось, что именно он был прав. Его действия, порой необычные и, по видимости, не всегда разумные, основывались на безошибочной интуиции, которая никогда не подводила его. Если его планы не осуществлялись, то это случалось лишь потому, что при их выполнении нам недоставало гармонии.

Вот маленький пример. За школьные годы меня научили сознавать значение эстетических ценностей, и я был несколько разочарован готическими арками на алтаре нашей церкви, который, как мне сказали, проектировал сам Мастер. Они казались мне несколько холодными и стереотипными. Но однажды мне

удалось увидеть подлинный эскиз Мастера. Он был прелестен. Наши плотники совершенно не воспроизвели изящный восточный изгиб его арок.

Если бы мы внимательнее вслушивались в искусные нюансы его руководства нами, а не бегали вокруг («как куры с отрубленными головами», по выражению самого Мастера), неистово стараясь исполнить его волю, не пытались рассудочно препятствовать ей, то могли бы изменить мир. Конечно, и мы сами изменились бы коренным образом.

Теперь, когда Мастер, хотя и с неохотой, отказался от мечты основать «поселение всемирного братства» и сосредоточился на организации существующих общин в духе более строгих монашеских традиций, в воздухе стала витать мысль: «Организовывать!» Я не помню, чтобы в то время Мастер много говорил о процессе организации, во всяком случае при мне. Однако по какой-то причине эта идея увлекла многих учеников.

Некоторые монахи вместо того, чтобы сказать просто*:«Теперь* мы должны заниматься организационными делами», начали нарекать на то, что все не было организовано прежде. Будучи новичком, я видел в них старших на этом пути. Мне не приходило в голову, что на самом деле они занимали негативную позицию. Когда они с некоторым озлоблением говорили о том, что, по их мнению, делалось не так, я искренне переживал: «Как плохо служат Мастеру эти "негодные управленцы"!»

При возможности Мастер применял такой метод: он позволял ученикам осуществлять свои фантазии, чтобы они извлекали соответствующие уроки. Я еще почти совсем не освоился с обстановкой в общине, когда однажды в мою комнату вошел Бун и с важным видом объявил: «Мастер назначил комиссию. Он хочет, чтобы в нее вошли мы с тобой».

—Комиссию? Что он хочет от нас?

— Мы должны организовать работу, — ответил Бун, важно выпрямляясь.

— Какой именно аспект работы?

— Все аспекты, все! — при этом Бун сделал широкий жест рукой.

— Хорошо, — сказал я с сомнением, — если так говорит Мастер. Но я еще очень мало знаю эту работу. Я не могу представить, какую помощь он может ожидать от меня в организации этого дела!

— О, тебе не придется делать слишком много. Просто поможешь, когда мы тебя попросим.

Оказалось, что мне действительно не пришлось ничего делать. Несколько недель разные члены комиссии неформально встречались, по двое или по трое, чтобы обсудить все, что по их мнению подлежало изменению. Было много разговоров, жалоб, но мало действий. Постепенно на первый план вышли жало-

бы. Главный офис, как с негодованием поведал мне Бун, затруднял работу комиссии и, следовательно, выполнение воли Мастера. Я не чувствовал себя компетентным, чтобы внести позитивные предложения, однако разделял негодование моих соратников по комиссии. Меня поражало, что ученики столь упорно отказывались соответствовать желаниям своего гуру.

Однажды Бун влетел в мою комнату в сильнейшем припадке раздражения: «Мисс Сали наотрез отказывается подчиниться последней директиве комиссии!»

Это было невероятно! Я вскочил на ноги: «Нам следует поговорить с ней!» Мы быстрым шагом направились в главный офис. Я сказал мисс Сали (теперь — Шраддха Мата), что, отказываясь сотрудничать с комиссией, она не подчиняется Мастеру и что для пользы дела она должна сотрудничать с нами.

«Вы, молодые, горячие головы! — воскликнул Мастер, узнав об этом эпизоде. — О чем вы только думаете, врываясь в комнату с криками подобным образом?» Он продолжал отчитывать, в особенности меня, и это была самая крупная головомойка, свидетелем которой мне пришлось быть.

Я был ошеломлен. Я представлял себя смело действующим в защиту его дела, а оказался его противником! К тому же выяснилось, что мисс Сали была уже много лет его высокоуважаемым учеником и членом Совета Директоров. Более того, Мастер никогда не говорил ей или кому-либо еще, что наделил нашу комиссию особыми полномочиями. (Неожиданно я сам понял, что никогда не слышал непосредственно от него о подобных полномочиях!)

Высказав все, что он думает по поводу нашего вторжения в офис, не понижая тона, Мастер принялся за саму комиссию. Он определил ее как «безделье, негативность и полнейший фарс». При этом присутствовало большинство монахов, включая и других членов комиссии. Однако вся тирада Мастера была обращена ко мне.

«Но Мастер, — думал я, — я почти не принимал участия в деятельности комиссии!» Однако вслух я не сказал ни слова; ведь номинально я был членом комиссии. В то же время, я не мог избавиться от чувства обиды за то, что я считал несправедливым унижением. Впоследствии я осознал, что моя реакция лишний раз подтвердила, что я нуждался в критике.

— Сэр, — искренне попросил я в тот вечер, — пожалуйста, ругайте меня почаще.

— Понимаю, — он посмотрел на меня проницательным взглядом. — Тебе нужно больше преданности.

Да, это было так Слушая негативную критику моих старших братьев, я незаметно перешел оттого, что мне казалось благими побуждениями, к позиции осуждения, которая никогда не бывает совместима с любовью.

Вскоре после этого я подошел к Мастеру. «Простите меня, сэр»,—сказал я.

«Вот и прекрасно!» — Мастер ласкою улыбнулся. С этого момента недоразумение было исчерпано.

Мастер никогда не поощрял негативности, даже порожденной добрыми намерениями. Несколько лет назад один человек пытался путем обмана повредить работе одной из наших церквей. Мистер Джекот, адвокат и преданный член Общества, раскрыл замысел этого человека и публично обвинил его. Мастер высказал мистеру Джекоту благодарность за предотвращение опасной ситуации, но мягко пожурил за метод, который тот использовал. «Это нехорошо, — сказал он, — независимо от намерений, создавать негативные вибрации гневными и резкими словами. Доброе дело, которое вы совершили, было бы значительно ценнее, если бы вы использовали мирные средства».

Негативность, независимо от мотива, порождает свой собственный импульс К сожалению, мистер Джекот и после предостережения Мастера не осознал необходимости обуздания справедливого гнева в защиту доброго дела и постепенно укрепился на позициях осуждения, которая окончательно отдалила его от нашей работы.

Через год после эпизода с нашей комиссией масонская ложа, в которую входил один из членов нашего Общества, предложила мне присутствовать на церемонии введения в должность офицеров. Мастер посоветовал мне пойти. Все шло гладко до момента самой церемонии. И тогда тлевшее соперничество вспыхнуло ярким пламенем. Половина членов ложи ушла в знак гневного протеста. Церемония завершалась на пепле эмоций.

—Ну как она прошла?—спросил меня Мастер на другой день.

— Не слишком хорошо,—ответил я.

—Это было полное фиаско, не так ли?

— Боюсь, что полное, сэр!

—Ладно,—заключил он,—не говори ничего об этом.

Его пожелание, чтобы я ничего не рассказывал, сначала удивило меня, но затем произвело впечатление. Оно удивило меня потому, что, независимо от содержания моего рассказа, масоны никогда бы не пронюхали о моих замечаниях. И нас не касаются их внутренние проблемы. Но потом я понял, что Мастер предостерегал меня относительно силы отрицания.

«Избегайте высказываться отрицательно, — говорил он нам однажды вечером. — К чему смотреть на нечистоты, когда такая красота вокруг? Вы можете привести меня в самую великолепную комнату в мире, и все же если я захочу, то смогу найти в ней недостатки. Но зачем мне это? Почему бы не насладиться ее великолепием?»

И сказал нам: «Не говорите о недостатках организации. Если бы я начал перечислять, им не было бы конца! Но если мы сосредоточим внимание на

негативной стороне, то потеряем из виду хорошее. Доктора говорят, что в нашем теле блуждают миллионы ужасных микробов. И лишь потому, что мы не сознаем этого, они наносят нам значительно меньше вреда, чем если бы мы чувствовали и переживали их присутствие. Так должно быть и здесь, поскольку в нашей организации много хорошего. Но если мы будем концентрировать внимание на негативных аспектах, мы сами обретем отрицательные качества. Когда мы сосредоточиваем внимание на хорошем, в нас развиваются добрые качества.

Через несколько дней после эпизода с комиссией, я впервые встретил Дая Мату (тогда — Фэй Райт). Я вошел в главный офис после окончания рабочего дня что-то занести. В комнате появилась молодая на вид женщина. Ее лицо сияло, решительная и твердая походка свидетельствовала о неистощимой энергии. Я не представлял, кем она была, но ощутил в ней глубокую гармонию с Мастером. Увидев меня, она несколько помедлила и затем приветливо обратилась ко мне.

—Вы Дональд, не так ли? Я—Фэй. Я наслышана о вас,—она улыбнулась. — Подумать только, какую суматоху вы, мальчики, создали с этой вашей комиссией!

Я был страшно смущен. Насколько я понимал, эта комиссия была мертворожденным ребенком. Но она, не зная о моей позиции по этому делу, решила помочь мне лучше разобраться в ситуации. Пока мы разговаривали, я поймал себя на мысли: «Так она—пример тех учеников, которые якобы препятствовали выполнению воли Мастера? Мне бы в тысячу раз больше хотелось походить на нее, нежели на кого-либо из тех жалобщиков!» Ее спокойное самообладание, доброта и явная преданность Мастеру произвели на меня глубокое впечатление. С этого дня она стала для меня образцом идеального духа ученичества, к обретению которого я стремился.

— Мы должны научиться жертвовать своеволием, если хотим угодить Мастеру. Это мы и стараемся делать, —добавила она многозначительно.

Какое простое наставление и как просто высказано! Но в нем чувствовалась истина. Размышляя над ее словами, я думал: «Что толку построить то, организовать это или выполнить даже самую похвальную работу, если ею не будет доволен Мастер? Ведь через него выражается воля Бога в отношении каждого из нас. Угодить ему значило угодить Богу».

Пусть другие вершат значительные мирские дела, я же с этого дня буду стремиться только к одному: выполнять волю Мастера, *угождать ему.* Я был безмерно благодарен Дая Мате за совет.

Курьезно, но вскоре после этого, как бы в ответ на мое решение добиваться безвестности, Мастер выделил меня, чтобы поручить ответственное дело. Он поручил мне руководство монахами в Маунт-Вашингтоне. К этому времени я работал с ним всего год—небольшой срок, чтобы доверить такую ответствен-

ность. «Он проверяет меня», — решил я. Но он отнесся к назначению серьезно, и я занимал этот пост все оставшиеся годы моего пребывания в Маунт-Вашингтоне.

Прошло несколько недель. Однажды я стоял с Гербертом Фридом, одним из священников, у входа в полуподвальный этаж. И мы разговаривали с Мастером, который собирался выехать на автомобиле. Герберт должен был после полудня отправиться в Финикс, Аризона, чтобы стать там священником нашей церкви, и Мастер давал ему последние наставления. После небольшой паузы он спокойно продолжал:

—Тебе предстоит большая работа.

Обратившись к Герберту, я, улыбаясь, поздравил его.

«Это я говорю тебе, Уолтер», — поправил меня Мастер. Он больше не сказал ни слова по этому поводу; через несколько мгновений его автомашина выехала за ворота. Какую работу он имел в виду?

Впоследствии при различных обстоятельствах он часто повторял это предсказание: «Тебе следует делать то-то и то-то, Уолтер, — говорил он, — потому что тебе предстоит большая работа». Или: «Тебе предстоит большая работа, поэтому...» Через два года после *махасамадхи* Мастера его главный ученик, Раджарши Джанакананда, благословлял в Инсинитасе группу наших учеников. Когда я подошел к нему, он помедлил, затем сказал тихо: «Мастеру предстоит выполнить через тебя большую работу, Уолтер. И он даст тебе силы для ее выполнения».

Что это за «большая работа», о которой они говорили? Они ни разу не говорили мне этого. Однако эти слова Мастера были, по своему воздействию, самыми значительными из тех, с которыми он обращался ко мне. В последующие годы я часто размышлял над ними, пытаясь понять их истинное значение. Очевидно, они имели значение приказа, а не похвалы. Казалось, они предназначались для того, чтобы передать мне чувство личной ответственности за какой-то аспект его миссии и чтобы внушить мне такое вдохновение, которое не позволило бы мне уклониться от этой ответственности. Было также ясно из его замечаний, что моей задачей должна быть общественная деятельность, которую я должен вести самостоятельно и которая, возможно, не будет связана с моей обычной деятельностью.

Инстинктивно я боялся такой ответственности. Я предпочитал действовать согласованно с Мастером, а не плясать дикую джигу внешнего успеха, сопровождаемого овациями и преисполненного соблазнов. «Мы здесь, — говорила Дая Мата, — для того, чтобы утолщать Мастеру».

—Разве нельзя,—молился я, — просто утолщать ему, держась в тени надежного убежища, недоступного для мирских соблазнов?

«Я не хочу выполнять великую работу!—написал я Раджарши на следующий день после того, как он сказал мне те слова. — Я просто хочу незаметно служить Мастеру». (В ответ Раджарши со спокойной улыбкой подошел и вновь благословил меня.)

Но когда я однажды противился усилиям Мастера вовлечь меня в сферу учительства, его ответ был резок.

—Жизнь для Бога,—сказал он строго,—это мученичество!

ГЛАВА 28

ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ

У РЫБАКОВ ИНСИНИТАСА выдался неудачный день. После многих часов лова похвалиться было почти нечем, и они возвращались домой. Когда их лодка причалила, Парамахамса Йогананда прогуливался вдоль берега.

—Заканчиваете работу? — спросил он.

—Да, — ответили они уныло. — Рыбы нет.

— Почему бы вам не попытаться еще раз? — предложил Мастер.

Что-то в его внешности и манере говорить побудило их принять его совет. Они вышли в море еще раз и привезли богатый улов.

Удивительная новость обогатила легенду, получившую распространение среди местных жителей: что в окрестностях живет странный добрый Свами, вокруг которого невероятным образом дела всегда складываются к лучшему.

Для меня эта история, которую я случайно услышал от местных горожан, иллюстрирует главную истину человеческой жизни, о которой не раз вдохновенно говорил Мастер: не имеет значения, сколько раз человек терпит неудачу, но он никогда не должен принимать ее как окончательный приговор Судьбы. Как дети Бесконечного, мы имеем право на бесконечные щедроты Бога. Неудача *никогда* не является проявлением Его воли. Это просто временное состояние, в которое мы сами вовлекаем себя из-за недостаточной сонастроенности с космическим законом. Путем повторных попыток достичь успеха мы постепенно добиваемся более точной настройки. «Попытайтесь еще раз», — говорил Мастер. Если наши намерения законны, то неудача означает лишь то, что мы пока не добились успеха. Иначе говоря, неудачи в нашей жизни это не что иное, как ступени к достижению цели.

В случае с рыбаками благословения Мастера оказались необходимыми, но лишь в том смысле, что помогли быстрее согласовать усилия этих людей с тем, чего они добивались. Если бы они не были готовы к его благословению, он бы не дал им его, иначе говоря, они бы не привлекли его. *Чувствительность*, с которой «пытаются еще раз», имеет большее значение, чем сама повторная попытка, и является реальным ключом к успеху. Есть люди, быстро добивающиеся успеха там, где другим приходится безуспешно стремиться к цели годами. Секрет в настроенности. Гениальность определяется в большей степени на-

строенностью, нежели тяжелым трудом или блистательным интеллектом. Из всех существующих видов настроенности наивысшей является осознание того, что через нас действует сила Бога.

В эпизоде, рассказанном мной в прошлой главе, о знаменитом художнике, чей портрет Лахири Махашаи не понравился Йогананде, Парамахамсаджи спросил его: «Как долго вы овладевали вашим искусством?»

—Двадцать лет, — ответил художник

—Двадцать лет, — воскликнул Мастер, — чтобы убедить себя в том, что вы можете писать?

Художник вовсе не ожидал такого комментария; совершенно опешив, он прошипел в бешенстве: «Да вам не достичь такого мастерства и за вдвое больший срок!»

«Дайте мне неделю», — спокойно ответил Мастер. Взяв в руку кисть, он несколько раз приступал к работе, настраивая себя все более точно на Источник всякого истинного вдохновения. К концу недели он закончил портрет, который даже сам художник был вынужден признать лучшим, чем его собственный.

Случай с рыбаками также является знаком извечной готовности Бога дать людям «еще один» шанс получить из океана Его изобилия все, что они желают. В более широком смысле, эта история о том, что Бог способен бесконечно прощать; или, лучше сказать, — любить и надеяться на нас. Религиозные доктрины Индии провозглашают, что душа также имеет бесконечные возможности для достижения совершенства. Человек никогда не должен терять надежду, даже если неудачи преследуют его всю жизнь. Через ряды перевоплощений он может и он ***должен*** в конце концов достичь успеха.

На первый взгляд кажется, что по поводу перевоплощений философия Индии расходится с христианскими учениями. Однако на самом деле эта доктрина отвергается только в широко распространенных ***интерпретациях*** Библии, но не в самой Библии. Перевоплощение не является ***нехристианским*** или неиудейским учением. Оно проповедовалось некоторыми великими отцами раннего христианства, включая Оригена (185—254 гг.), который утверждал, что принял его как нерушимую традицию «апостольских времен». Только через пять столетий после Рождества Христова, в 553 году нашей эры, на Втором Константинопольском Соборе, эта доктрина была окончательно исключена из догмы христианства. Анафема, которой была предана эта доктрина, была следствием политических маневров, а не теологической чистоты. Ученые недавно обнару-

*** Британская энциклопедия называет Оригена «Самым выдающимся из всех Отцов церкви, возможно, за исключением Августина*. Ориген писал об инкарнации: «Разве не разумно, что души помещаются в тела в соответствии с их достоинствами и прежними поступками?»**

жили, что Папа, хотя и присутствовал тогда в Константинополе, не принимал участия в провозглашении анафемы и в сущности вообще бойкотировал тот Собор.

Во многих местах Библии идет речь о перевоплощении. Эту доктрину можно было встретить после библейских времен, в иудейских и христианских традициях. Раввин Манессей бен Израель (1604—1657), еврейский теолог и государственный деятель, писал: «Вера или доктрина переселения душ является надежной и непогрешимой догмой, принятой всеми нашими церквами (так и написано!) единогласно, поэтому едва ли найдется тот, кто посмеет отрицать это... Истинность этого была неоспоримо доказана «Зохаром» и всеми книгами каббалистов». И хотя современные евреи в основном отвергают эту доктрину, раввины, знакомые с духовными традициями иудаизма, не одобряют этот отказ. Перевоплощение признается в главной книге законов Торы — в «Шульхан Орахе». Израильский студент, будущий раввин, прислал мне несколько цитат из этой книги, поддерживающих идею перевоплощения, включая следующие слова из «Ша'ар Хатсюне»: «Душа будет вновь и вновь отправляться в этот мир, пока не будет поступать так, как того желает Бог». Студент писал, что его раввин, прочтя этот фрагмент, больше не мог отрицать доктрину перевоплощения.

Раввин Абрахам Йегошуа, хасидский мастер, умерший в 1825 году, говорил о десяти жизнях, которые прожил ранее, и сказал в заключение: «Итак, меня

*** «Тогда Иов встал и разорвал верхнюю одежду свою, остриг голову свою и пал на землю и поклонился. И сказал: «наг я вышел из чрева матери моей, наг возвращусь* [то есть в другое чрево] (Иов. 1: 20,21).**

«И ты, Вифлеем—Ефрафа, мал ли ты между тысячами Иудиными? из тебя произойдет Мне Тот, Который должен быть Владыкою в Израиле, и Которого происхождение из начала, от дней вечных* (Михей 5:2).

«Ибо все пророки и закон прорекли до Иоанна. И если хотите принять, он есть Илия, которому должно прийти. Кто имеет уши слышать, да слышит!» (Матф. 11:13—15).

«И когда сходили они с горы, Иисус запретил им, говоря: никому не сказывайте о сем видении, доколе Сын Человеческий не воскреснет из мертвых [из этого преображения, в котором он явил себя как Мессия]. И спросили Его ученики Его: как же книжники говорят, что Илии надлежит прийти прежде и устроить все; Но говорю вам, что Илия уже пришел и не узнали его, а поступили с ним, как хотели; так и Сын Человеческий пострадает от них Тогда ученики поняли, что Он говорил об Иоанне Крестителе» (Матф. 17:9—13).

♦Побеждающего сделаю столпом в храме Бога Моего и он уже не выйдет вон* (Откровение 3:12).

Вышеприведенные цитаты представляют лишь небольшую часть свидетельств в Библии, которые демонстрируют поддержку доктрины перевоплощения. Христианские традиционалисты поступили бы мудро, если бы обратились к источникам своих собственных традиций. Исходят ли эти тексты от великих святых, которые знали Бога? Или это обычная дедукция рационалистов, чьи теологические заключения основаны на разуме, а не на истинном духовном опыте?

вновь и вновь посылали на землю, чтобы я совершенствовал мою любовь. Если на этот раз я добьюсь успеха, то уже никогда не вернусь вновь».

Среди знаменитых людей Западе, которые приняли эту доктрину, был немецкий философ Шопенгауэр. Он писал: «Если азиат спросит меня об убеждениях Европы, я вынужден буду ответить ему: это часть мира, где царит невероятное заблуждение, которое состоит в том, что человек был создан из^ничего и что его рождение на земле является его первым вступлением в жизнь» . Вольтер писал: «Родиться дважды не более удивительно, чем родиться один раз». А британский философ Юм утверждал, что перевоплощение есть «единственная система, которую может принять философия».

В соответствии с доктриной перевоплощения, жизнь на земле является школой, состоящей из множества классов. Конечная цель человеческого опыта — переход от ограниченного, эгоистического сознания к космическому. Ступенями к этому необусловленному осознанию служит отказ от ограничивающих привязанностей и страстей, расширение любви и растущее понимание того, что Бог является единственной Реальностью, стоящей за Вселенной.

«Сюжет» космической драмы творения включает в себя не только биологическую эволюцию, но и индивидуальную эволюцию эго. Ведь эго требуется множество жизней, чтобы достигнуть совершенства.

Развитие эго начинается одновременно с развитием соответствующих форм внешней жизни, которые оно принимает, с самых низких уровней сознания личности. Сначала оно происходит автоматически, последовательно проходя сначала уровни Дюрм растений, насекомых и животных, пока не достигнет уровня человека . На этом уровне эволюция перестает быть автоматической, поскольку в высокоразвитых мозге и нервной системе человека эго впервые получает способность к распознаванию и, следовательно, развивает в известной степени свободную волю. С этого этапа духовное развитие в зависимости от усилий конкретного индивидуума может ускоряться, или замедляться, или временно отступать назад.

Результаты собственных усилий регулируются законом кармы. (Материальным воплощением этого духовного закона является закон Ньютона о действии и противодействии.) В соответствии с законом кармы, каждое действие, даже мысленное, порождает уравновешивающую реакцию. Ведь мироздание, которое является всего лишь сном Создателя, может сохранить видимость отдельности от Него только благодаря иллюзии двойственности. Можно сказать, что Дух,

* **Martin Buber, «Tales of Hasidim», Ney York, Schocken Books, 1948, стр. 118.**

*f *****Парерга и Паралипомена».*

***** Индийские Писания утверждают, что, прежде чем попасть в человеческое тело, требуется пережить пять-восемь миллионов воплощений в низших формахжизни.**

Единый и Неделимый, в творении приводит в движение часть своего сознания —как на поверхности моря вздымаются волны или как стержни камертона, которые, порождая звук, колеблются в разные стороны относительно положения покоя. Поскольку естественным положением этих стержней является средняя позиция, никакое движение ни в одном из направлений не является полным; оно должно быть уравновешено равным и противоположным движением.

«Карма» означает просто «действие». Любое действие подразумевает движение от точки покоя в Духе. И такое движение неизбежно порождает равное и противоположно направленное движение: эквивалентную реакцию. Пославший ненависть в результате получает ненависть. Любовь возвращается любовью. Постепенно, с развитием мудрости, эго учится пропускать действия через себя без ощущения какой-либо личной вовлеченности в них, и результаты этих действий перестают влиять на эго. Мудрец, который являет собой вершину духовной эволюции, остается невозмутимым в спокойном средоточии своего бытия, в счастливом осознании того, что он и Бесконечный Дух — Едины.

С духовной точки зрения карма проявляется на различных уровнях в зависимости от того, насколько ясно она выражает божественное сознание. Любовь, например, является более духовной кармой, чем ненависть, поскольку помогает осознать сущностное единство жизни. Ненависть усугубляет иллюзию отдельности от Бога и от других людей. Говорить правду—более духовная карма, чем лгать, потому что правдивость помогает развитию утонченного осознания того, *что действительно существует*: Божественной Реальности, скрытой за всеми внешними проявлениями.

Карму можно определить также как систему поощрений и наказаний, которая в конце концов помогает эго научиться проявлять внутреннюю божественную природу. Страдание есть кармический результат действия, которое не гармонирует с истинной природой человека. Успех является наградой за тот образ жизни, который хотя бы в какой-то мере согласуется с этой природой. Для усвоения этих уроков требуется значительно больше возможностей исправления ошибок и себя, чем это позволяет один цикл жизни. Часто несколько перевоплощений требуется на то, чтобы усвоить хотя бы один важный урок

Идея перевоплощения прекрасно объясняет огромное неравенство по параметрам здоровья, ума, таланта и возможностям в человеческой жизни. Это, как утверждал Юм, «единственная система, которую может принять философия».

Часто люди возражают «Если каждый перевоплощается, то почему никто не помнит, что он жил раньше?» Ответ прост многие помнят! Конечно, на Западе

♦И Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет* (Бытие 1: 2, 3).

дети, рассказывающие о таких воспоминаниях, тут же получают от взрослых выговор и понимают, что лучше держать свои мысли при себе. Несмотря на это, было предано гласности множество хорошо документированных случаев. Так как мой интерес к таким вещам относительно широко известен, многие люди в течение ряда лет рассказывали мне о собственных случаях воспоминаний прошлой жизни.

Одна женщина рассказала мне, что однажды она играла на пианино пьесу для своего ученика, четырехлетнего мальчика. Ребенок уверенно заявил: «Я знаю эту пьесу. Я обычно играл ее на своей скрипке». Зная, что он учился играть только на пианино, она стала расспрашивать его. Мальчик совершенно правильно показал трудные позиции пальцев и движения рук для игры на скрипке. «Он никогда прежде не видел скрипку, —уверяла потом его мать.—Он даже никогда не слышал игру на скрипке!»

Один из наиболее интересных отчетов о явлениях такого рода был прислан несколько лет назад моим другом с Кубы (там он был перепечатан из французских газет). Согласно этому сообщению, французская девочка, дочь благочестивых католиков, как только научилась говорить, стала вполне осознанно произносить индийские слова (например, «рупия»). Она часто повторяла два слова, «Вардха» и «Бапу». Заинтригованные родители стали читать книги об Индии. Они узнали, что Вардха — название деревни, где Махатма Ганди основал свой ашрам, а Бапу—его прозвище, известное близким друзьям и ученикам. Девочка утверждала, что в прежней жизни она жила в Вардхе с Бапу.

Однажды кто-то подарил ее родителям экземпляр «Автобиографии Йога», в последней части которой Йогананда описывает свой визит в 1936 году к Махатме Ганди в Вардху. Увидев фотографию Йогананды на обложке, девочка радостно воскликнула: «О, это Йогананда! Он приезжал в Вардху. Он был очень красивый!»

Люди, которые верят, что живут только раз, вынуждены умерить свои надежды на совершенство. Ортодоксальные верующие могут стараться вести такой образ жизни, чтобы избежать после смерти ада огненного; однако большинство, как я думаю, склонны прагматично спрашивать себя: «Сколько *молено* грешить, чтобы не попасть туда?»

Вера в принцип возрождения помогает смотреть на процесс развития радостно, без страха и сомнений.

* **Среди книг на эту тему: «Двадцать случаев предполагаемого перевоплощения*, доктор Ян Стивенсон; «Множество домов», доктор Джин Серминар; «Сегодня и в грядущем», Руфь Монтгомери; «Перевоплощение в двадцатом столетии», под редакцией М артина Ибена. Есть и множество других книг.**

— Есть ли конец эволюции? — спросил однажды посетитель Парамахамсу Йогананду.

— Конца нет, — ответил Мастер. — Развитие идет, пока вы не достигнете бесконечности.

В Маунт-Вашингтоне перевоплощение было составной частью нашего образа мышления. Мы быстро привыкли к тому, что Мастер иногда рассказывал нам что-нибудь о наших или чьих-то прошлых жизнях.

Глядя на Жана Саважа, которому было девять лет, он воскликнул однажды: «Маленький Жан — не ребенок. Он все еще пожилой человек!»

Я как-то сказал ему, что всегда хотел жить один. Он ответил: «Это потому, что ты и прежде желал этого. Большинство из тех, кто сегодня со мной, в прошлом много раз жили в одиночестве». Он говорил это мимоходом, и мне редко случалось расспрашивать его более подробно. Однако некоторые проявляли более глубокий интерес, и Мастер иногда отвечал им более определенно.

Через несколько лет после того, как доктор Льюис похоронил свою мать, Мастер, зная о любви доктора к ней, сообщил ему: «Она родилась вновь. Если вы поедете в... — он назвал адрес в Новой Англии, — то найдете ее там». Доктор Льюис отправился туда.

«Это невероятно,—рассказывал он мне позднее.—Ребенку было всего три года, но во многом она вела себя точно как моя мама. Я заметил, что она сразу полюбила меня. Похоже было, что она как бы узнала меня».

Миссис Вера Браун с Мастером и несколькими учениками однажды вечером пошли в театр. Их внимание привлекла маленькая девочка, сидевшая в ряду перед ними. «Я не могла отвести от нее глаз, — рассказывала она мне потом. — В ней было нечто, что очаровало меня. Я думаю, это оттого, что она выглядела слишком взрослой и мудрой для ее возраста, и в то же время грустной. Впоследствии Мастер сказал мне: «Вас заинтересовала та маленькая девочка, правда?» «Да, сэр,—ответила я. — Я не знаю почему, но наблюдала за нею все время, пока мы были там».

“В последней жизни,—сказал Мастер,—она умерла в немецком концлагере. Поэтому она выглядит такой печальной. Но ее трагические переживания там и сострадание, которое она обрела в результате этого, сделали ее святой. Именно мудрость, которую вы заметили в ней, так привлекла ваше внимание”».

Однажды Мастеру дали подержать новорожденного. «Я чуть не уронил его, — рассказывал он потом друзьям. — Я вдруг увидел в этом маленьком, с виду невинном создании перешедшее сознание убийцы».

Иногда обсуждения перевоплощения становились особенно интересными. Однажды я спросил Мастера: «Было ли у Иуды какое-то духовное осознание?»

— У него была, конечно, плохая карма, — ответил Мастер, — но все же он был пророком.

—Он *был?*. — Такая вариация на известную тему злодейства Иуды поразила меня.

— Да, — подтвердил Мастер уверенно. — Он должен был быть пророком, чтобы стать одним из двенадцати. Но ему пришлось пережить две тысячи лет страданий за предательство. В этом столетии он наконец получил освобождение в Индии. Иисус явился одному учителю и попросил освободить бывшего Иуду. Я знал его в этой жизни, — добавил Мастер.

— Вы знали? — Меня страстно заинтересовала эта история. — Как он выглядел?

— Всегда очень спокойный и замкнутый. У него все еще сохранилась некоторая тяга к деньгам. Однажды другой ученик начал шутить по поводу этой склонности. Но Мастер покачал головой и сказал спокойно: «Не надо. Оставьте его в покое».

В 1936 году Мастер посетил в Англии Стоунхендж. Там он спокойно сказал своему секретарю, Ричарду Райту (брату Дая Маты): «Я сам жил здесь три с половиной тысячи лет назад».

Иногда он интриговал нас ссылками, всегда мимолетными, на прошлые жизни некоторых знаменитых общественных деятелей. «Уинстон Черчилль был Наполеоном, — говорил он нам. — Наполеон хотел покорить Англию. Черчилль, в качестве премьер-министра Англии, решил эту амбициозную задачу. Наполеон хотел уничтожить Англию. В роли Черчилля он вынужден был председательствовать при распаде Британской Империи. Наполеон был отправлен в ссылку, затем вновь вернулся к власти. Так же и Черчилль был отлучен от политики, но через некоторое время снова пришел к власти».

Интересен тот факт, что Черчилль в молодости находил вдохновение в военных подвигах Наполеона.

«Гитлер, — продолжал Мастер, — был Александром Великим. Любопытно, что оба, Гитлер и Александр, применяли стратегию молниеносной атаки — блицкриг, как называл это Гитлер. Конечно, на Востоке, где завоевания Александра привели к гибели великих цивилизаций, слово «великий» звучит саркастически».

Мастер надеялся пробудить в Гитлере общеизвестный интерес Александра к религиозным учениям Индии и, таким образом, направить амбиции диктатора к более высоким духовным целям. В 1935 году он пытался встретиться с Гитлером, однако ему было отказано.

— Муссолини, — говорил Мастер, — был Марком Антонием. Кайзер Вильгельм был Юлием Цезарем. Сталин был Чингис-ханом.

—Кем был Франклин Рузвельт? — спросил я.

— Я никогда никому не говорил это, — ответил Мастер с усмешкой. — Я опасался неприятностей!

«Авраам Линкольн, — объяснял он нам, — был йогом в Гималаях, который умер с надеждой добиться расового равноправия. Его рождение Линкольном имело целью выполнить это желание». «Он вновь вернулся в этом столетии как Чарльз Линдберг»,—говорил Мастер.

Интересно отметить, что, несмотря на достойные заслуги, Линкольн не получил столь широкого общественного признания, хотя почти без особых усилий оно пришло к Линдбергу. Любопытно, что после смерти Линдберга его гавайский друг, Джозеф Кахалеахи, воскликнул: «Это не маленький человек Это человек уровня Президента». Известно, что Чарльз Линдберг проявлял интерес к индийской философии. Возможно (что любопытно), осуществив возникшее у йога желание посвятить себя делу расового равноправия и отказавшись, будучи Линдбергом, от общественного признания, которое было кармической наградой за успех Линкольна, он снова в своей следующей жизни станет йогом.

Относительно более святых людей Мастер говорил, что Тереза, католическая обладательница стигматов из Коннерсройха (Германия), была Марией Магдалиной. «Вот почему, — объяснял он нам, — ей были дарованы те видения распятия Христа».

«Лахири Махашая, — однажды сказал он мне в Твенти-Найн-Палмз, — был величайшим святым своего времени. В прежней жизни он был Царем Джанакой . Бабаджи инициировал его в том золотом дворце, потому что он жил в нем прежде».

По свидетельству другого ученика, Мастер говорил, что Лахири Махашая был также великим средневековым мистиком Кабиром.

«Бабаджи, — говорил нам Мастер, — есть воплощение величайшего пророка Индии, Кришны».

Потом Мастер открыл нам, что он сам был ближайшим другом Кришны и его учеником, Арджуной. (Бхагавад-гита называет его «царевичем преданных Богу».) Нетрудно поверить, что он был могучим воином. Невероятная сила юли Мастера, врожденный талант руководителя и огромная физическая сила, когда ему приходилось проявлять ее,—все характеризовало его как непобедимого героя. Говоря о том воплощении, Мастер сказал мне «Вот почему в этой жизни я так близок к Бабаджи».

* *Reader's digest,* декабрь 1974, стр. 258.

Хотя *Джанака* и был древнеиндийским царем, он также является великим матером.

Мастер знал цену подкрепления абстрактных учений сведениями из реальной жизни. Преграды памяти, возникающие между жизнями различных перевоплощений обычного человека, исчезают для мудрого. Но, разумеется, в действительности, Мастера и нас самих интересовало обретение божественного просветления. Мы поняли, что глубокое знание закона перевоплощения помогло нам укрепить решимость выйти из однообразного цикла смерти и перевоплощения.

Этот закон порой дает возможность понять наши духовные затруднения.

Генри Шауфельбергер и Эд Хардинг огорчились, обнаружив глубокую, совершенно необъяснимую взаимную враждебность.

«Это потому, что вы были врагами в прошлой жизни», — объяснил Мастер, когда Генри подошел к нему, чтобы получить совет в этом деле. Эта информация помогла обоим понять их проблему и преодолеть ее.

Доктрина перевоплощения, как я уже говорил, тесно связана с законом кармы. Иногда люди возражают: «Какой урок я могу извлечь от страдания, если я не помню, что делал в прошлой жизни и чем навлек на себя страдание?» Ответ в том, что и само действие и его кармическое следствие отражают видимым образом умственные склонности, которые данный индивидуум все еще сохраняет в себе. Закон кармы имеет дело прежде всего именно с этими наклонностями.

Если, например, из корыстной алчности я однажды обманом лишил кого-то наследства и в этой жизни страдаю от последствий этого действия, теряя собственное наследство, то мое действие и то, что меня обманули, отражают мою скрытую жадность. Я мог забыть содеянное, но если теперь понимаю, что обманывать нельзя, и *решил отныне никогда никого не обманывать*, то таким образом я развязал по меньшей мере один узелок в моей тенденции быть жадным. Возможно, мне придется развязать и другие узлы моей склонности к алчности. Из этой единственной склонности может возникнуть целый ряд других действий, каждое из которых по-своему усиливает эту склонность. Еаш я достаточно мудр, то утрата наследства не только побудит меня прийти к выводу, что обман — зло; более того, это побудит меня проследить проблему обмана до ее главной причины — жадности. Я сделаю вывод, что жадность — порок, и постараюсь найти в себе и вырвать с корнем ростки этого порока. Если преуспею в этом, то возникнет нейтрализующее силовое поле непривязанности, которое минимизирует кармические последствия всех прошлых алчных действий.

Сила кармы в значительной степени зависит от силы мысли, связанной с ней.

Предположим, я преодолел алчность и обрел качество непривязанное™ прежде, чем потерял наследство. В этом случае потерянные деньги могут неожиданно вернуться ко мне. В любом случае, я не буду особенно страдать.

Патанджали, древний толкователь йоги, утверждает в Йога-сутрах, что когда жадность полностью преодолена, человек привлекает к себе все, что ему нужно в жизни. Как великолепно выразил это Патанджали, «сокровища придут к нему в изобилии».

Следует понять, что закон кармы абсолютно надличностный. При желании, мы можем учиться у нашей кармы, но мы можем *не* желать этого. Немудрой реакцией, например, на украденное наследство будет «поквитаться» с миром, обманув других. Тот, кто поступит подобным образом, лишь усилит тенденцию, которая и привела к его несчастью. Так он посеет семена еще больших страданий в будущем.

Доктор Льюис однажды спросил Мастера, почему один его знакомый родился с покалеченной ногой. «Это потому, — ответил Мастер, — что в прошлой жизни он пнул ногой свою мать».

Изуродованная нога в этой жизни, может быть, и не побудит того человека к благому решению не пинать мать. Но это уродство может косвенным образом повлиять на эту склонность. Мать, как источник его физического бытия, представляет для него святыню жизни. Когда он пинал ее, то фактически выражал презрение к самой жизни. Его покалеченная нога в этом воплощении могла (по меньшей мере, в его собственных глазах) сделать его объектом презрения. Ответом на такой образ, созданный в его сознании, могло быть желание еще больше ненавидеть жизнь. Такая тенденция могла бы длиться в течение многих жизней, пока от полнейшего отчаяния он не придет к осознанию необходимости изменить эту позицию. Однако если бы он реагировал на свой облик мудро, то мог бы сказать себе: «Какое счастье иметь совершенное тело». Такое отношение автоматически повлекло бы за собой уважение к жизни, и маловероятно, что он стал бы относиться столь презрительно к любой будущей матери.

Одно из полезных свойств доктрины перевоплощения состоит в том, что она помогает человеку сохранять скромность и умеренность, согласовывать свою жизнь со всеобъемлющей волей Бога, а не навязывать свои мелочные требования Вселенной. Вера в перевоплощение помогает легче принять наименее популярное, но и самое важное из древних указаний: «Измени себя».

Однажды я видел любопытный сон; он казался мне более чем простым сном. Я видел себя в иной жизни, где был глубоко предан другу. Он воспользовался моей преданностью и относился ко мне недружелюбно. Его недружелюбие

Йога-сутра 2: 37.

простиралось от снисходительности до явного презрения. Со временем во мне по отношению к нему росло чувство глубокой горечи. Когда я подходил к завершению того воплощения, то понял, что если умру с таким отношением к нему, то моя горечь будет действовать подобно магниту, который вернет нас обоих в подобные, но обратные обстоятельства, предоставив мне возможность относиться к нему недобро. И если бы я так отнесся к нему, породив у него чувство горечи, то очень вероятно, что наши позиции поменялись бы еще раз. Вероятно, что последовательность таких «обратных отношений» с постепенно снижающейся интенсивностью позволила бы нам в конечном счете изжить взаимоотношения типа «любовь-ненависть», подобно эху, затихающему в долине.

«Зачем так долго? — спросил я себя. — Разве нельзя вырваться из этой паутины сразу? Какие бы уроки ни требовались моему другу, но я, по крайней мере, могу освободиться». Тогда от всего сердца я воскликнул: «Прощаю его!» В этот момент с чувством неизъяснимого облегчения я проснулся. В этом простом акте прощения я чувствовал, что освободился от какого-то реального бремени кармы.

Вся человеческая жизнь, как говорят нам Писания Индии, есть сон. Ее главная цель — помочь извлечь полезные уроки для преодоления наших стремлений к материальным узам и понять, что все вещи, которые кажутся независимыми и реальными сами по себе, есть лишь отражение единого света Господа. Самым великим из всех уроков является постижение любви к Богу. Лучшая карма — способность любить Его.

— Сэр, — сказал однажды печально Норманн Мастеру, — мне не верится, что у меня очень хорошая карма.

— Запомни это, — ответил Мастер очень серьезно, — нужна очень, *очень,* ОЧЕНЬ хорошая карма даже для того, чтобы *желать* познать Бога!

Любовью к Богу и только ею можно достичь окончательного освобождения от физического рождения и получить право подняться в более высокие сферы бытия. Победа приходит не через ненависть к этому миру, а посредством созерцания присутствия Бога во всем и благодаря уважению даже к глупцу как к высокой святыне.

— Вы должны быть очень радостны и счастливы, — говорил Мастер, — потому что это сон Бога, и простой человек или великий человек — все это существует только в сознании Сновидца.

ГЛАВА 29

САДЫ - МИРСКИЕ И ДУХОВНЫЕ

НАСКОЛЬКО Я ПОМНЮ, в августе или сентябре 1949 года Парамахамса Йогананда приобрел последнюю и самую великолепную собственность ашрама: двенадцать акров, которые сама природа превратила в чудесную чашу с отлогими краями, окружающими миниатюрное озеро. «Озерная Святыня (Lake Shrine) Общества Самоосознания», как назвал это место учитель, безмятежно прильнула к широкой дуге, образуемой Сансет-бульваром, выбегающим из города Пасифик-Палисад в том месте, где этот бульвар делает свой последний поворот вниз, к океану. Этот участок оказался самым чудесным местом из тех, что мне встречались за все время моих путешествий по разным странам мира. Вскоре после приобретения этой земли Мастер пригласил монахов полюбоваться ею. Обходя местность, мы были поражены ее великолепием. Мастер с радостью предсказал: «Это будет витриной нашей работы!» Затем он предложил нам переодеться для купания и вошел с нами в воду.

«Я наполняю все это озеро божественным светом», — сказал он. Позже он говорил нам: «Теперь это святая вода. Кто бы ни пришел сюда в будущем, получит небесное благословение».

Даже сегодня, почти через тридцать лет после того события, когда просто ступаешь на эту землю, чувствуешь ее духовную силу. Часто я размышлял о том, как люди из дальних стран совершают паломничество, чтобы принять подобное благословение. Как и это место в современной Калифорнии, великие святыни Индии, Палестины и других мест наделены святостью благословениями святых, познавших Бога. Однако во многих более древних святынях толпы людей в поиске обычных мирских благ ослабили духовные вибрации. В «Озерной Святыне Общества Самоосознания» (как и во всех ашрамах Йогананды) все еще мощно действуют первоначальные духовные вибрации. И не только потому, что те места получили его благословение (в Маунт-Вашингтоне он однажды сказал нам: «Я медитировал на каждом участке этих земель»), но также и потому, что после его благословения эти земли были всегда населены искренними верующими.

Вскоре после приобретения местности *Лейк-Шрайн* («Озерной Святыни») мы начали готовиться к тому, чтобы через год открыть этот ашрам для публики.

Было завезено и посажено на склонах холмов множество деревьев, цветов и кустарников. Чтобы подчеркнуть учение Йогананды о коренном единстве всех религий, в живописных местах на территории ашрама были размещены изваяния выдающихся деятелей великих религий мира. (Однажды мы спросили Мастера; «Где, по-вашему, должен сидеть Будда?» Мастер стоял рядом, руководя работами. «Будда,—ответил он, спокойно улыбаясь,—предпочитает стоять».)

В первые месяцы подготовительных работ нам очень докучали тучи мошкары. Влечение, которое они испытывали к нашим глазам, ушам и ноздрям, едва ли нам льстило. «Мастер, — воскликнул я однажды с раздражением, — какая насмешка! Почему это чудесное место должны портить насекомые?»

Мастер спокойно ответил: «Так Господь побуждает нас всегда стремиться к Нему».

К счастью, Господь нашел другие пути для реализации этой цели. Мошкара оказалась лишь временным бедствием.

Однажды мы несли хрупкое, но довольно тяжелое тропическое растение к назначенному месту на склоне холма. Очевидно, мы обращались с ним слишком неловко, потому что Мастер воскликнул: «Осторожнее, что вы делаете? Разве вы не *чувствуете?* Оно живое!»

Его чувствительность ко всему живому порождала ответную чувствительность. Не только люди и животные отвечали на его чувство к ним. Его сады процветали. В Маунт-Вашингтоне, где климат отнюдь не тропический, росли манго и бананы. Шраддха Мата (мисс Сали) рассказывала, как однажды наблюдала за растением (она назвала его «преданная роза»), которое поворачивалось в вазе в сторону Мастера по мере того, как он передвигался по комнате. «Растения, —объяснил Мастер, — обладают некоторым сознанием». Кроме того, как всякое чувствующее существо, они отвечают на любовь.

Мастер даже чувствовал загадочную личную связь с некоторыми растениями. Однажды, указывая на дерево авокадо у пешеходной дорожки в Маунт-Вашингтоне, он рассказал: «Сначала я посадил здесь два дерева, по обе стороны дорожки. В те дни здесь жил очень преданный ученик Говоря однажды о нем, я сказал другим ученикам: «Один из нас оставит эту работу, и одно из этих деревьев погибнет. Это дерево представляет меня; а то, другое — его. Дерево, которое погибнет, покажет, кто из нас уйдет».

«Итак, его дерево погибло. Вскоре после этого, он покинул нас. Он был очень предан, но его преданность иссякла. Заблуждение, которое увлекло его, —жажда денег». Мастер несколько помедлил, прежде чем назвать это заблуждение, чтобы дать нам время мысленно заполнить паузу нашими собственными кармическими преградами и таким образом напомнить себе, над чем нам необходимо работать для собственного духовного блага.

В восточной части земельного владения ашрама в Маунт-Вашингтоне погибла сосна. Летом 1949 года Джин Гаупт срубил ее. Мастер был огорчен потерей своего древесного друга. «Видишь, — спокойно говорил он Дая Мате,—конец того дерева отмечает начало конца моей собственной жизни». Как ни странно звучало это пророчество, оно сбылось.

Иногда, во время занятий с нами, он отождествлял нас с растениями. Говоря об одном монахе, который противился принятию его духовных наставлений, он воскликнул: «Какой труд принимает на свои плечи тот, кто старается исправить людей! Он должен проникнуть в их умы и увидеть, что они думают. Роза в вазе очень красива; при этом забываешь, сколько заботы потребовалось, чтобы вырастить ее. Но если столько трудов потребовалось для того, чтобы выросла роза, то во сколько раз труднее воспитать совершенное человеческое существо!»

Как божественный садовник, Мастер неустанно работая над нашим духовным совершенствованием. Для этого требовалось терпение, любовь, мужество и значительно больше веры в нас, чем было у большинства из нас самих. Причиной тому было то, что мы видели только наше собственное эго, стремящееся скрыть свое несовершенство, а он видел наши души, стремящиеся восстановить их высокое право рождения в Боге. Одни ученики оправдывали его доверие больше, чем другие, однако он распространял на всех нас одно видение нашего окончательного совершенства.

Скоро я узнал, что самым важным на нашем пути (особенно для неофита) является мудрый выбор товарищей. Поскольку даже в духовной среде можно встретить сплетников и ворчунов, верующих, которые слишком мало медитируют, и тех, кто, похоже, не может допустить и мысли о том, что именно они должны измениться, а не остальной мир. С другой стороны, в каждой действительно духовной организации есть люди, которые своим примером самоотверженного служения, постоянной жизнерадостности, внутренней сосредоточенности и духовного усердия вызывают в других возрождение преданности.

В Маунт-Вашингтоне я нашел такое вдохновение во многих учениках. Даже сегодня я вспоминаю их с благодарностью. Я вспоминаю миссис Мерк (позднее — Сестра Каруна). В возрасте около восьмидесяти лет она каждый день часами работала в саду. «Да, — говорила она приветливо, с сильным шведским акцентом, — я люблю цветы. Это мои дети!»

Я думаю о миссис Ройстон, тоже довольно пожилой женщине. Именно она когда-то поведала мне об Учителе, радостно, бегом поднявшись на помост для лектора. Ее непоколебимая преданность и неизменно хорошее настроение часто напоминали нам указание Мастера: «Будьте всегда уравновешенными и жизнерадостными».

Я думаю о миссис Райт, матери Дая Маты, — твердой и в то же время сострадательной. «Великая Мать» — так обычно Мастер называл ее.

Я думаю о миссис Браун, чья радостная преданность Мастеру порождала высокое восхищение и вдохновение. Ее радость, которую невозможно было назвать незрелой, покоилась на великой внутренней решимости и силе. Миссис Браун приходилось бороться с затянувшимися физическими страданиями; и все же она с радостью служила другим, забывая о своей боли. Для меня и для многих других она была действительно подобна матери.

Мисс Сали была пожилой монахиней, которую я, как «молодая горячая голова», укорял в том прискорбном эпизоде с комиссией. Когда я узнал ее лучше, то обнаружил в ней глубокую, непоколебимую преданность, несовместимую с сумасбродством. Она напоминала мне энергичную, квалифицированную сестру милосердия (которой когда-то и была). Я находил в ней какую-то внутреннюю теплоту и сочувствие. Ее внешняя строгость научила меня не забывать, что божественный поиск, при всей радости этого процесса, является очень серьезным делом.

Мисс Дарлинг, несмотря на несколько острый язык (поклонники астрологии назвали бы ее «истинным Скорпионом»), произвела на меня впечатление своей неуемной энергией и бесконечной преданностью всему, что делала. Однажды Мастер описал нам, как несколько лет назад она и два других монаха красили главное здание в Маунт-Вашингтоне.

«Мужчины,—рассказывал он, —которые были значительно крупнее и сильнее ее, томно помахивали кистями, как бы совершая элегантное мирное приношение зданию. Мисс Дарлинг же просто атаковала стены! Ее кисть неустанно летала туда-сюда, туда-сюда, не останавливаясь ни на секунду, чтобы подумать, сколь трудна была работа. Вот,—заключил радостно Мастер, — такая сила духа нужна для поиска Бога!»

В Твенти-Найн-Палмз он однажды рассказал мне: «В день, когда мисс Дарлинг пришла (в Маунт-Вашингтон), я сказал ей тихо: «Вот вы и пришли». Я знал, что она наша».

Из всех монахинь у меня была возможность получше узнать Дая Мату; именно от нее я получал самое высокое вдохновение. Она всегда была справедливой, приветливой со всеми, скромной и по-детски непосредственной. Больше всего меня вдохновляла ее абсолютная преданность Богу и Гуру. Я никогда не видел, чтобы у нее было иное желание, кроме исполнения воли Мастера.

«У вас все хорошо?» — обычно спрашивала она, когда мы встречались в ее канцелярии, чтобы обсудить служебные дела. Всегда готовая оказать духовную поддержку, если это было в ее силах, она могла отложить в сторону организационные вопросы (даже если они требовали неотложного решения), если чув-

ствовала, что мы нуждаемся в совете или ободрении. В каждую дискуссию в офисе она вплетала тонкие нити благочестивой интуиции и совета. От нее я узнал, что работа и медитация неотделимы друг от друга; что когда мысль о Боге преобладает, они сливаются в одно целое.

«Я чувствую, что в прошлых жизнях вы были близки к Мастеру», — сказала она мне однажды. Наши отношения походили больше на отношения брата и старшей сестры, чем на отношения младшего и старшего монаха. Мы понимали, что корни этих отношений были в наших прошлых жизнях. Я никогда не мог выразить словами благодарность за ее неизменную дружбу и руководство мною. В этой жизни для меня это была одна из самых ценных наград от Бога.

Молодых монахинь я видел очень мало. Из монахов лишь немногие оставались работать так же долго, как пожилые монахини. («Духовный путь труднее для мужчин», — признавал Мастер. «Однако, — добавлял он утешительно, — вступившие на него достигают очень многого».)

Преподобный Майкл (Брат Бхактананда) был одним из монахов, который вдохновлял меня. Он скромный до глубины души («У него нет эго»,—однажды сказал Мастер) и преданный Богу. Я почти завидовал непринужденной простоте, с которой он мог емко и кратко определить весь духовный путь: «Преданность Богу—это все».

Другими вдохновляющими примерами были Джо Карбон (Брат Бималанада) и Генри Шауфельбергер (Брат Анандамой), пришедший на год позже меня. Оба сочетали в себе доброжелательность и спокойную проницательность, которые мне казались особенно привлекательными.

Кроме них было также множество других. Живя среди них, я чувствовал неизмеримое счастье.

«Из учеников, — сказал однажды вечером Мастер нескольким из нас в главной канцелярии, — первый по степени осознания — Святой Линн. За ним следует мистер Блэк и потом Сестра». Джеймс Дж. Линн, которого Мастер называл Святым Линном, позднее получил звание и имя Раджарши (царственный мудрец) Джанакананда. Мистер Блэк был лидером центра Общества Самоосознания в Детройте, штат Мичиган. Теперь он также возглавляет духовный ретритный центр в Вандербилте (северная часть этого штата), который называется «Ранчо Утренней Песни».

В Твенти-Найн-Палмз в октябре 1949 года Мастер сказал мне «С теми, кто со мной (он имел в виду: с теми, кто *настроены на него),* у меня никогда не бывает

Джанакананда переводится как «ананда (божественное блаженство), которое обретается благодаря идеальному равновесию между внешней ответственностью и внутренним духовным уровнем, которое в совершенстве было продемонстрировано в древние времена жизнью царственного мудреца Джанаки*.

проблем. Для них достаточно взгляда. Намного лучше, когда мне удается учить так». Он добавил: «Они изначально святые, большинство из них».

В другой раз он сказал мне: «Многие ученики получат освобождение в этой жизни». Глядя в окно, он увидел миссис Ройстон, работающую в саду. «Даже она», — добавил он с доброй улыбкой. В более легком тоне он продолжал: «Знаешь, когда она впервые пришла сюда, то была еще простодушнее!» Он продолжал восхвалять ее за многие годы беззаветного служения и преданности.

Группе наших учеников в Твенти-Найн-Палмз он сказал однажды: «Горакуже почти у цели. Бог доволен его преданностью». Горак, как возможно помнит читатель, был тем учеником со спастическим параличом, который помогал Джеймсу Коллеру в день его неудачной лекции по йоге в Финиксе.

Джеймс, который тоже был в той группе, пытался умерить похвалу Мастера в адрес Горака (поскольку он знал этого брата-ученика): «Сэр, — сказал он, — это очень примитивный вид преданности, не так ли?»

«О,—ответил Мастер с блаженной улыбкой, — как раз это угодно Богу! Он не проявляет себя в рассудительных и мудрых, но лишь в детях».

О самом Джеймсе Мастер говорил несколько раз: «В этой жизни он получит освобождение». Вспомнив о трудностях Джеймса с дисциплиной, он добавил шутливо: «Я не знаю как! Но Бог так говорит, значит, это должно быть правдой».

Учеником, который щедро рассказывал истории об Учителе, был доктор Льюис, первый *крийя-йог* в Америке, сегодня далеко продвинувшийся на духовном пути. Мы часами сидели с доктором, он потчевал нас рассказами, часто забавными, иногда серьезными, но всегда поучительными. Они помогали нам понять, как отношения между гуру и учеником постепенно переходят в благословенную дружбу в Боге.

К концу октября того года доктор Льюис и несколько других учеников, включая миссис Льюис и Норманна, сопровождали Мастера в Сан-Франциско на встречу с премьер-министром Джавахарлалом Неру. Доктор возвратился в Маунт-Вашингтон с рассказами о поездке, а потом стал делиться с нами воспоминаниями о годах дружбы с Мастером.

«Мастер, — сообщил доктор, — попросил меня выполнить вместе с ним энергизирующие упражнения на крыльце гостиницы в Сан-Франциско. — Доктор тихо засмеялся. — Я чуть не умер от смущения! Но почему человек должен смущаться, занимаясь добрым делом? Мое сознание не находило достойной причины, кроме факта, что наши упражнения были незнакомы большинству людей! Мастер решил излечить меня от этой ошибочной позиции.

Когда мы делали наши упражнения, мимо с обходом проходил полицейский. Мастер, демонстрируя осознание вины, быстро отступил за колонну, продолжая там делать упражнения. Полицейский посмотрел на нас с подозрением. Я готов

был провалиться сквозь землю! Однако Мастер, как ни в чем не бывало, продолжал заниматься.

Спустя несколько минут полицейский вернулся. И снова Мастер скрылся за колонной. На этот раз подозрительность полицейского возросла настолько, что побудила его подойти к нам.

«Чем это вы там занимаетесь?» — грубовато спросил он. Вероятно, у него возникло предположение, что мы два преступника и планируем злодейство.

«О, *ничем*, офицер! — заверил его Мастер с деланной невинностью.—Совсем ничем. Мы просто делаем упражнения. Видите?» Чтобы продемонстрировать свою искренность, он повторил несколько движений и улыбнулся, как бы в надежде на помилование.

«Ну, ладно,—пробормотал офицер,—смотрите, не нарвитесь на неприятности». С невероятной важностью он проследовал дальше. Мне стало так смешно, что смущение совершенно исчезло».

Мастер с небольшой группой посетил китайский ресторан в Сан-Франциско. «Вегетарианская» пища, которую они заказали, содержала кусочки цыпленка. Одна леди, выдающийся член другой религиозной организации, разгневанная влетела на кухню и разнесла обслуживающий персонал за это «оскорбление».

«Мастер, — говорил нам доктор, — считал невоздержанный характер более тяжким «грехом», по сравнению с меньшим — съесть цыпленка. «Едва ли имеет смысл устраивать суматоху», — сказал нам Мастер и, отодвинув в сторону кусочки мяса, невозмутимо съел остальное».

В ту ночь Мастер и супруги Льюис занимали смежные комнаты. «Мастер оставил открытой дверь между комнатами. Я знал, ему не хотелось, чтобы мы спали этой ночью. Сам он никогда не спит, как вы знаете. Во всяком случае так, как это делаем мы с вами; он всегда в состоянии сверхсознания. И он хочет избавить и нас от слишком сильной зависимости от подсознания; он называет это «ложным самадхи». Итак, он усмотрел возможность для нас провести несколько часов, разделяя с ним вдохновение и духовную дружбу. Теперь, когда эта работа развернулась во всем мире, нам редко выпадает такая возможность.

Положение усугублялось тем, что мы с миссис Льюис (особенно она) очень устали. Мы целый день находились в дороге. «Мы ложимся спать»,—заявила она решительным тоном. Раз она решила — так и будет. Однако Мастер рассудил по-другому. Мы с миссис Льюис легли в кровать. Мастер, с притворной покорностью, лег на свою. Я только что расслабился, а миссис Льюис уже начала мирно отходить ко сну, когда вдруг Мастер, как бы в полном соответствии с ситуацией, сказал: «Саб гам». И все.

«Саб гам» — название одного из китайских блюд, которое мы отведали в тот день. Я улыбнулся. Миссис Льюис проворчала: «Он *не* поднимет меня с постели!»

Прошло несколько минут. Мы вновь начали засыпать. Неожиданно, тоном удивления: «Саб гам *пудинг*/»Мастер произносил эти слова четко, по слогам, как ребенок, забавляющийся незнакомыми звуками. В отчаянии миссис Льюис прошептала: «Мы спим!»—и обратилась за поддержкой к стене.

Прошло еще несколько минут. Затем очень медленно: *«Супер* саб гам пудинг!» На этот раз слова произносились достаточно серьезно, как если бы их произносил ребенок, делающий какое-то важное открытие. К этому времени я уже тихо посмеивался. И хотя мы оба начали понимать, что сон нам может «только сниться», миссис Льюис все еще усердно пыталась сохранить свою решимость.

Прошло еще несколько минут. И затем — новое открытие*. «Супер СУБМАРИННЫЙ саб гам пудинг!»

Дальнейшее сопротивление было бесполезным! Не в силах сопротивляться охватившему нас веселью, мы поднялись с постели. Сон окончательно покинул нас. Мы смеялись и болтали с Мастером. Постепенно разговор перешел на серьезные темы. Наконец мы заговорили только о Боге, а затем погрузились в медитацию. С его благословения, в ту ночь у нас так и не появилось желания спать.

Я уже говорил вам, — продолжал доктор Льюис, — что Мастер никогда не спит. Я убедился, что это так, даже когда он храпит! Однажды, много лет тому назад, он лежал в своей комнате, по видимости спал, и довольно громко храпел. Я осторожно, на цыпочках, вошел в комнату и привязал бечевку к большому пальцу его ноги, стараясь не потревожить его. Когда я тихо отошел к двери, он по-прежнему мирно храпел. Я уже собирался привязать другой конец бечевки к дверной ручке, когда храп прекратился и я услышал: “Ага!”»

Доктор Льюис, почувствовав, что в тот вечер его добрый юмор доставлял нам особое удовольствие, рассказал другой эпизод. «Однажды, много лет назад, — повествовал он, — мы с Мастером стояли на тротуаре, когда велосипедист, проезжавший мимо, обратил внимание на длинные волосы Мастера и со смехом показал ему язык Через несколько футов он въехал в большую лужу. В середине лужи переднее колесо велосипеда соскочило, и человек растянулся в грязи».

Постепенно воспоминания доктора становились все серьезнее.

«В конце октября 1941 года,—продолжал он,—Мастер посетил нас в нашей летней резиденции, в местечке Плимут-Вей, штат Массачусетс. В это время года океан там очень холодный. Однако Мастер настоял, чтобы в день своего приезда, вечером, мы пошли купаться при луне. Он входил в воду, а мы, дрожа, смотрели на него с берега. Вскоре он погрузился в воду по пояс. «Теперь,—подумал я, — он должен почувствовать холод!»

Вдруг я заметил, что вокруг него появилось голубое свечение. Мой сын, стоявший рядом, и его жена тоже видели это свечение. Позднее, когда Мастер вышел на берег, мы сказали ему о том, что видели.

Улыбаясь, Мастер признался: "Мне пришлось погрузиться в Дух, чтобы избавиться от холода!"»

«Я наблюдал голубое свечение вокруг него еще раз, — продолжал доктор Льюис, вновь обретая веселое настроение. — Это случилось через несколько лет. Мы пересекали мексиканскую границу с Калифорнией. Мастер накупил манго для всех; автомашина была пропитана запахом манго! Я был уверен, что на границе этот товар конфискуют, таможня в Калифорнии строго проверяет перевозки. Однако когда инспектор пришел осмотреть машину, он не сказал ни слова!

«Как вам удалось провезти это?» — спросил один пассажир, когда мы весело въехали в Калифорнию.

"Я, конечно, не могу объяснить механику этого дела,—ответил я. — Единственное, что я знаю, это то, что, когда мы пересекали границу, я видел вокруг нас голубое свечение!"»

В своих воспоминаниях доктор возвратился к первым дням своего знакомства с Мастером. «В начале весны 1923 года Мастер сказал мне: «Следующим летом обрати внимание на свое здоровье». В суете и занятости я забыл об этом предостережении. Однако в середине лета я поплатился за забывчивость. У меня начались острые желудочно-кишечные боли. Проходили дни; страдания только нарастали. Наконец я с мольбой обратился к Мастеру.

Насколько я помню, в июле, в среду, он пришел мне на выручку. Я уехал в свой летний домик в Плимуте. К тому времени боль стала нестерпимой. В то очень раннее утро — должно быть, в два или три часа — я услышал доносившийся с дороги голос Мастера: «Доктор! Доктор!»

С каким облегчением я услышал его голос! Он реквизировал автомашину и, в ответ на мою молитву, ехал всю ночь из Нью-Йорка. Войдя в дом с двумя учениками, он отвел меня в сторону. Удивительно спокойным тоном, характерным для него, он убедил меня, что все обойдется. Потом дал мне чудодейственное йоговское лекарство, которое используется в таких случаях. Мое состояние быстро улучшилось, и вскоре я полностью поправился.

В те давние годы, в Бостоне, один человек был приговорен к смерти за преступление, которое, как считали многие (включая и меня), совершил. За день до приведения в исполнение приговора вышло так, что я был с Мастером и упомянул об этом случае. Мастер задумался. В молчании он отошел в угол комнаты и спокойно сел там. Через некоторое время он присоединился к нам с улыбкой и возобновил разговор. Он ни слова не сказал об осужденном. Но на

следующее утро в газетах появилось сообщение: «В одиннадцать часов губернатор его помиловал».

Вы знаете, в те дни мы не были знакомы с методами Мастера, которые теперь известны всем. Мы не знали о том, какие удивительные дела он мог совершать, и не знали, что это может делать любой мастер. Теперь, по прошествии многих лет, люди лучше узнали его, а в то время нам было трудно обрести такую веру, которую сегодня имеем все мы. В эпизоде с приговоренным человеком Мастер никогда не говорил нам, что сделал что-то, чтобы помочь ему. Он редко говорит о своих удивительных свершениях, и только когда они случаются, вы начинаете восторгаться. В том случае лишь после объявления помилования у меня стала расти уверенность, что к этому делу приложил руку Мастер.

Вы видите, он не желает поражать нас удивительными событиями. Любовь— только ею он старается привлечь нас к Богу. Когда я впервые встретил его в 1920 году, он сказал мне: «Будете ли вы всегда любить меня так, как я люблю вас?»

«Да», — сказал я. Видите ли, я мог чувствовать его любовь. «Да,—сказал я, — буду».

Однако заблуждение велико. Порой, когда он говорил о наших будущих общинах и великолепных зданиях, а я видел его живущим в той маленькой комнате в Бостоне, почти в бедности, меня охватывало сомнение. «Когда, сэр?— обычно спрашивал я его. — Когда могут осуществиться такие великие дела?» Мастер сохранял спокойную уверенность. «Вы увидите, доктор, — сказал он, — Вы увидите».

Однажды ко мне в стоматологический кабинет пришел человек и начал изливать ложь за ложью на Мастера. Он говорил вполне правдоподобно. Хуже того, у меня не было фактов, чтобы возражать ему. Я не поверил его утверждениям, однако должен признать, что в душе был несколько смущен. Тот человек ушел. Прошло несколько минут. Вдруг я услышал шаги, решительно приближающиеся к моему кабинету. Дверь открылась. Вошел Мастер. Подходя ко мне, он внимательно смотрел мне в глаза. «Вы все еще любите меня, доктор?»—спросил он и слово в слово воспроизвел то, что говорил посетитель.

Позднее я узнал, что в то время Мастер находился в трамвае, в четырех или пяти милях от моего кабинета. Он сошел на следующей остановке и шел пешком всю дорогу с единственной целью помочь мне.

Потом Мастер спросил, не должен ли мне кто-нибудь значительную сумму денег. «Да,—сказал я,—мне должны».

«Если вы пойдете туда сейчас, вам возвратят долг». Я пошел туда, и должник немедленно со мной рассчитался».

«Сколько раз Мастер помогал мне и моей семье! — заключил доктор. В его глазах светилась благодарность.—Когда у моей матери был сильный паралич,

он продлил ее жизнь. Когда у моей дочери, Бренды, случился припадок, а она тогда была еще ребенком, Мастер излечил ее.

В то время я гостил у Мастера. Эту печальную весть я узнал по телефону. Как только Мастер узнал о случившемся, он ушел за занавеску. Через минуту он появился с сияющим лицом: «Не беспокойтесь, доктор, с ней будет все в порядке. У нее больше никогда не будет приступов». Одной из сложностей болезни такого рода является возможность рецидивов в будущем. Однако в случае с Брендой рецидивов не было».

Когда мы в тот вечер прощались с доктором Льюисом, то от души благодарили его, что он столь щедро поделился с нами своими удивительными переживаниями.

Осенью 1949 года Мастер просил меня вместе с несколькими другими монахами продемонстрировать позы йоги перед Свами Преманандой — индийским учеником, приехавшим в Маунт-Вашингтон из Вашингтона, округ Колумбия, где он был священником церкви Общества Самоосознания. Хатха-йогой я владел довольно посредственно. Многие позы вообще были мне не по плечу. Однако в тот вечер в присутствии Мастера я легко смог выполнить даже самые трудные упражнения. С того дня меня стали воспринимать как «эксперта» Общества Самоосознания по хатха-йоге. Я позировал для фотографий, которые иллюстрировали упражнения в ряде статей журнала «Самоосознание». Если требовалась где-то продемонстрировать позы, выбор падал на меня. Когда у Мастера были гости, он часто просил меня обслуживать обед, а потом — показать им упражнения. Разве можно было почти без всяких усилий добиться такого успеха?

Однажды Мастер, сидевший в нашей столовой, разговаривая с монахами, задумчиво посмотрел на меня. «Почему бы тебе не отпустить бороду, Уолтер?»

— Вы *действительно* так думаете, сэр?

Я был поражен. В те дни редко кто носил бороду. Несколько других монахов впоследствии пытались отрастить бороды, но Мастер наложил вето на их планы, заметив: «Я не хочу, чтобы мои мальчики выглядели как дикари!» (Возможно, он чувствовал, что достаточно одного «дикаря»!)

— Попробуй, — сказал он.

Я был благодарен ему, когда вскоре он пригласил меня провести с ним несколько недель в Твенти-Найн-Палмз. Чтение лекций в церкви Голливуда с едва появившейся на лице щетиной грозило обретением репутации первого бродяги-священника Голливуда. Однако независимо от того, был мой вид «диким» или нет, когда борода отросла, я стал выглядеть старше и более зрелым.

В Твенти-Найн-Палмз Мастер сказал мне наедине о планах поездки со мной следующим летом в Индию. Я был в восторге. «Я уверен, что смогу выучить бенгальский язык,—сказал я. — Я уже говорю на нескольких языках».

«Ты овладеть им *очень* легко»,—заверил он меня. Он стал произносить ряд бенгальских *слоъ: хатх* (рука), *чок* (глаза), *мукх* (рот), *нал* (нос), *кан* (уши). Как потом оказалось, реальная возможность использовать эти слова появилась у меня лишь через девять лет. Но все это время я их помнил. Стоило мне вспомнить день, когда он произносил их, и я слышал его голос в себе, как будто он говорил их сейчас.

Это свидетельствует о том, что он мог даровать мне благословение большее, чем способность владеть телом в необычных позициях: способность помнить слова, сказанные им, точно так, как он их когда-то произнес. «Как иначе, — спрашивал я себя, — я мог вспомнить эти слова и интонации, если он говорил их на чужом языке?»

Однажды в Твенти-Найн-Палмз он рассказывал мне историю встречи Лахари Махашаи с Бабаджи. Он цитировал слова Бабаджи, сказанные на хинди: «Лахири, *ту агая* (ты пришел)». Простые слова, конечно, но услышать их однажды мимоходом и вспомнить достаточно точно, повторив их в Индии почти десять лет спустя, —талант, значительно превосходящий мои возможности.

Однажды он пел нам песню на бенгали:*«Мукти дэте пари; бхакти дэте пари кой?»* В этом случае я также слышал эти слова лишь однажды, однако они сохранились в памяти до моего приезда в Индию в 1958 году, и там я удостоверился в их точности.

Любопытно, что такая способность, если она действительно существует, относится только к словам, произнесенным Мастером. Речь других людей вспоминается достаточно туманно, что, полагаю, обычно в таких случаях.

Примерно в тот же период моей жизни Мастер стал просить меня кратко записывать его слова. Он настойчиво упоминал, что хотел бы, чтобы я когда-нибудь написал о нем. Он проводил со мной долгие часы, погружаясь в воспоминания о своей жизни, опыте налаживания работы, рассказывал о надеждах и планах на будущее. Он поведал мне бесчисленные истории, часть которых была связана с его деятельностью; другие он приводил, поскольку они были просто интересными или должны были помочь мне составить более полное представление о пути. Значение многих его идей я понимал не только из его слов и рассказов, но также по выражению его лица или тону голоса, или даже через утонченную природу переноса сознания.

Часто он высказывался о разных учениках.

—Сэр,—спросил я однаэды,—что стало с тем молодым человеком, которого вы инициировали в Бриндабане и описали в эпизоде вашей книги «Два бедных мальчика в Бриндабане»? С тех пор вы что-нибудь слышали о нем?

—Нет,—отвечал Мастер. — Но внутренний контакт с ним есть.

—Значит, нет необходимости во внешнем контакте с гуру?

—Необходим, по меньшей мере, один внешний контакт с ним.

Мастер имел в виду *значимый* контакт, подобный тому, который происходит во время посвящения.

Из других его высказываний, а также из того факта, что он поручал ученикам посвящать людей в *крийя-йогу,* даже когда еще сам был жив, я понял, что связь с ним будет осуществляться посредством контакта со следующими поколениями учеников, которые были настроены в унисон с ним.

Однажды я спросил его: «Какие качества на духовном пути самые важные?»

«Глубокая искренность, — ответил Мастер, — и преданность. Не имеет значения, сколько лет идешь по такому пути, важно, как сосредоточенно и вдумчиво человек старается найти Бога. Иисус сказал: "Так будут последние первыми, и первые последними" ».

Однажды в штате Вашингтон я встретил женщину. Ей уже было восемьдесят лет, и она всю свою жизнь была атеисткой. По благоволению Бога, после встречи со мной она вступила на путь. После этой встречи она стала страстно искать Бога. Большую часть каждого дня, если она не медитировала, прослушивала запись моей поэмы «Бог! Бог! Бог!». Она прожила еще всего несколько лет, но и за этот короткий период обрела освобождение».

Мастер рассказывал мне истории, касавшиеся наиболее трудных для понимания аспектов пути. «В Индии умер молодой человек,—говорил он.—Его тело было готово к кремации; вот-вот должны были разжечь погребальный костер. В этот момент из ближнего леса с криком: «Не зажигайте костер! Отдайте мне это молодое тело» — прибежал старый йог. Подбежав к телу, он упал и умер. Через мгновение молодой человек выпрыгнул из костра и, прежде чем его мог кто-нибудь удержать, убежал и скрылся в лесу. Семья смогла кремировать лишь этого старика!»

Однажды вечером я спросил Мастера: «Сэр, что вы скажете о содержащемся в «Автобиографии Йога» предсказании Свами Пранабананды о том, что после смерти он вскоре родится вновь и уйдет в Гималаи, чтобы жить там с Бабаджи?»

* Бенгальское произношение. Общепринятое название этого индийского города — *Вриндаван*. —*Прим.ред.*

** **Матф. 20:16.**

—Он *уже* родился и ушел из дома в возрасте шести лет.—Мастер задумчиво улыбнулся. — Его отречение в таком юном возрасте вызвало в деревне настоящий переполох!

С приближением Рождества Маунт-Вашингтон посетил Святой Линн. Мне впервые представилась возможность увидеть выдающегося ученика и духовного наследника Мастера. Он был добрым, исключительно скромным, с тихим голосом, и казался совершенно бесстрастным и постоянно погруженным в себя. Когда Мастер представлял ему каждого из нас, Святой Линн приветливо улыбался, но говорил мало. Со временем я обнаружил, что он почти не проявлял интереса к мирским разговорам. Человек, имеющий большой вес в обществе, обязанный всем самому себе, он почти не говорил о внешней стороне своей жизни. По тому, что мы слышали лично от него, можно было подумать, что он мало чего достиг в жизни. Темы его бесед относились лишь к Богу, Гуру и медитации. Обычно, когда он встречался нам на пути, то молча подходил и благословлял нас. В таких случаях он иногда говорил нам несколько слов духовного ободрения или совета. Его ум был всегда внутренне обращен к Богу. В его присутствии мне казалось, что я стоял перед окном в бесконечность.

После кончины Мастера Раджарши Джанакананда (так его называли потом), казалось, почти *стал* Мастером. Его глаза, благодаря какому-то неуловимому изменению, были глазами Мастера. Столь совершенной была его настроенность, что мысли нашего Гуру стали его мыслями. Мастер обычно говорил о себе «Я уже давно убил Йогананду». Раджарши Джанакананда тоже обрел то состояние сознания, где ничего не осталось от эго. Казалось, что через него с нами непосредственно говорили Бог и Гуру.

В тот год, во время Рождественской медитации, Мастер вел песнопение «Не осушай океан любви пламенем страстей, пламенем беспокойства». Мы повторяли за ним снова и снова. «Христос здесь,—говорил он нам.—Пойте для него». Позднее он добавил: «Так как сегодня вы повторяли это песнопение, если когда-нибудь вы почувствуете, что вокруг царит заблуждение и давит на вас, пойте его снова, думая об этом событии, и Христос и Гуру сами снизойдут, чтобы спасти нас. Помните мои слова, потому что они истинны».

Как и в прошедший год, Мастер выступал перед нами из глубин божественного общения. Он благословил Святого Линна, доктора Льюиса, Дая Мату и некоторых других, говоря им, как доволен ими Бог.

«Уолтер, — обратился он ко мне,—ты должнен *очень* стараться, потому что благословение Бога будет велико». Его слова так сильно растрогали меня, что в медитации до конца дня я больше думал о них, чем о Боге.

В день Рождества у нас был традиционный банкет, после которого Мастер, как и в прошедшем году, с любовью и вдохновением обратился к нам. Во время

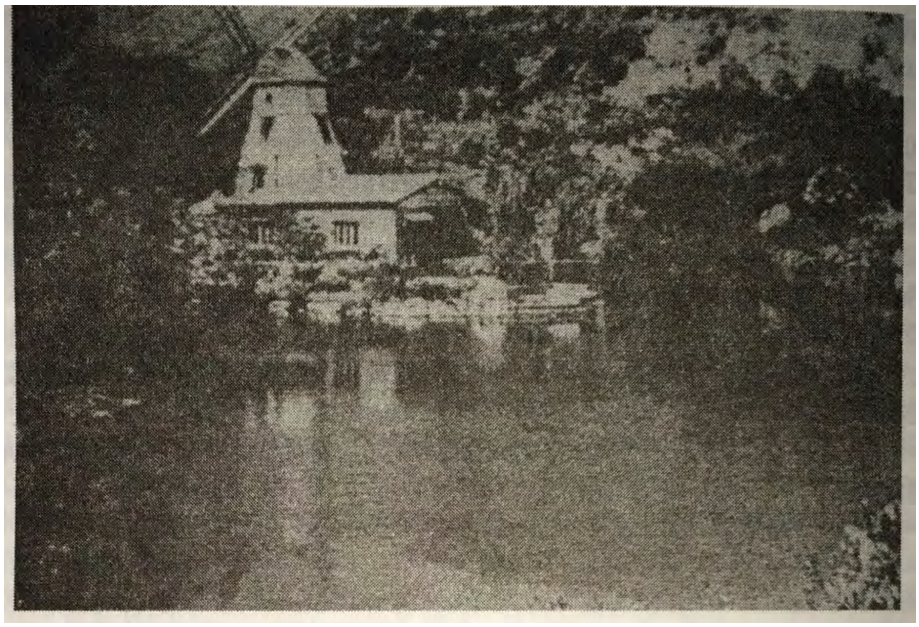
этой беседы он сказал: «Леди из офиса сделали рождественский подарок Фэй. Они подписали его: "Боссу, который никогда не приказывает"». Выражая улыбкой удовлетворение своей любимой ученицей, он продолжал ласкою говорить о саде из душ, который расцветает вокруг нее.

Перед банкетом на столах были разложены карточки, указывающие места гостей; это мероприятие планировалось как чисто семейное торжество. Однако в последний момент пришло множество людей без приглашения. Им были любезно предоставлены места, некоторые монахи уступили им свои.

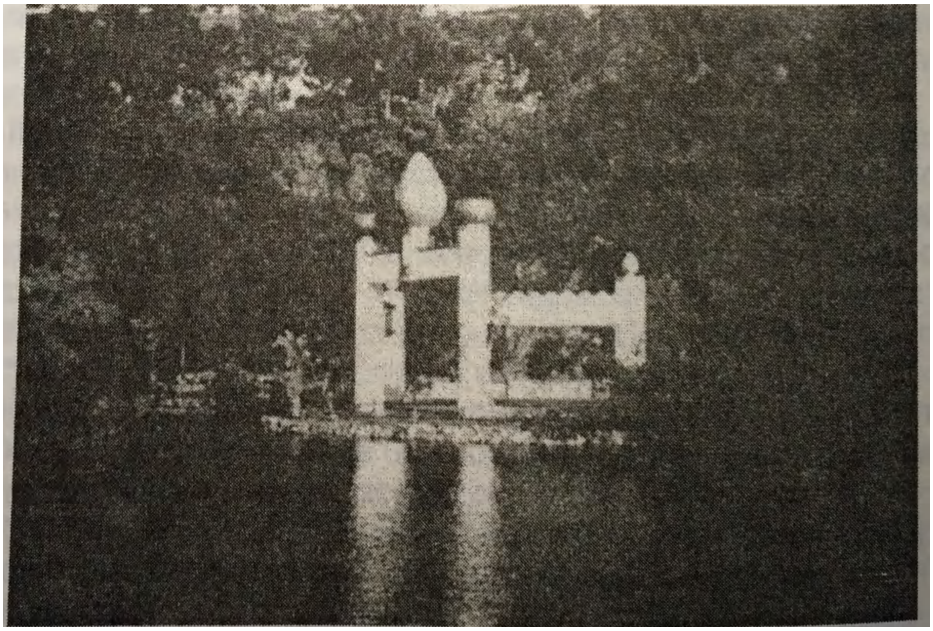
Позже в офисе некоторые из нас обсуждали с Мастером неудобства, вызванные неожиданным наплывом людей. Один монах пожаловался на их нахальство. Мне посчастливилось обратить внимание на другой аспект этого эпизода.

—Сэр,—сказал я,—ученики соперничали между собой за право уступить свои места.

—О! — Мастер счастливо улыбнулся.—Вот это мне по душе!

Церковь в «Озерной Святыне Общества Самоосознания», Пасифик-Палисад, Калифорния.

Храм под открытым небом в «Озерной Святыне*.

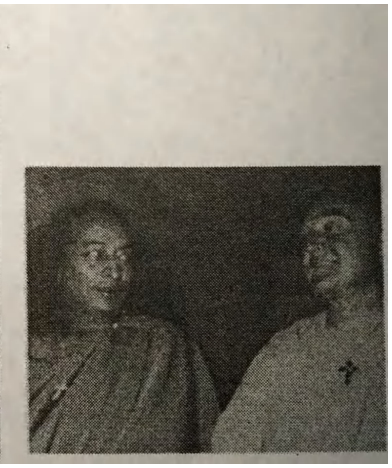
Мастер с тигровой шкурой. Выдающиеся йоги иногда медитируют, Ладя на тигро вой шкуре, что, говорят, укрепляет чувство решимости и самооолад.

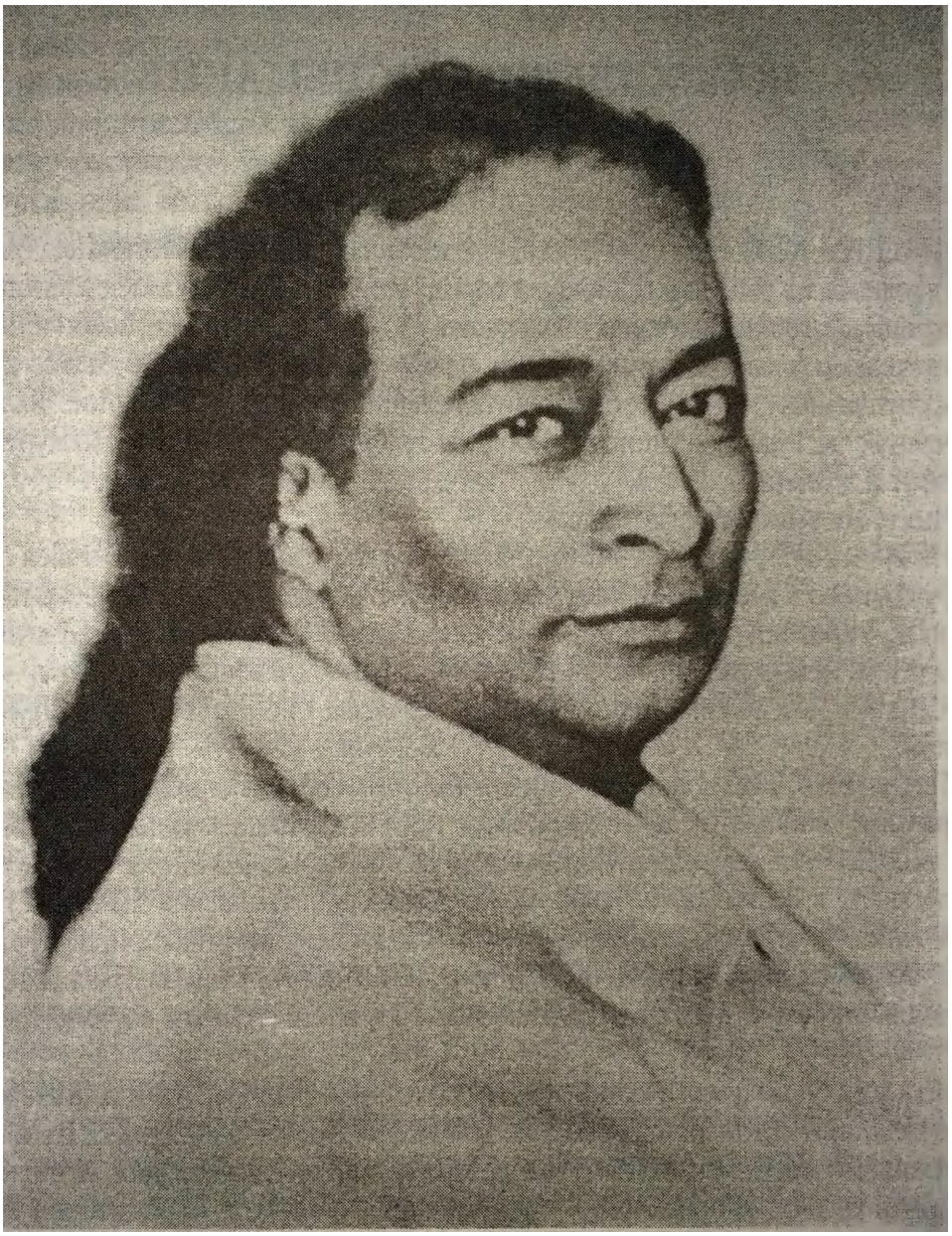
Рождество в Маунт-Вашингтоне, 1949 год. За столом сидят: Святой Линн (Раджарши Джанакананда), М астер и доктор Льюис. Миссис Льюис стоит за Святым Линном. Н а заднем плане — я.

Мастер со Святым Линном после посвящения в ***санньясу*** (монашество). По этому случаю М астер дал ему имя Раджарши Джанакананда.

Раджарши говорил нам: «М астер сказал мне: “Ты и я — единый свет в двух телах”».

Парамахамса Йогананда

ГЛАВА 30

БОЖЕСТВЕННОЕ ИСПЫТАНИЕ

В ВИДЕНИИ, КОТОРОЕ у него было в детстве, Парамахамса Йогананда ощутил себя стоящим на рыночной площади города в предгорьях Гималаев. День выдался жарким, а пыльная площадь была полна убогими лавчонками, озабоченными покупателями и клянчащими нищими. Всюду сновали собаки. Обезьяны, крадучись, спускались с крыш, чтобы стащить из лавки что-нибудь съестное. Жалобно кричали ослы. Туда-сюда шныряли люди, нагруженные покупками, нахмуренные от забот и желаний.

Никто не выглядел счастливым.

Но время от времени кто-нибудь из бурлящей толпы останавливался около погруженного в транс мальчика, пристально глядя куда-то вдаль высоко над его головой. Через некоторое время в глазах каждого такого человека появлялось выражение невыразимой тоски. Потом он глубоко вздыхал и бормотал: «О, но это слишком высоко для меня» — и, опустив глаза, снова сливался с мятущейся толпой.

После того, как подобный эпизод повторился несколько раз, Йогананда обернулся, чтобы увидеть, что же позади него столь сильно привлекало внимание людей. И там он увидел возвышавшуюся над городом величественную гору, зеленевшую в безмятежной дали; полный контраст со всем в пыльном гуле и суете гнилого честолюбия. На вершине горы раскинулся большой, невыразимо прекрасный сад. Его лужайки были изумрудны, а цветы—самых разных оттенков. Мальчику страстно хотелось взойти на гору и попасть в тот восхитительный сад.

Но когда он подумал о трудности восхождения, в его уме сами собой возникли те же слова: «Это слишком высоко для меня!» Потом, обдумав эти слова, он с презреньем отверг их. «Может быть, она слишком высока для меня, чтобы покорить ее одним прыжком, — подумал он, — но хотя бы один шаг я могу сделать». Даже если попытка будет неудачной, решил он, это во много раз лучше, чем продолжать жить в этой душной и пыльной витрине человеческой нищеты.

Исполнившись решимости, шаг за шагом он стал подниматься. Наконец он достиг вершины горы и вошел в прекрасный сад.

Для Мастера это видение символизировало обычные трудности каждого человека с высокими идеалами. Все люди, по-моему мнению, должны иногда испытывать раздражение от ограничений, которые накладывает на них тело, постоянно требующее средств к существованию и защищенности. Человек инстинктивно стремится к жизни, свободной от соперничества и забот, от ненависти и жестокости. Увы, очень немногие подозревают, что такое состояние достижимо не во вне человека, а в нем самом, на самой высокой вершине духовного развития. А из тех, которые догадываются об этом, многие отворачиваются со вздохом: «Но это слишком высоко для меня!» Немногие, к сожалению, вступают на этот путь всерьез! «Из тысячи, — говорит Кришна в Бхагавад-гите, —лишь один ищет Меня».

Однако этот путь не столь труден, *если следовать по нему шаг за шагом.* Как сказал Иисус: «Довольно для каждого дня своей заботы»*. И, как часто говорил нам Парамахамса Йогананда: «Святой — это грешник, который никогда не сдавался».

На духовном пути требуются мужество и самоотверженность, абсолютная уверенность в том, что только Бог может удовлетворить необоримое стремление души к истинному счастью. Те, кто вступает на путь, к которому со всей своей страстью и волшебным обаянием призывал Йогананда, ожидая встретить только блаженные видения, следуя по мягкой мшистой тропе, усыпанной цветами роз божественного утешения, падает духом, когда узнает, как часто Бог отдает предпочтение не розам и мху, но шипам. Однако для тех, кто стремится к цели увлеченно и преданно, следуя по этому пути спокойно и уверенно день за днем, никакое испытание не будет непосильным. Препятствия будут казаться благом, потому что дают силы, необходимые для достижения вершин.

В первые месяцы 1950 года я получил возможность кое-что узнать о духовных препятствиях. Мои испытания начались с нескольких недель невероятного вдохновения. Я был ободрен непродолжительным, относительно легким путешествием и бежал вперед со страстной надеждой навстречу неожиданному потрясению у подножия скалы.

Некоторое время после Рождественских каникул мои медитации были полны блаженства. Я помню, что однажды сказал Джиму Гаупту: «Если даже за оставшиеся годы моей жизни я не достигну в духовном плане чего-либо большего, чем сегодня, я все равно буду удовлетворен». Опасные слова! Бог не разрешает своим последователям слишком долго наслаждаться самонадеянностью.

Матф. 6: 34.

Примерно через месяц нарастающей внутренней радости в моем уме начали возникать коварные иллюзии. Сначала пришла гордость, чувство, будто радость отделила меня от других; не в том смысле, что я считал себя лучше них, но в столь же ошибочном смысле отчуждения от внешних интересов, даже невинных. Это состояние сознания, которое приходило под личиной мудрости, порождалось духовной неопытностью. Верующий должен научиться видеть Бога вокруг так же хорошо, как и внутри себя — особенно в добрых делах и в красивых вещах Мир, в котором мы живем, есть мир Бога. Отвергать этот мир означает, в сущности, отвергать Его. За таким шагом следует гордыня, а с нею—искушение приписать собственным заслугам вдохновение, которое получает человек.

Даже когда я поздравлял себя с растущей внутренней свободой, я все больше и больше ощущал беспокойство по поводу своего духовного состояния. Я понимал, что со мной происходило нечто серьезное и что я не отзывался, как следовало, на благословения, которые получал. Но где я ошибался? Моя проницательность еще не достигла такого уровня, чтобы ответить на этот вопрос.

Потребовалось время, чтобы я понял, что слишком страстно держался за свое блаженство, как будто оно возникало только благодаря моим усилиям. Я летал на своих собственных крыльях, забывая о том, что для высокого полета верующий должен позволить поднять себя свежему ветру милости Господа.

Гордость порождала растущую напряженность в моих духовных усилиях. И тогда, понимая, что мне нужно стать более скромным, внутренне более восприимчивым, я начал пытаться слишком назойливо, почти вызывающе предлагать себя воле Бога. Я ухватился за Его руководство так же, как раньше держался за радость.

«Господь, чего Ты хочешь от меня?—молился я. — Я готов сделать для Тебя все!» Я старался представить те требования, которые Он мог предъявить мне; потом видел себя выполняющим эти требования до последней буквы. В моей непомерной озабоченности воображаемые Его требования постепенно умножались до такого масштаба, что само их количество казалось невероятным. «Не сиди здесь. Не ходи туда. Не ешь это. Не говори то». Я чувствовал себя жертвой того, что римские католики называют «скрупулезностью». Я больше не мог находить радость в самопожертвовании. Едва ли подозревая, что эта драма разыгрывалась в моем собственном уме, я стал смотреть на Бога почти как на тирана: Его требования казались чрезмерными! Мне даже не приходило в голову, что Он никогда и не выдвигал ни одного из них!

«Уолтер так запутался!» — озабоченно сказал Мастер миссис Браун как-то утром. В тот день еще несколько раз, качая головой, с удивлением, он повторял: «Уолтер так запутался!» Потом, как бы успокаивая себя, добавил: «Но он справится с этим».

Примерно в это время Мастер уехал в Твенти-Найн-Палмз, чтобы уединиться и завершить свой комментарий к Бхагавад-гите. Он пригласил с собой меня. «Я спрашивал Божественную Мать, кого мне следует взять с собой, — говорил он мне, — и передо мной появилось твое лицо, Уолтер». Я надеялся, что недели, проведенные в обществе Мастера, помогут остановить нарастающую во мне суматоху.

Было удивительно интересно слушать, как он работает над рукописями. Вдохновение приходило к нему с исключительной легкостью. Ему достаточно было заглянуть в Духовное Око и почти непрерывно диктовать секретарше Дороти Тейлор, которая едва успевала за ним, печатая на машинке. Из его уст легко изливался нескончаемый поток глубоких и проникновенных мыслей.

Мне довелось провести несколько дней с Мастером и слушать, как он диктует. Потом он предложил мне пойти в приют для монахов, просмотреть старые журналы Общества Самоосознания, вырезать его комментарии к Гите и «отредактировать» их.

Редактировать? Я знал, что такое же поручение он уже давал другому, старшему ученику.

—Насколько тщательно я должен редактировать, сэр?

— Просто редактировать, — ответил он неопределенно, задумчиво глядя в окно. Затем добавил: — Работай как молния. Нельзя расточать ни минуты времени. Однако,—здесь он взглянул на меня строго,—не изменяй ни слова.

Редактировать, как молния, и не изменять ни слова? К моему душевному замешательству теперь добавилась новая проблема: я не имел ни малейшего понятия о том, что должен был делать.

Мастер рекомендовал мне оставаться в уединении и посвятить себя редакторской деятельности, работая при этом «со всей возможной скоростью». Поскольку я пришел в пустыню с большими надеждами проводить каждый день с ним, меня сильно опечалило, что я оказался в абсолютном одиночестве. Непривыкший к полному уединению, я чувствовал себя совершенно покинутым. Меня начали одолевать приступы подавленного настроения. Временами я впадал в мрачное отчаяние, падал на кровать и беспомощно вперивался в потолок. Каждый вечер я говорил себе: «Это просто не может не прекратиться на следующий день!» Однако такое состояние продолжалось день за днем, три долгих месяца. Каждый день состояние казалось хуже вчерашнего.

Казалось, во мне боролись две противостоящие силы. Я мужественно старался поддержать хорошую сторону, ежедневно медитируя по нескольку часов, однако медитация лишь усиливала чувство безнадежности. Днем я старался всецело погрузиться в работу. Но, к своему отчаянию, я не знал, как мне следо-

вало работать, и это затрудняло такое погружение. Работа по «редактированию» казалась мне Сизифовым трудом.

Однажды, обращаясь к аудитории, Мастер сказал: «Я привык думать, что Сатана — всего лишь выдумка людей, но теперь я знаю и подтверждаю свидетельство тех, кто жил до меня, что Сатана — реальность. Он — всемирная сознательная сила, единственная цель которой — привязать всех людей к колесу заблуждений». Теперь я чувствовал, что Бог и Сатана сражались во мне, и от их попыток одолеть друг друга доставалось всегда *мне!* Нельзя сказать, что у меня появилось желание вернуться к мирской жизни. Такое стремление, по милости Бога, никогда не посещало мое сердце с той поры, как я впервые ступил на духовный путь. Но, стремясь к миру в себе, я чувствовал необъяснимый ужас перед глубоким погружением в медитацию, где только и можно было обрести настоящий покой.

18 февраля, суббота, 1950г.
29 (Палмз)

Дорогой Уолтер!

Посылаю все журналы.

1. Вырежь сначала все статьи о Бхагавад-гите — собери и наклей только на одной стороне; не испорть текст (любой) на обратной стороне статей о Гите.

2. Продолжай редактировать карандашом статьи Омара Хайяма: собери их в книгу, приклеивая только задней кромкой, как в книге.

3. Есть ли у тебя клей, бумага, нож? Если нет, то пришли список и Джейн принесет их тебе.

4. Потом тебе следует вырезать все статьи о Библии, сделать из них книгу о втором Пришествии Христа.

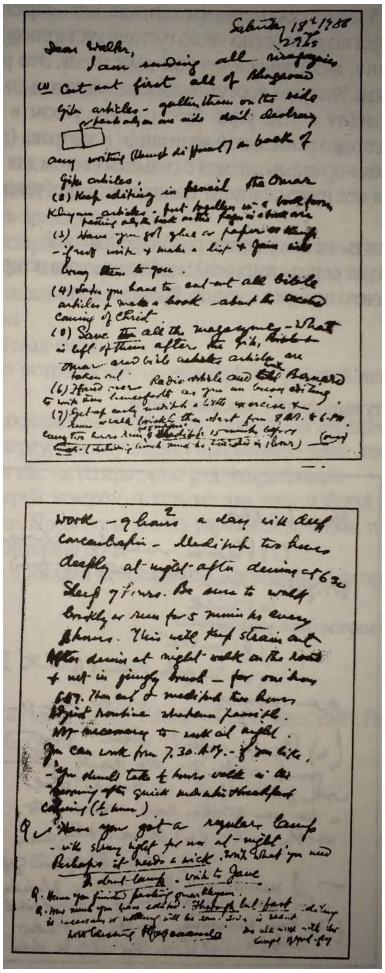
5. Сохрани все журналы—что от них останется после вырезки статей Омара Хайяма и о Библии.

6. Передай статью для радио и напиши Бернарду, чтобы, пока ты занимаешься редактированием, он продолжал писать их.

7. Вставай пораньше, немного медитируй, делай упражнения и бегай или быстро ходи; потом начинай работать с 8 часов утра до 6 часов вечера. *Каждые два часа* занимайся 5 минут бегом и *медитируй 15 минут перед ленчем* — (вместе с ленчем это должно занимать 1 час).

Работай — по 9 часов в день с глубокой концентрацией, медитируй глубоко по два часа вечером после ужина в 6:30. Спи семь часов. Обязательно быстро *

* Впереводе с английского ***Твенти-Найн-Палмз***—«Двадцать девять пальм». ***—Прим.ред.***

ходить или бегать 5 минут каждые два часа. Это снимет напряжение. После обеда, вечером—прогулка по дороге (но не по густому кустарнику) один час с 6 до 7. Затем прием пищи и медитация в течение двух часов. Это расписание можно несколько изменять. Вечером прогуливаться не обязательно. Если хочешь, можешь начинать работу в 7:30 утра. Тебе следует утром в течение получаса гулять—после непродолжительной медитации и завтрака (полчаса).

Q. Есть ли у тебя нормальная лампа с сильным светом для работы в вечернее время? Может, для нее нужен фитиль? Напиши, что требуется для лампы. Пиши Джейн.

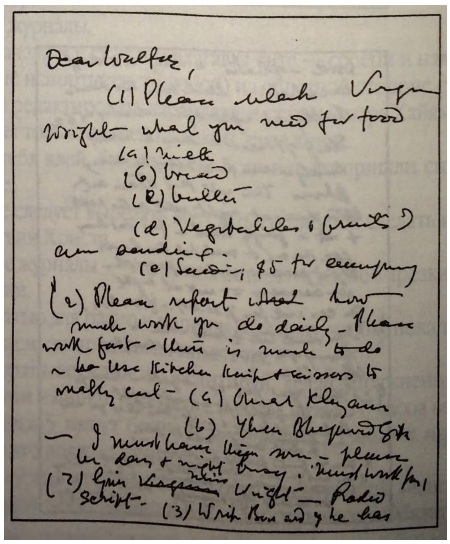
Q. Закончил ли ты склейку статей об Омаре Хайяме?

Q. Сколько ты уже отредактировал? Необходимо редактировать тщательно и быстро, иначе ничего не будет сделано. Времени мало.

С *благословением*
П. Йогананда

P.S. Всю работу выполняй с мыслью о Боге.

П.Й.

Твенти-Найн-Палмз, 1950

Дорогой Уолтер,

1. Пожалуйста, напиши Вирджинии Райт, что тебе нужно для питания:

a) молоко

в) хлеб

c) масло

d) овощи и фрукты я посылаю

e) посылаю пять долларов на все.

2. Сообщи пожалуйста, какой объем работы ты выполняешь ежедневно. Пожалуйста, работай побыстрее. Еще многое предстоит сделать. С помощью кухонного ножа и ножниц сделай вырезки из:

a) Омара Хайяма

в) затем—Бхагавад-гиты.

Мне они скоро потребуются — пожалуйста, работай день и ночь. Надо работать быстро.

3. Передай Вирджинии мисс Райт текст лекции для передачи по радио.

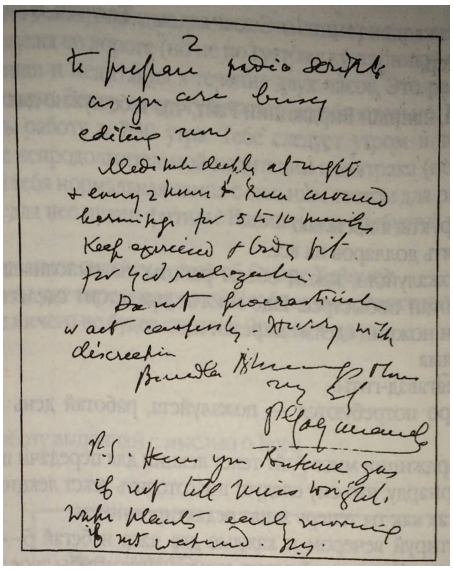
4. Напиши Бернарду, что ему следует подготовить текст лекции для выступления по радио, так как ты теперь занят редактированием.

Глубоко медитируй вечером и каждые два часа и бегай 5—10 минут по территории обители. Продолжай делать упражнения, чтобы твое тело соответствовало образу и подобию Бога.

Не мешкай и не проявляй небрежность. Поспешай с благоразумием.

Щедрые благословения через Меня,
П. Йогананда

P.S. Есть ли у тебя газ? Если нет, скажи об этом мисс Райт. Поливай растения рано утром, если они сухие.

Испытываемое мною тогда психологическое брожение может показаться читателю достаточным объяснением моего чувства беспомощности: мол, нечего для оправдания ссылаться на силы, с которыми я якобы столкнулся и не мог им противодействовать. Опирающийся на чувственные доказательства рациональный ум, не учитывая над чувственных причин, считает их сверхъестественными, нереальными. Пресловутой слабостью иррациональных умов является склонность в затруднительных случаях придерживаться сверхъестественных объяснений, чтобы снять с себя ответственность. И все же каждое состояние ума отражает более широкие реальности сознания. Наша веселость, например, демонстрирует уже существующий потенциал веселости человеческой расы, а само сознание — потенциал сознания Вселенной. Живые существа проявляют сознание так же, как электрическая лампочка проявляет энергию. Сознание является космическим явлением, человек лишь настраивается на некоторые его аспекты и выражает их. Его мысли никогда не бывают одинокими, обращенными в пустоту космоса. Как птицы, несомые сильным ветром, они подхватываются и подвергаются влиянию того потока сознания, в который вливаются. В зависимости от того, на какие стороны космической реальности человек настраивает-

ся, он увлекается вниз или вверх по шкале духовной эволюции: посредством того, что называют дьявольской силой, — вниз к материи; или же вверх, к бесконечности—силой любви Бога.

И в этом, и в ином мире есть существа, которые вполне сознательно действуют как представители этих божественных или сатанинских сил. Существ первой группы мы называем ангелами, а второй —демонами.

Примерно за год до описываемого периода у меня было неприятное переживание, связанное со встречей с представителями второй группы. Этот эпизод звучит почти как страница из средневекового романа.

Я был новичком на духовном пути и наивно стремился собрать о нем любую информацию, которую только мог получить. Однажды Бун, ссылаясь на Мастера, сказал мне, что случаи одержимости, описанные в Библии, имели место в действительности. Он поведал мне странную историю о том, как некая демоническая сила пыталась овладеть им. Скорее заинтригованный, нежели напуганный, я решил, что было бы интересно самому убедиться в истинности сообщения Буна.

Вскоре мне приснился сон. Я будто был на вечеринке, и неожиданно мне в голову пришла совершенно четкая мысль: «Пришло время встретиться мне с бестелесным духом». Я оставил своих друзей и пошел через пустую, хорошо освещенную комнату к открытой двери в ее конце. Я все еще могу ясно видеть своим мысленным взором голые доски пола, стены и яркую лампу, свисающую с потолка. Следующая комната была темная; я знал, что встречу здесь развоплощенное существо. На мгновение я испугался и протянул руку, чтобы включить свет. «Не будь трусом, — укорял я себя, — как ты узнаешь, что это такое, если даже не можешь встретить его лицом к лицу?» Я остался стоять в темноте посереди комнаты и выкрикнул: «Приходи!»

Здесь начинается «средневековая» часть этой истории. На другой день Джин Гаупт рассказал мне, что примерно в то же время ночью он был разбужен громким, неистовым стуком в дверь.

—Кто это?—спросил он.

Низкий грубый голос громко спросил: «Кто в комнате?»

—Д-джин.

—Кто?

—Джин Гаупт. — К этому моменту он был страшно испуган.

—Ты мне не нужен. Мне нужен Дон Уолтер!

Кто-то или что-то со страшным шумом покинуло главное здание.

Должно быть, вскоре после этого началось и мое собственное странное приключение.

«Приходи!» — крикнул я. Как только я произнес это слово, пол подо мной начал колыхаться, словно волны озера. Через мгновение я почувствовал, что какая-то сила извлекла меня из тела и вытянула через окно в какой-то туман. Вокруг меня звучал странный *аспект Аум*—что-то вовсе не приятное. Это было далеко не возвышенное духовное переживание, однако в ту ночь интуиция не была моей сильной стороной.

«Как интересно!» — думал я, дав событиям развиваться, чтобы увидеть, куда они могут завести.

Вскоре на меня налетела какая-то мощная сила, как бы с твердой решимостью лишить меня сознания. Я, как мог, сопротивлялся, но воля противника была слишком сильна; я не был уверен, что одержу победу, и решил обезопасить себя.

«Мастер!» — крикнул я громко и настойчиво.

В этот момент испытание кончилось. Звук прекратился. Я снова был в своем теле и сидел на кровати, полностью проснувшись.

В тот день, позднее, я спросил Мастера, было ли это реальным переживанием.

—Да, это так. Такие явления порой случаются на пути. — И добавил: — Не бойся их.

Как можно бояться, когда мой Гуру продемонстрировал столь вездесущую защиту?!

Однако самым худшим в моем тяжелом испытании в Твенти-Найн-Палмз было то, что я не мог даже воззвать к Мастеру с обычной верой в него. Меня охватили неистовые сомнения. Не то чтобы я сомневался в великодушии Мастера, в его духовном величии или в моей преданности ему. Но мною вдруг коварно овладела мысль: «У него недостает мудрости». От этой мысли я никак не мог избавиться. Если бы Мастер сказал мне: «В Лос-Анджелесе солнечно», — во мне усмехнулся бы змей сомнения: «Спорю, что сейчас идет дождь!» Безусловно, эти сомнения не доставляли мне *удовольствия.* Я сделал бы все, чтобы освободиться от них, так страшно они угнетали меня.

Они начались с комментариев, которые я должен был редактировать. Я нашел их в плохом состоянии. В то время я не знал, что в первые годы своей миссии Мастер обычно писал статью, затем передавал ее редакторам и печатникам и никогда больше не возвращался к ней. Даже я, не владевший санскритом, видел несоответствия в написании имен на санскрите, что свидетельствовало о слабом знании языка. Я не сознавал, что редакторы были недостаточно квалифицированными, чтобы исправить типографские ошибки, и добавили немало собственных.

В своих комментариях Мастер иногда писал: «Это означает то-то и то-то», а потом, как бы поправляя себя: «Но с другой стороны, это также значит...» — и

далее предлагал интерпретацию, которая опять, по моему мнению, имела слабую связь с предыдущей. «Разве он не понимает? — поражался я.—Как может один и тот же эпизод иметь *оба* значения?»

Лишь постепенно, спустя годы, я научился ценить утонченность такого мышления. Я узнал, что такой вид комментариев к Священному Писанию был обычным в Индии. Я вижу теперь, что, по сравнению с нашим, это более искусный с философской точки зрения метод, поскольку мы ограничиваем каждую истину одним определением, как будто определение и истина — одно и то же. Реальность имеет множество измерений. Чем более фундаментальна истина, там яснее видна ее связь со всем колесом опыта.

Моя дилемма сомнения иллюстрирует типичную проблему каждого верующего. Прежде чем он сможет обрести божественную свободу, он должен освободиться от всякой препятствующей этому наклонности, которые вынес из прошлого. Простого мысленного утверждения победы недостаточно: он должен смело встретить свои заблуждения и одолеть их в суровой борьбе. Каждому ищущему, если он хочет продвинуться на этом пути, предстоит преодолеть собственные, созданные им самим комбинации заблуждений.

«Ты сомневаешься теперь, — сказал мне однажды Мастер, — потому что сомневался в прошлом». (Испытывая чувство стыда, я как-то посоветовался с ним о своем затруднительном положении. Но он уже знал, что было у меня на уме.)

Со временем я понял, что одной из причин, побудивших Мастера поручить мне обучение других, было то, что, взрастив сомнения в прошлых жизнях и в какой-то мере преодолев их в этой, мне было необходимо подкрепить мою растущую веру внешним ее выражением, помогая другим преодолеть *их* сомнения. Помогая другим обрести веру, я оплатил бы свой собственный кармический долг прежних сомнений в Боге.

После того как я прожил в монашеском приюте около месяца, Мастер для работы над некоторыми проектами в своем ретрите вызвал из Маунт-Вашингтона Генри. Генри совершал туда ежедневные поездки из нашего приюта. Через некоторое время приехал Джерри Торгерсон и стал жить с нами. Джерри тоже работал у Мастера. Позднее, на уик-энд приезжали другие. Они также работали в пристанище Мастера. Мои душевные страдания усиливались, когда я видел эти толпы, отправляющиеся, чтобы быть рядом с Мастером, тогда как сам продолжал безнадежно работать над непостижимой задачей редактирования. Однако Мастер настаивал, чтобы я продолжал заниматься этим делом.

«Сколько ты уже отредактировал? — спрашивал он в записке, которую однажды передал мне Генри. — Следует редактировать *тщательно*, но *быстро*, иначе ничего не будет сделано. Времени мало».

Присутствие Генри было для меня настоящим счастьем. За недели, проведенные вместе с ним, мы стали близкими друзьями; наша взаимонастроенность достигла такого уровня, что порой достаточно было одному из нас подумать о чем-то, как другой уже высказывал эту мысль. Какая редкая удача найти хотя бы одного такого друга за всю жизнь!

Потом оказалось, что другие монахи тоже проводили мало времени с Мастером, поскольку выполняли работу вне помещения, а он большей частью оставался дома, беззаветно погруженный в дело завершения своих комментариев. Он не был безразличен к моему состоянию, разными путями старался поддержать меня. Однако он никогда не покушался на нашу свободную волю до такой степени, чтобы вести за нас наши важные битвы. Это лишило бы нас возможности развивать собственные силы.

Так проходили недели. В апреле посетили Маунт-Вашингтон мои родители. Папа был переведен из Египта в Бордо, во Францию, где он со временем обнаружил важное месторождение нефти под Парентисом. Мастер разрешил мне поехать и встретиться с ними. «Но ты должен вернуться через четыре дня, — писал он мне,—после того как повидаешься с родителями, которых тебе послал твой истинный Родитель, Бог». Потом, в связи со своими комментариями, он добавил: «Осталось всего три главы. Скоро мы снова будем вместе».

Как ни рад был отец встрече со мной, он не одобрял моего нового образа жизни. Он вздрогнул, увидев мою бороду, сожалел по поводу оставленной мною многообещающей карьеры писателя и совершенно отказался поддержать мои духовные убеждения. Однажды он сказал: «Если бы тебе пришлось выслушать мнения некоторых докторов относительно вашего учения об энергизации тела силой воли, ты принял бы их суждение?» Конечно, он не имел в виду консультацию с многочисленными врачами, которые уже стали членами нашего движения. Вероятно, ему даже в голову не приходила мысль, что такие существуют.

«Папа, — возразил я, — ведь доктора не всеведущи!» В воскресенье я был с папой и мамой на утренней службе в церкви Голливуда. За день до этого я спросил Преподобного Бернарда, который должен был читать проповедь: «Ты думаешь, что сможешь провести действительно научную беседу, чтобы произвести впечатление на моего отца?» «Конечно», — ответил он с уверенностью. Однако совпадение взглядов на науку Бернарда и папы было незначительным. В тот день папа вышел из церкви, убежденный в том, что Бернард совершенно лишился рассудка; это же суждение, вероятно, распространялось на всех нас.

Можно было предположить, что визит родителей, совпавший с периодом моих суровых испытаний веры, мог бы усугубить их. Однако в действительности их прибытие помогло мне преодолеть эти испытания. Несмотря на философские расхождения, мы с родителями глубоко любили друг друга, и существование

этих невидимых уз помогло мне понять, что любовь является значительно лучшим лекарством от сомнений, чем рассудок, который склонен быстро осуждать, но медлить с анализом.

В конце концов мои родители остались довольны, убедившись, что я счастлив в новом призвании. Вспомнив мои невзгоды во время обучения в колледже и позднее, мама спустя несколько недель написала Мастеру, благодаря его за все доброе, что он сделал для меня.

Во время моего краткого пребывания в Маунт-Вашингтоне я убедился, что и другие монахи ранее пережили период духовных испытаний. После моего возвращения в Твенти-Найн-Палмз я сказал Мастеру: «Сэр, Джин несколько обескуражен. Кто-то сказал ему, что, по утверждению Шри Рамакришны, благословение — это лишь игра Бога. Теперь он считает, что человек может годами медитировать и ничего не достигнуть, а Бог может проявить себя даже в пьянице, если Он имеет о нем хоть какое-то представление».

«Рамакришна *никогда* бы не сказал так! — Мастер выглядел почти потрясенным. — Вот что происходит, когда люди, не понимая, пытаются толковать высказывания святых. У Бога нет прихотей и капризов! Конечно, это может *показаться* игрой людям, которые не понимают причинных воздействий прежней кармы. Но почему Бог стал бы нарушать собственный закон? Он отвечает в соответствии с законом. Передай Гаупту, что я считаю это его заблуждением».

— Передам, сэр, — я помедлил. — Мастер, а вы не поговорите с ним? Последнее время он что-то тяжело переживает.

—Хорошо, — спокойно ответил Мастер,—Сатана испытывает эту организацию. Гаупт не один такой.

Так вот в *чем* причина беспокойства!

—Да, — печально продолжал Мастер,—падет еще несколько голов.

—Как долго это будет продолжаться, Мастер?

— Еще некоторое время. — После небольшой паузы он продолжал: — Все это началось, когда тот мальчик, Жан, покинул Инсинитас. Потом ушел Смит. Покатятся еще несколько голов.

Жан, девятилетний мальчик, который увидел Христа, несколько месяцев спустя покинул нас вместе с матерью. Преподобный Смит был священником нашей церкви в Лонг-Бич.

К концу миссии великих учителей в их жизни происходит нечто подобное уборке квартиры. Так гарантируется, что, после того как они покинут эту землю, их работа будет продолжаться настолько чисто, насколько это возможно. Иисус Христос говорил своим ученикам: «Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь имеет жизнь вечную»—и далее, — «Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь пребывает во Мне и Я в нем». Он не заботился о том, чтобы объяснить, что его

слова имели чисто метафорический смысл. Он как бы провоцировал ложное понимание, чтобы выяснить, кто из его учеников действительно сонастроен с ним. Далее, в Библии говорится: «Многие из учеников Его, слыша то, говорили: воистину трудное учение, кто может его принять?» Об их общем отношении к этим словам далее говорится: «С этого времени многие из учеников Его отошли от Него и уже не ходили с Ним». Но самые близкие ученики Иисуса были сонасгроены с ним на интуитивном уровне. Ничто из того, что он говорил вслух, не могло поколебать высокой веры этого внутреннего знания. Это интуитивное понимание и уверенность свидетельствовали об их способности распространять его весть после того, как он покинет свое тело.

В ходе трудного редактирования статей Мастера оказалось, что, даже без изменения текста, они требовали серьезной коррекции. Большинство ошибок были обычными типографскими опечатками или измышлениями какого-то редактора со странной любовью к прописным буквам. Этот литературный брак был столь обильным, что я не мог подготовить статьи к публикации, не перепечатав предварительно все заново через два интервала, чтобы была возможность правки. Но Мастер видимо не знал, в каком неважном состоянии были статьи. Когда я сказал ему о необходимости перепечатки, он ответил, что на это потребуется слишком много времени.

Когда я представил плоды своих трудов в издательский отдел, усеяв поля знаками корректуры по шесть исправлений на строчку, стало очевидно, что работать с моей копии было невозможно. Старшая ученица, которой Мастер поручил окончательную ответственность за издание, приказала выбросить всю мою работу и вновь перепечатать статьи через два интервала с другого комплекта журналов. Это было то единственно возможное решение, о котором я думал все это время.

Однажды после полудня я случайно слышал, как Мастер бранил мисс Тейлор за то, что она не использовала мою работу. «Даже если бы вы мне обещали миллион долларов, — кричал он, — я бы не согласился пройти через все то,

* Иоан. **6: 54—66. Парамахамса Йогананда объяснял,** что Иисус, говоря о своей плоти и крови, имел в виду вездесущий вечный Дух, скоторым идентифицируется его сознание Под «плотью* он подразумевал все вибрационное мироздание, Святого Духа, *или Аум,* которого верующий должен принять в себя *(есть),* пока не почувствует, что он внутренне един сДухом. Христова «кровь* —это вездесущ ее сознание Христа, которое, подобно тому как кровь питает физическое тело, является истинной «жизнью* и пищей всего мироздания. Во время медитации верующий должен перейти от единения с *Аум* к единению с сознанием Христа, а отсюда — к единению с Богом-Отцом за пределами всего творения. Однажды я спросил Мастера: «Как высоко должен подняться человек, чтобы стать истинным мастером?* Он ответил: «Стать мастером можно, лишь когда достигнешь Сознания Христа*.

через что ему пришлось пройти, чтобы выполнить этот труд! Даже за миллион долларов!»

В тот же день после полудня, в саду Мастера, я встретился со старшим редактором. «Боже мой! — воскликнула она. — Какую же огромную работу вы проделали!» Повернувшись, чтобы войти в дверь, она машинально, ни к кому не обращаясь, добавила: «И все это напрасно!»

Позднее в тот день Мастер старался утешить меня по поводу ее жестокого замечания.

— Но сэр, — заступился я, — она совершенно права! Она просто не могла бы работать с моей копии.

— Ты *заступаешься* за нее! — Лицо Мастера выражало крайнее удивление. — Однако ты проделал *хорошую* работу. Все те прописные буквы! Они сделали бы нас посмешищем.

Я был растроган его заботой, но для меня было более важно, что я теперь больше, чем когда-либо, знал, что принадлежу ему; а все успехи и неудачи на пут ничего не значили, пока я чувствовал его любовь в своем сердце. Возможно, он держал меня в Твенти-Найн-Палмз только для того, чтобы помочь увидеть в себе важные недостатки, а вовсе не из-за его книги. Во всяком случае, я знал, что месяцы душевных переживаний сделали меня более зрелым. Теперь я испытывал по отношению к ним благодарность.

Через несколько дней перед группой монахов Мастер ласкою посмотрел на меня и сказал: «Уолтер выдержал испытание. Теперь он на нашем пути».

ГЛАВА 31

БХАГАВАД-ГИТА

РОДИЛОСЬ НОВОЕ СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ!» —объявил с восторгом Мастер. Его комментарий к *Бхагавад-гите* был завершен. За три месяца непрерывной диктовки он закончил 1500 страниц. «Я сказал мисс Тейлор, сколько получилось страниц, однако она тщательно просчитала их, чтобы убедиться, что это правда!»

Мы с Мастером прогуливались по территории его ретрита. Закончив сюю рукопись, он наконец позвал меня, чтобы я высказал некоторые предложения по предварительной редакции.

— Родилось новое Священное Писание! — повторил он. — Благодаря этой книге к Богу придут миллионы. Не тысячи — миллионы! Я *знаю.* Я видел их.

После выхода из уединения мне прежде всего надо было прочитать рукопись, чтобы получить о ней общее представление. Она просто ошеломила меня. Никогда прежде я не читал ничего более глубокого и в то же время — такого прекрасного и возвышенного. А ведь совсем недавно я ставил под вопрос мудрость Мастера! Мысленно я пинал себя за то, что был таким чурбаном. Его книга наполнена такой глубочайшей мудростью, о которой я не имел представления. В отличие от большинства философских трудов, от нее веяло свежестью и жизнью, каждая страница была искрящимся источником подлинных откровений. Уверенная рука опытного учителя иногда оживляла глубокие истины изящным юмором; в других местах он иллюстрировал их очаровательными поучительными историями или освещал несколькими строками новой, порой удивительной информации. (Например, я с изумлением узнал, что выдающиеся йоги, чтобы быстрее отработать свою прошлую карму, порой воплощались в несколько тел одновременно.) Лучше всего то, что истины, изложенные в книге, как сказал с восторгом Мастер, прояснялись «иллюстрацией за иллюстрацией».

— Теперь я понимаю, — говорил он мне, — почему мой мастер никогда не позволял мне читать другие интерпретации *Гиты.* Если бы я читал их, то выражавшиеся в них мнения могли бы оказать влияние на мой ум. Но эта книга исходит полностью от Бога. Это не философия, не просто *любовь* к мудрости: это сама мудрость. Чтобы быть уверенным, что я никоим образом не записываю собственные суждения, я перед началом диктовки настраивался на сознание

Вьясы . Все, что я говорил, в точности соответствовало тому, что хотел сказать он.

—Есть множество других комментариев к *Гите*,—продолжал Мастер, — и некоторые из них весьма известны. Однако ни один из них не был столь разносторонним в подходах, как этот. Комментарий Свами Шанкары, при всей его глубине, ограничен тем, что он делал односторонний упор на чисто духовную природу реальности. Священные Писания должны иметь дело со *всеми* уровнями реальности. Они должны быть полезными не только на духовном уровне, но и на физическом, ментальном плане, поскольку это те уровни, с которыми приходится считаться людям; Священные Писания создаются именно для простых людей, а не для святых.

Счастливо улыбаясь, Мастер снова произнес: «Родилось новое Священное Писание!»

—На то была Божья воля, — заключил он, — чтобы *Гита* получила полное объяснение только сегодня. Это была главная часть миссии, которую поручил мне Бабаджи.

Бхагавад-гита содержит диалог между Кришной и Арджуной, в ходе которого Шри Кришна повествует своему ближайшему ученику о глубоких, божественных истинах. Что, думалось мне, может быть более уместным, чем предоставить истолкование этого Священного Писания последнему воплощению самого Арджуны? Или же — самому Шри Кришне в его теперешней жизни отдать распоряжение на эту работу?

Миновали три месяца моего уединения; затем последовали два месяца напряженной работы с Мастером в его обители. Я провел много часов в его обществе и немало времени работал над его рукописью вместе с миссис Нилей, пожилой леди (не ученицей, но верующей и опытным редактором), которую Мастер пригласил в Твенти-Найн-Палмз, чтобы она оказала помощь в редактировании.

— Мне не нравится, что тебе приходится работать с ней, — сказал он мне однажды,—но сегодня этого требует дело. Однако, когда ты находишься рядом с ней, никогда не смотри ей в глаза. С этого начинается влечение.

— Сэр, — возразил я. — Она ведь старая женщина. Какое здесь может быть влечение?

—Это не имеет значения; такой магнетизм проявляется ю всех возрастах. — Мастер несколько помедлил, а затем добавил: — Она уже чувствует небольшую

Древнего автора *Бхагавад-гиты.* **(Истинным автором** *Бхагавад-гиты* **считается Кришна, поведавший ее своему другу и ученику Арджуне Вьясе [«Редактору»] приписывается заслуга письменной фиксации канонического свода Писаний индуизма.)** *—Прим.ред.*

привязанность к тебе (не в дурном смысле, а как у матери к сыну, и очень слабую). Я не хочу, чтобы ты беспокоился по этому поводу, однако помни, что магнетизм очень коварен, так что будь осторожен.

Сначала меня озадачило, почему Мастер хотел, чтобы кто-то редактировал его труды. Они были полны вдохновения, а разве божественное вдохновение не означает совершенство на *всех* уровнях? Похоже, что это не всегда так. «Вдохновение,— объяснял Мастер, — заключается прежде всего в вибрациях и выраженных мыслях».

Постепенно я понял, что логическая структура предложения, как хорошо действующий водопровод, относится к физическому уровню бытия. Это просто инструмент мысли и общения. Деятельность мозга медленна и нетороплива по сравнению с трансцендентной интуицией души. Часто случалось, что важное научное открытие полностью созревало в уме ученого или изобретателя, но потом ему требовались годы тяжелой работы, чтобы четко и убедительно донести интуитивное озарение до других.

Великие мастера обычно подчиняются законам материальной Вселенной, которую считают частью творения Бога. Однако материя обладает инерцией, *шмасическим* качеством Природы. Для святых, чье сознание носит трансцендентный характер, материальный способ деятельности может казаться медленным и обременительным. Как говорил Мастер, он предпочитал работать на уровне вибраций. («Так пишут книги в астральном мире . В астральном мире, так же как в физическом, есть цвет и формы. Там есть планеты, поля, озера, горы и люди. Но все объекты воспринимаются как различные проявления света.».) Кроме того, в своей природной склонности к деятельности на нематериальных уровнях, великие учителя часто поручают своим ученикам задачу перевода их трудов на материальный уровень, чтобы ученики также могли развиваться духовно. Однажды Мастер сказал мне: «Помогая мне с редактированием, ты растешь сам». Когда ему это требовалось, Мастер мог легко решать мирские проб-

Тамас **— самая низкая из трех** *гун* **(качеств), которые наполняют всю Вселенную. Две другие —***раджас* **или***раджогуна* **(активирующее качество) и** *cammed* **(возвышающее, одухотворяющее качество). Эти три гуны представляют собой последовательные этапы внешнего проявления Единого Духа.**
Вселенная, в которую попадают души после физической смерти. Астрал — вторая стадия внешнего проявления Духа. В последовательности космического созидания сначала появляется каузальная Вселенная (мир идей), представляющая саттва гуну. На этой стадии проявления все предметы и объекты являются идеями. Следующая стадия — астральная, представляющая *раджогуну.* **На этой стадии изначальные идеи облекаются в энергию. На третьей стадии физическая энергия получает вид твердой субстанции. То, что это всего лишь видимость, доказано современной физикой, обнаружившей, что вещество** *является* **энергией.**

лемы, в том числе связанные с грамматикой и литературным стилем. Он сказал мне однажды: «Одну книгу («Шепот из Вечности») я редактировал сам». Именно эту книгу я считаю не только одной из лучших его работ, но также самым чудесным поэтическим явлением всех времен. Однако при редактировании комментариев к *Гите* Мастер приветствовал наше участие и, кажется, был готов принимать во внимание большинство наших предложений.

Почти кадый день, после работы над рукописью, он откидывался на спинку стула и вел со мной непринужденную беседу. Иногда с нами в комнате оставалась миссис Нилей и присоединялась к разговору. Как правило, в таких случаях поучения Мастера принимали форму историй.

«Бог редко желает публичной демонстрации чудес», —так он начал однажды историю о Садху Харидасе, знаменитом чудотворце Индии восемнадцатого столетия, который, как рассказывал мастер, «оставался зарытым в землю в течение сорока дней. После того как его тело извлекли, французские медики обследовали его и констатировали смерть. Впоследствии, к их изумлению, он ожил!»

Однажды Садху Харидас сидел в небольшой лодке с миссионером, который старался обратить его в христианина. «Почему я должен следовать за вашим Иисусом Христом?—спросил Харидас. — Что он сделал такого, чего не могу я?»

—Он проявил силы поистине божественные,—ответил миссионер. Потом, посмотрев на воду, продолжил: — Он мог ходить по воде.

—И что же в *этом* особенного? — усмехнулся Харидас.

Выпрыгнув из лодки, он пошел впереди нее по воде. Когда он шел, лодка следовала за ним. Миссионер потерял дар речи!

Магараджа того штата был великой душой. Увидев однажды издали Садху Харидаса, он сказал: «В этом человеке мне что-то не нравится». Его придворные возразили: «Но он великий святой! Смотрите, что он совершил». Магараджа ответил: «Все равно, мне что-то не нравится в нем». Он чувствовал, что, увлекаясь чудесами, Садху Харидас забывал Бога.

И он был прав. Спустя некоторое время, Харидас оставил свою духовную деятельность, женился и вернулся к светской жизни. В конце концов он понял свою ошибку и возвратился к своим ученикам. «Я вернулся»,—сказал он просто.

Через несколько лет он заявил: «Я совершил много недобрых дел, но теперь Возлюбленный зовет меня». Войдя в самадхи, он обрел вечную свободу.

— Сэр, — спросила озадаченная миссис Нилей, — как он так быстро снова вознесся? Разве, когда человек падаете высокого духовного уровня, он не должен понести более суровое кармическое наказание, чем павший неофит?

Я имею в виду издания 1929 и 1949 гг.

Мастер покачал головой. «М-мм. Бог не тиран. Если тот, кто привык пить нектар, начинает есть несвежий сыр, он будет недоволен этой переменой. Он отвергнет сыр и попросит снова нектар. Бог не откажет ему, если он осознает свою ошибку и вновь искренне обратится к любви Бога».

—Но,—продолжал Мастер,—не следует публично демонстрировать духовные силы. Не так давно в Индии говорили о йоге, который демонстрировал перед большими толпами способность глотать смертельный яд без последствий для своего здоровья. Однажды он забыл предварительно подготовить свой разум, и яд начал действовать. Когда он лежал при смерти, то признался: «Я знаю, это наказание за то, что я выставлял напоказ свои силы перед другими».

— Однако Мастер может проявлять свои божественные силы перед учениками, —продолжал говорить Мастер о своем Гуру и о чудесах, которые иногда совершал Шри Юктешвар.

—На крыше его ашрама в Пури ослабла черепица, — с улыбкой вспоминал Мастер. — Я хотел укрепить ее, потому что опасался, что она может сорваться вниз и поранить кого-нибудь. Но Мастер не проявил никакой озабоченности. «Не беспокойся об этом,—сказал он беспечно. — Пока я жив, она останется на крыше». И она оставалась там в течение почти двадцати лет, до самого дня его смерти. В тот день она упала на землю!

Однажды мы говорили о строгости дисциплины, которую поддерживал Шри Юктешвар, обучая своих учеников. «Ему не нужны были ученики, — заметил Мастер. — Немногие могли смириться с тем, что он насквозь видел все их слабости — с проницательностью, которую он всегда без колебаний проявлял! И лишь оттого, что я оставался верен ему, я нашел Бога. Изменив меня, он изменил тысячи».

— Мастер, — спросил я, — может быть, Шри Юктешвар был строг, так как знал, что больше не вернется на материальный уровень бытия? Ведь большинство его истинных учеников были уже свободными и он просто остерегался принимать на себя ответственность за новых?

— Верно, — ответил Мастер. — Это были немногочисленные последние ученики.

В другой раз Мастер сказал нам, что сам он получил освобождение «много воплощений тому назад».

—Сэр,—спросил я его однажды,—как долго я был вашим учеником?

—Ну, довольно долго,—это все, что я могу сказать.

—Но всегда ли на это требуется так много времени?

— О, да,—отвечал Мастер. —• Пока люди не извлекут необходимых уроков в этой школе жизни, их часто отвлекают мирские страсти.

В комментариях к *Гите* Мастер подчеркивает, что если набожный человек искренне стремится к свободе, то осуществление его стремления — всего лишь дело времени. По сравнению с длинным рядом воплощений, когда душа мечется в заблуждении, прежде чем вновь обратится к своему источнику в Бесконечности, искреннее стремление к свободе находится на расстоянии не более шага от самой свободы.

Однажды после полудня мы стали обсуждать книгу Шри Юктешвара «Святая Наука».

— Мне многое в ней непонятно, — признался я.

— Неужели? — удивилась миссис Нилей. — Почему? Мне она показалась очень легкой!

Через несколько минут она вышла из комнаты. Улыбаясь, Мастер заметил: «Даже я, когда читал книгу, вынужден был в некоторых местах прервать чтение и задуматься!»

Незаметно разговор перешел к методам, применяемым мастерами. «Люди всегда ждут от них чудес, — заметил Мастер.—Они не сознают, что величайшее «чудо» мастера заключается в его смирении». Потом он добавил: «Поступки настоящих мастеров всегда руководимы мудростью и никогда—капризом.

Несколько лет назад эту страну намеревался посетить один так называемый «мастер» из Индии. Он писал мне, спрашивая, может ли посетить Маунт-Вашингтон по пути на какой-то религиозный конгресс на Среднем Западе. Мы тщательно подготовили банкет для него и для его пятнадцати учеников. Все уже ожидали его прибытия, когда из Гонолулу пришла телеграмма. Он все это время путешествовал, потом неожиданно получил «вдохновение» развернуться и снова отправиться домой. — Мастер рассмеялся. — Ни один *мастер* не поступил бы так!»

Он продолжал обсуждать других выдающихся представителей религии: одни из них были действительно великими, другие — менее значительными, но примеры их жизни поучительны.

— Отправившись в 1935 году в Индию, я встретил великого святого, — рассказывал Мастер. — Он еще жив. Его имя Йог Рамия. Он является учеником Рамана Махарши и полностью освобожденной душой. Мы прогуливались рука об руку по территории Раманашрама в упоении Богом. О! Если бы я провел в его обществе еще полчаса, то никогда не смог бы заставить себя снова покинуть Индию!

(В 1960 году я провел четыре дня с Йогом Рамией, или, как тогда его называли, Шри Рама Йогом. Тот визит оставил глубокий след в моей духовной жизни.)

Мастер рассказывал о работе в Индии, особенно о своей школе Ранчи.

—Проблема с обучением в школе мальчиков,—сказал он,—состоит в том, что большинство из них, становясь взрослыми, возвращаются к светской жизни.

Это к лучшему, поскольку общество нуждается в возвышающем влиянии духовного воспитания; но когда начинаешь такую большую работу, то требуются работники. С этой точки зрения сегодня в Америке положение много лучше Люди, которые приходят к нам учиться, хотят посвятить Богу всю жизнь. Таким образом, эти учения можно легче распространять.

Время от времени он говорил о том или ином ученике, желая показать мне на их примере правильное отношение к ученичеству; эти примеры должны были служить не только мне лично и были призваны помочь мне в воспитании других.

—Я принял дисциплинарные меры,—рассказывал однажды Мастер, говоря об одном из монахов, — но одна женщина пожалела его. Молодой человек, тронутый ее сочувствием, начал чувствовать некоторую жалость к себе. Но потом я сказал ему: «Знаешь, в Индии есть поговорка: «Та, кто любит тебя больше, чем родная мать, — ведьма!» Я твоя мать. Разве я не знаю, что лучше для моего ребенка?» После этого он исправился.

Говоря о той самой женщине, которая тоже была ученицей, Мастер продолжал: «Она всегда была очень любезной по натуре; она соглашалась почти со всеми практически по любому вопросу—просто по доброте своей. Однажды я сказал ей: «Если бы кто-нибудь подошел и сказал вам: «Вчера я видел Йогананду в дым пьяного; он, покачиваясь, шел вниз по Мейн-стрит», вы бы с удивлением раскрыли глаза и ответили: «Правда?». Я знаю, что вы не поверили бы этому, но разве вы не понимаете, что должны быть смелой в вашей убежденности? Стоять за то, во что вы верите, есть знак преданности».

В другой раз, говоря о необходимости мужества в защите своих убеждений, Мастер сказал: «Мой земной отец из чувства ревностной привязанности ко мне пытался однажды критиковать Мастера (Шри Юктешвара) за что-то тривиальное, что он слышал о нем. Я повернулся к нему лицом к лицу. «Конечно, — крикнул я, — физическое рождение, которое ты дал мне, чего-то стоит, но духовное рождение, которому способствовал мой гуру, бесконечно более ценно! Если я еще раз услышу хоть слово против него, то отрекусь от тебя и не буду считать отцом!» После этого он всегда говорил об Учителе только с уважением.

Ссылаясь на необходимость сонастроенности с гуру, Мастер сказал однажды: «Посмотри на_____ , а теперь взгляни на Святого Линна. Я просил их обоих приезжать в наши общины при всякой возможности, чтобы под держивать духовный контакт. Святой Линн использовал для визитов каждую имеющуюся возможность и проводил часы в медитации на лужайке в Инсинитасе. Но _____ так и не приехал. Он легко мог приехать, если бы захотел, но думает, что может достичь цели самостоятельно. Он духовно развит, но не продвигается.

Он чувствует, что с ним что-то происходит, но не знает, что именно. Видишь ли, сонастроенность с гуру должна быть на всех уровнях».

Улыбаясь, Мастер стал рассказывать об одной ученице, чья сонастроенность с ним никогда не была глубокой ни на одном уровне. «Всякий раз, когда я говорил ей что-нибудь, через несколько дней от нее приходило письмо в несколько страниц, в котором объяснялось, как во многом я ее неверно оценивал!»

Были монахи, которые уезжали на уик-энды, а иногда и на более долгое время. Однажды Мастер рассказывал нам забавную историю, которая происходила в те месяцы, когда он был занят диктовкой. Джерри озарила идея залить крышу дома Мастера бетоном. Это была безумная идея, однако Джерри, несмотря на возражения Мастера, уверял, что такая крыша будет вечной. «Тогда я сказал ему, чтобы он немедленно оставил эту затею,—продолжал Мастер, — но Джерри сказал, что все будет прекрасно, что он знает, что делает.—Мастер засмеялся. — Сначала он покрыл крышу рубероидом. Потом поверх его прибил гвоздями сетку для цыплят. К этому времени крыша стала настоящим ситом: сотни гвоздей изрешетили ее. «Торопись», — подгонял я. Однако Джерри не видел причин для спешки.

И вот, разразилась сильнейшая гроза. Под струи во всех комнатах спешно подставлялись тазы и кастрюли. Вода была везде, дом стал подобием душа!

Но оставались две комнаты, в которые вода не попадала: комната, где я диктовал, и моя спальня. Крыша над ними была таким же ситом, как над другими комнатами в доме, однако Божественная Мать не хотела прерывать мою работу. Лишь к концу бури одна капля упала в ведро в комнате для диктовки и еще одна—на мой обнаженный живот, когда я отдыхал на кровати. Так Божественная Мать сыграла со мной маленькую шутку!»

Джерри, который присутствовал при этом, сказал: «Простите, сэр. Я такой упрямый».

—Ну что же. Все в порядке, — утешил его Мастер.—Ко мне тянутся упорные люди!

—У него большая любовь, — говорил позднее Мастер о Джерри.—Это то, что преобразует людей.

Глядя однажды на Генри, Мастер рассказывал нам: «Генри рыл выгребную яму около дома. Он копал целый день, не прерываясь даже для того, чтобы посмотреть, насколько он продвинулся. К вечеру он с удивлением обнаружил, что выкопал глубокую яму. Так,—продолжал Мастер одобрительно,—и следует идти в поисках Бога — непрерывно копать, копать, копать, не останавливаясь, чтобы посмотреть, как далеко ты продвинулся. Однажды он вдруг увидит: “Я уже там!”»

Как-то в конце недели для встречи с Мастером без приглашения прибыла вместе с Джеймсом Коллером миссис Хэрриет Грув — руководитель нашего центра в Гардене, штат Калифорния. Не зная, где располагался приют Мастера, она нашла его интуитивно. («Здесь поверни налево, — говорила она Джеймсу, который вел машину. — Там поверни направо». — Потом вдруг: «Стоп! Ваг здесь». И оказалось, что она была права.)

— Сейчас послеполуденное время, — сказал ей Мастер, — в это время я обычно на машине выезжаю на прогулку. Но я знал, что вы приедете, и поэтому остался дома.

— Мастер,—обратился к нему в тот уик-энд Джеймс, — у меня такая тоска по Богу. Почему же Он так долго не приходит?

—Ах! — отвечал Мастер со счастливой улыбкой. — Именно поэтому у тебя будет куда больше радости, когда Он действительно придет! Таковы Его любовные отношения с жаждущим Его.

— Сэр, — сказал Дэби, сильно желая испытать такое страстное стремление, —дайте мне дар устремленности к Богу.

—Ты говоришь: «Дайте мне деньги, чтобы я мог купить, что хочу». Ая говорю: «Нет, сначала *заработай* деньги, а потом я дам их тебе, чтобы ты мог купить, что желаешь».

Вечерами Мастер совершал медленные прогулки по территории обители. Обычно он просил меня сопровождать его. Во время этих прогулок он так отдалялся от своего телесного сознания, что иногда ему приходилось опираться на мою руку. Тогда он останавливался. Его покачивало из стороны в сторону, и казалось, что он вот-вот упадет.

— Я нахожусь в таком множестве тел, — заметил как-то Мастер, медленно обретая свое телесное сознание, — что мне трудно помнить, каким телом мне надлежит управлять.

В Твенти-Найн-Палмз ненадолго приезжал Бун. Сопровождая Мастера и меня в нашей вечерней прогулке, он задавал множество вопросов по духовным проблемам.

«Вы не должны говорить со мной, когда я в таком состоянии», — сказал Мастер. Глубочайшая мудрость, которую он заключал в себе, была выше всяких слов; ее следовало испытывать в молчаливом, божественном общении. Но когда он говорил, в те дни его слова были наполнены такой мудростью, которая редко находит выражение в книгах. В такие моменты он обычно напоминал мне «Записывай мои слова. Я не часто говорю с этого уровня надличностной мудрости». С этого времени он все более говорил не как смиренный приверженец Бога, но как человек, чье сознание было пропитано полным осознанием: *«Ахам Брахм асми* — Я есмь Дух!»

Однажды вечером у гаража Мастер делал энергетизирующие упражнения с Буном и со мной. Бун спросил его об одном святом, который явился ему однажды в Инсинитасе. «Кто это был, Мастер?»

—Я не знаю, кого ты иметь в виду,—ответил Мастер.

—Это случилось в саду, сэр.

— Что ж, их столько приходит сюда, — сказал Мастер. — Я часто вижу их. Некоторые ушли в мир иной; другие еще на этой земле.

— Как удивительно, сэр,—воскликнул я.

«Там, где Бог, — ответил Мастер, — туда приходят Его святые». Минуту-две он молчал, выполняя упражнения. Потом добавил: «Вчера я хотел узнать о жизни Шри Рамакришны: я медитировал на кровати, и он материализовался прямо рядом со мной. Мы долго сидели рядом, держась за руки».

— Он рассказал вам о своей жизни?—спросил я.

—Нет, но в обмене вибрациями я получил полную картину его жизни.

Однажды вечером Мастер совершал с Буном и со мной прогулку вдоль ограды своей обители. Он опирался на руку Буна. Через некоторое время он остановился. «Жарко!» — заметил он и, отойдя от Буна, оперся на мою руку. В это время Бун переживал период искушений, который, увы, сбил его с пути.

Тогда Мастер дал мне много личных советов. «Твоя жизнь будет наполнена активной деятельностью,—говорил он мне однажды вечером,—и медитациями. Твоя работа будет состоять в чтении лекций и в литературных занятиях».

— Но, сэр, — возразил я, — вы сами уже так много написали. Разве есть необходимость в том, чтобы еще писал я?

— Как ты можешь говорить такое? — Мой вопрос удивил его. — Еще так много предстоит написать!

Спустя несколько месяцев я вновь обратился к нему по этому вопросу. «Мастер, — сказал я, — миссис Нилей предложила мне написать книгу, в которой я объяснил бы, каким образом попал на этот путь, — что-то вроде «Семиэтажной Горы» Томаса Мертона. Она говорит, что это может помочь многим людям. Вы советуете мне написать такую книгу?»

«Пока нет»,—ответил Мастер. Когда мы продолжили обсуждение этой идеи, он намекнул, что хотел бы, чтобы я когда-нибудь написал такую книгу.

«Тебе предстоит большая работа,—подчеркнул он, когда мы однажды после полудня совершали короткую прогулку по территории его ретрита. — Ты должен сознавать, как твои слова и дела воздействуют на других». Он старался побудить меня соединить детскую непосредственность с достоинством человека, погруженного в себя, —- трудное сочетание, как казалось мне в то время. У меня была склонность смело говорить о своих чувствах и представляться человеком с немногими достоинствами—все это во имя смирения. Такое поведение,

уверял Мастер, не было ни достойным, ни необходимым для обретения смирения. Чтобы достичь совершенства, следует жить с *мыслью* о совершенстве, признавая, что совершенство — это дар Бога, а не собственное достижение. Мастер старался исправить во мне этот недостаток.

—Сэр,—спросил я его однажды,—не лучше ли будет, чтобы другие монахи тоже называли меня Уолтером? (Они звали меня Доном.)

«Они должны называть тебя Преподобным Уолтером». В отчаянии (мы, монахи, никогда не называли своих священников «Преподобными») я поспешно пытался изменить тему разговора, однако Мастер настаивал: «Дело не в том, что один ученик лучше другого, однако в армии должны быть и капитаны, и солдаты. Другие должны оказывать тебе почтение, соответствующее занимаемому положению».

Должен признаться, что такой совет мне нелегко было принять.

Однажды я сидел с Мастером в комнате для диктовки, а он работал над несколькими страницами рукописи *Гиты.* Когда он писал, его ум был полностью сосредоточен на решении данной задачи. Я смотрел на него с благодарностью и думал, как прекрасно, что я был его учеником. Когда он закончил работу, то попросил меня помочь ему встать. Поднимаясь, он на мгновение задержал мои руки и с радостью посмотрел мне в глаза

«Просто выпуклость на поверхности океана!» — сказал он тихо.

В своих комментариях к *Гите* он сравнивал Бога с океаном, а отдельные души — с его бесчисленными волнами. «Бог — это Единственная Реальность, проявляющая себя через все живое»,—говорил он. Из его доброго замечания я мог понять, что он желал, чтобы моя любовь охватила весь Океан Духа, крошечным отражением которого было его тело.

ГЛАВА 32

Я ЕСМЬ ДУХ*

Но трудно найти мудрого Махатму,
который скажет: «Все есть Васудева!»

ЭТОТ СТИХ БХАГАВДД-ГИТЫ Мастер часто цитировал как выражение высшей истины: существует только лишь Бог.

Прекрасную историю на эту тему поведал мне в 1960 году Йог Рамия, святой, о котором Мастер говорил, что если бы провел в его обществе еще полчаса, то для него стало бы невозможным снова покинуть^Индию.

Знаменитый святой из Махараштры Намдэв (как рассказывал Йог Рамия) обычно служил Кришне в своем местном храме с такой преданностью, что Господь часто являлся ему. Намдэва почитали многие верующие, которые приходили издалека, чтобы посидеть у его ног.

В его деревне жил другой святой, гончар по профессии. Было широко известно, что он, как и Намдэв, видел Бога. Однажды в храме собралось множество людей, чтобы отметить ежегодный религиозный праздник Многие из присутствующих были поклонниками Намдэва. Во время празднования гончар, следуя какой-то божественной причуде, решил испытывать величину духовности каждого из собравшихся.

Гончар проверяет качество своих изделий, постукивая по ним костяшками пальцев. По звуку, который издает при этом горшок, он узнает, нет ли в нем трещины. С мыслью об этом опыте святой шел через толпу, похлопывая верующих. Поскольку он почитался всеми, никто не жаловался; считалось, что такое несколько странное поведение должно послужить каким-то духовным уроком. Но когда гончар-святой похлопал Намдэва, тот пришел в ярость. Разве они не были равны в духовном плане?

—Ты почему меня ударил? — закричал он. * **

Васудева **— имя Кришны. В данном контексте относится к Богу, Высшему Духу (***Бхагавад-гита 7:19).***

** *Намдэв* **(1270—1350) — один из наиболее почитаемых представителей традиции** *варкари* **(махараштрийского бхакти). Считается, что он был раскаявшимся разбойником. Написал более 2000 стихов о бхакти и описал жизнь** *Гьянеишра* **(***Гьяндэва***) (1271—1296)—основоположника традиции** *варкари***, который упоминается в эпиграфе к этой книге. —***Прим.ред.***

Совершенно спокойно гончар остановился перед ним и заявил: «Оказывается, в этом горшке трещина!»

Все засмеялись. Позднее Намдэв, уязвленный до глубины души, поспешил в храм и взмолился: «Господи, Ты знаешь, как я люблю Тебя. Почему Ты допускаешь, чтобы меня так унижали перед моими последователями?»

— Но что я могу поделать, Намдэв, — сказал Господь. — В этом горшке трещина!

— Господи! — воскликнул Намдев, простершись на полу. — Я хочу быть достойным Тебя. Можешь ли Ты указать мне путь к совершенству?

—Для этого тебе нужен гуру, Намдэв.

—Но я вижу *Тебя*, Господа Вселенной! Какая мне польза от гуру?

—Я могу вдохновить тебя через видения,—отвечал Господь. — Я могу даже научить тебя. Но я не могу вывести тебя из заблуждения, кроме как через того, кто знает Меня, ибо таков Мой закон.

—Господи, скажи мне хотя бы, кто же мой гуру?

Господь назвал Намдэву имя святого и деревню, в которой тот жил. «Он будет твоим гуру, — сказал Господь. И добавил с улыбкой: — Не удивляйся, если он покажется несколько странным. Такой у него путь».

Намдэв отправился в деревню, которую назвал Кришна, и стал расспрашивать о святом, проживающем в округе.

«Тот лунатик?—смеялись жители деревни.—Кто захочет иметь дело с *ним?** Видите ли, в обычае некоторых святых не выставлять напоказ свое духовное величие, чтобы оградить себя от искателей диковин. Но когда Намдэв стал подробнее расспрашивать местных жителей, они небрежно ответили: «Вы, возможно, найдете его где-нибудь около храма. Он обычно проводит время там».

Намдэв направился к храму. В ограде никого не было, но когда он вошел в храм, то обнаружил там полубезумного взъерошенного старика, небрежно развалившегося на полу. «Конечно, *этот* не может быть моим гуру»,—подумал он с тревогой.

Но через мгновение этот вопрос вылетел у него из головы. Потому что, к своему ужасу, он заметил, что ноги старика покоились на *Шива-линге.*

Священный символ Бога в аспекте Шивы, Разрушителя заблуждений. *Шива-линга* **обычно воспринимается как абстрактное представление мужского фаллоса, что никогда буквально не признавалось верующими индусами. Западные ученые ошиблись, объявив, что лингам символизирует мужскую сексуальность и что поклонение этому символу означает поклонение сексу. На самом деле Шива в классической мифологии описывается как Высш ий из отрекш ихся. Для индусов лингам представляет собой скорее всеобщий мужской принцип, который в человеческой природе выражается через такие качества, как сила, решимость и мудрость, в отличие от противоположных женских качеств: нежность, приспособляемость и любовь.**

На более эзотерическом уровне лингам представляет также позвоночный столб человека, через который жизненная сила *(прана)* должна подниматься вверх к мозгу йога, стремящегося достичь состояния божественного единения. *Шива-линга* выражает в камне состояние расширяющегося сознания, которое наступает в медитации, по мере того как жизненная сила начинает уходить из органов чувств в позвоночник. Взбешенный этим актом, Намдэв быстро подошел к человеку и потребовал немедленно отодвинуть ноги.

Старик сонно приоткрыл свои глаза и ответил: «Видишь, сын мой, я стар. Мне уже нелегко передвигать это тело. Не будешь ли ты столь милостив, чтобы перенести мои ноги туда, где нет *лишь?»*

Намдэв поспешил сделать ему такое одолжение. Но когда он был готов положить ноги старика на новое место, то увидел прямо под ними другую *Шива-лингу!* Он передвинул их снова; третий лингам появился под ними. То же произошло после четвертой попытки! Внезапно его озарило: этот человек был его гуру! Покорно простершись перед ним, Намдэв молил его о прощении.

«Я был слеп, Гурудэва! — воскликнул он. — Теперь я знаю, кто ты есть, и понял, что ты старался преподать мне урок».

С величавым спокойствием старик поднялся на ноги. «Бог повсюду, Намдэв, — сказал он. — Найди Его в себе и преображенным взором находи Его во всем!» Гуру слегка ударил Намдэва в грудь, у сердца. Дыхание покинуло тело ученика. Словно вросший в пол храма, Намдэв застыл, не в силах шевельнуть ни одним мускулом. Его сознание, словно вздувшиеся воды озера, прорвало хрупкую плотину тела. Подобно жидкому свету, его потоки стали распространяться во всех направлениях на окрестности храма, деревню и всю Индию. Нации, континенты, океаны заполнялись его расширяющимся блаженством. Наконец оно охватило весь мир, солнечные системы, галактики! В каждом пятнышке пространства он видел только Бога; нескончаемый свет, бескрайнее блаженство! Слишком глубоко увлеченный, чтобы просто восторгаться, он осознал, что все это был *он!*

С этого дня Намдэв жил, погруженный в божественное сознание. Он блуждал по стране день и ночь, упоенный безмерным счастьем.

Однажды, много месяцев спустя, случилось так, что он оказался в окрестностях своей старой деревни. Проходя мимо храма, где раньше поклонялся Богу, он вошел в него и сел для медитации. Вновь, как правде, Господь явился ему в образе Кришны.

[4]*Божественный гуру**—**обычное выражение учеником чувства любви и уважения.**

— Дитя мое, — сказал Он, — много месяцев ты пренебрегал Мною, ты, который никогда не упускал дня, чтобы служить мне здесь! Я скучал по тебе. Где ты был?

— Возлюбленный, — воскликнул Намдэв, счастливо улыбаясь шутке Господа, — как мог я подумать идти сюда, чтобы увидеть тебя, если везде, куда ни взглянешь, во всем видишь Твое бестелесное присутствие!

И блаженный Господь ответил: «Вот теперь в этом горшке нет трещины!»

«Трещина» в «горшке» Намдэва состояла в том, что он считал себя уникальным созданием, отличавшимся от всех других. В космическом смысле наши эго не что иное, как вихри сознательной энергии; находясь в бескрайнем океане сознания, они принимают видимость своей отдельной реальности, как водоворот в ручье.

Прежде чем этот мир сформировался, когда его атомы еще носились в бесконечном пространстве, не было различия форм и веществ, на которые человек смотрит как на реальность. Не было ни деревьев, ни гор, ни рек, ни животных, ни людей — только газовые туманности. Когда-нибудь, как говорят астрономы, эти формы снова станут газами. Принимая во внимание их аморфное состояние в прошлом и будущем, материальные формы, конечно же, не являются реальными в фундаментальном смысле. Да, они существуют, однако их реальность не такая, какой она нам представляется.

В конечном счете и наши эго так же нереальны, как нереальны все эти формы, которые мы видим вокруг нас. Духовная эволюция достигает кульминационного уровня, когда наши отдельные вихри сознания растворяются в бесконечном сознании.

Если бы человеческое сознание, подобно весу, форме и структуре, было просто результатом соединения материальных атомов, то оно не было бы вечным и умирало бы с распадом наших тел. Однако сама материя, как утверждает современная физика, есть продукт более тонкой реальности — энергии. Если бы тончайшая из реальностей—сознание, оказалась продуктом наиболее грубой — материи, то во Вселенской гармонии возникало бы противоречие. Сегодня к йогам присоединяется все больше физиков, которые утверждают как раз обратное: материя является проявлением энергии, а энергия, в свою очередь, должна быть проявлением сознания.

Для нашего ограниченного мышления определение и понимание — часто синонимы. Чем точнее мы можем описать объект, тем яснее, — как мы считаем, —можем понять его. Бесконечное сознание—состояние бытия, в котором все определения воспринимаются как нереальные,—означает для нас полную утрату всего того, что мы приравниваем к пониманию. Зададим себе вопрос:

«Допустим, наши эго растворились и наше маленькое самосознание влилось в космическое сознание; не означает ли для нас эта потеря самосознания конца всякого осознания?»

Сколь несовершенны методы логики! Конечно, ответом будет «Да, утрата самосознания означает для нас смерть осознания, *поскольку не остается наФ* Однако утрата самосознания эго ни в коей мере не означает для нас утрату собственно осознания.

Альфред Теннисон, великий поэт, писал в своих «Мемуарах»: «С раннего детства, когда я оставался совершенно один, я часто испытывал какой-то род пробуждающего транса—не найду лучшего слова. Такое состояние охватывало меня, когда я мысленно повторял свое имя до тех пор, пока вдруг, как бы из-за интенсивного сознания индивидуальности, сама индивидуальность, казалось, растворялась и улетала в бесконечное бытие; это не было неопределенным состоянием, это было ясное, совершенно отчетливое, невыразимое словами состояние (где смерть казалась невозможной) утраты индивидуальности (если это было так), которое казалось состоянием не смерти, но единственно настоящей жизни... Это не бессознательный экстаз, а состояние непостижимого чуда при абсолютной ясности ума».

Великие йоги утверждают, что после того, как ищущий полностью перестает ощущать себя, его сознание вливается в океан бесконечного сознания; *оно становится бесконечным.* Обычно физическая смерть не может привести нас в такое состояние, потому что со смертью мы теряем только физическое тело, но сохраняем астральное тело, а с ним и осознание эго. Только благодаря медитации и погружению в необъятную сферу сверхсознания мы можем достичь полного освобождения от ограничений нашего эго. В космическом сознании мы обнаруживаем, что наше истинное Я—бесконечно. Это и только это является истинным значением выражения «самоосознание», которое сегодня подвергается таким нападкам.

Однажды в Твенти-Найн-Палмз, когда Мастер был занят проверкой своих комментариев к *Бхагавад-гите,* он попросил Дороти Тейлор прочитать некоторые разделы группе монахов из Маунт-Вашингтона. В процессе чтения мисс Тейлор подошла к тому месту рукописи, где описывалось состояние единения с Богом. Когда, говорил Мастер, верующий обретает это божественное состояние, он понимает, что один лишь Океан Духа реален; Бог принял облик его маленького эго, потом через некоторое время вновь вобрал эту волну в Себя. В сущности, спящее дитя просыпается в космическом сознании, чтобы снова увидеть себя Богом.

Однако, продолжал объяснять Мастер, святой, который обретает это возвышенное сознание, никогда не скажет: «Я есть Бог», потому что понимает—это

необъятный Океан стал маленькой волной его эго. Иначе говоря, волна не стала бы претендовать на то, что она и есть этот Океан.

В этот момент присутствовавший при этом Дэби, взволнованно воскликнул: «Но, сэр, если вы едины с тем Океаном, то, значит, вы есть Бог!»

—Почему, Л? — спросил Мастер. — Говорите <*Ош. Он* есть Бог.

—Однако, сэр, вы едины с Ним и Он — единственная реальность. Это значит, что вы тоже Бог.

—Но это тело не есть Бог!

—Вы не тождественны вашему телу, сэр, поэтому все равно можно сказать, что вы есть Бог.

—Хорошо, но, в таком случае, почему ты говоришь «Вы»? *Ты* тогда тоже есть Бог! В дискуссиях такого рода будет меньшим заблуждение, если мы скажем «Он».

—Но в чем же различие?

—В Священных Писаниях говорится...—начал Мастер.

— Это лишь ваше смирение, сэр, — прервал его Дэби, — побуждает вас устанавливать различие между вами и Им.

—Какое здесь может быть смирение, если отсутствует сознание эго?

Дэби торжествующе воскликнул: «Но если вы говорите, что эго отсутствует, значит, вы *есть* Бог!»

Смеясь, Мастер продолжил прерванное Дэби высказывание: «В Священных Писаниях говорится: Тот, кто знает Брахмана, становится Брахманом».

—Ну вот!—вскричал Дэби.—Вы сказали это сами!

Мастер, все еще смеясь, возразил: «Я не говорил этого. Так говорит Священное Писание». Мастер не отождествлял слова, которые он произнес, с человеческим телом. Именно в своей высокой душе он видел себя в единстве с бесконечностью. Но Дэби был неспособен совершить такой мысленный прыжок от чистого выражения Бесконечности к Самой Бесконечности.

—Вы цитировали эти Священные Писания, сэр,—напомнил он непреклонно Мастеру.—Это значит, что вы согласны с ними!

Понимая, что, по-видимому, для многих различие было слишком неуловимым, Мастер заключил: «Хорошо, тот, кто говорит, что он *есть* Бог — не есть Бог. И, — добавил он с улыбкой, — тот, кто говорит, что он не Бог, тот не Бог!»

После этого разговор утонул в общем смехе.

Освобождение от эго не наступает с первыми проблесками космического сознания. Вначале, даже в расширенном состоянии сознания, в глубинах памяти человека присутствуем «Я аморфный, но все еще реальный Джон Смит наслаж-

даюсь этим состоянием сознания». Тело в таком состоянии транса неподвижно. Погруженность в Бога в этот момент называется *савикальпа ссшадхи.* Это ограниченная погруженность, временное состояние, так как человек, выходя из него, вновь принимает ограничения эго. Однако при повторяющихся погружениях в состояние транса власть эго над умом постепенно разрушается, пока не наступит понимание: «Уже нет Джона Смита, чтобы возвратиться в него. Я — Дух!» Это высшее состояние: *нирвикальпа ссшадхи,* безграничная погруженность — состояние неизменное и вечное. Если из этого состояния кто-то возвращается в телесное сознание, то уже не мыслит существования отдельно от океана Духа. Джон Смит больше не существует: лишь вечный Дух, который оживляет его тело, питается через него, учит посредством него и выполняет все нормальные функции человеческого существа. Такое направление энергии вовне со стороны того, кто однажды обрел нирвикальпа самадхи, иногда называют *сахаджа самадхи (самадхи* без усилий).

Божественная свобода приходит только с обретением *нирвикальпа самадхи.* До этой стадии эго все еще может (и, увы, иногда делает это) вернуть ум в омраченное состояние. С обретением *нирвикальпа самадхи* человек становится *дживан-муктой* — свободным, но все еще живущим в физической форме. Несмотря на исключительно высокое состояние, *дживан-мукта* еще не полностью свободен. Вкрадчивое напоминание: «Я Джон Смит» забыто; он не создает новой кармы, поскольку разрушено эго, за которое цепляется карма. Но даже теперь все еще сохраняется память всех предшествующих жизней: Джон Смит в тысячах, может быть, в миллионах воплощений; Джон Смит—однажды бандит, Джон Смит — разочарованный музыкант, Джон Смит — обманутый любовник, нищий, хвастливый тиран. Все прежние ипостаси необходимо переделать, одухотворить их карму и распахнуть дверь в бесконечность.

Очень немногие святые на этой земле обрели окончательное освобождение, —сказал мне однажды Мастер.

Я с удивлением спросил: «Что же стало со всеми великими святыми из вашей автобиографии? Они умерли и некому заменить их?»

— Великими среди них были многие, но очень немногие обрели полное освобождение — только Бабаджи, Лахири Махашая, Шри Юктешвар и некоторые другие. Однако многие обрели *нирвикальпа самадхи*, высшее состояние сознания. Они были как Христос. Два ученика Лахири Махашаи достигли полного освобождения: Свами Пранабананда («святой с двумя телами») и Рам Гопал Музумдар («бодрствующий святой»).

—А что вы скажете о Свами Кешабананде?

Выдающийся ученик Лахири М ахашаи.

—Кешабананда слишком сильно увлекался чудесами. Лахири Махашая часто ругал его за это.

—А что вы скажете о вашем отце, сэр?

— О, нет! Он—великая душа, но все еще был привязан к своим сыновьям.

—А Тереза Нойманн?

— Она достигла высокого состояния, но еще не полностью освобождена.

—Получил ли освобождение Бадхури Махашая, «святой, способный к левитации»?

— Он был истинным мастером, но тоже не обрел свободы. Очень трудно обрести полное освобождение.

—А Трайланга Свами? У меня сложилось впечатление, что он *аватар*.

— Нет, аватар приходит с особой миссией. Трайланга Свами был *дживан-муктой —великим мастером, но еще не полностью освобожденным.*

—А что вы скажете о Матаджи, сестре Бабаджи? Она, конечно, освобождена, не так ли? И вы даже писали, что она «почти» так же духовно развита, как ее брат.

—Это и означает, что она еще не была полностью освобождена. — Мастер помедлил и добавил: — Но теперь она, должно быть, свободна.

—Сэр, почему мастер не может растворить всю свою карму в момент, когда обретает единение с Богом?

— Видишь ли, — ответил Мастер, — в том состоянии не важно, вернешься обратно или нет. Это как сон, в котором знаешь, что спишь. Можно продолжать воплощения или сказать: «Я свободен» — и сразу стать свободным. Это все находится в уме. Как только ты скажешь, что свободен, обретешь свободу.

Присутствовавший при этом Бун, который, видимо, не понял главное—что полная свобода может быть обретена только после высшей стадии самадхи, — возразил: «Но, сэр, если бы *я* сказал, что свободен, я на самом деле не *стал* бы свободен, разве нет?»

— О, да! То есть ты стал бы свободным, если бы сказал это в требуемом состоянии осознания свободы. Но ты сам ответил на свой вопрос. Ты сказал: «Я не стал бы». Беда в том, что ум уже отравлен заблуждениями, от которых старается избавиться, у него недостает сил.

Мастер стал рассказывать историю, иллюстрирующую этот тезис: «Человек, которому досаждал демон, стал искать в Священных Писаниях способ избавления от этих злых существ. Найдя такое средство, он стал повторять определенные слова над горстью порошка, которую потом бросил в демона. *

*** «Божественное воплощение». Этот термин применяется для описания того, кто родился полностью свободным от всей прошлой кармы.**

— Это бесполезно! — расхохотался демон. — Прежде чем ты начал читать заклинания над порошком, я вошел в него. Как теперь он может повредить мне?»

Ум так же, как тот порошок, уже отравлен тем самым «демоном» невежества, от которого он старается избавиться.

В другой раз, говоря о той степени умственной свободы, которая является предварительным условием даже для проблесков самадхи, Мастер сказал: «Именно мысль о том, что мы не свободны, мешает нам стать действительно свободными. Достаточно избавиться от этой мысли, чтобы войти в самадхи! Самадхи — это не то, что мы должны *получить».* «Оно уже есть у нас! — добавил Мастер. — Всегда держите в уме эту мысль: «Мы вечно с Богом». На какое-то краткое время — на несколько быстро мелькающих воплощений — мы живем в заблуждении. Потом мы снова вечно свободны в Нем!»

Когда душа обретает полное освобождение, она становится *сиддхой* («совершенным существом»), или *парам-муктой* («душой, достигшей высшего освобождения»). Даже в этом состоянии индивидуальность не утрачивается, а сохраняется в форме памяти. Карма многих воплощений Джона Смита растворилась в Бесконечности, но память о ней (теперь одухотворенная) сохраняется в вечности. Душа, достигнув состояния высшего освобождения, редко воссоздает свою запомненную индивидуальность и никогда не делает этого, кроме как по велению Божественной Воли. Когда совершенно свободная душа возвращается в этот мир, она заботится только о благополучии человечества. Такое воплощение называют *аватаром* («божественным воплощением»).

Таким, говорил нам Мастер, был Бабаджи, первый из нашей прямой линии гуру. Такими были Лахири Махашая — *йогаватар* («воплощение йоги»), как называл его Мастер; и Свами Шри Юктешвар, которого Мастер считал современным индийским *гьянаватаром* («воплощением мудрости»).

— Сэр, — спросил я однажды Мастера в его пустынной обители, — *вы* аватар?

С совершенной простотой он ответил: «Работа такой важности должна была быть начата аватаром».

Аватар, говорил он нам, приходит на землю с божественной миссией, часто для всеобщего возвышения человечества. В отличие от аватара, усилия ***сиддха*** всегда направлены к единению его собственного сознания с Богом. Поэтому Бог действует через сидцхов не так, как через аватаров. Аватарам Он дает силу приводить бесчисленное число душ к освобождению в Нем. Сиддхам Он дает силу освободить себя и нескольких других.

— Мастер, — сказал я однажды, — если Йоги Рамия был полностью освобожден, были ли у него, как у его знаменитого гуру Рамана Махарши, ученики?

— О, да, — ответил Мастер. — Они должены были у него быть. Прежде чем самому стать полностью свободным, нужно освободить других.

Когда я в I960 году встретил Йога Рамию, то обратил внимание на то, как мало у него было учеников. Я спросил его, почему бы ему не поделиться своей божественной мудростью с множеством учеников? Его ответ был прост: «Бог сделал с этим телом то, что хотел».

Кажется, Мастер говорил, что самое меньшее число душ, которое каждая душа должна освободить, прежде чем сама сможет обрести состояние *парам-мукта*,—шесть.

Парамахамса Йогананда говорил, что был послан в этот мир в период, когда на земле испытывалась исключительная нужда в духовности. Однажды Дэби рассказал мне об одном друге-индусе, который прибыл на год учебы в Америку и которому на его пути через океан явился Мастер. Он никогда прежде не слышал о Йогананде. Спустя несколько месяцев Дэби привел его в церковь Голливуда на воскресную службу. Когда его друг увидел Мастера, который читал проповедь, он сразу узнал в нем являвшегося ему святого.

— Сэр, — спросил потом Дэби, — у моего друга есть свой гуру в Индии. Почему же ему было даровано видение вас?

—Потому что, — отвечал Мастер, — на это было особое веление Бога.

Аватар, в отличие от большинства святых, которые заняты процессом собственного полного освобождения из пут *майи,* может казаться привлекательно человечным и жизнеутверждающим. Но в своей человечности он предлагает человеку новый взгляд на то, что действительно означает быть человеческим существом. Люди обычно ассоциируют человечность со слабостью, а не с силой. «Я всего лишь человек», — говорят они, оправдывая свое поражение. Они не понимают, что именно человечность предоставляет наилучшие возможности для успеха! В присутствии мастера выражение «человеческие неудачи» приобретает смысл «не удалось быть *вполне* человеком».

Хотя каждый из великих мастеров вправе сказать, как Иисус, «Я и мой Отец одно», многие нисходят с этой высоты (как это сделал Иисус), чтобы насладиться отношениями любви с Господом: «Я и Ты». В Священных Писаниях Индии говорится, что Бог создал Вселенную, «чтобы Он мог Сам получать наслаждение от Себя через многих». Увы, огромное большинство Его созданий утратили сознательную связь с бесконечной радостью собственного бытия. Одни лишь святые в их счастливой любви к Господу реализуют это глубокое предназначение Его созданий, позволяя Ему выражать Его радость через их жизни.

В юности аватары и другие мастера часто проходят через годы *садханы* («духовной практики»), чтобы служить для других примером. Если бы они не делали этого, их ученики могли бы говорить, что медитация и собственные

усилия не обязательны для обретения Бога или что такие практики — не их ♦путь».

—Если вы стремитесь к Богу,—говорил Мастер,—идите за Ним. Для этого требуется великая решимость и постоянные серьезные усилия. И помните, минуты более важны, чем годы.

Великой поддержкой на этом пути является постоянная мысль о том, что ты уже свободен.

—Заучите наизусть мою поэму «Самадхи»,—сказал нам однажды Мастер. — Повторяйте ее каждый день. Представляйте себя в том бесконечном состоянии; отождествляйте себя с ним. В действительности вы являетесь *только им!*

ГЛАВА 33

«ИЗНАЧАЛЬНОЕ ХРИСТИАНСТВО»

Как ЖЕ КОНЦЕПЦИЯ *самадхи* согласуется с христианскими учениями? Большинству прихожан во время воскресных утренних служб даже не приходит в голову мысль, что Библия обещает им нечто подобное космическому сознанию. Все, на что они позволяют себе надеяться,—это вечная жизнь после смерти на небесах, примерно с таким же телом, которым они обладают сейчас.

Но ни у кого нет монополии на учение Христа или любой другой религии. Откровение, которое даровал миру Бог через Иисуса Христа, принадлежит всему человечеству, а не одной только церкви.

Всех верующих христиан часто называют «телом Христовым», но они, скорее, являются семьей Христа. Ведь тело воспринимает команды мозга, а очень немногие христиане в достаточной степени осознают в себе присутствие Христа или верят отраженным в Библии его учениям достаточно искренне, чтобы задуматься: «Как быть более *чуткими* к нему? Более того, тело согласованно действует под управлением мозга, тогда как христиане — даже те, которые *желают* покориться Христу, — реагируют на повеления, суетно кидаясь во все стороны сразу. Поэтому понятие «*семья*» является более точной метафорой. Даже если члены семьи относятся с почтением к ее главе, они действуют по-разному, в зависимости от их темпераментов и уровней восприятия. Некоторая несогласованность, которая в теле означала бы функциональное расстройство, в семье естественна и, до известной степени, правильна. Во всяком случае, это свидетельствует о том, что у ее членов есть собственный разум.

В мире все верующие христиане похожи на детей великого человека, некоторые из которых несут на себе следы общения с ним. Но хорошо известно, что многие великие люди *не* встречали понимания со стороны родственников. Ученичество у великого учителя побуждает к сонастроенности с ним, но ни в какой мере не *гарантирует* ее. Иисус обвинял евреев в неправильном понимании Моисея. Даже своих близких учеников он упрекал в неправильном понимании *его.* Из его высказываний следует, что христиане никогда не могли *претендовать* на полное, или даже правильное, понимание его учения. Понимание учеником доктрин учителя зависит от его внутренней ***способности*** по-

нимать; считаться членом церкви, или даже ее руководителем, еще недостаточно.

Много раз понимание людей расширялось тогда, когда одна цивилизация знакомилась с другой, для которой характерны иные воззрения. Сегодня на пороге такой возможности стоит религия. Энергичный приток учений с Востока уже оказал сильное влияние на церкви Запада, побуждая их пересмотреть сюи позиции по ряду основных проблем. Помимо прочего, это напомнило им об их собственных полузабытых традициях. Например, медитативная практика, бывшая когда-то важной частью христианских обрядов (особенно в Восточной Церкви), начинает возрождаться благодаря большому вниманию, придаваемому ей учителями из Индии.

Влияние восточных учений на церкви не ограничилось напоминанием о забытых христианских традициях. Оно проявилось в том, что многие учения Библии предстали в новом свете. Истина, как алмаз, многогранна. На Западе получили широкое признание учения Моисея и Иисуса Христа, но возможно признание и других учений, выражающих истины, знание о которых в других странах мира заботливо передавалось через века. Для людей Запада, желающих получить более глубокое представление о собственных религиозных учениях, знакомство с незнакомыми традициями может оказаться благотворным.

Однажды посетитель спросил Парамахамсу Йогананду: «Вы называете свои храмы «церквами всех религий». Почему же вы особое внимание уделяете христианству?»

—Это Бабаджи хочет, чтобы я поступал так,—ответил Мастер.—Он просил меня дать толкование Библии и *Бхагавад-гиты* (Библии индусов) и показать, что их учения в основе одинаковы. С такой миссией я был послан на Запад.

В этот век материализма многие на Западе сомневаются в справедливости учений Христа; некоторые сомневаются даже в том, что он существовал. Парамахамса Йогананда собственным примером и своими учениями вновь превратил агностиков в христиан. Его миссией было не обращение в индуизм, а возрождение христианства. По его словам, он учил «изначальному христианству Христа».

Однажды в Бостоне, штат Массачусетс, он получил письмо, критикующее его за «рекламу» Иисуса на Западе. «Разве вы не знаете, что его никогда не было? — спрашивал автор.—Это миф, придуманный, чтобы обманывать людей». Письмо пришло без подписи.

Йогананда молился, чтобы найти автора письма. Примерно через неделю он посетил Бостонскую публичную библиотеку. Заметив незнакомца, сидящего на скамье под одним из окон, он подошел и сел рядом с ним.

«Зачем вы послали мне то письмо?» — спросил он. Человек вздрогнул от изумления: «К-какое письмо? Что вы имеете в виду?»

—То письмо, в котором вы писали, что Иисус Христос — лишь миф.

—Но как вы узнали, что его написал я?

—Для меня это возможно,—ответил Мастер. — И я хотел, чтобы вы знали: сила, позволившая мне найти вас, дает мне возможность определенно знать, что Иисус Христос действительно жил и что он был воистину таким, каким описывает его Библия. Он был истинным Христом.

В другой раз в Бостоне Йогананда получил еще одно замечательное подтверждение реальности Иисуса Христа. Во время медитации он видел Кришну и Иисуса Христа, идущих вместе по морю золотого света. Чтобы убедиться самому (как он сказал), а более вероятно, чтобы убедить скептиков, включая сектантов, которые не могли допустить мысли о том, что Иисус и Кришна могут быть на одной волне, Йогананда попросил подтвердить свое видение.

Божественный голос ответил: «В комнате останется запах лотоса».

—Весь тот день,—рассказывал нам Йогананда,—в комнате присутствовал аромат логоса, неизвестный на Западе. В тот день многие посещали меня. «Что это за удивительный аромат?»—спрашивали они. А я знал, что получил подтверждение достоверности своего видения.

В Сент-Луисе Мастер посетил Римский католический монастырь. Прежде, в медитации, настоятель этого монастыря предстал пред ним как великий святой. Монахи монастыря были шокированы, увидев «язычника» в оранжевой мантии. Но когда появился настоятель, он поспешил к Парамахамсаджи и с любовью обнял его. «Божий человек,—воскликнул он, —я так счастлив, что вы пришли!»

Только святые являются настоящими хранителями религии. Только они обретают понимание благодаря непосредственному восприятию истины, а не на основе поверхностных размышлений или чтения книг. Настоящие святые одной религии преклоняются перед проявлением божественного в истинных святых другой религии. Когда Парамахамса Йогананда посетил Терезу Нойман, великую католическую обладательницу стигматов в Баварии, она послала ему записку: «Епископ сказал мне, чтобы без его разрешения я никого не принимала, однако я приму Божьего человека из Индии».

Йогананда был далек от того, чтобы подрывать веру христиан в их Писания; во многих он возродил веру. Однажды католический монах, воодушевленный встречей с ним, просил в своих молитвах удостоить его видения Иисуса. На другой день он поспешил к Йогананде. Со слезами на глазах он воскликнул: «Прошлой ночью, впервые в моей жизни, я видел Его!»

Оливер Уэнделл Холмс* ** *** **** говорил: «Сомнение в собственных принципах — признак цивилизованного человека». И напротив, догматическая приверженность какой-либо вере подобна утверждению: «Мне нужна только эта часть истины, и ни грамма больше». Догматизм—это гибель истинного познания. На протяжении всей истории он вставал на пути прогресса и даже здравого смысла. Рассмотрим несколько примеров.

В 1728 году в Шотландию завезли картофель. Духовенство наложило на его выращивание запрет, объявив картофель неприемлемым для питания христиан, мотивируя это тем, что в Библии о нем нет упоминаний. Когда впервые появились зонты, духовенство многих стран отвергло их, как дьявольское изобретение; разве в Библии не сказано совершенно ясно: «Отец Небесный посылает дождь на праведных и неправедных?» . Как часто отмечал Йогананда, фанатизм не является монополией одного лишь Запада: «На Востоке и на Западе невежества поровну». В справочнике для паломников по храмам Южной Индии я нашел этот маленький перл абсурда: «Тот, кто посмеет плюнуть на пол храма, втечение трех последующих воплощений будет рождаться птицей *титтири* ». («Что это, — спросил я одного индийского друга, — за птица, титгири?» «А, это презренное создание»,—ответил он неопределенно.)

«У меня есть другие овцы, — сказал Иисус,—которые не из этого стада» . Может быть, он говорил о верующих других религий? Мы читаем в десятой главе Деяний святых апостолов (34, 35): «Бог нелицеприятен, но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему».

Христианские фундаменталисты, настаивающие на том, что Библия является единственным авторитетным источником, бесконечно яростно спорят, толкуя ее. Лютер и Цвингли+, вожди протестантской Реформации, проповедовали свое учение только на авторитете Священного Писания, а не церкви и все же расходились в толковании его основных идей. Их встреча на коллоквиуме в Марбурге в 1529 году с целью разрешить эти противоречия привела к столкновению доктрин и закончилась провалом.

Не следует удивляться, что Библия по-разному понимается различными народами. Разве не очевидно, что ее влияние не распространяется *за пределы*

* ***ОливерУэнделлХолмс*** (1809—1894) — американский писатель, ученый-медик. ***—Прим, ред.***

** Матф. 5:45.

*** ***Титтири*** (санскр.) — куропатка. — ***Прим. ред.***

**** Иоан. 10:16.

\+ ***УльрихЦвингли*** (1484—1531) —деятель Реформации в Швейцарии. В 20*хгодахХУ1 в. провел реформу церкви и политического строя (в республиканском духе) в Цюрихе. Погиб в войне католиков с протестантами. ***—Прим.ред.***

способностей чешет понимать ее? Иисус говорил: «Потому и говорю им притчами, что они видя не видят и слыша не слышат, и не разумеют». *Даже объяснив* притчу о сеятеле, он сказал: «Кто имеет уши слышать, да слышит!»**

Отчего же зависит способность человека понимать? Гораздо важнее природного ума реальное, внутреннее восприятие божественных истин. Как еще можно их распознать? В XIX веке некий американский индеец, не имеющий представления о современных машинах, был убежден, что пароюз приводится в движение конем, искусно спрятанным под паровым котлом. Многие служители церкви, которым недостает опыта личного восприятия любви Бога, убеждены, что Он есть Бог гнева и мести. Жан Даниэлю, французский кардинал-богослов, писал: «Нас спасает не религиозный опыт, а вера в слово Бога». Однако истинная вера без определенного опыта, некой внутренней утонченности просто невозможна. Только дыхание любви Бога в душе может пробудить истинную (а не фанатичную) веру в Его слово. Чем глубже осознание или, лучше сказать, глубже *восприятие* такой любви, тем глубже вера.

Как говорил святой Ансельм : «Кто не испытал, тот не знает. Насколько увидеть вещь больше того, чтобы только о ней услышать, настолько и знания того, кто видел, превосходят знания того, кто слышал».

Духовно незрелые богословы и священники склонны понимать буквально то, что является метафорой, и описывать реальность в терминах собственного, ограниченного жизненного опыта. Христианству очень недостает более мистического подхода.

В Калькутте я встретил христианского миссионера, который только что посетил Святую Землю. За несколько месяцев до этой встречи я сам посетил Галилею и продолжал переживать счастливое состояние от ощущения присутствия в тех местах Христа. Вообразив, что миссионер ощутил то же самое, я воскликнул: «Как это было прекрасно! Иисус казался таким реальным, что казалось, он вот-вот станет спускаться с тех холмов». Человек уставился на меня, как на сумасшедшего. Потом пробормотал: «Это красивая страна. Удивительная *история*». Общение с Христом не имело ничего общего с тем, что он считал своей миссией в Индии.

Римские католики в своей истории испытывали проблемы, возникающие в связи с различными толкованиями Священных Писаний. Они решили настаивать на том, что их церковь является высшим авторитетом в таких делах. Сам

* Матф. 13:13.

** Матф. 13:43.

*** ***Ансельм Кентерберийский*** (1033—1109) — теолог и философ, представитель ранней схоластики августиновского направления. Видел в вере предпосылку рационального знания: «Верую, чтобы понимать». ***—Прижред.***

Христос, утверждают они, наделил их такими полномочиями, когда сказал: «Ты Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою». Однако их довод, хотя и мудро мотивированный, не выдерживает никакой критики. Откуда мы знаем, что Христос действительно *намеревался* наделить их такими полномочиями? Есть только *их* слова, подтверждаемые *их* утверждениями, что, имея такие полномочия, *они* толкуют Христа правильно. Безупречный довод!

Толкование Парамахамсой Йоганандой той же цитаты из Библии было совершенно иным. Иисус, говорил он, имел в виду внутреннюю «церковь» божественного сознания. Он видел, что мог бы «построить» эту «церковь» в Петре после того, как ученик признал Иисуса как Христа живого и показал, что его духовная жизнь была основана на надежной почве божественного восприятия. Слова Иисуса здесь (как и в других местах) относятся к личности, а не к организации.

И все же в одном Римская Католическая Церковь совершенно права: в духовных делах очень необходим *определенный* авторитет. Иначе Священные Писания будут толковаться ошибочно, что приведет к усилению невежества людей. Но авторитет должен быть выбран правильно—иначе слепой поведет слепого. *Истинным авторитетом в духовных делах является только реальный духовный опыт.* Такой опыт следует искать не в комментариях известных ученых и богословов, а у святых. Поэтому я повторяю, что *только святые являются настоящими хранителями религии.*

«Слова святых,—писал святой Григорий Синайский ,—если их внимательно исследовать, никогда не противоречат друг другу; все они говорят истину, мудро изменяя суждения, если возникает такая необходимость».

Поскольку в зависимости от меняющихся требований времени приходится представлять те же фундаментальные истины по-разному, святой Симеон Новый Богослов писал: «Человек, который не желает прикрепиться к последним (по времени) святым со своей любовью и смирением из-за недоверия к ним, никогда не сможет прикрепиться и к предшествующим и не будет допущен к последующим святым, даже если считает, что обладает верой и любовью к Богу и ко всем Его святым». Потому что все, кто знает Бога, пьют из одного озера и отвергающий одно из Его проявлений отвергает и Самого Бога.

* Матф. 16 18.

** ***Григорий Синаит*** (ок. 1260—1340) — византийский мыслитель и церковный деятель, возродивший традицию ***исихазма*** («безмолвия* **) — похожего на йогу учения о пути единения человека с Богом. —***Прим.ред.***

Симеон Новый Богослов (949—1022) — византийский религиозный писатель, поэт, философ-мистик. Развивал тему самоуглубления и просветления личности. — ***Прим, ред.***

Йогананда однажды молился Иисусу Христу, прося подтверждения правильности его толкования слов в Евангелии. Иисус явился ему в видении: Чаша Святого Грааля перешла от его губ к губам Йогананды. Потом Иисус, как позднее рассказал нам Йогананда, произнес следующие слова небесного подтверждения: «Ты пьешь из той же чаши, из которой пью и я».

Возвращаясь к вопросу одобрения со стороны христианства концепции *самадхи,* обратимся к следующим высказываниям святых:

—Душа после очищения,—говорила святая Екатерина из Генуи,—всецело обитает в Боге, ее бытие есть Бог.

—Душа должна полностью утратить все человеческие знания и все человеческие чувства, — писал Сан Хуан де ла Крус, — чтобы обрести полностью божественное знание и божественные чувства.

Святая Катерина Сиенская утверждала, что Христос сказал ей в видении: «Я есмь Тот, кто Я есмь; ты—не та, кто есть». Иными словами, маленький вихрь ее эго не имел собственной неизменной реальности.

Святая Вероника Джулиани, монахиня ордена капуцинов семнадцатого века, описывая свой опыт высшего экстаза мистического единения, отметила в своем «Дневнике», что обрела убеждение более глубокое, чем какая-либо умственная концепция или вера, что «вне Бога не может быть вообще никакого бытия».

Великая святая Тереза Авильская писала, что в этом состоянии «Душа полностью превратилась в подобие ее Творца — она кажется больше Богом, чем душой».

Блаженный Генри Сусо, описывая просветленную душу, подчеркнул: «В таком лице Бог является самой сутью, жизнью, энергией и жизненной силой. Сам человек становится инструментом, посредником Бога».

Святой Ансельм восклицал: «Не вся та радость войдет в тех, кто радуется; но те, кто радуются, полностью войдут в ту радость».

Разве эти цитаты не говорят с определенностью о состоянии единения с Богом, которое йоги Индии называют *«самадхи»?* Существуют писатели-христиане (Дон Денис Ратледж, например, с его претенциозной книгой «В поисках йога»), которые утверждают, что для христианина было бы нежелательным погружение эго в Бога. Но является ли такая реакция *христианской?* Может, это всего лишь обычная человеческая реакция? Похожего рода возражение порой приходится слышать от мирских людей по поводу радости небесной: «Какможет быть хорошо на небесах, если там нет сексуальных удовольствий?» (Они забывают, что в детстве жили совершенно счастливо без секса.) Но что делать таким эгоцентричным писателям со словами Иисуса: «Ибо кто хочет душу свою сбе-

речь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее» . Пауль Тиллих , великий протестантский богослов, обращаясь с высоты более широкого кругозора мудрого человека, утверждал: «Вечная жизнь с ограничениями была бы адом... Это не имеет ничего общего с христианством» .

Посмотрим, что еще говорили христианские святые о бесконечности как о свойстве божественного осознания.

Выдающийся мистик, Мейстер Экхарт , говорил о душах, слившихся с Богом: «По милости Всевышнего, они *—Бог в Боге**.

«Я — бесконечна, — писала святая Катерина Сиенская, — всегда в поиске бесконечных трудов — то есть в стремлении к бесконечному совершенству любви».

Святой Бернард"*" писал: «Как капля воды, падая в сосуд с вином, по видимости полностью исчезает в вине, приобретая его вкус и цвет... так и в святых все человеческие стремления неизбежно каким-то необъяснимым образом истекают из них и полностью вливаются в волю Бога».

«Человек, который обрел высшую степень совершенства, — писал святой Симеон Новый Богослов, — умер, и все же не умер, но бесконечно более жив в Боге... Он пассивен и недвижим, как человек, завершивший все свои дела. У него нет мыслей, потому что он теперь един с Тем, который превыше всех мыслей». Как похожи эти слова на описание первого проблеска космического сознания Парамахамсой Йоганандой в «Автобиографии Йога»: «Тело как мертвое, и все же в своем усиленном осознании я знал, что никогда прежде не имел такой полноты жизни».

Ученик святого Симеона писал о его переживании *самадхи*: «Однажды, когда он обратился с искренней молитвой к Богу, чтобы вымолить личное общение с Ним, ему было видение: светящийся поток воздуха стал проникать в его душу, и, хотя он находился в своей келье, ему казалось, что он начал возноситься высоко за ее пределы. Был первый час ночи. Когда световой поток сверху стал подобен утренней заре, исчезло здание и все остальное, и он уже не чувствовал, что

*** Матф. 16: 25.**

** *Пауль Тиллих* **(1886—1965) — немецко-американский теолог и** философ, один из **основоположников «диалектической теологии». Находился** под влиянием **экзистенционализма. —***Прим.ред.*

***** Из его лекции «Символы Вечной жизни*.**

**** *Иоганн Экхарт* (ок. **1260—1327)** — доминиканец, представитель немецкой средневековой мистики. **В** учении об Абсолюте выделял безосновное божественное Ничто («Бездну») как основу всего бытия. **В 1329** г. папской буллой многие тезисы Экхарта объявлены еретическими. —*Прим.ред.*

+ *Бернард Клервоский* **(1090—1153)** — французский теолог-мистик. Выступал против теологического рационализма, был вдохновителем второго крестового похода. — *Прим.ред.*

находится в доме. Совершенно не помня себя, он всей душой вгляделся в этот явившийся ему свет, который постепенно усиливался; воздух становился все более сияющим, и он чувствовал, что уносится всем своим телом вдаль от бренной земли».

Святые, тонко сознавая невозможность описания неописуемого, обычно говорят об этом более или менее уклончиво. Однако некоторые старались передать свои переживания словами.

«Божественная тьма,—писал святой Дионисий, — это недостижимый свет, в котором пребывает Бог».

А Василий Великий писал: «Совершенно невыразимой и неописуемой является Божественная красота, сверкающая, словно молния... Если мы называем рассвет чудесным, лунный свет ясным или солнечный свет ярким, то ни одно из этих определений не идет ни в какое сравнение с величием Света Истинного, от которого они отстоят еще дальше, чем глубокая ночь или самая ужасная тьма от ясного света в полдень».

Библия во многих местах описывает Бога как яркий Свет. В тридцать пятом псалме говорится: «Ибо у Тебя источник жизни; во свете Твоем мы видим свет».

Святой Павел писал: «Потому что Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, озарил наши сердца, дабы осветить нас познанием славы Божьей в лице Иисуса Христа» .

В Библии о Христе говорится как о «единородном сыне Бога». Значит ли это, что мы являемся сыновьями Бога в ином смысле, нежели Иисус? Или термин «единородный» имеет какой-то иной, мистический смысл? Относительно этого есть два разных суждения: ортодоксальных богословов и великих святых. Богословы склонны согласиться, что мы *коренным образом* отличаемся от Иисуса Великие святые видят это различие в степени самосознания. Они говорят, что мы сыновья «приемные», как сказал святой Павел, только до тех пор, пока в наших венах не потечет кровь Божественной Жизни. Но когда это состояние достигнуто, тогда, как выразился Мейстер Экхарт, «между единородным сыном и душой уже нет различия». ***

* *Дионисий Ареопагит* — **судья афинского ареопага, обращенный в христианство апостолом Павлом. Во второй половине V в. под его именем появились религиозно-философские сочинения, проникнутые духом неоплатонизма, содержащие идеи о Боге как сверхразумном тождестве бытия и небытия.** —*Прим.ред.*

***Василий Кесарийский* **(ок. 330—379) — церковный деятель, теолог, философ-платоник. Выступал против арианства. В «Шестодневе» изложил принципы христианской космологии.** — *Прим. ред.*

*** **2 Коринф. 4:6.**

«Ученик не бывает выше своего учителя,—сказал Иисус,—но, и усовершенствовавшись, будет всякий, как учитель его».

«Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный»**.

«А если мы дети (Бога),—писал святой Павел,—то и наследники—наследники Божии, сонаследники же Христу, если только страдаем с Ним, чтобы с Ним и прославиться» . В той же главе Павел говорит о Христе в связи с его последователями: «Дабы Он был первородным между многими братьями».

Каким образом Иисус Христос является «единородным сыном Бога»? Конечно, не как человек И не как ограниченная душа. Само слово «Христос» имеет особое значение. «Помазанник Бога», Христос является частью бесконечной Троицы . Сын Троицы представляет скрытое присутствие ю всем вибрационном творении спокойного, недвижимого сознания Творца. Он носит имя Сына, потому что отражает сознание Отца. Само вибрационное творение называют Божественной Матерью. Верующий должен сначала установить общение с *Аум,* с Божественной Матерью. Соединяя свое сознание с *Аум,* он должен идти к осознанию своего единства с Сыном. И только после достижения единения с Сыном он может переходить к единению с Отцом за пределами творения.

В Священных Писаниях Индии эту вечную Троицу называют *Сат Тат Аум. <Сат»* — это Дух, высшая истина, которой является Бог Отец. *«Тат» —Кутастха-чайтанъя*, Сознание Христа, которое лежит в основе всего творения, а *Аум* — Слово, Святой Дух, которого в Библии называют также *Утешителем* — аспектом Самого Бога. Иисуса называют Христом потому, что его сознание идентифицировалось с присутствием Бога во всех творениях. Христос — *единородный* сын потому, что сознание Христа вездесуще. Оно отнюдь не личное в смысле эго. «Я перемещаю мою руку,—говорит Мейстер Экхарт,—и Христос перемещается потому, что Он *есть* моя рука».

«Бог, писал святой Павел, — создал все Иисусом Христом»*. Как мог Бог с помощью бесконечно малого эго создать гигантскую Вселенную с миллиарда-

* Лук. *&.* 40.

** Матф. 5:48.

*** Римл. 8:17.

**** Парамахамса Йогананда объяснял Христианскую Троицу (Бог Отец, Бог Сын **и Дух** Святой) в космическом смысле. Бог-Отец, говорил он, есть бесконечное **сознание, из** которого проявляется все сущ ее. «Слушай, О Израиль, Господь—наш Бог, **Господь** — Един»; кроме этого сознания не было субстанции, из которой могла бы быть **создана** Вселенная. Вселенная — Его сон. Для осуществления этого сна Создатель **должен был** привести часть Своего сознания в движение Вы, я, наша земля, **солнце, галактики,** наши мысли и вдохновения, даже само наше стремление снова **воссоединиться с Ним** — все это результат вибраций Его сознания, отдельные **проявления первичной** вибрации *Аум,* Святого Духа.

\+ Ефес.3:9.

ми галактик? Такой род мышления был возможен только тогда, когда наша цивилизация была еще столь наивной, что люди представляли Бога в виде бородатого джентльмена, сидящего на золотом троне высоко в небесах.

«Иисус отвечал им: не написано ли в законе вашем: "Я сказал: вы боги?". Так Иисус ответил евреям, когда они обвинили его в богохульстве за слова: «Я и Отец — одно». Он не сказал: «Мой Отец говорит так, и вы лучше верьте этому или попадете в ад!» Он сказал: «И *вы* тоже», и продолжал объяснять, что единственное различие между ними и им состоит в том, что он был «посвящен» Отцом, а им это еще предстоит.

Иисус сам делал различие между своим человеческим Я и вездесущим Сознанием Христа, с которым он внутренне себя отождествлял. В обоих случаях он применял местоимение «Я», но смысл его менялся в зависимости от высказываний . Говоря безлично, он сказал: «Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через меня» (Иоан. 14:6). И вновь безлично: «Ибо Отец и не судит никого, но весь суд отдал сыну» (Иоан. 5:22). Здесь он говорит о Сыне как о Христовом Сознании, с которым его собственное сознание отождествлялось полностью. Когда же к нему обратились: «Учитель благий», он отвечал на сей раз с позиций личностного сознавания себя человеком: «Что ты называешь меня благим? Никто не благ, как только один Бог» (Матф. 19:17).

И только в возвышенном духе Иисус мог сказать: «Прежде нежели был Авраам, Я есмь» (Иоан. 8: 58). Именно из сознания вездесущности он говорил: «Ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Матф. 18:20). Именно о своем бесконечном Я, а не о физическом теле он сказал: «Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь имеет жизнь вечную» (Иоан. 6:54). Упрекая учителей, которые требуют от учеников быть преданными им, а не учат преданности Вечному Христу, он сказал: «Все, сколько их ни проходило передо Мною, суть воры и разбойники» (Иоан. 10:8). Если бы он ссылался, как думают многие, на пророков, приходивших до него, он не сказал бы: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков; не нарушить пришел Я, но исполнить» (Матф. 5:17).

«Ты есть 7Ъ», — говорится в Индийских Писаниях. Христиане, которые не могут представить себе более высокого предназначения, чем вечное заключение в маленьком теле, поступили бы правильно, поразмыслив по поводу притчи о горчичном зерне, которое Иисус сравнивал с Царством Небесным. Горчичное зерно, говорил Иисус, очень маленькое, но постепенно превращается в дерево,

*** Иоан. 10: 34.**

**** В индийских Писаниях это местоимение также часто применялось как для описания бесконечного сознания учителя,так и для указания на ограниченное, эгоистичное сознание.**

так что «прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его» (Матф. 13:32). Так и душа в единении с Господом постепенно растет, чтобы объять всю бесконечность сознания, которая есть Бог.

А еще, христиане, которые считают себя *изначально* грешными, а не склонными грешить из-за заблуждения, поступили бы правильно, поразмыслив над притчей о расточительном сыне, чей истинный дом был в Боге*, и (если они стремятся к небесам) об этих словах Иисуса: «Никто не восходил на небо, как только сошедший с небес» (Иоан. 3:13).

Христианам-сектантам, объясняющим Второе Пришествие как объективное событие в истории, трудно увязать свое учение со следующими словами Иисуса: «Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой. Ибо истинно говорю вам: не успеете обойти городов Израилевых, как придет Сын Человеческий» (Матф. 10: 23). И вновь эти слова Иисуса о Втором Пришествии: «Истинно говорю вам: не прейдет род сей, как все сие будет» (Матф. 24: 34). А как могли «все племена земные увидеть Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великой»? (Матф. 24: 30) Требовались бы миллионы Христов и столько же облаков, чтобы все племена могли видеть его! Но для великих святых и йогов утверждения Христа совершенно ясны. Его слова означали, что в облаках божественного видения он снова придет повсюду во всякое время в души тех людей, сердца которых будут чисты, готовы принять его благословение.

Как говорил Иисус, «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Матф. 5:8).

ГЛАВА 34

КРИЙЯ-ЙОГА

БЛАЖЕННЫ ЧИСТЫЕ СЕРДЦЕМ, ибо они Бога узрят». Истина этих простых слов провозглашалась великими святыми на Востоке и на Западе. Это Истина, над которой следовало бы задуматься каждому верующему, поскольку общим заблуждением во всех религиях является вера в то, что для получения спасения достаточно просто стать последователем религии. Но Иисус не говорил: «Блаженны мои последователи, ибо они Бога узрят». Его послание было общим: только мерой внутренней чистоты определяется близость человека к Богу.

Что такое чистота сердца? В другом месте Иисус фактически определил ее как способность любить Бога всем сердцем своим, и всею душою своею, и всем разумением своим, и всею крепостью своею. Но почему эта способность названа чистотой? Просто потому, что мы принадлежим Богу; мирское чуждо самой нашей природе.

Как можно обрести такую чистоту? Собственными усилиями? Или — по милости Божьей? Святой Павел говорил: «Ибо благодатию вы спасены через веру и сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился» . Христиане-фундаменталисты часто приводят эту цитату в качестве аргумента против всякого рода собственных усилий и особенно против учения йогов. Но в Книге Откровения сказано: «Се, гряду скоро, и возмездие Мое со Мною, чтобы воздать каждому по делам его» . Что же, эти Писания противоречат друг другу? Вовсе нет.

Святой Павел не имел в виду, что самосовершенствование тщетно, он говорит лишь, что Бог выше сделок Внешние «дела» во имя Бога (например, строительство школ и больниц) *сами по себе* не гарантируют Его милости. Только лишь Любовь позволяет обрести Бога. Подобное привлекает подобное, а Бог есть Любовь. Однако что касается тех внутренних усилий — например, веры и любви, —которые ведут душу к Богу, то они очень важны, иначе Священные Писания

* **Марк 12: 30.**

** **Ефес. 2:8,9.**

*** **Откр. 22:12.**

были бы написаны напрасно. Именно об этом внутреннем «деле» говорилось выше в Книге Откровения.

Чтобы развить в себе любовь к Богу, нужно, чтобы ее свободному потоку не препятствовали никакие иные желания. Следовательно, наше первое духовное «дело» —отказаться от тех желаний, которые противоречат нашей преданности. Следует *т уничтожать* наши желания, а, скорее, перенаправить их энергию к Богу.

Именно этому истинному труду любви наиболее эффективно служат методы йоги. Понятно, что ложные желания невозможно преобразовать одними лишь техническими приемами. Однако так же, как техника бега полезна для тех, кто стремится стать отличным бегуном, технические приемы йоги могут помочь искренним верующим управлять своей физической энергией и обратить ее к Богу. Сами по себе приемы не дадут нам Бога, но *могут* очень помочь нашим усилиям *отдать себя* Ему. Иначе говоря, учение йоги помогает нам *взаимодействовать* с благословением Бога.

Рассмотрим простой пример. Верующие, естественно, хотят любить Бога, но многие из них не имеют ясного представления о том, что означает любить Его. Слишком часто случается так, что их рассудочные усилия заканчиваются крушением надежд. Но Иисус намекал на технические приемы, когда говорил: «Блаженны чистые сердцем». Потому что каждый, переживший глубокую любовь, знает, что он чувствовал любовь в сердце—не буквально в физическом сердце, а в *сердечном центре* (сплетении спинных нервов позади сердца). Христианские святые вновь и вновь говорят о «любви *сердца*». А йоги утверждают, что любовь легче развивается, если вместо обычных *раздумий* о любви человек направит мысль о ней вверх: из сердечного центра по позвоночнику в мозг.

Возьмем другой пример. Верующие, стремящиеся к духовному общению с Богом, часто встречают на этом пути препятствие беспокойные мысли. Но йоги давно нашли средство для преодоления этого препятствия. Они обнаружили, что дыхание тесно связано с процессом мышления. Беспокойное дыхание сопровождается беспокойным умом. Применяя простые эффективные техники успокоения дыхания, они обнаружили, что могут легче подготовить ум для божественного размышления.

Применяя на практике законы, управляющие физическим телом и нервной системой человека, наука йоги помогает стать *восприимчивее* к потоку божественного благословения. Это подобно тому, как технический профессионализм

В новой Английской Библии слова святого Павла: «Ибо благодатию вы спасены через веру* переведены как: «Ибо его милостью вы спасены потому, что верите ему*. Эти слова *«потому\ что верите ему** **делают упор на то, что необходимы достойные собственные усилия. Ибо вера — это активный дар, а не просто пассивное одобрение.**

пианиста делает возможным непрерывный поток музыкального вдохновения. Божественное общение, как сказал святой Павел, приходит не от внешнего ♦угождения» Богу, а только благодаря тому, что верующий становится полностью восприимчивым к Его любви. Эта любовь по самой ее природе *хочет* проявить себя.

В главе 32 я говорил об эго как о вихре сознания, который отделяется от океана сознания собственной центростремительной силой. Когда этот вихрь распадается, говорил я, самоосознание течет вовне, чтобы объять бесконечность. Но теперь я должен объяснить, что это слишком упрощенный подход — говорить об эго как об одном вихре. Дело в том, что эгоистическое сознание порождает бесчисленные миллионы микровихрей: вихрей симпатий и антипатий, переходящих в желания, которые ведут к действиям, мотивированным эго. Каждый такой вихрь привлекает к себе энергию и поэтому усиливает эго, из которого исходит его энергия. До тех пор пока желание не будет реализовано в действии или развеяно мудростью, оно может в течение ряда воплощений оставаться в подсознании спящим, как семя. Чем сильнее мышление, тем больше эго зависит от него. Количество энергии, отвлеченной мириадами зависимостей, неисчислимо велико. Парамахамса Йогананда говорил нам: «В одном грамме вашего тела достаточно скрытой энергии, чтобы снабжать Чикаго электричеством в течение недели. А вы все же представляете себя бессильными перед лицом каких-то трудностей!» Мы получаем столь малую часть потенциально доступной для нас энергии потому, что большую часть энергии, привлекаемой из Вселенной, уже «разобрали»; она поглощена бесчисленными микровихрями предшествующих зависимостей эго.

Несколько лет назад в связи с этой утечкой энергии у меня было интересное переживание. Сильно переутомившись, как я думал, на работе, я находился в состоянии крайнего изнеможения. Вечером мне предстояло дать урок, за полчаса до которого я лег отдохнуть. Но я не спал; вместо сна я обдумывал, насколько мог беспристрастно, причины, породившие ощущение такой усталости: бесконечная занятость (дневные лекции, уроки, выступления по радио), бесконечный поток писем, телефонных зюнков, бесчисленные просьбы о встречах, нескончаемые требования решений от людей, которые вполне могли сами принять хорошие решения. После размышления над каждой причиной у меня инстинктивно возникла реакция неприятия: «О нет—это слишком!»

Но потом пришло беспристрастное возражение: **Так ли* это? Теперь это факт твоей жизни, хочешь ты этого или нет. Почему просто не принять его?» Всякий раз, когда я применял этот совет, я чувствовал, будто закрывал некую воображаемую дверь, через которую уходила энергия, затрачиваемая мной на желание избавиться от неприятного жизненного опыта. Каждый раз, когда

закрывалась очередная дверь, я чувствовал, что удерживаю в себе все больше энергии.

Результат был поразительный. Через полчаса мое изнеможение пропало; я был полон энергии! Один друг, встретивший меня в тот день раньше, умолял отменить урок Увидев меня теперь, он воскликнул: «Ты, должно быть, чудесно поспал. Ты так свежо выглядишь!» Интересно, что темой занятия в тот вечер была «Энергизация». Это был, возможно, мой лучший урок по данной теме. После занятия я все еще был так переполнен энергией, что работал до двух часов ночи, разговаривал, читал, а потом погрузился в медитацию.

Энергия, которую я перенаправил в тот день, была лишь малой долей от растраченной миллионами других вихрей в моем подсознании!

Если бы мы могли направлять всю нашу энергию в каком-то одном направлении (например, смогли бы научиться всем существом говорить жизни «Дя», вместо того чтобы чередовать «да» с «нет», — наши творческие силы возросли бы до такой степени, которая большинству людей представляется невозможной. Но важно мудро направлять эту энергию, потому что, если использовать ее для достижения целей, чуждых нашей истинной природе, успех принесет нам разочарование.

Чтобы правильно использовать огромные количества энергии, доступные нам, мы должны понять, как эта энергия функционирует в теле. Ее главным каналом является позвоночный столб. Позвоночный столб, как стержневой магнит, имеет северный полюс у духовного ока и южный—в своем основании у копчика. В стержневом магните все обладающие полярностью молекулы ориентированы в одном направлении. В немагнитном стержне молекулы ориентированы в разных направлениях, взаимно компенсируя друг друга. Так и средний человек может быть лишен динамической силы, которая ассоциируется с величием человека, но не потому, что у него меньше энергии, чем у гения; а потому, что «молекулы» его подсознательных желаний и побуждений разрывают его в противоположных направлениях и компенсируют влияние друг друга.

Стальной стержень становится магнитным не путем введения какого-то нового элемента, а просто благодарям упорядочению его собственных молекул. Аналогично, магнетизм человека возникает, когда «молекулы» противоречивых стремлений выстраиваются в одном направлении. Можно временно обрести ограниченную силу, выстраивая их одним полюсом к *какой-то* цели. Многие современные психиатры фактически подтверждают это, рекомендуя пациентам высвободить вовне загнанное в подсознание. Но более глубокие реальности человеческой природы и само строение нашего тела, отражающее эти реальности, не дают нам возможности упорядочить *все* «молекулы», пока мы не ориентируем их в соответствии с полярностью позвоночника. Это значит, что все наши

желания и стремления должны подниматься по позвоночному столбу к духовному оку: к «выходу» в Бесконечность.

Симпатии и антипатии и их следствия—влечение и отвращение —являются основной причиной вечного рабства. Последовательные этапы погружения в *майю* можно проследить через основные функции человеческого сознания: *манас, буддхи, ахамшру* и *читту* (ум, интеллект, эго и сознание). Парамахамса Йогананда объяснял эти основные функции на примере коня, фигура которого отражается в зеркале. Зеркало — это ум *(манас),* отражающий изображение, которое проявляется через чувства, без какого-либо квалифицированна или распознания изображения. *Буддхи* (интеллект) распознает то, что видит, информируя нас: «Это—конь». Затем вступает *ахамкара* (эго), чтобы сказать: «Это*мой* конь». До этого момента мы еще не были связаны мыслью о собственности; эта идентификация, хотя и личностная, остается более или менее абстрактной. Но затем приходит *читта* (сознание) и говорит: «Как я *рад* видеть моего коня!» *Читта* — это процесс наших эмоциональных реакциий, наши симпатии и антипатии и, как я сказал, подлинный источник наших заблуждений. Древний мудрец Патанджали, классик науки йоги, определил саму йогу как «нейтрализацию вихрей (<*зритти*) *читты*».

Однажды Мастер говорил мне: «Когда я обратился к магарадже из Кашимбазара за разрешением перевести мою школу на территорию Ранчи, он (так как мой запрос касался религиозного учреждения) созвал несколько пандитов, чтобы проверить мои знания в духовной сфере. Я видел, как они расселись, заняв позиции для теологического боя быков, и напал первым. Я сказал: «Давайте говорить только об истинах, которые мы действительно понимаем. Способность цитировать Священные Писания не является доказательством мудрости». Потом я задал им вопрос, на который, я знал, не было ответа ни в одном тексте. «Мы читали, — говорил я, — о четырех аспектах человеческого сознания: *манасе, буддхи, ахамкаре* и *читте.* Мы также читали, что они имеют соответствующие центры в физическом теле. Можете ли вы сказать, где в теле расположен каэдый из этих центров?» И что же — они потерпели полное поражение! Все, что они знали, было ими где-то прочитано. Потом я сказал им:«*Манас* (ум) расположен в верхней части головы; *буддхи* (интеллект) в точке между бровями; *ахамкара* (эго) — в продолговатом мозге, а *читта* (сознание) — в сердце»**.

***Йога-сутра 1:2. Обычнослово *«читта»* переводят как «мыслительная субстанция*. Так пишет и сам Парамахамса Йогананда в «Автобиографии йога». Но в ряде занятий по философии Патанджали и в частных беседах со мной он давал более точное определение, которое я и привожу здесь.**

**** Ранее я ссылался на тот факт, что любовь ощущается в центре сердца. Может** быть, **небезынтересно отметить, что напряженное интеллектуальное усилие** часто **сопровождается морщинами между бровей: свидетельство того,** что **энергия**

«Блаженны чистые сердцем, — говорил Иисус,—ибо они Бога узрят». Учения Иисуса из Галилеи и великих йогов Индии сотканы из одной ткани самоосознания. Только когда симпатии и антипатии сердца и их порождения — вихри желания и отвращения—развеяны, короче говоря, когда сердце очищено, можно обрести самоосознание. Тогда вихрь самого эго развеивается относительно легко, ведь без привязанностей оно теряет импульс и в конце концов рассеивается потоками божественного вдохновения.

Большая часть усилий по изменению себя затрачивается на исправление бесконечного ряда личных пороков—склонности к пустословию, избыточному влечению к сладостям, физической лени и других недостатков. Ученик, конечно, должен вести такие сражения, когда они сами разгораются в его уме. Но попытка выиграть всю войну таким методом подобна попытке переориентировать все молекулы в стальном стержне по очереди. Психологические усилия в процессе самопреобразования—бесконечная задача. Даже если удастся переориентировать несколько умственных «молекул» в правильном направлении, нет гарантии, что они останутся в том же положении, когда оставишь их, чтобы заняться другими.

Чтобы намагнитить стальной стержень, следует ввести в него поток «юг-север», поместив стержень рядом с магнитом. Для того чтобы обрести духовную намагниченность, следует находиться в духовной «близости» от своего гуру; иначе говоря, умственно настроиться на него. Поскольку энергия пробужденного учителя естественно течет вверх, к духовному оку, настройка на него генерирует такой же поток в ученике.

Разумеется, процесс включает в себя не только пассивное восприятие благословений гуру. Любой ученик, надеющийся только на благословения, достигнет лишь незначительного прогресса. Человек—не инертный металл; он может и должен участвовать в процессе самопреобразования. Как сказал Йогананда: «Для преодоления пути требуется двадцать пять процентов собственных усилий ученика, двадцать пять — со стороны гуру и пятьдесят процентов—благодати Бога». Гуру нуждается в содействии ученика. И ученик способен к более эффективному сотрудничеству, если понимает, как магнетическое влияние работает в его теле, поднимая тонкие потоки энергии по позвоночнику к мозгу! Взаимодействие с усилиями гуру и с божественной благодатью подразумевает, что следует самому делать все возможное, чтобы направить энергию вверх по позвоночному столбу.

направляется к пункту между бровями. Отметим также, что при проявлении чувства гордости голова стремится откинуться назад: свидетельство того, что энергия фокусируется в области продолговатого мозга. Поэтому мы обычно говорим о человеке, что он смотрит на других «свысока*.

Связь между духовным пробуждением и потоком энергии вверх можно наблюдать и в обычных человеческих переживаниях. Когда человек ощущает прилив радости или вдохновения или когда он принимает твердое решение совершить что-то полезное и положительное, — в это время, заглянув в себя, он почувствует поток энергии, поднимающийся к его мозгу. Он обнаружит, что его осанка прямая, голова приподнята, а взор обращен вверх и уголки рта приподнимаются в улыбке. Если человек чувствует себя подавленно или испытывает упадок духа, то заметит, что энергия уходит из мозга вниз по позвоночному столбу. Он может слегка горбиться; его взгляд будет направлен вниз, уголки рта опущены; и он может чувствовать себя физически потяжелевшим.

Духовное пробуждение наступает, лишь когда *вся* энергия человека направлена вверх, к духовному оку. Отсюда и слова Иисуса: *Ты должен возлюбить Господа Бога твоего со всей твоей *крепостью*»; то есть «со всей твоей *энергией*».

У большинства людей этот поднимающийся вверх поток наталкивается на бесчисленные микровихри *читты,* которые, сформировавшись в сердце, распределяются по позвоночному столбу в соответствии с уровнем осознания — чем ниже уровень, тем более материалистично желание; чем выше уровень — тем оно возвышеннее. Эти микровихри (*вритти*) могут быть развеяны потоком энергии в позвоночнике, достаточно сильным для того, чтобы нейтрализовать их центростремительную силу. Многочисленные техники йогов имеют главной своей целью пробуждение этого потока энергии.

Из всех таких техник ежой эффективной, по мнению Паржахжсы Йогананды и его линии гуру, является *крийя-йога,* потому что она наиболее концентрированно и непосредственно работает в этом направлении. Они говорят, что в древности именно этой технике Господь Кришна обучал Арджуну. Кришна в *Бхагавад-гите* утверждает, что подарил эту методику человечеству в своем воплощении задолго до того, как он обучал Арджуну. Из всех техник йоги *крийя-йога*, вероятно, сжая древняя.

Крийя-йога направляет энергию вдоль и вокруг позвоночника, постепенно нейтрализуя микровихри *читты.* В то же время эти техники укрепляют нервы позвоночного столба и мозга, готовя их к приему космических потоков энергии и сознания. Йогананда утверждал, что *крийя* — высшее учение йогов. Другие технические приемы йогов, которые способствуют успокоению дыхания, сосредоточенности мышления и т. п., хотя и важны (Йогананда также обучал многим из них), но их следует считать вспомогательными.

Он часто говорил, что *крийя-йога* в зависимости от темпержента и воспитания человека дает ему силы на разных путях—на пути преданности, познания или служения; пути индуизма, христианства, ислжа или иудаизма. Посетитель, который однажды пришел в его школу в Ранчи, в течение двадцати лет практи-

ковал *бхакти-йогу* — путь неуклонной преданности. Несмотря на глубокую веру, он никогда еще не ощущал благословенного присутствия Господа.

—Вам могла бы помочь *крийя-йога*,—искренне посоветовал ему Мастер.

Однако человек опасался изменить своему пути.

— *Крит* не помешает заниматься *бхакти-йогой*, — настаивал Мастер. — Она только углубит вашу практику.

Но человек все еще колебался.

— Поймите, — сказал наконец Мастер, — вы подобны человеку, который в течение двадцати лет пытался выйти из комнаты через стены, через пол, через потолок *Крийя-йога* просто покажет вам, где находится дверь. В таком роде содействия нет противоречия с вашим путем преданности. Выходить через дверь вы должны тоже с преданностью.

Наконец тот человек решился и принял посвящение. Не прошло и недели, как он впервые глубоко ощутил присутствие Бога.

«Христос и великие учителя Индии послали меня на Запад не для того, — часто говорил аудитории Йогананда,—чтобы дать вам догмат новой теологии. Сам Иисус просил Бабаджи послать кого-нибудь сюда, чтобы научить вас науке *крийя-йоги*, чтобы люди могли научиться непосредственному общению с Богом. Посредством ежедневной практики *крийя-йоги* я хочу помочь вам обрести подлинное восприятие Бога.

И добавил: «Пришло время познания Бога!»

ГЛАВА 35

МОНАХИ

Куда бы ни убегал беспокойный, нестойкий ум, надо, обуздав его, возвращать под контроль своего «я» *.

ЭТИ СЛОВА ГОСПОДА КРИШНЫ в *Бхагавад-гите* нужно помнить на всех этапах духовного пути. Часто на пути бывает так, что эгоистические желания вдруг вырываются из подсознания и с поразительным неистовством атакуют преданность. Верующий может неуклонно прогрессировать, уверенный в том, что Бог—это единственное, что ему нужно в жизни, когда внезапно появляется возможность достижения мирского успеха и он думает: «Вот мой шанс—может быть единственный — стать великим концертирующим пианистом»; или «обрести богатство и всеобщее уважение»; или «сделать великое научное открытие во благо человечества»; или «жениться на своей единственной, душевно близкой!» Я никогда не видел, чтобы желания *в качестве альтернативы* бескорыстному служению Богу приводили к чему-либо, кроме разочарования. Концертирующий пианист уставал играть для переменчивой публики. Перспективный миллионер скоро обнаруживал, что жизнь без Бога—сущий ад (особенно если он уже испытывал душевный покой). Подающий надежды ученый понимал, что мир либо равнодушен к его открытиям, либо стремится направить их к достижению недостойных целей. А тот, кто оставляет духовную практику, чтобы жениться на единственной «близкой по духу», весьма вероятно, через год-два разведется. (Что может предложить человеческая любовь по сравнению с великой любовью Бога, которую он уже вкусил в своей душе?)

Среди моих самых печальных воспоминаний — впечатления от приезда бывших приверженцев, оставивших божественное призвание, которые хвалились перед своими братьями и сестрами по пути новыми мирскими благами. С какой гордостью они демонстрировали свои новые автомобили, новые костюмы, новых жен! Вы видите в их глазах желание оправдать утрату того доброго, что они потеряли. Вы слышите в их голосах неловкий смех людей, которые похваляются спьяну, надеясь шумом и деланным смехом заглушить неумолимый

* ***Бхагавад-гита 6.*** 26.

голос совести. Совершив такой шаг, рано или поздно они утрачивали уверенность в правильности своего поступка и, увы, зачастую—в самих себе.

Хуже всего то, что непостоянство по отношению к Богу порождает в них склонность к непоследовательности в дальнейшем. Они редко преуспевают в чем-либо, потому что отвергли качества, необходимые для достижения успеха во всяком деле: стойкость и непоколебимость. Счастливы те, кто, совершив ошибку, исправляют ее и решительно возвращаются к духовному поиску. Я восхищался одной такой верующей, которая, когда ее спрашивали, как она посмела снова оказаться в Маунт-Вашингтоне, ранее покинув его, радостно отвечала: «А вы считаете, что я должна держаться за свои ошибки?»

Увы, не многие имеют такую решимость. Мастер рассказал мне об одном падшем ученике: «С тех пор как он покинул нас, у него не было ни одного радостного дня. Я так старался спасти его, но он уже все решил. Мы были с ним в Нью-Йорке, когда однажды он сказал мне, что хочет поехать в Филадельфию.

—Купить обручальное кольцо? — вызвал я его на откровенность.

Он не мог отрицать этого, но пытался убедить меня в том, каким ангелом была его девушка.

—Она вовсе не то, чем тебе кажется,—предостерег я.

—Но ведь вы совершенно ничего не знаете о ней,—возразил он.—Вы даже никогда не видели ее!

—Я знаю о ней *все*!—уверял я его.

И все же он не хотел меня слушать. Но потом он убедился во всем сам». Глаза Мастера выражали печаль по поводу своего заблудшего ученика.

«Все отвернутся от того, кто отвергнет Меня», — писал в своей прекрасной поэме «Небесная Гончая» Френсис Томпсон.

Преданность — сильнейшая защита от заблуждения. Но едва ли найдется такой верующий, чья преданность никогда не убывает, который никогда не переживает духовного опустошения или черствости, не чувствует влечения к мирским удовольствиям. Что человеку делать, когда, по выражению Мастера, взрываются «кармические бомбы» невоздержанности и страстей, в особенности в периоды черствости? Чтобы быть готовым к такому периоду, важно укреплять себя привычкой к регулярным медитациям и преданностью избранному пути. Когда привычка к ежедневным медитациям становится правилом, человек будет уверенно преодолевать множество житейских бурь, не впадая ни в отчаяние, когда путь кажется слишком тяжелым, ни в радужное настроение, когда путь кажется легким. Верность избранному пути подавляет соблазн искать более легкие и приятныб пути к Богу, более «симпатичного» учителя или практику, которая предъявляет меньше требований к эго.

«Преданность — это первый закон Бога», — часто говорил Йогананда. Он имел в виду не показную сектантскую преданность тех, кто чувствовал необходимость доказывать ее и поносить любого, чьи взгляды отличаются от их собственных. (Такое размахивание флагами обычно используется для того, чтобы скрыть подсознательные сомнения.) Мастер имел в виду ту спокойную приверженность избранному пути, которая несовместима с изменой убеждениям и которую не могут поколебать никакие препятствия, встречающиеся на пути. Увы, это качество не часто сегодня встречается в Америке, за исключением, возможно, преданности честолюбию. Нам принадлежит традиция пионеров—мужчин и женщин, которые не раз утверждали свою свободу, «выдергивая корни» и поселяясь на новой территории. Даже сегодня, когда на континенте не осталось для завоевания новых земель, наши юноши, стремясь к новизне, тянутся к блуждающему огоньку «успеха», куда бы он их ни звал, почти не считаясь с такими неудобными понятиями, как обязательство и долг.

— Они меняют работу, жен и гуру почти без предупреждения, — сожалел Мастер. — Как они могут добиться чего-либо, если привыкли так капризно менять направление?

«Падет несколько голов»,—сказал он мне, говоря о периоде, который начался за несколько месяцев до моего испытания в Твенти-Найн-Палмз. Я сильно переживал, когда ашрам покинули некоторые из тех, кого я особенно любил. Я уже знал, что собирался уходить Бун, но когда ушел Норманн, а потом Жан, я был сильно потрясен.

Бедный Норманн! Он глубоко любил Бога, но пришло уныние, которое заставило его нарушить установившийся режим медитации до такой степени, что ее не хватало для того, чтобы охранить его от мирских заблуждений. Но я знал, что он будет всегда любить Бога и стремиться к Нему.

— Впервые за много жизней Норманн поддался заблуждению, — печально заметил Мастер. Потом он добавил: — Божественная Мать хочет, чтобы он научился отвечать за свои поступки. Но где бы он ни был, он со мной.

Спустя несколько месяцев Норманн посетил Маунт-Вашингтон.

—Помнишь, как трудно мне было ладить с Джерри? — спросил он меня. — Это было одной из основных причин, побудивших меня уйти отсюда. А теперь там, где я сейчас работаю, таких, как он,—шестеро.

Спустя годы я обратил внимание на то, что, когда верующие пытаются избежать кармических испытаний, они вновь испытывают их — в иной форме — и в большем объеме!

Жан был наделен большой силой юли, но не прилагал достаточно усилий для совершенствования своей преданности. Мастер всегда указывал, что для медитации не должно быть иных побуждений, кроме любви к Богу и стремления

угодить Ему. Медитацию для личной духовной выгоды он называл «корыстной преданностью»: «Господь, я отдал Тебе столько-то *крий.* Теперь Ты должен выполнить Твою часть соглашения и дать мне столько-то осознания» — Бог никогда не отвечает на такую преданность! Он не примет от нас ничего меньшего, чем безусловная любовь». Когда по прошествии двух-трех лет целеустремленной медитации Жан так и не обрел высоких духовных переживаний, его воодушевление стало ослабевать. Покидая нас, он сказал: «Я пришел сюда не для того, чтобы сгребать листья!» Увы, дорогой друг, как же ты забыл наставление *Бхагавад-гиты* о том, что верующий, который с искренней *любовью* дарит Богу хотя бы лепесток цветка, получает личный отклик Самого Господа?

Об одной из учениц, которая в этот период серьезных испытаний ушла, чтобы выйти замуж, Мастер сказал печально: «Стремление к человеческой любви отвлекло ее на годы». Она жила с ним продолжительное время. Видимо, незадолго до ухода ее кармическое испытание достигло апогея, потому что он добавил: «Если бы она задержалась у нас еще на двадцать четыре часа, она навсегда покончила бы с этой кармой!»

Особенный благоговейный трепет вызвало его предостережение ученику, который покинул ашрам позднее: «Твоя карма очень сложна. Если ты уйдешь сейчас, то может миновать двести воплощений, прежде чем ты сможешь вернуться на тот уровень, которого уже достиг на этом пути».

И хотя Мастер говорил, что падший приверженец духовного пути нередко мечется в заблуждениях на протяжении одного или более воплощений, он говорил также, что хорошая карма, приобретенная в процессе занятий йогой, в конечном счете возвратит его назад. Он никогда не воспринимал жизнь в терминах ада—рая ортодоксальных догматиков.

—Сэр,—спросил его однажды Бун, — сойду ли я когда-нибудь с духовного пути?

— Как же ты сможешь это сделать? — ответил учитель. — Все люди в мире идут по этой стезе.

— Мастер, — спросил я его однажды,—может ли душа умереть навсегда?

— *Никогда!* — ответил он твердо. — Душа — это часть Бога. Как можно разрушить часть Бога?

Многие из тех, кто отошел от нашего дела, даже увлекшись мирскими мечтаниями, остались преданными Мастеру. В конце концов, они являются его духовными детьми, сужденными ему учениками. Лишь об одном оставившем его он сказал: «Он не вернется; он никогда и не был с нами». Это было ответом на вопрос Джерри: «Сколько времени пройдет, пока он вернется к вам?» О другом ученике, который спустя годы после того, как покинул Маунт-Вашингтон, отрек-

ся от него, Мастер сказал: «Он никогда не обретет Бога сам, но лишь с помощью инструмента, предназначенного ему Богом».

«Люди столь изобретательны в невежестве!» — воскликнул однажды Мастер в раздражении, после того как пытался помочь кому-то. А потом, в разговоре с небольшой группой учеников, сказал: «Духовный путь подобен соревнованию в беге. Одни являются спринтерами; другие медленно бегут трусцой. А некоторые даже бегут в обратную сторону!»

В другой раз он говорил монахам: «Духовная жизнь подобна сражению. Верующие сражаются с внутренними врагами — жадностью и невежеством. А многие получают раны — от пуль страстей».

Преданность, вера, регулярная медитация, сонастроенность с гуру—вооруженный всем этим, каждый верующий может одержать победу (не без усилий, но в конце концов — славную победу). «Чем больше вы делаете то, что подсказывает ваш ум, — предостерегал нас Мастер, — тем более становитесь рабами. Чем больше выполняете волю Гуру, тем более вы становитесь свободными». Различие между теми, кто остается в ашраме, и теми, кто покидает его, сводится к двум альтернативам: стремлению жить только для Бога или по-прежнему цепляться за свое маленькое человеческое «я». Иисус говорил: «Тот, кто сохранит свою жизнь, потеряет ее». Конечно, уход из ашрама сам по себе не является духовным падением. А когда падение все же происходит, оно не обязательно длится всю жизнь: все зависит от того, ставит ли человек на первое место Бога и отказывается ли признавать тяжелую неудачу окончательным поражением. Однако независимо от обстоятельств, нельзя считать мудрым ученика, который думает, что может оставить ашрам безнаказанно, уверяя себя, что он никогда не забудет Бога. «Заблуждение имеет свою собственную силу»,—предостерегал нас Мастер.

Меня очень сильно удручало, когда уходил какой-нибудь Брат, особенно тот, который вдохновлял меня в моих духовных делах. Будучи поставлен теперь во главе монахов, я решил делать все, что было в моих силах, чтобы укрепить стойкость тех, кто был еще слаб; я старался так организовать духовные занятия, чтобы регулярная духовная практика навсегда вошла в жизнь учеников. Мастер поощрял мои усилия. Так же поступали многие из моих братьев-монахов. Однако, к сожалению, не все. Человеческая натура нелегко отказывается от внешней свободы ради внутренней. В глазах некоторых я читал мысль: «Ну хорошо, Мастер назначил тебя старшим. Но это не дает тебе право *делать* что заблагорассудится!» Когда я настаивал, чтобы они подчинялись правилам, они саркастически обзывали меня «монахом». Я не испытывал удовольствия, навязывая им свою волю; мне хотелось выполнить желание Мастера и укрепить их на этом

пути. Но моя печаль по тем, кого мы потеряли, побуждала меня совершенствовать правила, которые служили бы опорой для других во времена испытаний.

«Я не прошу покорности,—говорил я им,—но знаю, что вы готовы подчиняться Мастеру, и, выполняя его юлю, прошу вашего *содействия*». «В то же время, — добавил я,—в ответ я обещаю каждому мое содействие. Если у вас ко мне есть какие-то просьбы, которые не противоречат нашим правилам, я с радостью выполню их». Стараясь занять позицию служения, я постепенно завоевал их поддержку. В моих собственных медитациях я часто пел «О, Прекрасный Боже!» и повторял строку «Для тех, кто служит,—Ты служение». Ежедневно мой ум был полон радостной мыслью о том, что единственным достойным делом верующего является смиренное служение Космическому Возлюбленному.

Наконец мои организаторские усилия восторжествовали. Отчасти по этой причине все больше и больше из тех, кто прибывали в Маунт-Вашингтон, оставались верными избранному пути.

Но лично для меня эти организаторские сражения были болезненными. Я глубоко переживал, чувствуя, что чем больше буду преуспевать в них, тем в меньшей степени Маунт-Вашингтон будет оставаться для меня тем удивительным духовным домом, каким он показался мне, когда я впервые прибыл туда. В школах-интернатах у меня развилась глубокая антипатия к групповому сознанию. Роль инструмента развития такого сознания в Маунт-Вашингтоне (хотя это было необходимо) вызывала у меня чувство, будто я вызвался выполнять миссию самоубийцы.

Меня успокаивало, что Мастер не увлекался идеей организационных изменений. Сестра Гьянамата говорила: «Вам никогда не удастся организовать эту работу, пока жив Мастер». Иногда он говорил с тоской о простой, лишенной формальностей жизни духовных учителей в Индии, «странствующих вдоль Ганга», как он выразился, «упоенных Богом». Ограничивающим правилам и инструкциям он предпочитал поток божественной интуиции. По своей природе он походил на Раману Махарши, великого учителя Индии. Однажды ученики пожаловались Рамане на одно торжественное, но неудобное правило, которое их Брат ввел в общине ашрама. Правило гласило: «Не используйте канцелярию как проходной двор. Идя в столовую, обходите ее». Рамана Махарши ответил протестующим: «Давайте покинем это место. Оно уже, кажется, не принадлежит нам!» (Нечего и говорить, что это оскорбительное правило было отменено.) Наш Мастер, вероятно, отреагировал бы так же.

Культурные традиции Индии никогда особенно не уделяли внимания организации. «Не вводи слишком много правил, — говорил мне Мастер. — Это разрушает дух». От него я воспринял принцип, который хорошо служил мне, особенно в последние годы, когда мне была поручена ответственность за духов-

ную жизнь многих людей. Этот принцип гласил:«*Никогда не ставь потребности организации выше нужд даже одного ее члена».* Служение является истинной и единственной целью всякой духовной работы.

В дополнение к организации повседневной жизни в Маунт-Вашингтоне и внедрению некоторых необходимых правил, я разработал несколько уроков по ученичеству, тексты которых, видимо, все еще используются монахами и монахинями. Мастер сотрудничал со мной во всех этих начинаниях и часто говорил о будущих направлениях в работе, особенно касающихся монахов.

В последние два года жизни он проводил с монахами много часов, обучая, ободряя и вдохновляя их.

—Каждый из вас должен любить Бога по-своему, — сказал он нам однажды вечером. —Удерживайте свой ум в центре Христа все время, а когда работаете— думайте, что трудитесь для Бога и Гуру. Постоянно: «Бог и Гуру; Бог, Христос и Гуру». Многие приходят сюда, разговаривают, шутят все время и — играют на органе,—Мастер выразительно посмотрел на одного из монахов.—Так они не достигнут Бога! В щелях этого строения живет много мышей, но они не развиваются духовно! У них нет Бога. Не надейтесь, что одно проживание здесь уже гарантирует вам духовное развитие. Вы сами должны прилагать усилия. Каждый из вас предстоит пред БоГом в одиночку.

Однажды вечером он прославлял дух тех учеников (Дая Маты, Вирджинии Райт и мисс Дарлинг), которые долгое время служили лично ему. Особенно много работы было у них в первые годы жизни в Маунт-Вашингтоне: они часто работали весь день и до поздней ночи засиживались в офисе.

—Сэр,—спросил я,—много ли у них было времени для медитации?

—Видишь ли, когда они работали со мной рядом, у них не было необходимости в длительной медитации; они все равно росли духовно. А ты должен медитировать больше, потому что у тебя нет того внешнего контакта, который был у них.

Он настаивал, чтобы мы были упорны в наших занятиях *крийя-йогой.*

— Занимайтесь *крийя-йогой* днем и ночью. Это самый надежный ключ к спасению. Другие люди обращаются к книгам и внешним дисциплинам, но чтобы обрести Бога на иных путях им потребуется много воплощений. *Крийя* — это самый надежный путь для разрушения соблазна. Когда вы почувствуете приносимую ею внутреннюю радость, никакое зло не сможет коснуться вас. По сравнению с нектаром оно будет казаться несвежим сыром. Когда другие заняты пустым разговором или попусту тратят время, выйдите в сад и сделайте несколько *крий.* Что вам еще нужно? *Крийя* даст вам все, чего вы ищете. Занимайтесь ею преданно днем и ночью. — Потом он добавил: — После выполнения *крийи* следует долго сидеть спокойно; слушать внутренние звуки, или заняться *бхак-*

ти-йогой (йогой преданности), или следить задыханием в позвоночном столбе. Если вы после обеда будете бегать, то не получите удовольствия; вы испытаете большее удовольствие, если отдохнете. Так и после *крийи:* не вскакивайте сразу. Посидите спокойно и глубоко помолитесь; насладитесь ощущением внутреннего мира. Именно так развивается духовная интуиция.

— Отдайте все хорошее и все плохое, что вы сделали, Богу, — говорил он нам однажды вечером. — Конечно, это не значит, что вы должны намеренно совершать плохие дела, но, если вы не можете воздержаться в силу укоренившихся привычек, чувствуйте, что Бог действует через вас. Пусть *Он* несет ответственность. Ему нравится это! Он хочет, чтобы вы поняли, что именно Его сном является ваше существование.

—Сэр,—обратился к нему однажды после полудня Клиффорд Фредерик, —- как человек может стать более смиренным?

—Смирение,—отвечал Мастер,—приходит, когда вы видите, что действует Бог, а не вы. Видя это, как вы сможете чувствовать гордость за какое-то свое достижение? Смирение хранится в сердце. Это не витрина, с помощью которой оказывают впечатление на других. Что бы вы ни делали, всегда говорите себе <*Бог* совершает это через меня».

Один из учеников испытывал муки неуверенности в себе. «Пока ты борешься, —утешал его Мастер, — Бог *никогда* не позволит тебе упасть!

Однажды он сказал Генри, когда тот собирался выехать на машине: «Всякий раз, когда ты видишь несовершенство в мире, помни, что это несовершенство в тебе. Если ты совершенен, то все вокруг совершенно, потому что ты видишь всюду Бога. Безупречность пребывает внутри».

Вэнс Миллиган, черный мальчик, впервые пришел в Маунт-Вашингтон в возрасте семнадцати лет. Поскольку он был несовершеннолетним, мать заставила его уйти от нас. Но как только ему исполнилось восемнадцать, он вернулся к нам.

—Как твоя мать относится к тому, что ты опять здесь?—спросил его Мастер.

—На этот раз она говорит, что не возражает,—ответил Вэнс.

«Это хорошо, что ты получил ее согласие. Без него ты все равно пришел бы, но так лучше.

—Свами Шанкаре,—продолжал Мастер,—было всего восемь лет, когда он решил уйти из дому, чтобы искать Бога. Его мать пыталась удержать сына. Шанкара, не желая уходить без ее разрешения, прыгнул в протекающую поблизости реку и позволил схватить себя крокодилу. В прошлых жизнях он достиг высокого уровня духовного развития и обладал способностью спасти себя. «Смотри, мама, — крикнул он, — если ты не дашь своего согласия, я позволю увлечь себя под воду. В любом случае ты потеряешь меня!» Мать поспешно

пообещала позволить ему покинуть дом. Тогда он освободился от хватки крокодила, вышел из реки и ушел из дому, чтобы начать свою миссию.

Однажды, спустя много лет, он воскликнул: «Я чувствую вкус молока моей матери. Она умирает!» Он поспешил к ней, оказал помощь в последние минуты ее жизни и потом кремировал ее тело божественным огнем, который вырвался из его поднятой руки».

Мастер продолжал: «Другим прирожденным мудрецом, который покинул дом в раннем возрасте, был Шукадэва. В то время ему исполнилось всего шесть лет, но он хотел отправиться на поиски своего гуру. Его отец, Вьяса, был автором *Бхагавад-гиты.* Он и сам вполне мог быть гуру. Но Шукадэва видел, что тот несколько привязан к нему как к сыну. Когда мальчик покидал дом, Вьяса последовал за ним, умоляя его искать Бога дома.

—Оставь меня,—сказал мальчик — В тебе есть *майя.*

Тогда Вьяса послал его учиться к царственному мудрецу Джанаке».

Однажды я спросил Мастера: «Сэр, как следует любить людей?»

— Прежде всего, ты должен полюбить Бога, — отвечал он, — потом Его любовью полюбить других. В любви к самим людям, а не к проявлениям Бога ты можешь обрести привязанносгь.

В другой раз, говоря о любви, он сказал нам: «Человеческая любовь — это любовь собственническая и личностная. Божественная любовь всегда безличностна Чтобы обрести преданность и сохранить ее от налета собственнической, личностной любви, пока человек не стал высокоразвитым духовно, лучше искать Бога не ради Его любви. Вначале ищите Его ради блаженства».

— Не шутите слишком много, — часто говорил нам Мастер. — Шутливость — ложный стимулятор. Она не исходит из истинного счастья и не дает истинного счастья. Когда вы слишком часто острите, ум становится беспокойным, легкомысленным и уже не может медитировать.

Одному из молодых учеников, отрекшихся от мира, он однажды сказал: «У тебя есть преданность, но ты всегда шутишь и побуждаешь к веселью других. Ты должен научиться быть более серьезным».

— Я знаю об этом, сэр, — печально ответил молодой человек, — но моя привычка так сильна Как я могу измениться без вашего благословения?

— Хорошо, вот тебе *мое* благословение. Есть уже и благословение *Бога.* Недостает только *твоего* благословения!

«Так трудно переменить привычки, сэр, — однажды пожаловался Джерри, — но я буду стараться до конца жизни».

— Вот это дух, — одобрительно сказал Мастер. — Во всяком случае, волна не может покинуть океан. Она может вздыматься над его поверхностью, но все же остается частью океана и в конечном счете вольется в него вновь.

«Никогда не считайте своих неудач, — сказал он нам однажды. — Будьте озабочены только тем, чтобы достаточно сильно любить Бога. И, — добавил он, не говорите другим о своих ошибках, чтобы когда-нибудь в припадке гнева они не обратили их против вас. Но говорите об ошибках Богу. От Него вы не должны пытаться скрывать ничего».

Некоторые монахи падали духом, видя, как другие покидают ашрам. Мастер однажды сказал им: «Другие могут приходить и уходить, ноя остаюсь преданным вечно, — *такой* должна быть ваша позиция». Тем, кто видя падения других, испытывал сомнения в собственном духовном будущем, Мастер говорил: «Так или иначе вы будете жить! Так почему не жить праведно?»

Американский дух «предприимчивости» вызывал его одобрение: «Когда-нибудь? Когда-нибудь? Почему не сегодня! Именно *такой* настрой американцев мне нравится. Ищите Бога с такой решимостью—и вы наверняка найдете Его!»

Относительно монахов, покинувших нас, он говорил мне однажды вечером во время прогулки по территории Лейк-Шрайн: «Многие когда-нибудь создадут собственные центры: Дэвид, Джэн и другие».

Сам я чувствовал, что Маунт-Вашингтон был наилучшим местом для служения делу. Однажды мы обсуждали нашу потребность в учениках, наделенных определенными талантами, и я упомянул Адано Лея, лидера нашего центра в Монреале, Канада. «Мастер, почему бы нам не пригласить его сюда? Он великолепно ведет дело там».

— Если у него хорошо идут дела там,—ответил Мастер с некоторым негодованием, — зачем переводить его сюда?

Когда он принимал кого-либо, профессионализм никогда не служил критерием. Мы давно нуждались в типографе, и однажды вечером я пришел к Мастеру с хорошей вестью: «Мы нашли нового специалиста для типографии, сэр!»

— Зачем ты мне это говоришь? — спросил Мастер с неодобрением. —■ Сначала убедитесь, что он близок нам по духу; принимайте его только при таком условии. Потом помогите ему более глубоко проникнуться нашим духом. И лишь *потом* думайте, подходит ли он для нашей работы. Двое уже приходили и говорили мне, что нашли нового типографа. Я никогда не спрашиваю у людей сначала, что они умеют делать. Я обращаю внимание прежде всего на духовную сторону.

—Поверьте мне, сэр,—ответил я смущенно, —я тоже об этом забочусь. Мне надо было сразу сказать об этом. Тот человек сказал мне: «Я рад, что вы молитесь с такой преданностью». И в моей «пещере» мы с ним долго пели и слушали индийские песни преданности. Они нравятся ему.

Мастер одобрительно кивнул: «Вот это я рад слышать».

Однако, хотя он даже не видел этого человека, его реакция на самом деле была вызвана безошибочной интуицией. Когда через несколько месяцев тот человек ушел, мастер сказал мне: «Я знал, что он не задержится».

После прихода к нам этого типографа Мастер возложил на меня обязанности принимать новых учеников, а сам большую часть времени проводил в работе над завершением своих комментариев. Мне трудно было понять, что многие, добивавшиеся приема, были просто не готовы к нашему образу жизни. Мне Маунт-Вашингтон казался таким замечательным местом, что я хотел принять как можно больше людей.

Один ученик написал нам из Восточного штата, что хотел бы приехать, несмотря на определенные проблемы со здоровьем. Мастер ответил, что, так как он слаб здоровьем, ему не следует приезжать. Но тот человек снова написал нам, умоляя: «Мой доктор уверяет меня, что я поправлюсь, если буду регулярно лечиться». Когда пришло это письмо, Мастер был в уединении и поэтому ответил я. Единственным возражением для приезда того человека, казалось мне, было его физическое состояние; в остальном он представлялся мне совершенно искренним. Поскольку данное препятствие устранялось, я написал ему, что он может приехать и попытаться принять наш образ жизни.

Когда Мастер возвратился в Маунт-Вашингтон и узнал о моем решении, он побранил меня: «Это было не единственной причиной отказа, а лишь самым *мягким* поводом. Я знал, что он духовно не готов к нашему образу жизни». И добавил: «Ты увидишь».

Вскоре прибыл тот молодой человек. И через неделю уехал.

Я принял одного человека, который (даже на *мой* взгляд) не был готов к приему. Несмотря на искреннее желание духовной жизни, он слишком пропитался мирскими привычками. Лишь его страстное стремление измениться побудило меня принять его; у меня просто не хватило твердости отказать. В течение нескольких месяцев новичок серьезно старался, хотя часто качал головой, удивляясь переменам в своей жизни. Он не задержался надолго, но за время пребывания в Маунт-Вашингтоне сильно изменился в лучшую сторону. Мастер был доволен.

«Я дал возможность вам измениться по собственной воле, — сказал он ему однажды и, имея в виду его запятнанное прошлое, добавил: —А ведь значительно проще быть хорошим человеком, чем плохим. Скверный человек всегда в страхе. А добрый не боится ничего и никого. Сами боги оберегают его, потому что на его стороне Бог всех богов!»

Так как я принял этого человека, Мастер делал все, чтобы помочь ему, хотя, когда впервые узнал о его приеме, воскликнул: «Хотелось бы наделить тебя интуицией!»

Его слова могли быть приняты всерьез, как благословение. Во всяком случае, вскоре я обнаружил, что способен с первого взгляда определить, принадлежит человек Маунт-Вашингтону или нет. Иногда даже прежде, чем он намекнет на свое намерение приехать, я мог сказать: «Вы наш». Насколько я помню, когда такое предчувствие посещало меня, оно всегда оправдывалось.

В своих беседах Мастер старался повернуть наши умы к Богу. Он побуждал нас видеть проявления Господа во всем и в каждом. «Уважайте друг друга, — сказал он нам однажды, — как вы уважаете меня».

Много часов он проводил в беседах с нами, помогая нам и ободряя нас. Прежде всего он призывал нас искать вдохновение в себе, в медитации.

Как-то, разговаривая со мной на нижнем этаже, он замолчал, услышав, как один из монахов пел в главной церкви под аккомпанемент индийской фисгармонии. Потом радостно заметил: «Вот что мне приятно слышать в этой обители Бога!»

ГЛАВА 36

ВОЛНА И ОКЕАН

БОЖЕСТВЕННАЯ МАТЬ однажды сказала мне: «Тем, кому я дарю слишком много, Я не дарю Себя».

Мастер объяснял нам различие между радостным приятием божественных благ, дарованных Богом в знак Его любви, и стремлением к собственно благам.

«Ищите Бога ради Его Самого, — говорил он нам, — а не ради надежды на какой-нибудь дар от Него». Парамахамса Йогананда учил нас, что истинным признаком духовности является безразличие ко всему, кроме Любви Бога. Если Бог дает меньше подарков, то для искреннего верующего, говорил он, это означает только одно: проявление Его любви.

Трогательный эпизод, иллюстрирующий это учение, произошел через два-три года после моего присоединения к Обществу Самоосознания. Мастер в поездках между Лос-Анджелесом и Инсинитасом иногда останавливался в городе Лагуна-Бич, где в маленьком шотландском магазине чая был особый ассортимент печенья. Однажды, приехав за этим деликатесом, он послал в магазин Вирджинию Райт (теперь — Ананда Мата). Она вернулась и сообщила, что последняя пачка печенья уже продана.

Удивившись, Мастер помолился: «Божественная Мать, как это вышло?» Не то чтобы он был огорчен. Скорее, он привык получать божественное руководство даже в малых делах его жизни; он хотел знать, не является ли этот неожиданный отказ неким уроком свыше. Вдруг он увидел в направлении этого магазина луч света. Через несколько мгновений открылась дверь и вышла его владелица. «Подождите! Подождите!»—воскликнула она. Спеша к автомашине с маленькой пачкой, она сказала: «Я отложила этот заказ для местного покупателя. Но я хочу, чтобы вы взяли его. Для него я могу испечь еще».

На самом деле у Мастера не было такого уж сильного желания купить печенье, но его глубоко тронул проявившийся в этом эпизоде пример божественной любви. Чем незначительней просьба, на которую откликается Бог, тем весомее, в определенном смысле, доказательство Его любви. Вмешательство Бога при серьезной необходимости можно объяснить другими мотивами — например, помочь завершению важной работы. Но что, кроме любви, может побудить участвовать в тривиальном деле?

Для Мастера помимо божественной любви *все* дары относились к общему разряду под названием «меньшие дары». Превратить религию в процедуру «проявления» бесконечного ряда мирских товаров, считал он,—значит предложить религию материализма. И хотя он говорил, что, как дети Беспредельного, мы имеем право на бесконечное изобилие Бога, Мастер напоминал нам, что это врощенное право может быть полностью востребовано только в космическом сознании.

Вместо этого истинно верующий предпочитает «проявлять» скромную жизнь и обычно довольствуется вещами, необходимыми для поддержания его духовного поиска. Если Бог дает ему больше этого, он использует избыток на благо других. И все, чем он владеет, считает собственностью Бога, чтобы с радостью возвратить все это Владельцу при первом же напоминании.

Даже для мирских людей простая жизнь является важным ключом к счастью. Через дорогу от места уединения Мастера в Твенти-Найн-Палмз в одиночестве жил человек, обитавший в маленькой однокомнатной хижине. У него не было сада, в доме почти не было современных удобств, однако он весь светился счастьем. Он не был обременен долгами, не занимался бесполезными домашними делами, чтобы транжирить бесценные часы свободы. Вновь и вновь проигрывал он запись популярной песни, выражавшей его полнейшую удовлетворенность жизнью: «У меня есть домик в Твенти-Найн-Палмз».

Мастер, глядя однажды на жилище этого человека, заметил: «Он словно король в своем дворце! Такова радость простой жизни!»

Мастер обычно говорил: «Когда я вижу, что кто-то больше нуждается в какой-то из моих вещей, чем я, я отдаю ее».

«Несколько лет назад,—рассказывал он нам, — у меня был чудесный музыкальный инструмент из Индии — *эсрадж.* Я любил играть на нем духовную музыку. Однажды этот инструмент понравился посетителю, и я без колебаний отдал его ему. Спустя несколько лет кто-то спросил меня: «Разве вам не было хотя бы *немного* жаль?» «Ни мгновения,—ответил я.—Разделяя радость других, только увеличиваешь свою радость».

Мастер имел при себе лишь столько денег, сколько было необходимо для его поездок в различные ашрамы. Но даже эти деньги он раздавал. Его желание делиться с другими было столь сильно, что порой он раздавал больше, чем имел. Я помню, как он попросил у меня взаймы пять долларов, чтобы отдать их кому-то. В поездках он тоже предпочитал простой образ жизни. Обычно он брал с собой в чистой пластиковой коробке для питания немного орехов, фиников и изюма. Как правило, он ел в машине, чтобы избегать «инородных вибраций» ресторанов.

Он находил удовольствие в приготовлении пищи для других и был отличным поваром. «Это вид служения», — говорил он мне просто. Однаэды, приготовив для нас особенно вкусное блюдо, он объяснил: «Я всегда знаю, сколько специй следует добавить. Я могу ощущать вкус пигци духовным оком. Во время приготовления я никогда не пробую еду на язык». Несравненным ингредиентом его блюд было, разумеется, его благословение. После такой еды мы всегда чувствовали духовный подъем. Хотя нас он кормил порой роскошно, сам обычно ел мало.

Он проявлял такое же безразличие ко всем внешним удовольствиям. Это не было апатией; восхищение жизнью являлось характерной чертой его личности. Но было очевидно, что он получал удовольствие от вещей лишь постольку, поскольку они демонстрировали различные проявления его единственного, бесконечного Возлюбленного. Часто, когда он выражал радость, я замечал в спокойной глубине его глаз безмерную отрешенность.

Однажды я ощутил эту отрешенность в ситуации, которая, мне кажется, была чрезвычайно важной. Это было летом 1950 г. Месяцами я с нетерпением ждал нашей поездки в Индию. Мастер сказал, что мы поедем тогда, когда Бог даст ему относительно этого ясное указание (если Он сделает это). Но в данной фразе я услышал только «когда», пропустив мимо ушей «если». В конце концов в июле он объявил, что Бог хочет, чтобы в этом году мы не предпринимали путешествия.

— Но мы поедем в другое время, Мастер? — спросил я.

—То в руках Божьих,—ответил он бесстрастно. — У меня нет назойливого любопытства в таких делах. Я исполняю то, что Он хочет.

Нет назойливого любопытства в отношении поездки в *Индию?* Мысленно я затянул пояс ожиданий, стараясь убедить себя, что это безразлично и мне. Но боюсь, едва ли преуспел в этом.

Двадцатого августа того года Мастер в торжественной обстановке освятил ашрам Озерной Святыни Общества Самоосознания. В волнующей публичной церемонии приняло участие около полугора тысяч людей. Почетными гостями были вице-губернатор Калифорнии Гудвин Дж. Найт и его супруга. Присутствовало множество сановников и других персон, известных в мире. На меня произвело огромное впечатление то, с какой непосредственностью, уважением и полной внутренней свободой Мастер мог общаться с самыми разными людьми, блистательными и скромными, знаменитыми и неприметными, с любовью уделяя внимание каждому, и никогда не старался отвечать ожиданиям других или вести себя определенным образом. Он был просто таким, каким был всегда:

*В религиозных традициях Индии такая особенность приготовления пищи введена в ранг запрета. Считается, что еда готовится прежде всего для Бога, и Он первым должен отведать готовое блюдо. ***—Прим.ред.***

божественным отражением каждого, кого встречал, полностью лишенным каких-либо собственных «комплексов».

После открытия Мастер иногда организовывал вечерние концерты у озера в храме под открытым небом. Собирались большие толпы, привлеченные выступлениями известных артистов и великолепной естественной сценой под звездным небом. Для Мастера эти концерты были средством служения другим, поскольку божественное вдохновение часто приходит к человеку через музыку. Но прежде всего он расценивал эти концерты как средство привлечения людей на духовную стезю, ибо пока вдохновение не будет исходить из реального общения с Богом, оно всегда будет оставаться, как он нам напоминал, поверхностным и мимолетным.

Однажды вечером, после концерта, он сидел, дружески беседуя с группой учеников. Размышляя о массе посетителей, которые приходили на концерты только ради временного духовного подъема, он заметил: «Посторонние приходят и видят внешнюю сторону нашей жизни. Они не понимают, *что* это место может дать им, и уходят. Но те, кто с нами, видят суть. *Они* никогда не уйдуищ)

Я знал, что он имел в виду не только случайную публику, но и учеников; не все были достаточно проницательными, чтобы осознать те бесценные дары, которыми он наделял их.

Спустя некоторое время после открытия Озерной Святыни Чак Джэкот, тамошний монах, пытался починить насос, качавший воду на небольшой холм, на вершине которого возвышалось изваяние Иисуса Христа, благословляющего ашрам. У подножия статуи вода ниспадала живописным каскадом. Хотя Чак и был профессиональным водопроводчиком, но наладить насос ему не удавалось.

Наконец, он нашел духовное решение; по крайней мере, он надеялся, что это было решением. Вспомнив цитату из «Автобиографии Йога»: «Когда кто-нибудь произнесет с благоговением имя Бабаджи, на верующего сразу же снизойдет духовное благословение», Чак опустился на землю и мысленно воззвал к великому Мастеру. К его великому изумлению, в видении перед ним предстал Бабаджи, благословил его и дал бесценный духовный совет. Когда Чак пришел в себя, то обнаружил, что насос плавно работал и вновь стала подаваться вода.

—По всем законам насос просто не мог работать,—говорил он нам.—Он даже не был залит перед запуском.

—■ Я просил Бабаджи дать Чаку этот опыт, — сказал позднее нам Мастер.

Многие действовали в соответствии со словами в «Автобиографии Йогам* получали необычайные благословения.

Педро Гонсалес Милан, который позднее стал лидером нашего центра в Мериде, Мехико, ралрсазывал мне, как он впервые читал «Автобиографию Й<ш®г Дойдя до той цитаты, он отложил $нигу и ушел в себя. «Если эти слова справед-

ливы — думал он, — я должен убедиться в этом! Бабаджи, услышь крик моего сердца, приди ко мне!»

—Мгновенно,—говорил он мне, — комната наполнилась чудесным светом. А мое сердце наполнилось радостью.

Я тоже испытал благословения Бабаджи, когда обратился к нему с молитвой. В I960 году, во время моего второго приезда в Индию, перед тем как вернуться в Калькутту и вновь окунуться в деятельность нашего местного центра, я хотел найти уединенный уголок, чтобы провести там несколько дней. Но я не знал, куда направиться. Мое затруднение отчасти состояло в том, что меня, западного свами, индийцы воспринимали как диковину. В особенности жители деревень: они собирались толпами близ моего жилища, часами ожидая моего появления. Тогда, прибыв в Индию из Цейлона, я остановился в гостинице Мадраса. Однажды утром я молился Бабаджи: «Пожалуйста, помоги мне найти *тихое*, уединенное место».

Вскоре после этого я завтракал в столовой гостиницы, когда человек за соседним столом, обратившись ко мне без всяких условностей, сообщил: «Мой дом расположен в уединенной части Кодайканала Для меня было бы честью предложить вам его для медитации. Несколько недель я буду в отъезде, так что никто не будет вас беспокоить. Кодайканал находится в горах, его прохладный климат будет благоприятен для вас. Люди с Запада часто едут туда, чтобы избежать жара равнин».

Я воспользовался его предложением. Место оказалось идеальным во всех отношениях.

Спустя некоторое время после открытия Озерной Святыни, я присутствовал с Мастером на концерте под открытым небом в знаменитой Чаше Голливуда Владимир Розинг, его старый друг и ученик, дирижировал опереттой Иоганна Штрауса «Летучая мышь».

Священник одного из наших ашрамов старался продемонстрировать перед Мастером организаторский талант. Его поведение в тот вечер должно было показать мне, что он — мой начальник.

«Мастеру требуется одеяло, Дон. Будь так добр, принеси шерстяное одеяло». Или: «Дон, будь так добр, принеси Мастеру стакан воды».

Я с готовностью подчинялся ему, сознавая, что реальной наградой в духовной жизни является возможность служения (особенно своему гуру). Меня порадовало, когда Мастер, чтобы испытать, недам ли я себя вовлечь в соперничество, сделал вид, что принимает мои подношения с легкой снисходительностью, как бы показывая, что принимает их от лица с меньшими лидерскими способностями. Мне было совершенно достаточно чувствовать сердцем улыбку Мастера

После концерта я получил представление о трогательной стороне его натуры. Среди приглашенных находилась мисс Ланкастер (теперь—Сестра Шайласута). Она присоединилась к нам, когда мы выходили, и высказалась с веселой улыбкой по поводу светского сюжета оперетты. Конечно, Мастер не пошел бы на «Летучую мышь» и не рекомендовал бы нам идти на нее. Но в данном случае дирижером был его друг, поэтому с трогательной преданностью дружбе он ответил мисс Ланкастер: «Это было *хорошее* зрелище».

После открытия Озерной Святыни мы направили все наши усилия на завершение строительства Индийского Центра — большого нового здания на землевладениях нашей церкви в Голливуде. Если быть точным, это не было новое здание. Мастер, возобновляя стратегию, которой он придерживался при строительстве нашей церкви, купил на окраине большое, очень старое, полуразрушенное строение и перевез его, скрипучее и качающееся, на участок церкви. Я думаю, он хотел обойти обременительные ограничения строительного кодекса, которые распространялись только на новое строительство. Итак, снова соседи вынуждены были мириться с этими невзрачными остатками былой роскоши. И снова их уныние уступило место гордости, когда мы превратили эти остатки в великолепный, выглядевший как новый зал.

«Мы», сказал я? Да, возможно, это местоимение всего лишь эвфемизм. Мой собственный вклад почти не имел никакого отношения к финальному великолепию этого здания. Я рыл траншеи, кидал лопатой песок в бетономешалку и выполнял разные мелкие работы, которым суждено было впоследствии оказаться скрытыми под слоем штукатурки.

«Я так многому научился на этой работе!» — с радостью сказал я однажды Энди Андерсену, нашему прорабу, когда проект близился к завершению. Энди несколько мгновений смотрел на меня в полном молчании; очевидно, желая быть милосердным, он просто не находил слов.

За месяцы руководства нашими работами по строительству Индийского Центра, Энди глубоко полюбил Мастера. Мастер был тронут его преданностью и простым добрым характером. С приближением Рождества 1950 года Энди становился озабочен покупкой подходящего подарка своему Гуру. В обед он специально съездил в Маунт-Вашингтон, с волнением поднялся на третий этаж, положил подарок к двери Мастера и убежал.

— Ох, — воскликнул он, вернувшись в Индийский Центр, —- ну и глуп же я! Я забыл написать свое имя на пакете. Мастер так и не узнает, от кого этот подарок!

Туг же раздался телефонный звонок. Это был Мастер, который просил позвать Энди; через несколько минут он вернулся с улыбкой до ушей.

—Мастер просто хотел поблагодарить меня за подарок

Как и многие рабочие-строители, Энди любил пиво. Иногда он даже приходил на работу слегка навеселе. Однажды Мастер попросил его проложить **в** Маунт-Вашингтоне бетонный подъездной путь.

— Сюда подъезжают тяжело груженые грузовики с бумагой для типографии, — объяснил Мастер. — Какой толщины должен быть бетон, чтобы выдержать такой вес?

После нескольких минут размышлений Энди ответил: «Четыре дюйма будет вполне достаточно, Мастер».

«Делайте шесть дюймов»,—сказал Мастер с доброй улыбкой.

Энди готов был возразить, но увидел улыбку Мастера. «Хорошо, сэр», — сглотнул он, подавляя свою профессиональную гордость.

Меня в то время удивило, почему Мастер с такой приятной улыбкой потребовал увеличить толщину бетона на два дюйма. Позднее я понял. Когда пришел день заливки бетона, по глазам Энди было видно, что он пьян до бесчувствия. Не сознавая полностью, что делал, он налил на новую дорогу слишком много воды, разбавившей бетон, и без этих двух дополнительных дюймов бетон растрескался бы. Из доброго уважения к Энди Мастер не разрешил кому-либо заменить его. Но, предвидя ситуацию, он и потребовал добавить два дюйма бетона. Его улыбка объяснялась сочувствием к Энди.

Индийский Центр был официально открыт для публики 8 апреля 1951 года. Пресса назвала его «Первым культурным центром такого рода в Америке». Большой зал на первом этаже был освящен как «место встреч людей доброй воли всех наций». На верхнем этаже, в ресторане для публики, подавали восхитительные вегетарианские блюда, рецепты которых разработал сам Мастер. Спустя годы, зал встреч и ресторан приобрели широкую популярность.

Индийский Центр (как теперь называлась наша собственность в Голливуде) и Озерная Святыня были, в определенном смысле, внешними дарами Мастера миру. Но был и другой дар, бесконечно более ценный для нас, его учеников, которого он удостоил нас в последние два года своей жизни.

Как сильный человек может принимать на себя удары, предназначенные более слабому, так великие учителя обладают силой принимать карму других. Они могут выдерживать значительное число таких кармических «ударов», не испытывая заметных болезненных последствий. Однако иногда, особенно к концу жизни, чтобы помочь ученикам, которым придется в дальнейшем совершенствоваться без физического присутствия Гуру, они принимают огромное количество кармы. В эти периоды их собственные тела могут временно испытывать страдания.

Именно таким даром Мастер теперь награждал нас. У него начали болеть ноги. По этой причине он какое-то время не мог ходить. Прежде всего это была

«астральная болезнь», объяснил он. Он говорил о множестве ужасных демонических существ, которые вызывали разрушения в его теле, особенно в его тонком теле, хотя и физическое принимало на себя долю страданий.

«В самый трудный период я обращал мои мысли к телу,—говорил он нам, — потому что хотел ощущать боль так же, как чувствуют ее другие».

Дайя Мата, глубоко сопереживая, однажды воскликнула: «Почему Божественная Мать обходится так с вами?»

«Не *смей* критиковать Божественную Мать!» — ругал ее Мастер. Личных симпатий и антипатий не было в его природе. Его единственным желанием было делать то, что хотел Бог.

Даже в ежом разгаре его болезни, он все же ходил, когда это требовалось. Иногда он делал это с Божьей помощью. В августе 1951 года ему предстояло выступить перед большим собранием на теннисных кортах в Маунт-Вашингтоне. Не желая обнаруживать перед собравшимися свое тяжелое состояние, которое он рассматривал как священную жертву своим ученикж ради их духовного совершенствования, он решил, когда подойдет время, пройти пешком. Автомобиль подвез его к краю кортов. Открылась дверь машины. Мастер руками приподнял ноги и поставил их на землю. «Вдруг сверкающий свет окружил мое тело, — рассказывал он позднее. — Я легко смог пройти пешком». Мы видели, как он поднимался на помост для лектора, стоял всю продолжительную лекцию и вернулся без посторонней помощи к машине. «Уже в машине, — говорил он нж, —мои ноги вновь стали беспомощными».

— Несите мое тело, — смеясь говорил он нж однажды, когда мы несли его вверх по лестнице, — а я понесу ваши души.

В другой раз он зжетил, улыбаясь: «Одного лишь тела недостаточно. Некоторые люди, имея ноги, совершенно не могут ходить!»

Постепенно его состояние улучшалось. Однажды, после полудня, я помогал ему сесть в машину. «Вж становится лучше, сэр», — воскликнул я радостно.

— Кому становится лучше? — тон голоса Мастера был бесстрастным.

—Я имел в виду ваше тело, сэр.

«Какая разница? Волна, выплескивающаяся из чрева океана, все равно остается его частью. Это тело Бога. Если Он хочет, чтобы телу было комфортно, — прекрасно. Если Он хочет, чтобы тело страдало, — великолепно. Лучше оставаться беспристрастным. Если у вас есть здоровье и вы дорожите им, вы всегда будете бояться потерять его. А если вы бережете здоровье и начинаете болеть, то всегда будете сожалеть о том, что вы утратили.

Величайшей бедой человека является эгоизм, сознание обособленности. Он воспринимает все, что с ним происходит, как воздействие лично на *него.* Почему? Это не ваше тело. Вы это *Он!* Все есть Дух».

По мере того как состояние Мастера улучшалось, он стал снова проводить больше времени с монахами. Однажды он беседовал с нами на передней веранде в Маунт-Вашингтоне, когда мимо проходила ученица, мисс Луиза Карпентер. В одной руке она держала бумажный пакет, в котором была какая-то покупка. Увидев Мастера и не желая мешать беседе, она молча поклонилась ему и прошла к двери. Мастер остановил ее.

—Что у вас в этом пакете?

— Немного фиников для вас, Мастер. Я хотела положить их у вашей двери.

— Очень благодарен вам. Я был бы рад получить их здесь.

Приняв фрукты, Мастер разделил их между нами. «Мне хотелось одарить вас всех чем-нибудь, — воскликнул он. — Как только я увидел ее с пакетом, я уже знал, что мое желание исполнено».

Как-то в теплый осенний вечер, он сидел в машине, беседуя с нами перед прогулочной поездкой. Он объяснял какую-то философскую идею, когда, прервав объяснения, спросил: «Не кажется ли вам, что сегодня довольно жарко?»

Мы замялись, зная, что он намеревался дать нам денег на мороженое. Он выжидающе смотрел на нас. Наконец я сказал, улыбаясь: «Да, *было* жарко, сэр, но теперь стало прохладнее».

«Очень плохо! — Мастер весело засмеялся. — Вы сами лишили себя чего-то освежающего!» Он вернулся к своим рассуждениям. Прошло несколько минут и он вновь спросил:

— Вы *уверены,* что вечер не жаркий?

—Что ж, — отвечали мы со смехом, — жаркий, если вы говорите так, сэр.

Тогда он решительно заключил: «Я не могу беречь деньги и не буду! Вот, возьмите эти доллары на мороженое. Я люблю деньги лишь для того, чтобы раздавать их».

У меня до сих пор есть три доллара, которые он дал нам как-то вечером на мороженое. Я потратил собственные деньги и хранил те, к которым он прикасался.

Однажды вечером он коротко говорил о своей недавней болезни. На наше выражение глубоко сочувствия он сказал равнодушно: «Это ничего! Когда с блюда жизни поглощен обед мудрости, не имеет значения, сохраните ли вы это блюдо или разобьете и выбросите прочь».

В другой раз он заметил: «Я настолько забываю о себе в эти дни, что теперь должен спрашивать других, ел ли я!»

— Человек попал на эту землю, чтобы искать Бога, — напомнил он нам однажды вечером. — Это единственное оправдание его существования. Друзья, работа, материальные интересы — все это само по себе не имеет значения.

— Сэр, — спросил один из монахов, — правильно ли просить у Бога материальные вещи?

— Правильно, если вы нуждаетесь в них, — ответил Мастер. — Однако вы всегда должны говорить: «Дай мне то или это, если на то Твоя воля». Многие вещи, которые люди хотят иметь, оказываются вредными для них. Оставьте Богу решать, что вам нужно иметь.

По поводу молитв он говорил нам: «Бог отвечает на все молитвы, но на суетные молитвы отвечает лишь отчасти. Если вы стараетесь отдать что-нибуць из того, что не принадлежит вам, ваша «щедрость» не будет впечатляющей, не так ли? Поэтому, чтобы попытаться отдать свой разум Богу, нужно его *иметь.* Научитесь контролировать свои мысли; отдавайте Ему во время молитвы все свое внимание, и вы убедитесь, что, когда молитесь так, Он чудесным образом отвечает вам!»

О чем бы ни говорил Мастер — о каких-либо аспектах духовного пути или давал обычное поручение, — если его «слушали» внимательно, то всегда чувствовали тонкую энергию, исходящую от него. Если эта энергия проникает внутрь, то ощущаешь, что на тебя нисходит благословение величайшей радости и свободы. В обществе Мастера и, спустя годы, в Индии, в ашрамах святых я наблюдал учеников, которые были так зачарованы жестами, словами и выражением лица гуру, что забывали о необходимости общения с его магнетическим влиянием внутри себя, в позвоночных столбах. Мастер относился к своему собственному «я» совершенно надличностно, как к необходимому аспекту функционирования в этом физическом мире.

— Прежде чем войти в физическое тело, — говорил он мне однажды, — я вижу индивидуальность, которую должен принять, и чувствую себя несколько неловко с ней. Это подобно облачению в теплое пальто в жаркий день. Я, конечно, пользуюсь ею, но внутренне никогда не забываю, что эта личность не является моим истинным «Я».

И в то же время Мастер никогда не позволял безответственно отвергать мирские реалии. «Нужно сочетать идеализм с практичностью»,—сказал он мне однажды. В приземленной сфере сам он был совершенно практичен. Он учил нас воспринимать каждую реальность на ее уровне. Он мог обучать нас медитации, а в следующее мгновение — как поддерживать в комнатах порядок («Закончив работать с чем-либо, сразу же его убирайте».)

Когда он приглашал к обеду гостей, то часто просил меня обслуживать их. Потом мне надо было демонстрировать перед ними позы йогов и оставаться в комнате, пока он беседовал. Когда позволяли обстоятельства, я записывал его замечания, и когда мне было трудно поспевать за ним, он замечал это и начинал говорить медленнее. Иногда после ухода гостей он задерживал меня, чтобы

обсудить мою работу, если она была связана с публичными выступлениями; чтобы указать на ошибки, которые я допустил в частном разговоре или на лекции в церкви. Однажды я выразил крайнее удивление, убедившись в его полной осведомленности о моих словах и делах, хотя он физически отсутствовал.

—Я знаю каждую мысль, которая возникает в твоем уме,—заверил он меня совершенно спокойно.

Двумя посетителями Маунт-Вашингтона, прибывшими, чтобы встретиться с Мастером, были моя мама и двоюродная сестра Бет. Маму он любезно принял наверху, в своей гостиной. Перед их встречей я просил дать ей особое благословение. Он согласился, но мимоходом, поскольку мы были увлечены разговором, и я не был уверен, что моя просьба осталась в его памяти. Однако к моей великой радости, в конце разговора с ней он взял ее за руку и молился Богу и всем нашим гуру о благословении, которого я просил. Не знаю, что подумала о таком неожиданном расставании мама, но я со слезами благодарности коснулся ног Мастера, убежденный в том, что его благословение не будет напрасным. (И я не ошибся.)

Бет я представил Мастеру, когда он после полудня собирался прокатиться на автомобиле. Позднее из его замечаний было ясно, что она произвела на него прекрасное впечатление.

—Может ли она стать хорошим йогом, Мастер?

—О, *да.*

В дополнение к лекциям в церквах и руководства монахами я писал письма для Мастера.

— Сэр, — сказал я однажды, — какие письма мы получаем из Германии! Такая искренность и преданность! Письмо за письмом содержат просьбы об инициации в *крийю.*

— Они страдали, — ответил Мастер со спокойной симпатией,—в этом вся причина. Все эти войны и переживания! *Крийя* — вот, что им *требуется*, а не атомные бомбы.

— Как хорошо было бы послать туда Генри с его знанием немецкого.

—Хорошо, возможно, когда-нибудь я пошлю *вас* туда.

Вспомнив о его намерении послать меня в Индию, я ответил: «Я думал, что у вас были другие планы относительно меня, сэр. Но я поеду, куда бы вы меня ни направили. Я знаком с Европой».

—Там предстоит большая работа.

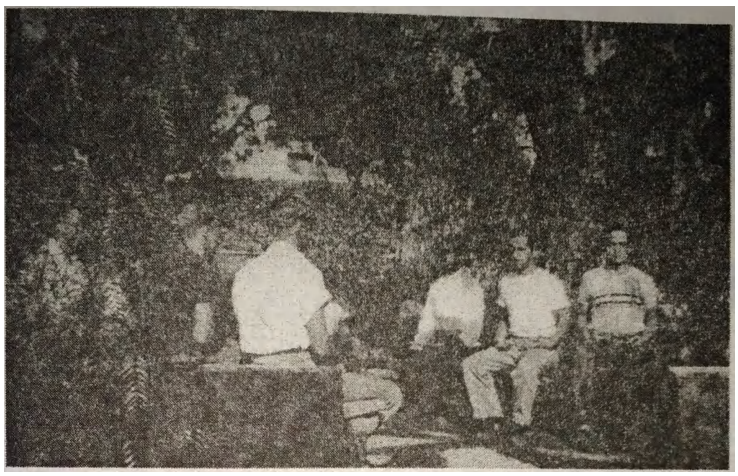
—Эта работа связана с новой религией? — спросил я однажды.

— С новым *выражением* религии,—поправил он меня.

Истина одна; в Индии ее называют *Сашпана Дхармой*—«Вечной Религией». Все великие мировые религии являются ветвями одного дерева.

Сектантство разделяет. «Один Океан порождает все волны, — сказал мне однажды Мастер, когда я спросил о его роли религии в эволюции на этой планете. — Ты должен видеть Океан, а не малые волны на его груди».

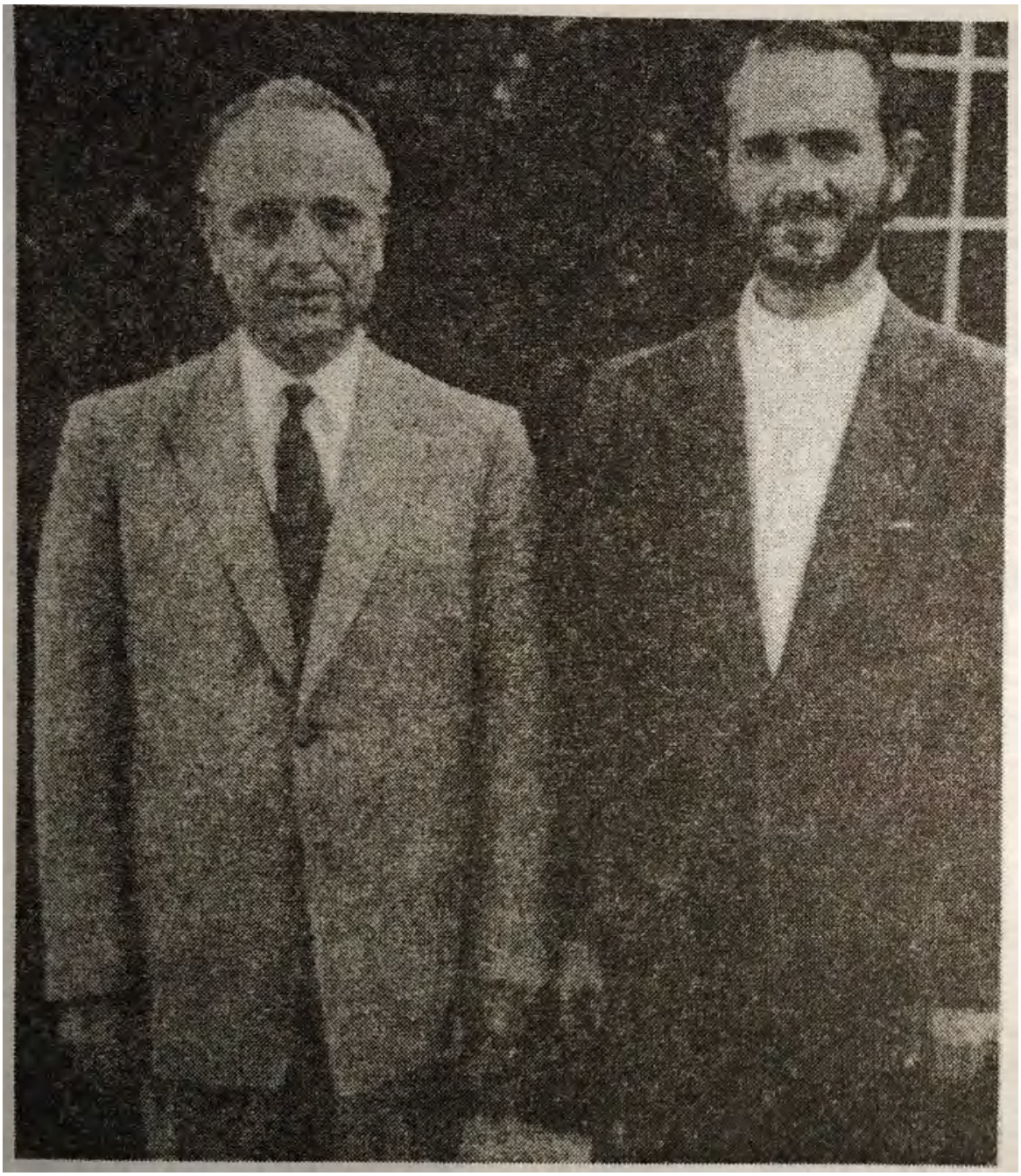
Церемония освящения Озерной Святыни Общества Самоосознания. Август 1950. Крайний слева в белой мантии Преп. Бернард Далее Преп. Стэнли, доктор Льюис и я. Крайний справа на фотографии Рой Юджин Дэвис. Сейчас Рой является основателем и директором Центра духовного осознания в Лейкмонте, штат Джорджия, и широко известным автором, лектором, преподавателем

Монахи сидят в медитации вокруг старого перечного дерева в Храме Листьев в Маунт-Вашингтоне. В прежние дни Мастер проводил здесь занятия.

Монахи, работавшие на строительстве Индийского Центра, 1951 год. В заднем ряду: второй слева, Норманн Паулсен; крайний справа, Рой Юджин Дэвис Средний ряд: второй слева, Даниел Бун; следующий справа от него, Лео Кокс, пятый слева, преподобный Бернард; далее справа, — Джин Гаупт, Джерри Торгерсон, Джо Карбон (Брат Бималананда), Генри Шауфельбергер (Брат Анандамой), Чак Джекот. Первый ряд: второй слева, Дэби Мукерджи; следующий справа я.

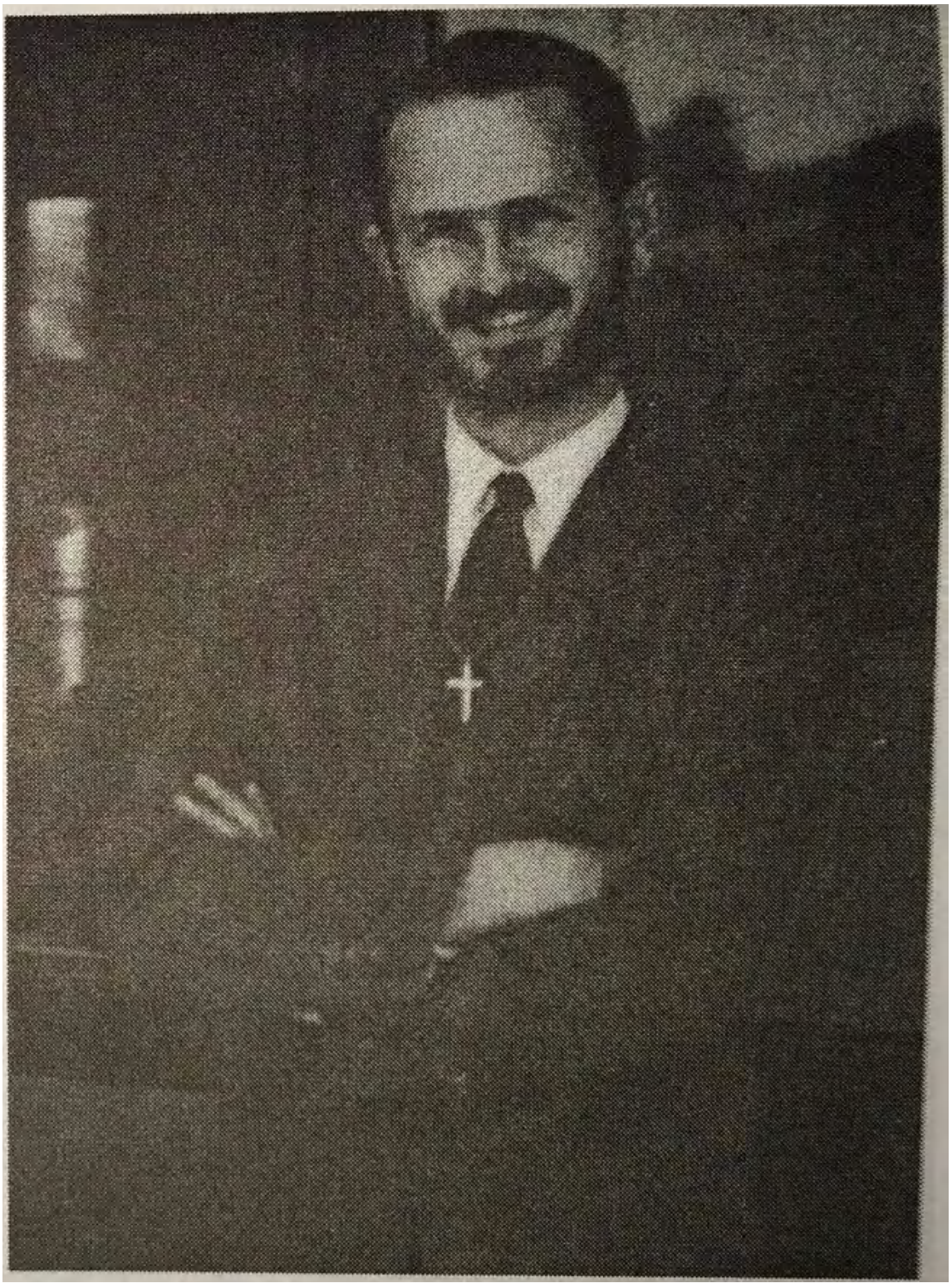
Я с Йогачарьей Оливером Блэком во время моего визита в его центр Общества Самоосознания в Детройте, Мичиган, в 1955 году.

Джеймс Коллер, собрат по ученичеству. М астер очень любил его.

Шри Дая М ата, третий президент Общества Самоосознания.

Незадолго до моей поездки в Индию в 1958 году.

За несколько мгновений до того, как был сделан этот снимок, Мастера спросили, можно ли его сфотографировать. Он ответил: «Подождите немного, дайте мне войти в *самадхи.* **Спустя две или три секунды** он **сказал: «Я готов». С таким совершенством он владел своими умственными процессами!**

Август 1951 года. В то время, когда был сделан этот снимок, Мастер страдал от болезни, давшей осложнение на его ноги, в результате чего он не мог ходить. Ему предстояло выступить перед большим собранием. Не желая обнаруживать перед собравшимися свое тяжелое состояние, он решил, когда подойдет время, пройти пешком. Автомобиль подвез его по возможности ближе к помосту для лектора. М астер руками приподнял ноги и поставил их на землю. «Вдруг сверкающий свет окружил мое тело, — рассказывал он позднее. —Я легко смог пройти пешком». Мы видели, как он поднимался на помост для лектора, стоял всю продолжительную лекцию и вернулся без посторонней помощи к машине. «Уже в машине, — говорил он нам, — мои ноги вновь стали беспомощными».

ГЛАВА 37

ВОСПОМИНАНИЯ

В ПЕРВЫЕ ДНИ Маунт-Вашингтона один из посетителей спросил надменно:

— Каковы активы этой организации?

—У нас нет активов! — ответил я. — Только Бог.

Мастер сидел с нами в полуподвальном помещении, делясь воспоминаниями о первых годах жизни в Америке. К концу своей жизни, кроме поучений и наставлений, он тратил много часов на то, чтобы мы глубоко прочувствовали долгий период его жизни до нашего знакомства.

«В данном случае мой ответ на тот вопрос был правильным и в буквальном смысле, — Мастер усмехнулся. — У нас *совсем* не было денег! Такой ответ был бы правдивым и теперь, когда наша деятельность опирается на сильную финансовую базу: нашей силой всегда был один лишь Бог. В материальном смысле мы могли бы потерять все, но в Его любви мы владели бы всем, что действительно имеет значение.

Годы тому назад сюда приходил богач, который задумал купить меня своим богатством. Зная, что мы тогда очень нуждались в деньгах, он пытался определенным способом заставить меня отступить от моих идеалов. Я отказался. Наконец он сказал: «Вы умрете от голода, потому что не послушались меня». Уйдя, он старался настроить против меня одного из своих богатых знакомых, обучавшегося у нас. А *тот* оказался как раз тем человеком, которого избрал Бог для оказания помощи нам.

Спустя годы перед нами возник новый финансовый кризис: из-за просрочки платежей Маунт-Вашингтону грозила опись имущества. Я ушел в пустынное место и погрузился в медитацию на всю ночь. «Божественная Мать, — молил я, — почему Ты возложила на меня эту ответственность? Я пришел сюда, на Запад, чтобы говорить о Тебе, а не заботиться о решении организационных проблем! Если Ты возьмешь у меня все это, я стану только свободнее! Скажи Свое слово, Мать, и я уйду в пустыню и никогда не оглянусь».

В три часа ночи пришел Ее ответ: «Я—твои активы и обязательства. Чего же тебе еще нужно, если у тебя есть Я? Танец смерти и танец жизни—все исходит от Меня. Радуйся, дитя мое!»

На другой день по почте пришел чек, как раз на ту сумму, в которой мы нуждались».

Мастер говорил часто: «Самый счастливый тот, кто все отдает Богу». Для иллюстрации собственной склонности к простой жизни, лишенной всего показного, он рассказал любопытную историю.

«Один из моих состоятельных учеников хотел купить мне новое пальто. Мы пришли с ним в известный магазин готового платья, и он предложил мне выбрать то, что мне понравится. Я приглядел удачно сшитое пальто и готов был примерить его, но, взглянув на ценник, быстро отдернул руку. Пальто было слишком дорогим.

«Но я буду *снастят* купить его Вам», — настоял мой друг. Он прибавил к моему выбору еще дорогую, подходящую к пальто шляпу. Я высоко оценил его щедрость. Однако когда я носил эти вещи, то чувствовал себя неловко. Дорогие вещи предполагают обязательства.

«Божественная Мать, — молил я потом, — это пальто слишком хорошо для меня. Пожалуйста, возьми его у меня».

Вскоре после этого я должен был читать лекцию в Тринити Аудиториуме. Я почувствовал, что это пальто уйдет от меня в тот вечер, и поэтому освободил его карманы. После лекции пальто пропало. Какое это было для меня облегчение!

Однако потом я заметил упущение. «Божественная Мать, — молил я. — Ты забыла взять также и мою шляпу!»

Мастер рассказывал нам о человеке, которого встретил когда-то в Нью-Йорке. «Этот человек говорил мне: «Я никогда не прощу себя за то, что потратил тридцать пять лет, чтобы заработать мой первый миллион долларов». «Вы все еще недовольны?» — спросил я. «Я не буду доволен, пока не сделаю сорок миллионов!» И что же? Прежде чем он сделал эти сорок миллионов (в надежде провести остаток жизни в состоянии ничем не омраченного счастья), его настигло тяжелое нервное расстройство. Вскоре после этого он умер».

Когда я писал эти строки, я узнал, что умер Говард Хьюз, один из богатейших людей в мире. По радио передавали его ответ на вопрос: «Вы счастливы?» «Нет, — ответил миллиардер, —я не могу сказать, что счастлив».

«Вам не следует *владеть* вещью, чтобы наслаждаться ею, — говорил нам Мастер. — Обладать вещами хорошо при условии, если они не владеют вами; однако собственность часто приносит только новые заботы. Много лучше видеть все пребывающим в Боге и не цепляться своим эго ни за что».

Улыбаясь, он продолжал: «Несколько лет назад я посетил Радио-Сити-Мюзик-холл в Нью-Йорке. Купив входной билет, я сказал себе: «На тот час, пока я нахожусь здесь, это здание мое!» Я прогуливался, радуясь этому великолепному приобретению. После того как я достаточно насладился таким состоянием, я с

благодарностью возвратил здание администрации и покинул его свободным человеком!»

Мастер рассказывал нам об одном случае, когда его непривязанность подверглась испытанию. «Однажды вечером я стоял один на углу неосвещенной улицы Нью-Йорка; неожиданно из-за моей спины появились три бандита. Один из них направил на меня револьвер.

—Выкладывай деньги, — потребовали они.

«Вот, берите, — сказал я невозмутимо. — Но знайте, что я отдаю вам их не из страха. В моем сердце такое богатство, в сравнении с которым деньги — ничто». Они остолбенели! Затем я пристально посмотрел на них, проводя силу Бога. Они не могли сдержать слез и, возвращая мне деньги, восклицали: «Мы больше не можем вести такую жизнь!» Потрясенные этим переживанием, они убежали.

Были и другие случаи, когда я изменял сердца преступников, — не я, а сила Бога через меня. Однажды вечером, в годы депрессии, я читал лекцию тысячам людей, собравшимся в Карнеги-холле. Я рассмотрел поведение некоторых богатых людей, которые использовали в своих интересах тяжелое положение бедняков. При этом я назвал ряд конкретных имен. После лекции несколько человек просили меня: «Пожалуйста, не идите сегодня вечером домой в одиночку».

—Со мною Бог, — ответил я.—Кого мне бояться?

Когда я один пришел на слабо освещенную остановку, ко мне подошел человек и, угрожая револьвером, спросил: «Зачем ты выступал против тех людей?»

—Почему нет?—ответил я. —У простых людей тот же Бог, что и у богатых. Все мы Его дети. Он недоволен, когда Его богатые дети обижают Его бедных детей.

Слушая Мастера в этот момент его рассказа, мы рассмеялись. Каким неуместным казалось нам это объяснение при угрозе убийства!

Мастер продолжал: «Пристально глядя в глаза того человека, я сказал: «Почему вы ведете такую жизнь? Вы несчастны. Я требую, чтобы Сатана ушел из вас и чтобы вы изменились!»

Человек начал дрожать. Неожиданно, бросив свой револьвер, он упал передо мной на колени: «Что вы со мной сделали? — воскликнул он. — Меня послали убить вас».

—Вы никогда не сможете убить,—сказал я.—Поднимите ваш револьвер и забросьте его.

После встречи со мной, его жизнь полностью преобразилась».

Мастер рассказал о подобном преображении после другой лекции в Карнеги-холле «Мы пели больше часа «О Прекрасный Боже». Три тысячи человек с радостью присоединились к пению. Многие были в экстазе. После этого в мою комнату для собеседований ворвался человек. Бросив в волнении револьвер на стол, он воскликнул: «Мне следовало бы убить вас за то, что вы сделали со мной в этот вечер! Я не могу больше вести такую жизнь, которую вел до сих пор». Такова сила божественной любви!

— Однако случалось и так, — продолжал Мастер,—что Его сила протекала через меня иным путем. Я выполняю только Его юлю. Однажды вечером, в Чикаго, я пошел в парк. Это было в годы депрессии, и Чикаго, как известно, славился в то время своими гангстерами. Когда я готов был войти в парк, полицейский меня предупредил, что после наступления темноты там небезопасно. «Даже мы опасаемся ходить туда»,—сказал он.

Тем не менее я вошел в парк и удобно устроился на скамейке. Через некоторое время передо мной остановился человек крепкого телосложения, значительно крупнее меня по росту и весу.

— Дай мне десять центов! — прорычал он. Я достал из кармана и дал ему десять центов.

—Дай мне двадцать пять центов! — Я дал ему двадцать пять центов.

—Дай мне пятьдесят центов! — Я дал ему пятьдесят центов.

—Дай мне доллар.

К этому моменту я уже почувствовал, что обстановка не собиралась разряжаться. Тогда, сознавая силу Бога, я вскочил на ноги и закричал:

— ПОШЕЛ ВОН!!!

Человек затрясся как лист. «Мне не нужны ваши деньги! — пробормотал он. Пятясь испуганно назад, он продолжал повторять:—Мне не нужны ваши деньги! Мне не нужны ваши деньги!» Вдруг он повернулся и побежал так, словно за ним гналась сама смерть.

Я снова спокойно сел на скамейку и принялся созерцать восход луны. Позже, когда я выходил из парка, тот же полицейский увидел меня и спросил: «Что вы сказали тому человеку? Я видел, как он подошел к вам, но не стал вмешиваться. Это опасный тип!»

— О, — ответил я,—мы пришли к определенному взаимопониманию».

Защищался ли Мастер силой любви или более жесткими мерами — это зависело оттого внутреннего руководства, которое он получал свыше. Он дарил любовь чувствительным лицам, поддавшимся дурному влиянию, а строгость обращал тем, чья жестокость была создана ими самими (хотя они и не были лишены тонких чувств, но сознательно их подавляли). В связи с этим он расска-

зал нам о человеке, посетившем Маунт-Вашингтон в двадцатые годы. Сестра этого человека жила там в качестве ученицы.

«Однажды утром я сидел на своей кровати, погруженный в медитацию, — рассказывал Мастер, — когда Бог показал мне человека, поднимавшегося по лестнице с намерением избить меня. Чтобы дискредитировать нашу работу, он хотел публично похвастаться тем, что он сделает.

—Задай ему! — услышал я внутренний голос.

Через несколько мгновений в дверях показался этот человек «Я знаю, с какой целью вы пришли,—сказал я. — У вас это может не получиться: я очень силен. Я могу легко одолеть вас, но мне не хотелось бы опускаться до этого. И все же я предупреждаю вас—не переступайте этот порог».

— Давай, давай, пророк! — ответил он презрительно. — Что ты сможешь сделать?

—Я предупредил. Вы очень пожалеете об этом.

Не обращая внимания на мои слова, он вошел в комнату. Переступив порог, он тут же упал на пол и заорал: «Я горю! Я горю!» Вскочив на ноги, он побежал вниз по лестнице, к выходу из здания. Я быстро последовал за ним и увидел его катающимся по лужайке перед домом и продолжающим кричать: «Я горю! Я горю!» Когда я возложил на него руку, он пришел в себя, хотя все еще испытывал ужас передо мной. «Не прикасайся ко мне! —кричал он.—Не подходи ко мне!» Он послал сестру за своими вещами и сразу же уехал».

Многие люди удивлялись, когда узнавали о необычайной физической силе Мастера. Он был совсем невысокого роста — ниже, чем метр семьдесят, и, несмотря на хорошее телосложение, не производил впечатление очень сильного человека. Однако его сила порождалась превосходным управлением энергией тела.

«В симфоническом зале Бостона, — рассказывал он нам, — я однажды читал лекции о достоинствах упражнений по энергизации и сообщил о возможности развить благодаря таким упражнениям очень большую физическую силу. Затем я предложил присутствующим в зале: «Желает ли кто-нибудь убедиться в моей силе?»

На сцену запрыгнули шесть высоких, здоровенных полицейских. Зрители затаили дыхание. Они были уверены, что я не выдержу этой проверки.

Я уперся спиной в стену, глядя на них. Затем я попросил полицейских надавить со всей силой мне на живот. Они надавили. «И это все, на что вы способны?» — спросил я.

—Да-а!—промычали они, стиснув зубы.

Неожиданно я выгнул спину. Все шестеро были отброшены и повалились в оркестровую яму».

Люди, знавшие исключительную любовь, сострадание, доброту и какую-то детскую простоту Парамахамсы Йогананды, порой поражались его силе. Немногие понимали, что эта сила и божественная любовь являлись сторонами одной монеты, поскольку божественная любовь—это не нежные сентименты, а величайшая сила во Вселенной. Эта любовь не может существовать без силы. Великие святые никогда не применяли эту силу для подавления или принуждения других, но сила является неотъемлемой частью святости. Например, Иисусу Христу потребовалась необычайная сила, чтобы изгнать менял из храма. Мирские люди боятся этой силы святых и, опасаясь, преследуют их. Они не понимают, что эта сила коренится в любви и не угрожает ничему, кроме их заблуждений и порожденных невежеством страданий.

Сила Йогананды являлась не только результатом его божественного сознания: в его личности были отражены прежние воплощения воина и героя-победителя. В юные годы, когда он жил в Калькутте, люди не раз просили его возглавить восстание против британцев. Его поведение характеризовало его как бесстрашного лидера.

Мастер мог быть очень откровенным, когда этого требовали обстоятельства. Неискренность не свойственна Ему. Однажды, будучи не в состоянии отказаться от речи после банкета в Нью-Йорке, на который его с трудом уговорили приехать, он сказал то, что лежало у него на сердце. Он строго укорял своих слушателей за их пустую жизнь. Его речь не звучала как осуждение. Он очень ярко описал их заблуждения и увещевал прекратить растрачивать свое воплощение на духовную лень. Его слушатели были ошеломлены. Многие плакали.

И все же это переживание, каким бы оно ни было болезненным, было их доброй кармой. Многим ли удается услышать то, в чем они нуждаются, от человека, одаренного божественной мудростью? Однажды сам Мастер сказал доктору Льюису: «В этой жизни ни один путь не пересекается с моим случайно».

Другая история, свидетельствующая о необычном прямодушии Мастера, связана с его посещением одной организации вегетарианцев. «Меня пригласили ознакомиться с их владениями, — рассказывал он мне. — Они считали полезной сырую пищу, или, как они говорили, «без термической обработки». Они провели меня по кухне. Затем мы вошли в столовую, где мне предложили самые невкусные блюда, которые я когда-либо пробовал. После этой эпикурейской катастрофы они попросили меня выступить перед ними!

—Я предпочел бы не выступать,—сказал я.

—Вы должны,—настаивали они,—все с нетерпением ждут вашего выступления.

— Вам не понравится то, что я скажу, — предупредил я. Однако они не приняли мой отказ. Я встал.

— Во-первых, — сказал я, — мне никогда в жизни не приходилось есть худшей пищи. С чего вы взяли, что готовить пищу столь невкусно — добродетель? Удовольствие, получаемое от еды, помогает пищеварению. Но вы воображаете, что ваша пища полезна. Это совсем не так. В ней серьезно нарушен баланс питательных веществ.

После моих слов все они были страшно возбуждены! «Вы не знаете, что говорите»,—кричали они.

—Я настаиваю, чтобы вы приняли мои слова всерьез, — ответил я. — Если вы не улучшите вашу диету, один из вас через пятнадцать дней умрет от неправильного питания.

—Вы оскорбляете нас!

—Ничего подобного,—сказал я. — Вы сами оскорбляете себя своим фанатизмом!

Но они меня не послушали. Через пятнадцать дней один из них умер, и вскоре та организация распалась.

Мастер обычно воспринимал зло как нечто достойное сожаления и как неизбежную часть космической драмы. Он боролся против зла только в тех, кто искал его духовной помощи. «Роль злодея на сцене, — говорил он обычно, — состоит в том, чтобы заставить людей полюбить героя. Точно так же, роль зла в драме жизни заключается в том, чтобы побудить людей к поиску доброты и добродетели». Однако порой он становился ангелом мщения, особенно когда дело касалось жизни учеников или дорогих ему людей.

Мать одного из его близких учеников страдала от рака груди. Найдя санаторий, который объявил, что обладает новыми, якобы чудодейственными методами лечения рака, она с надеждой обратилась туда.

— Все, что они давали пациентам, — рассказывал нам Мастер,—была вода! Они брали с пациентов деньги, ничем не кормили и просто ждали их смерти. Когда я понял их схему «лечения», я воскликнул: «Божественная Мать, разрушь это место!» В течение месяца прибыла полиция и закрыла санаторий. Все его руководители попали в тюрьму.

Мастер продолжал рассказ о последовавшей смерти той женщины: «Я установил с ней контакт в астральном мире. Когда я вышел на нее, ее уводил ангел, и она изумлялась красотой цветов в поле, по которому ее вели. Я позвал ее, но она меня не услышала. Я вновь позвал ее; на этот раз она обернулась, но не узнала * меня. Во время перехода к смерти она все забыла. Но когда я прикоснулся к ней и пришло узнавание, она обещала: «Я больше никогда не забуду вас». Потом,

откинув край своей просторной одежды, она показала место, где был рак «Видите? — сказала она улыбаясь. — Теперь все прошло!»

Вскоре после этого на закате я вновь видел ее».

Мастер объяснял нам, что после смерти физического тела душа остается заключенной в более тонком энергетическом теле, которое называют «астральным телом». Оно является прототипом физического тела. Подобным образом астральная Вселенная является прототипом более плотной материальной Вселенной. Когда человек умирает, он продолжает жить в астральном теле и может, если он хоть немного развит в духовном отношении, поселиться на астральной планете, вибрации которой гармонируют с его собственными колебаниями. Продолжительность пребывания там зависит от его кармы.

В одной из самых вдохновляющих глав «Автобиографии Йога» Парамахамса Йогананда дает пространное описание астральной Вселенной. Она состоит, по его словам, из бесконечного разнообразия вибраций энергии. По сравнению с физическим миром астральные небеса невыразимо прекрасны. Однако не каждый попадает на эти небеса после смерти. Как сказал Иисус, «В доме Отца Моего обителей много». Множество душ своими вибрациями привлекаются к менее высоким, но все еще гармоничным сферам. Другие души, не создавшие в своей земной жизни ничего, кроме дисгармонии, вовлекаются вибрациями в астральный ад. Материалистически настроенным людям в астральном мире свойственно затуманенное сознание. Люди, развившие в себе хорошие качества во время пребывания на земле, и особенно те, кто погружался в медитации и достиг в какой-то мере осознания души, увлекаются после смерти к более высоким астральным мирам.

Для Мастера смерть—не та «неизведанная страна, из которой не возвращается ни один путешественник». Он сказал нам, что провел много времени в астральном мире, поэтому для него не трагедия, если человек умирает. Однако он был слишком человечен, чтобы не сочувствовать тяжелой утрате или не сопереживать горю: он действительно возвращал любимых людей «из могилы».

Один случай произошел с женщиной из Инсинитаса. Мастер рассказал мне следующую историю:

«Агент по недвижимости в Инсинитасе, узнав о моей силе врачевания, пришел ко мне с просьбой излечить его жену, которая болела уже девяносто дней. Я молился, но Бог сказал мне, чтобы я не подходил к ее постели. Вскоре после этого она умерла. Только тогда Он сказал мне пойти к ней.

Иоан. 14: 2.

Когда я прибыл, в комнате было около тридцати человек Ее муж плакал и тряс ее, почти потеряв разум от горя. Он не мог поверить, что она умерла. Жестом я велел ему отойти в сторону.

Наложив одну руку на лоб умершей женщины, а другую поместив ей под голову, я начал призывать божественную силу. Прошло пять минут. Десять минут. Внезапно все ее тело начало сотрясаться, как мотор. Через некоторое время она погрузилась в глубокое спокойствие. Возобновились дыхание и сердцебиение. Ее глаза медленно открылись; выражение их было отсутствующим, будто она только что возвратилась из долгого путешествия. Болезнь ее полностью прошла».

Другой эпизод касался человека из Дакшинешвара на окраине Калькутты. Впервые я услышал эту историю от Мастера, а через годы—от Шри Тулси Боуза, его друга детства и двоюродного брата умершего человека. По рассказу Шри Боуза, Мастер совершил это чудо, потому что тот человек был его братом.

«Я проходил мимо одного дома, — рассказывал нам Мастер, — когда услышал громкие крики, доносившиеся из него. Бог сказал мне, чтобы я вошел в дом. Я нашел там человека, который лежал, вытянувшись на кровати. Прошло пять или десять минут, как доктора объявили, что он умер. Вся семья плакала и причитала.

Я попросил их выйти из комнаты и, оставшись один с умершим человеком, молился некоторое время. Наконец у человека восстановилось дыхание. Его глаза открылись. Он полностью выздоровел».

Мастер одинаково хорошо владел собой на всех уровнях реальности. К тем, кто жил физическим уровнем существования и его скорбями, он относился с состраданием. В астральном мире, где нет физических страданий, он был словно капитан морского судна, возвращающийся в порт так часто, как хочет. Однако по-настоящему родными для него были намного более тонкие сферы: вечное блаженство единения с Богом. Было удивительно наблюдать, как без видимых усилий он входил в *самадхи.* Большинству из нас требуется время, чтобы хотя бы коснуться сферы сверхсознания. Для него же вся необозримая сфера космического сознания была совсем рядом.

Я помню, как однажды вечером кто-то попросил разрешения сфотографировать его. «Минуточку,—ответил Мастер,—сначала я войду *в самадхи.* Через две или три секунды он сказал: «Я готов».

«Время от времени я ходил в кино, — рассказывал нам Мастер, — чтобы отойти от бесконечных забот нашей деятельности. Сидя в кинотеатре, я обычно входил в *самадхи.* Потом, если люди спрашивали меня, понравился ли мне фильм, я отвечал: «Очень понравился!» Я ведь смотрел космический «фильм» в окружении звезд и планет, несущихся в космическом пространстве!»

Никакая среда не была для него полностью мирской. Повсюду он видел Бога. «Знаете, где я написал свою поэму «Самадхи»? — спросил он нас однажды. — Это было в подземке Нью-Йорка! Я писал, а поезд курсировал туда и обратно между конечными станциями. Никто не проверил у меня билета. В сущности, — добавил он с улыбкой, — никто не видел меня!»

Посетители иногда хвастались своими высокими переживаниями в медитации. Любой проницательный человек скептически относится к хвастовству; настоящий опыт общения с Богом наделяет человека скромностью и смирением. Однако Мастер мог с первого взгляда определить, какого уровня достиг человек в духовном развитии.

«У людей очень искаженное представление о том, каков путь к Богу, — говорил он. — Видения и чудеса не важны. Имеет значение только полное посвящение себя Богу. Человек должен полностью погрузиться в Его любовь.

Я вспоминаю человека, который после лекции в Нью-Йорке вышел вперед и заявил, что он усилием воли может войти в космическое сознание. Он имел в виду, что способен к астральным перемещениям, но я сразу понял, что он лишь воображал свои способности. Я не мог просто сказать ему об этом, он не поверил бы мне. Поэтому я пригласил его в мою комнату и просил его продемонстрировать переход в космическое сознание.

Он сидел, ерзая, его веки дрожали, он пыхтел, — все это были признаки телесного, но не космического сознания! Наконец он больше не смог сдерживаться.

—Почему вы не спрашиваете, где я нахожусь?

—Ну, хорошо,—сказал я, потакая ему,—где же вы находитесь?

Таинственным шепотом, как бы обращаясь ко мне издалека, он ответил: «Над куполом Тадж-Махала!»

«Должно быть, что-то произошло с вашим собственным куполом! —заметил я. —Я вижу, что вы сидите здесь, передо мной». Он был в полном замешательстве.

Затем я предложил: «Если вы думаете, что можете переместиться таким образом на Тадж-Махал, то почему бы вам не переместиться куда-нибудь поближе, для проверки достоверности вашего опыта?» Я предложил ему переместиться вниз, в столовую гостиницы, и описать, что он увидит там. Он согласился. Вновь перейдя в «космическое сознание», он описал то, что увидел в столовой. Он был так уверен в своих видениях! Я хотел показать ему, что они были результатом воображения. Он описал ряд предметов в ресторане, включая большое пианино в правом углу помещения.

Потом я описал то, что видел сам. «В правом углу, — сказал я, — сидят две женщины за столом». Мы спустились вниз по лестнице и убедились, что прав был не он, а я. Он убедился в своем заблуждении».

Мастер часто рассказывал нам истории из своего детства в Индии. Спустя годы я написал и опубликовал некоторые из этих историй в небольшой книжке под заглавием «Рассказы Мукунды». Далее вы прочтете один из рассказов, который не вошел в эту книгу, так как не вполне соответствовал ее настрою.

«Первый раз, когда я кормил бедных в Индии, — рассказывал Мастер, — я решил накормить двести человек Я был тогда еще мальчиком. Все удивлялись, как я намеревался сделать это. Другой мальчик, мой друг, возразил: «У тебя же совсем нет денег. У меня их тоже нет. Как же мы сможем накормить так много людей?»

—Мне нужно,—сказал я,—всего двадцать рупий. И эти деньги придут через тебя.

—Это невозможно! — воскликнул он, пораженный.

—Именно так и случится,—заверил я его,—но при одном условии: сегодня ни при каких обстоятельствах ты не должен возражать своей маме.

Позже в тот день мать велела ему отнести что-то его богатой тетке. Он был готов отказаться, но вспомнил мое предостережение. Послушание не было лучшей чертой его характера, но на этот раз он безропотно пошел и доставил посылку.

Когда он вошел в дом своей тетушки, та стала бранить его: «Кто этот мальчишка, что вертится около тебя?» Это относилось ко мне. Как многие богатые люди, она питала подозрение к незнакомцам. Такое подозрение разозлило моего друга. Он уже был готов уйти, когда она крикнула: «Подожди! Я слышала, что он намеревается сделать что-то доброе. Возьми эти деньги и распоряжайся ими». И она дала ему двадцать рупий.

К этому времени уже распространился слух о том, что мы намереваемся кормить бедных. На эти двадцать рупий было закуплено довольно много риса и чечевицы. Когда соседи увидели, какую существенную поддержку получили наши планы, они пришли в настоящий восторг. Деньги посыпались к нам со всех сторон. Люди добровольно предлагали свои услуги, чтобы помочь нам в приготовлении и распределении пищи. Рассчитывая накормить двести бедняков, мы накормили целых две тысячи!»

Однажды вечером разговор зашел о слагаемых успеха. «Сила воли,—сказал нам Мастер,—более важна для успеха, чем знания, обучение или природные способности. Некоторые люди, когда вы пытаетесь разбудить их, ноют: «Не трогай меня, я сплю». Другие на какое-то время просыпаются, но, когда на несколько минут остаются одни, снова начинают дремать. А некоторые люди, кбГда вы начинаете говорить с ними, полностью просыпаются, и их не приходится трясти снова. Именно такие люди мне нравятся!

Когда я сам начинал свой путь к духовной жизни, я поселился с двумя другими мальчишками в небольшой лачуге с земляным полом. Один из них был примерно моего роста: маленький и слабый. Другой — крупный дюжий парень. Однажды я сказал им: «Давайте сделаем в большой комнате бетонный пол».

—Это невозможно! — возразил здоровяк — У нас нет цемента, нет инструментов, и мы не знаем, как это делается. Для такой работы нужна сноровка.

— Если мы решим это сделать, — ответил я, — то сможем.

— Принимаешь желаемое за действительное! — усмехнулся он и ушел, демонстрируя свое отношение к этой идее.

В тот же день мы с другим товарищем обошли соседей. Понемногу мы собрали пожертвованные нам материалы и получили на время необходимые инструменты. Два человека тщательно проинструктировали нас, как правильно замешивать и класть бетон. Всю ночь мы не спали; замешивали и заливали пол бетоном. К утру вся работа была закончена. Позднее к нашему уединенному жилищу снова пришел тот здоровяк

— Ну что ж,—вздохнул я, дразня его,—кажется, ты прав.

—Ага, — воскликнул он. — Видите? Так я и говорил!

Потом я попросил его принести мне что-то из другой комнаты. Он открыл дверь, а там уже был залит цементный пол! Мы даже успели выкрасить его в красный цвет. Он был ошарашен».

Мастер продолжал делать упор на то, что чудеса становятся возможными, когда человек соединяет свою волю с волей Бога.

«В нескольких милях от нашей школы в Ранчи находился высокий водопад. Над ним нависал скальный выступ, по которому было опасно ходить. Иногда я проводил по нему мальчиков.

— Вы верите в Бога?—кричал я им сквозь шум падающей воды.

—Да! —отвечали они мне. И так, воспевая имя Бога, мы всегда благополучно переходили через выступ.

Однажды, спустя годы после моего прибытия в Америку, другой учитель школы пытался перевести группу мальчиков через этот водопад, повторяя те же слова, что произносили мы. Один из мальчиков соскользнул с выступа и утонул. Это произошло потому, что тот учитель не обладал нужной силой. Вера должна быть основана на духовном осознании, иначе она лишена жизнеспособности.

—А кроме того, — добавил Мастер, — побуждения человека должны быть чистыми. Несколько лет назад два мальчика в Индии решили, что, поскольку они верят в Бога, Он обязательно защитит их, что бы они ни делали. Чтобы удостовериться в этом, они пошли в ближайший лес, взяв с собой меч. Один из нйх встал на колени; другой поднял меч, нацелился и с размаху опустил его на шею своего приятеля. И что же, Бог не счел их самонадеянность достойной соверше-

ния чуда. Мальчик, стоявший на коленях, был мгновенно убит. Если бы их вера была чистой, то дети понимали бы, что нельзя вести себя столь опрометчиво. Человек с чистыми побуждениями не пытается испытывать Бога. Когда вы действуете в согласии с Его волей, всегда все кончается хорошо».

В другой раз Мастер говорил нам о силе настоящей веры: «Однажды, когда я вечером возвращался в Маунт-Вашингтон, неожиданно на главное здание обрушился сильнейший порыв ветра. Это было следствием злой кармы войны. Люди не понимают, как сильно массовое сознание влияет на стихии природы. Я сказал одной из женщин, живущих здесь, чтобы она сняла туфлю и триады ударила ею по переднему крыльцу, повторяя определенные слова. Она выполнила мою просьбу. При третьем ударе ветер стих. На другой день в газете появилась статья о ветре невероятной силы, который начался в Лос-Анджелесе и вдруг стих через несколько минут».

«Потенциал разума, —добавил Мастер,—весьма значителен, даже без сочетания с силой Бога. Однажды в этой стране я ехал в поезде. Был очень жаркий летний день. В поезде не было кондиционера. Все страдали от духоты. Я сказал своим попутчикам: «Смотрите, чего можно достичь путем небольшой концентрации мысли. Сейчас я буду сосредоточенно думать об айсбергах».

Через несколько минут я дал им потрогать свою руку. Она была холодной».

Мастер часто развлекал нас занимательными рассказами о первых днях своего пребывания в Америке. «Из-за моей просторной мантии и длинных волос люди порой принимали меня за женщину. Однажды на выставке цветов в Бостоне мне потребовалось найти мужской туалет. Охранник проводил меня к определенной двери. Доверившись ему, я вошел. Боже мой! Женщина слева, женщина справа, везде женщины! Я пулей вылетел из комнаты и вновь подошел к охраннику.

«Мне нужен *мужской туалет*, — настаивал я. Подозрительно осмотрев меня, он указал мне на другую дверь. На этот раз, когда я вошел, закричал уже мужчина: «Не сюда, леди! Не сюда!»

Пришлось ответить глубоким басом: «Я знаю, что делаю!»

В другой раз проводник поезда, проходя мимо меня, внимательно разглядывал мою фигуру. Наконец, не в силах больше сдерживать любопытство, он спросил: «Вы мужчина или женщина?»

«А как вы думаете?»—спросил я гудящим басом.

Обычно я носил бороду. На пароходе, идущем из Индии, один пассажир, мусульманин по имени Рашид, убеждал меня сбрить ее. Американцы, уверял он, могут принять меня *либо* с длинными волосами, либо с бородой, но то и другое одновременно исключено. Поскольку мой Мастер выразил желание, чтобы я сохранил длинные волосы, я решил пожертвовать бородой. Рашид предложил

свои услуги в качестве парикмахера. Я доверился ему. Он намылил мне лицо и осторожно обрил половину его! И тогда—покинул меня! А я не имел никакого представления о том, как бриться! В таком положении я и оставался какое-то время. Наконец он со смехом вернулся, чтобы завершить эту работу.

Рашид был большим проказником, однако, когда я начал свой первый тур лекций, он мне очень помог. Он находил залы, оповещал о лекциях и выполнял обязанности моего секретаря. И все же он продолжал проказничать!

Но однажды вечером мне удалось его несколько исправить. Он всегда увиливал от работы и бегал за девочками. Он не догадывался, что я знаю, чем он занимается. В тот вечер он обещал прийти и работать со мной. Когда он не явился, я знал, где его найти. Я пошел в ближайший парк, он был там и сидел на скамейке с новой подружкой. (Он, конечно, знал к ним подход!) Я осторожно подкрался к ним сзади и остановился вблизи, скрытый кустарником. Он обнял девицу и готов был поцеловать ее. В этот момент я громким басом позвал его: «Рашид!» Надо было видеть, как он подпрыгнул! После этого он явился в офис и работал вполне прилежно!»

Мы шумно смеялись над рассказом Мастера, который сопровождал свое повествование забавными жестами и гримасами. [1]

«Однако,—заключил он,—годы спустя, Рашид с лихвой компенсировал все свои шалости. Он жил в Индии, когда я вернулся туда в 1935 году. Он подготовил мне внушительный публичный прием в Калькутте. Я был глубоко тронут».

Мне самому довелось встретить Рашида в Калькутте в 1959 году. К этому времени он выглядел довольно пожилым, однако было легко представить его жизнерадостным и добродушным шалуном в юности.

«Когда я впервые прибыл в Америку, — продолжал Мастер, — отец обычно присылал мне деньги. Но я хотел полностью полагаться на Бога и поэтому возвращал их. Вначале Бог дал мне испытать некоторые трудности, чтобы проверить мою преданность Ему, но моя вера была столь тверда, что Он никогда не оставлял меня».

Мастер продолжал делиться с нами своими воспоминаниями о тех годах. «Один наш последователь в Бостоне сказал мне, что хочет отречения от мирской жизни. Я ответил: «Твой путь —■ вступить в брак». «О, нет! — зарекался он. — Я никогда не женюсь!» И что же? Через неделю он встретил очаровательную девушку и клялся, что горячо полюбил ее!

— Эта девушка тебе не подходит, — предупредил я.

—О, она *очень* подходит мне!—воскликнул он.—Это именно та половина моей души, которую я искал.

Вскоре после этого он вернулся расстроенный. «Я хочу отказаться от мирской жизни»,—вновь горячо заявил он. Та девица ушла от него, как только у него кончились деньги.

—Ты еще встретишь достойную девушку, — сказал я.

Через некоторое время он, смеясь, рассказал мне о толстой, непривлекательной девушке, которая проявляла нежелательный интерес к нему.

—Похоже, что она как раз подходит тебе!

— Нет, Свами, нет! — воскликнул он в ужасе. — В прошлый раз вы были правы. *Пожалуйста*, ошибитесь на этот раз!

— Мне думается, что она как раз подходит тебе.

Прошло какое-то время, и он постепенно обнаружил, какой прекрасный характер скрывался под ее непривлекательной внешностью, и горячо полюбил ее. В конце концов они поженились.

—Люди часто бывают ослеплены внешними качествами,—продолжал Мастер. — В этой стране брак часто является союзом между приятным опенком губной помады и модным галстуком! Послушав немного музыку, они впадают в романтическое настроение и заканчивают тем, что ломают свои жизни.

Я вспоминаю одну парочку, которая пришла ко мне в Финикс и просила «немедленно» соединить их брачными узами. Я сказал им: «Я должен знать людей, которых сочетаю браком. Мне нужно помедитировать о вас. Приходите завтра». Эта задержка рассердила мужчину. Когда они пришли на следующий день, он стал настаивать: «Теперь все в порядке?»

—Нет,—сказал я.

Он снова рассердился. «Уйдем отсюда, *дорогая!* Нас может обручить кто-нибудь другой».

Когда они уже подошли к двери, я крикнул им: «Запомните мои слова: вы никогда не будете счастливы вместе. Вы это поймете, когда будет слишком поздно. Я убедительно прошу вас, по крайней мере, не убивайте друг друга!»

Они обручились в другом месте. Вскоре после этого они приехали в Маунт-Вашингтон только затем, чтобы показать мне, как они счастливы. Я ничего не сказал, но подумал: «Вы не ведаете того, что сокрыто!»

Спустя шесть месяцев они вернулись. На этот раз они смиренно встали передо мной на колени и признались: «Мы не сознавали, насколько разные у нас характеры. Если бы вы не предостерегли нас, мы, конечно, поубивали бы друг друга». Видите, под влиянием эмоционального опьянения они не заметили ту взрывную вспыльчивость, которая была присуща им обоим.

Люди должны научиться заглядывать под вуаль внешней привлекательности. Без душевной гармонии не может быть истинной любви».

Мастер рассматривал весь человеческий опыт, включая женитьбу, прежде всего как возможность для внутреннего развития. Романтические понятия типа «супружеского счастья» были для него просто заблуждениями. Он не отрицал положительное влияние гармоничного брака, но хотел, чтобы верующие смотрели на человеческий опыт как на ступени пути к единственно правильному состоянию бытия души—в Боге. Он советовал людям, собирающимся вступить в брак, чтобы они прежде всего заботились о духовной совместимости со своим партнером и лишь после этого изучали возможности интеллектуальной, эмоциональной и физической совместимости. Он смотрел на брак как на возможность получения существенных духовных уроков по самоотверженности, преданности, доброте, уважению и доверию. Тем же ученикам, которые под видом беспристрастности считают излишним проявлять такие качества к другим людям, он говорил: «Не думайте, что Бог поможет вам, если вы будете вести себя жестко по отношению к другим людям. До тех пор, пока вы не научитесь обретать любовь людей, вы никогда не сможете обрести любовь Бога».

Для Мастера человеческий опыт был частью процесса духовного исцеления. Самой опасной болезнью человека, говорил он, является духовное невежество. Он посвятил свою жизнь исцелению людей на всех уровнях: физическом, эмоциональном, интеллектуальном и духовном. Это полностью согласовывалось с философией Йогананды, утверждающей, что религия должна служить всем типам потребностей человека: как физическим, эмоциональным, ментальным, так и духовным. Главным «лечением», которое он предлагал, было духовное счастье, однако многих, в том числе меня, он вылечил от различных физических недугов.

Мне запомнился один случай физического исцеления, которое состоялось за несколько лет до того, как я приступил к этой работе. Мастер рассказал нам следующую историю.

«Это произошло в 1933 году, во время Всемирной ярмарки в Чикаго. Доктор Льюис позвонил мне в Лос-Анджелес и сообщил, что у одного из его друзей обнаружен тромб в сердце и тот умирает. Не могу ли я помочь ему? Я погрузился в медитацию и стал молиться. Неожиданно из меня вырвался мощный поток энергии. В тот же момент человек, находившийся в состоянии комы, был исцелен. С ним в комнате была медсестра — женщина, отнюдь не отличающаяся духовностью. Позднее она свидетельствовала, что услышала взрыв в комнате и увидела яркую вспышку света. Тот человек сразу же сел на постели и полностью исцелился».

Потом Мастер говорил о самом важном виде исцеления: развеивании духовного невежества. «Именно поэтому у нас есть ашрамы, — сказал он, —для тех, кто желает посвятить свои жизни Богу, чтобы навсегда избавиться от *всех*

страданий». И еще он говорил о тех давних годах его пребывания в Маунт-Вашингтоне.

Ласково глядя на нас, он заключил: «Как бы мне хотелось, чтобы в то время вы были со мной! Сколько лет прошло, прежде чем вы пришли ко мне».

ГЛАВА 38

ЕГО ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

О! Я буду возвращаться вновь и вновь[1].
Через миллионы острых камней страданий
С кровоточащими ногами я буду приходить, —
Если потребуется, триллион раз, —
Пока буду знать, что
Хотя бы один заблудший брат остался позади.

Парамахамса Йогананда, «Божий Лодочник»

КАПЛИ ДОЖДЯ ПАДАЮТ на землю, играют свои бесчисленные отдельные драмы, затем поднимаются к небесам и падают вновь, вращаясь в непрерывном круговороте. Примерно такова история каждой души. Через бесчисленные циклы возвращений мы очищаем наше восприятие окружающего, пока не убедимся в том, что цель, к которой мы стремимся, уже достигнута—она в счастье нашего собственного бытия!

Почему для столь простого открытия требуется так много времени? Почему так трудно понять, что земные радости являются лишь отражением внутренней радости? Увы, в зеркальном доме человек едва ли склонен к самоанализу. Отражения слишком зачаровывают! Если человек задумывается о себе, то лишь для того, чтобы изменить эти отражения. Отражения нашей внутренней радости, которые мы чувствуем во внешних достижениях, просто дразнят нас несбыточными надеждами! Обычно проходит много жизней, пока мы начнем сознавать, что нас очаровывали просто отражения и что мы жили в воображаемом мире.

Обычно, когдадуша достигает окончательного освобождения, завершая свой длинный цикл перевоплощений, ее радость от победы столь ошеломительна, что у нее нет желания возвратиться в земную темницу. Даже духовный голод других искателей Бога не способен заманить ее обратно, поскольку такая душа чувствует (конечно, справедливо), что после миллионов лет рабства она имеет право на свою выстраданную награду—бесконечное блаженство. Только некоторые удивительные души, достигшие свободы, отказываются на какое-то время от совершенного счастья, чтобы возвратиться в эту мрачную сферу и вывести из мира заблуждений других смертных. Ярким примером таких редких душ

является Парамахамса Йогананда. И даже среди тех немногих он, обещавший вернуться, «если потребуется, триллион раз», должно быть, исключение. Сила сострадания Йогананды просто поражает воображение.

Стремящиеся к Богу иногда спрашивают: «Продолжают ли души, которые родились на земле, перевоплощаться здесь?» Когда я однажды задал этот вопрос Мастеру, он ответил: «Нет, существует бесчисленное множество планет, куда может переселиться душа». Потом он добавил: «Если они всегда будут возвращаться на ту же планету, то они слишком быстро доберутся до истины!» Иными словами, духовное восприятие приходится заслужить. «План» космической драмы не в том, чтобы навязывать мудрость человеку; он сам должен использовать меч проницательности. Зеркальный дом должен утратить свое очарование, потому что человек сам увидел его обман, а не просто потому, что ему наскучили бесконечные повторения отражений. В одном отношении, однако, душа имеет склонность к многократному повторению внешних связей: в ее отношениях с другими душами.

Понять это поможет один пример. В газовых туманностях бесконечного пространства атомы перемещаются, находясь на большом расстоянии друг от друга — в среднем, несколько километров, — слишком далеко, чтобы гравитационные поля могли их удержать. Но если случается так, что два атома оказываются рядом, то, имея совместное поле, им легче привлечь к себе третий атом. Три атома еще легче привлекут четвертый. Таким образом, случайно образовавшийся шар материи может продолжать расти, пока его гравитационное поле не распространится на многие миллионы километров. В какой-то момент развития этого процесса произойдет мощное схлопывание, когда внутрь втянутся газовые туманности на больших расстояниях. Сила гравитации этой громадной массы материи становится столь мощной, что происходят изменения в самой структуре атомов: рождается сияющая звезда.

Подобно этому и душа в своем постепенном росте к божественной мудрости развивает силу «гравитации», при помощи которой привлекает и удерживает проницательность, необходимую для просветления, пока наконец на небосводе живых существ не появится настоящая «звезда».

Таким же образом душа создает гравитационную силу для формирования значительных и длительных связей с другими душами. Постепенно, в ее внешней жизни, вместе с другими, духовно совместимыми с ней душами, создаются большие семейства душ, которые возвращаются на землю или на другие планеты, чтобы выработать планы своего спасения не только каждая внутри себя, но также путем взаимодействия между собой. Для духовного освобождения необ-* ходимо одухотворить связи с объективным миром, с другими человеческими существами, так же как с Богом.

Чем сильнее в духовном смысле семья, тем сильнее она привлекает к себе новые души, которые могут блуждать вокруг в поиске себе подобных. Семья развивается вместе с развитием каждого отдельного ее члена. Она тоже вспыхнет «звездой» на небосводе человечества, когда начнет формировать великих осознавших себя душ.

В качестве духовных «звезд» такие великие семейства оказывают заметное влияние на общее духовное возвышение человечества. Как и звезды, они притягивают в свои благотворные ауры «планеты» менее развитых семейств, оживляя их лучами божественной истины. Такие семьи подобны могучим нациям. Им поручено реально руководить человечеством—но не указами и декретами, как это делают правительства, а путем тонкого духовного воздействия.

Семья, созданная Йоганандой, являет собой такую духовную семью. Она составляет часть более широкой духовной «нации», лидерами которой являются также Иисус Христос и Шри КришнаJВ этом веке — Бабаджи). Йогананда, как Вильгельм Завоеватель при Гастингсе, прибыл в Америку, чтобы создать плацдарм, но уже не для мирских завоеваний, а для духовного единения. Множество людей родились (и рождаются) на Западе, чтобы поддерживать миссию Йогананды. Многие включаются в эту деятельность благодаря лучистому магнетическому влиянию созданного им духовного «гравитационного поля». В течение последних полутора лет жизни Мастера вокруг него, как бы сознавая приближение его ухода, собрались давно знавшие его ученики. Из навещавших его теперь некоторые по разным причинам не видели его годы. Другие, не имевшие возможности встретиться с ним прежде, но которым было все же суждено встретить его в этой жизни, прибыли, как бы спеша попасть к нему, пока еще не было слишком поздно.

Вспоминая панорамное видение Мастером в 1920 году всех его, избранных судьбой, учеников в Америке, я спросил его в июне 1950 года; «Вы уже встретились с большей частью учеников, которых лицезрели в своем видении в Ранчи?» «Практически со всеми, — ответил он. — Я ожидаю прибытия еще только нескольких».

В числе близких учеников, посетивших его в последний год жизни, были сенюр Куарон из Мексики, мистер Блэк из Детройта, штат Мичиган, и Камала Сильва из Окленда, Калифорния.

После отъезда мистера Блэка, Мастер сказал мне, видимо, переживая приятные воспоминания: «Ты видел Бога в его глазах?»

Вильгельм I Завоеватель (ок. 1027—1087) — герцог Нормандии. В 1066 высадился в Англии и, разбив при Гастингсе войско англосаксонского короля Гарольда II, стал английским королем. ***—Прим.ред.***

О Камале он однаэды сказал нам: «Посмотрите на эту женщину. Уже двадцать семь лет она работает с нами. Она теперь очень близка к освобождению. После того как она долгое время работала со мной и жила здесь, в Маунт-Вашингтоне, я сказал, что ей следует выйти замуж.

«О нет, Мастер,—сказала она, — я не хочу замужества». Однако я настаивал и обещал, что у нее будет все хорошо. Это была маленькая карма, которую ей следовало отработать. Я сам выбрал для нее мужа. Какая у него удивительная душа—настоящий *саннъясин,* как будто один из вас!»

Сеньор Куарон приезжал в 1950, потом еще раз в 1951 году. Я впервые встретил его после того, как кто-то принес и поставил на ковер у входа в вестибюль огромный баул неопределенной формы. Я заулыбался при виде этой бесформенной сумки, когда где-то надо мной голос произнес: «Это мое». Я взглянул вверх и там увидел человека — точную копию этого баула! Однако в духовной натуре сеньора Куарона не было ничего такого, над чем можно было бы посмеяться (разве что с любовью). Вскоре я обнаружил, что его сердце было столь же велико, как и его тело.

Мастер очень сильно любил его. «Я утратил связь с тобой на несколько перевоплощений, — сказал он ему, — но я больше никогда не потеряю ее». Позднее, время от времени, сеньор Куарон преданно напоминал ему о его обещании. «Больше никогда»,—уверял его Мастер.

Близ Инсинитаса поселилась мадам Галли-Керси, знаменитая оперная певица. «Как далеко она продвинулась в духовном отношении?» — спросил я однажды Мастера, который иногда обсуждал со мной духовное состояние учеников. «Она парит в Боге!» — ответил он радостно.

Артур Комите, сопровождавший Мастера в его лекционном туре по этой стране в 1924 году и впервые осматривавший с ним Маунт-Вашингтон в 1925 году, также посещал Мастера в этот период. Мастер отзывался о нем с теплотой и давал ему высокую оценку.

Примерно в то же время Джесси Андерсен, ученик почтенного возраста из Сан-Хосе, Калифорния, подарил Мастеру портрет Шри Юктешвара, вышитый цветными нитями. Удалившись от дел и существуя на незначительный доход, мистер Андерсен смог купить необходимые материалы, собирая с земли под придорожными посадками грецкие орехи и продавая их.

Мастер был глубоко тронут этим подарком. Он повесил портрет в прихожей, над лестницей, у входа в свою квартиру. Часто, проходя мимо этой картины, он молча останавливался и складывал ладони в торжественном приветствии своему *

*** Ее муж Эдвард Сильва был школьным учителем в Окленде,** Калифорния.

великому гуру. Такое отношение к Шри Юктешвару было тем более трогательным, что сам Йогананда уже давно перерос статус ученика.

Существует поговорка: «Ни один человек не представляется великим в глазах собственного слуги». В случае святых эта поговорка не подходит, поскольку именно близкие ученики, лучше других знающие их, относятся к ним с наибольшим уважением. По характеру Шри Юктешвар был строг, следовать за ним было непросто. Многие кандидаты в ученики, наблюдая лишь внешние черты его личности, покидали его при первом ударе хлыста его дисциплины. Однако Мастер разглядел за этой маской духовную суть.

— Однажды, — рассказывал он нам, — группа учеников, будучи сытой по горло строгостью его воспитания, решила покинуть его. «Послушай,—говорили они мне,—мы пойдем за тобой. Он слишком суров для нас».

—Идите, если хотите, — сказал я строго. — А я останусь со своим гуру!

Я заметил, что те ученики, которые знали Мастера лучше, неизменно относились к нему с высочайшим уважением.

Одной из таких учениц была Сестра Гьянамата. Значительно старше его, эта достойная вдова профессора университета, редко хвалившая кого-либо, проявляла к Мастеру уважение столь неизменное, смиренное и глубокое, что мирской человек, впервые посетивший ашрам, мог принять ее за простую новообращенную.

В присутствии Мастера, как мне говорили, она всегда стояла.

«Я, Сестра и еще несколько человек находились в главной комнате обители в Инсинитасе, — рассказывал Юджин Бенуа, собрат по ученичеству, — когда вошел Мастер. Сестра, несмотря на то что была уже пожилой женщиной, немедленно встала вместе с нами. Мастер не взглянул на нее и не сказал ни слова. Подойдя к окну, он обратил свой взор на океан. Сестра тоже не смотрела на него. Но через некоторое время я заметил, что оба они спокойно улыбались — это была внутренняя улыбка. Спустя несколько минут Мастер покинул комнату, так и не нарушив молчания. Но у меня было такое чувство, что они с Сестрой вели между собой безмолвный разговор».

«Мне достаточно было лишь задуматься о Сестре,—говорил нам Мастер, —■ как на другой день от нее приходило письмо». Многие ее письма к Мастеру (и другим ученикам — о ее общении с Мастером) опубликованы в книге «Только Бог».

«Дорогие дети, — писала она одной из молодых монахинь, — вчера вы спросили меня, каково последнее слово в ученичестве? Каким должен быть отличительный знак совершенного ученика?

God Alone, Self-Realisation Fellowship (Общество Самоосознания), 1984.

Вы знаете, что я всегда спокойна в присутствии Мастера. Это не поза, предназначенная для снискания его одобрения; не то чтобы я считаю такое поведение правильным. Просто у меня есть внутреннее чувство покоя. Я стараюсь быть внимательным слушателем, поэтому его слова западают в мой ум и сердце, чтобы я размышляла над ними, иногда на годы. Поэтому я часто получаю ответ на свой мысленный вопрос в его словах».

Она рассказывала, как ответ на вопрос ее сестер по ученичеству пришел к ней и на этот раз словами Мастера. Ученица, которой он дал красную розу, чтобы она несла ее во время определенной церемонии, возразила: «Но я не *хочу* красную розу. Я хочу розовую». Мастер ответил: «Возьми то, что *я* дал *тебе».*

«Вот вам *мой* ответ, — заключила Сестра. — Живой или по меньшей мере открытый ум. Руки и ноги, жаждущие дела, — это ведет к совершенству, — все это, доведенное до совершенства, и будет последним словом, отличительным знаком самого безупречного ученичества».

Однажды кто-то сказал ей, что в видении она предстала пред ним в ином, прошлом воплощении. Позднее Сестра писала Мастеру, заключив свое письмо следующими словами: «Кем бы я ни была в прошлом, в этом, самом важном из всех, своем воплощении — я есть Гьянамата, творение ваших рук. Пожалуйста, молитесь за меня, чтобы я оставалась твердой и непоколебимой до конца. С уважением, благодарностью, преданностью и любовью — нет, этого мало. О, этого мало!»

Ах, какая невыразимая благодать! Слезы навернулись на мои глаза, когда я печатал эти слова. Вспоминаю теперь Мастера, который, отдавая ей дань уважения на похоронах, воскликнул с глубокой любовью в голосе «Дорогая Сестра!»

Сестра Гьянамата скончалась 17 ноября 1951 года, в возрасте восьмидесяти двух лет. «Я просматривал ее жизнь,—говорил Мастер,—и не нашел ни единого греха, *даже в мыслях».*

Последние двадцать лет Сестра преодолевала физические страдания. Она героически несла бремя слабого здоровья, как бесценный дар от Бога и Гуру. Говоря с нами о ней незадолго до ее похорон, Мастер сказал: «Однажды, когда я вошел в комнату Сестры, чтобы навестить ее, я уже от двери слышал биение ее сердца, тяжелое дыхание и страшные перебои. Оно едва работало. Увидев меня, она сказала: «Я не прошу вас исцелить меня. Все, что я прошу,—ваше благословение». Как сильна была ее вера! Она спасала ее от немедленной смерти. Тогда я договорился с Богом о ее жизни; я знал, что она не уйдет, пока я не помолюсь за ее освобождение.

— В другой раз, —.продолжал Мастер, — она сидела на веранде в Инсинитасе с миссис Малей, когда обе услышали совершенно ясно голос: «Скажи Парамахамсаджи, что я беру тебя к себе». Позднее она рассказала мне об этом.

Я ответил: «Если в следующий раз он заговорит с тобой, скажи ему, что это неправда. У меня с Богом договоренность о твоей жизни. И Он сдержит слово».

Спустя несколько дней она снова сидела с миссис Малей на веранде, и вновь они услышали тот же голос: «Я скоро возьму тебя к себе». Сестра ответила: «Парамахамсаджи сказал, что это неправда». Голос замолчал.

Через некоторое время к ней с обычным визитом пришел ее доктор, которого я никогда не встречал. Когда он уходил, я вышел к нему навстречу.

—Скажите, доктор, — сказал я,—как вы находите здоровье Сестры?

—О, с ней все в порядке, — ответил он.

—Скажите, — продолжал я, — может, у вас есть некоторое сомнение относительно ее состояния?

—Да, *есть* некоторые неясности, — признался он.

— Не думаете ли вы, — предположил я, — что это может быть связано с неправильным питанием? Что вы скажете насчет того, чтобы поместить ее под наблюдение?

— Ради Бога, может быть, вы и правы! — воскликнул он. Ее поместили в больницу, где установили, что она была так истощена, что может продержаться всего лишь двадцать четыре часа. Ее губы были воспалены, она не принимала никакой пищи и пила только чай. Ее начали кормить, и она поправилась. Видимо, как раз об этом говорил голос, раздававшийся на веранде».

Жизнь Сестры вновь была спасена. Наконец, через двадцать лет, Мастер дал ей освобождение. «Какая радость! — восклицала она с последним дыханием. — Какая безмерная радость!»

«Я видел, как она погружалась в неусыпное состояние Духа, за пределами творения», — рассказывал Мастер позднее. Наградой Сестре за годы полного повиновения Гуру стало полное освобождение.

«Она пришла к Богу через мудрость,—сказал Мастер.—Мой путь проходил через радость».

После возвращения в Маунт-Вашингтон Мастер провел с нами некоторое время, говоря о Сестре. Он вновь упомянул о том, что она достигла полного освобождения. Мне на ум пришло воспоминание о том, что он говорил мне в Твенти-Найн-Палмз: прежде чем душа получит окончательное освобождение, она должна освободить других. Уловив мою мысль, Мастер сказал: «У нее *были* ученики».

«Все годы, когда я знала ее,—говорила мне Дая Мата в последние часы жизни Сестры, — я никогда не слышала, чтобы она сказала о ком-либо что-то недоброе». Какой прекрасный дар! Я подумал, что это высказывание очень хорошо характеризовало саму Дая Мату; недаром она вычленила именно это качество

для похвалы. Доброта была отличительной особенностью ее собственной личности.

Все мы чувствовали, что с уходом Сестры быстро приближалось время, когда Мастер покинет этот мир. На это намекал и сам Мастер. Однажды он заметил доктору Льюису: «Мы вместе прожили хорошую жизнь. Кажется, что мы встретились только вчера. Через какое-то время мы разлучимся, но вскоре будем вместе опять».

«Свою следующую жизнь на земле, — говорил нам Мастер, — я проведу в Гималаях». Посвятив большую часть своей жизни служению обществу, он намеревался в новом воплощении провести многие годы в полном уединении. «В моей будущей жизни,—говорил он нам,—я соберу вокруг себя тех, кто близок мне сегодня». Большинству своих ближайших учениц он говорил: «В следующем воплощении вы будете мужчинами». Насколько я знаю, только миссис Браун он сказал, что она снова станет женщиной. Он говорил нам, что до его следующего воплощения пройдет двести лет.

В последние месяцы жизни он находил величайшую земную радость в общении с теми учениками, которые оправдали его ожидания. Он часто хвалил Святого Линна, Сестру Гьянамату, Дая Мату, миссис Браун и других. О Мерне Браун (Мриналини Мате) он сказал: «У нее удивительная карма! Вы увидите, что она совершит для нашего дела». Он говорил нам, что в нескольких прошлых жизнях она была святой. О Коринне Форши (Мукти Мате) он сказал мне однажды с воодушевлением: «Она *удивительная* душа!» О Вирджинии Райт (Ананда Мате) он никогда не говорил при мне, но из того, как он относился к ней, было ясно, что он был ею очень доволен. Другой ученицей, которая, как мне известно, особенно радовала его, была Джейн Браш (Сахаджа Мата). За многие годы работы с ней в редакторском отделе я всегда видел ее только жизнерадостной, уравновешенной и доброй.

Мастер был также очень доволен духом Генри (Брат Анандамой), который переживал одну неприятность за другой. Сначала он сломал ребро; потом он совершил какой-то опрометчивый поступок, который сделал его жизнь печальной; затем он сломал другое ребро. Мелкие беды преследовали его. Однажды, когда он вновь пострадал, Мастер сказал ему: «Всегда новые неприятности, не так ли? Но это хорошо! Тебе предстоит очень много сделать—отсюда и неприятности. Бог хочет, чтобы ты стал сильным. Мы выпускаем не просто докторов богословия. Наши священнослужители обретают свою духовность в огне испытаний».

Оливеру Роджерсу (Брат Дэвананда) он однажды заметил: «Ты в свободном плавании!»

Мистер Роджерс рассказал нам о забавном случае в его недавней работе для Мастера. Как я уже говорил, Мастер большое значение придавал позитивному мышлению. Именно его собственной позитивностью частично объяснялась исключительная плодотворность его деятельности. Четко представляя себе, что хотел выполнить, он добивался успеха в делах, которые мало кому были по плечу. Однако иногда его мысленные проекции казались ему столь ясными, что их последующая реализация могла представиться ему в виде простой подписи под уже готовой картиной.

«Мастер просил меня покрасить комнату, — рассказывал мистер Роджерс. Через день или два, прежде чем я успел купить краску, я застал в этой комнате Мастера, беседовавшего со Святым Линном; оба они были в восторге. Увидев меня, Мастер стал расхваливать меня Святому Линну, завершив свой панегирик замечанием в тоне детского восхищения: «И он покрасил всю эту комнату сам!* Святой Линн взглянул на некрашеные стены, потолок, потом на меня. Мы улыбнулись друг другу, но ничего не сказали».

До своего появления в Маунт-Вашингтон мистер Роджерс был профессиональным маляром. «На небесах, — говорил ему Мастер, — вы будете создавать прекрасные астральные цветы одним лишь желанием».

— Сэр, — сказал я однажды Мастеру, — после того, как вы уйдете из этой жизни, будете ли вы так же близки к нам, как теперь?

—Для тех, кто *думает*, что я рядом, — ответил он, — я буду рядом.

Его последние месяцы проходили быстро. *Слишком* быстро, поскольку в наших сердцах мы чувствовали, что конец приближается.

«Я чувствую, что это случится очень скоро»,—сказала мне однажды Дая Мата в своем офисе.

—Но, конечно,—возразил я,—Мастер сначала еще раз вернется в Индию. Он намеревался поехать в Индию в том году и говорил мне, как печалились ученики в Индии оттого, что ему не пришлось побывать там последние два года

—Думаешь?—Пристально поглядев на меня, она больше ничего не сказала Однако ее предчувствие полностью оправдалось.

Однажды Мастер зашел в антикварный магазин, чтобы купить несколько тростей. Что бы он ни делал, его сознание соответствовало его действиям. И вот, поскольку он в тот момент выполнял роль делового человека, он деловито торговался. Но когда одежа была завершена, он перестал играть роль добросовестного покупателя, старающегося сберечь средства своего монастыря. Оглядев помещение магазина, он заметил признаки оскудения. Из сострадания он заплатил хозяину магазина значительно больше, чем ему удалось выгадать, торгуясь с ним.

«Вы истинный джентльмен, сэр!» — воскликнул этот человек, глубоко растроганный. Чтобы выразить свое уважение, он вручил Мастеру очень красивый старинный зонт.

Когда Мастер возвратился домой, он вздохнул и сказал: «Какой убогий пол в магазине этого человека! Думаю, я куплю ему новый палас».

С каким совершенством он проявлял в своей жизни истину, что для человека с Сознанием Христа все люди братья.

В последнем, вышедшем при жизни Мастера номере журнала «Самоосознание» содержалась статья, озаглавленная «Последнее испытание». Это был последний из серии комментариев Мастера к Новому Завету, которые непрерывно публиковались в течение двадцати лет. В этом выпуске Мастер рассуждал по поводу слов: «Иисус, возгласив громким голосом, сказал: Отче! В руки Твои предаю дух Мой. И сие сказав, испустил дух». Конечно, появление этой статьи было более чем простым совпадением. Она была опубликована в мартовском выпуске 1952 года, а седьмого марта того года Мастер ушел.

Интересно также, что эти страницы об уходе Мастера мне случилось писать почти в день ухода Иисуса Христа: накануне была страстная пятница 1976 года.

За несколько дней до его смерти другой ученик задал Мастеру такой же вопрос, какой я задал ему двумя годами раньше: «Все ли ученики в этой жизни уже пришли к вам, сэр?»

—Я ожидаю, что должны прибыть еще двое-трое, — ответил Мастер.

В ту неделю прибыли еще два ученика: Лилэнд Стендинг (теперь — Брат Мокшананда) и мадам Эрба-Тиссо — очень известный и преуспевающий адвокат из Швейцарии, которая вскоре оставила свою профессию, чтобы посвятить себя организации центров по работе Мастера в Европе. Кажется, тогда прибыл и еще один ученик, но я не могу припомнить, кто именно.

За месяцы переписки с Лилэндом на нас произвели глубокое впечатление свойства его характера. Наконец Мастер написал ему, предлагая поселиться в Маунт-Вашингтоне. Лилэнд встретился с Мастером вскоре после прибытия туда. «У вас хороший дух, — сказал ему Мастер. — Помните, преданность — величайшее качество».

Мастер продолжал жить в своем одиноком пристанище в Твенти-Найн-Палмз. Он возвратился в Маунт-Вашингтон второго марта, чтобы встретить Его превосходительство Виней Р. Сена, недавно назначенного послом Индии в Соединенных Штатах Америки. В вечер своего возвращения он нежно обнял каждого из нас и благословил всех. Некоторым он говорил слова личной поддержки, других подбадривал, чтобы они сохраняли твердость в своих усилиях, *

*** Лук. 23:46.**

а отдельным ученикам советовал больше медитировать. После этого я ненадолго поднялся к нему.

Много раз за последние три с половиной года Мастер распекал меня, в основном за мою медлительность в достижении полного понимания его, а иногда за то, что я часто не предвидел последствий своих слов. Я знал, что он часто говорил: «Я браню лишь тех, кто слушает, а не тех, кто не слушает», — однако в моем сердце всегда оставалась какая-то боль. Как я ни пытался, я не мог избавиться от нее. Несколько месяцев я так жаждал услышать от него слова одобрения.

Теперь, наедине со мной, он внимательно, с глубокой любовью и пониманием посмотрел в мои глаза и сказал: «Ты очень порадовал меня. Я хочу, чтобы ты знал это». Какая тяжесть свалилась с моего сердца после этих нескольких простых слов!

Во вторник, четвертого марта, Маунт-Вашингтон посетил посол со свитой. Я обслуживал Мастера и его гостей в комнате встреч на втором этаже. Во время этого визита, мистер Ахуджа, Генеральный консул Индии в Сан-Франциско, заметил Мастеру: «Послы приходят и уходят. А вы, Парамахамсаджи, истинный Посол Индии в Америке».

В четверг вечером, шестого марта, Мастер возвратился из поездки на автомобиле. Он попросил Клиффорда Фредерика, который вел машину, подвезти его к Маунт-Вашингтону сзади, по Римской аллее. Там, всматриваясь в контуры главного здания, он заметил тихо: «Оно выглядит как замок, не правда ли?»

Монахи только что завершили групповые занятия по энергизирующим упражнениям, когда машина Мастера въехала в ворота После того как мы собрались вокруг него, он коснулся каждого из нас, благословляя. Потом подробно говорил о некоторых заблуждениях, которые встречают на своем пути стремящиеся к Богу.

— Не тратьте понапрасну времени, — сказал он. — Никто не подарит вам страстного стремления к Богу. Это стремление вам придется развивать самим.

—Не спите слишком много. Сон—бессознательный путь общения с Богом. Медитация—это состояние выше сна, сверхсознание, которое противоположно подсознанию.

— Не тратьте слишком много времени на шутки. Я сам люблю смеяться, но я контролирую свое чувство юмора. Когда я серьезен, никто не может заставить меня засмеяться. Будьте счастливыми и веселыми внутри себя — серьезными, но всегда веселыми. Какой смысл растрачивать свое духовное восприятие в бесполезных словах? Когда вы наполните сосуд вашего сознания молоком умиротворенности, храните его; не делайте в нем дыр шутками и пустыми речами.

— Не тратьте времени на развлечения — постоянно занимаясь чтением и прочим. Если чтение поучительно, оно полезно. Но я говорю людям: «Если вы читаете один час, то пишите два, размышляйте три часа и все время медитируйте». Независимо от того, в какой степени я занят, я никогда не отказываюсь от своих ежедневных свиданий с Богом.

Спустя несколько минут на полуподвальном этаже Мастер заметил ящик с зелеными кокосами, которые были тогда только что доставлены от Брата Аби Джорджа из Флориды. «Еще когда я сидел в автомобиле, Божественная Мать пыталась сказать мне, что прислали эти кокосы, однако я не слушал —я слишком много говорил!» Весело смеясь, Мастер вскрыл кокос и стал пить из него сок Однако его радость, казалось мне, имела оттенок наигранности. Я посмотрел в его глаза и увидел, что они глубокие, спокойные, совершенно незатронутые тем, что он делал. По прошествии лет представляется, что в них отражалась доброта человека, который знает, что прощается, но не хочет, чтобы мы догадывались об этом.

Поймав мой взгляд, он почти сразу же помрачнел.

«У меня завтра важный день», — сказал он. Направляясь к лифту, он задержался в дверях, потом повторил: «Завтра у меня важный день. Пожелайте мне удачи».

На следующий день, седьмого марта, он спустился вниз, чтобы выйти из дома. Он должен был принять участие в банкете, который давался в тот вечер в отеле «Билтмор» в честь посла Индии. «Представляете, — сказал он, —я снял номер в Билтморе. Это как раз тот отель, где я впервые остановился в этом городе!»

Потом он вновь повторил: «Пожелайте мне удачи».

Мастер попросил меня прийти на банкет с Диком Хеймсом, популярным певцом и актером кино. Дик недавно стал учеником и принял от меня посвящение в *крийю.*

Годы назад Мастер говорил: «Когда я оставлю эту землю, я хочу продолжать говорить о моей Америке и моей Индии». И в песне об Индии, которую он написал на мотив популярной песни «Моя Калифорния», он перефразировал концовку этой популярной версии словами: «Я знаю, что, умирая, в радости буду вздыхать о моей солнечной, великой, старой Индии!» Однажды на лекции он заявил: «Сердечный приступ — самый легкий путь к смерти. Именно так *я* предпочитаю умереть». В тот вечер этим предсказаниям суждено было сбыться.

Мастеру предстояло выступить после банкета. Его краткое выступление было столь приятным, почти нежным, что, я думаю, каждый из присутствовавших чувствовал себя облеченным в тончайшую ткань его любви. Он тепло говорил об Индии и Америке, об их вкладе в дело мира и истинного прогресса челове-

чества. Он говорил о будущем сотрудничестве этих государств. Наконец, он прочитал свою чудесную поэму «Моя Индия».

Я записывал его выступление, и на протяжении всей речи мои глаза были обращены к записной книжке. В конце концов прозвучали последние строчки его поэмы*.

Где воды Ганга, леса, пещеры Гималаев и люди грезят о Боге,
Я освящен; мое тело коснулось этой земли!

Слово «земли» сопровождалось долгим вздохом. Вдруг со всех сторон зала раздались крики. Я поднял голову.

—Что такое? — спросил я у Дика Хеймса, сидевшего рядом со мной. — Что случилось?

— Мастер в обмороке, — ответил он.

О *нет, Мастер! Вы не могли потерять сознание. Вы покинули нас.* ***Вы*** *покинули нас!* Забытый драматург вдруг проснулся и безмолвно заговорил во мне. Для *вас это слишком совершенный способ уйти от нас —это не может быть ничем иным!* Я поспешил к тому месту, где лежал Мастер. Его лицо выражало блаженство. Вирджиния Райт склонилась над ним, отчаянно пытаясь привести его в чувство. Генеральный Консул, мистер Ахуджа, подошел ко мне и обнял за плечи, чтобы успокоить. *(Никогда, дорогой друг, я не забуду этого нежного проявления доброты!)*

Тело Мастера доставили в Маунт-Вашингтон и бережно положили на кровать. Один за другим, мы в слезах склоняли перед ним колени.

«Мама! — выкрикивал Джозеф. — О, Мама!» Поистине, Мастер был матерью для всех нас—нет, много больше, чем матерью! Мисс Ланкастер с мукой на лице взглянула на меня. «Сколько тысячелетий потребовалось, — изумлялась пожилая ученица, глядя на него с тихим благоговением, — чтобы создать столь совершенное лицо!»

После того как мы вышли из комнаты, одна Дая Мата осталась у тела Мастера. Когда она неотрывно смотрела на него, на его левом веке показалась слеза и медленно скатилась вниз на щеку. С нежностью она поймала ее носовым платком.

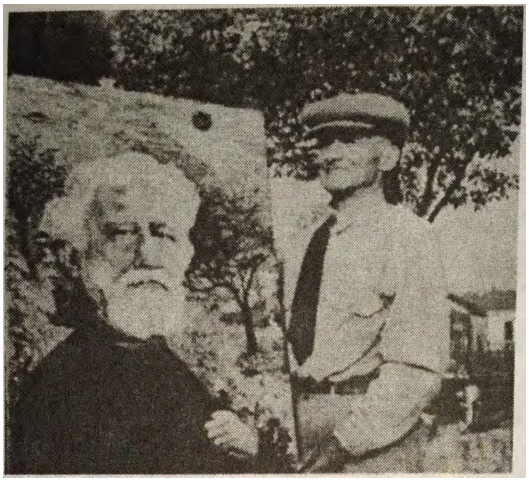
В смерти, как и в жизни, он говорил своей любимой ученице, а через нее и всем нам: «Я люблю вас всегда, сквозь бесконечную череду времен, без условий, не желая ничего, кроме *вашего* вечного счастья в Боге!»

Банкет в Билтмор-отеле в честь Посла Индии Винея Р, Сена. В этом зале вскоре после того, ***Ц*** как был сделан этот снимок, Мастер вошел ***ъмахасамадхи*** (окончательный уход души йога из тела)*

За первым столом (обведены кругами, слева направо) сидят: мистер М. Г. Ахуджа, Генеральный консул Индии; Посол Виней Р. Сен; М астер. Я сидел в центре комнаты.

Джесси Андерсен и портрет Шри Юктешвара, который он вышил цветными нитками и подарил М астеру. Отойдя от дел и живя на маленький доход, мистер Андерсен смог купить материалы, собирая грецкие орехи по обочинам дорог и продавая их Мастер был глубоко растроган подарком. Он повесил этот портрет в прихожей, около своей квартиры.

Сестра Гьянамата, самая способная ученица Йогананды.

По случаю посещения Маунт-Вашингтона Послом Индии В. Р. Сеном с супругой я дарю М астеру коробку *сингхары* (индийских пряностей). За три дня до*махасамадхи* М асгера.

М астер в последние годы жизни.

Мастер повторяет ***Ом*** воздетыми руками, запечатлевая этот звук в эфире. В1949 г. после лекции в Беверли-Хилс, Калифорния, он сказал: «Мы должны идти вперся — не только те, кто здесь присутствует, но и тысячи молодых людей должны отправиться на север, юг, восток и запад и покрыть землю небольшими поселениями, чтобы показать, что простота жизни в соединении с возвышенным мышлением приведут к величайшему счастью!*

ГЛАВА 39

ДУХОВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Для тех, кто думает, ***что я с ними рядом, я буду рядом.***

Как ЧАСТО С ТЕХ ПОР, как смерть замкнула уста Парамахамсы Йогананды, для нас, его учеников, исполнялось это бессмертное обещание. Действительно, это вовсе не было смертью; это было *махасамадхи* («великое *самадхи*») — совершенное завершение земной жизни йога, сознательное слияние с Бесконечным.

Одно из доказательств победы нашего Гуру над смертью пришло из Мемориального парка Форест-Лоун в Глендейле (Калифорния), где, в ожидании прибытия двух учеников из Индии, открытый гроб с его телом стоял целых двадцать дней. Пятнадцатого мая того года мистер Харри Т. Роув, директор морга в Форест-Лоуне, направил в Общество Самоосознания нотариально заверенное письмо: «Отсутствие каких-либо видимых признаков разложения тела Парамахамсы Йогананды является самым исключительным случаем за все время нашей работы... Не заметно никакого физического распада... Такое состояние полной сохранности тела не имеет примеров в анналах нашего морга... Внешний облик Йогананды по состоянию на 27 марта, когда гроб накрыли крышкой, был таким же, как и 7 марта. Он выглядел 27 марта таким же свежим и совершенно нетронутым разложением, каким был в ночь своей смерти».

Гроб был закрыт через двадцать дней, когда пришло сообщение о том, что два ученика из Индии не имеют возможности приехать. Позднее один из них сообщил, что Мастер после своего *махасамадхи* явился ему в физическом теле и ласково обнял его.

Норманн также рассказал о подобном переживании. «Однажды ночью я лежал в постели,—говорил он мне.—Вдруг дверь распахнулась. Вошел Мастер, и я видел его так живо и ясно, как сейчас тебя. Он в нескольких словах дал мне хороший совет и затем ушел. Дверь, которой он не касался, закрылась за ним».

Дая Мата рассказывает, как Мастер явился ей в физическом виде спустя годы после своего *махасамадхи,* когда ей предстояло принять ответственное решение в работе: «Я прикоснулась к его стопам. Они были такими же плотными, как мои собственные. Хотя он и не сказал ничего, я его поняла, как если бы он выразил это словами».

Я уже рассказывал историю о явлении Мастера, который предостерег профессора Новицкого в Праге, когда коммунист-провокатор пытался заставить его предать интересы йоги.

Большинство из нас какое-то время были подавлены уходом Мастера. Миссис Ройстен рассказала мне о своей поездке с несколькими монахинями к его склепу в Форест-Лоуне. «Другие стояли, плача, перед склепом, — говорила она. — Ноя совершенно не чувствовала, что мы его потеряли. Я молча позвала его. Вдруг я ощутила, что он стоит рядом со мной. Я скорее чувствовала, чем видела его, но слышала его совершенно отчетливо. «Я нахожусь *не там!»* — воскликнул он. Казалось, его удивляло, что ученики, постигавшие его учения, могли уделять столько внимания просто его телу!»

Раджарши Джанакананда однажды позвонил по телефону одной из учениц, которая была безутешна уже несколько недель после ухода Мастера.

«Я не знал, что вы страдаете, — сказал он ей ласково. — Мастер явился мне прошлой ночью и просил утешить вас. Он просил передать вам, чтобы вы были счастливы; он всегда с вами».

Естественно, ученики колебались, сообщать ли о таких драгоценных переживаниях. Мастер предупреждал, что разговоры о столь глубоких благословениях могут ослабить их действие. То, что несколько учеников поделились переживаниями с другими, следует объяснить их особой щедростью, но меня не удивило бы, если бы я узнал, что Мастер являлся и многим другим.

Сам я до сих пор не был благословлен физическим явлением ко мне Мастера после его *махасамадхи,* однако с годами я все более явственно ощущал его присутствие. Часто после молитвенного общения с ним я получал ответы на трудные вопросы. Много раз я получал от него советы по моей работе; вдохновение для обучения и консультации других; силу для преодоления трудных испытаний; утешение и понимание в периоды печали; неожиданные исцеления от болезней; а сверх всего — растущую внутреннюю радость в медитациях на Него.

Благословения и защита, исходившие от Мастера, стали реальностью для многих, не встречавшихся с ним физически. Мне приходит в голову недавний случай: у меня училась женщина из Северной Калифорнии, которая впоследствии приняла Мастера как своего гуру. К несчастью, муж, как это иногда происходит, стал ревновать ее к новым интересам. Однажды вечером, когда они куда-то ехали на машине, он начал ее зло бранить.

«Это была ужасная поездка, — жаловалась она мне позднее. — После того как Джим какое-то время кричал на меня, он стал поносить Мастера. Я чувствовала, что это просто недопустимо. «Мастер — молила я, — заставь его замолчать!»

Неожиданно наступила полная тишина! До конца той поездки, и фактически весь тот вечер, Джим вел себя в отношении меня с необычайным почтением, но не произнес ни слова!»

В течение ряда недель после ухода Мастера самой главной нашей мыслью было: «Как теперь мы можем наилучшим образом порадовать его?» Я уверен, что никто из нас не сомневался в том, что он все о нас знал и, как прежде, мог оказывать нам духовную помощь. Основное место в наших умах занимали его общие заповеди нам: глубоко и регулярно медитировать, любить и уважать друг друга, согласованно сотрудничать в распространении его учения. Для тех же, кому он давал другие, дополнительные, более личные наставления, становилось более важным, чем когда-либо, медитировать над ними и применять их.

В последующие годы я продолжал записывать для себя и для других все его высказывания, которые мог вспомнить. Вновь оживляя в уме каждую сцену, я извлекал из событий полезные для духовного развития уроки. Наступил момент, когда редко на какой вопрос о его учении или жизни и истине общего плана я не смог бы дать тут же ответ, исходя из того, что он говорил или делал. Чем больше я размышлял о его жизни и учениях, тем более меня удивляло, как совершенно все это отвечало нуждам нашего века. Только Сам Космический Драматург, казалось мне, мог придумать такую роль. В своих учениях Йогананда коснулся всех важных аспектов современной жизни: от брака, дружбы и человеческих взаимоотношений до тайн осознания и успеха, обучения, практического бизнеса, художественного творчества, политики, экономики, формальной религии, науки, здоровья и гигиены, питания — всей гаммы, и показал, как одухотворить каждый аспект и превратить его в ступеньку к космическому осознанию. Его учение не было односторонним, направленным лишь к тому, чтобы побудить людей к медитации и молитве. Сам он часто говорил, что религиозное учение должно помогать человеку на всех уровнях: физическом, ментальном и духовном. Никогда не жертвуя собственным видением высочайшей Истины, он обращал свой взор туда, где люди занимались личным совершенствованием, чтобы помочь им продвигаться от их теперешнего состояния к божественной высшей цели жизни.

Я пришел к Мастеру с глубоким желанием не только найти Бога самому, но и помочь другим разрешить их духовные сомнения и обрести вдохновение искать Его. Человека влечет служить другим в тех областях, в которых он в прежних воплощениях ошибался, страдал и извлек уроки из своих страданий. Иными словами, те, кто хочет помочь другим обрести хорошее здоровье, сами в прошлом страдали от слабого здоровья и поняли, как важно жить в соответствии с физическими законами. Те, кто старается помочь другим на интеллектуальном уровне, в прошлом страдали на ментальном плане. Те, кто чувствует

потребность работать во имя предотвращения преступлений, очень возможно, в прошлом грешили против законов общества. Мастер говорил мне, что самой большой моей ошибкой в прошлом было сомнение. Этим и объясняется мое постоянное стремление помочь другим преодолеть сомнение и обрести веру.

Именно на осуществление этого глубокого стремления Мастер направлял все мое дальнейшее обучение. «Отныне — долой плохое настроение, — сказал он,—иначе как ты сможешь помочь людям?» Даже когда я уклонялся от публичного преподавания, он настаивал на том, что это было моим призванием. «Ты лучше постарайся полюбить это, — говорил он. — Тебе придется заниматься именно этим».

И наоборот, об организационной деятельности он говорил со мной мало (за исключением тех случаев, когда дело касалось монахов) и был готов рассмотреть вопрос о переводе меня с этой работы, когда у меня возникли временные трудности со здоровьем и я просил поручить это дело кому-нибудь другому. Но он никогда не проявлял подобной готовности в ответ на мои периодические просьбы освободить меня от функции проповедника. Только однажды, когда я высказал опасение по поводу заблуждений, связанных с общественной жизнью, он утешил меня, сказав торжественно: «Ты *никогда* не падешь из-за своего эго».

В Маунт-Вашингтоне после его *махасамадхи* все было в основном сосредоточено на организации его работы. «После того, как я покину вас,—говорил он ученикам, — все вы должны очень упорно работать над организацией этой работы. Иначе вы не сможете руководить тысячами тех людей, которые будут приходить к вам». В течение нескольких лет я поддерживал эту тенденцию: и потому, что это было традицией, и потому, что, независимо от кармического долга в этой жизни, я открыл в себе склонность к организационной работе. Моим глубочайшим стремлением всегда было помогать людям. Однако я все еще считал себя недостаточно подготовленным к тому, чтобы мой труд писателя и лектора можно было оценивать как серьезное служение другим, и сказал себе, что если сегодня смогу помочь координировать нашу работу, то те, кто позднее присоединятся к ней, смогут найдут более совершенное духовное служение. Вот и случилось, что, находясь с юности в оппозиции к институционализму, я стал служить ему как ярый сторонник развития Общества Самоосознания в качестве инструмента духовного служения.

Вскоре после махасамадхи Мастера я провел две недели в уединении в Твенти-Найн-Палмз. Там я всей душой молил Мастера, чтобы он руководил моим служением ему. Должен ли я, спрашивал я его, сразу же сосредоточить свои усилия на писательстве и чтении лекций? «Пока нет», — последовал ответ (насколько я понял его). Но что же должен я делать? Я чувствовал в себе слишком

большое желание служить ему, чтобы спокойно сидеть в стороне, готовя себя к писательству и чтению лекций как к вероятной работе.

А потом случилось так, что его ответ пришел косвенными путями. Вместе со мной в уединении находился Эндрю Зельц, брат-монах. К концу нашего пребывания там мы стали обсуждать, как упростить делопроизводство в офисе Маунт-Вашингтона, чтобы, в частности, лучше служить членам нашего Общества. В офисе мы с ним работали с письмами, поэтому нас заботило сокращение сроков их прохождения. Вскоре идеи по улучшению работы уже переполняли наши головы. В самом нашем вдохновении я как бы узнавал ответ Мастера на свои двухнедельные молитвы о водительстве. Вскоре мы с Энди приступили к составлению планов реорганизации всего офиса

После возвращения в Маунт-Вашингтон мы предложили ряд разработанных изменений. Неудивительно, что некоторые старожилы высказывали свои возражения, однако Раджарши Джанакананда, наш новый президент, одобрил нововведения. Скоро мы с Эндрю по уши погрузились в реорганизацию. На выполнение этой задачи по моим расчетам требовалось около двух недель, а в действительности ушло полтора года! К концу этого долгого периода я был полностью поглощен идеей реорганизации. Я завершил свою работу по устройству монахов, затем перешел к организации центров Общества Самоосознания, центрального правления, церквей и консолидации учеников-мирян.

Моя основная деятельность проистекала из работ по устройству монахов. Мастер часто говорил мне, что ему хотелось, чтобы после его кончины монахи и монахини жили отдельными общинами. Когда я размышлял о деталях такого разделения, меня особенно заботило то, каким образом можно было в предстоящие годы обеспечить равное распределение ответственности за работу. Медитируя над этой проблемой, я пытался настроиться на «план» этой работы, который, как нам говорил Мастер, находится «в эфире». Я принял правильное, как мне казалось, решение: поручить вопросы членства в Обществе монахиням, которые возглавляли главный офис в Маунт-Вашингтоне, а деятельность центра и церкви поручить монахам, которых Мастер готовил главным образом для священства. Я предложил также, чтобы эти центры не были «вотчинами» отдельных лидеров, и назначил двух проповедников (вместо одного) на воскресных службах, назвав их «лидерами служения» (вместо «лидеров центра»). В процесс самой службы я предложил включить историю из «Автобиографии Йога» и план проповеди, который первый лидер служения может использовать в качестве основы для своей проповеди, с рекомендуемым (но не обязательным) чтением отрывков из книг Мастера. Эти предложения были нацелены на то, чтобы наши центры действительно представляли работу Мастера. Однако принимая во внимание, что члены Общества предпочитали неформальные встречи, я рекомен-

довал нововведение неформальные группы медитации. Эти группы получат право по своему выбору принимать большую или меньшую часть программы центра. Мы должны быть заинтересованы в том, чтобы служить, вдохновлять, но не руководить ими.

Эти предложения получили одобрение Раджарши Джанакананды и Совета. Работа по их реализации была поручена мне.

Моим естественным следующим шагом было объединить вокруг церквей учеников-мирян. К этому времени в Обществе Самоосознания меня стали считать «законченным организатором». Это звучало иронично, если принять во внимание мое глубокое отвращение к институционализму. Я утешал себя тем, что это отвращение, которое, думаю, разделяло со мной большинство учеников, противодействовало организационным излишествам. Мои собственные мотивы оставались неизменными: я не считал эту деятельность самодовлеющей; я просто видел в ней средство для духовного возвышения людей, изголодавшихся по внутренней радости. Как я уже говорил, жизнь диктовала необходимость единообразия в некоторых аспектах нашей работы, однако я не видел в нем особого достоинства. Нам было просто необходимо добиться, чтобы наши центры правильно представляли нашу деятельность. Здесь мы шли по лезвию ножа. Слишком многочисленные правила отвлекали бы внимание людей на внешние стороны жизни; при этом они упускали бы из виду главное в трудах Мастера: заботу о личном, внутреннем духовном развитии. «Не вводи слишком много правил, — говорил мне Мастер, — иначе ты убьешь дух учения». Важно было сбалансировать разумную потребность в правилах, которые сами по себе были важны, со спонтанностью и радостью, которые в равной степени были необходимы нашим центрам. Альтернативой было бы внимание ко внешнему и сопутствующие ему негативные явления: сплетни, подозрения и жажда личной власти.

Я говорю об этом потому, что почти каждый человек попадает в тиски между необходимым для организации единообразием и собственными потребностями во внутреннем развитии. Люди, стоящие на одном из полюсов проблемы, поступили бы правильно, признав обоснованность противоположной точки зрения, поскольку лишь при таком условии можно сохранить равновесие между консервативностью и хаосом.

Я был вынужден признать, что, хотя для работников любой организации и важно считаться с директивами организации, было бы ошибкой обеспечивать такое уважение, отбивая охоту у представителей конкретной организации к лидерству. Несколько лет я пытался поставить заслон тому, что считал личным стремлением к «местничеству», пока не признал, что в каждом благополучном центре всегда был ***кто-то,*** чью индивидуальность этот центр представлял; кто

ярко проявлялся, кто обычно действовал в качестве лидера. Подавлять такое личное влияние во имя уменьшения «личностности», как это делали коммунисты в их монолитной системе, означало не считаться с реальностью. Например, я знал, что, когда наш центр в Окленде, Калифорния, возглавляла Камала, он был, возможно, самым духовно влиятельным из наших центров. Он был пронизан духом преданности, смирения и любви. Однако в 1956 году слабое здоровье вынудило Камалу отойти от всех дел. Она пригласила меня, чтобы я реорганизовал центр в соответствии с нашими новыми идеями. Я принял это предложение с великим энтузиазмом, расценивая эту работу как свое испытание. Однако несмотря на все мои усилия, я вскоре вынужден был признать, что прежний дух центра исчез. Постепенно я пришел к заключению, что лидерство жизненно необходимо для любой работы группы. Как любому человеческому качеству, лидерству свойственны ловушки. Например, лидер может утверждать свою независимость, не повинуясь правилам группы, которой он служит. Но на этот риск приходится идти и ему, и группе. Дерево должно рассеять множество семян, чтобы дать жизнь всего нескольким молодым деревцам. Как сказал Иисус, «Много званных, но мало избранных». Йогананда никогда не заслонял своих учеников от испытаний, необходимых для их духовного роста. Хотя многие руководители центров не оправдали его ожиданий, он продолжал распознавать и поощрять лидерство как редкое человеческое качество: ***готовность нести ответственность,*** без которой ни в чем нельзя достичь успеха. Там, где человек может добиться благоприятного результата, можно установить более действенный позитивный контроль над ним, если поощрять его делать все от него зависящее, а не пытаться не допустить неудачных действий.

Мастер, незадолго до ***махасамадхи,*** раскрыл перед нами последний секрет духовной организации. Дая Мата спросила его печально: «Мастер, когда вы покинете нас, сможет ли что-либо заменить вас?»

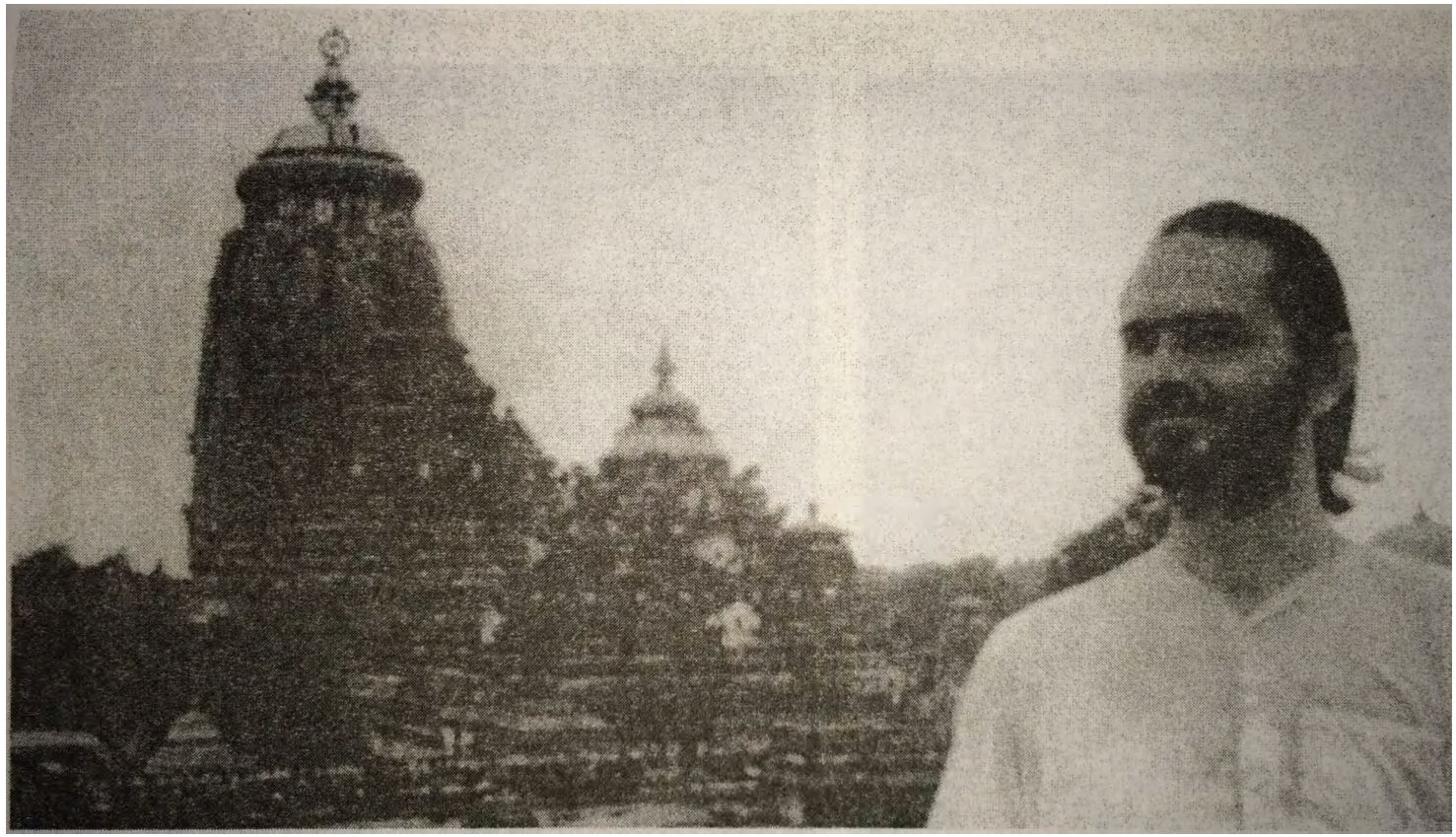
— Когда я уйду, ответил он, ласково улыбаясь, — только любовь сможет заменить меня.

В августе 1952 года, во время нашего ежегодного сбора, в М аунт-Вашингтоне была развернута индийская выставка. По этому случаю я нарядился как индусский сказочник и сидел в Храме Листьев, рассказывая истории из Писаний Индии.

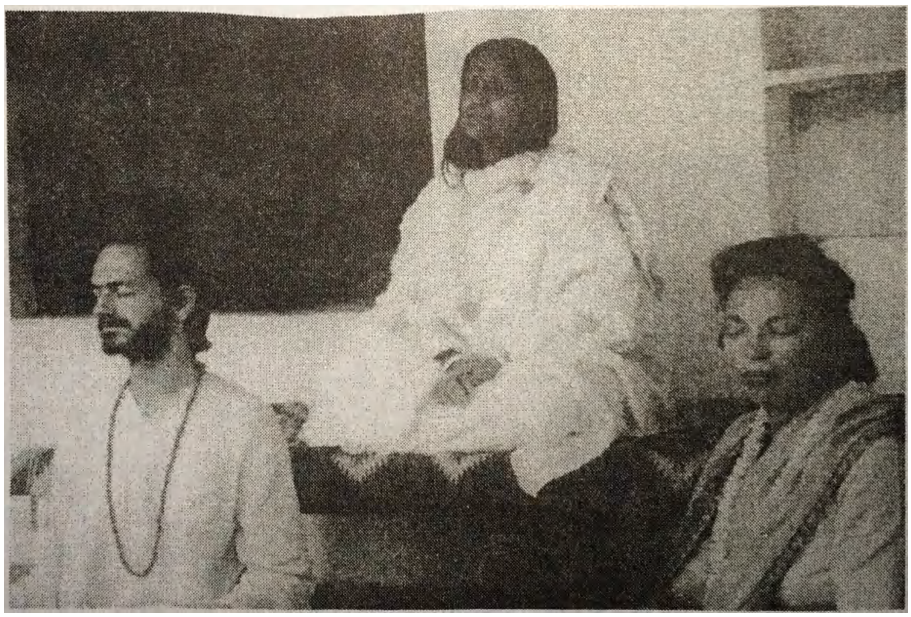

Я провожу служение в церкви Голливуда.

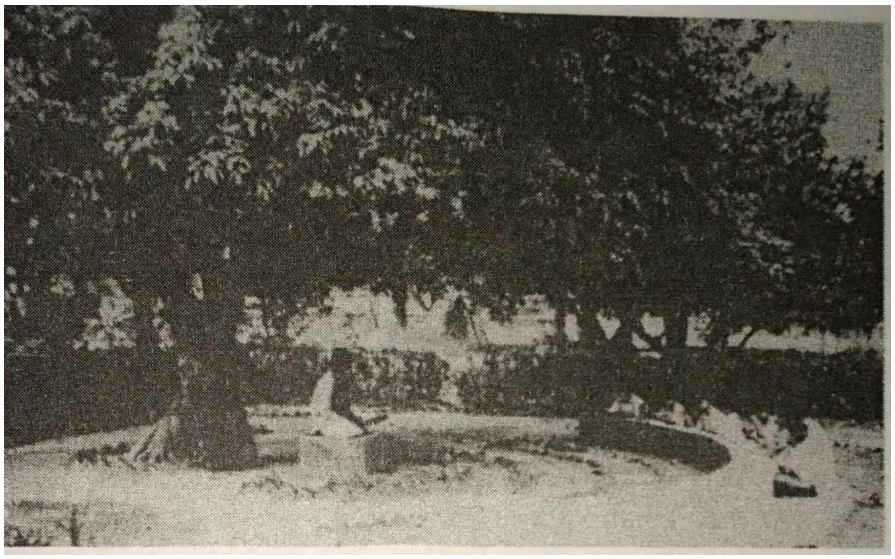

Храм Джаганатхи в Пури, штат Орисса, один из самых почитаемых храмов Индии. М ы были среди первых посетителей с Запада, которым было позволено войти в храм.

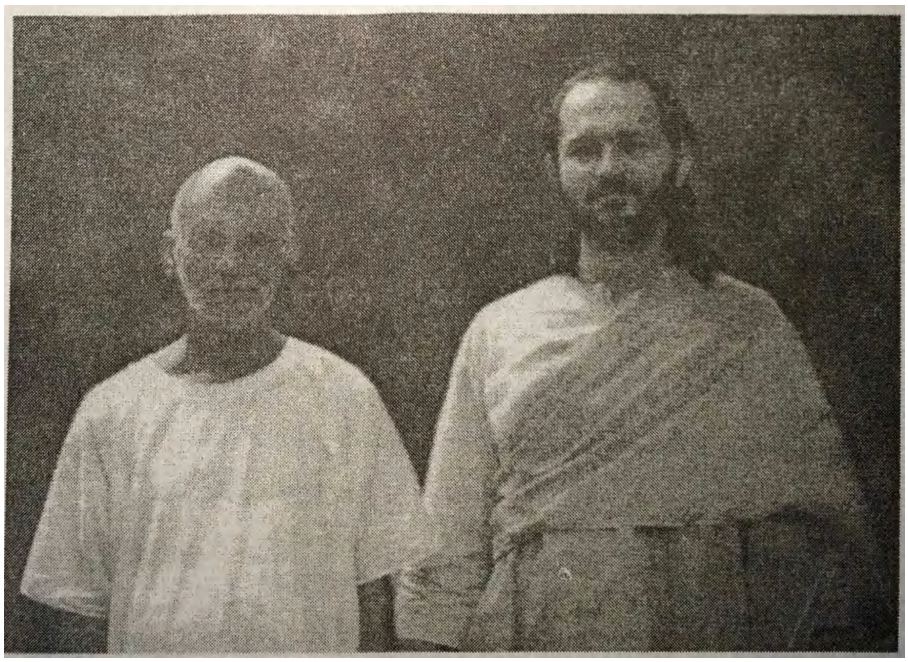

Мы с Дая Матой во время визита к Шри Анандамайе Ма, великой святой Индии, в ее ашраме в Бенаресе. Анандамайя М а только что подарила мне*рудракшамалу,* **гирлянду молитвенных четок, которыми я по сей день пользуюсь в своих медитациях**

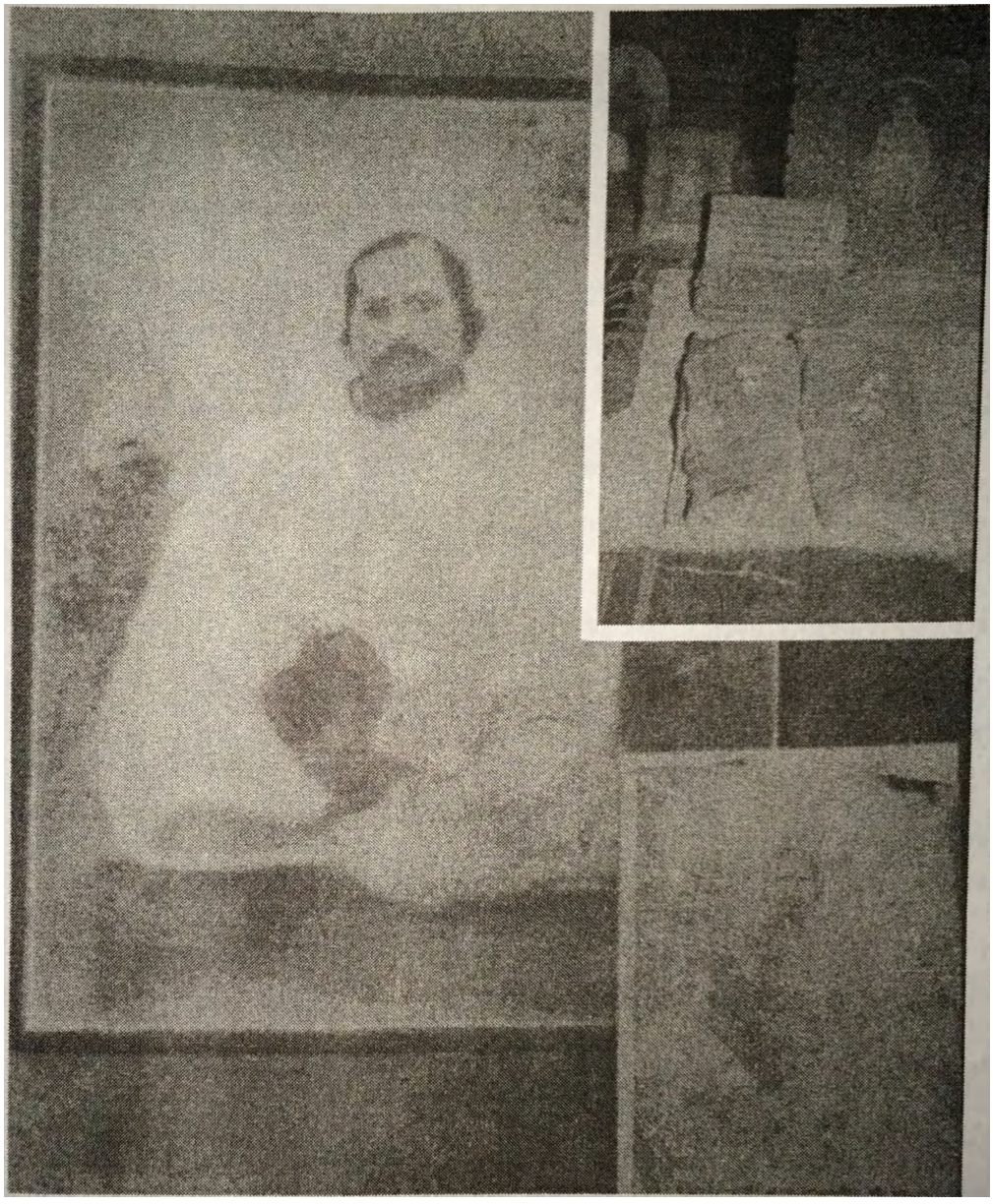
Занятия на открытом воздухе в школе Мастера, в Ранчи, штат Бихар, Индия. Мастер считал, что воспитание и обучение должны по возможности проводиться на лоне природы.

***Я* стою рядом с выдающимся учеником Шри Раманы Махарши — Шри Рама Йоги. О Шри Рама Йоги М астер говорил: «Если бы я провел еще полчаса в его обществе, то уже никогда не смог бы вновь покинуть Индию*. Я провел со Шри Рама Йоги четыре дня в его ашраме на окраине Неллора, в Южной Индии.**

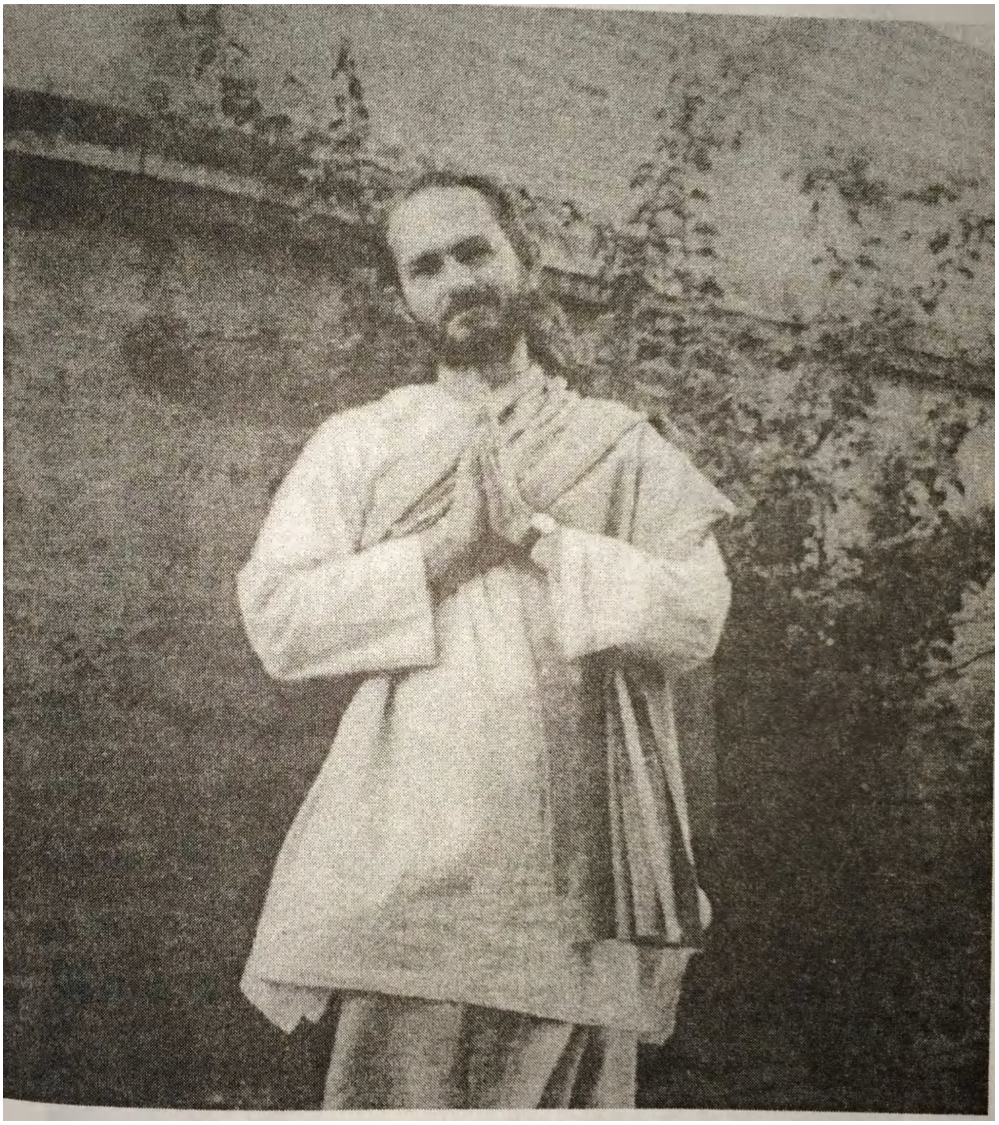
Февраль 1962 **года я провел в уединении в пещере Гималаев на берегу Ганга.**

Портрет Лахири М ахашаи перед его встречей с Бабаджи в I860 году, сделанный с фотографии, помещенной в нижней части страницы. Я обнаружил их в Бенаресе, в доме Шри Сатья-Чарана Лахири, внука великого Мастера.
Справа вверху — сандалии Лахири Махашаи и его экземпляр*Бхагавад-гиты.*
Длинный свиток *—Шри Чханди***, древний текст, посвященный Богу в аспекте Божественной М атери.**

Монахи приветствует мое возвращение в Маунт-Вашингтон из **Индии** в **апреле** 1960 **года. В первом ряду слева направо: Лиленд Стэндинг, Генри Шауфельбергер и преподобный Михаил (теперь, соответственно, Братья Мокшананда, Анандамой и Бхактананда).**

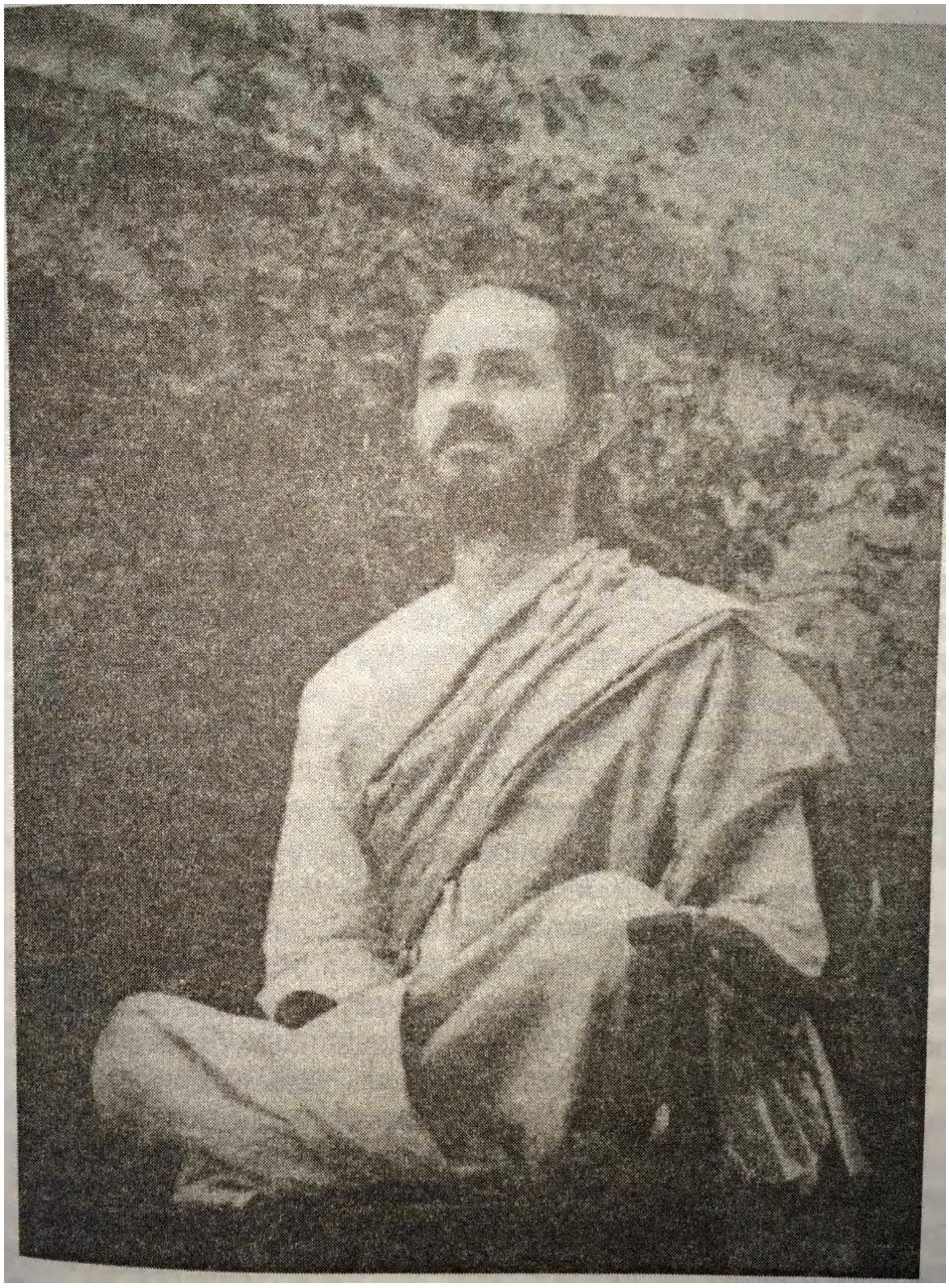

?Жо° В садУ Деван-Балкишен-Кхосла, в Патьяле, штат Пенджаб, гдея был в гостях В ноябре Г0Да я прочитал в Патьяле несколько лекций и провел ряд занятий.

Господь Кришна

Художественное изображение великого *аватара* индусов. В легендах Господа Кришну часто представляют в образе юноши, играющего на флейте на берегах реки Джамны, зовущего своих друзей уйти от их мирских увлечений к божественному поиску внутри се-

Ще одна фотография, сделанная в Патьяле, 1959 г.

ГЛАВА 40

«НАКОРМИТЕ МОИХ ОВЕЦ»

1955 ГОД ДЛЯ ОБЩЕСТВА САМООСОЗНАНИЯ был знаменательным. В феврале умер Раджарси Джанакананда. Совет Директоров избрал вместо него Дая Мату, которая стала третьим президентом Общества Самоосознания. До этого назначения ее деятельность в значительной степени оставалась в тени. Но мы, знавшие ее и знавшие о высокой оценке ее работы Мастером, приветствовали такой выбор как наилучший.

1955 год был также важным годом и для меня лично. В мае и июне я предпринял лекционный тур по нашим центрам Америки, Канады и Европы. Вскоре после возвращения в Маунт-Вашингтон меня назначили главным священником в нашей церкви в Голливуде. А 20 августа вместе с тремя другими монахами я во время торжественной церемонии дал обет отречения, приняв от Дая Маты *санньясу* — посвящение в полное монашество. По этому случаю мы символически кремировали наши тела в священном пламени в знак того, что отныне считаем себя умершими для мирской жизни и живущими только в Боге.

Как правило, *санньясины* (те, кто принял *санньясу)* принадлежат к монашескому ордену Свами, который много сотен лет назад основал в Индии Свами Шанкара—или, как его теперь называют, Свами Шанкарачарья. В Индии существует десять подразделений монашеского ордена Свами Шанкарачарья. Наша ветвь носит наименование *Гири* (горная). Принятие в монашеский орден Общества Самоосознания является и принятием в орден *Гири.* Таким образом, если быть точным, мое полное имя и звание звучит как Свами Крияна нда Гири.

Санньясин учится смотреть на мир и на все, что находится в нем, как на сон. Считая Бога Единственной Реальностью, он стремится к тому, чтобы жить, руководствуясь только волей Бога, без личных привязанностей и желаний.

Традиционно путь в орден был закрыт для выходцев не из семей *брахманов* (касты священников), иностранцев и женщин. Однако выдающиеся Мастера этого века расширили эту традицию на не-брахманов и иностранцев, а в отношении женщин — и полностью от нее отказались.

Что касается не-брахманов, то они объяснили, что первоначально кастовость не предусматривала системы наследования. Она была просто признанием общих реалий человеческой природы. Вся человеческая раса, объяснял Йога-

нанда, состоит из четырех естественных каст, которые в Индии называются: *шудры, вайшьи, кшатрии* и *брахманы. Шудры* — те, кто ведет нетворческий образ жизни, пребывая полностью на физическом плане. *Вайшьи* ведут более созидательную жизнь, но для личной выгоды. *Кшатрии* заняты в основном общественной деятельностью. *Брахманы* — те, кто живет прежде всего духовными интересами. Очевидно, что *саннъясинами* могут стать лишь те, кто по своей природе относится к четвертой категории, ибо *саннъясин* по определению живет только для Бога и для духовного возвышения других людей. При этом национальность не имеет значения. Система каст, принятая в Индии тысячелетия назад, в сущности лишь признает естественные этапы эволюции человечества.

Запрещение женщинам принимать *санньясу* не соответствует вечным истинам, проповедуемым в Писаниях Индии. Ни в одном столетии женщинам не было отказано в достижении высочайшего духовного развития. Их непринятие в орден основывалось на преходящих социологических воззрениях. Более широкие социальные свободы нашего века дали возможность все большему числу женщин входить в ашрамы и принимать *санньясу.* Их прием в орден был санкционирован рядом величайших мастеров нашего века.

Во время церемонии посвящения в санньясу двадцать седьмого мая 1959 года в Пури, Орисса, Свами Бхарати-Кришна Тиртх, тогдашний президент монашеского ордена Шанкарачарья в Говардхан Матхе и признанный лидер ордена Шанкарачарья в Индии, изменил эти древние традиции, признав посвящение Парамахамсой Йогананда в орден Дая Маты.

«Крияна́нда»—имя, которое я получил при посвящении,—состоит из двух санскритских слов и означает «небесное блаженство, обретаемое посредством *крийя-йоги,* или «небесное блаженство в деятельности». Вместе со мной монашеский обет дали Преподобные Михаил, Джо Карбон и Карл Свенсон, которые получили имена Бхактананда, Бималананда и Сароланда.

В тот день в глубине души я более серьезно, чем когда-либо, поклялся посвятить свою жизнь служению делу Мастера.

Когда я приступил к выполнению обязанностей священника в нашей главной церкви, то понял, что, в соответствии с указаниями Мастера, для меня пришло время всерьез заняться лекционной деятельностью. До того времени я до конца не верил, что смогу сделать многое посредством слов. Но теперь я решил попытаться и горячо молил своего Гуру вдохновить меня на помощь другим людям. Прошло немного времени, и его благословения возымели эффект.

Вот что интересно. Мы склонны думать, что если верим в божественное руководство, то Бог сам может решить, как Он будет руководить нами в жизни.

Но дело в том, что Его благословение приходит через те каналы, которые мы сами открываем Ему. Мы можем всем сердцем хотеть выполнять Его волю, однако частью Его закона является принцип свободной воли. Он руководит нами в соответствии с природой вдохновения, которое мы просим у Него. Можно сказать, что именно магнетическое качество нашего интереса привлекает Его ответ. Если, например, мы пишем музыку, мы получаем вдохновение в терминах музыки. Если мы погружены в дела религиозной организации, то благословение, которое мы привлечем, будет относиться к вопросам организационным. А если ищем божественного содействия как лекторы, то Бог пошлет нам вдохновение, чтобы уровень лекций был высоким.

Так получилось, что, когда я занимался вопросами организации в Маунт-Вашингтоне, я получал руководство именно в связи с организационными проблемами. Поэтому у меня появилось ощущение, что я не готов вести лекционную работу на серьезном уровне. Но когда настоятельная необходимость заставила меня сконцентрировать внимание на публичных выступлениях, я начал получать духовное руководство как проповедник. Люди стали рассказывать мне, что мои лекции изменили их жизнь, разрешили сомнения или впервые в жизни пробудили в их сердцах любовь к Богу.

Во всем этом было нечто большее, чем руководство, поскольку моя склонность к решению организационных проблем не была проявлением долговременной воли Бога. Теперь, когда я стал больше заниматься тем, что требовал от меня Мастер, я стал ощущать в себе растущее чувство внутреннего удовлетворения и радости.

Сначала я подходил к публичным выступлениям с отношением, выработанным за годы организационной работы. То есть хотя я и был священником, но говорил скорее как представитель своей церкви, а не как человек, глубоко озабоченный судьбами людей, которым служил. Но скоро я обнаружил, что как организационная работа, так и работа проповедника и советчика имеют собственную логику. Для священника особенно важно отдавать предпочтение нуждам людей. Только настраиваясь на них, можно было рассчитывать установить с людьми контакт.

Я сознавал, что в своем растущем осознании миссии священника не вступал на столбовую дорогу. Большинство священнослужителей, которых я знал, считали себя скорее представителями своих церквей, нежели целителями изголодавшихся душ. Когда они чувствовали, что диалог становится опасным, то поспешно переходили к монологу. Да и у меня, как священника Общества Самоосознания, была склонность позволять учению Мастера говорить самому за себя, чтобы не приходилось прилагать эти истины в зависимости от конкретной аудитории.

Искренность священничества стала означать для меня, правде всего, искренность по отношению к людям, которым я служил. Если, думал я, задача священника отвечать на каждый вопрос догмой, то проще записать все, что хотел сказать, на магнитную ленту и попросить своего секретаря проиграть в соответствующий момент. Но тот, кто действительно хочет помочь людям, слушая их, не может со временем не понять, что истина многолика. Тогда его целью становится не привлечение людей к своей церкви и не стремление сделать их ее твердолобыми последователями, а желание *разбудить дремлющее в них чувство божественной истины.* Как сказал Парамахамса Йогананда, «Единственная наша цель—напитать людей их собственным опытом практики *крийя-йоги».*

Часто Мастер говорил нам: «Общество Самоосознания не является сектой». Пока я всю свою энергию посвящал решению организационных вопросов, это суждение, казалось, меня мало касалось. Но оно стало жизненно важным, когда я начал служить людям. Когда я сам настроился на решение истинных задач священства, я понял: чтобы стать действенным, такое служение должно быть сосредоточено на самой истине; оно должно освободиться от всяческих скрытых сектантских мотивов.

Иногда я советовал человеку посвятить себя иной духовной деятельности. Однажды в Индии, отвечая на вопросы после лекции, я убеждал одного слушателя проводить уик-энды в ближайшем ашраме Шри Ауробиндо. «Как вы узнали, что я член того ашрама?» — подойдя ко мне потом, спросил этот человек Я, конечно, *не* знал, однако что-то в нем напомнило мне то общество, как бы соответствующее его духовной «волне». Пожалуй, описания такого рода несектантства не найдешь ни в каком руководстве для священников! Именно потому, что я ставил реальные нужды людей над обычными институционными воззрениями, тысячи людей, удовлетворенные тем, что я лишь желал делиться с ними истинами, в которые сам глубоко верил, присоединились к нашей работе.

Впервые я поехал в Индию в 1958 году. Там в первый раз мне пришлось читать лекции для слушателей, которые в большинстве своем незнакомы с нашей работой. Это предоставило мне бесценную возможность научиться творчески применять учение Мастера.

Осенью 1959 года меня пригласили выступать после занятий перед студентами мужского колледжа в Симле — горной станции в Гималаях. Я отправился туда пешком, но, неправильно оценив расстояние, прибыл с опозданием на двадцать минут. Председатель студенческого совета, по рекомендации которого я получил приглашение, озабоченно встретил меня на улице студенческого городка, у подножья холма.

«Я не знаю, как они встретят вас, Свами. Дело не только в том, что вы опоздали. Мы ведь только что завершили собрание протеста против последнего вторжения Китая на территорию Индии. Мы кровью подписали петицию к правительству!» Он помолчал, вслушиваясь в шум, доносившийся с холма. «Вы послушайте их!»

С вершины холма неслись громкие и злые выкрики: раздавались сотни протестующих возгласов; сотни ног возмущенно и нетерпеливо стучали о пол зала.

— Свамиджи, — почти умолял он, — пожалуйста, разрешите мне отменить выступление.

—Но я не могу согласиться с вами,—возразил я.—Это будет означать, что нарушу данное им слово.

—Я опасаюсь лишь того, что они дурно обойдутся с вами!

Поднимаясь на холм, я надеялся на лучшее. Когда директор колледжа несколько нервозно представил меня, я отметил, что студенты многозначительно посматривали на дверь. Обстоятельства были далеко не идеальными для чтения лекции о достоинствах медитации!

Поэтому я начал с энергичной речи на тему, так волновавшую их умы: вторжения Китая. Я представил им те же события, может быть, более четко, чем им пришлось слышать в тот день. По мере выступления я сначала ощутил проблески интереса, а затем—растущее одобрение. Постепенно, почувствовав их поддержку, я подал мысль, что, возможно, ненависть, войны и другие противоречия в обществе являются, прежде всего, результатом внутренней дисгармонии в самом человеке. Даже мы, заявил я, хотя и не питаем ненависти к другим, все же можем не иметь того внутреннего мира и спокойствия, которых бы желали. Поэтому, если хотим мира другим, мы должны изменить прежде всего не их, а себя.

К этому времени студенты уже явно желали слушать меня дальше. Я начал говорить о йоге и медитации. К концу выступления они засыпали меня вопросами. Многие хотели знать, как можно изучить йогу. Директор колледжа стал умолять их прекратить задавать вопросы, поскольку из Симлы скоро уходят последние автобусы, развозящие их по окрестным деревням.

В Индии, психологически «прислушиваясь» к аудитории и адресуя слушателям ту истину, которую они были способны понимать, я научился устанавливать контакт с людьми, стоящими на различных уровнях духовного развития, и побуждать их к медитации. В1959 г. после лекции в колледже Махиндра, Патьяла, профессора говорили мне, что никогда в истории их колледжа ни один лектор не вызывал такого большого интереса. После моих лекций в аудитории публичной библиотеки Патьялы люди говорили: «Такого в нашем городе еще не было».

Спустя несколько недель, в Нью-Дели, тысячи людей записались на мои занятия по йоге. Я стал известен в Северной Индии как «американский йог».

Я неохотно принимал пастырство, но теперь с большей охотой служил Богу в этом качестве через людей и более ясно чувствовал Его благословение на всем, что старался делать.

Прежде чем начать сюи занятия в Нью-Дели, я пригласил наших местных членов Общества в номер гостиницы, чтобы обсудить некоторые планы. Они пришли с оглядкой, сидели тихо и осторожно предложили мне занять небольшое помещение в школе, где я мог бы выступить перед ними и их семьями и (может быть) несколькими друзьями. Однако я чувствовал, что Мастер советовал мне обратиться с его посланием к тысячам людей.

—Давайте возьмем в аренду большой шатер,—сказал я.

— Большой... шатер? — Они озабоченно сглотнули. — На сколько людей?

«Примерно на тысячу восемьсот человек», — ответил я. Выражение их глаз свидетельствовало о том, что они приняли меня за сумасшедшего. Наконец они уступили. Шатер был установлен на просторном участке Мейн Виней Нагара, в отдаленном районе Нью-Дели.

В день моей вводной лекции я медитировал в близлежащем доме. В четыре часа — время, объявленное как начало лекции, — пришел один из наших членов, чтобы сопроводить меня.

—Собралась целая толпа, Свамиджи,—произнес он безрадостно.—Около ста человек

Сто человек — для шатра, способного вместить тысячу восемьсот! Позднее мне рассказали, что один из наших людей стал бродить около шатра, расстроенно сокрушаясь: «О, мы потеряем свою репутацию!»

«Мастер, — молился я, смеясь про себя, — у меня было такое чувство, что мы соберем по меньшей мере тысячу восемьсот человек Это не было моим ***желанием.*** Если бы не пришел никто, это не смутило бы меня». Потом, вспомнив о склонности людей опаздывать, я сказал: «Давайте подождем немного».

Через семь минут этот человек вернулся и объявил: «Уже собралось двести человек, Свамиджи. Может быть, пора начинать?»

«Еще рано», — ответил я. Он ушел ломая руки.

В четыре с четвертью, облегченно улыбаясь, он вернулся. «Теперь собралось уже шестьсот человек. Может быть, начнем?» Я поднялся. За то короткое время, пока мы шли к шатру, толпа нарастала. А когда я взошел на кафедру, шатер был переполнен. В тот день меня слушали две тысячи человек Большинство из них позднее записались для участия в моих занятиях.

К концу лекции я объявил: «На время этой недели занятий, для тех, кто пожелает иметь личные беседы со мной, будет удобнее, если я буду жить побли-

зости. Может ли кто-нибудь пригласить меня жить в его доме?» Вскоре пятьдесят или даже более человек подошли ко мне с приглашением. С тревогой я подумал, что мне придется отказать всем, кроме одного. «Мастер, — молил я, — чье предложение мне следует принять?» И тут я заметил человека, чей взгляд привлек мое внимание. «Я остановлюсь у вас», — сказал я.

Позднее Шри Ромеш Датг, мой хозяин на той неделе, признался мне: «Годы назад я читал «Автобиографию Йога» Парамахамсаджи, и мне очень хотелось принять посвящение в *крийя-йогу.* Но я не знал, куца обратиться. Наконец я прочитал в газете о ваших лекциях в ста милях от нас, в Патьяле. Я решил взять отпуск в моем офисе и поехать туда, чтобы принять посвящение от вас. Но моя жена сказала мне. «Зачем ехать так далеко? Если у тебя есть вера, то Свамиджи приедет в Нью-Дели и совершит посвящение здесь. Более того, *он остановится в нашем доме!»* Поистине, Свамиджи, ваш визит в наше убогое жилище есть не что иное, как исключительное проявление благоволения к нам Бога!»

Читая лекции и разговаривая с людьми в различных штатах Индии, я постепенно стал понимать, как можно выполнить другое указание Мастера: писать. Годы я ломал голову над тем, что я могу сказать как писатель, чтобы хотя бы отчасти приблизиться к его глубокой философской и духовной проницательности. Я принесу пользу в качестве учителя или писателя, если буду знакомить людей с *его* посланием. *Он* Мастер, а я — лишь его инструмент.

И все же он говорил мне: «Еще *так много* предстоит написать!» Что он имел в виду? Через два-три года пребывания в Индии меня осенило, что путем писательства я мог бы «установить контакт» так же, как делал это, обращаясь к людям в своих лекциях, физически «прислушиваясь» к их нуждам. Я мог показать им, что даже мирских целей, к которым они стремятся, можно достичь, лишь если они будут учитывать духовные ценности. Сам Мастер, размышлял я, касался многих человеческих интересов. Возможно, я мог бы развить то, чего он касался только слегка. Сравнив его учение со ступицей колеса, я бы попытался показать, что множество спиц ведут к одной и той же ступице.

Одним из главных стимулов моего собственного духовного поиска было широкое распространение в наше время зла нигилизма. Для многих людей, ознакомившихся с теориями современной науки, трудно принять какие-либо моральные и духовные ценности. Идеализм они отбросили, как «сентиментальный». Среди окончивших колледжи интеллектуалов, которых я встречал даже в религиозной Индии, многие настаивали на том, что истина относительна, что не существует высших законов, что лучшим оправданием любого поступка является возможность избежать наказания. Многие из этих людей, неспособные совсем отказаться от моральных принципов, бросаются в объятая коммунизма

с его материалистической моралью просто потому, что он позволяет притворяться, что веришь во что-то. Кроме тою, очень часто, особенно на Западе, образованные люди, признававшие духовные ценности, не были в состоянии противостоять вызовам современной науки и вместо того, чтобы признать значение духовного, предпочитали «заметать его под ковер». Их верованиям, хотя и конструктивным, недоставало определенной интеллектуальной целостности.

Воспитанный на трудах Мастера и усвоивший ясные воззрения, которые он предлагает в наш век умственного смятения, я стремился помочь людям найти *подлитую* опору для духовной веры.

Нельзя сказать, что почти четыре года моего пребывания в Индии были посвящены только чтению лекций. Много времени я отдавал организаторской работе нашего Общества. Наряду с другими делами, я реорганизовал занятия, которые проводились раз в две недели в нашей индийской штаб-квартире. Перенеся техники и основные учения йоги в начало цикла и увеличив их объем, я старался проводить занятия в соответствии с ожиданиями новых учеников. Я написал ряд правил и руководящих указаний для нашего монашеского ордена в Индии и выполнял многочисленные поручения Дая Маты.

Среди моих счастливейших воспоминаний тех лет были довольно частые визиты к жившим в то время святым, некоторые из которых были широко известны, а имена других, менее известных в миру, следовало бы записать в Книгу Жизни большими буквами. Я уже упоминал о своем четырехдневном визите к Шри Рама Йоги, выдающемуся ученику Раманы Махарши. Другим великим святым, с которым мне довелось общаться значительно дольше, была Анандамайя Ма, «Пропитанная радостью Мать», которую с такой любовью описал Парамахамса Йогананда в своей автобиографии. Воспоминания о неделях, проведенных в ее святом обществе, я отношу к числу самых драгоценных в моей жизни; мне она представляется настоящим воплощением Божественной Матери. Я встречался также с Ситарамдасом Омкарнатхом и Моханандандой Брахмачари, двумя бенгальскими святыми; с Саньялом Махашаей, последним из живущих учеников Лахири Махашаи. Посчастливилось встретить Деоахара Бабу (тогда ему было 140 лет, а внешне он выглядел на сорок); Нимкароли Бабу, известного гуру своего преданного американского ученика Рам Дасса; Свами Шивананду, чьи святые ученики—Свами Чидананда, Сатчидананда,$енкатешананда, Сахаджананда, Вишнудэванандa и другие—сделали в последние годы так много для распространения учений Индии на Западе, Свами Пурушоттамананду, блаженного отшельника, рядом с чьей пещерой «Вашишта Гуха» близ Гималаев на Ганге я провел четыре недели в уединении; Его Святейшество Далай Ламу

Тибета; Его Святейшество Бхарати-Кришна Тиртху, Шанкарачарью Говардхан Матха, которого я ранее встречал в Америке; Его Святейшество Шанкарачарью из Канчипурама; и других.

Что меня особенно глубоко тронуло, так это исключительное почтение, которое проявляли те святые к моему любимому Гуру. Шанкарачарья из Канчипурама говорил мне: «Я встречал вашего гуру в Калькутте в 1935 году. С тех пор я следил за его деятельностью в Америке. Жизнь Йогананды в этом мире была подобна яркому лучу света во мраке. Такая великая душа приходит на землю очень редко, когда среди людей возникает в ней настоящая потребность».

Самое глубокое впечатление в Индии на меня произвел исключительно индивидуальный характер религиозного культа в этой стране. Некоторые из встреченных мною святых были столь непосредственно, можно даже сказать, великолепно эксцентричными в призывах жить лишь для Бога, а не для того, чтобы угодить человеческим желаниям. Насколько более свежим и жизненным был их индивидуальный подход к набожности, чем жесткие рамки соборного богослужения! Когда религия пытается обеспечить сохранение своей святости путем обобщения стандартов поведения, она перестает отвечать нуждам и потребностям отдельных людей, запросы которых столь разнообразны. С утратой гибкости она становится обреченной.

В мае I960 года, во время моего полугодового визита в Америку, Совет Директоров Общества Самореализации тайным голосованием избрал меня членом Совета и вице-президентом этого общества. Позднее в тот же год, после моего возвращения в Индию, я был выбран на тот же пост нашей родственной организации, индийского Общества Йогода-Сатсанга.

Мой новый пост в этой организации, довольно почетный, способствовал развитию внутреннего конфликта, который беспокоил меня ряд лет: как совместить мою роль организатора с деятельностью преподавателя, лектора и писателя, предписанной мне Мастером? Большинство наших сотрудников, которые почти никогда не посещали мои публичные лекции, видели во мне прежде всего организатора и старались еще более вовлечь в организационную деятельность. Шри Б. Н. Дуби (позднее—Свами Шьямананда), наш секретарь в Индии, пытался побудить меня взяться за работу управляющего делами в нашем правлении в Дакшинешваре.

—- Зачем? — воскликнул я. — Чтобы еще двадцать лет мне света белого не видеть!

—Совершенно верно, — подтвердил он.

Я знал, что Мастер никогда не хотел, чтобы я занимался учрежденческой работой. «Твоя работа, — говорил он мне, — писать, редактировать и читать лекции». Но как убедить других, что таково его желание? В силу импульса,

который я приобрел за годы организационной работы, даже мне было сложно перенаправить свою энергию, не говоря уже о том, чтобы изменить ожидания в отношении меня других людей. В более или менее предсказуемом потоке всех жизней бывают течения, которые увлекают нас, несут и иногда забрасывают в ситуации, к которым мы чувствуем себя не готовыми и которые могут оставить в нас убеждение, что мы являемся жертвами злой судьбы. Затем, по прошествии времени, спустя месяцы, а может быть и годы, мы приходим к пониманию, что случившееся с нами было не только неизбежным, но и божественно правильным для нас, возможно —даже источником необычайных благословений. Оглядываясь назад, я понимаю, что тогда в мою жизнь ворвалось кармическое течение, захватившее меня. Я оказался на распутье. Моя дилемма оказалась в фокусе внимания благодаря пониманию того, что миру от этих учений нужна не хорошо отлаженная организация, а энергичная, полная радости и сострадания помощь. Мы должны были контактировать с людьми там, где *они* есть, а не только эффективно помогать тем немногим, которые приходили к нам.

Не то чтобы я не понимал необходимости организации, которая будет работать более или менее эффективно. Но Мастер часто говорил нам (цитируя своего гуру, Шри Юктешвара): «Организация—это улей; Бог—это мед». Я был внутренне уверен, что сейчас гуру хочет от меня, чтобы я больше доставлял «мед» его учений изголодавшимся по истине душам и меньше трудился, совершенствуя улей.

В этом отношении меня вдохновлял пример Мастера. Он также изыскивал различные средства для улучшения духовной атмосферы Запада: через школы и колледжи, через «поселения всемирного братства» и демонстрируя людям целесообразность духовного образа жизни во всех ее сферах. Он понимал, что потребуется много кропотливой работы, прежде чем учения Индии смогут завоевать широкое признание на Западе.

Я все сильнее чувствовал, что он хочет, чтобы я посвятил себя развитию этого аспекта его работы: через посредство идей, особенно книг и лекций, помочь возделывать духовную почву нашего времени, чтобы сделать ее более восприимчивой к освобождающей миссии внутренней, божественной веры и *крийя-йоги.*

Задавшись этой целью, как я мог рассчитывать опубликовать свои книги (даже если я их напишу)? И как мне оправдать перед другими сотрудниками затраты времени на написание книг? Я был совершенно уверен, что наш издательский отдел не одобрит такой деятельности; немыслимо, чтобы они опубликовали книги типа тех, которые зрели в моем уме. У главного редактора хватало забот по изданию книг Мастера.

И все же когда я спросил Мастера: «Разве в *ваших* книгах не все сказано?» (в ответ на его утверждение, что мне придется писать), он ответил, как будто опешив от такой узости видения: «Как ты можешь говорить такое? Еще *так много* предстоит написать!»

Распутье, на котором я оказался, привело к конфликту исходных посылок одной, что организация первична и люди должны приспосабливаться к ней, если хотят получить то, что она может им дать; и другой, что люди и их духовные потребности первичны и организация должна постоянно им соответствовать. Считалось, что моим направлением являлась организационная деятельность. Но мои собственные представления на этот счет изменялись. Не то чтобы я с кем-то был не согласен, но в глубине меня жило постоянное ощущение, вдохновляемое, как я до сих пор считаю, моим Гуру, что моим приоритетом должно стать удовлетворение индивидуальных духовных потребностей людей.

Мне не хотелось бы углубляться в детали истории развития этого конфликта. Всегда лучше предоставлять их описание третьей стороне.

Вмешалась судьба, положив конец этой затянувшейся истории. Ничто из того, что я делал или мог бы сделать, не могло повлиять на результат. Глубоко во мне жило чувство, что предстоят какие-то перемены, хотя умом я не мог предположить или допустить того, что произошло в действительности.

Было выдвинуто обвинение, что в своем желании установить контакт и помогать людям (группам или индивидуально) я добивался личной власти. Впоследствии я старался сделать все возможное, чтобы «не переходить черты», и, видимо, продолжал бы всю жизнь, несмотря на разочарования, стараться согласовать то, что считал в глубине необходимым для работы, с тем, чего ожидали от меня другие. Ведь самое приоритетное для меня не имело ничего общего ни с какой работой, которую я мог бы сделать за это короткое время жизни на земле. Самым главным для меня всегда было найти Бога. И я исходил из того, что мое духовное развитие, необходимое для этого, зависит от служения Мастеру в рамках этой организации. Моим «тайным побуждением», если его можно так назвать, было угождать Богу через служение моему Гуру. Я считал необходимой верность ему и основанной им организации. Тогда я видел решение в том, чтобы научиться жить в условиях неприятия другими моих убеждений по поводу того, что является необходимым для работы, и в то же время делать все возможное (когда была возможность), чтобы по-прежнему советовать это товарищам по ученичеству.

Как оказалось, что бы я ни делал, я был не в силах изменить ход событий. Всякая попытка с моей стороны воздействовать на могучие потоки, с которыми я боролся, только ухудшала мое положение.

Наконец, несмотря на мои жалкие протесты, я был смещен —предоставленный воле волн, как мне тогда казалось, в шлюпке в безбрежном океане. Это произошло в июле 1962 года, на собрании в Нью-Йорке, куда я был вызван телеграммой из Индии.

Так как мой выход причинил боль не только мне, но и другим, я предпочел бы не вдаваться в сопутствующие обстоятельства, которые имели всего лишь процедурный характер. Теперь я понимаю, что моя отставка была полезной.

Была ли от нее пользу Обществу Самоосознания? Возможно, мои собратья по ученичеству продолжают так считать.

Пошла ли она на пользу мне? Определенно да! Ведь, как впоследствии подтвердили обстоятельства, были вещи, которые Мастер должен был осуществить через меня и которые я никогда не смог бы осуществить, не будучи предоставлен самому себе.

ГЛАВА 41

«ОН БУДЕТ ТВОЕЙ СИЛОЙ»

ГРОЗА, КОТОРАЯ ОБРУШИВАЕТСЯ с неистовой яростью на сельскую местность, дьявольский ливень, низвергающийся из низко нависших облаков, кажутся заклятыми врагами земного счастья. Однако в конечном счете они оказываются благотворными. Они омолаживают землю. После дождя появляются целебные травы; растения прибавляют в росте; повсюду благоухают цветы; от лесов и лугов распространяется свежий сладостный аромат. Даже порывистые ветры благодатны: они способствуют повышению стойкости и выносливости диких растений. Их более крупные, но изнеженные родственники в оранжереях не могут соревноваться с ними в силе и стойкости; жизнь их слишком легка

То же происходит, когда в жизнь человека приходят невзгоды и беды. Аристотель назвал благотворное влияние трагедии в литературе *катарсисом*. Искупительные переживания великой утраты очищают чувства человека и возвышают его над мирскими устремлениями и привязанностями, внутренне успокаивают его. То же относится и к личной трагедии. Хотя ее воздействие редко проявляется немедленно, в конце концов она возвышает чувства человека и умиротворяет его. Однако если привязанность слишком глубока, то очищение может быть отодвинуто на годы, даже на несколько перевоплощений, пока горечь не растворится в обретении понимания и приятия.

Настоящее счастье зависит не от внешних обстоятельств, а от *отношения* к тому или иному явлению. При правильной позиции можно быстро оправиться даже от большого горя. Чем быстрее человек придет в себя, тем большим будет духовный выигрыш, поскольку чтобы побороть страдания, когда буря еще бушует, требуется исключительный подъем внутренней энергии. В приобретенной таким образом внутренней стойкости страдание может открыть заслон на пути к святости. Так это происходило в немецких концентрационных лагерях во время Второй мировой войны с теми немногими героическими личностями, которые отказались капитулировать перед окружавшим их духовным мраком.

В своей собственной жизни я выдержал сильнейшую бурю, когда отделился от Общества Самоосознания. Даже то, что я выжил, казалось мне в то время новым несчастьем. Я страдал отчасти из-за своей приверженности к той работе, *

* Очищ ением. — *Прим, перев.*

а отчасти по причине, что, несмотря на все мои старания придерживаться позитивной позиции, на меня неоднократно налетали такие яростные порывы непонимания, что часто уносили меня, как уносится лист ураганом. Почему? Почему я теряю все, во что я верил и что мне было так дорого в жизни? Я искал ответы на эти вопросы в бесконечных молитвах. Увы, все ответы, казалось, были замкнуты в склепе равнодушного молчания. Надежда окончательно покидала меня.

О Мастер! Какое-то время я даже сомневался в вашей любви ко мне; никчемному ученику, которого вы, казалось, полностью покинули. Мне доставляю почти невыносимую боль даже читать ваши слова или слушать запись вашего голоса. Я мысленно припадал к вашим стопам и напоминал вам, что был неизменно предан вам, даже если вы отвергли меня. Признаюсь, в своем отчаянном одиночестве я чувствовал себя отвергнутым. И только через годы мне довелось понять и признать: то, что случилось, было благодеянием для меня и для тех добрых дел, которые вы могли бы совершить через меня.

Сначала мое затруднительное положение поставило меня в тупик. Конечно, я мог бы прийти к Богу разными путями, но мой путь был путем Мастера; я был предан этому пути. Как можно было примирить этот факт с моим отходом от его работы? Большая часть моих обязательств заключалась в служению ему, и в то же время я спрашивал себя, могу ли я вообще продолжать служение? Пока я работал в его организации, все представлялось совершенно ясным: служение Мастеру просто означало служение Обществу Самоосознания. Однако теперь, когда я был предоставлен самому себе, я опасался, что если буду пытаться служить ему, то это каким-то образом может оказаться *плохой* услугой. Мое беспокойство усугублялось еще тем, что после Дая Маты я был, возможно, одним из самых известных живых учеников Йогананды, особенно в связи с тем, что только я ездил с лекциями в разные страны мира. Члены Общества Самоосознания будут огорчены, обнаружив, что я больше не принимаю участия в работе. Не будет ли лучше для дела, если меня навсегда забудут?

Но мне предстоит еще прожить *мою* жизнь, жизнь, которая была беззаветно отдана служению Мастеру. Конечно, было немыслимо допустить, что единственным путем моего служения ему был *отказ* служить ему!

К счастью, истина никогда не относилась к категории невозможного. Это единственный надежный остров в бескрайнем море человеческого невежества. Моя ошибка заключалась в том, что я ограничивал Мастера его организацией, Мастера — этого великого Гуру, сознание которого присутствовало в каждой молекуле воздуха, которым я дышал! Действительно, он основал организацию, которая была надлежащей и официальной хранительницей его учения, но это не значило, что вне ее мир перестал существовать! Он сам часто говорил, что не

помышлял основать секту. Те ученики, которые могли работать в этой организации, хорошо делали, работая в ней, но что делать тем, кто не мог? Они не освобождались от долга служить ему в соответствии со сюими лучшими побуждениями и возможностями. Как учитель мирового значения, Парамахамса Йогананда принадлежал этому миру. И я, как его ученик, получил благословение поделиться тем, в чем так настоятельно нуждался этот мир.

Моя ошибка заключалась также в опасении, что, продолжая служить этому высокому делу, которое неразлучно с гармонией, я могу внести дисгармонию. Как может гармония породить дисгармонию? Даже когда гармоничная деятельность воспринимается дисгармонично, несправедливо осуждать ее, как нельзя порицать великолепную симфоническую музыку лишь за то, что некоторые слушатели предпочитают джаз.

С изменением моего положения мое отношение к Обществу Самоосознания не изменилось. Я так же глубоко, как прежде, верил в него. Несмотря на боль разлуки, мои чувства к этому обществу поддерживали меня как прежде. Я *знал*, какую оно проводило работу и какие ученики преданно служили ему. Но как же можно было меня порицать, когда лишь несколько человек реагировали дисгармонично на то, что я представлял необычную точку зрения об этой работе? Сокрытие от людей реального положения не является частью духовного воспитания.

К таким выводам я приходил нелегко, без самонадеянности; в течение ряда лет, тщательно выверяя каждый свой шаг, чтобы убеждаться в том, что почва, по которой я шел, выдержит меня. Поначалу я задал себе вопрос, допустимо ли для меня нарушить свои клятвы, обратившись к иному призванию, вместо служения Мастеру. Я чувствовал, что лучше бы я в таком случае умер. Несколько месяцев я страстно молился о разрешении умереть. Наконец мне стало ясно, что эта молитва, как и прежняя, останется без ответа. В конце концов я решил провести остаток своих дней в уединении и медитации, однако даже в этом желании мне было отказано.

Я не раз приступал к поиску подходящего места. Однако у меня не было достаточных средств, и я не знал никого, кто мог бы помочь мне. Не имея денег даже на пропитание, где в Америке я мог вести жизнь отшельника? Я мог установить палатку в лесу и ждать, что Бог накормит меня, как святого Павла Пустынника, к которому, как говорит легенда, каждый день прилетал ворон и приносил каравай хлеба. Но я не мог жить на частном владении без разрешения, а максимальный срок пребывания на государственной земле составлял две недели. С другой стороны, если даже Бог поддержит меня в случае ухода в лес с верой, то должен признаться, именно моя вера была наиболее сильно поколеблена.

Я бы с радостью вернулся в Индию. Там, я знал, можно было выжить отшельником. Я написал письмо Анандамайе Ма, великой святой, с которой я общался много недель, чтобы узнать, не пригласит ли она меня пожить в одном из ее ашрамов. Но по Воле Божьей, мне не суждено было воспользоваться таким выходом: мне отказали в восстановлении въездной визы в Индию. Кто-то в Индии, кажется из зависти, обвинил меня перед правительством в том, что я являюсь агентом ЦРУ и (о ужас!) замаскированным христианским миссионером. Неоднократные попытки опровергнуть эти абсурдные обвинения оказались безуспешными. И только через десять лет, когда я почувствовал в душе указание Бога возвратиться в Индию, все препятствия к моему возвращению туда рассеялись как туман.

Так получилось, что мои поиски уединенного убежища продолжались на Западе. Я пробовал жить во многих местах: посетил епископальные монастыри в Мичигане, Массачусетсе и в Южной Калифорнии; жил некоторое время в Римской католической обители близ Биг-Сура, в Калифорнии, и даже обдумывал вариант малоизвестной религиозной обители в Ливане. Я обращался за разрешением жить где-нибудь вдалеке от дорог, чтобы идти своим путем на владениях какой-нибудь религиозной общины; я предпочитал поселиться на освященной земле. Я изъездил Калифорнию, Орегон и Аризону, посетил Центральную Мексику в поисках места, где смог бы остановиться. Я даже просматривал рекламные буклеты малых стран Карибского региона, в надежде, что когда-нибудь приобрету там клочок земли. Все было напрасно.

Оглядываясь назад, я понимаю, что та духовная поддержка, которую я получал свыше, всегда давалась соответственно моей готовности служить другим. Пока я искал место для себя, ни одна дверь не открылась передо мной. И только признав, что Мастер все еще желает моего служения, я увидел, как двери широко распахнулись передо мной. Помощь, которую я стал получать с тех пор, была часто удивительной.

Невероятно, но в течение того периода, который был самым унылым в моей жизни, когда я чувствовал себя покинутым Богом и людьми, все же на каком-то глубоком уровне души я испытывал тихую радость, которая никогда не покидала меня. Как объяснить это? Эти противоречивые состояния сознания можно было сравнить с наблюдением через подзорную трубу. И хотя мое внимание было тогда сосредоточено на проблеме устройства собственной жизни и тяжелых переживаниях, в то же самое время виделась неясная радость. Я не мог четко различать ее контуры, поскольку она как бы ускользала от меня.

Конец лета и осень 1962 года я провел в доме родителей, в Атертоне — небольшом селении, в тридцати милях к югу от Сан-Франциско, в Калифорнии. Однажды вечером, в сентябре, они пригласили меня пойти с ними на обед в дом

мистера и миссис Дефги, их соседям на Уэлш-роуд. Я был уже готов отказаться, но потом подумал: «Какая у меня альтернатива? Лежать в комнате и смотреть в потолок?» — и решил идти с ними. В тот вечер среди гостей Дефги была супружеская пара из Индии, доктор и миссис Харидас Чаудхури. Узнав, что они выходцы из Калькутты, я стал говорить с ними на бенгальском наречии. Мы сразу поняли друг друга. Их скромное достоинство в сочетании с обаянием и острым умом, а также неподдельная простота произвели на меня исключительно благоприятное впечатление.

«Где же вы научились так бегло говорить по-бенгальски?» — спросили они меня. Когда я сказал, что провел несколько лет в Бенгалии, они поинтересовались, чем я там занимался. Мои родители, незнакомые с традициями Индии, представили меня в тот вечер как «Наш сын Дон». Теперь я назвал свое монашеское имя.

«Крияна́нда! — воскликнули они. — Ведь мы слышали ваши записи песнопений Йогананды. Какой у вас прекрасный голос! О, пожалуйста, вы должны прийти и петь в нашем ашраме седьмого октября. В этот день у нас будет служба в память Махатмы Ганди». Как оказалось, доктор Чаудхури был основателем и духовным руководителем хорошо зарекомендовавшего себя духовного общества в Сан-Франциско—Общества Культурного единения.

Меня это встревожило. «О, прошу прощения, но я в эти дни не готов к публичным выступлениям».

— Но ведь вам не придется читать лекцию. Мы только просим вас спеть. *Пожалуйста*, приходите! — Они трогательно улыбались.

Все же я отказался — столь вежливо, насколько был способен. Однако доктор Чаудхури не принял мой отказ. «Я чувствовал, что мне кто-то подсказывал, чтобы я настоял, — говорил он мне позднее. — С этой первой встречи с вами у меня было такое чувство, будто вы мой младший брат. В душе я был уверен, что именно по воле Бога вы должны вернуться к деятельности, к которой готовил вас гуру. Вы можете многое дать людям; очень жаль, если вы не будете делиться этим богатством с другими». В следующие дни он написал мне письмо и звонил несколько раз по телефону, убеждая принять его предложение.

Наконец я спросил себя: «Может быть, это и есть то указание, о кагором я молился?» Во всяком случае, иных наказов я не получал. Чтобы проверить эту возможность и посмотреть, что из этого выйдет, я согласился прийти.

Седьмого октября я пел *<Гокула Чандру»* («Луну Гокулы»). В этом популярном *бхаджане* (песнопении) говорится о муках набожного человека, которые он испытывал при расставании с вечным Спутником, Богом в облике Кришны: «Если мой Возлюбленный не вернется в Гокулу, то жизнь потеряет для меня всякий смысл. О друзья мои, я оставлю все и пойду искать Его. Если я преуспею

в этом, хотя знаю, что Его сознание беспредельно, как океан, все же я обовью Его своей любовью и сделаю Его навсегда пленником своего сердца!» В тревоге, как бы этим публичным выступлением не вызвать неудовольствие Мастера, я сначала очень нервничал. Но вскоре я был увлечен вдохновением этих слов, которые в то время так многое значили для меня. Впервые за последние два месяца, я вновь всем сердцем почувствовал благословение Мастера.

После окончания службы ко мне подошли два человека: один из Индийской студенческой лиги Калифорнийского университета в Дэвисе, а другой из Унитарианской церкви в Сан-Франциско — и пригласили меня прочитать лекции для их групп. Меня удивило, что простая песня могла стать причиной столь значительных приглашений. Объяснив это простой случайностью, я отклонил приглашения, оставаясь непреклонным, даже когда они просили пересмотреть мое решение.

Каково же было мое изумление, когда через несколько недель, подобно доктору Чаудхури, они продолжали настаивать. Сначала они писали мне. Потом неоднократно звонили по междугородному телефону. Наконец я взмолился: «Мастер, может быть, это *ваша* воля?» Только один раз, когда я вновь появился на публике, мое чувство настроенности с ним не ослабло, а углубилось, а эти приглашения свидетельствовали о каком-то роде руководства мной. Но мой внутренний голос хранил полное молчание. Наконец я согласился.

К моему изумлению, все повторилось. На этих двух лекциях я снова чувствовал благословения Мастера, чего я не ощущал за недели отчаянных молитв в доме родителей. Но ведь во время чтения лекций, очень боясь вызвать неудовольствие Мастера, я должен был бы чувствовать себя *хуже.* Может быть, размышлял я, именно уклонением от общественной деятельности я на ежом деле *противился* его воле? Во всяком случае, два его особых наставления мне сводились к писательству и чтению лекций. Однако будучи столь несчастным, чем я могу делиться с другими, кроме своей боли? И все же невероятно, но люди говорили мне, что после тех лекций они испытывали чувство радости!

Доктор Чаудхури пригласил меня прочитать лекцию в его ашрже, подкрепив свое приглашение искренним советом: «Я чувствую, что именно на такую работу Бог благословляет вас». На этот раз я проявил готовность принять его предложение и согласился с назначенным им временем моего выступления. Он также настоял на том, чтобы я провел ряд занятий по *раджа-йоге* в Американской академии по проблемж Азии в Сан-Франциско, членом которой он был. И лекции, и занятия означали для меня, помимо прочего, возможность получить некоторые средства, в которых я очень нуждался.

И все же я продолжал энергичный поиск подходящего места для уединения.

Я уже упомянул, что посетил одно такое место — Нью-Камалдоли, к югу от Биг-Сура, Калифорния, — Римскую католическую обитель. Дон Педро Ребельо, настоятель обители, почтенного вида человек с добрыми глазами и длинной белой бородой, был выходцем из Южной Индии. Мы как-то сразу сошлись друг с другом. Дон Педро согласился устроить меня в их уединенном доме, несмотря на то, что я не был католиком. Он высказал искреннюю надежду, что я перейду в их веру и войду в их орден. Я оставался у них шесть месяцев и глубоко благодарен за то отдохновение, которое они мне предоставили. Но было ли это тем местом, где я должен остаться по желанию Мастера? Этого я не чувствовал. И перейти искренне в католическою веру для меня было бы невозможно. Независимо от моих глубоких переживаний относительно служения Мастеру, церковь придерживалась принципов, которых я просто не мог принять, включая то, что я называю *ущербностью* католицизма, ограниченностью, хотя думаю, что некоторые из монахов за время моего пребывания там стали в этом отношении помягче. Случилось так, что, не обратив меня в свою веру, некоторые из них стали просить меня научить их методам медитации по системе йоги. Сам Дон Педро в конце концов пришел к тому, что попросил у меня посвящения в *крийю* и признал Мастера своим гуру «во Христе».

Там же через пару месяцев несколько послушников пытались обратить меня в свою новую веру. Я вовсе не хотел поколебать их настрой, давая им ответы, к которым догмы их не готовили, но не был в состоянии избавиться от их постоянных обращений ко мне. Результатом безуспешных усилий по обращению меня в свою веру стало то, что они начали сомневаться в собственных верованиях. И тогда мне стало ясно, что для меня единственным достойным решением в данной ситуации было совсем уехать из их общины. Едва я пришел к такому убеждению, как сам приор высказался в том духе, что дух послушников будет спокойнее, если меня поблизости не будет.

Мое пребывание в Нью-Камалдоли во многих отношениях помогло мне, хотя я был втянут в теологические дискуссии и не нашел спокойного уединения, которого искал. Наряду с прочим, отшельники показали мне ряд исключительно интересных книг, некоторые из которых были написаны христианскими святыми. Именно из них я выписал многие цитаты, которые поместил в главе «Истоки христианства» этой книги. Я начал собирать материал для книги, замысел которой возник у меня еще после ухода из Общества Самоосознания. После возвращения в прибрежный район Сан-Франциско я продолжил свои исследования в Стэнфордском университете. Доктор Чаудхури оказывал мне содействие рекомендациями и советами. Так, постепенно я начал выполнять указание Мастера, занимаясь писательством.

Даже теперь, к недовольству доктора Чаудхури, я настаивал, что все, что мне надо, — уединение. Хотя я и чувствовал благословение Мастера, когда читал лекции, но решил, что, пока он не объявит мне свою волю, я не позволю себе считать, что моя публичная деятельность была его истинным желанием.

Осенью 1963 года я решил поехать в Мехико, чтобы подыскать место, где мог бы ради возвращения себе точки опоры прожить несколько месяцев достаточно дешево, растягивая небольшие средства, которыми располагал.

Доктор Чаудхури, всегда заботившийся о моем благополучии, делал все для того, чтобы я не допустил, как он считал, ошибочного шага. По его рекомендации я остановился в Седоне, Аризона, в доме его друзей — мистера и миссис Николас Дункан. Я подозреваю, что он им написал, чтобы они предложили мне остановиться на их ранчо. Во всяком случае, они так и поступили. Следующие три месяца я жил бесплатно в домике на ранчо. Я жил очень скромно, тратя десять долларов в месяц. На долгие часы я погружался в медитацию, а остальное время писал свою книгу.

Действительно ли Мастер *хочет*, чтобы я писал эту книгу? Это было моим последним сомнением. Я страстно молил о руководстве. Однажды ночью ко мне пришло подтверждение в форме видения. Сначала я видел обычный сон, в котором обсуждал с друзьями свой будущий опус.

«Чтобы написать такую книгу, — воскликнул я, — нужно быть готовым поломать все кости своего тела!» Потом, с глубокой страстью произнес: «И я *готов* к этому!» Как только это было сказано, я ощутил сильнейший прилив энергии вверх по позвоночнику. Сначала я перешел в сознательное состояние, а потом в состояние сверхсознания. Раскрытая книга, которая появилась передо мной, была той книгой, которую я намеревался написать. Моя готовность во сне переломать все свои кости относилась к моему стремлению быть полностью духовно искренним, даже если это означало бы развенчание всех предубеждений. Только обладая душевной искренностью, стоило писать такую книгу. Я должен был приступить к ней с точки зрения открытого и беспристрастного ума, чему противостояли и моя собственная природа, и воспитание, и убеждения.

Как впоследствии оказалось, это было самым трудным испытанием, которое мне пришлось пройти при написании этой книги, первый том которой я опубликовал спустя несколько лет под заглавием «Кризис современной мысли».

Во время моего пребывания в Седоне доктор Чаудхури написал мне и спрашивал, не могу ли я этой зимой провести несколько занятий в его ашраме в Сан-Франциско. Его настойчивость озадачила меня. «Он *знает,* что я хочу быть в уединении», — думал я. Я ответил ему письмом, в котором отклонил приглашение. Однако странно, но я знал, что не только буду той зимой проводить

занятия, а даже буду *жить* в этом ашраме! Как все это может случиться, хотел бы я знать?

Через три месяца после моего приезда в Седону супруги Дункан решили поехать в Индию. С их отъездом я терял место своего обитания. В то же время родители просили меня провести с ними Рождество в Атертоне. После некоторых размышлений я решил возвратиться туда на праздники, а потом, после Нового Года возобновить поиски места уединения в Аризоне или в Мексике.

После возвращения в прибрежный район Сан-Франциско я вместе с супругами Чаудхури принял участие в праздничном обеде субботним вечером. Мы распрощались с компанией уже на улице. Я планировал в следующую среду отправиться в Аризону. Супруги Чаудхури дружески пожелали мне счастливого путешествия. И все же, как ни странно, даже после того, как мы попрощались, я знал, что не уеду.

На другое утро во время проповеди доктор Чаудхури упал от сердечного приступа. Его сразу же отвезли в больницу, где доктора сказали ему, что пройдут месяцы, прежде чем он сможет возобновить чтение лекций. В ашраме его было некому заменить. Когда я узнал о случившемся, единственным выбором было предложить свои услуги вместо него. Дружба, которую он дарил мне в мои трудные в духовном смысле дни, была достойна всего, что я мог бы сделать для него в то время. Я позвонил его супруге Вине.

— О, слава Богу! — воскликнула она. — А я все думала, смею ли просить отложить вашу поездку, зная, как сильно вам хотелось уехать. Но если вы сможете остаться и помочь нам, это было бы поистине Божьим даром!

Таким образом случилось, что я занял место доктора Чаудхури в качестве священника ашрама, где я прожил год, несколько лет проводил воскресное богослужение, а по средам проводил занятия.

Последние полтора года Мастер не раз захлопывал передо мною любую дверь, кроме той, что вела к продолжению моего служения людям, и наконец он протиснул меня именно через эту дверь. Теперь казалось совершенно ясным, что направлением, по которому я должен идти в жизни, было продолжение служения ему посредством писательства и чтения лекций.

Проживая и проповедуя в Сан-Франциско, сначала в ашраме, а позднее в собственной квартире, на Шестнадцатой Авеню, 220, я посвятил себя изучению ведущих философий нашего времени и размышлениям о том, как примирить материализм, с сопутствующим ему духовным бесплодием и страданиями, с истинами, которые, как я знал из собственного опыта, способны служить человеку опорой даже во времена невыносимой печали. «Люди так изобретательны в своем невежестве!» — воскликнул однажды Мастер. Я поставил перед собой задачу сражаться с этим невежеством за превращение его в растущее духовное

преимущество. Я изучал работы атеистов: Жан-Поля Сартра и других; мыслителей движения «New Age» («Новый Век»), которые предлагали лишь мирские решения вековых духовных проблем; ученых, которые заявляли, что найдут в физике, химии и биологии опровержение древних духовных писаний; ученых —представителей новой «этики», верящих в то, что видят в относительности опровержение общепринятого закона нравственности; теологов, которые защищали духовные истины, не оценив силы противника, и выдвигали слабые аргументы, которые лишь способствовали сдаче позиций. Многие плоды этих исследований находили свое отражение на страницах медленно продвигавшейся книги «Кризис современной мысли», а также в лекциях и занятиях, которые всюду воспринимались со все большим интересом.

В надежде воздействовать на сердца и умы людей я начал также писать песни. Во многих из них я выражал философию радости. Первый записанный мною альбом «Скажи *ушзшДА!»* вышел в свет в 1965 году. Люди писали издалека, что после прослушивания этих песен к ним возвращалась надежда.

— Мой брат, — писала одна женщина с восточного побережья, — долго страдал от хронической депрессии. После того как я подарила ему запись ваших песен, он все время слушает их. Он просто не хочет ничего другого! И, кажется, он теперь чувствует себя много счастливее.

Иногда люди говорили мне: «Нуда, *вы* можете писать радостные песни. Вы сами никогда не страдали». Я отвечал: «Как раз *потому,* что я страдал и извлек из страданий уроки, я получил право петь счастливые песни! Ведь истинное счастье—это не то, что человек испытывает, когда его дела идут хорошо. Сила определяется способностью подняться над страданиями».

Кроме «Кризиса современной мысли», я написал и опубликовал несколько других книг, каждая из которых предназначалась для людей различных настроений и интересов, чтобы показать, что их интересы могут быть удовлетворены по-настоящему лишь при условии принятия духовных ценностей.

Со временем я основал пристанище для медитации и духовную общину в соответствии с идеями «поселений всемирного братства» Мастера.

Постепенно я вновь научился доверять интуитивным ощущениям. Чем больше я доверял им, тем явственнее чувствовал в себе внутреннее руководство. Я больше не боялся прислушиваться к своему внутреннему голосу, поскольку убедился, что при такой покорности меня всегда ожидал успех, гармония и более широкий взгляд на жизнь, тогда как непокорность приводила к дисгармонии и потерям.

В годы, последовавшие за моим большим испытанием, я неоднократно чувствовал проявления божественной помощи.

В 1968 году я переживал серьезный финансовый кризис. Стоимость сооружения здания медитационного ретрита «Ананды», которое я строил в то время, на много тысяч долларов превосходила первоначальную оценку, а также мои сбережения. Мои многочисленные кредиторы согласились, чтобы я делал ежемесячные выплаты до покрытия своих долгов. Ежемесячно, с Божьей помощью, я смог бы выполнить свои обязательства.

Однако местная лесозаготовительная компания, с которой я расплачивался регулярно, решила воспользоваться «посланной Богом» возможностью, чтобы захватить нашу землю, и наложила на нее арест. Затем от их адвоката пришло письмо, в котором меня ставили в известность, что если мы за две недели не погасим весь долг, то они лишат меня права выкупа закладной.

«Божественная Мать, — молился я, — что мне делать?» Я не имел представления, где можно достать столько денег вовремя.

Через два дня, вечером, я демонстрировал привезенные из Индии цветные диапозитивы группе людей в частном доме, в Пало-Альто, штат Калифорния. Только хозяйка дома знала меня, но даже она не знала о финансовом затруднении, которое я переживал. Я сам в тот вечер не говорил об этом. Однако позднее один из гостей подошел ко мне.

—Я хотел бы помочь вашему делу,—сказал он.—Вы не примете денежное пожертвование?

— Очень благодарен вам, — ответил я, ожидая, что он даст мне чек на пять или десять долларов.

Он вручил мне чек на три тысячи долларов! В тот месяц после оплаты всех расходов, включая долг лесозаготовительной компании, на моем счету в банке остался один доллар и тридцать семь центов!

— Божественная Мать, — молился я, — как великолепна Твоя доброта и как точна!

В 1972 году я почувствовал внутреннее указание ехать в Индию. Деньги на дорогу поступили от моих друзей, а также за занятия, которые я проводил ранее. Однако неожиданно возникли чрезвычайные обстоятельства, единственным выходом из которых было потратить большую часть денег, которые я скопил на дорогу.

— Божественная Мать, — молился я, — если Ты действительно хочешь, чтобы я поехал в Индию, Ты должна мне немедленно вернуть эти деньги. Иначе я не смогу купить билет.

Сказав это, я заплатил тысячу сто долларов. Это было в пятницу вечером. В следующий понедельник утром я получил письмо от совершенно незнакомого мне человека и чек на тысячу долларов! В сопроводительном письме требовалось, чтобы я потратил эти деньги «как пожелает Божественная Мать». Пожерт-

вования таких крупных сумм редко приходили в мой личный адрес, и когда я получал их, то обычно тратил на наше дело. Но в этом случае я думал, что будет справедливым использовать эти деньги на мою поездку.

В Общине Всемирного Братства «Ананда» (Ananda World Brotherhood Village), где я теперь живу, однажды во время медитации я увидел план здания издательства. Согласно ему нужно было построить крышу необычной конфигурации. Когда наши плотники приступили к работе, задача оказалась им не по плечу. Советы, предлагавшиеся со всех сторон, не давали результата. Наконец, из-за недостатка необходимого опыта, работа была остановлена. Плотники спустились на землю, медитировали и молились о помощи. Потом, посчитав, что лишены помощи свыше, готовы были оставить эту работу.

В этот момент подъехала автомашина, и из нее вышел человек. Объяснив, что он является подрядчиком-строителем из Санта-Барбары, в сотнях миль от этого места, он сказал: «Я подумал, что, может быть, вам нужна помощь».

Люди рассказали ему о своем затруднительном положении.

— Вам повезло, что я оказался здесь, — сказал подрядчик — Я, возможно, единственный человек в Калифорнии, которому известна технология, необходимая для выполнения такой работы!

«...Испытайте Меня, говорит Господь Саваоф: не открою ли Я для вас отверстий небесных и не изолью ли на вас благословения до избытка?» (Малах. 3:10)

Наше здание издательства возносится теперь как великолепная дань Богу за Его постоянную заботу о Его почитателях.

Так, вручая свою жизнь руководству Бога и не сдерживая себя из страха не угодить Ему и Мастеру, я обнаружил, что все в моей жизни стало складываться к лучшему. Теперь я с радостью мог сказать, что Бог с любовью присматривал за мной даже в самый мой трудный час.

Мирским людям сама мысль о том, что Бог проявляет заботу о Его земных детях, представляется абсурдной. Проявление божественной заботы сокрыто от скептиков, которые взвешивают все вещи, явления и самые утонченные чувства, словно металлы разной плотности, на неточных весах логики. Для таких людей, как сказал Гегель, «все действительное разумно, а все разумное действительно». В этом свете законы Вселенной кажутся надличностными, даже жестокими. Утверждению, что Бог есть Любовь, рационалист противопоставляет реальность страданий бесчисленных миллионов, вопиющей несправедливости и грубого нарушения законов нравственности в отношении невинного детства и беззащитной старости. «Как, — спрашивает он, — Бог, допускающий такую колоссальную несправедливость и несчастья, может чувствовать любовь к своим созданиям?» Неудивительно, что даже среди людей религиозных многие, разду-

мывая над этой дилеммой, склонны смотреть на Бога как на Господа гнева, а не любви.

Однако охота за сокровищем утратила бы свою привлекательность, если бы истина утверждала себя подобно сенатору, добивающемуся своего переизбрания погоней за голосами. Иисус сказал: «Ты утаил сие от мудрых и разумных, и открыл младенцам». Дело в том, что искренний, как ребенок, приверженец Бога, открывающий Ему свое сердце, особенно во время медитации, наполняется такой исключительной любовью, что у него просто не остается сомнения в доброте Бога. Созерцая Вселенную своим преображенным оком, он осознает более высокое назначение всех творений, нежели скоротечные достижения в земной жизни. В страдании он видит полезные уроки для души. Он понимает, что если научился принимать все происходящее спокойно, как дар от Бога, то за несчастьями обязательно последуют благодеяния. С растущим изумлением он принимает неоднократные свидетельства того, что Бог действительно проявляет о нем заботу.

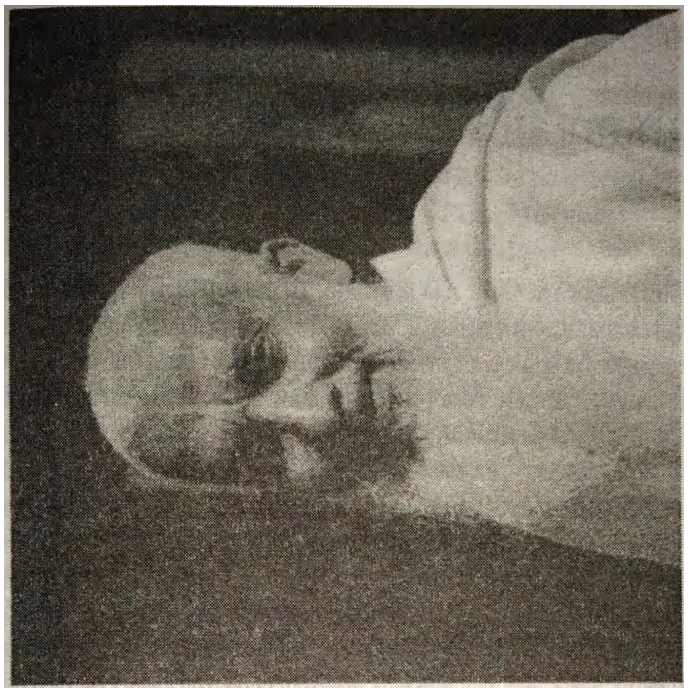
Глупый сентиментализм? Так думает толпа, которая из-за эгоизма, озабоченности собой и отсутствия веры отвергает помощь, которую Бог с любовью предлагает всем Его творениям. Музыкант, который отказывается играть на своем инструменте в унисон с оркестром, не имеет права жаловаться на то, что диссонирует с ним. Человек, который создает дисгармонию в собственной жизни, видит дисгармонию везде. Есть ли вина в том Бога?

«Бог действительно говорит, — сказал Йогананда, — если вы не заботитесь прежде всего о себе». Вновь и вновь в своей жизни и в жизни других людей я был свидетелем тому, как Бог с любовью отвечал верующим, которые без остатка вверяли Ему свои жизни.

— Если бы вы только знали, Чьими сыновьями вы являетесь, — говорил Мастер, — и какой огромной территорией вы владеете, то вы отдали бы все остальное!

Когда я снова научился полностью во всем полагаться на Бога, сильнейшая буря моей жизни утихла. Мое сердце стало чище, сильнее и благодарнее. В дни моих глубочайших печалей я получил послание от Анандамайи Ма: «Прими эту свою печаль как милость твоего гуру». *Милость?* Если в то время я не мог принять в качестве объяснения моих печалей какое-то слово, то—именно это! Но сегодня я понимаю, какой милостью была моя утрата — самая большая из тех, которые я мог себе представить тогда.

* Лук. 10: 21.

Отец Ребелью, настоятель обители католического монастыря в Нью-Камалдюли, к югу от Биг-Сура, штат Калифорния. Отец Ребелью принял Мастера своим «гуру во Христе».

Доктор Харидас Чаудхури и его супруга Бина.

ГЛАВА 42

МЕНЬШЕ ЗНАЧИТ ЛУЧШЕ

ГОСПОДЬ КРИШНА в легендах описан как юноша, играющий на флейте на берегах реки Джамны, призывая своих друзей уйти от их мирских увлечений к божественному поиску внутри себя. Все люди, сознательно или бессознательно, слышат этот призыв души к духовному совершенствованию. Каждый раз, когда пение птиц очаровывает нас, напоминая, какой прекрасной могла бы быть жизнь, будучи настроенной на более простые мелодии, мы слышим этот зов. Мы слышим его, когда закат напоминает о том, какую красоту мы не заметили в жестокой борьбе за успех; когда звездная ночь напоминает о Бескрайности и Молчании, которые тонут в шумихе и хлопотах о себе. То, как люди внимают этому зову, зависит от степени увлеченности своими пристрастиями. Чем меньше мы уделяем внимания служению себе, тем дальше сможем распространить свое сознание в Бесконечность.

Увы, современное общество построено почти на противоположном принципе. Оно твердо убеждено в том, что чем больше у человека собственности, чем большем времени он тратит на разные удовольствия и развлечения, тем счастливее становится. Потребительство объявляется чем-то вроде моральной ценности: «Трать больше, чтобы появилось больше рабочих мест и больше разной продукции, чтобы можно было тратить еще больше». Конечно, не будет ошибкой пользоваться удобствами современной цивилизации, которые стали возможны благодаря хорошо разработанным методам массового производства и распределения. Ошибкой будет тратить слишком много энергии на осуществление этих внешних целей ценой внутреннего мира и осознанности. Ошибка в том, что эта погоня за собственностью ведет людей к ложному убеждению, что приобретение более важно, чем дарение, а самовозвышение важнее, чем служение; что с обязательствами следует считаться лишь до той поры, пока они служат твоим собственным интересам; что самые веские мнения и идеи — это те, что получили самое широкое распространение; и что мудрость, успех и счастье можно производить таким массовым потоком, как радиодетали. Ошибка в том, что люди теряют связь с собой и утрачивают счастье. Возможно, еще не было столетия, в котором такое множество людей чувствовали себя столь отчужден-

ными от себе подобных и от самой жизни, столь неуверенными в себе и в своих соседа, столь нервозными, боязливыми и несчастными.

Потребительство, поднятое в наше время до статуса нравственного закона, отвергает, как устаревшие, некоторые фундаментальные вековые доктрины — будто способность строить самолеты и телевизионные приемники дает нам право заявить, что мы лучше, чем Иисус, Кришна, Будда или Лао-цзы, знаем, как жить. Если бы пророк современного потребительства стал читать свою Нагорную Проповедь, то он начал бы словами: «Благословенны те, кто хватают, и получают свое». Мы получили возможность лицезреть результаты такой философии, и они далеко не привлекательны. Природа человека не изменилась. Те, кто игнорирует ее основные принципы, несут свои наказания, будь то нетерпеливые и незадачливые погонщики верблюдов, несчастные пилоты реактивных самолетов или корпоративные чиновники.

Дело не в том, что то, что мы имеем сегодня,—плохо. Решение состоит не в возвращении к примитивизму или какой-либо иной культуре, которую наше воображение может представить нам в романтическом ореоле. Эти культуры имели свои проблемы. Мы живем сегодня. Что необходимо изменить, так это наши *приоритеты.* Как и в любом веке, нам нужно поставить материальные нужды *после* человеческих и духовных. Принципы, которые проповедовал Парамахамса Йогананда, могут, если их принять, исправить духовный дисбаланс нашего времени.

Одной из насущных нужд сегодня является то, что Йогананда называл «поселениями всемирного братства», которые могли бы облегчить формирование целостного, хорошо сбалансированного образа жизни и послужить примерами преимущества такой жизни для всего человечества. Такие общины единомышленников не должны быть обособленными, как средневековые деревни; и ни в коем случае они не должны означать возврат к прошлому; но они должны стать неотъемлемой частью нашего времени.

Духовные общины прежде всего необходимы для развития глубокой духовной осознанности. Парамахамса Йогананда приводил такое сравнение: молодое деревце нуждается в защитной ограде от травоядных животных, пока не станет достаточно большим и сильным, чтобы противостоять им. Так же и верующий нуждается в защите в виде духовной среды, пока не обретет достаточную силу, чтобы преодолеть бурные потоки мирских соблазнов. Сегодня люди, которые остро осознают необходимость более духовного образа жизни (общества и конкретно себя), встречаются с трудностями, сопутствующими такому развитию. В ответ на провозглашение необходимости духовных ценностей со всех сторон раздаются возгласы в защиту изобилия, которое, якобы, является ответом на все нужды людей. В результате возникает духовная сумятица. В последнем

исследовании общественного мнения детям в Америке задавали вопрос о том, кого они считают своими героями? Большинство назвали актеров из любимых телепрограмм. Следующая по численности группа детей назвала известных спортсменов, затем следовали выдающиеся политики. И лишь потом известные писатели или ученые — они составляли всего два процента героев. Никто не выбирал людей по их духовным качествам. Когда доктор Радхакришнан был вице-президентом Индии, он однажды сказал мне «Нацию знают по тем людям, которых ее собственный народ считает великими». Даже исходя из этого подхода должно быть ясно, что духовность Америки (хотя потенциально она огромна) требует пристального внимания. Духовные общины единомышленников, «поселения всемирного братства», дают людям кардинальное решение одной из самых насущных проблем нашего времени—предоставить возможность тем, кто желает развиваться духовно, сделать это в благоприятной среде, а также для всего мира служат ярким примером того, что духовные принципы могут работать.

Одно из фундаментальных требований нашего века заключается в том, чтобы люди вновь «пустили свои корни». Мы слишком далеко распространились вовне и ушли от самих себя, от естественных ритмов планеты, на которой живем. Даже в наших внешних человеческих связях мы утратили контакт с реальностью. Сегодня средний человек в Америке за свою жизнь переезжает четырнадцать раз, меняя место жительства не только в пределах своего района, но переезжая в другие города и даже штаты. Одиночество становится хроническим состоянием. Вместо глубоких и крепких уз, которые формируются у людей, когда они делят между собой неудачи и победы, ныне дружба часто сводится к беседе за коктейлем, к пикнику с шашлыком на внутреннем дворике. Мы знаем, что люди предпочитают высмеивать друг друга, а не плакать вместе, не доверять друг другу, не приходить на выручку в часы невзгод. Небольшие общины духовно близких людей представляют собой жизнеспособную альтернативу обезличивающим веяниям нашего времени. Люди, живущие и работающие совместно, делящие между собой страдания, совершенствование, познания, радости и успехи, углубляют связи между собой, что способствует внутреннему, духовному пониманию.

Небольшие общины единомышленников не просто демонстрируют миру ценность уже обретенных учений и техник. Из истории известно, что величайшие достижения всегда были результатом «перекрестного опыления», взаимодействия в среде относительно небольших групп людей с одинаковыми идеалами. Мы наблюдаем это в золотом веке греческой философии; среди небольших сообществ ранних христиан; среди художников и писателей итальянского ренессанса; в золотом веке музыки в Германии; и в эпоху великой колониальной

мощи Великобритании. Прогресс культуры зависел от небольших групп людей, у которых появлялась возможность конструктивного общения друг с другом, которые дружески относились друг к другу, давали и обретали и имели возможность знать, с *кем,* а не только о *чем,* они говорили. Такое взаимодействие на массовом уровне недостижимо. Никто не может хорошо знать слишком много людей. Сегодня нереально существование элиты, подобной английской аристократии времен колониального владычества. Современное общество — это общество ревнителей равноправия. Сегодня решение состоит в том, чтобы небольшие группы людей, вместо того чтобы занять позицию превосходства над остальным обществом, несколько отошли от него, конструктивно взаимодействуя в своей среде.

Такой процесс уже начался. В конце шестидесятых и в начале семидесятых годов многие люди двинулись в деревню, купили землю и создали небольшие общины единомышленников. Конечно, тысячи потерпели неудачу, однако некоторые оказались весьма успешными. Уроки, которые одни извлекли из своего опыта, безусловно помогли другим приступить к формированию подобных общин.

Более того, в наиболее успешных общинах развивается сознание их *общности*, участия в эксперименте национального и даже международного масштаба В них постепенно возникают и распространяются новые понятия о браке, образовании, дружбе, сотрудничестве, бизнесе, истинной цели жизни, и других областях жизни, — понятия, значимые как для горожан, так и для сельских жителей. Это движение может приобрести огромное значение для современной цивилизации в целом.

Парамахамса Йогананда придал общинной идее новый импульс (более значительный, чем думает большинство людей) своими лекциями, книгами и просто силой мысли, которую он, по его словам, посылал в эфир.

Чтобы способствовать дальнейшей реализации этой идеи, я сам основал одну из нескольких новых преуспевающих общин в Америке Я назвал ее «Ананда — Община Всемирного Братства». *Ананда* — санскритское слово, которое переводится как «божественная радость». Община «Ананда» — место, где живут верующие всех общественных и социальных положений и занятий, — семейные, одинокие или монахи, которые чувствуют потребность в том, чтобы связать свою работу и жизнь со служением Богу и с медитацией. Все члены общины «Ананда» являются учениками Парамахамсы Йогананды. Приняв за основу учение Йогананды, мы учимся применять его к жизни во всех ее аспектах.

В расположенной на холмах Сьерра-Невады, в северной части Калифорнии, общине «Ананда», владеющей общей площадью в 650 акров, постоянно проживают более ста ее членов, в ней имеется медитационный ретрит (куда приглашаются желающие), три школы «образа жизни» (начальная и средняя школы), ферма, различные вспомогательные производства, частные дома для семей, два монастыря — словом, все необходимое для духовной общины.

Прообразом общины «Ананда» является идеал «поселений всемирного братства» Йогананды. Но еще в молодости, в возрасте пятнадцати лет, задолго до встречи с ним, я (возможно, как предназначенный ему ученик) обрел особый настрой на этот аспект миссии. Тогда меня осенила идея основать когда-нибудь такую общину. Мне кажется, что никогда в жизни эта идея не покидала меня.

В долгие месяцы обучения и раздумий в колледже я развивал свою мечту дальше, попытавшись, хотя и безуспешно, уговорить своих друзей основать со мной общину. Когда я отказался от своих прежних внешних стремлений и принял своим Гуру Парамахамсу Йогананду, я с великой радостью узнал, что он разделяет это мое стремление. В день его вдохновенной лекции в Беверли-Хилс, когда он призывал: «Не только те, кто присутствует здесь, но тысячи молодых должны отправиться на север, юг, восток и запад, чтобы земля покрылась небольшими колониями, демонстрирующими, что простота жизни, дополненная возвышенным мышлением, приведет к величайшему счастью!», — я поклялся сделать все, что от меня зависело, чтобы эта мечта стала реальностью. Впоследствии я использовал любую возможность для изучения его идей по этому вопросу. В пятидесятые годы я изучал опыт других общин, советовался с людьми, которые могли помочь мне предложениями по различным практическим аспектам жизни в общинах; читал и размышлял о причинах распада таких общин и не упускал любую возможность посетить действующие общины в Европе, Израиле и Индии. Сама моя работа в качестве главы монахов в Центральном Правлении и в качестве священнослужителя открывала передо мной безграничные возможности по изучению всей сложности взаимоотношений в группах.

Я всегда считал, что если создам такую общину, то эта деятельность будет вестись под эгидой Общества Самоосознания. После моего выхода из этой организации я понял, что, если буду продолжать работать для Мастера, это будет как раз тем аспектом его миссии, которым можно заниматься, не вторгаясь в сферу деятельности его собственной организации. Насколько я знал, из всех учеников только я предназначался для реализации этого аспекта его работы.

В 1967 году в результате серии необычных событий я нашел и приобрел шестьдесят семь акров прекрасной, лесистой земли среди холмов предгорий *

* 260 гектаров. —*Прим.ред.*

Сьерра-Невады. Там, с помощью нескольких друзей, я начал создавать то, что в конечном счете стало «Анандой—Общиной Всемирного Братства».

Затем, весной 1968 года, чтобы объяснить людям, что я намеревался строить, я написал и опубликовал небольшую книгу — «Кооперативные общины, как и для чего их основывать» *(Cooperative Communities —How to Start Them, and Why).*

С самого начала передо мной возникли две категории трудностей: в первую очередь, конечно, финансовые, а во вторую — поскольку мои идеи все еще «парили в воздухе», многие люди старались направить мою энергию на то, чтобы я помог реализовать *их* идеи. Один человек предложил мне 70000 долларов, сумму достаточную для начала создания общины, при условии, что я построю общину по *его* проекту. Но я видел, что наши цели не были совместимы. Я решил, что даже в случае неудачи буду продолжать следовать по пути, который указал Мастер. Успех или неудача мало значили для меня —моей единственной целью было служить Мастеру.

Финансовые трудности, которые мы переживали, были весьма значительными. Пришлось встретиться с двумя попытками лишить нас права выкупа закладной и завладеть нашей собственностью. Однако Бог всегда давал нам средства и помощь для преодоления трудностей. Я думаю, что Он поступал так, потому что я отказывался поставить благополучие людей в зависимость от потребностей, даже самых острых, нашей работы. Один человек пришел ко мне с 200 000 долларов, которые мы, конечно, могли бы использовать, и спросил, должен ли он вступить в общину «Ананда» и внести на ее счет эти деньги.

—Ваше место,—сказал я ему, — Индия.

Придавая особое значение духовным ценностям и общению с Богом в медитации, община «Ананда» постепенно формировалась как место беззаветного служения Богу и Богу в человеке. В своем Послании к Галатам (5:22) святой апостол Павел писал: «Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера». Эти условия очень трудны, если вообще выполнимы для отдельного человека, однако они реализуются в сердцах тех, кто настраивается на общение с Богом.

Я часто душой чувствовал страстное желание Мастера увидеть его мечту «поселения всемирного братства» воплощенной в живую реальность. Всякий, кто приходил сюда, ощущал посланные им благословения этой земле и почти осязаемую ауру умиротворенности.

Духовная энергия, проявляющаяся здесь, простирается далеко за пределы территории «Ананды». Тысячи людей в Америке и за рубежом находят в примере «Ананды» вдохновение и практические рекомендации для одухотворения собственной жизни. Это является весьма важной целью кооперативных духовных общин, потому что, хотя пока относительно немногие люди могут жить в таких

местах, казвдому можно помочь примером многих членов процветающей общины, демонстрирующих, что духовные принципы даруют внутреннее возрождение и практичны во внешней деятельности. Более того, каждый верующий может получить помощь, сознавая, что он не одинок в своем духовном поиске. Таким образом, *Ананда* уже дарит людям многих стран чувство духовной семьи, чувство, которое служит им опорой во времена испытаний и вдохновением в часы радости.

Часто, когда я стою и смотрю с высоты на зеленые поля, леса и холмы «Ананды», я вспоминаю стихотворение, которое написал в Чарльстоне, Южная Каролина, незадолго до моего приезда к Мастеру. С той поры я отношу ее к легендарному золотому веку Господа Рамы, чье царство Айодхья в Древней Индии было местом всеобщей гармонии, мира и братства. Так могут научиться жить все люди, куда бы ни вели их пути в миру. Однако сегодня, как и прежде, истинный, духовный мир достижим лишь в том случае, если люди ставят на первое место Бога и духовные ценности.

Июнь в Айодхье

Слушайте! Прекрасный июнь шелестит и жужжит,
И Айодхья Рамы поет о вечном мире.
Высокие травы клонятся под порывами ветра
В ожидании сенокоса. Сено собрано в стога;
Поля покрылись молодой изумрудной зеленью.
Прекрасными цветами, ягодами и гибким маисом.
Во фруктовых садах мелькают руки сборщиков,
Снимающих поспевшие плоды, пока они не осыпались.
Сердца людей наполнены такой безупречной силой.
Презирающей преграды, забывающей вражду.
Вынашивающей настоящую любовь и находящей наслаждение
В поиске истины, что каждый человек
Стремится к добродетели, как народный святой.
Слова женщин смягчаются елеем доброты;
Дети отвечают скромно;
Даже мужчины похожи на благородных оленей.

Скромных и сильных, невозмутимых.
Июнь в Айодхья наполнен радостью.
Земля едва сдерживается в своих границах,
Переполненная энергией и пробуждающейся силой:
Ни одна гора или долина не может заснуть.
Едва сдерживаясь, чтобы не затопить мир смехом.
Такая гармония разливается везде, где люди
С благодарностью в сердце посвящают свой труд Богу.
Тогда для братства не нужны принуждающие законы
Или парламенты и договора, побуждающие к страху:

Истинный мир лишь с теми, кто близок к Богу.

Размышляя над этими словами, я с благодарностью вспоминаю людей, живущих здесь, чья жизнь прекрасно иллюстрирует вышеприведенные строки. Они кажутся настоящим воплощением слов Бабаджи, обращенных к Шри Юктешвару в «Автобиографии Йога»: «Я чувствую, что в Америке и Европе есть потенциальные святые, которые ожидают своего пробуждения».

Благодаря странному совпадению, я пишу эти строки в день своего рождения: 19 мая 1976 года. Пятьдесят лет тому назад началась жизнь, которая описана в этой книге. Почти целый день продолжались празднества Общины, посвященные этому событию. После полудня, вглядываясь в улыбающиеся счастливые лица окружавших меня людей, я думал о нашем Божественном Возлюбленном, любовь которого они выражали. «Да будут благословенны,—цитировал я, — те, кто пришел сюда во имя Господа!»

Наступил вечер. Я умиротворенно сижу в своем доме. Мой взгляд обращен на широкую панораму, открывающуюся через большое окно моей комнаты: холмы, небо и медленно загорающиеся звезды. Таков истинный Путь: когда человек вступает на него, его духовная эволюция простирается перед ним до бесконечности. Временны только этапы духовного пути. Временны также испытания и свершения. Лишь один Бог является реальностью.

—Господи, — молился я в молчании, — да не буду я привязан к Твоему сну мироздания, или даже к пути, выводящему из этого сна, но только к Тебе: к Твоей любви, к Твоей вечной радости!

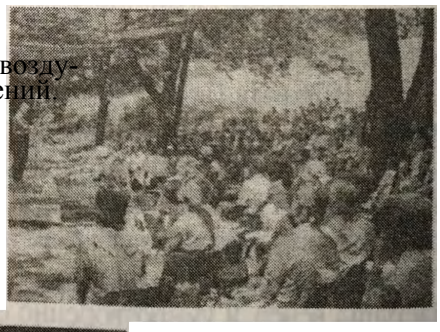

сверху: с дэрским роллом исполняем отрывки из «Волшебной Арфы».

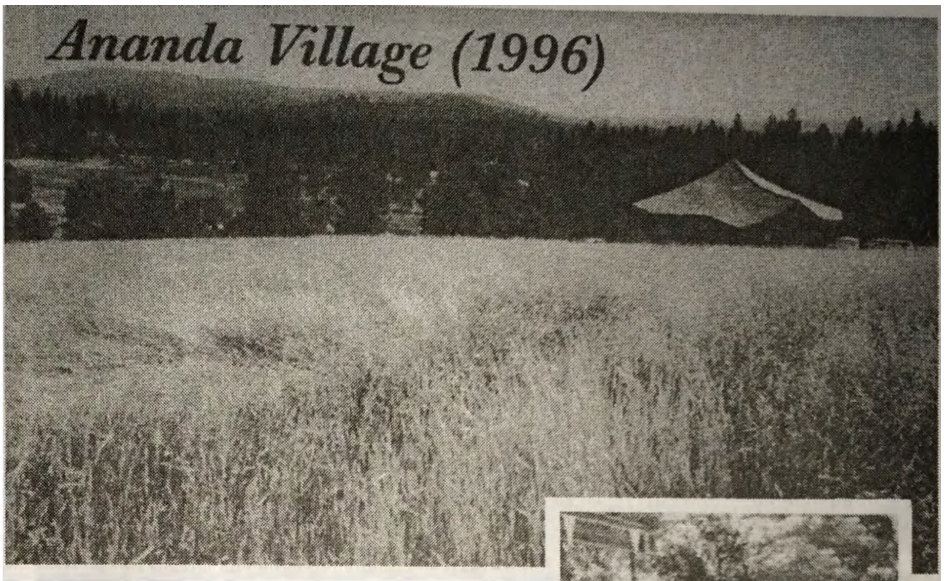
Вверху справа: Занятия на открытом воздухе начинаются с энергичных упражнений.

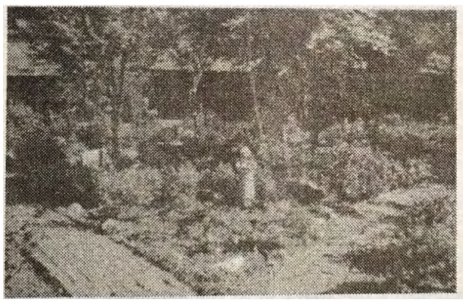

Вверху: Воскресная служба в «Расширяющемся Свете».

Слева: Я с некоторыми из певцов общины «Ананда».

Вверху: Здание издательства в «Ананде» с видом на поселок.

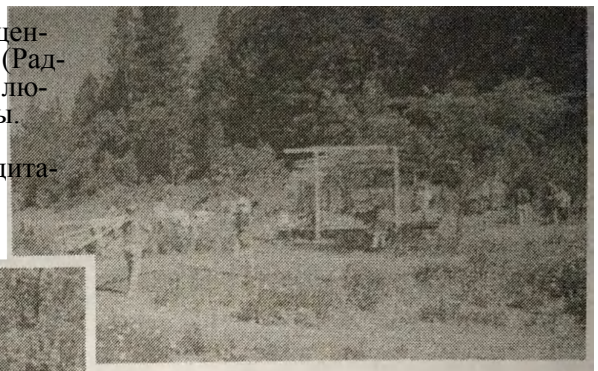

Вверху: Часть жилого сектора. Домики расположены вокруг общего двора и парка.

Вверху справа: «Ананда» является домом для 200 взрослых и 75 детей.

Справа: Горный парк им. Раджарши, созданный в 1995 г. вокруг издательства.

Справа: субботник, посвященный памяти Святого Лина (Раджарши Джанакананды) — любимого ученика Йогананды.

Внизу: Предобеденная медитация в рабочий день.

Справа: «Деловой центр» общины «Ананда».

Внизу: Живущий в «Ананде» Джозеф «Бхарат» Корнелл, автор книги «Разделяя природу с детьми», руководит группой детей, играющих в одну из описанных в книге игр.

Амфитеатр класса под открытым небом в нашем гостевом ретрите «Расширяющийся Свет».

«Расширяющийся Свет» круглый год проводит общественные мероприятия. Каждый год нас посещают тысячи гостей со всего мира.

Обучающая «образу жизни* образовательная система «Ананды* в дополнение к академическим дисциплинам прививает ученикам духовные ценности. Дети учатся сотрудничать с другими и сопереживать их внутренней и внешней жизни.

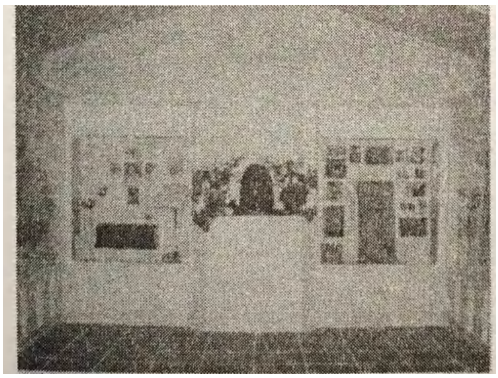

Учебный процесс основан на учебных принципах Парамахамсы Йогананды, которые описаны в моей книге «Образование для жизни» (вверху справа).

Вверху: «Хрустальная Обитель», в которой я живу, во многом является центром общины. Внизу — парк, слева — музей, справа — церковь.

Вверху: Музей, в котором демонстрируются экспонаты, касающиеся нашей линии учителей; в частности — сосуд для воды, принадлежавший Л ахири М ахаш ае.

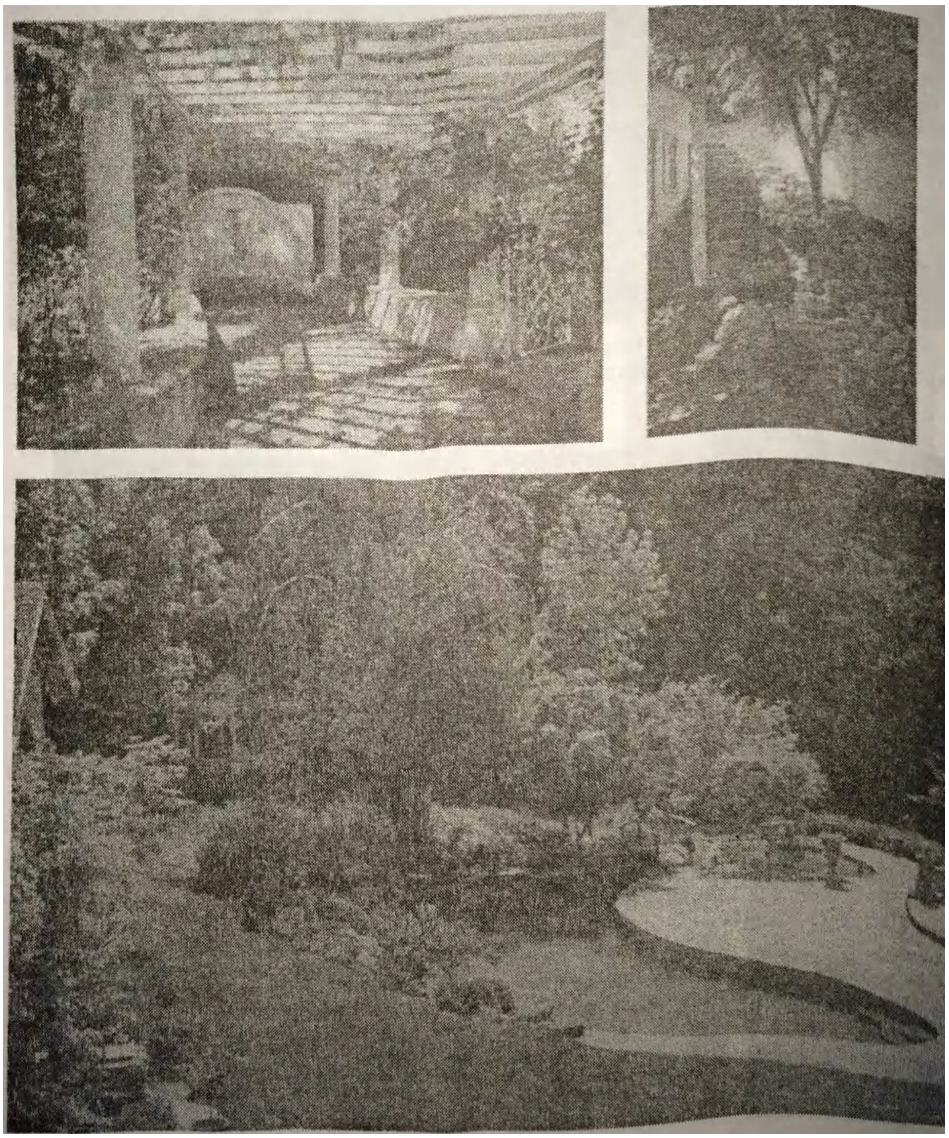
Справа: Церковь «Хрустальной Обители» используется для многих церемоний, а также — Для медитации.

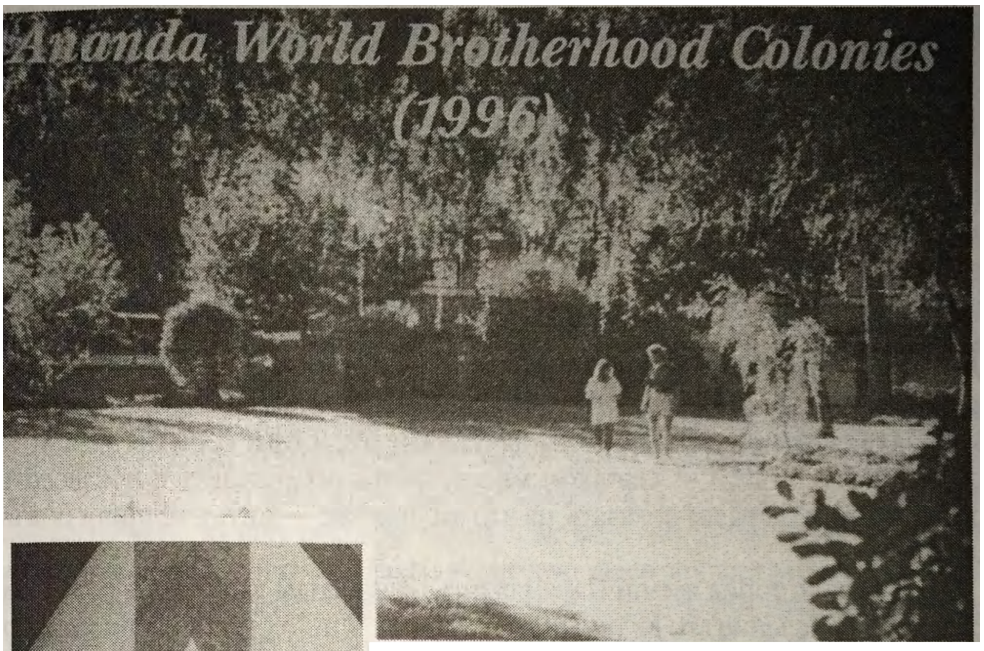
Справа и внизу: В парке «Хрустальной Обители» происходят неформальные собрания, а также летние вечерние концерты.

Внизу: Вид на колоннаду с фонтаном.

Внизу справа: Парк рядом с моим домом.

Вверху: Община «Ананда* **в Пало-Альто.**

Слева и внизу: Церкви **Самоосознания «Ананда» в** Портленде и в Пало-Альто. **У нас по всему миру есть** более шестидесяти **медитационных групп, а также** общины в Портленде, **Далласе, Италии и Австралии.**

ПОСЛЕСЛОВИЕ

5 января 1996 г.

Около 20 лет назад я написал эти последние строки. Для каждого человека двадцать лет—значительная часть жизни. Приближаясь к Библейскому возрасту 70 лет', я оглядываюсь назад, вспоминая многие радостные события этих 20 лет. Так много всего было — слишком много, чтобы перечислить в послесловии. Прежде всего, я старался показать, на что это похоже—жить с великим божьим человеком.

Но полная история жизни Парамахамсы Йогананды включает в себя более, нежели перечисление его видимых достижений. У него была миссия мирового значения, о многих аспектах которой нельзя рассказать в терминах какой-либо внешней структуры. В тот день, когда он оставил свое физическое тело, начался новый этап его миссии.

В прошедшие с того времени годы я с все большей ясностью понимал, что его дело не ограничивалось его словами и делами, основанной им организацией и какой-либо из групп его последователей. Это только *проявления* его миссии.

Его миссией было не просто дать освобождение избранным, но возвысить духовно все стороны общественной жизни. Его послание было адресовано всем искренне ищущим, независимо от вероисповедания, а не только тем, кто изучал его учение. Оно не могло быть и никогда не было ограниченным. Учение, которое он принес, было *кафолическим* в наиболее полном и правильном значении этого слова: вселенским. Это было даже не столько послание, сколько особый луч Божественного сознания — «новый завет», как можно сказать, используя Библейское выражение, которое он сам употреблял, говоря о миссии, возложенной на него Богом.

Теперь я лучше понимаю его утверждение, высказанное мне в 1950 г. в Твенти-Найн-Палмз в 1950 году: «Еще *так много* предстоит написать!» Его учения были одновременно качественными (для спасения его учеников) и количественными (для возвышения человечества в целом). Из сделанного мне заявления «Еще *так много* предстоит написать!» и из других утверждений,

* **Псалом 89:10.**

касавшихся лично меня, я делаю вывод, что в его план входило мое служение его делу вне его организации. Таким образом, как стало ясно из последующих событий, я мог бы охватить людей разного образа жизни и, исходя из главного момента сонастроенности с ним, показать применимость его послания к их конкретным нуждам.

В соответствии с этим планом я написал более шестидесяти книг, развивая основные мысли, уже выраженные в его учениях, и демонстрируя их применимость к широкому кругу человеческих нужд. Надеясь пробудить в людях устремления души, к которым призывают его учения, обращенные ко всему человечеству, я сочинил более 300 музыкальных произведений.

Его реальность все в большей степени становилась для меня осознанием его освобождающего внутреннего присутствия. И только во вторую очередь я думаю о нем в терминах его внешних слов и действий. Так, когда я пишу книгу или сочиняю музыку, то ищу руководства прежде всего во внутреннем осознании своей сонастроенности с ним. Когда я ощущаю такое внутреннее водительство, вдруг возникают подтверждения в виде воспоминаний о его словах и поступках. Затем я пытаюсь отыскать в своей памяти примеры его слов или какие-то эпизоды, которые могут противоречить этому предполагаемому прозрению.

Таким образом, я честно могу сказать, что ни одна из моих книг и ни одно из музыкальных произведений вовсе не являются моими: это произведения моего Гуру, видимо прошедшие через фильтр несовершенного инструмента моего человеческого мозга и понимания.

Третья часть этой книги заканчивается кратким описанием общины «Ананда», первого «поселения всемирного братства», основанного на идеалах Парамахамсы Йогананды. Когда я заканчивал эту книгу, «Ананда» была, метафорически говоря, еще ребенком. Ей не было и восьми лет. С тех пор ребенок подрос и повзрослел. Следуя Библейской заповеди «плодиться и размножаться», «Ананда» дала духовных отпрысков. В разных местах процветают отделения «Ананды». В Калифорнии у «Ананды» имеется община и церковь в Сакраменто, и еще одна в Пало-Альто. В Орегоне у «Ананды» есть церковь в Бивертоне и община на окраине Портленда. В штате Вашингтон имеется церковь «Ананды» в Сиэтле и община в Линвуде. Есть церковь «Ананды» (хотя общины пока нет) в Далласе, штат Техас. И наконец, в Италии мы имеем общину и ретритный центр неподалеку от Ассизи, родины святого Франциска.

В «Ананде» сейчас около 800 постоянных членов, взрослых и детей из разных стран мира. Наши расширенные духовные семьи включают приходящих членов и друзей, которых насчитывается многие тысячи. И наши два ретритных центра, «Расширяющийся Свет» в общине «Ананда» и «Centro della Giola» около Ассизи, ежегодно привлекают тысячи посетителей из таких регионов, как Япония, Ки-

тай, Австралия, Индия, Россия, Африка и Европа, а также изо всех частей Северной и Южной Америки.

Община «Ананда», в которой я живу, бывшая вначале спартанской, ныне стала стала местом одновременно природной и рукотворной красоты. Простые, но прелестные дома, здание школы, офисы — все согласовано с указанием Йогананды относительно «простой жизни и возвышенного мышления».

Мой дом, который я назвал «Хрустальной обителью», является духовным центром общины «Ананда». Ее изысканные сады начинаются с каскада покрытых цветами террас и заканчиваются на обширных пространствах у подножия холмов Сьерра-Невады. Над домами возвышается небольшая каменная часовенка, замысел которой возник под влиянием Порцункулы святого Франциска в Санта Мария дел Анджели. Выше террас находится музей, хранящий реликвии наших гуру и других великих святых Самоосознания.

Святой Кешавдас, широко известный духовный учитель из Индии, как-то сказал мне: «Сколько же *тапасъи* (духовного аскетизма) потребовалось для того, чтобы такое стало возможным!» В самом деле, достигалось ли что-либо стоящее без напряженного труда? В этом мире всякое целенаправленное усилие встречает множество противодействующих течений. Всякому существенному этапу в развитии «Анады» предшествовал период испытаний.

Если по прочтении этого отчета вы захотите получить дополнительную информацию, пожалуйста пишите нам по адресу: Ananda Village, 14618 Tyler-Foote Rd., Nevada City, CA 95959. А еще лучше, посетите нас. Мы будем рады. Наш ретритный центр «Расширяющийся Свет» открыт для вас круглый год.

Свами Криянанда *основал духовные общины и школы Ананды в США и в Европе. Главная община в Европе располагается в Италии, близ города Ассизи. Там проводятся курсы разной длительности на основании учения* ***Парамахамсы Йогананды*** *на темы: медитация, крия-йога, Патанджали, Бхагавад-гита, духовное самоизлечение, чакры, а также на другие темы. Эти курсы и семинары доступны в течение всего года. Принимаются гости, желающие изучить и практиковать медитацию. Дополнительную информацию вы можете найти на web-сайте Ананды:* **www.ananda.it**.
Письма на английском следует посылать по адресу:
info@ananda.it.
Письма на русском — по адресу:
ishwara@mail.ananda.org

В России (Москве и других городах) можно пройти семинар базового уровня, где изучается комплекс энергизирующих упражнений, медитативная техника ***Хонг-Со*** *и другие практики.*

Получить более подробную информацию вы можете, написав по адресу:

Москва, 117296, а/я 420, Банакиной Ларисе,
тел: 392-68-82 (Алексей, Лена).
E-mail : **ishwara@mail.ananda.org**